

МИРОВОЙ ПОЖАР

ВТОРАЯ
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ВОЙНА

«Народы Южного Урала на страже Родины»

«Народы Южного Урала на страже Родины»

Материалы

Всероссийской научно-практической конференции,
посвящённой 100-летию начала Первой мировой войны
и 440-летию Оренбургского казачьего войска

Оренбург 2014

Министерство образования Оренбургской области

Научно-исследовательский институт истории и этнографии Южного Урала
Оренбургского государственного университета

Ассамблея народов Оренбургской области

НАРОДЫ ЮЖНОГО УРАЛА НА СТРАЖЕ РОДИНЫ

*Материалы Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 100-летию начала Первой мировой войны
и 440-летию Оренбургского казачьего войска*

Оренбург 2014

УДК 94(470+571)(063)
ББК 63.3(235.55)
Н30

Под общей редакцией:

Амелина В. В. – доктора исторических наук, профессора

Ответственные редакторы:

Денисов Д. Н. – кандидат исторических наук

Моргунов К. А. – кандидат исторических наук

Н30 Народы Южного Урала на страже Родины. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны и 440-летию Оренбургского казачьего войска / под общ. ред. В. В. Амелина. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. - 624 с., ил.

ISBN 978-5-4417-0377-2

В сборнике объединены материалы Всероссийской научно-практической конференции «Народы Южного Урала на страже Родины», которая состоялась в г.Оренбурге 30 апреля 2014 года и была посвящена 100-летию начала Первой мировой войны и 440-летию Оренбургского казачьего войска.

В представленных материалах рассматриваются различные аспекты участия жителей Южно-Уральского региона в военной истории Российского государства, в том числе в событиях Первой мировой и Великой отечественной войн, изучается вклад южноуральцев в оборону страны и защиту ее интересов за рубежом.

УДК 94(470+571)(063)
ББК 63.3(235.55)

ISBN 978-5-4417-0377-2

© Коллектив авторов

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Ковалевский В. П. (г. Оренбург)

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Уважаемые участники конференции!

Уважаемые коллеги, гости университета, дорогие друзья!

Рад приветствовать Вас в Оренбургском государственном университете, где сегодня проходит Третья Всероссийская научно-практическая конференция «Народы Южного Урала на страже Родины».

В этом году мы отмечаем памятную дату 100-летия начала Первой мировой войны. К сожалению, из-за выросшей в её недрах революции и смены идеологии она сначала была опорочена и заклеяна как империалистическая и ненужная, а затем предана забвению. Но жертвы, принесённые для защиты Отечества, никогда не являются напрасными независимо от первоначальных целей и конечных итогов войн, а сами защитники Отечества всегда должны служить для новых поколений примером любви к Родине, доблести и мужества.

Все мы с детства воспитывались на подвигах участников Второй мировой войны: Александра Матросова, Николая Гастелло, генерала Карбышева, Зои Космодемьянской. Мы помним эти и многие другие имена героев Великой Отечественной войны и гордимся ими. Чего не скажешь об участниках Первой мировой войны. Однако до революции в народе были широко известны имена забытых ныне героев Первой мировой:

- донского казака Козьмы Крючкова, который в кавалерийской схватке с многократно превосходящим по численности противником уничтожил 11 немецких солдат;

- лётчика-аса Петра Нестерова, погибшего, совершая первый в истории воздушный таран;

- сестры милосердия Риммы Ивановой, которая после смерти всех офицеров полка подняла его в атаку, враг был выбит из окопов, но сама Римма пала сражённая пулей.

Отстаивая свои национальные интересы, Россия потеряла в Первой мировой войне более 2 миллионов своих граждан убитыми, умершими от ран и болезней, 600 тысяч воинов стали инвалидами, а 2,5 миллиона детей – беспризорниками.

Большие силы и средства на нужды страны положили и наши земляки. В годы Первой мировой войны на территории Оренбургской губернии было мобилизовано 162 661 человек (или почти 45 % трудоспособного мужского населения). Из региона отправились в действующую армию 8 пехотных полков, 2 артиллерийских дивизиона и 18 отдельных команд. Помимо них, Оренбургское казачье войско выставило на фронт 18 конных полков, 47 сотен и 9 артиллерийских батарей. Наша губерния вносила свой вклад в обеспечение армии продуктами питания, оружием и боеприпасами, обмундированием и амуницией. Жители края приняли и обустроили около 80 тысяч беженцев с оккупированных врагом территорий, организовали 43 лазарета для лечения раненых и больных воинов. И память об этом должна сохраняться.

Пока же Первая мировая война – это невыученный нами до конца и основательно забытый урок. В её незавершённости были заложены предпосылки для ещё более страшной Второй мировой войны, и человечество ещё раз прошло через кровавую мясорубку для иного мироустройства. К глубокому сожалению, теперь пытаются поставить под сомнение и итоги Великой Отечественной войны. Разрушается Ялтинская система безопасности, нарушается международный баланс сил, нивелируется роль Организации Объединённых Наций, созданной странами-победительницами для обеспечения прочного мира. Сначала в Восточной Европе, затем в Прибалтике, а теперь даже на Украине предпринимаются попытки уравнивать фашизм и коммунизм, гитлеровскую Германию и сталинский Советский Союз, объявить одинаково преступными их символы. А отсюда оправданными объявляются любые военные преступления в борьбе с мнимой большевистской угрозой, любое сотрудничество с оккупантами, любая подлость. Каратели и палачи СС провозглашаются борцами освободительного движения, марионеточные фашистские режимы преподносятся как легитимные народные правительства, а нацистские пособники заносятся в учебники истории как основатели национальной государственности. Совсем недавно было невозможно даже подумать о том, что в городе-герое Киеве, прямо у входа в городской Совет снова будет красоваться бандеровский плакат с портретом фюрера и надписью «Гитлер – освободитель». В Киеве, где за годы немецкой оккупации были уничтожены 200 тысяч жителей... В Киеве, на окраине которого в Бабыем Яру были расстреляны фашистами 150 тысяч евреев, цыган и советских военнопленных и строился завод для производства мыла

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

из их тел... В Киеве, за освобождение которого отдали жизни 417 тысяч советских солдат и офицеров...

Может быть весь прочий мир и готов забыть этот урок. Но мы не должны этого делать. Мы должны отстаивать историческую справедливость и доносить до молодежи, что идеалами в нашей стране всегда были мир и добрососедство. Мы умеем защищать свою землю, наши воинские традиции имеют давнюю историю, и они всегда основывались на чести, вере и любви к Родине. Так было и в Первую мировую войну.

Восстановлению исторической правды и памяти о Первой мировой войне, участию народов Южного Урала в событиях, связанных с этой войной, посвящена нынешняя научно-практическая конференция.

В ходе работы конференции будет рассмотрен широкий круг и других аспектов военной истории. Отрадно, что к тематике конференции проявила интерес научная общественность. Для участия в конференции подано более 70 заявок от ученых Оренбурга, Уфы, Челябинска, Ульяновска, Тольятти, Магнитогорска и других городов.

Во время конференции состоится подведение итогов третьего ежегодного конкурса студенческих сочинений «Моя семья в истории Великой Отечественной войны». Состав участников конкурса постоянно расширяется и в этом году в нем участвуют студенты уже 7 факультетов Оренбургского государственного университета.

Уважаемые участники конференции!

Поздравляю вас с наступающими праздниками 1-го Мая и победы советского народа в Великой Отечественной войне.

От всей души желаю вам плодотворной работы, полезного общения и творческих успехов!

Благодарю за внимание!

Сафонов Д. А. (г.Оренбург)

ОРЕНБУРГСКОЕ ОБЩЕСТВО И МИРОВАЯ ВОЙНА

При масштабности мировой войны принято говорить о положении в воюющей стране в целом – ее проблемах, трудностях, настроениях населения и т.п.; при этом основное внимание, вполне предсказуемо, уделяется столицам и иным важным центрам. Между тем, на

наш взгляд, представляет интерес вопрос: как война повлияла на провинциальные губернии – территории, достаточно далекие от театра военных действий. Определенные последствия начавшегося военного противостояния для провинции достаточно легко логически спрогнозировать, но трудно оценить без надлежащего анализа фактов. Да и вопрос заключается не в том, что - повлияла ли война на провинцию, а несколько в ином: каковы были масштабы воздействия войны на жизнь региона, насколько сильны оказались последствия? Нельзя сбросить со счетов и обязательно наличествующую региональную специфику.

В качестве объекта возьмем Оренбургскую губернию, на тот момент – юго-восточную окраину европейской части Российской империи. Источниковая база поднятой нами темы оказывается достаточно мозаичной – специальных отчетов о положении в губернии в эти годы, о настроениях населения и т.п. не сохранилось; документация этих лет, связанная с властью, ощутимо пострадала в годы гражданской войны. Сохранившиеся документы текущего делопроизводства фиксировали внимание прежде всего на отрицательных моментах и возникающих трудностях.

Как отреагировало Оренбуржье на начавшуюся войну? На наш взгляд, весьма показательны в этом смысле сообщения местной прессы. Оренбуржцы были достаточно далеки от хитросплетений европейской политики, и познания их ограничивались подборками новостных агентств. Поначалу случившееся в Сараево было расценено как еще один эпизод бурной политической жизни на Балканах. Так, газета «Оренбургская жизнь» сообщила коротко об убийстве эрцгерцога, дав информацию лишь на 2-й полосе. Доморощенный комментатор заключал, что «теперь, со смертью эрцгерцога, тяжелый мираж войны должен исчезнуть с горизонта Европы».¹ В номере от 22 июня был помещен материал «Кризис Австрии». В номере от 15 июля подборку международных новостей венчал заголовок: «Австро-сербская война». И наконец, номер от 22 июля вышел под «шапкой»: «Мировая война».

Не миновала Оренбург и волна патриотизма - в первые месяцы войны родилась инициатива вслед за столицей изменить «немецкое» название Оренбурга. Городская Дума достаточно долго обсуждала предлагаемые проекты: Неплюевск, Усть-Самарск, Сакмар-Уральск, Ориенград, Ориендар, Яицк, Приуральск, Елизаветдар, Оренград, Славно-Георгиевск, Славянск, Трезвославль, Единомышль, Советград,

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Ратислав, Щитоград В итоге в конце апреля 1915 г. городская Дума, наконец, решила «название города не изменять».²

Оренбургским губернатором генерал-лейтенантом Н.А. Сухомлиновым был издан ряд распоряжений, касающихся управления краем в условиях военного времени. В частности, жесткие меры были приняты в отношении пьянства: 26 июля была запрещена продажа спиртного во время мобилизации, 4 августа запрещено распитие крепких напитков на улице, появление в «явном опьянении» каралось тюремным заключением до 3 мес. или штрафом до 3 тыс. руб. Тогда же запрещено хранение алкоголя «превышающее потребности». 16 февраля 1915 г. губернатор запретил продажу, уступку и распитие лака, политуры, одеколona, лечебных средств со спиртом, а также казенного спирта и технического. Запрещено было производство домашним способом «савраски», «кислушки» и распитие таковых. С 5 августа было запрещено повышать произвольно цены на все предметы продовольствия, фураж, топливо против цен, установленных комиссией городской Думы. Ряд уголовных преступлений был временно изъят из ведения гражданских судов и передан военным судам: такие как разбои, умышленные поджоги, истребление воинского снаряжения и запасов, вооруженное сопротивление властям, изготовление и хранение взрывчатых веществ, устройство стачек.³ Переданы были также дела о «распространении ложных слухов, возбуждении беспокойства в умах, а равно напрасное причинение общей тревоги». Со слухами велась активная борьба – «слухи порождают тревогу и уныние», говорилось в одном из губернаторских постановлений. К «слухам» относились «суждения в речах», «содержащие преувеличенную оценку сил неприятеля, значения достигнутых им успехов», а также «непристойные отзывы и суждения по отношению к Российскому государству и армии». 29 июля 1914 г. существовавшее постановление сентября 1913 г. было дополнено пунктом 18, запрещающим «открытие редакциями газет сбора денег на поддержание забастовщиков, в пользу ссыльных, на уплату взысканий, наложенных судом или административной властью и других недозволенных сборов».⁴ Для военных нужд изымались «самоходные машины» (т.е. автомобили). Решением от 19 сентября у всех торговцев и жителей реквизировались предметы обмундирования и снаряжения; покупка и продажа таковых были запрещены.⁵ 24 октября было запрещено повышать цены на квартиры, где проживали семьи запасных нижних чинов и ратников, а также выселять их.⁶

Инициативные распоряжения губернской власти мы наблюдаем

и в 1915 году. Так, и.д. губернатора Пушкин 16 июня 1915 г. объявил о дополнительных мерах относительно «распространении слухов и ложных сведений о событиях войны, непристойных отзывах в отношении руководства, армии и Верховного ея Вождя»: «В интересах сбережения военной тайны не сообщать в телеграммах сведений, которые могут быть использованы неприятелем в своих видах». ⁷ 2 ноября 1915 г. было воспрещено частным лицам держать без разрешения почтовых голубей. каковых надлежало сдать в недельный срок. ⁸

Инициативы с губернского уровня власти интересны, уместны и достаточно логичны. Тем не менее, обращает на себя внимание факт, что все вышеназванное, получается, вводилось именно на местном уровне, хотя явно напрашивались подобные решения уровня общегосударственного.

Самую широкую инициативу губернатор предоставлял населению в деле подготовки к приему раненых. Уже 5 августа 1914 г. Сухомлинов призвал население губернии заранее сообщить в местные органы власти, кто сколько человек возьмется приютить. Уже на следующий день после начала войны в Оренбурге были открыты шестимесячные курсы сестер милосердия военного времени. Началось обустройство лазаретов. Торговцы и промышленники Оренбурга полностью финансировали создание и шестимесячное содержание госпиталя на 50 коек. Общество любителей физического развития создало специальный отряд для переноски раненых. 22 августа был образован губернский распорядительный комитет по эвакуации больных и раненых. К началу сентября число коек в губернии было доведено до 568. В 1916 г. в Оренбурге действовало 43 лазарета, за год город принял 48 санитарных поездов с 23 тыс. раненых. ⁹

Уместно подчеркнуть, что мы не встретили в источниках ни одного упоминания о том, что в связи с вновь возникающими обстоятельствами (вызванными начавшейся войной) как-то изменилось финансирование; иными словами, все расходные новации перекладывались на местную власть. Вероятно, поэтому губернатор так поддерживал инициативы (источники, к сожалению, не позволяют уточнить – были ли они настоящими или умело срежиссированными выражениями волеизъявления в нужном направлении).

Тем не менее, ряд патриотических начинаний был сделан органами самоуправления. Оренбургская городская Дума учредила городское попечительство по призрению семейств нижних воинских чинов, призванных в действующую армию, под председательством священ-

ника Д.Кононова. Несколько позже был введен т.н. «пудовичок» – пуд белой муки, выдаваемый ежемесячно солдаткам бесплатно за счет Думы. Хлеб выдавался бесперебойно до весны 1916 г. Почти тогда же губернатор призвал оказать бескорыстную помощь семьям фронтовиков в уборке урожая. Активно собирались пожертвования на военные нужды – фамилии жертвователей публиковались в местной прессе.

Но возникали и проблемы, которые на частной инициативе или добровольности населения, разрешить было невозможно. Речь идет о беженцах, эвакуированных, высланных и военнопленных. Содержание и расселение их ложились тяжким бременем на губернский бюджет. Даже губернский центр Оренбург был неспособен принимать избыточное население – в литературе известен факт, что, когда в начале XX в. было начато строительство Ташкентской железной дороги, в Оренбург были переброшены 200 рабочих из Самары. Даже такое небольшое количество приезжих «взорвало» цены на жилье и цены на рынке. В данном же случае счет шел на тысячи приезжих, причем с постоянной тенденцией к росту. Только беженцев и эвакуированных в период 1914-1916 г. прибыло 15,2 тыс. (показательный момент – первые беженцы до октября 1914 года были вынуждены проживать в летних беседках в городском саду), Денег не было – показательно, что 27 августа 1915 г. с совместным обращением «К населению Оренбургской губернии» обратились Серафим, епископ Кустанайский и главноначальствующий губернии и.д. губернатора Пушкин: в губернию будет направлено 100 тыс. беженцев, им надо помочь – «примите же и накормите их, согрейте лаской и теплым уютом».¹⁰

Территория края использовалась также «для водворения проживавших в России до войны германских и австро-венгерских подданных, подлежащих по возрасту своему поступлению в войска неприятельских армий, а также подозрительных в отношении шпионства иностранцев». Таковых вместе с членами семей насчитывалось до 10 тыс. чел. Несколько позже стали поступать высланные за «вредное в политическом отношении направление» – 548 чел. С конца августа стали поступать военнопленные с фронта. Местные власти рассчитывали где-то на 2000 чел., и соответственно приготовились – но уже к концу 1914 г. в пределах края находилось 3482 чел. Пленные рассылались по селам для проживания, в пределах Оренбурга они размещались в концентрационном лагере в Меновом дворе (под Оренбургом); второй лагерь был создан в Тоцком. Новый 1915 год отличался увеличением числа военнопленных: 13725 чел., из них 909 – в сельской ме-

стности.¹¹ Как писал один военнообязанный из поселка Чернореченский: «сейчас все немцы разбросаны по всем российским свиношникам».¹²

Скученность населения повлекла за собой болезни. С наступлением теплой погоды в 1916 г. начались эпидемии: «здесь много наших умирает» (М.Магерт в письме в Галицию)¹³, «здесь свирепствуют болезни» (неизвестный автор в Тернополь)¹⁴, «увеличиваются болезни среди пленных» (из отчета губернатора).¹⁵ О количестве погибших данных нет, но косвенные сведения дает информация о потерях среди беженцев – к маю 1916 г. в Оренбурге их умерших было уже 51 тыс. чел.¹⁶ Нетрудно предположить, что положение военнопленных было значительно хуже.

Серьезной проблемой стал дефицит рабочей силы. В принципе уменьшение количества рабочих рук изначально учитывается при планировании мобилизационных мероприятий, поэтому нет оснований рассуждать в общем о том, что призыв людей в действующую армию тяжело отразился на экономике страны, и особенно на сельском хозяйстве. Другое дело, что власть, судя по всему, в 1915-м году попыталась решить проблемы фронта через резкое увеличение призыва, что в итоге и создало дефицит в отдельных регионах - в Оренбуржье, в частности. По данным Всероссийской сельскохозяйственной и полевой переписи 1917 г. из Оренбургской губернии было мобилизовано 162 тыс. 661 чел., что составило 44,6 % трудоспособных мужчин.¹⁷

В крае не было крупных предприятий, чье производство было бы принципиально важно для нужд фронта. То, что производилось на предприятиях края, можно определить, как производство «второй очереди»; так, завод Эверта с 1915 г. перешел на изготовление снарядов, шрапнелей, ручных гранат и отливку деталей для военного обоза; завод №1 изготовлял военные двуколки и другие предметы военного снаряжения; акционерное общество «Орлес» производило деревянные ящики для гранат, снарядов и мин. Белорецкий и Тирлянский заводы поставляли армии колючую и телеграфную проволоку, а для казенных оружейных заводов – сортовое железо и сталь. 16 кожевенных заводов и мастерских губернии готовили обувь для армии. Также, как и по стране, на предприятиях в 1916 году имели место забастовки – исключительно экономического характера; ни одного случая с политическими лозунгами отмечено не было. Некоторой спецификой региона можно считать достаточно неожиданное появление в до-

кументах упоминаний о китайских рабочих на Белорецком заводе – при том, что точных данных о времени их появления на заводе не сохранилось.

Гораздо острее встал вопрос о рабочих руках применительно к сельскому хозяйству. Можно предположить, что в итоге к 1916 году мобилизации изъяли в Оренбуржье сверх допустимого предела. В пользу этого говорит поиск властями работников: весной – военнотружущих. С апреля 1916 г. местные власти были вынуждены разрешить привлекать военнопленных и военнообязанных «для предупреждения недосева полей».¹⁸ Несколько позже немцев стали использовать в работах в городах и в строительстве Орской железной дороги, а также на уборке. В отчете за 1916 г. оренбургский губернатор констатировал, что труд военнопленных «подспорье при недостатке рабочих рук в деревне».¹⁹

В 1916 году по стране прокатились продовольственные волнения городского и сельского населения. В литературе принято оценивать эти волнения, более известные как «голодные бунты» как проявление недовольства масс ухудшающимся экономическим положением и как «форму протеста и борьбы», своеобразно отражавшую «остроту социальной напряженности».²⁰ «Бунты» затронули и Оренбургскую губернию. 2 мая 1916 г. толпа солдаток и горожан разгромила в Оренбурге 30 магазинов и хлебных лавок. Посланный на ее разгон казачий отряд забросали камнями, ранив 6 офицеров и 46 казаков. С помощью пехотных частей волнение было подавлено, а 188 его участников арестованы. В ноябре 1916 г. в связи с нехваткой продовольствия произошли волнения населения Троицка и Соль-Илецка. На Айдырлинских приисках в Орском уезде население разгромило все магазины и лавки. Осенью 1916 г. назревали продовольственные волнения в Челябинске и на Миасском заводе, но были предотвращены полицией. В конце этого года продовольственные волнения стали возникать и среди крестьян. В села Мраково и Покровское Оренбургского уезда властям пришлось спешно отправить отряды полиции для предотвращения разгрома магазинов.

Обращает на себя внимание, что происходит резкий спад местного правотворчества – а, значит, и активных шагов губернской власти – по сравнению с началом войны. Ответить однозначно – связано ли это было с запретами, поступившими из центра, или же с деловыми качествами сменившейся в губернии администрации (в сентябре 1915 г. Н.А. Сухомлинова сменил М.С. Тюлин) – сложно. Факт – что губер-

нская власть становится более пассивной; ее решения, даже если и появляются, оказываются остаточными бессильными и почти нереализуемыми – например, 2 ноября было воспрещено скупать разменную монету и накапливать ее, отказываться от сдачи ею, требовать размена рублей на звонкую монету.²¹ Проблема подорожания предметов первой необходимости и продуктов, в стране, несомненно, была. И Оренбуржье не исключение - и.о. губернатора 4 февраля 1916 г. ставил перед начальником ГЖУ задачу, во исполнение воли Государя Императора, «решительной и планомерной борьбы с возрастающими в стране... взвинчиванием цен на продукты первой необходимости».²² Но сам он издал по данному вопросу распоряжение только 6 апреля - было запрещено произвольно ограничивать отпуск товаров продовольствия и первой необходимости. воспрещено закупать их в запасы – т.е. «искусственно» создавать дефицит.²³

Параллельно с ослаблением власти на местах шло усиление активности масс – но не социальной, как это было принято в отечественной историографии – свидетельствующей о революционизировании масс и итоговой готовности российского общества к революции, а прежде всего акций неповиновения – того, что было названо В. Булдаковым акциями «разгромного и «воровского» характера».²⁴ Только он говорил о таковых применительно к начавшейся революции, а мы полагаем, что данное явление следует наблюдать ранее, как раз с 1916-го года.

На наш взгляд, явления, традиционно именуемые «голодными» бунтами, таковыми по сути не были: уместно указать, что поводом для беспорядков в Оренбурге, например, была не нехватка жизненно важного продовольствия, но желание получить бесплатный «пудовичок» почему-то раньше положенной даты. И разгромленными и разграбленными были в первую очередь не продовольственные магазины, что было бы ожидаемо, но золотых изделий, галантереи, обуви и т.п.

Подобные беспорядки были связаны с экономическими трудностями косвенно; скорее речь должна идти об актах неповиновения, уменьшения страха перед властями. Нечто подобное уже наблюдалось в период первой революции, когда в 1906 году оренбургские крестьяне вдруг стали активно вспоминать «обиды» и «несправедливости» периода заключения уставных грамот и декларировать намерение таковые исправить силой. И чем больше уступок удавалось добиться от помещиков и властей, тем более наступательными становились крестьяне. Как только власти начали оказывать противодействие крестьяне.

яне тут же уступили: произошел резкий спад претензий на землю.²⁵

После февраля 1917 г. резко ускорились и процесс ослабления местной власти, и процесс неповиновения. Показательное свидетельство быстрых перемен в поведении масс наблюдается в мемуарах А.М.Колыхалова (1925 г.), жителя Алексеевской вол. Исаево-Дедовского уезда: Группа крестьян была отправлена на станцию сдавать хлеб. Один из них - Тимофей Филиппов - случайно услышал, что царя не стало и, вернувшись, «своим по секрету сообщил, что царя прогнали». При этом его семейные были перепуганы не тем, что не стало царя, а тем, что сказавшего о революции, по их мнению, если услышат другие, заберут и посадят. Когда в дом к ним пришел урядник, чтобы узнать, сдал ли Филиппов хлеб, то все семейство разрыдалось, опасаясь ареста. А на пасху два брата солдата - А. и Е. Конновы - явились к уряднику с ультиматумом: на каком основании тот заходит с оружием в церковь и почему не снял старую форму. С призывом «бей его, кровопийцу» на урядника первым бросился Т.Филиппов, тот самый, который еще несколько недель назад рыдал от страха перед ним.²⁶ С ослаблением властных структур, их самоустранением, у населения наступало «внутреннее освобождение», проявившееся в раскрепощении, развитии самостоятельности, но у многих и в грубости, даже агрессивности. Среди самозванных вожаков на первое место выдвигаются солдаты - отпускные и дезертиры. Солдаты стали инициаторами многих самовольных начинаний, более решительных действий. Причина этого кроется не только в их сознательности, но и в расчете - большинство солдат в южноуральской деревне в 1917 г. были, конечно же, дезертирами. Этим людям было что терять в случае возвращения старой власти, власти, перед которой пришлось бы отвечать за совершенное воинское преступление. Они чаще всего располагали оружием, были более решительны, более упорны, легче всего поднимались на насильственные действия и увлекали за собой определенную часть сельчан.

Важным показателем перемен стал рост преступности. Источники сообщают, что не было деревни, где бы не варили самогон. Совершались преступления, каковых долгое время не знали в крае - типа покушения на ограбление почты в д.Екатериновка или ограбления кредитного товарищества в с.Зирган. Резко возросло число нападений и грабежей.²⁷

К региональным особенностям стоит отнести события знаменитого восстания 1916-го года: когда в Степном генерал-губернаторстве

началось восстание казахов. В Тургайской области (территории, соприлегающей с Оренбургской губернией и административно ей подчиненной) повстанцы концентрировались в ущельях гор, откуда мобильными отрядами совершали нападения на почтовые тракты, разбирали железнодорожное полотно, громили волостные правления, вырезали русских поселенцев. Один из крупных отрядов Тургайского уезда возглавлял Амангельды Удербайулы (Иманов). В июле мятеж достиг оренбургских рубежей: 16 июля в Актюбинском уезде было нападение вооруженных казахов на почту и автомобиль²⁸; 24 июля атаман Кваркенской станицы сообщил, что «киргизами Джинтуарской волости собралась большая партия угрожают грабежом близлежащим крестьянским поселениям, избивали волостных и аульных писарей, грабят проезжающих готовятся сделать нападение на соседние казачьи поселки».²⁹ 22 октября повстанцы осадили Тургай, а затем повели наступление на Иргиз. В случае его взятия появлялась реальная возможность прервать железнодорожное сообщение Оренбург–Ташкент. Для подавления восстания из Самары выступила новая карательная экспедиция генерала Макарова, к которой присоединились части из Саратова, Оренбурга и других районов. Из действующей армии были направлены 7-й Оренбургский казачий полк с кольтовской пулеметной командой, 9-й сибирский казачий полк с пулеметной командой, 3-я Оренбургская казачья батарея.³⁰ Продвижение повстанцев на Орск было в итоге остановлено, но в степи они так и остались вплоть до 1917 года - в середине апреля местные «Известия» объявили об амнистии Временного правительства казахам за восстание 1915 г.: в частности, было сообщено, что «главарь шайки хан Абдул Гафар» объявил о прекращении действий и «распускает шайку».³¹ Распущенные и нераспустившиеся группы повстанцев вновь активизировались в период последовавшего открытого противостояния в крае.

Именно размывание правовых основ общества следует полагать главным итогом воздействия на провинциальную губернию продолжающейся войны. Это также лучше помогает понять причины той жестокости, которая наблюдалась в период гражданской войны в крае.

Примечания:

¹ Оренбургская жизнь. 1914. 17 июня.

² Сафонов Д.А. За страницами учебника по истории Оренбуржья. Оренбург: изд-во ОГПУ, 2011. С. 464.

³ Государственный архив оренбургской области (ГАОО). Ф. 10. Оп. 1. Д. 377/1. Л. 7.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

- ⁴ Там же. Л. 5.
⁵ Там же. Л. 15.
⁶ Там же. Л. 17.
⁷ Там же. Л. 36.
⁸ Там же. Л. 39.
⁹ Сафонов Д.А. История Оренбургского края. Оренбург: изд-во ОГПУ, 2006. С. 121.
¹⁰ ГАОО. Ф.10. Оп.1. Д.401 а. Л.3.
¹¹ ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Л.235 об., Д.522, Л.486-502 об.
¹² Там же. Д.569. Л.777.
¹³ Там же, Л.815.
¹⁴ Там же, Л.815.
¹⁵ Там же, Л. 212 об.
¹⁶ Там же, Л.748 об.
¹⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-4265. Оп. 1. Д. 17. Л. 21.
¹⁸ Там же, Ф.10, Оп.1, Д.377/1, Л.254.
¹⁹ Там же, Л.235.
²⁰ Кирьянов Ю. В. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914-февраль 1917 г.) // Отеч. история. 1993. №3. С. 15.
²¹ Л. 40.
²² ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 607. Л. 7.
²³ Л. 42.
²⁴ Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. - М.: РОССПЭН, 1997. - С.106.
²⁵ Сафонов Д.А. Крестьянство и власть в эпоху реформ и революций: на материалах Южного Урала. 1855-1922. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. С.32-33.
²⁶ Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДННАО). Ф.7924. Оп.1. Д.96. Л.1 об.
²⁷ Крестьянское движение в 1917 году. М.-Л.: ГИЗ, 1927. С. 356.
²⁸ ГАОО. Ф.11. Оп.2. Д.3082. Л.18.
²⁹ Там же. Л.20 об.
³⁰ Асфендиаров С.Д. История Казахстана (с древнейших времен). Т.1. Алма-Ата: Казахстан. краев. изд-во, 1935. С.236.
³¹ «Известия Оренбургского губернского комитета общественной безопасности» 1917. №4. 16 апр.

Кобзов В.С. (Челябинск)

С УРАЛА ВО ФРАНЦИЮ

Как известно, поводом к началу Первой мировой войны послужило убийство сербскими националистами наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда 26 июля 1914 года в Сараево¹. С самого начала политического конфликта Россия заняла

просербские позиции. После ряда жестких дипломатических шагов, которыми обменялись между собой ведущие державы мира, в период с 1 по 6 августа 1914 г. Германия и Австро-Венгрия объявили России, Франции и Великобритании войну. Эта война привела к кардинальным изменениям на политической карте мира, стерла с исторической арены последние империи – Российскую, Германскую и Австро-Венгерскую и предопределила наступление эпохи вооруженных переворотов под знаменами социализма.

Каждая из сторон вступала в конфликт с надеждой на его скорое и победоносное завершение. Начало войны подавляющая часть населения России встретила с воодушевлением. Стихийные акции ура-патриотического характера прошли во многих крупных городах, небывалый подъем охватил и деревню. Не стало в том исключением и Оренбургская губерния. В день публикации Указа императора о мобилизации, в Оренбурге Николаевская улица и городской бульвар были буквально запружены горожанами. Жители «...бурно выражали свои патриотические чувства в связи с выступлением России на стороне балканских народов. Отовсюду слышались здравницы в честь Государя Императора и произносились горячие речи о скорой победе. Военных, особенно, казачьих офицеров, качали на руках и осыпали цветами»². Во многих городах, заводских поселках, селах и деревнях, отмечается в имеющейся по данной проблеме литературе, «прошли молебны о даровании победы. Они сопровождались сбором пожертвований на нужды войны, которая рассматривалась большинством населения как справедливая и оборонительная»³.

Однако события на фронтах развивались не так, как планировала правящая элита. Первая крупная наступательная операция – Восточно-Прусская, завершилась гибелью одной из наиболее боеспособных русских армий – 2-й армии генерала А.В. Самсонова. В рядах этой армии сражался и 2-й Оренбургский Воеводы Нагого полк. Его командир полковник Ситников погиб, многие казаки и офицеры оказались в плену⁴. Это известие произвело на казачье население ошеломляющее впечатление – его полки еще никогда не несли таких больших потерь.

Очень скоро у России закончились запасы вооружений, боеприпасов, острая нехватка стала испытываться и в предметах обмундирования, снаряжения. Начались перебои с поставками продовольствия не только в действующую армию, но и в крупные города и промышленные центры. Страна перешла на нормированное потребление ос-

новых видов продуктов, вводились специальные талоны на топливо и керосин, применявшийся для освещения. Вооружение пришлось срочно закупать за границей, на французских, английских и японских заводах было размещено значительное количество русских военных заказов. В сложившихся условиях отечественная промышленность оказалась неготовой к производству необходимого для армии снаряжения. Поэтому на помощь власти пришла российская буржуазия, объединившаяся в Военно-промышленный комитет, Союз Земств и Городов, наладившие на местных предприятиях выпуск военной продукции.

Одновременно с неудачами на фронтах, в стране стали нарастать и антиправительственные настроения. Вера в царя стремительно падала, растворялись надежды на победу в принимавшей затяжной характер войне, Война как незаметно стала непопулярной. В этих условиях один из союзников – Франция, в которой к осени 1915 г. сложилось крайне тяжелое положение, обратилась к России с просьбой прислать во Францию русские войска. Сложившуюся ситуацию русский военный агент в Париже полковник А.А. Игнатъев объяснял так: «...военная промышленность из-за нехватки рабочей силы оказалась в столь тяжелом положении, что для работы на заводах пришлось возвращать солдат с фронта из поредевших уже рядов французской армии. Парижские мудрецы решили разрубить этот узел одним ударом топора, выписав людей из России, представлявшей, по их мнению, неиссякаемый источник пополнений»⁵.

В первое десятилетие XX столетия среди европейских государств, в первую очередь у будущих союзников, сложилось превратное убеждение о неисчерпаемости людских ресурсов России. Именно это, по мнению ряда исследователей, сыграло определенную роль в расчетах Франции и Англии при создании Антанты, а затем и при разработке стратегических планов. В годы мировой войны союзные правительства «при проведении всех крупных военных операций, - как отмечали еще советские исследователи Л.М. Гаврилов и В.В. Кутузов, - оказывали давление на русское командование с целью перенесения главных усилий на плечи русской армии. Постоянные требования об активизации боевых действий на русском фронте преследовали одну цель – ценой огромных жертв достичь облегчения положения союзных армий на Западном фронте».⁶ В частности, именно выполняя просьбу союзников, русское командование предприняло в августе 1914 г. наступление 1 и 2-й армий в направлении Кенигсберга. Оно оттянуло на

себя значительные силы германской и австро-венгерской армий, вынудив перебросить с фронта на Марне в Восточную Пруссию несколько наиболее боеспособных дивизий. И никого из союзников не опечалило, что ценой спасения французской армии в «Верденской мясорубке» стало полное уничтожение противником двух лучших в русской армии корпусов.

Однако в реальности положение с людскими ресурсами в России складывалось неблагоприятное. Если после мобилизации 1914 г. русская армия составляла 5338 тыс. человек, то к осени 1917 г. она возросла до 7 млн. человек. За годы войны было мобилизовано 15 800 000 мужчин наиболее работоспособного возраста или 8,7 % от численности населения империи. Высокими оказались и безвозвратные потери русской армии. Они по последним уточненным данным составили 51399 офицеров и классных чиновников и 2 202 970 нижних чинов.⁷ К середине 1916 г. оказались исчерпанными ресурсы ратников 1-го разряда, а к концу года и 2-го разряда. Власти были вынуждены призывать в армию отдельные категории ополченцев. Этот вынужденный шаг свидетельствовал – миф о русском многолюдье рассеялся т.к. никогда прежде в русскую армию лица старше 40 лет не призывались.

Тем не менее, в очередной раз в конце 1915 г. французское правительство через своих представителей сенатора Поля Думера и генерала По обратилось к Николаю II с просьбой о посылке в свою армию от 100 до 300 тыс. русских солдат. Свою просьбу они мотивировали сложившейся во Франции тяжелой военной обстановкой и неспособностью России обеспечить свои войска необходимым вооружением. В обмен на «пушечное мясо» союзники обещали наладить поставки винтовок, боеприпасов и, главное, пулеметов, в которых русская армия испытывала особую нужду. Поддержало Францию и английское правительство, обратившееся непосредственно к министру иностранных дел С.Д. Сазонову. Несмотря на общее отрицательное мнение, Полю Думеру удалось добиться согласия императора Николая II и начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала М.В. Алексева на посылку во Францию русской пехоты. Определение формы организации посылаемого воинского контингента вызвало в военных кругах определенные расхождения. Вот что писал по этому поводу граф А.А. Игнатъев: «С одной стороны, было необходимо предоставить русским войскам известную долю самостоятельности, но вместе с тем не возлагать на них чересчур большой ответственности. Дивизия, а тем более корпус, казались нам соединением довольно круп-

ным, состоящим из всех родов оружия, насыщение всякого рода техникой, могло вызвать для наших генералов чересчур большие трудности. С другой стороны, полк являлся единицей, которой французы могли бы помыкать, не считаясь с нашими русскими уставами и обычаями.... Вот как создавался проект командирования во Францию наших подкреплений в форме отдельных бригад: эти войсковые соединения лучше всего отвечали требованиям военно-политической обстановки».⁸

В конечном итоге было решено направить в распоряжение союзников четыре пехотные бригады двухполкового состава, получивших названия Особых⁹. В каждом особом пехотном полке, состоявшем из трех батальонов четырехротного состава, полагалось иметь три пулеметные роты (по 12 пулеметов в роте), команду связи и нестроевую роту. Кроме того, для восполнения потерь каждой бригаде придавался маршевый (запасный) батальон (6 рот)¹⁰.

В состав Русского экспедиционного корпуса вошло четыре Особые пехотные бригады: 1-я под командованием генерал-майора Н.А. Лохвицкого¹¹, 2-я генерал-майора М.К. Дитерихса, 3-я генерал-майора В.В. Марушевского и 4-я под начальством генерал-майора М.Н. Леонтьева. Общая численность личного состава доходила до 44,5 тыс. человек, в том числе 745 офицеров. Позже во Францию были направлены Особая артиллерийская бригада и инженерно-саперный батальон.

Экспедиционные войска формировались на базе запасных частей Московского и Казанского военных округов. Казанский округ был одним из наиболее значимых, его территория включала в себя Казанскую, Симбирскую, Самарскую, Пензенскую, Саратовскую, Астраханскую, Вятскую, Пермскую, Уфимскую, Оренбургскую губернии и две области: Уральскую и Тургайскую (всего 94 уезда, площадь 1.917.017 кв. верст, население 25 млн. чел.). В мирное время в округе дислоцировались два армейских корпуса – XVI (41, 45 и 47-я пехотные и 5-я кавалерийская дивизии) и XXIV (48 и 49-я пехотные дивизии), три местные бригады, Астраханское, Оренбургское и Уральское казачьи войска, оружейные и пороховые заводы Пермской, Казанской и Симбирской губерний и ряд других подразделений и военно-учебных заведений.

С началом войны кадровые части стали основой для формирования пехотных полков 2-й очереди и запасных пехотных батальонов. В частности, 196-й пехотный Инсарский полк выделил батальон для

формирования второочередного 336-го пехотного Челябинского полка и 109-го запасного батальона. Свой «кадр» выделили и другие уходящие на фронт полки округа. Небывало высокие потери личного состава в действующей армии вынудили командование пойти на дальнейшее совершенствование системы подготовки резервов. Об уровне безвозвратных потерь ярко свидетельствует пример 48-й пехотной дивизии, дислоцировавшейся до войны на территории Казанского военного округа, - за 1914-1917 гг. ее личный состав переменился 12 раз¹²!

В начале войны на территории Казанского военного округа было развернуто 28 запасных пехотных батальона, в которых в течение 1-1,5 месяцев велась подготовка мобилизованных. Отведенного времени для их обучения явно было недостаточно и, по отзывам командиров строевых частей, прибывавшее пополнение в боевом отношении было подготовлено слабо, Солдаты маршевых рот «умели маршировать, но из-за недостатка в тылу винтовок зачастую не могли их заряжать». Недостатки в боевой подготовке и увеличение числа призываемых вынудило командование с середины 1916 г. начать реформирование запасных батальонов в полки 12-16-ти ротного состава и увеличить сроки подготовки с 1,5 до 4-5 месяцев.

Коснулись эти изменения и частей Казанского военного округа. В конечном итоге подготовка новобранцев для фронта была сосредоточена в развернутых на территории округа 3 пехотных дивизиях (12 запасных бригад, 73 пехотных и 2 пулеметных полка), 3 ополченческих корпусах и 3 запасных артиллерийских бригадах. Из них 4 бригады в составе 25 запасных полков (38 гарнизонов) дислоцировались на территории Урала (Вятская, Пермская, Уфимская и Оренбургская губернии)¹³.

До 1917 года военные власти успели сформировать и отправить на Западный фронт 4 бригады экспедиционных войск. В том числе 3-я Особая бригада (5 и 6-й пехотные полки), формировалась в Казанском военном округе. Она была укомплектована преимущественно личным составом запасных частей, дислоцировавшихся на территории уральских губерний.

Из имеющейся по данной проблеме научной литературы, какую-либо ясную картину хода формирования особых пехотных полков представить сложно. Вся информация основывается на нескольких приказах штаба Верховного главнокомандующего и воспоминаниях участников тех событий, в частности П.Ф. Карева,¹⁴ Р.Я. Малиновс-

кого¹⁵. Все же, кто писал и пишет на эту тему, в основном ограничиваются введенной в научный оборот генералом Ю.Н. Даниловым и эмигрантом А.А. Хазовым информацией о том, что части 1-й пехотной бригады комплектовались преимущественно из рабочих и городских жителей Москвы, а личный состав 3-й бригады из крестьян уральских губерний. При этом, одни авторы публикаций утверждали, что это были крестьяне Оренбургской, другие уточняли – Уфимской, а третьи считают, что жители Пермской губернии. По той причине, что делопроизводство практически всех запасных полков в годы революции было полностью уничтожено,¹⁶ сегодня практически невозможно восстановить не только списочный состав формировавшихся частей, но сам ход комплектования рот, батальонов и полков Особых бригад.

Думается, что для восстановления общей картины хода формирования частей экспедиционного корпуса все же следует привести общие сведения. Так, 1-я бригада была сформирована в Московском военном округе всего за три недели января 1916 г. Все, кто писал на эту тему, ссылаются на воспоминания П.Ф. Карева, отмечая, что солдат для посылки во Францию отбирали особенно тщательно из разных полков. К примеру, из гарнизона сибирского города Кузнецка, насчитывавшего в своем составе около 30 тыс. человек, командование отобрало всего 260 унтер-офицеров и солдат. «Все эти люди были рослые, крепкие, красивые, грамотные – писал Карев, -...все прошли на следующий день тщательный медицинский контроль. Тех, у кого обнаружили хотя бы незначительный физический недостаток, браковали»¹⁷.

Несколько по иному в период с 28 мая по 6 августа 1916 г. происходило формирование полков 3-й Особой пехотной бригады в Казанском военном округе. Как единодушно отмечают практически все исследователи, личный состав для нее набирался частично из действующих полков (3 роты в каждом полку) и из запасных батальонов (остальные 9 рот)¹⁸.

Местом формирования 5-го Особого полка стал г. Екатеринбург (Пермская губ.), 6-го – Челябинск (Оренбургская губ.). Достоверной информации о том, из каких полков действующей армии комплектовались нижние чины полков, нет. Однако можно предположить, что призываемые ратники запаса и новобранцы проходили обучение в 109 и 163-м запасных пехотных батальонах (Челябинск) и 108, 124, 126 и 149-м батальонах, дислоцировавшихся в Екатеринбурге (впоследствии полки). В этот же период в Перми располагались запасные полки

17-й бригады – 107, 123 и 162-й. 104, 105 и 238-й запасные пехотные полки входили в состав гарнизона Оренбурга (18-я запасная бригада). Кроме того, 128-й запасной полк дислоцировался в г. Златоусте, 246-й – в Кустанае, 244-й в Бузулуке.

В одном из номеров альманаха Гостиный Двор, издающегося в Оренбурге, историком В.Г.Семеновым был опубликован приказ № 1721 по Казанскому военному округу под грифом «секретно», содержащий список солдат и унтер-офицеров маршевого батальона 3-й Особой пехотной бригады, награжденных Георгиевской медалью «За храбрость» 4-й степени. В нем приведены фамилии 148 кавалеров и указаны части, из которых награжденные прибыли в запасный батальон. Знакомство с документом показывает, что в него были откомандированы солдаты 95, 96, 102, 103, 104, 105, 108, 126, 127, 144, 244 и 266-го запасных полков. Кроме того, двое прежде проходили службу в 5-м Особом и 7-м Финляндском стрелковом полках. Больше всего пополнения -12, 17, 38 и 57 человек соответственно, прибыло из 105, 127, 144 и 126-го пехотных полков¹⁹.

В интернете удалось найти и два упоминания о солдатах, воевавших во Франции в составе 3-й Особой бригады. Это мещанин г. Бугуруслан А.В. Андреев (6-й полк) и солдат маршевого батальона (впоследствии распределен в 5-й полк) В.П. Кленов, призванный в армию из поселка Белорецкого завода Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии. Оба солдата навсегда затерялись на полях сражений Франции и у родственников остались на память от них всего лишь несколько карточек, полученных по военной почте.

Офицеров для укомплектования полка отбирали из действующих частей по специальной разрядке. По единичным сохранившимся документам удалось выявить некоторых из них. В частности, 3-й батальон 6-го полка возглавил капитан Жуков, 9-ю роту – поручик Патрик, 10-ю – штабс-капитан Андреев, 11-юи 12-ю – штабс – капитан Лупанов.

Знамя 6-му Особому пехотному полку было вручено за месяц до отправки на фронт – 8 июля 1916 г. На знамени образца 1900 года со светло- синей каймой, был изображен образ Спаса Нерукотворного. Позднее, за доблесть, проявленную личным составом полка в бою на высоте Сапильель у селения Курси, 1 мая 1917 г. приказом командующего V-й армии генерала Мазеля, полк был награжден французским Военным крестом с пальмой, который был прикреплен на знамя²⁰.

По окончании войны, когда русские части были расформированы, полковое знамя осталось на хранении в музее Армии в Париже.

Существуют в имеющейся литературы расхождения и по поводу командира 6-го полка: одни отмечают, что его возглавил полковник Г.И. Симонов,²¹ другие – полковник Сименов, командир 60-го Замосцкого пехотного полка²².

По прибытии на место назначения 2 и 4 –я бригады были направлены на Салоникский, 1 и 3-я – на Французский фронт. Их боевой путь – тема для отдельной статьи.

Примечания:

¹ Здесь и далее даты приводятся по старому стилю.

² Кобзов В.С. Оренбург в первые месяцы Мировой войны // Оренбургу -250 лет. Программа и материалы научной конференции, посвященной юбилею города. - Оренбург, 1993.-С.50

³ Магомедов Р.Р, Шамова Н.Н. Население Южного Урала в начале Первой мировой войны// Вестник Оренбургского государственного университета. - №.5.(141). май 2012.- С.203.

⁴ Семенов В.Г. Оренбургское казачье войско в годы Первой мировой войны. 1914-1918 гг. Оренбург, 2010.-С. 129.

⁵ Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю.- М., Воениздат.-1988.- С. 604.

⁶ Гаврилов Л.М., Кутузов В.В. Истощение людских резервов в русской армии в 1917 г. // Первая мировая война. – М., 1968. – С. 145.

⁷ Федосеев С.А. «Пушечное мясо» Первой мировой. Пехота в бою. – М.: Яуза; Эксмо, 2009. –С.326.

⁸ Игнатъев А.А. Указ. Соч. – С.606.

⁹ Хазов А.А. Русский экспедиционный корпус во Франции (1916-1918) // Кадетская переключка. – №.46. – 1989.

¹⁰ Данилов Ю.Н. Русские солдаты на французском и македонском фронтах. 1916-1918 гг. – М., Кучково поле. Киммерийский центр., 2010. – С. 30. Данная работа генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего генерала Ю.Н. Данилова впервые была опубликована за границей в 1933 году.

¹¹ Лохвицкий Николай Александрович (1867-1933) генерал-лейтенант. Окончил 2-е Константиновское военное училище, выпущен подпоручиком в 105-й Оренбургский пехотный полк, впоследствии окончил Николаевскую академию Генерального Штаба. В годы мировой войны командовал 95-м Красноярским пехотным полком, 2-й бригадой 25-й пехотной дивизии. С января – начальник 1-й Особой пехотной бригады, затем командир 1-й особой пехотной дивизии во Франции. В конце 1918 г. вернулся в Россию, в войсках адмирала Колчака – командующий 2-й армии, возглавлял Дальневосточную армию, начальник штаба Главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины. После окончания гражданской войны эмигрировал во Францию. Награжден орденами Св. Георгия 4 и 3-й степени, Георгиевским оружием, Св. Владимира 3-й ст. с мечами и 4-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 1 ст. с мечами, Св. Станислава 1 ст. с мечами, Командорским крестом ордена Почетного легиона - Волков Е.В. Колчаковские офицеры: опыт ис-

торического исследования. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2001. – С. 302; Шмаглит Р.Г. Белое движение. 900 биографий крупнейших представителей русского военного зарубежья. – М., Зebra, 2006. – С.172; Павлов А.Ю. «Русская одиссея» эпохи первой мировой. Русские экспедиционные силы во Франции и на Балканах. – М.,СПб.: «Вече», 2011,

¹² Керсновский А.А. История Русской армии. – Т. 4. 1915-1917. – М., «Голос», 1994. – С. 248.

¹³ Кобзов В.С., Романов В.И. Народная милиция Урала в период Февральской революции. – Челябинск: Челябинский юридический институт МВД России, 2010. – С. 33.

¹⁴ Карев П.Ф. Нас не укротили. – Иваново, 1937; Он же. Экспедиционный корпус. – Куйбышев: Кн. изд-во, 1957.

¹⁵ Малиновский Р.Я. Солдаты России. – М., 1988.

¹⁶ В частности из всего комплекса делопроизводства 32-й пехотной запасной бригады, штаб которой находился в Челябинске, и двух запасных полков – 109 и 163-го, в настоящее время в РГВИА отложилось всего 6 архивных дел. При этом документы штаба 163-го запасного полка оказались уничтоженными полностью.

¹⁷ Карев П.Ф. Экспедиционный корпус. – Куйбышев: Кн. изд-во, 1957. – С. 17.

¹⁸ Данилов Ю.Н. Указ. соч. – С. 30..

¹⁹ Список нижних чинов маршевого батальона 3-й Особой пехотной бригады, награжденных Георгиевской медалью 4-й степени. Публикация В.Г. Семенова // Гостинный Двор. Литературно-художественный и общественно-политический. – № 19, 2006. – С.272-274.

²⁰ Французский Военный крест имел несколько своеобразных степеней – крестом с бронзовой звездочкой отличившиеся награждались приказом командира полка или бригады, с серебряной – приказом начальника дивизии, золотой – командиром корпуса. Пальмовая ветвь на ленточке орденской колодки свидетельствовало, что награждение произведено командующим армией и данная степень считалась высшей.

²¹ Данилов Ю.Н. Указ. Соч. Вызывает удивление то, что на странице 44 автор называет фамилию командира полка – Симонов, а на странице 280 именуется его полковником Сименовым.

²² Павлов А.Ю. «Русская Одиссея» эпохи Первой мировой войны... – С.54.

Шведов И. В. (г. Челябинск)

ЛЕТЧИКИ УРАЛА НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЙ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙН

Первые авиационные подразделения в составе русской армии появились накануне 1-й Мировой войны. Небольшие по численности воздухоплавательные и авиационные отряды испытывали острую нехватку не только материальной части, но и летного состава.

Первыми летчиками, как правило, были энтузиасты из числа гражданских лиц, которые выступали с воздушными аттракционами в пе-

риоды массовых празднеств. Очень скоро технической новинкой заинтересовалось военное ведомство. Однако на практике широкое применение авиация получила лишь в годы войны, когда остро возникла необходимость противодействия воздушным налетам авиации австро-венгерской и германской армий. Именно в этот период военное ведомство стало испытывать все возрастающую потребность в авиационных кадрах – летчиках, летчиках-наблюдателях, техническом персонале.

В военную авиацию в числе первых пошли как выпускники инженерных училищ, так и офицерская молодежь из кавалерийских частей. Не стали в этом исключением и офицеры размещавшихся на юго-востоке России Уральского и Оренбургского казачьих войск. Офицерские кадры для казачьих войск готовились в Оренбургском казачьем, Николаевском кавалерийском и инженерном и Михайловском артиллерийском училищах. В мирное время командного состава для находившихся на службе казачьих полков вполне хватало. Однако изменившийся в начале XX века характер войн обусловил и небывало большие потери личного состава. Многие воинские формирования за период войны до десяти раз меняли личный состав, в том числе и офицерский¹. Не стало исключением и Оренбургское казачье войско. За годы войны его потери в командном составе достигли 80 человек убитыми и умершими от ран, кроме того в плену оказалось еще 12 офицеров, что для сравнительно небольшого войскового формирования было большой потерей². Уральцы, находившиеся с момента формирования своих общин во враждебном окружении, выработали особую тактику ведения боя, отличавшуюся осторожностью и продуманностью действий. По этой причине в их рядах потери были минимальными.

В годы мировой войны в авиацию перешла и группа казачьих офицеров. В их числе оказались сотник А.Т. Кожевников, подьесаулы К.П. Качурин, Н.Н. Мензелинцев и М.Н. Пестряков. Из числа казаков Уральского войска авиаторами стали капитан Г.Г. Горшков, есаулы М.Л. Каплин и Н.П. Ларшин³.

Первым летчиком из числа казаков Урала следует считать Г.Г. Горшкова, родившегося в семье офицера Уральского казачьего войска. После окончания Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса, он продолжил обучение в Николаевском инженерном училище. По окончании училища Горшков в чине подпоручика был направлен на службу в 8-й саперный батальон⁴. По одним данным он участвовал в

русско-японской войне, где и познакомился с воздухоплаванием, по другим, в это время Г.Г. Горшков возглавлял унтер-офицерский класс в 21-м саперном батальоне⁵.

В ноябре 1907 г. поручик Горшков направлен для обучения в Офицерский класс Учебного воздухоплавательного парка и с этого времени его жизнь оказалась навсегда связанной с небом. Он возглавлял Гатчинский аэродром, участвовал в испытаниях первого российского парашюта системы Котельникова, учился летать под руководством французского летчика Эдмонда. С началом Мировой войны капитан Горшков стал летать на первом отечественном бомбардировщике «Илья Муромец» и вскоре возглавил соединение тяжелых кораблей, состоявшее из 7 отрядов.

Русские самолеты под командованием капитана Г.Г. Горшкова 15 февраля 1915 года произвели первую групповую бомбардировку немецкой линии обороны, показавшую эффективность применения авиации против наземных целей. Эту дату с полным основанием можно считать днем рождения отечественной бомбардировочной авиации.

В дальнейшем капитан Горшков провел длительный разведывательный полет в тылы немецкой армии. За 4 часа летчик преодолел более чем 500 километров, снял на пленку несколько крупных железнодорожных узлов и благополучно вернулся на свой аэродром⁶. За время пребывания на фронте капитан Горшков совершил более 40 боевых вылетов, однако возросшая потребность в кадрах летчиков, вынудила командование отозвать его в тыл и поручить руководство авиашколой Гатчины.

В период февральской революции, которую Горшков воспринял довольно прохладно, он предпринимал невероятные усилия по сохранению школы и ее авиапарка. Личный состав погряз в митингах, вспомогательный персонал не желая воевать, самовольно покидал место службы и разъезжался по домам. Оставшиеся в Гатчине революционно настроенные солдаты топили печки деревянными деталями самолетов, за короткий срок уничтожив всю материальную базу авиашколы. Летом 1917 года Горшков покинул свой пост и оказался в числе руководителей Украинской Народной республики. В годы гражданской войны предпринял ряд шагов для того, чтобы обеспечить Добровольческую армию различным авиационным имуществом. В мае 1919 года полковник Горшков покинул гетманскую Украину и попытался пробраться на территорию, контролируемую генералом Деникиным. В Одессе был арестован сотрудниками ВЧК, этапирован в

Москву и помещен в Бутырскую тюрьму. В конце августа 1919 года Г.Г. Горшков по обвинению в контрреволюции был расстрелян.

Широко в летной среде того времени было известно и имя сотника А.Т. Кожевникова, получившего образование в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе и Николаевском кавалерийском училище. В годы войны Кожевников воевал в составе 11-го Оренбургского казачьего полка, некоторое время временно командовал сотней. В марте 1916 года сотник Кожевников был зачислен в Севастопольскую школу летчиков, учился летать на самолетах «Моран-Ж» и «Моран-Парасоль». Участие в боевых действиях А.Т. Кожевников принял на Румынском фронте, за боевые заслуги был награжден Георгиевским оружием, а в сентябре 1917 года в качестве выборного командира возглавил 4-й отряд истребителей.

Подъесаул Кожевников переход власти в руки советов признал и с первых ее дней стал добросовестно служить Советской республике. С началом полномасштабных боевых действий он возглавил авиационный отряд, приданный 24-й Железной дивизии. Дивизия в составе 5-й армии Восточного фронта вела напряженные бои с Народной армией КОМУЧа, затем частями Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака. Отряд Кожевникова неоднократно отличался в боях, за что приказом командарма Тухачевского подразделению было присвоено наименование «Железный». Вместе с дивизией летчики Кожевникова наступали к столице Оренбургского войска, затем от Бузулука повернули в направлении на Троицк. Есть сведения о том, что несколько раз аэропланы дивизии высылались на разведку в сторону Кустаная, куда отступали полки 4-го армейского корпуса генерала Бакича и казачьи подразделения из состава Южной армии.

Принял участие А.Т. Кожевников в боях против армии генерала Врангеля и на Польском фронте, был награжден орденом Красного Знамени.

После окончания гражданской войны занимал ответственные должности в ВВС РККА. Комдив А.Т. Кожевников в 30-е годы прошлого столетия был необоснованно репрессирован и расстрелян⁷.

Авиация противоборствующих сторон на востоке России была мало боеспособной. В авиационных подразделениях как красных, так и белых, не хватало самолетов, моторов и запасных частей к ним, серьезные перебои сложились с топливом. Катастрофически не хватало летного состава. Попадавшие в плен и сняв погоны, или наоборот, надев их, через непродолжительное время зачислялись в штат соответствующих летных частей.

Не смотря на тяжелое положение с материальной частью, в рядах советского лагеря их было все же меньше. Благодаря тому, что большая часть европейской части России оказалась под контролем большевиков, их авиация имела большее количество аэропланов, стоявших на вооружении царской армии. Не было серьезных перебоев и с бензином для летных частей.

Белый же лагерь довольствовался лишь тем, что удалось обнаружить на базах в Поволжье и на Урале, либо захватить у большевиков в ходе боевых действий. Неоднократно предпринимавшиеся попытки приобретения самолетов и запасных частей за границей неизбежно сталкивались с проблемой нехватки или полного отсутствия денежных средств. Колчак не считал возможным самовольное использование захваченного в Казани золотого запаса страны, а так называемые союзники, без предоплаты заказы на поставки техники, вооружения и прочего, не выполняли. В тех единичных случаях, когда удавалось договориться о поставках самолетов, союзники в первую очередь пытались продать русским либо устаревшую, либо уже достаточно изношенную материальную часть.

Проблемы были со специальным обмундированием, без которого полеты на открытых самолетах в зимнее время были просто невозможными.

Белый лагерь периода гражданской войны так же был представлен казачьими офицерами, в частности, Севастопольскую военную школу летчиков-наблюдателей окончил и подьесаул 18-го Оренбургского полка К.Н. Пестряков. В годы мировой войны он воевал в составе 4-го армейского авиаотряда. За отлично проведенную разведку и бомбометание во время одного из вылетов, получил благодарность командующего 4-м армейским корпусом, несмотря на полученное ранение остался в строю.

В апреле 1917 Пестряков был назначен начальником разведки штаба корпуса. Революцию и переход власти в руки большевиков он не принял, оставив службу, он вернулся в войско. В годы гражданской войны был мобилизован и служил в частях армии адмирала Колчака. Непосредственного участия в боевых действиях он не принимал по причине нехватки самолетов. Авиаотряд двигался вглубь Сибири впереди армии, используя для этого доступный подвижной состав.

В 1920 году Пестряков с остатками отступавших вдоль Транссибирской магистрали частями армии Колчака попал в плен под Красноярском. После непродолжительного нахождения в фильтрацион-

ном лагере и проверки, был освобожден и направлен на службу в 1-ю Украинскую советскую запасную бригаду.

В 1916 году с авиацией связал свою судьбу и подьесаул К.П. Качурин. После непродолжительной службы в отряде истребителей он был направлен на учебу в Севастопольскую летную школу, незадолго до октябрьских событий 1917 года ее окончил. Начало гражданской войны застало Качурина в Архангельске, куда он был командирован по служебным делам. Был зачислен в состав Славяно-Британского легиона, затем откомандирован в Сибирскую армию. Гражданскую войну закончил в Забайкалье на должности командира 2-го авиаотряда в группе генерала М.Г. Семенова. Эмигрант. Умер в 60-е годы в Великобритании.

Более активное участие в гражданской войне приняли летчики уральцы. Есаул (с 1918 г. - войсковой старшина) М.Л. Каплин уже в мае 1918 года возглавил первое авиационное подразделение Уральского казачьего войска (с октября – 9-й авиаотряд). Летчики несмотря на объективные трудности летали на разведку, обеспечивали связь и даже участвовали в знаменитом рейде на Лбищенск, в ходе которого казаками был уничтожен штаб 25-й дивизии Чапаева⁸.

10-й авиаотряд под командованием поручика Р.Батурина был сформирован в составе Оренбургского казачьего войска. По ряду причин (нехватка материальной части, запасных частей, оборудования, обмундирования, горюче-смазочных материалов и кадров) авиация Отдельной Оренбургской армии в ходе боевых действий проявила себя недостаточно полно. Аэропланы на земле находились гораздо больше времени, чем в воздухе. Не последнюю роль в неэффективности применения авиации сыграли многочисленные переформирования войсковых соединений и вынужденные передислокации.

После переформирования Оренбургской армии в Южную, в ее состав был передан 15-й Сибирский авиаотряд (7 самолетов). Его летчики в июле-августе 1919 года совершили всего 5 боевых вылета в район Верхнеуральска и станции Магнитной⁹. Наступление войск советского Восточного фронта вынудило эвакуировать самолеты из оставляемых районов и в наступившей неразберихе погибли остатки казачьей авиации. В это время авиация Оренбургского казачьего войска находилась под командованием войскового старшины М. Каплина.

Сохранившиеся документы показывают, что из числа казаков в летных подразделениях периода гражданской войны служили и другие оренбуржцы. Это К.М. Врачинский, Н.В. Шмотин, В.Ф. Школ-

дин, Агапов, И.А. Шангин. Судьба летчиков-казаков сложилась по-разному. В связи с катастрофической нехваткой летных кадров попавшие в плен впоследствии служили в советской авиации, некоторые предпочли эмиграцию, часть летчиков погибла. В частности, в числе погибших оказался и есаул Уральского казачьего войска Н.П. Ларшин, окончивший Качинскую авиационную школу уже в разгар гражданской войны. Его аэроплан, изношенный до предела, потерпел летом 1920 года аварию во время посадки.

Какими бы ни были политические пристрастия участников мировой и гражданской войн, под какими бы знаменами они ни служили, уральские летчики внесли свой вклад в создание и применение отечественной авиации и заслужили право на память.

Примечания:

¹ Кобзов, В.С. Народная милиция Урала в период Февральской революции. / В.С. Кобзов., В.И. Романов. – Челябинск: Челябинский юридический институт МВД России, 2010. – С.33.

² Приказы по Оренбургскому казачьему войску. – 1917. – № 265.

³ Эти цифры не следует рассматривать как окончательные. Работа по выявлению имен первых авиаторов Урала еще только начинается.

⁴ Правительственный вестник. – 1904. – № 124.

⁵ Горынычъ. Краеведческий сборник. – Часть 3. – Уральск, 2009.

⁶ Русский инвалид. – 1915. – № 172.

⁷ Семенов, В.Г. Трагическая судьба летчика-казака А.Т.Кожевникова. / В.Г.Семенов. // Оренбургское казачье войско. Поиски. Находки. Открытия. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 1999. – С. 130.

⁸ Хайрулин, М.А. Авиационные формирования Уральской армии. 1918-1919 гг. / М.А. Хайрулин., В.С. Пешков. // Белая гвардия. Альманах. – № 8. – М.: Посев. 2008. – С.177.

⁹ Ганин, А.В. «Наблюдатель выскочил на крыло». Авиационные формирования Южного Урала в 1918-1919 годах / А.В.Ганин., М.А. Хайрулин // Родина. – № 9., 2007 – С. 77.

Шешукова Г.В. (г.Оренбург)

**ПРОБЛЕМЫ ВОЙНЫ И МИРА В ТЕОРИИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Юбилей первой мировой войны, современные события, связанные с проблемами войны и мира требуют серьезного анализа и осмысления в рамках концепций, используемых в теории международных отношений.

В теории международных отношений существует ряд теорий, объясняющих природу мировых и локальных войн. Важно выяснить возможность применения этих теорий к анализу современной ситуации в международных отношениях. В своем выступлении я остановлюсь на характеристике таких теорий, как политический реализм и неореализм, политический либерализм и теория ограниченной гуманитарной интервенции.

Политики и ученые в США и Европе часто ссылаются на эти теории, для объяснения действий суверенных государств в международных отношениях.

Попробуем объяснить современный кризис, вызванный присоединением Крыма к РФ, в парадигме известных теорий международных отношений.

В чем актуальность такого анализа?

В СМИ часто проводится сравнение начала первой мировой войны и присоединения Крыма к РФ в 2014г. В российской империи в начале первой мировой война наблюдался всплеск патриотизма, эйфория в обществе демонстрировалась широкая поддержка императора, а закончилось все революцией и гибелью империи. Отсюда вывод: аналогичная ситуация произойдет в РФ после присоединения Крыма. Однако это сравнение некорректно потому, что в процессе присоединения Крыма войны удалось избежать. Выигранная война – это не начатая война. Присоединение Крыма произошло без военных действий.

В. Путин считает рациональной позицию большинства общества, которое одобряет политику России в Украине, Напоминает также о позиции большевиков в годы Первой мировой войны, когда применение лозунга большевиков: «поражение своего правительства в войне» - привело к революции. А революция сейчас не нужна России.

Перспективы развития кризиса в Украине связаны с оценкой возможной войны между государствами, а также гражданской войны внутри Украины.

В ходе информационной войны в нашей стране допускаются совершенно безответственные заявления (журналистов и некоторых политиков) о возможности применения ядерного оружия со стороны России.

Исключительное значение приобретает также оценка населением внешней политики своих государств.

Каково же отношение населения РФ к возможности использования наших войск на территории Украины? По данным «Левада – Цен-

тра», который проводил социологический опрос 14-15 марта 2014г., то есть до референдума в Крыму – 58% жителей России поддержали бы введение российских войск на территорию Крыма и Украины. Вместе с тем, в ходе этого же опроса выяснилось, что 83% россиян беспокоит возможность вооруженного конфликта между Россией и Украиной. То есть, очевидно, что россияне не хотели бы войны с Украиной. Не вызывает сомнения и то, что политическая элита и руководство России также стремятся избежать войны между нашими странами. При этом мы наблюдаем редкую консолидацию общества и элиты по поводу внешней политики, проводимой властью и В. Путиным.

24 - 28 марта 2014 в вузах Оренбурга был проведен социологический опрос. Тема опроса: присоединение Крыма к России. В опросе участвовали студенты, магистранты, преподаватели Оренбургского государственного университета, Оренбургского института МКЮУ, Оренбургской государственной медицинской академии .¹ 78% всех опрошенных одобрили присоединение Крыма к России. 12% не одобрили, остальные затруднились с ответом.

Важно то, что В. Путин всегда учитывал состояние общественного мнения для принятия политических решений. Об этом свидетельствует использование результатов соцопросов в Крыму для принятия политических решений. Гендиректор «Левада-центра» Лев Гудков полагает, что люди за неимением другой информации в ситуации нарастающего хаоса и угрозы войны стали считать возможным использование силовых средств для защиты русских на Украине. При этом желание россиян, чтобы Крым вошел в состав России, довольно устойчиво на протяжении последних двадцати лет: доля тех, кто хотел бы присоединения полуострова, оставалась и остается практически неизменной - 80-84 % населения. Но при этом основное желание неизменно - чтобы Россия и Украина были независимыми, но дружескими государствами с открытыми границами , без виз и таможен . Так считают 50-64 % респондентов. При этом один из последних опросов показал, что только 28% россиян выступают за то, чтобы Россия и Украина объединились в одно государство.² Любые разговоры, любая риторика о какой-то возможной экспансии, эскалации насилия — льет воду на мельницы националистов «Правого сектора» - убежден одесский политик Игорь Марков. Он полагает, что в Украине очень высокий градус напряжения в обществе и нынешнюю ситуацию нужно разрешать исключительно политическим путём. Что касается дальнейшей судьбы Украины, то она останется целым, неделимым государством, но при абсолютно другом

внутреннем устройстве. Во-первых, необходимы досрочные выборы на всех уровнях. Во-вторых, в Украине слово федерализация — это почти преступление, поэтому: нужна децентрализация власти и расширение полномочий регионов для сохранения целостности страны.³

При этом важно отметить, что окончательное решение о присоединении Крыма было принято руководством страны только после подведения итогов референдума в Крыму.

Основоположником теории политического реализма в США считается Г. Моргантау (1904—1980). С его точки зрения, международная политика, как и всякая другая, является борьбой за власть. Г. Моргантау сформулировал широко известный основной тезис политического реализма, который гласит: «Цели внешней политики должны определяться в терминах национального интереса и поддерживаться соответствующей силой».

Однако то обстоятельство, что РФ является ядерной державой, налагает на РФ особую ответственность в российско-украинском кризисе. Г. Моргантау констатировал: «Любая попытка, направленная на увязывание ядерной мощи с целями и методами государственной политики, сводится на нет необычной разрушительной силой ядерного оружия».

Французский социолог и политолог Р. Арон критиковал Г. Моргантау по многим вопросам, но, в конечном счете, пришёл к тем, же выводам.

По Р. Арону, для внешней политики государств характерны две символические фигуры — дипломата и солдата, поскольку отношения между государствами «состоят, по существу, из чередования войны и мира». Каждое государство может рассчитывать в отношениях с другими государствами только на свои собственные силы, и оно должно постоянно заботиться об увеличении своей мощи.

При этом Р. Арон усматривал специфику международных отношений в отсутствие единого центра, обладающего монополией на насилие и принуждение. Поэтому он признавал неизбежность конфликтов между государствами с применением силы и делал из этого вывод о том, что подлежат объяснению, прежде всего причины мира, а не причины войны.⁴

Главная категория для теории политического реализма — это, безусловно, «сила».

Политические реалисты понимают силу, как обладание государством экономическими, политическими, военными ресурсами. Кро-

ме того ресурсы включают в себя : географическое положение, природные богатства, развитие промышленности, готовность страны к войне, население, национальный характер, национально - морально – психологический настрой, качество дисциплины.⁵

Объяснение событий первой и второй мировых войн вполне вписываются в теорию политического реализма, хотя сама теория была сформулирована после второй мировой войны. Впрочем, эта теория не утратила своего потенциала и в первое двадцатилетие 21 века. США во многих локальных конфликтах действуют с позиций силы (военной, политической, экономической) и исходя из собственных национальных интересов.

Мне представляется, что положения этой теории используются и нашей властью в современный период. Период 90-х. когда Россия существенно ослабла после распада СССР и кризиса 90-х закончился. **Международное значение присоединения** Крыма к России состоит в том, что Россия впервые после распада СССР сумела отстаивать свои национальные интересы, несмотря на активное сопротивление Запада.

Внутриполитическое значение присоединения Крыма состоит в том, что впервые за эти годы население страны сплотилось и объединилось с собственной политической элитой. В частности, об этом свидетельствует то, что рейтинг одобрения В.Путина в России по данным последних социологических опросов – выше 80%. Поэтому Россия может в настоящее время отстаивать национальные интересы с учетом новых возможностей, которых не было еще в нулевых.

В соответствии с концепцией неореализма, согласно Кеннету Уолтцу (1979), мир существует в состоянии бессрочной международной анархии. Кроме того, анархия международного общественного мнения отличается от внутренней анархии. Во внутренней сфере, основные действующие лица могут обратиться (и вынуждены обращаться) к «верховному судье» — государству или правительству, однако в международной сфере отсутствует подобный легитимный источник верховной власти. Анархия международной политики (то есть нехватка центрального двигателя) вынуждает государства действовать так, чтобы гарантировать свою безопасность.

Это также дает начало дилемме безопасности, с которой сталкиваются все нации. Есть два пути, которыми государства могут уравнивать власть: внутреннее балансирование и внешнее балансирование. **Внутреннее балансирование** происходит потому, что государства

взрачивают их собственные возможности и потенциал, увеличивая экономический рост и/или увеличивая военные расходы. **Внешнее балансирование** происходит, поскольку государства вступают в союзы, чтобы противостоять власти более мощных государств или союзов.

Неореалисты пришли к выводу, что, поскольку война есть следствие анархической структуры международной системы, то, вероятно, она продолжится и в будущем. Они также утверждают, что упорядоченность принципов международной системы принципиально не изменилась со времен Фукидида с появлением ядерного оружия.⁶ Однако создание Вестфальской системы международных отношений позволило сформулировать основные принципы, которые упорядочивают отношения между суверенными государствами. Суть же созданной системы сводилась к следующему: национальные государства (государства, вошедшие в Вестфальскую систему) обладают всей полнотой власти на своей территории и равны между собой вне ее.

В концепции либерализма выдвинут тезис о том, что государства перестают быть единственными субъектами международных отношений. Их в этом качестве теснят транснациональные компании, неправительственные организации, наконец, отдельные "влиятельные «граждане мира»". Главная категория для либералов – право, международное право.

У сторонников политического либерализма взгляд на природу силы отличается от позиций сторонников политического реализма. Либералы полагают, что сила – это влияние ценностей, прав и свобод в обществе и государстве. Чем больше те или иные идеи распространены в обществе и мире, тем большей силой они обладают. Сила может осуществляться разными средствами. «Жесткая сила» – подавление, навязывание, насилие, принуждение. А «мягкая сила» – способность государства (союза или коалиции) достичь желаемого результата в международной политике с помощью убеждения, притяжения.

Профессор Гарвардского университета С. Хоффманн обоснованно говорит о бесперспективности «крестового - похода за демократию» как средства перестройки мирового порядка соответствии с западными, особенно американскими, стандартами. Именно такой поход Запада в Украину, в поддержку той власти, которая сменила В.Януковича, и привел к гражданской войне в стране.

По мнению другого американца, известного американского историка С.Коэна, США не следует навязывать другим, особенно странам

СНГ, образ мирового порядка, основанный исключительно на собственном идеале социального устройства.

Дж. Най подчеркивает, что главное в международных отношениях — не силовой фактор, а создание институтов безопасности на коллективных принципах международного права и действий, международных организация

Как, считает Д. Розенау, «современный мир расщепляется» на три мира, находящихся в состоянии взаимного антагонизма: 1) мир государств 2) мир транснациональных предпринимателей 3) мир социокультурных, конфессиональных, этнических и иных принадлежностей. Таким образом, природа международных отношений необычайно усложняется: они становятся менее стабильными, менее предсказуемыми и менее управляемыми (во всяком случае, прежними, этатистскими методами).

Растущая коммуникативность людей в мире усиливает регулятивные возможности международного права, механизмов коллективной безопасности, таким образом, как бы расширяется поле для сотрудничества на мировой арене.

Теория политического либерализма многими иронически определяется как политический идеализм. Но за ней будущее⁷.

В последние годы выявилась серьезная проблема: противоречие между ведущими принципами международных отношений; территориальной целостности и принципом самоопределения наций (Кризис в отношениях России и Украины по поводу присоединения Крыма).

Рассмотрим основные тезисы теории гуманитарной военной интервенции.

Под понятие гуманитарной военной интервенции **не попадают** следующие действия:

- миротворческие операции, проводимые ООН с согласия государства, на территории которого они предпринимаются;
- акции с использованием вооруженной силы по просьбе законного правительства (включая акции, предусмотренные соглашениями). Однако существуют ситуации, при которых нелегко установить, что является законным правительством или действительным согласием.
- военные операции, предпринимаемые государством с целью спасения своих граждан за рубежом от неминуемой угрозы их жизни или здоровью;
- акции принудительного характера, не включающие использование вооруженной силы.⁸

Какие же действия суверенных государств можно определить как гуманитарную военную интервенцию?

Военное вторжение США на территорию Ирака и смещение действовавшего там политического режима создало прецедент, в результате которого возникла потребность в теории с точки зрения норм международного права. Что может послужить достаточным основанием для произвольной интервенции на территорию суверенного государства? Каковы цели и задачи подобной интервенции?

Современная теория международного права исходит из приоритета прав личности над интересами социума. Например, Ф. Тезон считает главной целью всех членов международного сообщества «наблюдение за тем, что фундаментальные права индивидов признаются и соблюдаются в каждой из стран».

Во-первых, гуманитарную интервенцию предлагается рассматривать как универсальную форму отношений развитых стран с теми территориями, которые занимают неуправляемые хаотические общности. К ним обычно относят государства, в которых началась и продолжается гражданская война. Таким государством может стать Украина.

Во-вторых, целью гуманитарных интервенций следует считать обеспечение основных прав и свобод человека, прежде всего, права на жизнь, на равный доступ к общественным благам, свободу передвижения и вероисповедания, исключение дискриминации по признакам пола, расы, национальности, языка и религии.

По сути, это означает, что главная задача гуманитарной интервенции - создание на населенной территории, где нет действенных государственных структур, начальных, базовых элементов правового порядка.

В-третьих, правильно изначально считать *период присутствия гуманитарной миссии весьма продолжительным*, поскольку важнейшее условие стабильной реализации прав человека — постепенное формирование государственных или иных властных институтов.

В целом, это соответствует признаваемому ныне оптимальному сценарию:

1. Вторжение — восстановление порядка
2. Минимальное гуманитарное содействие
3. Легитимизация новых властей
4. Вывод войск.

К сожалению, практика показывает, что ни в одном регионе, где на протяжении последних пятнадцати лет осуществлялись гуманитар-

ные интервенции, не было установлено даже относительное спокойствие.

Важнейшей задачей **первого этапа гуманитарной интервенции** обычно считается прекращение насилия, достигаемое либо посредством введения в страну миротворческих сил, разъединяющих противоборствующие стороны, либо через свержение режима, инициировавшего политику геноцида и этнических чисток, либо в результате отторжения части территории, населенной этническим или религиозным меньшинством, от остальной страны.

Таким образом, *основной проблемой* народов, которые населяют большинство регионов, требующих гуманитарного вмешательства, является *отсутствие культуры толерантности*, и привычка решать проблемы общественных отношений с помощью вооруженного насилия.

Основной задачей **второго этапа гуманитарной интервенции** обычно понимают создание дееспособных властных структур. Такое понимание представляется ошибочным, потому что создание властных структур по демократическому образцу не учитывает традиции, культуру и историю опекаемых стран.

Как показывает американский «опыт» в Ираке, создание одного, если так можно выразиться, «рабочего места» в местной администрации или полиции требует в 4–7 раз больше средств, чем в среднем по всем секторам занятости. Гораздо более эффективными стали бы инвестиции в сферу здравоохранения и образования, в реализацию инфраструктурных проектов, ирригацию и транспорт, в создание новых рабочих мест и т.д.

Критически важным для успеха гуманитарной миссии оказывается *повышение уровня жизни*, который катастрофически низок в странах, нуждающихся в помощи такого рода.

В качестве важного элемента **третьего этапа гуманитарной интервенции** нередко рассматривают выработку и реализацию так называемой стратегии нормализации ситуации, **которая предусматривает передачу власти местному правительству и последующий вывод войск из района интервенции**. Именно на этом этапе многие гуманитарные миссии сталкивались с наибольшими трудностями. Попытки американцев вмешаться в конфликты в Сомали и на Гаити, а англичан — в межэтническую гражданскую войну в Сьерра-Леоне завершились, в конечном счете, **провалом и эвакуацией**.

Выведение войск из Ирака и Афганистана оборачивается слишком большими политическими потерями для государств Запада, да и

для стран, подвергшихся гуманитарной интервенции.

Но самая главная проблема – это легитимация интервенции, так как имеет место нарушение суверенитета. Поэтому предлагается внести изменение в систему международного права и лишить несостоявшиеся государства суверенитета. А затем на основе решений международных организаций и фондов ликвидировать хаос на этих территориях. Повышать уровень жизни. А потом уже восстанавливать суверенитет.

Серьезная трудность связана с достижением культурной совместимости, если так можно сказать, субъектов и объектов интервенции. Скажем прямо: данную проблему невозможно решить, не отказавшись от «аксиомы» об универсальном характере западных ценностей.

В 1987 Бернар Кушнер опубликовал книгу «Le Devoir d'Ingerence» («Обязанность вмешаться»), в которой утверждал, что демократические государства не только имеют право, но и обязаны для защиты прав человека вмешиваться в дела иностранных государств, невзирая на их суверенитет.

В 1999 Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, выступая на сессии Генеральной Ассамблеи, призвал мировое сообщество к «ответственности по защите» мирного населения от бедствий войны в соответствии с нормами международного права, сказав: «Если гуманитарная интервенция действительно является неприемлемым ущемлением суверенитета, то, как тогда отвечать на такие ситуации, грубые и систематические нарушения прав человека, которые противоречат всем правилам человеческого бытия?»

Концепция гуманитарной интервенции была применена для обоснования интервенции ряда государств в Ливии⁹.

Вмешательство в дела иных стран допустимо в основном в целях предотвращения жестокого насилия в отношении части их населения и в некоторых случаях — ради повышения уровня жизни людей. Даже безопасность отдельных членов общества далеко не всегда можно ставить выше религиозных канонов, а политические права — выше традиций, скрепляющих общество. Например, предоставление избирательного права, всем жителям мусульманских стран, включая женщин, вряд ли вызвало бы сегодня что-либо иное, кроме резкого усиления радикальных настроений.

Как мы уже отметили, применение теории ограниченной гуманитарной интервенции углубляет кризис Вестфальской системы международных отношений.

Политолог Владислав Иноземцев предлагает следующее толкование принципов Вестфальской системы. Вестфальская система предполагала признание суверенитета состоявшихся европейских государств и при этом не провозглашала принцип невмешательства в качестве абсолютного и неоспоримого.

Нынешняя реальность не имеет никакого отношения ни к первой части этой констатации (суверенными считаются все политические образования, хотя бы отдаленно похожие на государственные), ни ко второй (идеология *Realpolitik* предана анафеме). Зато Вестфальская система отрицала насаждение той или иной официальной религии с помощью военной силы, оставляя выбор веры за властью суверенного государства. И этому принципу никак не соответствует практика «демократизации» в той или иной части планеты с помощью вооруженного вмешательства. Выводы просты. Суверенитет многих стран признан ошибочно и преждевременно, — и этот вывод определяет саму возможность, и даже неизбежность, гуманитарного вмешательства. В то же время попытки начать новый раунд квазирелигиозных войн должны быть немедленно пресечены, — и в этом выводе нетрудно видеть четкое определение пределов такого вмешательства.

Во-первых, гуманитарную интервенцию предлагается рассматривать как универсальную форму отношений развитых стран с теми территориями, которые занимают неуправляемые хаотические общности.

Во-вторых, целью гуманитарных интервенций следует считать обеспечение основных прав и свобод человека, прежде всего, права на жизнь, на равный доступ к общественным благам, свободу передвижения и вероисповедания, исключение дискриминации по признакам пола, расы, национальности, языка и религии.

По сути, это означает, что главная задача гуманитарной интервенции — создание начальных, базовых элементов правового порядка на населенной территории, где нет государственных структур.¹⁰

Очевидно, что применение теории ограниченной гуманитарной интервенции для оправдания военного вмешательства РФ в ситуацию на Юго-востоке Украины может привести к серьезным негативным последствиям для России и Украины.

Кроме того нужно учитывать, что современные международные отношения определяются наличием одного полюса силы — США, которые обладают огромным преимуществом во всех сферах и на мировом пространстве.

Но это не значит, что все международные процессы подчиняются США. Можно создать контральянс государств для конкуренции с США, Но это не изменит однополярный характер мира, до тех пор пока не появится полюс силы или государство, равное по ресурсам США. Возможный «кандидат» на это место – Китай.

Выводы:

1. В теории международных отношений нет консенсуса для объяснения, как прошлых войн, так и текущих ситуаций, которые могут привести к локальной войне в сегодняшних региональных и локальных конфликтах.

2. Из тех теорий, которые рассмотрены в выступлении, можно и нужно извлечь конструктивные моменты и объяснить с их помощью ситуацию с кризисом международных отношений в связи с присоединением Крыма к России.

3. В теории и практике международных отношений по-прежнему «работает» теория политического реализма. Присоединение Крыма стало возможным, во-первых, в связи с кризисом в Украине, обострившимся после государственного переворота 21-21 февраля 2014 г. Результатом этого кризиса, приведшего к власти нелегитимных политиков, стало резкое обострение внутривнутриполитической ситуации в Украине, а, в конечном счете, неспособность новых киевских политиков «примирить» Запад и Юго-восток Украины. Во-вторых, и это главное, изменился статус и вес России в международных отношениях. Россия защитила права населения Крыма, присоединив полуостров на основе проведенного референдума. В истории Европы имел место аналогичный прецедент. В 1955г был проведен референдум в Сааре, входившем в состав Франции, после второй мировой войны. 72% жителей высказались на референдуме за присоединение Саара к Германии и в 1957г. воссоединение немецкого Саара с Германией состоялось¹¹. Этот прецедент противоречит распространенному заблуждению, что ни одна страна никогда не позволяла своей части решать судьбу на референдуме. Кроме того угроза безопасности в отношении населения Крыма существовала реально. Об этом свидетельствуют события на Юго-востоке Украины, где жертвами столкновений становится мирное население.

4. В условиях однополярного мира явный перевес в решении международных проблем пока сохраняют за собой США и Запад, Но одновременно именно они несут ответственность за разворачивающуюся гражданскую войну на Украине.

5. Решение вопроса по присоединению Крыма выявило явное противоречие между двумя принципами Вестфальской системы международных отношений: суверенитета и принципа права наций на самоопределение. Это противоречие и привело к тому, что американцы поддерживают независимость Косово, опираясь на принцип права нации на самоопределение, а объявление независимости и последующее присоединение Крыма к РФ, трактуют, как аннексию, нарушение суверенитета и территориальной целостности Украины. В основе Вестфальской системы – принцип суверенитета. Сегодня в условиях глобализации, суверенные государства вынуждены считаться, с одной стороны, с международными организациями и институтами, с другой – с собственными регионами, которые, наряду с государствами, участвуют в решении проблем внутренней и внешней политики.

6. Теория политического либерализма обращает внимание на то, что в перспективе в международных (а не межгосударственных отношений) растет значение глобального бизнес сообщества, а также общественных объединений на основе культурных, этнических, религиозных и др. ценностей. Исходя из этого, сейчас уже очевидно, что уровень глобализации, в частности, в сфере экономики делает весьма проблемными многие санкции, введенные или вводимые США и Европой, не только для России, но и для тех стран, которые вводят эти санкции.

7. Дискуссионным является вопрос, идет ли «холодная война» по типу той, что шла до конца 80-х годов прошлого века. Есть некоторые признаки, что она началась: наращивается военное присутствие НАТО на территориях, приближенных к границам России. Россия также обозначает свое присутствие в виде учений на своих западных границах. Кроме того идет настоящая информационная война. С другой стороны, изоляция России, «железный занавес», как это было в годы холодной войны, в современных условиях уже невозможно осуществить.

Примечания:

¹ Опрос проведен 24- 28 марта 2014 СЦОМ. Опрошено - 66 респондентов. Из них 70% студентов, 18% магистрантов, 11% преподавателей.

² Вильшанская Е. Хотят ли русские войны? Как события на Украине отразились в зеркале российской социологии? /Профиль №10/17.03.14 деловой еженедельник. – С.13.

³ Одесский политик Игорь Марков убежден, что Украина сохранит целостность и суверенитет <http://trassae95.com/lyubashevskij/news/2014/03/06/odesskij-politik-igorj-markov-ubezhden-chto-ukraina-sohranit-celostnostj-i-suvereni>

⁴ Политический реализм/ Материал из Википедии — свободной энциклопедии <http://ru.wikipedia.org/wiki/> 27.04.2014

⁵ А.А. Косоруков Детерминанты принятия внешнеполитических решений/ Политика, Государство, Управление. сб. статей. Москва Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова 2014с. 342

⁶ Неореализм (политология)/ Материал из Википедии — свободной энциклопедии <http://ru.wikipedia.org/wiki/> 27.04.2014

⁷ Концепция либерализма в современных международных отношениях/ Международные отношения История <http://mrjcf.ru/2012/06/kontseptsiya-liberalizma-v-sovremenny-h-mezhdunarodny-h-otnosheniyah.html>

⁸ Материал из Википедии <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

⁹ Материал из Википедии <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

¹⁰ Владислав Иноземцев. Гуманитарные интервенции / Космополис <http://polit.ru/article/2005/04/29/intervenstia/> 29 апреля 2005, 12:01

¹¹ Саар решил свою судьбу дважды. <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

Юнусова А. Б. (г.Уфа)

ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ – ЭТО ЧАСТЬ ТВОЕЙ ВЕРЫ. МУСУЛЬМАНЕ РОССИИ НА СТРАЖЕ ОТЕЧЕСТВА

Мусульманское население России наравне со всеми во все века защищало государство, охраняло его рубежи, принимало участие в военных кампаниях. Башкиры-мусульмане, добровольно приняв в середине XVI в. подданство «белого царя», по первому зову властей выступали в походы воевать за Российскую империю, охраняли ее границы. Башкиры были в составе русских войск во время Ливонской войны 1557–1558 гг., в войне с Крымским ханством 1570–1572. В башкирском шежере (летописи рода) указано, что царь «Иван Васильевич призвал на помощь башкир» и они «Азау (Азов) воевали»¹. В XVII в. башкиры привлекались к участию в войнах, которые велись в интересах роста и дальнейшего укрепления Русского централизованного государства, участвовали в Крымском и Азовском походах середины XVII в., о чем в шежере сообщается: «И после этого в 1648 году, согласно данной на основе мусульманской религии клятве, верно служа великому царю, воевали Ригу, Азов и победили его [*т. е.* царя] врага»².

В 1798 г. было введено военно-административное управление в Башкирии и создано иррегулярное воинское соединение Башкиромещерякское войско, куда входили пятисотенные полки. По штатному расписанию на каждый полк предусматривался один мулла. Му-

сульманское духовенство Башкиро-мещерякского войска принимало участие в войнах России с наполеоновской Францией 1806–1807 гг. и 1812–1814 гг., русско-турецкой войне 1806–1812 гг., несло охрану восточных рубежей империи, участвовало в операциях по присоединению Казахстана и Средней Азии к России – в Хивинском походе 1839 г., военной операции против Кокандского ханства 1853 г.

При Николае I (годы правления – 1825–1855 гг.) мусульманское духовенство было допущено к исполнению духовных обязанностей в регулярной армии. После отмены системы кантонного управления и ликвидации Башкирско-мещерякское войско (Положение от 14 мая 1863 г. и постановление Государственного совета от 2 июля 1865 г.) на мусульман и мусульманское духовенство края, как и всей России в целом, распространялась всеобщая воинская повинность. Поступающие на военную службу мусульмане присягали императору, давая «клятву на Коране»:

**ФОРМА КЛЯТВЕННОГО ОБЕЩАНИЯ МУСУЛЬМАН,
ПОСТУПАЮЩИХ В ВОЕННУЮ СЛУЖБУ**

23 февраля 1864 г.

«Клятвенное обещание, с переводом оно на Джагатайско-Татарское наречие*:
Я, написавший внизу бумаги сей имя свое, клянусь Господом Всемогущим, в присутствии приславного Корана, произнося клятву: валахи, биялихи, таллахи, в том, что взял на себя и обязался служить верою и правдою Его Императорскому Величеству, моему Августейшему Владыке и Повелителю, Всемилоостивейшему Императору, Самодержавному Государю всея России Александру Николаевичу, и истинному и природному Наследнику Его Царства, Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу и Великому Князю Николаю Александровичу, и Им во всем повиноваться; и на службе Их не отступать от пролития крови моей и ради Их не задуматься жертвовать мою жизнь до последнего вздоха; предостерегать и оборонять всеми силами души и тела и всею возможностью моею все, что относится Самодержавству Повелителя моего, Августейшего Императора, силе и власти Его принадлежащим правам и преимуществам, как существующим ныне и узаконенным, так и тем, которые будут существовать кагда либо; употреблять все мои усилия на исполнение всего того, что потребуют обязанности верного служения Его Величеству, так же как и того, что касалось бы, каким бы то ни было образом, пользы и блага онаго. Если же узнаю об упущениях по службе Его Величества или о случае и происшествии, могущих обратиться во вред интересам Его Величества, или хоть на скольконибудь нанести им ущерб, обязуюсь не только извещать об этом немедленно тех, к кому, по службе, должно относиться подобное уведомление, но также с поспешностью устранять и отвращать их; хранить вверенную всякую Государственную тайну, которая бы мне открылась случайно, или доверена бы была мне от Высочайшего Императорского Правительства; исполнять с верностью и честью, надлежащим образом все, что потребует чин, который бы на меня был возложен, как по сему генеральному обещанию, так и согласно тому, что потребует всякое другое особое и определенное обещание, и, наконец, по

всем приказам и инструкциям, определяемым Именем Его Величества от предустановленных надо мною начальников. Для личной пользы своей, или в видах собственного интереса, или родственника, приятеля, или из личной вражды не делать ничего такого, что бы было противно требованиям моего долга службы и условиям клятвы моей; во всем вести себя так, как прилично верному слуге и честному подданому Его Императорского Величества, и как я должен буду во всем этом отдать отчет перед Богом в страшный день судный. Беру Бога Всевышнего и Правого в свидетели сей моей клятвы. Да требует Он с меня в ней отчета вечно и непрерывно и да лишит Он меня Своего покрова и Своего милосердия, если я не выполню оной. И потому прошу Его послать мне помощь и возможность душевную и телесную для выполнения клятвы сей. И Бог конечно есть наше прибежище и Он внемлет молитвам нашим. Закключаю сию мою клятву целованием преславного Корана. Аминь».³

Был установлен порядок приведения мусульман к воинской присяге.

ПОРЯДОК ПРИВЕДЕНИЯ К ПРИСЯГЕ И ТЕКСТ КЛЯТВЕННОГО ОБЕЩАНИЯ

Извлечение из свода военных постановлений 1869 года

1869 г.

5. Поступающие на военную службу магометане приводятся к присяге по особой форме, указанной ниже в Приложении III, на том из принятых в оной пяти языков, какой известен присягающему (пп. А-Д). Порядок приведения к присяге магометан следующий:

1) присягающий должен во время присяги держать два перста правой руки своей на раскрытом Алкоране, повторять слова присяги, которые ему читает духовное лицо магометанской веры, и по окончании клятвы целовать слова Алкорана;

2) лицо, наряженное для присутствия при принятии присяги, обязано:

а) проверять правильность выполнения оной по тому столбцу (прилож. формы), в котором татарские или другого восточного языка слова присяги изображены русскими буквами,

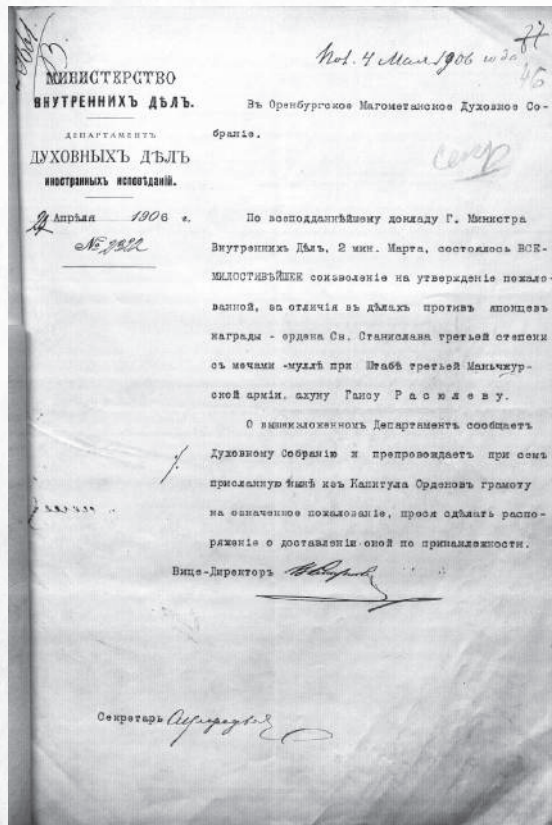
б) наблюдать, чтобы духовные лица магометанской веры во время чтения присяги, а в особенности при окончании оной, отнюдь не произносили фразы по-арабски «инша аллах», а по-татарски «аллах-тилясе» (т.е. Богу угодно), а также не переменили своего места и положения, чтобы после каждого продолжительного с их стороны перерыва чтения из-за кашля, обморока и проч., они возобновляли чтение присяжного листа;

3) в тех местах, где не окажется духовного лица магометанской веры, приведение к присяге магометан должно быть возложено на кого-либо из грамотных мусульман, а если присягающий сам грамотен, то ему самому предоставляется право читать слова присяги. За неимением же грамотных мусульман и за безграмотностью приводимого к присяге, лицо, наряженное для привода его к оной, должно читать ему слова присяги, написанные русскими буквами.

А-Д: джагатайско-татарское наречие, персидский язык, турецкий язык, арабский язык, азербайджано-турецкое наречие.

Приложение III. А. Клятвенное обещание с переводом онога на джагатайско-татарское наречие, персидский язык, турецкий язык, арабский язык, азербайджано-турецкое наречие (см. текст выше)⁴.

С началом русско-японская война 1904–1905 гг. в армию были призваны участие десятки тысяч мусульман и около 200 мулл, большинство которых непосредственно участвовало в военных действиях и прославились в боях. 14 мая 1904 г. Николай II повелел учредить на время военных действий по одной штатной должности мулл при штабе Маньжурской армии и штабе Приамурского военного округа. В японской кампании участвовали избранные Оренбургским магометанским духовным собранием муллы Гиниятулла Абызгильдин, Гирфан Рахманкулов, Хабибрахман Мухамадеев и другие. В штаб образованной в ноябре 1904 г. 3-й Маньжурской армии на должность военного муллы был назначен Гайса Расулев, двоюродный брат Зайнуллы Расулева. 2 марта 1906 г. мулла при штабе 3-й Манчжурской армии ахун Гайса Расулев «за отличие в делах против японцев» был награжден орденом Святого Станислава III степени с мечами⁵.

В годы Первой мировой войны турецкие солдаты, считает историк С.Исхаков, составляли до 10 % численности российской армии⁶. В этой войне российские мусульмане проявили себя как патриоты России. Между тем, в глазах миллионов мусульман мира Турция была носителем традиций Халифата, мусульманским духовным центром, и участие Турции в Первой мировой войне на стороне противника России могло внести брожение среди российских мусульман. Перед Духовным управлением, муфтием, мусульманским духовенством стояла задача предупредить возможные вспышки недовольства мусульман, особенно среди тех, кто подлежал призыву в армию. 14 октября 1914 г. Оренбургский муфтий Мухамедьяр Султанов выпустил специальную фетву с обращением к российским мусульманам: *«Мы, мусульмане, заодно со всем российским народом в эти тяжёлые времена должны подать помощь нашему государству к отражению неприятелей... И во времена прежних войн, защищая отечество, русские мусульмане показывали великие самопожертвования, и во времена настоящих, проходящих перед нами событий они, Бог даст, выкажут с избытком ещё раз свой патриотизм»*. В ноябре 1914 года муфтий обратился к верующим с разъяснением относительно Турции, заявив, что Турция сделала необдуманный шаг, и сделала его, несомненно, под влиянием Германии, что объявление джихада не вызвано ни интересами Турции, ни религией ислама. Муфтий подчеркивал, что в Российском государстве *«мы живём уже много веков и с ним сблизились исторически; в этом нашем отечестве мы живем, пользуясь земными благами и спокойствием; целостность нашего отечества, а равно и его мощь, есть источник нашего благополучия и нашего спокойствия... Нам, российским мусульманам, нужно, конечно, беречь свое отечество от врага»*⁷.

Позиция муфтия и Духовного собрания нашла поддержку у верующих. Во многих городах России при мечетях создавались курсы подготовки сестер милосердия, осуществлялся сбор пожертвований на нужды фронта. Активное участие в оказании помощи фронту принимали члены семей высшего духовенства, жены членов ОМДС, имамов. Невестка муфтия Марьям Султанова организовала курсы сестер милосердия, сама принимала участие в подготовке девушек для работы с ранеными, передала на нужды фронта свои личные сбережения⁸. Мусульманское духовенство отвечало за своевременное предоставление местным властям списков призывников в российскую ар-

мию и приведение к присяге на верность императору на сборных пунктах.

Мухамед-Сафа Баязитов, сменивший Мухамедьяра Султанова на посту муфтия в 1915 году, особое внимание уделял работе среди военнослужащих мусульман. Став муфтием, он направил Николаю II обращение: «Царская ставка, верховному главнокомандующему, государю императору. Ваше императорское величество. Сегодня мусульмане города Уфы и других местностей, собравшись на торжественное богослужение по случаю Рамазан-байрама, вместе со мной совершили молебствие о здравии и благоденствии вашего императорского величества и всей августейшей семьи. Я и моя паства дерзаем повергнуть к стопам вашего императорского величества чувства верноподданнической любви и преданности. Безгранично счастливые успехами наших доблестных войск под верховным водительством вашего императорского величества, возносим всевышнему Аллаху горячие молитвы о полном сокрушении дерзких врагов, во славу великой нераздельной России и державного ее повелителя, также на счастье многочисленных народностей ее, в том числе верных сынов вашего величества – в том числе верных сынов вашего величества – мусульман. Вашего императорского величества верноподданный оренбургский муфтий Мухаммед Сафа Баязитов». В июле 1916 г., когда мусульмане отмечали праздник разговенья (Ураза-Байрам), муфтий Мухаммад-Сафа Баязитов получил от Николая II благодарственное письмо, в котором говорилось: «Благодарю Вас и всех мусульман, собравшихся на торжественное богослужение по случаю праздника Рамазан-Байрама, за молитвы и выражение верноподданнических чувств. Высоко ценю доблесть многочисленных мусульман, сражающихся в рядах нашей храброй армии. НИКОЛАЙ». Император Николай II, признавая роль мусульманского духовенства в мобилизации солдатского духа, издал 5 июля 1916 г., во время Рамазана, приказ о введении должности дивизионного муллы. В тот же год за заслуги по организации деятельности мулл в тылу и на фронте Мухаммад-Сафа Баязитов был награжден орденом святого Станислава 2-й степени⁹. Кроме муфтия, многие военные муллы, а также члены различных мусульманских комитетов были представлены к награждению орденами и медалями. В частности орденом Анны III степени был награжден Хусаин Сеидбурханов, медалями – ахун при штабе Приморского военного округа Габдулгани Мурзин, военный имам при штабе 3 армии Шарафетдин Камалетдинов и другие¹⁰.

Мусульмане в Великой Отечественной войне

Война внесла существенные коррективы в отношение государства к церкви и верующим. Правительство понимало, что размах довоенной антирелигиозной политики привел к сокращению количества мечетей и церквей, но не верующих, и тем более не сломил их религиозного духа. К тому же потеря близких в войне, похорожки, смерть – все это заставило верующих отбросить в сторону различные условности и запреты, участились случаи открытого отправления религиозных обрядов, поминаний, жертвоприношений. В годы войны в церквях и мечетях звучали призывы к защите Родины, производился сбор средств, одежды, продуктов для нужд фронта, распространялись облигации государственных займов, верующие – и мусульмане, и христиане – участвовали в сборе денег для Красной Армии.

15 мая 1942 года мусульманское духовенство СССР под председательством муфтия ЦДУМ Габдрахмана Расулева собралось в Уфе на чрезвычайное совещание. В заявлении собравшихся, опубликованном в том же месяце в газете «Труд», нападение гитлеровцев на Советский Союз сравнивалось с крестовыми походами против мусульман в Средние века: «Фашистская Германия и ее приспешники – Италия и другие, так же как и 1100 лет назад в Испании, и в 1189 году в крестовом походе, ведут настоящую войну с целью завоевания мирового господства и порабощения народов, притесняя мусульман и уничтожая их религию, культуру и обычаи мусульман, стараются онемечить их». Под этим заявлением подписались председатель и члены ЦДУМа, имамы Москвы, Уфы, Казани, Новосибирска, мухтасибы Семипалатинска и Куйбышевской и Пензенской областей, представители мусульман Башкирии, Челябинской и Свердловской областей, Казахской ССР. Обращение муфтия Габдрахмана Расулева к мусульманам страны с призывом встать на защиту Родины и со словами «... покажите перед всем миром верность своей Родине, молитесь в мечетях и молитвенных домах о победе Красной Армии»¹¹ зачитывалось во всех мечетях страны, на собраниях верующих. В мусульманских приходах был начат сбор денег, одежды, продуктов для нужд фронта и поддержки семей военнослужащих. Мусульманское духовенство выступило в советской печати с обращениями к мусульманам СССР. За подписью казия и имама соборной мечети Ташкента Зияутдина Ишана Бабаханова была опубликована статья «Фашизм – враг правоверных мусульман», муфтий Габдрахман Расулев опубликовал статью «Учас-

тие мусульманского духовенства в борьбе народов Союза ССР против гитлеровской Германии».

На фронтах Великой Отечественной войны воевали тысячи мусульман, среди них – дети, родные и близкие арестованных, сосланных в лагеря, расстрелянных служителей ислама. Сражаясь за Родину, никто из них ни разу не усомнился в священном долге каждого мусульманина – защищать свое Отечество. В 1943 г. муфтий Габдурахман Расулев от имени мусульман Советского Союза направил Иосифу Сталину письмо с заверениями в поддержке Красной Армии, а также собранные им среди мусульман деньги на строительство танковой колонны. Личный денежный вклад муфтия составил 50 тыс. руб. 3 марта 1943 года газета «Известия» опубликовала письмо муфтия на имя Сталина: *«Воодушевленный успехами нашей славной Красной армии я лично вношу 50 тысяч рублей на строительство танковой колонны и особым посланием приглашаю верующих мусульман жертвовать на постройку танковой колонны»*. В том же номере была опубликована и ответная телеграмма Сталина: *«Благодарю Вас за Вашу заботу о бронетанковых силах Красной армии. Примите мой привет и благодарность Красной армии. И. Сталин»*.

Были также сформированы отдельные части из башкир, народов Северного Кавказа, которые в основном состояли из лиц, воспитанных в мусульманской традиции. К таким формированиям относится 112 кавалерийская дивизия, сформированная в Уфе в декабре 1941 г. на основании Постановления бюро Башкирского обкома ВКП (б) и СНК БАССР от 17 ноября 1941 года «О формировании двух кавалерийских дивизий из местной национальности» в соответствии с Постановлением ГКО СССР и полностью комплектовалась за счет людских и материальных ресурсов республики¹². Из башкирских и татарских сел и деревень, из колхозов Башкирской АССР для комплектования дивизии было передано 13,3 тысячи лошадей, упряжь, обмундирование, фураж и т. д. Комплектование личного состава проходило также в основном за счёт пополнения из сельских районов БАССР, мусульмане составили в целом 85,9 процентов личного состава дивизии (башкиры – 81,4 %, татары – 14,5 %, русские – 3,3 % и др. национальности – 0,8 %). Для формирования командного состава дивизии по разрешению Главного управления формирования Красной Армии с фронта, из других военных округов были отозваны командиры из башкир и татар, Командирами полков были назначены майор Тагир Кусимов (275-й кавалерийский полк), майор Гарей Нафиков (294-й кавалерийский полк),

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

майор Гариф Макаев (313-й кавалерийский полк). 25 декабря 1941 г. прибыл и вступил в должность командира дивизии легендарный полковник Миннигали Шаймуратов.

Командир 112-й Башкирской кавалерийской дивизии генерал-майор Миннигали Мингазович Шаймуратов¹³

112-я (16-я гв.) Башкирская кавалерийская дивизия была сформирована Дивизия прошла в боях и походах от Дона до Эльбы свыше 4 тыс. км. и получила почетное наименование Черниговская, ее знамя украсило ордена Ленина, Красного Знамени, Суворова и Кутузова II степени. За период военных действий около 4 тыс. воинов дивизии были удостоены орденов и медалей, 78 воинам было присвоено звание Героя Советского Союза.

Прославленная 112 кавалерийская дивизия дошла до Берлина, за участие в апреле–мае 1945 г. в Берлинской стратегической операции награждена орденом Кутузова II степени. Всего за годы Великой Отечественной войны дивизия прошла от Дона до Эльбы свыше 4000 км., 15 раз была отмечена в приказах Верховного Главнокомандующего, как отличившаяся в боях. 3860 воинов дивизии награждены орденами и медалями, 78 из них стали Героями Советского Союза и пятеро полными кавалерами ордена Славы. В настоящее время в Уфе создан музей 112-й (16-й гвардейской) Башкирской кавалерийской дивизии, сайт дивизии, на котором можно найти полный поименный список ее бойцов¹⁴.

112-я Башкирская кавалерийская дивизия. Слева-направо: командир 275-го полка Т.Кусимов, комиссар штаба дивизии Д.Ариткулов, командир 313-го полка Г.Макаев перед боем. 1942 г.¹⁵

Дома, в разоренных войной башкирских и татарских аулах, их ждали старики, матери и жены, сестры и дочери, терпеливо перенося все тяготы трудового тыла. Несмотря на то, что из всех мечетей Башкирии к 1941 г. действующими оставались чуть более 12, в каждой деревне оставались те, кто, обращаясь к исламу, находили слова утешения и моральной поддержки нуждающихся.

В годы Великой Отечественной войны, по данным военных комиссариатов, из городов и районов Дагестана было призвано в армию и на флот 126 432 чел. В частях РККА действовал бронепоезд «Имам Шамиль», в составе 1-й танковой армии действовала танковая колонна, носившая носила имя имама Шамиля, чье имя во время Великой Отечественной войны использовалось для поднятия духа и патриотизма солдат. Средства на её создание были собраны жителями Дагестанской АССР в 1942 году. 5 января 1943 года Иосиф Сталин через «Дагестанскую правду» поблагодарил дагестанцев за их вклад в Победу. Имя национального героя Дагестана, воевавшего за свободу мусульман Кавказа, поднимало дух советских солдат¹⁶. Из одного только Гунибского района Дагестанской АССР три тысячи солдат участво-

вали в боях с немецко-фашистскими захватчиками, 1340 из них остались на поле брани. Вместе с другими районами Дагестана гунибцы оказали большую помощь фронту по сбору средств на вооружение. За период Великой Отечественной войны было собрано на танковую колонну «Шамиль» – 1792217 руб., на авиаэскадрилью им. Дахадаева – 1274615 руб., на бронепоезд им М. Гаджиева - 110000 руб., на эскадрилью самолетов «Юный пионер» – 18431 руб.¹⁷

Из Азербайджанской ССР при общей численности населения в 3,4 миллиона человек (по состоянию на 1941 год) на фронт были призваны 681 тысяча человек, в том числе 10 тысяч женщин. 300 тысяч солдат, призванных из Азербайджана, погибли на полях сражений. За воинскую доблесть и подвиги, совершённые во время Второй Мировой войны, 128 уроженцев Азербайджана получили звание Героя Советского Союза, среди которых 42 были азербайджанцами по национальности, 14 из них были награждены посмертно. А советский военачальник, гвардии генерал-майор танковых войск Ази Асланов получил это звание дважды¹⁸.

Служа своему Отечеству, мусульмане России знают, что «Любовь к Родине – это часть твоей веры».

Примечания:

¹ Салават Асфатуллин. Башкиры в войнах Российской империи 1558-1798 гг. // History Illustrated. Электронный журнал. Доступно: http://www.history-illustrated.ru/article_2570.html?PHPSESSID=db46372172ff60886d34e76d89ab1a5e; Кусаинова Е.В. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV?XVII веках. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2005.

² Кузеев Р.Г. Башкирские шежере. Уфа, 1960 (со ссылкой на: Вельяминов-Зернов В. В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями. Приложение к Т. IV Записок Императорской Академии Наук. № 6. СПб., 1864. С. 13, 43).

³ Полное Собрание Законов Российской Империи. Собр. 2-е. № 40623. СПб, 1867. С. 64–66.

⁴ Свод военных постановлений 1869 года. Ч. 2. Войска регулярные. Кн. 6. Комплектование войск и управлений, заведений и учреждений военного ведомства. – СПб, 1907. С. 54–58.

⁵ Центральный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. 295. Оп. 10. Д. 564. Л. 77.

⁶ Исхаков С.М. Вместе или порознь. Тюрки-мусульмане в российской армии в 1914–1918 годы // Доступно: <http://www.tatworld.ru/article.shtml?article=592§ion=0&heading=0>.

⁷ Исхаков С.М. Указ. Соч.

⁸ Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999. С. 143; Юнусова А., Азаматов Д. 225 лет Центральному духовному управлению мусульман России. Уфа, 2013. С. 175.

⁹ Исхаков С.М. Вместе или порознь. Тюрки-мусульмане в российской армии в 1914–1918 годы // Доступно: <http://www.tatworld.ru/article.shtml?article=592§ion=0&heading=0>; Петр Мульгатули. Николай II и мусульмане // Проблемы национальной стратегии. 2013. № 4. С. 169–188.

¹⁰ Юнусова А., Азаматов Д. 225 лет Центральному духовному управлению мусульман России. Уфа, 2013. С. 179.

¹¹ Маглюмат аль – Булгар. 2010. № 4 (105). С. 5.

¹² Музей 112-й (16-й гвардейской) Башкирской кавалерийской дивизии. Доступно: <http://www.museum.ru/M3250>; <http://16bachkav.ucoz.ru/>

¹³ Фотовыставка Легендарная 112-я Башкирская кавалерийская дивизия (из фондов ЦГАОО РБ). Доступно: <http://www.gasrb.ru/gallery.php?alias=events&photo=151>.

¹⁴ http://16bachkav.ucoz.ru/publ/kniga_pamjati/18

¹⁵ Фотовыставка Легендарная 112-я Башкирская кавалерийская дивизия (из фондов ЦГАОО РБ). Доступно: <http://www.gasrb.ru/gallery.php?alias=events&photo=141>

¹⁶ *Имара Багирова*. Великий реформатор // Махачкалинские известия. 2012. 02.02. № 4. Доступно: <http://www.mi-dag.ru/print/8243/>

¹⁷ <http://www.gunib.ru/history.php>

¹⁸ Азербайджан в годы Второй мировой войны. Доступно: <http://sovzem.mgimo.ru/news/council/186575.phtml>

Секция 1.
НАРОДЫ ЮЖНОГО УРАЛА
В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Злобин Ю. П. (г.Оренбург)

ОРЕНБУРЖЦЫ В СОСТАВЕ РУССКИХ
ЭКСПЕДИЦИОННЫХ СИЛ ВО ФРАНЦИИ
В 1916–1918 ГОДАХ

История русских регулярных воинских формирований, сражавшихся в Первую мировую войну во Франции и Македонии, к настоящему времени неплохо освоена в отечественной историографии. Первые работы, посвящённые этой теме, появились в 20–30-е годы XX века и были представлены статьёй Н. В. Вольского, опубликованной под псевдонимом В. Валентинов, и обстоятельным трудом генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем русской армии генерала от инфантерии Ю. Н. Данилова¹. Затем наступил двадцатилетний перерыв. К данной теме на короткое время в начале 50-х годов обратился Г. М. Деренковский, опубликовавший статью, за которой последовал ещё один двадцатилетний перерыв².

Более интенсивно история русских частей, воевавших за рубежом, стала разрабатываться в 90-е годы XX века в статьях Т. Ю. Бурмистровой и А. А. Литвина, В. В. Комина, А. Ю. Павлова, С. С. Поповой³. Они существенно расширили проблематику исследования, но ввели в научный оборот термин «Русский экспедиционный корпус», которого в действительности не было. Можно сослаться на авторитетного свидетеля тех событий, русского военного агента (атташе) в Париже полковника графа А. А. Игнатьева. В своих воспоминаниях он писал: «Само название «экспедиционный корпус» создаёт представление о каком-то крупном военном соединении, выполнившем в мировую войну самостоятельную задачу где-то за пределами России. Однако я сам, как ни странно, услышал про русский экспедиционный корпус только после войны, приехав из Парижа в Москву ... Оказалось, что дело идёт о тех четырёх пехотных бригадах, которые одновременно были посланы во Францию и в Салоники под начальством генералов

Лохвицкого, Марушевского, Дидерихса и Леонтьева. Две из них находились на французском фронте, а другие две – на Салоникском. Они входили в состав французских армий и корпусов и никаким общим русским руководством объединены не были»⁴.

Затем были защищены кандидатские диссертации А. Ю. Павловым (1995 г.) и М. К. Чиняковым (2006 г.), опубликовавшими их содержание отдельными монографиями. В отличие от своих предшественников оба автора более точно определили регулярные части русской армии на Западноевропейском театре Первой мировой войны как «экспедиционные силы», а не как «Русский экспедиционный корпус»⁵.

Предыстория отправки русских бригад на помощь союзникам следующая. Осенью 1915 года, когда русская армия потерпела ряд поражений на Восточном фронте, связанных с нехваткой вооружения и боеприпасов, политические и военные руководители Франции и Англии находилось в твёрдой уверенности, что Россия всё ещё располагает значительными людскими ресурсами. В это время военная промышленность Франции по причине дефицита рабочей силы оказалась в настолько тяжёлом положении, что для работы на заводах пришлось возвращать солдат с фронта. У союзников России возникла идея отправки русских войск во Францию в обмен на вооружение, боеприпасы и другое военное имущество. 20 ноября 1915 года из Парижа в Петроград через Англию и Швецию отправился на переговоры член комиссии Сената по военным вопросам Поль Думер, будущий президент Франции в 1931–1932 годах. В мирное время он неоднократно посещал Россию, а в первые недели войны потерял на фронте всех своих четырёх сыновей, что не могло не вызвать сочувствия. На переговорах с императором Николаем II и начальником штаба Верховного главнокомандующего генералом М. В. Алексеевым П. Думер предложил послать во Францию 400 тыс. русских солдат, из которых можно было бы сформировать особые ударные роты в составе французских пехотных полков. У российской стороны такое предложение не вызвало восторга, но было решено отправить во Францию зимой 1916 года в порядке опыта одну пехотную бригаду из двух полков⁶.

По штатному расписанию, существовавшему в российской армии накануне войны, пехотный полк военного времени должен был состоять из 4-х батальонов, по 4 роты в каждом, и 1 нестроевой роты, всего 17 рот. Рота военного времени, считавшаяся основной тактической единицей, должна была насчитывать 202 рядовых, 20 унтер-офицеров и 4 офицеров⁷. Полковые команды: пулемётная, разведчиков и связи

доводили численность полка до 4 тыс. человек. По штату от 20 апреля 1915 года пехотные полки стали формироваться в воюющей армии уже в составе не 4-х, а 3-х батальонов общим числом в 3335 человек, а роты – численностью не в 226, а в 150–180 военнослужащих⁸.

Особые пехотные полки, формировавшиеся в составе бригад для отправки на Западноевропейский театр Первой мировой войны, также были трёхбатальонного состава, но в отличие от остальных полков Российской армии, не имели отдельных полковых команд. Однако в их структуру был включён дополнительно запасной маршевый батальон, являвшийся одновременно учебным и резервным. Личный состав носил на погонах римские цифры, от I до VIII, указывавшие номер особого полка. При отборе офицеров особых бригад учитывались следующие условия: безупречный послужной список, участие в боях, наличие наград и знание французского языка. Рядовой состав комплектовался, как правило, из новобранцев, прошедших ускоренную военную подготовку в запасных батальонах. В планируемый Русский экспедиционный корпус отбирали мужчин православного вероисповедания, с безукоризненной славянской внешностью, грамотных, ростом строго 176 см., чтобы красиво смотрелись в строю.

Штат 1-й Особой пехотной бригады, утверждённый Николаем II как Верховным главнокомандующим, выглядел следующим образом. Управление бригады насчитывало 12 офицеров, 14 военных чиновников и 98 нижних чинов (писарей, телефонистов, музыкантов, денщиков). Всего 124 человека. Бригада состояла из 2-х пехотных полков. В каждом полку было 3 батальона и 12 рот, включая одну пулемётную роту. Штат Особого полка включал 32 офицера, 6 военных чиновников, 3340 рядовых, всего 3378 военнослужащих. Кроме того бригада имела дополнительный запасной маршевый батальон с 29 офицерами и 1657 нижними чинами. Он служил для восполнения потерь остальных батальонов в будущих боях⁹.

1-я Особая бригада под командованием генерал-майора Н. А. Лохвицкого была спешно сформирована в январе-феврале 1916 года. Управление бригады и 1-й Особый полк формировались в Москве, главным образом из фабрично-заводских рабочих, а 2-й Особый полк – в Самаре, преимущественно из крестьян. Офицерские кадры выделили штабы Северного и Западного фронтов. В период формирования главное внимание уделялось строевой, а не боевой подготовке и внешнему виду военнослужащих. Эта бригада была отправлена в феврале 1916 года во Францию длинным путем – по Транссибирской магист-

рали на Дальний Восток и далее морем из порта Дайрен (порт Дальний, ныне – Далянь) вокруг Азии, через Красное море, Суэцкий канал, Средиземное море в Марсель. Более короткий путь через Балтийское море исключался из-за активности там немецких подводных лодок. В апреле 1916 года 1-я бригада прибыла в пункт назначения – порт Марсель и была направлена в военный лагерь Майи в Шампани. Он находился в расположении IV-ой французской армии генерала А. Гуро. Здесь бригада прошла обучение владению французским стрелковым оружием¹⁰. Французы организовали тёплый и дружественный приём для прибывших русских солдат.

В начале апреля 1916 года началось формирование 2-й Особой пехотной бригады под командованием генерала М. К. Дитерихса. Она создавалась из имевшихся боевых подразделений с фронтовым опытом, а не из новобранцев запасных батальонов. Эту бригаду отправили морем из Архангельска вокруг Скандинавского полуострова с риском встречи с немецкими надводными кораблями и подводными лодками. Но 2-я Особая бригада благополучно прибыла этим путём во французские порты Брест и Нант в июле 1916 года. Затем по железной дороге её перебросили через всю страну в Марсель, а оттуда морем из Франции в Салоники (север Греции) на Македонский фронт¹¹.

Тем временем в начале мая 1916 года в Россию прибыли новые французские переговорщики – заместитель министра артиллерии и вооружений Альбер Тома и бывший премьер-министр Франции в 1914–1915 годах Рене Вивиани. После встреч с генералом М. В. Алексеевым и императором Николаем II 11 мая 1916 года было подписано соглашение об отправке союзникам ещё 5 бригад по 10 тыс. военнослужащих в каждой, по одной бригаде ежемесячно, начиная с августа этого же года. Таким образом, место запрашиваемого 400-тысячного контингента российская сторона дала согласие на 7 пехотных бригад численностью в 70 тыс. человек, что было в 5 с лишним раз меньше, чем требовали представители Франции¹².

Выполняя условия этого соглашения, 21 мая 1916 года начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев издал приказ о формировании 3-й Особой пехотной бригады, полки которой должны отправиться во Францию в августе 1916 года. Управление бригады, 5-й Особый полк и запасной батальон должны были формироваться в Екатеринбурге, а 6-й Особый полк – в Челябинске, уездном городе Оренбургской губернии, от которого начиналась Транссибирская магистраль. Согласно приказу, офицеров для бригады дол-

жен был выделить Юго-Западный фронт, а рядовой состав – Казанский военный округ¹³. Приказ М. В. Алексеева поставил штаб фронта в сложное положение, поскольку на следующий день 22 мая армии Юго-Западного фронта начали массированное наступление в Галиции, вошедшее в историю как знаменитый Брусиловский прорыв. В этом наступлении потери русских войск составили 200 тыс. человек. Поэтому вместо положенных по штату 167 офицеров, штаб фронта сумел выделить для формирования 3-й Особой бригады только 129 человек¹⁴.

Командующим 3-й бригадой был назначен генерал-майор В. В. Марушевский, начальником штаба бригады – полковник А. А. Мурузи, командиром 5-го Особого полка – полковник В. Д. Нарбут, 6-го Особого полка – полковник Г. И. Сименов. Сохранились служебные формуляры этих офицеров, позволяющие дать краткую характеристику каждому из них.

Марушевский Владимир Владимирович, 1874 года рождения, русский, из дворян Петербургской губернии. Окончил Николаевское инженерное училище и в Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду. Участвовал и отличился в русско-японской войне 1904–1905 годов, был награждён 4 орденами. После войны служил в штабе войск гвардии и Петербургского военного округа в чине подполковника, а затем полковника. С 1913 года – начальник штаба 2-й Финляндской стрелковой бригады, с которой выступил на фронт мировой войны. За бои под Августовом и Ольшанской в 1914 году был награждён орденом Святого Георгия 4-й степени. С июня 1915 года – командир 7-го Финляндского стрелкового полка, генерал-майор. 3 июля 1916 года утверждён в должности командующего 3-й Особой пехотной бригадой, направленной во Францию¹⁵.

Мурузи Александр Александрович, 1872 года рождения, молдаванин. Из дворян Бессарабской губернии, князь. Образование получил в Пажеском корпусе, из которого выпущен в лейб-гвардии Уланский полк корнетом. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба по 2-му разряду. Участник русско-японской войны 1904–1905 годов в составе 2-го Читинского казачьего полка. За отличия получил чин есаула. После войны окончил Офицерскую воздухоплавательную школу со званием летчика-наблюдателя. В 1912–1914 годах – начальник Офицерской школы авиации, полковник. Участник мировой войны в составе 2-го Запорожского казачьего полка. За храбрость был награждён золотым Георгиевским оружием. В 1915 году служил на-

чальником штаба 16-й кавалерийской дивизии, командиром Полтавского казачьего полка. В 1916 году – штаб-офицер для поручений при штабе 3-го кавалерийского корпуса, затем начальник штаба 1-й кавалерийской дивизии. 3 июля 1916 года утверждён в должности начальника штаба 3-й Особой пехотной бригады¹⁶.

Нарбут Владимир Станиславович, 1872 года рождения, украинец, происходил из дворян Витебской губернии. Он окончил Московское пехотное училище. Перед мировой войной служил в 3-м Финляндском стрелковом полку в чине капитана. В 1912 году в составе группы офицеров посетил Францию, где знакомился с условиями службы в её армии. Хорошо владел французским языком. В 1914 году со своим полком ушёл на фронт, был награждён 3 орденами, стал подполковником, затем полковником и командиром 3-го Финляндского полка. 3 июля 1916 года утверждён в должности командира 5-го Особого пехотного полка 3-й Особой бригады¹⁷.

Сименов Георгий Иорданович, 1872 года рождения, болгарин по национальности. В 1909 году служил в чине штабс-капитана в 60-м пехотном Замосцком полку. Перед войной получил чин капитана. Участник Первой мировой войны в рядах этого полка. Командовал ротой и батальоном. В октябре 1914 года был награждён орденом Святого Георгия 4-й степени, затем удостоился ещё 2-х орденов. В октябре 1915 года получил чин полковника и стал командиром 60-го Замосцкого полка. 3 июля 1916 года утверждён в должности командира 6-го Особого пехотного полка 3-й Особой бригады. Пробыл в этой должности и в чине полковника до 25 сентября 1917 года¹⁸.

Таким образом, командный состав 3-й Особой бригады и её полков полностью соответствовал требованиям, выдвинутому штабом Верховного главнокомандующего с точки зрения возраста (42-44 года), боевого и организаторского опыта, полученных наград, знания французского языка.

К началу формирования 6-го Особого полка в Челябинске в июне 1916 года мобилизационные ресурсы Оренбургской губернии были уже основательно истрачены. В ходе 6 массовых мобилизаций 1914–1915 годов в Действующую армию были отправлены практически все обученные военному делу запасные рядовые и унтер-офицеры, прошедшие до войны срочную службу, а также большинство ратников Государственного ополчения 1-го разряда, годных к строевой службе, но не призванных в войска в мирное время по разным причинам¹⁹. Осенью 1915 года наступила очередь ратников ополчения 2-го разря-

да. В эту категорию зачислялись мужчины, имевшие физические недостатки, или получившие временные отсрочки по семейному положению, а также новобранцы, достигшие призывного возраста (20 лет)²⁰. По итогам 6-ой мобилизации, состоявшейся 30 октября 1915 года, уездные по воинской повинности присутствия Оренбургской губернии призвали в армию 6741 ратника 2-го разряда²¹.

В феврале-марте 1916 года в губернии были проведены 7-я и 8-я по счёту мобилизации. Они коснулись ратников 2-го разряда и небольшой группы ратников 1-го разряда, у которых истекли сроки отсрочек от призыва. Первая из этих мобилизаций проходила 1 февраля 1916 года. По ней в 5 уездах губернии подлежали призыву 6544 ратника 2-го разряда, но на призывные пункты прибыли только 5144 ратника, а остальные 1400 не явились по разным причинам. В ходе 8-й мобилизации, состоявшейся 25 марта 1916 года, в губернии было призвано 6167 человек, в том числе 5375 ратников Государственного ополчения 2-го разряда и 792 ратника 1-го разряда, у которых истекли сроки отсрочек от призыва²².

На первый взгляд контингент оренбуржцев, призванных в ходе двух мобилизаций 1916 года, был внушительным и равнялся 11 311 призывникам. Он позволял легко сформировать не только пехотный полк, но и бригаду из 2-х полков. Однако все эти ратники были людьми, необученными военному делу, к тому же многие из них имели определённые физические недостатки. Начальную военную подготовку они проходили в 264-ой, 265-ой, 267-ой, 268-ой, 270-ой и 694-ой Оренбургских пеших дружинах Государственного ополчения. В каждой из них насчитывалось от 5 до 8 учебных рот²³. Затем их направляли в запасные учебные батальоны 104-го, 105-го, 128-го, 238-го и 244-го пехотных полков, расквартированных в губернии²⁴. Там они завершали военную подготовку, получали новое обмундирование, предметы вещевого довольствия и отдельными маршевыми командами посылались в Действующую армию в качестве пополнения. Такая практика существовала до октября 1916 года. Но с октября месяца оренбургские пешие дружины, выполняя распоряжение штаба Казанского военного округа, стали отправлять наскоро обученных ратников прямо на фронт, минуя запасные учебные батальоны пехотных полков²⁵. К июню 1916 года большая часть призыва этого года уже оказалась на фронте.

Перед полковником Г. И. Сименовым, прибывшим с группой офицеров в Челябинск, стояла непростая задача подобрать рядовой

состав, который соответствовал бы образцу, заданному 1-й Особой бригадой (рост, внешний вид, грамотность, религиозная принадлежность). Чтобы её облегчить, штаб Казанского военного округа в начале июня 1916 года распорядился провести в губернии досрочный 9-й призыв ратников ополчения. Он коснулся тех новобранцев, которым во второй половине 1916 года должно было исполниться 20 лет. По его итогам, в формирующийся полк было зачислено 1748 новобранцев, русских, белорусов и украинцев, в большинстве своём крестьян по роду прежних занятий²⁶. Но этот контингент составил только 50% от требуемого количества рядовых. Распоряжением штаба округа на доукомплектование полка из запасных батальонов, находившихся в Казанской и Уфимской губерниях, были направлены команды обученных новобранцев, также преимущественно их крестьян. Из Действующей армии были вызваны солдаты-фронтовики с боевым опытом, успевшие отличиться и, в большинстве своём, георгиевские кавалеры. Но набирали их из разных частей и боевой спайки друг с другом они не имели. В результате личный состав 6-го Особого полка получился смешанным: 9 рот новобранцев и 3 роты фронтовиков, по одной роте в каждом из 3-х батальонов. Только таким способом удалось довести полк до штатной численности²⁷.

В отличие от 1-й и 2-й Особых пехотных бригад солдат 3-й бригады сумели обучить владению французскими винтовками и пулемётами. В каждом полку нужно было сформировать 3 пулемётные роты с вооружением в 12 пулемётов. В июне 1916 года в Россию для этой цели было отправлено 10 тыс. винтовок и небольшое количество пулемётов вместе с французскими инструкторами. Поставки вооружения продолжались все летние месяцы и составили 45 тыс. винтовок и 40 пулемётов. Часть этого вооружения пошло на обучение солдат 3-й и 4-й Особых бригад, но большая часть была направлена на Кавказский фронт, остро нуждавшийся в стрелковом оружии²⁸.

К 6 августа 1916 года формирование 3-й Особой бригады численностью в 9500 человек завершилось, её полки погрузились в эшелоны и по железным дорогам были отправлены в Архангельск. Перед отправкой офицеры и солдаты получили новое обмундирование, на погонах которого были римские цифры V и VI, указывавшие номер особого полка, но выехали в путь без оружия. Только знамённые группы были вооружены русскими винтовками системы Мосина со штыками и имели подсумки с патронами. Посадка на английские пароходы в Архангельске началась 18 августа 1916 года. Первыми 19 августа от-

правились в длительный морской путь 5-й полк и управление бригады. Вслед за ними 31 августа вышли пароходы с 6-м полком, батальоны которого высадились в Сент-Назере и Нанте на западном побережье Франции в середине сентября. 3-я бригада была также направлена в военный лагерь Майи в Шампани. Личный состав получил французские винтовки и пулемёты, средства связи, противогазы и продолжил обучение владению ими. К бригаде были прикомандированы французские офицеры и солдаты, которые знали русский язык и могли служить переводчиками. В штабе бригады было 9 таких офицеров и 17 солдат, в каждом полку – по 4 офицера и 35 солдат, в запасном батальоне – 2 офицера и 2 солдата²⁹.

Следом за 3-й Особой бригадой была сформирована в Москве 4-я бригада (180 офицеров, 9368 нижних чинов) во главе с генерал-майором М. Н. Леонтьевым. 4-я Особая бригада, как и 3-я, была укомплектована по смешанной системе. В состав рот, скомплектованных из запасных батальонов, входили ратники ополчения 1-го разряда, имевшие поверхностную военную подготовку. Поэтому полки бригады пополнили 6 рот, выделенных их Действующей армии. Офицеров для этой бригады выделил Северный фронт. Перевозка бригады во Францию состоялась во второй половине сентября 1916 года. Но по решению французского правительства её отправили по Средиземному морю в Салоники на Балканский театр военных действий³⁰.

Выполняя взятые обязательства, русское командование в августе-сентябре 1916 года приступило к формированию 5-й, 6-й и 7-й Особых бригад. Были назначены командиры бригад и будущих полков, личный состав которых собирался в Москве, Пензе, Туле и Казани. Но уже в сентябре их отправка во Францию оказалась под вопросом и вскоре была отменена. В августе 1916 года в войну на стороне Антанты вступила Румыния, армия которой была немедленно разгромлена противником. Спасая этого союзника, Россия была вынуждена открыть новый Румынский фронт, что потребовало значительных воинских контингентов. Всего, по данным А. Ю. Павлова, в 1916 году во Францию было перевезено морским путём 844 офицера и гражданских чиновника и 43 559 нижних чинов³¹.

Пехотные бригады, разрозненно прибывшие во Францию, не имели единого русского командования и находились в подчинении у главнокомандующего французскими армиями Ж. Жоффра. Он решил использовать 1-ю и 3-ю бригады на Западном, а 2-ю и 4-ю – на Македонском фронтах. Ж. Жоффр планировал в будущем создать на их

основе отдельные русские дивизии. К боевой службе на французском фронте русские солдаты приступили в ночь на 17 июня 1916 года, когда подразделения 1-й Особой бригады заняли один из участков IV-й французской армии А. Гуро. Сектор, занятый ими, находился к востоку от города Реймса, примыкая своим правым флангом к реке Сюипп, близ села Оберив. 16 октября 1916 года полки 3-й бригады сменили на фронте 1-ую бригаду, отправленную на отдых и обучение в лагерь Майи³².

Из приказа В. В. Марушевского по 3-й бригаде видно, что на правом фланге этого сектора были размещены 2 батальона 5-го полка под начальством полковника Рытова. Центр и левый фланг позиции заняли 2,5 батальона 6-го полка, ими командовал полковник Г. И. Сименов. В окопах находились 60 пулемётов, 7 траншейных орудий и 9 прожекторов. Остальные 1,5 батальона составили резерв под руководством подполковника Анисимова. Бригаду должны были поддерживать огнём 14 лёгких батарей (68 орудий) и 4 тяжёлых батареи (4 пушки и 4 гаубицы). Кроме того бригаде В. В. Марушевского были приданы 1,5 роты французских инженерных войск с 2 прожекторами, телефонная команда, голубиная почта, госпиталь и санитарный автомобильный транспорт. Таким образом, обеспечение 3-й бригады артиллерией, пулемётами, средствами связи, автотранспортом выглядело внушительным по сравнению с русскими войсками, сражавшимися на Восточном фронте³³.

Оставшиеся месяцы 1916 года прошли в относительно спокойной обстановке. На участке фронта, вверенном 3-й бригаде, противоборствовавшие стороны не предпринимали попыток решительным образом изменить ситуацию. Дело ограничивалось разведкой противника и отражением вражеских вылазок, производимых с той же целью. Например, 18 декабря для уточнения сведений, полученных накануне группой разведчиков под командованием подпоручика 6-го полка Богуславского, две полуроты атаковали германские позиции. Разведка боем прошла успешно – было уточнено расположение войск противника и взяты пленные. Боевое крещение 3-я Особая бригада получила 31 декабря, когда успешно отразила достаточно серьёзную атаку немцев, предпринятую после недолгой артиллерийской подготовки³⁴. Потери бригады за октябрь-декабрь 1916 года составили: 1 убитый и 3 раненых офицера, 67 убитых и умерших солдат и 404 раненых рядовых³⁵.

31 января 1917 года 6-й Особый полк был подвергнут серьёзному испытанию – атаке удушливыми газами. Сохранился и опубликован

А. Ю. Павловым доклад полковника Г. И. Сименова о событиях этого дня ³⁶. С 16 часов на позиции 6-го полка и соседнего 209-го французского полка пошли волны бесцветного газа, затем – облака хлора. Скорость ветра было 2,5 метра в секунду со стороны германцев. «Газ был настолько густ и силен, – сообщал Г. И. Сименов, – что дышать и в хорошо пригнанной маске было трудно, и все люди задыхались, особенно в первое время» ³⁷. Одновременно противник открыл ураганный огонь из пулемётов, лёгких и тяжёлых артиллерийских орудий. Ему ответили артиллерия и пулемёты союзных войск. В 16 часов 25 минут началась эвакуация в тыл отравившихся и раненых. В 17 часов 20 минут командир полка отдал приказ раздать и надеть вторые, запасные, противогазы и быть готовыми к отражению атаки германцев. Под прикрытием газа и артиллерии немцы попытались атаковать, но, получив отпор, отступили. Только в 22 часа офицерам и солдатам разрешили снять противогазы. 6-й полк оставался в полной боевой готовности до 11 часов 20 минут утра следующего дня. Потери полка в событиях 31 января составили 537 человек, в том числе убитыми и умершими от отравления – 34 солдата, отравленными газом и эвакуированными в тыл – 185 человек (в том числе 3 офицера), ранеными и контуженными – 318 солдат. Получили лёгкие отравления, но остались в строю полковник Г. И. Сименов и 11 офицеров, в числе которых были 3 французских офицера, прикомандированных к полку ³⁸.

Химическую войну против германцев вели и союзные войска, но не всегда успешно. Предпринятая ответная газовая атака в ночь на 17 февраля 1917 года на немецкие позиции успехом не увенчалась: газовое облако частично вернулось обратно. Пострадало 13 русских и 120 французских военнослужащих. Все эти 120 человек входили в состав французской газовой роты, приданной 3-й бригаде после событий 31 января ³⁹. Свою первую боевую службу 3-я Особая бригада закончила 12 марта 1917 года, когда её сменила 185-я французская территориальная бригада. Русские полки вывели в тыл на берега реки Марны.

В ноябре 1916 года на конференции делегаций стран Антанты в Шантильи под Парижем было решено начать совместное наступление против Германии на всех фронтах мировой войны. Главный удар намечался на Западном фронте. С этой целью главнокомандующий французской армией генерал Ж. Жоффри был заменён в декабре 1916 года героем Вердена решительным и энергичным генералом Р. Нивелем. Последний был убеждённым сторонником стратегии решительного наступления. Это сражение, проходившее с 9 апреля по 5 мая

1917 года, вошло в историю как «наступление Нивеля» или «бойня Нивеля»⁴⁰. В нём приняли участие и русские экспедиционные бригады. К этому времени в полках особых бригад произошли серьёзные изменения в настроении солдат, узнавших о событиях февраля 1917 года в России и об отречении Николая II от престола, которому они принесли присягу. Солдаты потребовали от командиров свобод, объявленных в приказе № 1 Петроградского совета от 14 марта 1917 года. Для успокоения личного состава генералы Н. А. Лохвицкий и В. В. Марушевский объявили о создании в полках временных солдатских комитетов. Будущий советский маршал Р. Я. Малиновский, служивший в 1-ой Особой бригаде пулемётчиком, став председателем ротного комитета, вспоминал о настроениях в полках накануне наступления: «Все чувствовали себя как-то обречённо, понимали, что хотят они этого или не хотят, а в наступление идти придётся»⁴¹.

1-я Особая бригада была включена в состав VII-го корпуса и с 3 марта 1917 года занимала участок фронта напротив деревень Курси и Луар. 3-я Особая бригада вошла в состав XXXII-го корпуса и в начале сражения находилась в резерве V-ой французской армии⁴². В ходе сражения её подразделения активно использовались в атаках на укрепления противника.

16 апреля 1917 года первыми в бой вступили 1-й и 3-й батальоны 6-го Особого полка под общим командованием полковника Бромова, направленные на помощь 40-й французской пехотной дивизии из XXXII-го корпуса, наступавшей в первой линии атаки. Они приняли участие в сражении за высоту 108. В 18 часов вечера эти батальоны пошли в атаку на высоту и, несмотря на сильный артиллерийский и пулемётный огонь неприятеля, ветер и снег, заняли её. К наступлению ночи немцы выбили атакующих французов со всех занятых ими позиций, за исключением высоты 108, на которой цепко держались 1-й и 3-й батальоны 6-го полка⁴³.

В этот же день 2-й батальон 6-го полка, возглавляемый полковником Г. И. Сименовым и 5-й Особый полк полковника В. С. Нарбута были направлены на помощь 37-й пехотной дивизии генерала Гарнье-Дюплесси из VII-го корпуса. Потеряв связь с проводниками в сильный снегопад, они заблудились и заняли отведённые им позиции только в середине дня 17 апреля. Атака 37-й дивизии из-за плохой погоды была перенесена на 19 апреля, что позволило противнику подготовиться и вечером 18 апреля предпринять контратаку. Нападение немцев было отбито, но 5-й полк потерял 200 военнослужащих убитыми и ранеными⁴⁴.

19 апреля в середине дня началось наступление 5-го полка, который при поддержке 2-го батальона 6-го полка занял три линии немецких траншей, а после ожесточённого штыкового боя захватил высоту Мон Спен. Но при дальнейшем выдвигании вперёд русские батальоны столкнулись с превосходящими силами противника в количестве 3-х полков, попали под перекрёстный огонь и, чтобы не оказаться в окружении, вынуждены были отойти на исходные позиции. 20 апреля ослабленную бригаду вывели в тыл на левый берег реки Марны⁴⁵. На этом участие 3-й бригады в апрельском наступлении 1917 года завершилось.

В четырёхдневных боях 6-й Особый полк проявил себя достойным образом, показав лучшие боевые качества. Офицеры и солдаты полка зарекомендовали себя бесстрашными воинами. Попытки немцев сломить их морально-боевой дух не удались. Частые атаки германской пехоты на позиции, занятые батальонами полка, пресекались решительными контратаками. В некоторых случаях вырвавшиеся вперёд во время атаки русские подразделения, не получали поддержки со стороны французов на флангах. Им приходилось оставлять неприятельские позиции, занятые ценой огромных потерь.

В общем итоге, надежды главнокомандующего Р. Нивеля на прорыв германского фронта не состоялись. При атаке противника плотными массами пехоты части союзников были встречены массированным огнём артиллерии, пулемётов и понесли тяжёлые потери. Французы потеряли убитыми и ранеными 180 тыс. человек, англичане – 160 тысяч. Потери германской армии были в 2,1 раза меньше – 163 тысячи, из них 29 тыс. пленными. Генерал Р. Нивель был смещён со своего поста и заменён генералом А. Петэном⁴⁶. Прямым следствием неудачной апрельской операции было открытое возмущение во французской армии. Весной и летом 1917 года по ней прокатилась волна массовых актов неповиновения. Они охватили в общей сложности 16 из 36 корпусов французской армии – почти половину всех её соединений⁴⁷.

Провал наступления в апреле 1917 года показал, что одного героизма и мужества солдат недостаточно для успешных боевых действий, в первую очередь, необходимы высокая слаженность и тесное взаимодействие союзных войск. Потери, нанесённые противником бригаде генерала В. В. Марушевского, оказались внушительными. По сведениям Ю. Н. Данилова, в этом наступлении 3-я Особая бригада потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести 34 офицера и 2034

солдата, или 22% от штатной численности. В 6-м Особом полку были убиты 4 офицера и 13 ранены, 103 солдата и унтер-офицера убиты, 657 ранены и 125 пропали без вести. Общие потери этого полка в «бойне Нивеля» составили 902 человека или 26,5% от штатной численности⁴⁸.

Французское командование по достоинству оценило заслуги 3-й Особой бригады. В приказе по V-ой французской армии № 174 от 1 мая 1917 года говорилось: «3-я русская Особая бригада в составе 5-го и 6-го Особых пехотных полков, тщательно подготовленная своим командиром генералом Марушевским, показала блестящую выдержку в бою. Получив приказание овладеть укрепленным пунктом, вышла в атаку с большой доблестью, преодолев смертоносный огонь противника»⁴⁹. По этому приказу командующий армией генерал Мазель наградил 3-ю бригаду Военным крестом с пальмой на знамёна 5-го и 6-го полков. Ранее, 29 апреля вышел приказ № 270210 по VII-у корпусу, в котором также превозносилось мужество воинов 3-й бригады: «3-я русская Особая бригада, составленная из 5-го и 6-го полков, превосходно управляемая её начальником генералом Марушевским, вела себя блестящим образом под неприятельским огнём; получив задачу атаковать неприятельский опорный пункт, особенно сильно укрепленный, она двинулась в атаку с большим мужеством, не взирая на смертельный огонь неприятеля»⁵⁰.

Значительную убыль в личном составе особых бригад после неудачного наступления Р. Нивеля невозможно было пополнить из-за отсутствия подкреплений из России. Маршевые батальоны бригад таяли с каждым днём. К 22 мая 1917 года в 6 ротах маршевого батальона 1-й бригады было 338 человек, а в 7 ротах маршевого батальона 3-й бригады – 166 человек, т.е. фактически осталась одна рота. Генерал М. В. Марушевский просил штаб Верховного главнокомандующего прислать подкрепление в 60 офицеров и 2800 рядовых, а генерал Н. А. Лохвицкий – 50 офицеров и 3000 солдат, но подкрепления из России так и не прибыли. Из-за больших потерь боевой дух в русских войсках стал неуклонно снижаться⁵¹.

Приказом по русским войскам во Франции от 21 мая 1917 года 1-я и 3-я бригады были сведены в 1-ю особую пехотную дивизию, начальником которой был назначен генерал Н. А. Лохвицкий⁵². Он был настроен оптимистично и не исключал возможности развертывания этой дивизии «...при дальнейшей присылке войск, в корпус и даже армию»⁵³. Решением Временного правительства генерал М. В. Мару-

шевский в июле 1917 года был отозван в Россию и занял пост начальника Генерального штаба⁵⁴. После апрельского наступления обе бригады отвели в тыл на переформирование в хорошо оборудованный военный городок Ля-Куртин (у города Лиможа в 12-ом военном округе), имевший кирпичные казармы, склады и подсобные помещения. Во время их нахождения на новом месте различные организации русских политэмигрантов, в первую очередь социал-демократов и эсеров и, развернули среди личного состава политическую агитацию, стали сеять антивоенные настроения. Командование русских войск во Франции в это время находилось в растерянности. Представитель Ставки при Главной квартире французской армии генерал Ф. Ф. Палицын информировал генерала М. В. Алексева, что полки переживают острый кризис, «власть очень умалилась... отсутствие прямых связей из России очень волнует солдат... всё здесь чуждо русскому человеку, особенно в эту минуту, когда для него решаются важнейшие вопросы его жизни у себя дома». А преемник Ф. Ф. Палицына генерал М. И. Занкевич, военный представитель Временного правительства во Франции, в конце июня уже докладывал о «брожении в дивизии», которое «на почве ярко выраженного желания немедленного возврата в Россию в последние дни приобрело особо резкий характер». Наиболее остро переживали оторванность от дома, свою ненужность тысячи раненых. Для их лечения и эвакуации французское правительство не приняло надлежащих мер, поскольку не было готово к таким большим потерям⁵⁵.

Русские солдаты стали настойчиво требовать прекращения их участия в войне на французском фронте и немедленной отправки в Россию. Однако вместо попыток разрешения внутренних проблем в 1-й Особой дивизии, из Петрограда пришёл приказ военного министра А. И. Гучкова о продолжении войны. «Только победа даст нам возможность бодро смотреть на грядущее...», – говорилось в приказе⁵⁶. Пацифистские настроения особенно сильно охватили 1-ю Особую бригаду, и прежде всего её 1-й полк, состоявший из фабрично-заводских рабочих Москвы и Петрограда, имевших опыт забастовок и митингов. Солдаты 3-й Особой бригады, особенно её 5-го полка, наоборот, требовали поскорее отправить их на фронт, чтобы спасти от бездельности и недисциплинированности. Трения между обеими бригадами вылились в июне 1917 года в инцидент, который мог перерасти в вооружённое столкновение. Военнослужащие 1-го полка 1-й

Особой бригады избили и арестовали штабс-капитана 5-го Особого полка 3-й бригады В. Н. Разумова, находившегося в расположении 1-го полка. Узнав об этом, солдаты из его 1-й пулемётной роты приготовились выручать офицера, и даже расчехлили пулемёты. Однако благодаря своевременному вмешательству русского коменданта лагеря подполковника Гринфельда инцидент был ликвидирован⁵⁷.

Чтобы избежать подобных инцидентов, генерал М. И. Занкевич своим распоряжением вывел 8 июля 1917 года 5-й и 6-й полки 3-й бригады и около 1 тыс. солдат из 1-го и 2-го полков 1-й бригады в лагерь Фельтен в 25 км от Ля-Куртина. В новый лагерь перешли почти все офицеры 1-й Особой дивизии, утратившие контроль над своими подчинёнными. Затем эту часть дивизии перевели в лагерь Курно (у города Бордо в 18-ом военном округе), где её стали готовить к отправке на фронт. В Ля-Куртине осталось подавляющее большинство личного состава 1-й бригады и двух маршевых батальонов, состоявших из выздоровевших после ранений солдат. Их дальнейшими действиями руководил солдатский комитет 1-го Особого полка. Его возглавил Ян Янович Балтайс (Болтайс или Балтайтис), уроженец Добленского уезда Курляндской губернии, секретарём стал Михаил Иванович Волков, уроженец Волоколамского уезда Московской губернии. 30 июля куртинцам был предъявлен приказ-ультиматум М. И. Занкевича разоружиться и подчиниться Временному правительству. Но солдаты, оставшиеся в Ля-Куртине в количестве 8-9 тыс. человек, не подчинились этому приказу и требовали возвращения на родину. Согласно плану, разработанному совместно с французским командованием, генерал М. И. Занкевич окружил лагерь солдатами 5-го и 6-го Особых полков (14 рот) из лагеря Курно. В течение четырёх дней (16-19 сентября 1917 года) его обстреливали гранатами и шрапнелью на высоких разрывах из французских 75 мм полевых пушек русские артиллеристы из 2-й Особой артиллерийской бригады, следовавшей через Францию в Салоники на Македонский фронт. Масштабный артобстрел лагеря вынудил основную массу куртинцев сдаться. Несколько сотен упорствовавших во главе с унтер-офицером Афанасием Петровичем Глобой были арестованы. Аресту подвергли также ранее сдавшихся руководителей солдатского комитета Я. Я. Балтайса и М. И. Волкова. По официальным данным французского Военного министерства, погибли 9 куртинцев, 46 из них были ранены. Зачинщики беспорядков оказались в военной тюрьме Бордо (92 человека) и на острове Иль-д'Экс (300 человек). Остальных ста-

ли готовить к отправке на военные работы, сформировав из них 19 маршевых рот по 300-400 человек в каждой⁵⁸.

Сразу после наведения порядка в Ля-Куртине генерал М. И. Занкевич предложил командованию французской армии создать из добровольцев 1-й дивизии боевые части и послать их на фронт, поскольку, по его мнению, бездействие вредит дисциплине в частях. Правительство России против этого не возражало, но главнокомандующий французскими армиями генерал А. Ф. Петэн воспротивился отправке на фронт войск, имевших солдатские комитеты⁵⁹. К тому же вооружённое подавление Куртинского мятежа способствовало ещё большей деморализации и разложению полков 1-й Особой дивизии. Военный министр Франции Жорж Клемансо, во избежание подобных инцидентов, потребовал изъять боеприпасы и у солдат из лагеря Курно, используя для этого в качестве предлога учебные военные стрельбы⁶⁰.

На последнем этапе своего пребывания за границей личный состав Особых бригад оказался в полном подчинении у французского военного руководства. 23 октября (5 ноября) 1917 года орган Временного правительства, именуемый как «Междуведомственный Комитет по заграничному снабжению», вынес решение о невозвращении русских бригад на родину, и о возможности их использования если не на Западном фронте, то в качестве рабочей силы. Таким образом, Временное правительство за два дня до своего свержения официально предоставило Франции право распоряжения военнослужащими русских Особых бригад⁶¹. Дальнейшие события развивались стремительно. Временное правительство пало в результате захвата власти в России большевиками. Русские войска, находившиеся во Франции и на Балканах, оказались в сложной ситуации: Советское правительство отказалось от дальнейшего продолжения войны, а французское – отказалось его признать. Русские солдаты и офицеры за рубежом оказались людьми без Родины.

16 ноября 1917 года министр Ж. Клемансо издал приказ, согласно которому российские военнослужащие подлежали добровольной сортировке на три части. Им предоставлялось право выбора между: 1) службой во французской армии, 2) строительными работами в тылу армии, имевшими «военное значение», в составе рабочих рот, 3) принудительным трудом в Алжире в качестве «недобровольных рабочих». Самым выгодным выбором являлась работа в тылу, так как эти рабочие, помимо своего легионерского жалованья (75 сантимов в день; для сравнения – французский солдат получал 25 сантимов суточных), по-

лучали ещё и зарплату – 1,5 франка в день и один оплачиваемый выходной в неделю. Недобровольные рабочие в Северной Африке получали скудное жалованье в 0,25 сантимов в день. Сортируя солдат по трём категориям, французы оставили им возможность свободно переходить из одной категории в другую. Поэтому в течение последующего времени шло постоянное перемещение солдат⁶². После этого приказа 1-я Особая дивизия и её полки прекратили существование как воинские подразделения.

Личный состав 6-го Особого полка, поставленный перед таким выбором, разделился на три группы. Одна группа солдат откликнулась на призыв генерала Н. А. Лохвицкого и полковника Г. И. Сименова и записалась в Русский добровольческий легион, формирующийся для отправки на фронт. Большинство солдат выбрали трудовую повинность в тылу, которая была наиболее привлекательной, но на деле оказалась нелёгкой. Их труд использовался на строительстве оборонительных укреплений, на заводах, фабриках, рудниках, в сельском хозяйстве, лесоразработках и даже в торговом мореходстве⁶³. В рабочих ротах № 7/1 и № 7/7 умерли от разных болезней рядовые 6-го полка Батюта Иван, Беловицкий Григорий, Казанцев Николай, Качин Николай, Кудрин Фёдор, Романенко Ануфрий (Онуфрий)⁶⁴. Третья группа военнослужащих полка решила дожидаться окончания войны в североафриканских трудовых лагерях. Но там они оказались в положении военнопленных и трудились в условиях жёсткого режима под надзором алжирских стрелков⁶⁵.

Русский легион, формирующийся с декабря 1917 года в составе 4-х батальонов на военной базе в городе Лаваль, возглавил полковник Готуа Георгий Сименович. Он родился в 1871 году в Кутаисской губернии в грузинской дворянской семье. Окончил Тифлисское пехотное училище. Служил в Средней Азии в 19-м и 8-м Туркестанских стрелковых полках. В 1913 году получил чин капитана. В 1914 году в составе 8-го Туркестанского полка попал на фронт, где отличился и в августе 1915 года был награждён за храбрость Георгиевским оружием. Прибыл во Францию командиром 2-го батальона 2-го Особого полка. Затем стал полковником и командиром этого полка⁶⁶. Вместе с генералом Н. А. Лохвицким, который в начале января 1918 года выехал в Россию, был одним из инициаторов формирования Русского легиона и его первым командиром⁶⁷.

Командиром 1-го батальона Легиона стал капитан Мстислав Фёдорович Лупанов, бывший командир 12-й роты 6-го Особого полка,

2-м батальоном командовал подполковник Иеске, 3-м – полковник Балбашевский и 4-м батальоном – полковник Георгий Сименов, бывший командир 6-го полка. Официально Русский легион был оформлен постановлением президента Франции Р. Пуанкаре 11 апреля 1918 года и внесён штатное расписание французских вооружённых сил, в состав 1-й Марокканской дивизии, считавшейся одной из лучших. 1-й батальон Легиона численностью в 400 человек раньше других завершил формирование и отправился в её расположение 7 марта 1918 года. 2-й батальон Легиона был включён в состав 178-й французской дивизии и отбыл на фронт в Лотарингию 10 марта⁶⁸. Таким образом, батальоны Легиона использовались французским командованием разрозненно.

Батальону подполковника Иеске достался относительно спокойный участок фронта, а батальон М. Ф. Лупанова оказался на острие очередного германского наступления. В конце апреля 1918 года 1-й батальон Легиона отличился в тяжёлых боях под Амьеном, где сдерживал наступавших немцев. Небольшая русская часть действовала блестяще, выполнив все поставленные перед ней задачи. Капитан М. Ф. Лупанов прямо на поле боя был награждён орденом Почётного Легиона и Военным крестом с пальмовой ветвью. Вместе с ним Военные кресты получили капитан Иордан и поручик Мириманов, а также 4 унтер-офицера. Потери 1-го батальона составили 96 человек убитыми и ранеными⁶⁹. Были убиты в этом бою рядовые 6-го полка Гаврилов Николай, Григорьев Архип, Спиридонов Семён, Яковлев Иван, а ефрейтор Белкин Даниил скончался от полученных ран⁷⁰. Позже ещё один офицер, штабс-капитан Валериан Разумов, бывший командир 1-й пулемётной 6-го полка, был награждён за этот бой Военным крестом с пальмой. В приказе командующего французской 1-й армией о нём сказано следующее: «26 апреля 1918 г. при атаке неприятельских позиций, командуя пулемётной ротой, служившей поддержкой первой русской роте, защищавшей фланг, заметив замешательство в первой линии атакующей цепи соседней части, принял по собственной инициативе командование русской ротой, командир которой был ранен, и под сильным фланговым и продольным пулемётным огнём противника восстановил порядок. Затем повёл своих людей на первую линию неприятеля и своим хладнокровием, мужеством, спокойствием перед опасностью и полным презрением к смерти вызвал удивление всех... Отличный офицер, умеющий увлекать за собой своих людей»⁷¹.

В мае-июне 1918 года 1-й батальон Легиона принял участие в ликвидации прорыва противника под Суассоном. 27 мая внезапным ударом германские войска прорвали позиции французов. Атаке предшествовала интенсивная артподготовка с применением около 4000 орудий, использовавших как обычные, так и химические снаряды. Марокканская дивизия вновь должна была контратаками останавливать наступавшие германские войска. 30 мая снова отличились пулемётчики штабс-капитана Валериана Разумова, прикрывавшие фланг 1-го батальона Русского легиона и 8-го полка зуавов и однажды практически спасшие своих соратников от окружения. В сентябре 1919 года приказом военного представителя Верховного правителя России А. В. Колчака при союзных правительствах генерала Щербачева В. Н. Разумов за этот бой удостоился ордена Святого Георгия 4-й степени⁷².

В июле 1918 года 1-й батальон был выведен в тыл на отдых, а в августе пополнился подкреплением за счёт других батальонов Легиона. В сентябре он был переброшен на автомобилях снова на фронт и принял участие в прорыве укреплённой «Линии Гинденбурга», считавшейся неприступной. Очистив от неприятеля захваченные траншеи в районе населённых пунктов Тернии и Сорни, батальон 3 дня удерживал их под жестоким артиллерийским и пулемётным огнём. В ходе рукопашных схваток в плен было захвачено 160 немецких военнослужащих. Потери оказались незначительными – 9 убитых и 25 раненых, что свидетельствовало о высокой воинской подготовке легионеров⁷³. В числе убитых легионеров в сентябре-октябре 1918 года был рядовой 6-го полка Яковлев Иван⁷⁴. Приказом начальника Марокканской дивизии генерала Догана от 12 октября 1918 года были награждены за отвагу французским Военным крестом с серебряной звёздочкой 4 офицера и унтер-офицера из состава 6-го Особого полка. Подпоручик Урвачёв Павел (пулемётная рота): «Весьма храбрый офицер, 2-го и 3-го Сентября 1918 г. н./ст. командуя взводом, повел людей в бой с великолепным порывом, умело переводя их через зону завесного огня, избегая потерь. Своим спокойствием и хладнокровием и полным пренебрежением к опасности, вызвал восхищение всех». Подпрапорщик 5-й роты 6-го полка Рабченко Иван: «Унтер-офицер сказочной храбрости, проявивший решительность и собственную инициативу; уже отличился 27-го Апреля и 30-го Мая 1918 г. н./ст. Бросившись на штурм неприятельской позиции во главе группы солдат, уничтожил пулемётное гнездо и захватил пленных». Младший унтер-

офицер 8-й роты 6-го полка Лешев Степан: «Старый Легионер, участвовавший во всех боях Русского Легиона Готуа. Участвовал в боях с 2-го по 15 Сентября. В особенности отличился 14 Сентября, бросившись с отвагой на штурм неприятельской позиции с замечательным пылом и полным презрением к опасности». Младший унтер-офицер 7-й роты 6-го полка Кутышев Пётр: «В высшей степени храбрый и преданный унтер-офицер. Своей настойчивостью и хладнокровием способствовал захвату нескольких пленных, оказывавших упорное сопротивление»⁷⁵.

После перемирия воюющих сторон, заключённого 11 ноября 1918 года, 1-й батальон Легиона участвовал в оккупации германской территории союзными войсками по левому берегу реки Рейн у города Мангейма. 25 декабря 1918 года он был направлен вглубь Франции для демобилизации. На этом боевая деятельность русских легионеров завершилась⁷⁶.

По неполным данным, которые продолжают уточняться, безвозвратные потери 6-го Особого пехотного полка во Франции составили 345 человек, или 10% от его штатной численности. В числе погибших были 7 офицеров (поручик Лукашевич Василий, подпоручики Костин Александр, Филипенко Иван, Хитров Сергей, прапорщики Новиков Николай, Пигалев Дмитрий, Чуб Владимир) и 339 нижних чинов. Из них убиты в боях 6 офицеров и 167 рядовых, умерли от ран и болезней 1 офицер (подпоручик Костин Александр) и 165 солдат. Кроме того погибли в результате несчастных случаев 4 солдата (Белявский Адольф попал под поезд, Глушинский Степан поражён током трамвая, Задоя Пётр погиб в автомобильной катастрофе, Чистый Марк утонул). Ещё 2 унтер-офицера (Сабуров Андрей и Ушаков Степан) были расстреляны в апреле 1918 года за отказ сражаться с наступающим противником и призыв к остальным русским легионерам последовать их примеру⁷⁷.

После окончания Первой мировой войны Русский легион, согласно распоряжению военного министра Франции, представлял русскую армию в рядах союзников и пронёс российский флаг под Триумфальной аркой в Париже во время победного парада союзных войск⁷⁸.

Таким образом, солдаты 6-го Особого пехотного полка, состоявшего наполовину из уроженцев Оренбургской губернии, проявили себя самым достойным образом на полях сражений во Франции. 6-й полк и его военнослужащие неоднократно отмечались в приказах французских военачальников разного уровня с апреля 1917 года и по

ноябрь 1918 года. С мая 1917 года на знамени полка находилась заслуженная награда – французский Военный крест с пальмой. Несмотря на тяжёлые потери, 6-й Особый полк сохранил верность присяге и союзным обязательствам России в период Куртинского кризиса лета и осени 1917 года. После расформирования полка часть его военнослужащих добровольно вошли в состав Русского легиона, в рядах которого храбро и умело сражались до окончания мировой войны.

В трагических обстоятельствах революционных потрясений в России и начавшейся Гражданской войны русские офицеры и солдаты Особых пехотных бригад за границей оказались заложниками обстоятельств. Возвращение на родину многих из них заняло годы, некоторые так и не смогли вернуться, а другие попали вовсе не в Россию, куда так стремились.

Приложение

Список безвозвратных потерь 6-го Особого пехотного полка 3-й Особой пехотной бригады в 1917–1920 годах⁷⁹

А

1. Абдулсатаров Резван, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
2. Абдулхафизов Мирвалий, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.
3. Александров Семён, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
4. Аликин Агей, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.
5. Альхимов Константин, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.
6. Андурок Кирилл, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
7. Атасов Иван, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.
8. Ахметчин Мухамадьяр, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
9. Ахтямов Гайнулла, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

Б

10. Бабинов Николай, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

Секция 1. НАРОДЫ ЮЖНОГО УРАЛА В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

11. Бабич Михаил, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.
12. Базуев Александр, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.
13. Базыктн(е) Александр, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
14. Бакун Захар, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
15. Барышев Дмитрий, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
16. Басюль Иван, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.
17. Батуев Максим, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
18. Батюта Иван, солдат, 6-й ОПП, затем в рабочей роте № 7/7, умер в декабре 1918 года, похоронен во Франции.
19. Белкин Даниил, ефрейтор, 6-й ОПП, затем в Русском легионе, умер, похоронен во Франции.
20. Беловицкий Григорий, солдат, 6-й ОПП, затем в рабочей роте № 7/7, умер в декабре 1918 года, похоронен во Франции.
21. Белявский Адольф, солдат, 6-й ОПП, убит поездом, похоронен во Франции.
22. Белявский Антон, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
23. Берсенев Иван, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
24. Берсенев Потап, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
25. Бобрик Владислав, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
26. Бобров Пётр, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.
27. Богданов Матвей, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.
28. Богдановский Иван, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
29. Бойко Николай, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
30. Болдырев Дорофей, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
31. Борисенко Иван, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

32. Бородин Сергей, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
33. Бочан Григорий, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.
34. Боярщинов Никон, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.
35. Брановицкий Пётр, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
36. Бревенников Мартын, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
37. Бугаев Михаил, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
38. Буранов Иван, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.
39. Бурнин Игнатий, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
40. Быков Пётр, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
41. Быстров Андрей, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

В

42. Васяев Никифор, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.
43. Ведерников Яков, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
44. Ведерников Яков, солдат, 6-й ОПП, умер от ран, похоронен во Франции.
45. Векця Яков, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
46. Винокуров Василий, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.
47. Возмилкин Гавриил, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
48. Войтешин Фёдор, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
49. Волков Григорий, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
50. Вшивцев Михаил, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

Г

51. Гаврилов Николай, солдат, 6-й ОПП, затем в Русском легионе, убит, похоронен во Франции.

52. Галанов Лаврентий, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
53. Галев Фёдор, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.
54. Галей Антон, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
55. Гапонюк Павел, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.
56. Генчиков Иван, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
57. Герасимов Прокопий, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.
58. Герус Сергей, солдат, 6-й ОПП, умер 09.12.1918 года в Сан-Реми, похоронен в Везуле (Франция).
59. Гецман Иосиф, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.
60. Гладков Степан, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
61. Глухов Яков, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
62. Глуховченко Михаил, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.
63. Глушинский Степан, солдат, 6-й ОПП, убит током трамвая, похоронен во Франции.
64. Говорухин Гавриил, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.
65. Голев Николай, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.
66. Голомазов Иван, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
67. Голубев Яков, солдат, 6-й ОПП, убит,
68. Гоменюк Иван солдат 6-й ОПП убит, похоронен во Франции.
69. Гонгон Алексей, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.
70. Горбачёв Иван, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
71. Горбунов Фёдор, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.
72. Гордеенко Илья, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
73. Горохов Афанасий, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
74. Горячов Иван, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

75. Грехов Иван, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

76. Григорьев Архип, солдат, 6-й ОПП, затем в Русском легионе, убит, похоронен во Франции.

77. Гузек Владислав, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

Д

78. Давыдовский Иван, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

79. Деведенидов Фёдор, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

80. Деменев Тихон, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

81. Денисеня Степан, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

82. Дорох Михай, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

83. Дорох Прохор, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

84. Дорошко Николай, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

85. Дрёмин Даниил, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

86. Дрескин Иван, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

87. Дружинин Павел, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

88. Дубовик Владимир, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

Е

89. Евдокимов Павел, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

90. Еланцев Сильвестр, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

91. Емельянов Павел, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

92. Еремеев Степан, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

93. Ерёменко Константин, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

94. Ерёмин Василий, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

95. Ермусев Сильвестр, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

96. Ершов Николай, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

Ж

97. Железов Иван, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

98. Желудков Егор, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

99. Жернаков Григорий, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

100. Жилин Андрей, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

101. Жирнов Иван, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

З

102. Заболотный Фёдор, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

103. Задоя Пётр, солдат, 6-й ОПП, убит при падении грузовика, похоронен во Франции.

104. Зайков Дмитрий, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

105. Зайнуллин Яганча, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

106. Запрудин Георгий, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

107. Зараменский Василий, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

108. Захарченя Павел, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

109. Зимирев Максим, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

110. Зинатуллин Набиулла, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

И

111. Иванов Пётр, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

112. Иванов Семён, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

113. Игумнов (Игуменов) Пётр, солдат, 6-й ОПП, умер в ноябре 1918 года в Сен-Реми, похоронен в Везуле (Франция).

К

114. Казанцев Николай, солдат, 6-й ОПП, затем в рабочей роте № 7/1, умер в 1919 году в Люксёй-ле-Бен (Франция).

115. Кайсаров Гурий, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
116. Калашников Тимофей, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.
117. Калмыков Николай, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
118. Карасёв Дмитрий, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.
119. Карачев Андрей, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
120. Карнаков Василий, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
121. Карташев Владимир, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.
122. Качанов Митрофан, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.
123. Качин Николай, солдат, 6-й ОПП, затем в рабочей роте № 7/7, умер в декабре 1918 года, похоронен во Франции.
124. Киреев Наум, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
125. Кисель Степан, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
126. Клещевников Семён, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.
127. Климов Григорий, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.
128. Князик Иван, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
129. Кобелев Павел, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
130. Ковалёв Алексей, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
131. Козел Евсей, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
132. Козлов Пётр, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.
133. Козырев Николай, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.
134. Колесников Пётр, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.
135. Колчин Емельян, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.
136. Конищев Сергей, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

Секция 1. НАРОДЫ ЮЖНОГО УРАЛА В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

137. Копытин Сергей, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

138. Корнев Николай, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

139. Коровник Никита, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

140. Коростелёв Семён, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

141. Коротких Григорий, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

142. Косогорский Кирилл, солдат, музыкант, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

143. Костенко Григорий, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

144. Костин Александр, подпоручик, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

145. Коховец Степан, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

146. Кочурец Василий, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

147. Крам Сергей, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

148. Красильников Яков, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

149. Краюшкин Дмитрий, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

150. Кривощёков Роман, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

151. Крупин Василий, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

152. Крылов Михаил, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

153. Кудрин Фёдор, солдат, 6-й ОПП, затем в рабочей роте № 7/7, умер в декабре 1918 года, похоронен во Франции.

154. Кузнецов Александр, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

155. Кузнецов Дмитрий, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

156. Кузнецов Фёдор, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

157. Кузьминых Семён, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

158. Кулев Филипп, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

159. Кунгуров Василий, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

160. Курбатов Гавриил, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

Л

161. Лагутенков Дементий, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

162. Лалетин Иван, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

163. Левков Фёдор, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

164. Лекомцев (Лекамцов) Захар, солдат, 6-й ОПП, умер в октябре 1918 года в Сен-Реми, похоронен в Везуле (Франция).

165. Леонтьев Николай, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

166. Летун Дмитрий, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

167. Лисовский Афанасий, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

168. Лихачёв Иосиф, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

169. Логвин Андрей, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

170. Лукашевич Василий, поручик, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

171. Лукашкин Яков, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

172. Луцик Павел, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

173. Лучков Тимофей, солдат, 6-й ОПП, умер в ноябре 1918 года в Сен-Реми, похоронен в Везуле (Франция).

174. Лысенко Алексей, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

175. Лысенко Фёдор, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

176. Ляпихин Антон, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

177. Ляхов Иван, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

М

178. Малейко Иосиф, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

179. Малкин Евгений, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

180. Малков Степан, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

181. Малов Иван, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

182. Мальцев Александр, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

183. Марков Сергей, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

184. Марченко Василий, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

185. Масляницын Михаил, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

186. Матусевич Владимир, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

187. Машира Андрей, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

188. Мезенцов Степан, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

189. Меледин Александр, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

190. Менщиков Иван, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

191. Милевский Адам, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

192. Милютин Иван, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

193. Минин Михаил, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

194. Миронов Тимофей, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

195. Мухмадеев Галинура, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

Н

196. Недорезков Иван, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

197. Некрасов Никифор, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

198. Некрасов Николай, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

199. Непочатов Иван, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

200. Никаноров Тимофей, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

201. Никитин Леонид, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

202. Новик Мартын, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

203. Новиков Николай, прапорщик, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

204. Новиков Порфирий, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

О

205. Орлов Максим, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

206. Осинцев Александр, солдат, 6 ОПП, убит, похоронен во Франции.

207. Очкасов Андрей, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

П

208. Павлов Александр, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

209. Павлюков Тимофей, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

210. Пальчихин Егор, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

211. Пащенко Егор, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

212. Пепелюк Александр, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

213. Петров Михаил, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

214. Пигалев Дмитрий, прапорщик, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

215. Пиньчук Яков, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

Секция 1. НАРОДЫ ЮЖНОГО УРАЛА В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

216. Пищурин Калистрат, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

217. Плаксин Семён, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

218. Плотников Григорий, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

219. Полежаев Фёдор, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

220. Поликарпов Игнатий, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

221. Полудницын Лука, солдат, 6-й ОПП, умер в ноябре 1918 года в Сен-Реми, похоронен в Везуле (Франция).

222. Полуэктов Моисей, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

223. Пономарёв Мартын, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

224. Попитич Адам, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

225. Попов Тихон, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

226. Порозков Андрей, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

227. Пресняцов Василий, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

228. Прожерин Егор (Прожорин Георгий), солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

229. Прохоров Василий, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

230. Пудов Мефодий, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

231. Пыриков Иван, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

232. Пыхтин Сергей, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

233. Пясталов Андрей, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

234. Пятков Павел, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

Р

235. Раков Антон, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

236. Рожков Василий, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

237. Розгаров Митрофан, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

238. Романенко Ануфрий (Онуфрий), солдат, 6-й ОПП, затем в рабочей роте № 7/7, умер в декабре 1918 года, похоронен во Франции.

239. Рулев Александр, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

240. Рыбаков Сергей, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

241. Рябов Егор, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

242. Рявкин Алексей, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

С

243. Сабуров Андрей, солдат, 6-й ОПП, расстрелян, похоронен во Франции.

244. Саган Константин, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

245. Сакаридин Андрей, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

246. Самохин Семён, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

247. Сапожников Даниил, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

248. Сарв(е) Иоганнес, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

249. Свешников Пётр, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

250. Секерин Егор, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

251. Семёнов Василий, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

252. Сенько Филипп, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

253. Сердега Моисей, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

254. Сидоров Ермил, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

255. Сидоров Пимен, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

Секция 1. НАРОДЫ ЮЖНОГО УРАЛА В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

256. Силаев Дмитрий, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

257. Силин Карл, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

258. Симаков Иван, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

259. Скиба Иван, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

260. Скибин Фрол, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

261. Скорняк Владислав, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

262. Сластеньев Пётр, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

263. Смирнов Филипп, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

264. Соколов Ульян, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

265. Соколовский Алексей, солдат 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

266. Соловьёв Матвей, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

267. Сонин Григорий, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

268. Спиридонов Семён, солдат, 6-й ОПП, затем в Русском легионе, убит, похоронен во Франции.

269. Стасевич Иосиф, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

270. Стенкин Евгений, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

271. Стразгин Эрнест, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

272. Стрижак Иван, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

273. Ступин Иван, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

274. Субботин Пётр, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

275. Суворов Иван, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

276. Суворцев Яков, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

277. Суетин Иван, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

Т

278. Тараканов Василий, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

279. Тележников Степан, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

280. Тимонин Павел, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

281. Тиунов Родион, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

282. Трошков Максим, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

283. Тырлов Илья, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

284. Тюрин Павел, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

285. Тютюшин Пётр, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

У

286. Ураков Василий, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

287. Ухлин Василий, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

288. Ушаков Иван, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

289. Ушаков Степан, солдат, 6-й ОПП, расстрелян, похоронен во Франции.

Ф

290. Фалалеев Иван, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

291. Фасхутдинов Шахабутдин, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

292. Федоренко Трофим, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

293. Федоров Михаил, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

294. Федотов Александр, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

295. Федькин Михаил, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

296. Филимонов Василий солдат 6-й ОПП, умер в ноябре 1918 года в Сен-Реми, похоронен в Везуле (Франция).

297. Филипенко Иван, подпоручик, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

298. Филиппов Семён, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

299. Фомин Макар, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

300. Фотин Михаил, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

Х

301. Харченко Василий, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

302. Хитров Сергей, подпоручик, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

303. Хордомин Фёдор, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

304. Хорьков Михаил, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

Ц

305. Цыцугин Фёдор, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

Ч

306. Челпанов Егор, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

307. Чередник Илья, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

308. Черепов Иван, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

309. Чернов Максим, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

310. Чернов Сергей, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

311. Черных Василий, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

312. Чистый Марк, солдат, 6-й ОПП, утонул, похоронен во Франции.

313. Чуб Владимир, прапорщик, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

314. Чубченко Павел, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

315. Чупин Евдоким, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

316. Чуркин Евдоким, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

317. Чучакин Степан, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

Ш

318. Шамшурич Михаил, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

319. Шафранов Федот, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

320. Шахов Роман, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

321. Шевчук Филимон, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

322. Шелег Сергей, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

323. Шенберг Иван, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

324. Шидловский Николай, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

325. Шипулин Константин, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

326. Шкутин Игнат, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

327. Шмарнин Григорий, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

328. Шпика Дмитрий, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

329. Штарнов Влас, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

Щ

340. Щенников Иван, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

Ю

341. Юдин Егор, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

342. Юрченко Сергей, солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

Я

343. Якимов Федосий (Феодосий), солдат, 6-й ОПП, убит, похоронен во Франции.

344. Яковлев Иван, солдат, 6-й ОПП, затем в составе Русского легиона, убит 14.10.1918 года, похоронен во Франции.

345. Ярославцев Иван, солдат, 6-й ОПП, умер, похоронен во Франции.

Примечания:

¹ Валентинов, Н. Русские войска во Франции и Македонии // Военно-исторический журнал. Труды военно-исторической комиссии. – М., 1920; Данилов, Ю. Н. Русские войска на французском и македонском фронтах. 1916–1918. – Париж, 1933.

² Деренковский, Г. М. Восстание русских солдат во Франции в 1917 г. // Исторические записки. – Т. 38. – М., 1951.

³ Бурмистрова, Т. Ю., Литвин, А. А. Россия на фронтах Первой мировой войны (Русский экспедиционный корпус во Франции, 1916–1917 гг.) // Военно-исторический журнал. – 1990, № 2; Комин, В.В. Русский экспедиционный корпус во Франции в годы Первой мировой войны // Отечественный проблемы, поиски, суждения: сб. статей – М., 1992; Павлов, А. Ю. Русские войска во Франции в период Первой мировой войны // Новый часовой. – 1994, № 2; Попова, С. С. Судьба русского экспедиционного корпуса во Франции после революции в России. По неопубликованным материалам Военного министерства Франции // Россия и Франция: XVIII – XX века: сб. статей / Отв. ред. П. П. Черкасов. – Вып. 1. – М.: Наука, 1995.

⁴ Игнатъев, А. А. Пятьдесят лет в строю. – М.: Воениздат, 1986. – С. 605.

⁵ Чиняков, М. К. Русские войска во Франции (1916–1918). – М.: Рейтер, 1997; Павлов, А. Ю. Русские экспедиционные силы во Франции и на Балканах в годы Первой мировой войны (1916–1918). – СПб., 1998; Он же. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой. Русские экспедиционные силы во Франции и на Балканах. – М.: Вече, СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2011.

⁶ Игнатъев, А. А. Указ. соч. – С. 605–609; Чиняков, М. К. Переговоры союзников с Россией об отправке русских войск на Западный фронт и на Балканы (1914–1916 гг.) // Вопросы истории. – 2005, № 11. – С. 40–53.

⁷ Бескровный, Л. Г. Армия и флот России в начале XX века. Очерки военно-экономического потенциала. – М.: Наука, 1986. – С. 19.

⁸ Марков, О. Д. Русская армия: 1914–1917 гг. – СПб, 2001. – С. 15.

⁹ Павлов, А. Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой. Русские экспедиционные силы во Франции и на Балканах. – М.: Вече, СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2011. – С. 156–161.

¹⁰ Павлов, А. Ю. Указ. соч. – С. 59–60.

¹¹ Там же. – С. 50–52.

¹² Чиняков, М. К. Переговоры союзников с Россией об отправке русских войск на Западный фронт и на Балканы (1914–1916 гг.) // Вопросы истории. – 2005, № 11. – С. 40–53.

- ¹³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2. Д. 249. Л. 161–162.
- ¹⁴ Павлов, А. Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой. – С. 59.
- ¹⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп.12. Д. 26975. Л. 597–610.
- ¹⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп.12. Д. 26679. Ч. 3. Л. 247–248; Ф. 409. Оп. 2. Д. 7138. Послужной список 269–677.
- ¹⁷ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 4733. Л. 3–4об.
- ¹⁸ РГВИА. Ф. 408. Оп.1. Д. 6212. Л.10 об.
- ¹⁹ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 188. Оп. 1. Д. 362. Л. 3–78.
- ²⁰ ГАОО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 363. Л. 1–2; Д. 368. Л. 1об.
- ²¹ ГАОО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 362. Л. 77–78.
- ²² Там же. Л. 83–107.
- ²³ РГВИА. Ф. 15974, 8511, 15975, 8512, 8513; ГАОО. Ф. 196.
- ²⁴ ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 143а. Л. 468–469; Ф. 41. Оп. 1. Д. 1922. Л. 250–252, 287.
- ²⁵ ГАОО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 16. Л. 50; Д. 17. Л. 4, 17–18.
- ²⁶ ГАОО. Ф. 189. Оп. 1. Д. 79. Л. 7–8.
- ²⁷ Павлов, А. Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой. – С. 54.
- ²⁸ Там же. – С. 50–52.
- ²⁹ Данилов, Ю. Н. Русские войска на французском и македонском фронтах. – С. 40; Павлов, А. Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой. – С. 58.
- ³⁰ Павлов, А. Ю. Указ. соч. – С. 54–55, 79–80.
- ³¹ Там же. – С. 55–57.
- ³² Данилов, Ю. Н. Русские войска на французском и македонском фронтах. – С. 78.
- ³³ Там же. – С. 78–79.
- ³⁴ Павлов, А. Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой. – С. 67.
- ³⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп.1. Д. 1151. Л. 87–88.
- ³⁶ Павлов, А. Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой. – С. 165–170.
- ³⁷ Там же. – С. 166.
- ³⁸ Там же. – С. 167–170.
- ³⁹ Там же. – С. 68.
- ⁴⁰ Чиняков, М. К. Русские войска в «боюне Нивеля». Апрель 1917 г. // Военно-исторический журнал. – 2006, № 4. – С. 59–64.
- ⁴¹ Малиновский, Р. Я. Солдаты России. – М., 1969. – С. 234.
- ⁴² Данилов, Ю. Н. Русские войска на французском и македонском фронтах. – С. 94, 100–101, 107–108.
- ⁴³ Данилов, Ю. Н. Указ. соч. – С. 118–123.
- ⁴⁴ Там же. – С. 119.
- ⁴⁵ Там же. – С. 120, 131.
- ⁴⁶ История первой мировой войны. – М., 1975. – С. 338–339.
- ⁴⁷ Зайончковский, А. М. Первая мировая война. – СПб., 2000. – С. 643.
- ⁴⁸ Данилов, Ю. Н. Указ. соч. – С. 122–123.
- ⁴⁹ Русские войска во Франции // Часовой. – 1970, № 526(4). – С. 20–21.
- ⁵⁰ Там же. – С. 125.

Секция 1. НАРОДЫ ЮЖНОГО УРАЛА В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

- ⁵¹ Чиняков, М. К. Русские войска в «бойне Нивеля». Апрель 1917 г. – С. 62.
- ⁵² РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 7. Л. 53.
- ⁵³ РГВИА. Ф. 15304. Оп. 3. Д. 8. Л. 27об.
- ⁵⁴ Список Генерального штаба. Исправлен по 01.03.1918 г. // Ганин, А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. – М., 2010. – С. 911.
- ⁵⁵ Попова, С. В. Судьба русского экспедиционного корпуса во Франции после революции в России. По неопубликованным материалам Военного министерства Франции // Россия и Франция: XVIII – XX века: сб. статей / Отв. ред. П. П. Черкасов. – Вып. 1. – М.: Наука, 1995. – С. 197.
- ⁵⁶ Цит. по: Чиняков, М. К. Мятёж в Ля-Куртин // Вопросы истории. – 2004, № 3. – С. 58–59.
- ⁵⁷ Там же. – С. 62.
- ⁵⁸ Попова, С. В. Судьба русского экспедиционного корпуса во Франции после революции в России. – С. 197–199; Чиняков, М. К. Мятёж в Ля-Куртин. – С. 63–69; Павлов, А. Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой. – С. 100–113.
- ⁵⁹ Павлов, А. Ю. Указ. соч. – С. 114.
- ⁶⁰ Попова, С. В. Указ. соч. – С. 199.
- ⁶¹ Деренковский, Г. М. Восстание русских солдат во Франции в 1917 г. – Исторические записки. – Т. 38. – М., 1951. – С. 98.
- ⁶² Павлов, А. Ю. Указ. соч. – С. 116–117.
- ⁶³ Данилов, Ю. Н. Русские войска на французском и македонском фронтах. – С. 214.
- ⁶⁴ Список русских воинов, убитых и умерших от ран и болезней во Франции, 1917–1920 гг. (Режим доступа: <http://www.svrt.ru/1914/1914.htm>).
- ⁶⁵ Данилов, Ю. Н. Русские войска на французском и македонском фронтах. – С. 218.
- ⁶⁶ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 3031. Л. 2–6об.
- ⁶⁷ РГВИА. Ф. 15221. Оп. 1. Д. 1. Л. 86.
- ⁶⁸ Данилов, Ю. Н. Русские войска на французском и македонском фронтах. – С. 228; Павлов, А. Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой. – С. 130–133, 182, 186.
- ⁶⁹ Данилов, Ю. Н. Указ. соч. – С. 234–235.
- ⁷⁰ Список русских воинов, убитых и умерших от ран и болезней во Франции, 1917–1920 гг. (Режим доступа: <http://www.svrt.ru/1914/1914.htm>).
- ⁷¹ Цит. по: Павлов, А. Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой. – С. 188.
- ⁷² Павлов, А. Ю. Указ. соч. – С. 210.
- ⁷³ Данилов, Ю. Н. Указ. соч. – С. 240–244.
- ⁷⁴ Список русских воинов, убитых и умерших от ран и болезней во Франции, 1917–1920 гг. (Режим доступа: <http://www.svrt.ru/1914/1914.htm>).
- ⁷⁵ Цит. по: Павлов, А. Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой. – С. 190–195.
- ⁷⁶ Данилов, Ю. Н. Указ. соч. – С. 246–247.
- ⁷⁷ Список русских воинов, убитых и умерших от ран и болезней во Франции, 1917–1920 гг. (Режим доступа: <http://www.svrt.ru/1914/1914.htm>).
- ⁷⁸ Павлов, А. Ю. Указ. соч. – С. 196.
- ⁷⁹ Список русских воинов, убитых и умерших от ран и болезней во Франции, 1917–1920 гг. (Режим доступа: <http://www.svrt.ru/1914/1914.htm>)

Семенов В. Г. (г.Оренбург)

КОМАНДНЫЙ СОСТАВ КАЗАНСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ (1904–1905 ГГ.)

Командующий Казанского военного округа - генерал от инфантерии **Андрей Иванович Косыч**.

После девятнадцатилетнего командования с 1882 года по 1901 год генералом от инфантерии (т. е. пехоты) Григория Васильевича Мещеринова в 1901 году Казанский военный округ принял генерал от инфантерии Андрей Иванович Косыч (Косич). Андрей Иванович родился 01.10.1833 в семье отставного штабс-капитана городничего города Чёрный Яр Астраханской губернии. Окончил Александровский корпус для малолетних и Павловский кадетский корпус, из которого 13.08.1852. выпущен прапорщиком в конно-легкую № 25 батарею. В 1854-1856 гг. в чине подпоручика (с 20.10.1855) принял в составе батареи участие в Крымской войне, сначала на Дунайском театре военных действий (в осаде Силистрии), а затем в обороне Севастополя. В поручики произведен 15.08.1858, затем поручик (с 15.08.1858) Косыч поступил в Николаевскую академию генерального штаба, которую окончил по 1-му разряду в чине штабс-капитана 19.01.1861. Зачисленный в генеральный штаб, Косыч в 1863 принял участие в усмирении польского мятежа и в одной из стычек с повстанцами был ранен (1863). За отличия в этом походе был отмечен чином капитана 09.05.1863 и орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом (13.07.1863).

Подполковник (с 09.11.1864) Косыч - исполняющий дела штаб-офицера для особых поручений при штабе войск гвардии и Петербургского военного округа (с 30.08.1864 по 08.02.1865). Произведенный 25.02.1865 в полковники, Косыч - начальник штаба 1-й гвардейской кавалерийской дивизии (08.02.1865 - 10.01.1870). За успешную службу награждён орденом Святой Анны 2-й степени (30.08.1868). Затем он командует 7-м гусарским Белорусским полком (10.01.1870 – 24.08.1875). За отличную службу на должности командира полка отмечен орденами Святой Анны 2-й степени с Императорской короной (22.01.1872); Святого Владимира 3-й степени (20.01.1874) и произведён в чин генерал-майора (27.07.1875). С 24.08.1875 по 31.08.1876 командир 2-й бригады 8-й кавалерийской дивизии. Перед началом рус-

ско-турецкой войны помощник начальника штаба Одесского военного округа (31.08.1876 – 20.02.1877).

С началом русско-турецкой войны (20.02.1877) Косыч был назначен начальником штаба XII армейского корпуса, входившего в состав Рушукского отряда, и принял участие в боях у Кадыкия, под Трестеником и Мечкой и в усиленных рекогносцировках (разведках) под Рушуком и на реке Лом. Во время последней разведки на его руках скончался смертельно раненный пулей в лоб Его Императорское Высочество герцог Сергей Максимилианович Лейхтенбергский.

Начальник Рушукского отряда ещё во время войны возложил на Косыча расследование недостатков в деятельности тыловых служб. После окончания войны Косыч был назначен членом учрежденной Императором комиссии по разбору деятельности интендантства. За боевые подвиги был награждён золотой шпагой с надписью «за храбрость» (19.03.1878); орденом Святого Станислава 1-й степени с мечами (26.03.1878) и зачислен в свиту Его Императорского Величества (1878). С 25.09.1879 по 30.08.1881 Косыч - начальник 7-й кавалерийской дивизии. Награждён орденом Святой Анны 1-й степени (18.07.1880). Начальник штаба Киевского военного округа (30.08.1881 – 30.05.1887). Награждён орденом Святого Владимира 2-й степени (15.05.1883) и был произведён в генерал-лейтенанты (06.05.1884). 30.05.1887 назначен Саратовским губернатором. На этом посту Косыч проявил себя выдающимся, деятельным и просвещенным администратором показал себя свободным от бюрократической рутины.

Народное образование, врачебное дело, статистика, благотворительность, городское и земское хозяйство и местная печать нашли в нем самого деятельного инициатора, советника, помощника и заступника.

Памятниками его деятельности служили: «Циркуляры, указания и речи», (Саратов, 1891) изданные в пользу пострадавших от неурожая. В каждой строке его циркуляров сквозит сознание, что он один – бессилен, что для устранения невыгодных условий, экономических, умственных и нравственных, необходимы дружные усилия всех административных и общественных учреждений, всего общества и каждого отдельного его члена. Косыч всех призывает к работе на народной ниве; с глубоким уважением относится к народным учительницам; прославляет доброе начинание везде, где может его заметить; борется с русской косностью, указывая на поразительные результаты, достигнутые финляндцами, с их бедной почвой, «благодаря стремлению всех

и каждого содействовать великому делу преуспеяния своего отечества». Главным врагом, порождающим все зло, он считает невежество.

«Статистика смертности, рождаемости и браков по городу Саратову за 1886 г.»; «Описание Саратовского Радищевского музея» (1885-1888); «О садоводстве в Саратовской губернии»; «Волга у Саратова»; «Памятная книжка Саратовской губернии» и другие. Местные «Губернские Ведомости» преобразились при нем из сухого официального органа в очень полезную, живую газету, приобретшую себе большой круг читателей во всех классах общества, и особенно среди народа, главным образом, тем, что были привлечены корреспонденты и сотрудники из деревни.

Обладея способностью находить даровитых энергичных людей и вдохновлять окружающих к работе, Косыч особенно проявил эти свои качества во время борьбы с голодом, постигшим Саратовскую губернию в 1891 г. Служба на посту губернатора была отмечена награждением орденом Белого Орла (1890).

11.12.1891 он вернулся к строевой службе, получив в командование 4-й армейский корпус, а 08.03.1895 занял пост помощника командующего войсками Киевского военного округа, явившись на нём деятельным сотрудником М. И. Драгомирова, очень его ценившего.

В качестве начальника штаба Киевского военного округа он рядом санитарных мер добился того, что число больных нижних чинов упало с 700 до 270 человек на тысячу.

Никогда не замыкавшийся в рамки одного какого-либо дела, Косыч и на этом посту принял деятельное участие в жизни края. Так, приняв на себя звание почетного члена Киевского губернского статистического комитета и Киевского общества сельского хозяйства, Косыч, «чтобы не носить его только номинально», выступил по поводу Бердичевской выставки 15.08.1891 с обстоятельным докладом о Бердичевском уезде в сельскохозяйственном, бытовом, промышленном и других отношениях, собрав в нем обширный статистический материал. В Киеве же Косыч проявил широкую деятельность как председатель местного отдела Красного Креста по части оздоровления городов и местечек Западного края. Как председатель киевского комитета грамотности Косыч много поработал над поднятием дела народного образования и улучшением материального положения учительского персонала сельских школ. Ему же принадлежит почин и в деле устройства в Киеве женского медицинского института и инициатива загородных прогулок и образовательных экскурсий учащихся.

Служба на посту помощника командующего была отмечена орденом Святого Александра Невского (06.12.1895) и чином генерала от инфантерии (06.12.1897), Бухарским орденом Золотой Звезды бриллиантами украшенный (1898), знаком за XL (40) лет беспорочной службы (1899), бриллиантовыми знаками ордена Святого Александра Невского (01.01.1901). 15.09.1901 генерал от инфантерии принял пост командующего войсками Казанского военного округа. За службу на посту командующего награждён орденом Святого Владимира 1-й степени (13.08.1902) и удостоен искренней признательности Императора Николая II (30.08.1904).¹

Командующий округом призвал военных помогать правительству и обществу в изучении страны, «чтобы дать возможность восстановить ту справедливость, на которой основано правильное управление. При исследовании областей, мы встречаемся с весьма крупными фактами первостепенной важности, например благодаря «учугу», - плотине близь г. Уральска, - Уральские казаки имеют от рыбы до 6 1/2 миллионов, тогда как Оренбургские, втрое многочисленнее Уральцев, - получают от Уральской рыбы всего около 16 тысяч. Точно также хищническое пользование Каспийской рыбой, перед Астраханью, - за последние годы уменьшило рыбные богатства в несколько раз, при чем на Волге, в ущерб многомиллионному поволжскому населению, оказывается рыбы все меньше и меньше».²

На этом посту встретил русско-японскую войну и Первую русскую революцию. Известно, что в начальный период первой русской революции он противодействовал участию войск его округа в подавлении крестьянских выступлений, что фактически предопределило его отставку. Известны его слова, произнесённые в это время «Армия должна воевать с врагом, а не стрелять в собственный народ». С 22.02.1903 член-соревнователь Юридического общества при Казанском университете. С 1905 - Президент Казанского экономического общества.

21.10.1905 Косыч назначен членом Государственного Совета и, по его преобразовании, примкнул к академической группе. После назначения членом Государственного совета командующий округом генерал Косич в своем прощальном приказе указал

«Назначенный Высочайшим соизволившим членом Государственного Совета, я, храня самые добрые воспоминания о совместной службе с моими сослуживцами по Округу, считаю нравственным долгом сердечно поблагодарить их на добросовестную службу, в особенности во время войны и смуты Последнего времени, когда требовалось от

всех нас наибольшее напряжение сил, чтобы свято, по совести, исполнить обязанности наши по долгу службы и присяги»³.

02.11.1905 в войсках округа стал известен приказ Императора Николая II-го с оценкой деятельности командования и войск Казанского военного округа в годы русско-японской войны.

«Государь Император Высочайше повелеть соизволил объявить войскам округа сердечную благодарность Его Императорского Величества за их самоотверженную и неутомимую службу по поддержании порядка и спокойствия.

О таковой Высочайшей милости счастливь передать войскам округа»⁴.

С 1908 года не был призываем к присутствию в общем собрании государственного совета.

Им составлены и изданы: «Путевые заметки по Воляни», «Контрасты и противоречия», «В поход», «Руцукский Отряд» (Санкт-Петербург, 1891); «Статистическое описание Волянской губернии»; «Как надо жить русскому солдату и после увольнения его со службы на родину» (несколько изданий) и собраны материалы для статистического описания Киевской и Подольской губерний. До конца жизни оставался членом Государственного Совета. Андрей Иванович Косыч был женат на дочери адъютанта главнокомандующего особого Кавказского корпуса полковника Давыдова Елизавете Ростиславовне. Умер в марте 1917 г. в Петрограде, похоронен в Москве в Алексеевском монастыре.⁵

31.12.1905 прибыл в Казань и принял командование Казанским военным округом генерал от артиллерии Карасс И. А.

Действенными помощниками командующего военного округа во время русско-японской войны 1904-1905 гг. были генерал-лейтенанты Зандер Оскар Яковлевич и Янжул Николай Иванович.

Начальники штаба Казанского военного округа: генерал-лейтенанты Зандер Оскар Яковлевич и Янжул Николай Иванович.

Зандер Оскар Яковлевич родился 25.09.1847. Окончил Николаевское кавалерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду. В службу вступил 19.06.1864. Корнет (с 08.08.1866). Поручик (с 03.02.1867). Штаб-ротмистр (с 15.02.1869). Ротмистр (с 29.06.1871). Майор (с 04.04.1875). Ротмистр гвардии (с 04.07.1875). Подполковник Генерального штаба (с 18.12.1876). Участник русско-турецкой войны 1877-1878. Исполнял дела начальника штаба 17-й пехотной дивизии (с 06.05.1878 по 19.05.1878), исполнял

дела начальника штаба 12-й пехотной дивизии (с 19.05.1878 по 30.10.1878), начальник штаба 12-й кавалерийской дивизии (с 30.10.1878 по 20.12.1881). За отличие в боях подполковник Зандер был награждён орденами: Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом (1877), Святого Станислава 2-й степени с мечами (1878) и был произведён в полковники (30.08.1878). В 1880 был награждён орденом Святой Анны 2-й степени. После окончания войны свыше десяти лет (с 20.12.1881 по 07.01.1892) командовал 7-м гусарским Белорусским полком. Был награждён орденом Святого Владимира 3-й степени (1883). 07.01.1892 О.Я.Зандер был произведён в генерал-майоры и назначен командиром Лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, которым командовал до 29.05.1897. Был награждён орденом Святого Станислава 1-й степени (1894). С 29.05.1897 по 26.01.1899 был начальником гвардейской кавалерийской бригады. За отличия по службе был награждён орденом Святой Анны 1-й степени и удостоен Монаршей благодарности (1898) 26.01.1899 был назначен начальником штаба Казанского военного округа. 06.12.1899 был произведён в генерал-лейтенанты. Оскар Яковлевич был кавалером многих иностранных орденов: Баварского Военного ордена кавалер креста 1-го класса (1878), Румынского железного креста (1879), Австрийского Железной Короны 2-го класса (1881), Шведского Меча командорского креста 1-го класса (1895), Французского Почётного Легиона командорского креста (1896), Сиамского Белого Слона 2-го класса со звездой (1897). Оскар Яковлевич Зандер был женат и имел двух детей. Начальником штаба был до 23.11.1904. В 1904 году был отмечен Высочайшей благодарностью Николая II⁶.

Высочайшим приказом 23.11.1904 был назначен командиром 20-го армейского корпуса. Однако судя по найденным документам, принять под командование 20-й армейский корпус не успел, так как в приказе по Казанскому военному округу № 221 от 30.12.1904 сказано о его смерти⁷.

Янжул Николай Иванович родился 26.11.1852. Окончил Николаевскую академию генерального штаба по 2-му разряду. В службу вступил 12.08.1869, подпоручик (с 10.10.1872), поручик (с 22.12.1873), штабс-капитан (с 09.12.1876), капитан (с 18.12.1878), подполковник (с 28.03.1882), полковник (с 24.03.1885), генерал-майор (с 06.12.1897). Проходил службу в течении 10 месяцев на должности командира роты. С 22.01.1888 по 05.05.1890 был начальник Керченской крепости. С 05.05.1890 по 17.01.1896 был начальником штаба 13-й пехотной дивизи-

зии. С 17.01.1896 по 18.09.1899 был военным агентом Японии. С 18.09.1899 по 30.10.1900 был генералом для особых поручений при командующем войсками Киевского военного округа. С 30.10.1900 по 20.08.1902 был начальником штаба 10-го армейского корпуса. С 20.08.1902 по 08.04.1904 был начальником 56-й пехотной резервной бригады. С 08.04.1904 по 12.03.1905 был командиром 3-й пехотной дивизии. С 12.03.1905 по 18.07.1906 генерал-лейтенант Янжул был начальником штаба Казанского военного округа. За отличия по службе Янжул был награждён орденами: Святого Станислава 3-й степени (1874), Святой Анны 3-й степени (1879), Святого Владимира 4-й степени (1882), Святого Станислава 2-й степени (1888), Святой Анны 2-й степени (1892), Святого Владимира 3-й степени (1895), Святого Станислава 1-й степени (1901). Святой Анны 1-й степени (1905). Кроме того был удостоен иностранных орденов: Персидского Льва и Солнца 2-го класса (1882), Японского Восходящего Солнца 3-го класса (1898), Японского Восходящего Солнца 2-го класса (1899). Николай Иванович был женат и имел четырёх детей⁸.

Во время русско-японской войны на территории Казанского военного округа были проведены вполне успешно шесть мобилизаций⁹.

В ходе, которых на театр военных действий были направлены: Оренбургская казачья дивизия, Уральская казачья бригада, 54-я, 61-я, и 71-я пехотные дивизии¹⁰.

Всего по нашим подсчетам свыше 60 тысяч человек. Пехотные дивизии, сформированные в Казанского военного округа приняли участие в сражениях под г. Ляоянском, на р. Шахэ, у Сандепу, под г. Мукденом. В ходе боев они понесли большие потери. В ходе войны на укомплектование только 3-х пехотных дивизий было направлено 54-й дивизии 12112 человек, 61-й дивизии 7527 человек, 71-й дивизии 14114 человек¹¹.

Оценивая действия 5-го Сибирского корпуса, (куда входили 54-я и 71-я пехотные дивизии), сформированные в Казанском военном округе генерал Куропаткин отмечал: «Части 5-го Сибирского корпуса прибыли на театр военных действий мало сплоченными и недостаточно обученными, особенно по отношению к старшим срокам службы. В первых боях полки этого корпуса не обнаружили должной стойкости, но в последующих боях, особенно под Мукденом, полки 54-й и 71-й дивизии дрались отлично»¹².

Таким образом, деятельность командования Казанского военного округа в годы русско-японской войны можно признать вполне успешной, а

поражение России в этой войне было связано со многими просчетами высшего командования, но не с отсутствием мужества российских солдат.

Опыт, приобретенный командованием округа, будет успешно использован в ходе мобилизаций во время I мировой войны.

Примечания:

- ¹ Список генералам по старшинству на 6 января 1907 года. СПб. 1907. С. 31
- ² Приказ по Казанскому военному округу № 164 от 22.10.1904.
- ³ Приказ по Казанскому военному округу № 228 от 22.10.1905.
- ⁴ Приказ по Казанскому военному округу № 224 от 0 2.11.1905.
- ⁵ Некролог: Новое время. 18.03.1917; Военная энциклопедия Сытина; Р. И. Сементковский, «Встречи с администраторами» («Исторический Вестник», 1893, № 3).
- ⁶ Список генералам по старшинству на 1 сентября 1904 года. СПб. 1904. С. 337
- ⁷ После смерти генерал-лейтенанта Зандера несколько месяцев исполняющим обязанности начальника штаба округа был генерал-майор Зимин.
- ⁸ Список генералам по старшинству на 1 сентября 1905 года. СПб. 1905. С. 514
- ⁹ Русско-Японская война 1904-1905. Т. VII, Тыл действующей армии ч. I, СПб 1910, С. 29.
- ¹⁰ 78-я пехотная дивизия, сформированная в Казанского военного округа, охраняла железную дорогу по пути следования на Дальний восток войск.
- ¹¹ Русско-Японская война 1904-1905. Т. VII, Тыл действующей армии ч. I, СПб 1910, Приложение С. 20-52.
- ¹² Куропаткин А.Н. Русско-японская война 1904-1905. Итоги войны. – СПб. 2002. С. 242.

Косцова Е. Н. (г.Оренбург)

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОМОЩИ РАНеным В ГОСПИТАЛЯХ И ЛАЗАРЕТАХ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ)

В годы Первой мировой войны находящаяся в глубоком тылу Оренбургская губерния стала крупным центром в организации приема больных и раненых военнослужащих.

О деятельности госпиталей губернии подробно рассказано в сохранившемся докладе председателя Оренбургского губернского комитета Всероссийского земского союза помощи раненым воинам Н.А. Холодовского Оренбургскому губернскому земскому собранию от 15 января 1916 года¹.

В Оренбургской губернии Комитет Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам начал действовать 19 августа 1914 года. На первом заседании Комитет рассмотрел вопрос об организации лазарета в г. Оренбурге на средства, выделенные Четвертым чрезвычайным губернским земским собранием в сумме 75000 рублей. Городское самоуправление 28 августа 1914 года предоставило для госпиталя помещение 13 городского училища на Николаевской площади, ныне сад им. Октябрьской революции. По просьбе Комитета его член В.А. Воскресенский немедленно приступил к оборудованию лазарета всем необходимым инвентарём².

Большое количество раненых уже в первые дни войны вызвали необходимость спешного оборудования лазаретов в губернии.

Главный Комитет Всероссийского Земского Союза телеграммой от 8 августа 1914 года просил Губернский Комитет сообщить, какое количество коек для приема раненных будет готово в губернии к 20 августа. В ответ городской голова В.Н. Ладыгин телеграфировал, «что сейчас в Оренбурге можно принять 50 раненых. Через 10 дней еще 150 раненых»³.

Телеграммой от 23 августа 1914 года Главный комитет Союза, уведомляя Губернский комитет, что западные губернии и Москва переполнены ранеными, просил готовиться к приему раненых не только в лазареты, но и на частные квартиры, для чего предлагал обратиться к населению с воззванием.

Главный Комитета Союза 31 августа 1914 года выступил с предложением оборудовать в Оренбургской губернии совместными силами всех организации минимум 3000 коек, в том числе госпитальных - 1000 коек, госпитально-патронажных - 1000 коек и патронажных - 1000 коек. При этом сообщалось, что стоимость оборудования койки первой категории должна быть не более 150 рублей, второй - 100 рублей и третьей - 50 рублей; «оборудование и содержание всех коек Союз принимает на себя за исчерпанием местных средств»⁴.

Основанием для распределения коек послужили следующие соображения: по приблизительным расчетам военного ведомства, сообщенным Главным Комитетом Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам и по тем данным, какие поступили за первый месяц войны, можно было с достаточной точностью полагать, что количество раненых в месяц будет достигать цифры до 200 тысяч человек. Исходя из того предположения, «что койка, на которую попадает раненый, будет занята им до выздоровленья в среднем

три недели, общее число всех коек должно быть не менее двух третей среднего числа раненых в месяц. Но так как выписка больных по тем или иным причинам может задерживаться и срок занятия ими коек удлиниться, то Главный Комитет считает, что число коек должно составлять не менее ? ожидаемого числа раненых в месяц, т.е. необходимо устроить не менее 150 тысяч коек» (по Российской империи)⁵.

При распределении коек между отдельными губерниями, в Оренбургской губернии по приблизительному расчету должно было быть оборудовано 3 тыс. коек.

Одновременно с этим решено было обратиться к населению г. Оренбурга, путем опросных карточек, с предложением прийти на помощь Комитету и принять в своих домах прибывающих раненых воинов. Многие из жителей города откликнулись на призыв Комитета и изъявили желание поместить у себя на квартирах раненых. Однако мысль о размещении легкораненых воинов в квартирах частных лиц не была реализована, т.к. последовало распоряжение Военного ведомства о воспрещении размещать раненых по квартирам жителей.

В течение августа 1914 года один за другим в городе и губернии открывались лазареты, оборудованные на средства частных лиц и общественных учреждений.

В оренбургских газетах того периода времени содержится подробная информация об открытии лазаретов: «Купцы и война. 17 августа под председательством городского головы В.Н. Ладыгина состоялось заседание комитета торгово-промышленного класса г. Оренбурга по организации госпиталя для раненых. Комитет предполагает развернуть госпиталь на 50 кроватей, хотя пожертвования купцов все еще поступают и возможно, что лазарет будет развернут на 75 или даже 100 кроватей. Госпиталь проектируется поместить в здании биржи. Для организации, заготовки белья и вообще ухода за ранеными организован кружок из дам, которых приглашено около 30»⁶.

«Губернский предводитель дворянства Л.И. Шотт предоставил в своем доме помещение для шести коек раненых и больных нижних чинов или офицеров»⁷.

«Лазареты начинают появляться и в частных домах. Нам сообщают, что торговый дом Серякова открывает в своем доме лазарет на 20 коек»⁸.

Главный Комитет Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам 9 сентября 1914 года информировал, что оборудование и содержание 2000 коек в губернии он принимает на свой

счет и высылает в распоряжение Губернского Комитета аванс в сумме 25 тысяч рублей⁹.

В связи с этим остро встал вопрос «об изыскании помещений для госпиталей». Со стороны частных лиц поступали предложения о предоставлении небольших помещений, Комитету же необходимо было найти большие помещения для открытия массовых госпиталей. Министерство финансов разрешило предоставлять под лазареты помещения казенных винных складов, а Военное ведомство предоставляло в распоряжение казарменные здания, «если таковые освободились от постоя войск»¹⁰. Лазареты Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам были оборудованы в трех помещениях: лазарет № 1 на 150 коек в винном складе; лазарет № 2 на 550 коек в Михайловских казармах и лазарет № 3 на 300 коек в Штабных казармах. Полной тысячи коек развернуть не удалось, т.к. площадь помещения Штабных казарм и винного склада не позволяла установить намеченного числа коек. Еще три лазарета Всероссийского Земского Союза на 515 коек были оборудованы в г. Челябинске¹¹.

Помещения Михайловских и Штабных казарм нуждались в ремонте, который был немедленно проведен.

Члену Оренбургской губернской управы И.И. Макееву было поручено заготовить на 2000 человек нижнего белья, необходимое количество коечного белья на 2000 кроватей, оборудовать все три лазарета в г. Оренбурге мебелью, кухонной посудой и другими необходимыми для лазарета принадлежностями. На приспособление помещений под лазареты и их оборудование до 1-го января 1915 года было израсходовано 47208 рублей 55 копеек. В среднем оборудование одной койки обошлось в 49 рублей 69 копеек¹².

К 1 ноября 1914 года в губернии было оборудовано 1340 коек, из которых за счет губернских и уездных земств - 182 койки, городским союзом - 274, Обществом Красного креста - 218 коек и частными лицами 566 коек. На 1 января 1915 года в г. Оренбурге значилось 42 лазарета, на 3189 коек¹³.

Позднее, в апреле 1915 года, Комитет развернул специализированный лазарет на 50 коек для заразных больных.

Одновременно с организацией лазаретов комплектовался и необходимый для их обслуживания медицинский персонал. В отношении подбора медицинского персонала Комитет не встречал препятствий: предложений труда со стороны врачей и низшего медицинского персонала было много, и в короткий срок все лечебные учреждения были

обеспеченны персоналом. На 1 августа 1915 года в лазаретах Земского Союза г. Оренбурга работало 9 врачей, 7 фельдшеров, 14 фельдшериц, 31 сестра милосердия, 130 человек разных служащих¹⁴.

До июля 1915 года мужская прислуга для обслуживания лазаретов г. Оренбурга Комитетом не принималась, так как по его ходатайству военное начальство отпустило для обслуживания лазаретов 40-50 нижних воинских чинов, которые выполняли обязанности санитаров, поваров, кучеров и т.д. Затем нижние чины были отозваны в свои части и Комитету пришлось взамен их нанять мужскую прислугу из частных лиц.

Вознаграждение медицинского персонала регламентировалось нормами Главного Комитета. Старший врач лазарета № 1 (винный склад) получал жалование 300 рублей в месяц; старшие врачи лазаретов № 2 и 3 (Михайловские и Штабные казармы) по 300 рублей и квартирных по 50 рублей, старший врач лазарета № 4 (заразные бараки) 200 рублей в месяц. Остальные врачи по 150 рублей и квартирных по 40 рублей, фельдшерский персонал по 60 рублей и квартирных 20 рублей, сестры милосердия по 40 рублей, женская прислуга – 12 рублей, мужская 15 рублей. Мужская и женская прислуга «обеспечивалась квартирами, а также столом»¹⁵.

Общественные организации города еще до прибытия раненых решали организационные моменты приема прибывших воинов. В газете «Оренбургская жизнь» 27 августа 1914 года было опубликовано обращение Председателя общества любителей физического развития А.П. Сперанского: «По предложению его превосходительства Главного начальствующего Оренбургской губернии общество любителей физического развития организует, под руководством господина Врачебного инспектора, отряды для переноски (на носилках) раненых воинов, которые в скором времени имеют прибыть в Оренбург. Запись лиц, желающих принять личное участие в переноске раненых, принимается ежедневно в квартире председателя общества. О дне прибытия в Оренбург первого поезда с ранеными будет объявлено заблаговременно»¹⁶.

В августе 1914 года в городе возникло много общественных организаций, целью которых являлось оказание помощи раненым. Председатель Губернского Комитета Н.А. Холодовский 4 сентября 1914 года предложил объединить все организации в один Комитет. Председателем Комитета был избран Н.А. Холодовский¹⁷.

Первый эшелон с ранеными прибыл в г. Оренбург 13 сентября 1914 года. Корреспондент «Оренбургской газеты» подробно расска-

зывал о том, как проходила встреча: «Сегодня в 11 часов утра прибыл первый поезд с ранеными. Встреча носила радушный и теплый характер. На вокзале задолго до прихода поезда местные дамы приготовили раненым чай, закуски и папиросы. Порядок был образцовый. Всех раненых накормили, напоили чаем, одарили фруктами, цветами и на автомобилях и извозчиках увезли с вокзала в лазареты. Поезд с ранеными был встречен двумя оркестрами музыки. На вокзале были все начальствующие лица во главе с г. Главного начальствующим. Из числа раненых только один оказался оренбуржцем»¹⁸.

Распределением по лазаретам раненых прибывших в г. Оренбург занимался Объединенный Комитет. На заседаниях Комитета устанавливался порядок встречи раненых и распределения их по лазаретам, а также и способ доставки с вокзала до лазаретов.

Распределив по лазаретам количество прибывающих раненых, Комитет особыми повестками извещал лазареты о числе раненых, распределенных в данный лазарет и просил к прибытию поезда выслать на вокзал представителя от лазарета. Благодаря такому, заранее намеченному, порядку разгрузка поездов производилась очень быстро и без всяких замешательств. К приходу каждого поезда к вокзалу доставлялись для перевозки тяжелораненых воинов телеги-платформы, наполненные сеном, часто тяжелораненые доставлялись в лазареты и на носилках; легкораненые воины доставлялись к месту лечения, главным образом, извозчиками, которые помогали лазаретам безвозмездно; легкораненые с первых поездов доставлялись даже на автомобилях¹⁹.

Общим надзором во время приема раненых и направлением их по лечебным заведениям руководил председатель комитета Н.А. Холодковский. Разгрузка санитарных поездов производилась быстро: через час с небольшим раненые уже были на местах.

Кроме раненых, прибывающих большими группами, почти ежедневно в город приезжали «одионые раненые». Вопрос о встрече таких воинов решался на заседании Комитета 30 сентября 1914 г. Комитет постановил командировать на вокзал специальное лицо, которое ведало бы встречей раненых и доставкой их за счет Земского Союза в лечебницы. Данные обязанности были возложены на учителя, взятого по мобилизации на военную службу и прикомандированного воинским начальником для работы в военном отделе. За период с конца сентября 1914 года до февраля 1915 года было встречено и доставлено в лазареты 1208 человек, прибывших в г. Оренбург в индивидуальном порядке²⁰.

Для снабжения раненых теплой одеждой во время холодов при перевозке их с вокзала до лазаретов, у Комитета имелось на вокзале всегда достаточное количество шапок, валенок и полушубков.

В феврале 1915 года функции по распределению раненых воинов по лазаретам перешли от объединенного Комитета Оренбургскому Окружному эвакуационному пункту.

В архивном фонде Оренбургской губернской земской управы хранятся журналы регистрации больных и раненых воинов, поступивших с фронта на лечение в лазареты г. Оренбурга и губернии.

В журналах указывалась фамилия, имя, отчество раненого воина, войсковая часть, место рождения, место ранения, диагноз, ход лечения и «исход болезни». Основные диагнозы, с которыми поступали раненые, были огнестрельные и осколочные ранения, бронхит, малярия²¹.

«Оренбургская газета» 28 июня 1915 года сообщала о прибытии в г. Оренбург санитарным поездом первых 18 жертв удушливых газов, которые стали применяться германскими войсками с 22 апреля 1915 года²².

Особой заботы требовали прибывающие воины с заразными заболеваниями. Во избежание развития эпидемий не только среди находящихся в госпиталях, но и среди местного населения, в Оренбурге в здании 9-го городского начального училища 24 апреля 1915 года был оборудован «заразный барак» на 50 коек²³. На приспособление здания было израсходовано 2148 рублей; на оборудование его инвентарем затрачено 4182 рублей 49 копеек. Одновременно состоялось открытие прачечной и дезинфекционной камеры.

За 1915 год на излечение в данное лечебное заведение поступило 42 человека. По роду болезней поступившие распределились следующим образом: рожа – 16 человек, брюшной тиф – 13 человек, дифтерит и колит – 2, сибирская язва – 1²⁴.

С сентября 1914 года по январь 1916 года в Оренбургскую губернию на излечение прибыло 25533 больных и раненых военнослужащих²⁵. Жители губернии внесли неоценимый вклад в излечение русских солдат.

Примечания:

¹ ГАОО. Ф.43. Оп. 1. Д. 65

² Там же. Л. 183

³ Оренбургская газета. -1914. - 22 августа

⁴ Ф. 43. Оп. 1. Д. 65. Л. 184

⁵ Там же. Л. 184 об.

⁶ Оренбургская газета.-1914. - 19 августа

⁷ Оренбургская газета. – 1914. - 24 августа.

⁸ Оренбургская газета.-1914. – 6 сентября

⁹ Ф. 43. Оп. 1. Д. 65. Л. 184 об.

¹⁰ Там же Л. 185

¹¹ Ф. 193. Оп. 1. Д. 3. Л. 18 об.

¹² Ф. 43. Оп. 1. Д. 65. Л. 185.

¹³ Ф. 193. Оп. 1. Д. 3. Л. 19

¹⁴ Ф. 43. Оп. 1. Д. 65. Л. 188.

¹⁵ Там же

¹⁶ Оренбургская жизнь.- 1914. – 27 августа

¹⁷ Ф. 43. Оп. 1. Д. 65. Л. 189об.

¹⁸ Оренбургская жизнь.- 1914. – 14 сентября

¹⁹ Там же Л. 190 об.

²⁰ Там же Л. 191

²¹ Ф. 43. Оп. 1. Д. 134.

²² Оренбургская газета.-1915. – 28 июня

²³ Ф. 43. Оп. 1. Д. 65. Л. 201.

²⁴ Ф. 43. Оп. 1. Д. 65. Л. 201 об.

²⁵ Семенов В.Г. Оренбургское казачье войско в годы Первой мировой войны 1914-1918 гг. Оренбург, 2010. С. 78

Денисов Д. Н. (г. Оренбург)

ПОМОЩЬ ОРЕНБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ РПЦ ФРОНТУ И ТЫЛУ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

В годы Первой мировой войны Русская Православная Церковь ярко раскрыла свой патриотический настрой и христианское сострадание в разностороннем служении фронту и тылу.

Прямо в день издания Высочайшего Манифеста о войне с Германией 20 июля 1914 г. Святейший Синод принял специальное определение № 6502, в котором чётко обозначил круг задач Церкви на предстоящий период испытаний. Городскому духовенству предписывалось обнародовать Манифест в первый день получения его текста, а сельскому – в ближайшее воскресенье, совершив молебен ко Господу Богу о даровании победы над врагом христоролюбивому русскому воинству и принося об этом в дальнейшем ежедневные молитвы. Святейший Синод предложил:

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Оренбургской области научного проекта № 13-11-56005.

- духовенству, монашествующим и мирянам делать пожертвования на врачевание раненых и больных воинов и на вспомоществование семействам лиц, призванных на войну;

- установить во всех церквах особые кружки для сбора средств в пользу Красного Креста и семейств, пострадавших от войны;

- монастырям и общинам отвести и приспособить все подходящие помещения под госпитали, заготовить оборудование и подыскать персонал для ухода за ранеными и больными воинами.

Православному духовенству следовало в своих поучениях располагать паству к содействию всеми мерами и способами успеху войны и облегчению участи пострадавших. В заключение, высший орган церковного управления призвал «всех православных людей, без различия звания, положения, возраста и пола, – в настоящий час испытания для нашей Родины оставить взаимные несогласия, ссоры, распри и обиды, крепкою стеною сплотиться у Царского Престола и по Царскому зову охотно и бодро идти на защиту Отечества всеми способами и мерами, какими кому предназначено и указано, не щадя, по примеру славных своих предков, своих сил, достояния и даже жизни, памятуя, что позор и гибель падут на главу ленивых, своекорыстных и предателей, а тем, кои принесут своё достояние и свою жизнь на алтарь Отечества, уготована вечная слава в роды родов»¹.

Распоряжения высших церковных властей были неукоснительно исполнены на местах. 21 июля 1914 г. в Казанском кафедральном соборе г. Оренбурга викарный епископ Челябинский Дионисий (Сосновский) (1859–1918) зачитал Высочайший манифест об объявлении войны Германии и совершил торжественный молебен о ниспослании победы русскому оружию. Такие же службы прошли во всех храмах Оренбургской епархии. Перед началом молебна в Орске протоиерей главного Спасо-Преображенского собора города Максим Иванович Худоносов (1863–?), обращаясь к пастве, сказал: «*Дерзайте убо, дерзайте, людие Божию!* говорит нам святая Церковь в одном из своих песнопений, повторяя слова Господа. Бодро выслушай, вся Россия, призыв Помазанника Божия и посылай своих сынов и братьев на священную войну. Дерзай, воистину Христолюбивое всероссийское воинство: не другим каким-нибудь побуждениям, а только по любви к Христу и его закону ты идёшь проливать свою кровь. Ты исполнишь в высшей мере высшую заповедь Божию. А тот, кто давно стучал, как голодный шакал, кровожадными зубами, кто, наконец, напал на нас, чтобы проливать неповинную кровь, тот сам захлебнётся в её пото-

ках, отверженный за своё зверство Богом и людьми, ибо по слову Христову первые взявшие меч от меча и погибнут. Исполнится на нём и другое, вещее слово нашего благословенного Самодержца: «На начинающего Бог!». *Держайте убо, держайте, людие Божию! ибо Той победит враги, яко всемогущ*»². В церквах Оренбуржья были немедленно заведены кружки, и начался сбор пожертвований на нужды раненых и больных воинов. С августа 1914 г. по ноябрь 1915 г. в Оренбургской епархии эти меры дали в общей сложности 29879 руб. 66 коп.³

Однако местное духовенство, движимое любовью к Родине и состраданием к ближним, не захотело ограничиваться лишь рекомендованными сверху общецерковными видами помощи. В целях содействия фронту и тылу оно решило создать собственную благотворительную организацию, изыскав для неё самостоятельные источники финансирования путём установления дополнительных сборов и самообложений. 2 августа 1914 г. по предложению временно управлявшего епархией, викарного епископа Челябинского Дионисия на имя местной Духовной консистории был образован Оренбургский Епархиальный Комитет Красного Креста. Первоначально в его состав вошли 4 протоиерея и 2 священника под председательством ректора Оренбургской духовной семинарии Иосифа Павловича Кречетовича (1873–1933), но в дальнейшем организация существенно расширилась за счёт новых инициативных и патриотично настроенных членов. Со 2 марта 1915 г. её возглавил викарный епископ Кустанайский Серафим (Александров) (1867–1937), а с 14 апреля 1916 г. – сам епископ Оренбургский и Тургайский Мефодий (Герасимов) (1856–1931). Его заместителем (товарищем председателя) стал священник Троицкой церкви г. Оренбурга Михаил Яковлевич Филологов (1870–1944), который до этого, с самого основания Комитета работал в нём казначеем. Заведывание финансами вместо него принял на себя священник Михайло-Архангельской церкви губернского центра Николай Васильевич Иванов (1885–?)⁴. Наконец, обязанности делопроизводителя в организации на протяжении всей её истории исполнял священник градо-Оренбургской Введенской церкви Аркадий Давидович Покровский.

Сразу после образования Оренбургский Епархиальный Комитет Красного Креста обратился с призывом о помощи к Общепархиальному Съезду духовенства, Духовной консистории, Комитету Епархиального свечного завода, корпорациям духовно-учебных заведений, мужским и женским монастырям епархии. Все церковные институты и учреждения горячо отозвались на эту просьбу посильными взносами и трудами.

В ответ на обращение XV-й Съезд духовенства Оренбургской епархии журналом от 17 августа 1914 г. № 1 единодушно постановил на военные нужды:

1) ежемесячно отчислять по 2 % со всех церковных поступлений, кроме пожертвований со специальным назначением;

2) производить за каждым богослужением сбор, обнося молящихся двумя кружками: в пользу Общества Красного Креста, а также в пользу семей запасных и ратников ополчения, призванных на военную службу;

3) установить обязательное для всего духовенства Оренбургско-Тургайской епархии самообложение в 2 % с братских поступлений, казённого и местного общественного жалования церковных причтов;

4) призвать состоятельные храмы епархии к единовременным крупным пожертвованиям⁵.

Не оставили своей помощью Епархиальный Комитет Красного Креста и конфессиональные учебные заведения. Так, сотрудники Оренбургского духовного училища стали ежемесячно отчислять ему 1 % жалования, преподаватели Оренбургского епархиального женского училища – 2 % заработной платы и т. д.

Введение в Оренбургской епархии дополнительных сборов на военные нужды позволило церквам и духовенству только за период с 1 сентября 1914 г. по 1 сентября 1916 г. аккумулировать 209465 руб. 92 коп. Из этой суммы 102985 руб. 32 коп. дали религиозные приходы, в том числе: 2-процентные отчисления со всех церковных поступлений – 26003 руб. 58 коп., сбор в кружку Общества Красного Креста – 47506 руб. 95 коп., сбор в кружку на семьи лиц, призванных на военную службу, – 20724 руб. 39 коп., индивидуальные пожертвования – 8750 руб. 40 коп. Ещё 106480 руб. 60 коп. поступило от православного духовенства, а именно: 2-процентных отчислений с братских доходов – 24271 руб. 82 коп., 2-процентных отчислений с жалования причта – 7756 руб. 65 коп., индивидуальных пожертвований – 74452 руб. 13 коп.⁶

Для усиления средств Оренбургского Епархиального Комитета Красного Креста также устраивались разнообразные культурно-просветительские мероприятия с продажей входных билетов и установкой кружек для пожертвований. Церковные власти постоянно проводили и разовые акции по целевому сбору средств. Например, 8 февраля 1915 г. хор Оренбургского кафедрального собора дал концерт в пользу Епархиального Комитета⁷. 10 октября 1915 г. по благословению епископа Оренбургского и Тургайского Мефодия эта организа-

ция объявила в губернском центре так называемый «золотой сбор», в ходе которого горожан приглашали сдавать в пользу армии драгоценные металлы, а также изделия и монеты из них. Пожертвования принимались за богослужениями в городских храмах, а также собирались поквартирным обходом членами Оренбургского Иоасафовского Сестричного Братства, созданного по инициативе епархиальных властей. В общей сложности от населения было принято 10,75 фунта золота (4 кг 402 г), 4 пуда 9 фунтов серебра (19 кг 985 г) и более 800 руб. деньгами. 29 ноября 1915 г. по предложению председателя Епархиального Комитета, епископа Кустанайского Серафима был организован религиозно-патриотический вечер в пользу русских воинов, томящихся в плену, которым собрали 883 руб. 43 коп. 18 декабря 1915 г. на аудиенции в Царском Селе Преосвященный представился императрице Александре Фёдоровне и через неё передал самодержцу все поступления от «золотого сбора», вечера в пользу пленных и ещё 5000 руб. от Оренбургского Епархиального Комитета Красного Креста⁸.

Помимо денег, монашествующие и духовенство вместе с церковно-приходскими попечительствами, советами и сельскими кредитными товариществами, преподаватели и учащиеся епархиальных образовательных учреждений собирали огромное количество вещей для действующей армии: продукты питания, тёплую одежду, обувь, постельные принадлежности, средства личной гигиены и другие предметы первой необходимости.

Например, осенью 1914 г. игуменья Таисия (Смирнова) (?–1930) и сёстры Оренбургского Успенского женского монастыря передали для отправки на фронт 55 тёплых рубашек, 50 фуфаяк, 20 пар чулок, 4 пары варежек, 35 полотенец и 44 мешка сухарей. Настоятель храма в с. Зобово (ныне Шарлыкского района Оренбургской области), будущий священномученик Иаков Иоаннович Маскаев (1879–1937) пожертвовал 1 пару валенок, 69 аршин холста, 10 пар чулок, 15 перчаток и 5 полотенец. От педагогов и воспитанниц Оренбургского епархиального женского училища через его начальницу Ольгу Александровну Левицкую (1860–?) поступило 14 рубашек, 3 кальсон, 34 пары носков, 62 пары портянок, 59 пар варежек, 1 шарф, 62 кисета с табаком и папиросной бумагой. Священник Фёдор Николаевич Зыков (1882–?) привёз для кормления раненых воинов в лазаретах 110 резаных кур⁹ и т. д.

Только за период со 2 августа 1914 г. по 1 июля 1915 г. в Оренбургский Епархиальный Комитет Красного Креста было прислано различных вещей на общую сумму 23639 руб. 90 коп.¹⁰

По мере накопления они отправлялись на фронт. В течение 1914–1915 гг. из Оренбургской епархии было послано в общей сложности 13 транспортов «всевозможных предметов обмундирования, питания и снаряжения войск»¹¹. К примеру, для первой зимней кампании Епархиальный Комитет Красного Креста в декабре 1914 г. – январе 1915 г. направил на передовую: рубах тёплых и холодных 2399, кальсон тёплых и холодных 2204, варежек и перчаток 1721 пару, портянок 1737 пар, чулок 1716 пар, валенок 42 пары, полушубков 64, курток 111, тужурок 12, жилетов 42, шарфов 9, башлыков 12, шапок 3, пояс 1, платков 269, полотенец 675, мыла 99 пудов, кисетов 270, табаку 1 пуд 10 фунтов, лапши 48 пудов и 5 мешков, сухарей 53 ящика и 259 мешков, соли 80 пудов, 16 ящиков с чаем, табаком, нитками, пуговицами и бумагой¹². В первую очередь помощь поступала в порядке шефства тем частям, которые до войны были расквартированы в губернии и в значительной степени формировались из местных уроженцев: 191-му Ларго-Кагульскому, 192-му Рымникскому, 331-му Орскому и 332-му Обоянскому пехотным полкам, 1-му, 2-му, 7-му, 9-му и 13-му Оренбургским казачьим полкам, 2-му Оренбургскому казачьему артиллерийскому дивизиону.

В случае недостатка Оренбургский Епархиальный Комитет Красного Креста за собственные средства приобретал или заказывал изготовление необходимых вещей. Например, в декабре 1914 г. он постановил пошить 1000 пар тёплого белья на нужды фронта: 500 – для Оренбургских казаков и 500 – для Кавказской армии. Казначей Комитета М. Я. Филологов закупил 9000 аршин (6390 м) ворсистой хлопчатобумажной ткани – бумазеи, а также необходимое количество тесьмы и ниток. Кройку и шитьё приняли на себя женщины духовного ведомства: 3500 аршин – специальная комиссия из учительниц и жён преподавателей духовно-образовательных учреждений, 3000 аршин – Серафимовская церковно-приходская школа в Форштадте, 1500 аршин – Оренбургское епархиальное женское училище и 1000 аршин – Оренбургский Успенский женский монастырь¹³.

Всего же только за период с 1 сентября 1914 г. по 1 сентября 1916 г. Оренбургским Епархиальным Комитетом Красного Креста было потрачено на заготовку белья и тёплых вещей для армии 33180 руб. 50 коп.¹⁴.

Церковные структуры помогали выполнять работы на пошив одежды и за счёт средств иных организаций. Так, сёстры Оренбургского Иоасафовского Братства в 1914 г. взяли 2 заказа на изготовления бе-

ля для армии от Всероссийского Земского Союза, сделав более 5000 предметов¹⁵.

Оренбургский Епархиальный Комитет Красного Креста принимал также участие в производстве и отправке на фронт различных полуфабрикатов, обмундирования, военной амуниции и даже боеприпасов.

В январе 1915 г. он ассигновал 500 руб. Комитету служащих в правительственных учреждениях Оренбургской губернии и Тургайской области, который изготовил 7 ящиков стерилизованных бинтов: 6 для отправки в действующую армию и 1 для местного лазарета¹⁶. В июне 1916 г. Епархиальный Красный Крест выделил на те же цели ещё 1500 руб.¹⁷.

В июле 1915 г. он закупил марлю и выписал из Москвы образцы противогазов, а жёны духовенства изготовили по ним и отослали в Главное Правление Союза земства и городов 4950 респираторов, призванных защитить русских воинов от химического оружия, которое как раз стало применяться на фронте германскими войсками.

Для более эффективной постановки дела по материально-техническому снабжению армии 7 августа 1915 г. при Оренбургском Епархиальном Комитете Красного Креста была создана особая Военно-промышленная секция, а на финансирование её деятельности установлены дополнительные процентные отчисления с духовенства и церковей Оренбургской епархии. В течение 1915 г. она передала Тургайскому военно-промышленному комитету 25000 руб. на производство ручных гранат, бомб и снарядов, первая партия которых была отгружена фронту в октябре. Для обеспечения оборонных заводов сырьём под эти заказы Военно-промышленная секция провела сбор чёрных и цветных металлов, давший до 10000 пудов (160,4 тонны) чугуна и до 100 пудов (1,6 тонны) меди¹⁸. В июле 1916 г. на её средства было пошито и отправлено оренбургским казакам 100 пар сапог¹⁹.

В августе 1916 г. по предложению Казанского интендантства Военно-промышленной секции поручили организовать для действующей армии выпечку сухарей, которую согласились взять на себя Оренбургский Успенский и Челябинский Одигитриевский женские монастыри²⁰. Кроме того, Секция внесла 10000 руб. в уставной капитал завода по выпуску консервов для армии, открытого Тургайским военно-промышленным комитетом в г. Оренбурге 11 января 1917 г.²¹.

В дополнение к текущим поставкам священнослужители Оренбургской епархии 2 раза в год отправляли на передовые позиции дей-

ствующей армии подарки, любовно подобранные и приготовленные заботливыми руками к важнейшим христианским праздникам Рождества Христова и Пасхи.

Так, в марте 1915 г. на фронт был командирован в качестве представителя Епархиального Комитета Красного Креста священник Серафимовской церкви в Форштадте Фёдор Елин для раздачи Оренбургским полкам 900 пудов (14742 кг) пасхальных подарков в 2-х вагонах²². Кроме того, через оренбургского губернатора было передано ещё 1000 руб. на поздравление воинов. О том, какое огромное воодушевляющее значение имели такие визиты для измотанных в бесконечных сражениях солдат, ярко свидетельствуют многочисленные благодарности полковых командиров и частные письма военнослужащих с фронта. Например, командир 191-го пехотного Ларго-Кагульского полка, полковник В. А. Карликов (1871–1937) писал епископу Кустанайскому Серафиму: «В середине апреля вверенный мне полк имел великое счастье получить пожертвованные Оренбургским Комитетом Красного Креста – сахар, мыло, соль, вермишель, табак, колбасу, разный бакалейный товар и прочее. В это время все запасы полка были истощены, и полк, сидя на позициях в снежных горах Карпат, очень нуждался в самом необходимом. Подвоз чего-либо необходимого для жизни был страшно затруднен, и о такой роскоши, которую Вы прислали в изобилии, можно было только мечтать, как о несбыточных желаниях. Вдруг к всеобщей радости наши дорогие уму и сердцу Оренбуржцы выручили. Вспомнили Ларго-Кагульцев и прислали лакомства. Вы не можете себе представить, какую радость Ваши подарки принесли господам офицерам, которые бережно, с любовью, делили и раздавали подарки нижним чинам. Ваше внимание, память и заботы о полке не забудутся Ларго-Кагульцами и послужат на долгие годы связующим звеном с нами. Какой отеческой, родной теплотой веяло от подарков, как бережно и с любовью они были уложены, как всё было предусмотрено, и описать невозможно. Примите от меня, господ офицеров и нижних чинов полка глубокую благодарность за все попечения и заботы о полке. Низко Вам всем кланяемся. После получения подарков полк вступил в непрерывные жестокие бои, которые и сейчас не прекращаются. Не было ни одной минуты времени уведомить Вас о получении подарков, так как всякая связь с канцелярией была утеряна. Переживая в настоящее время тяжёлые непрерывные бои, от имени полка прошу молитвою Вашего Преосвященства испросить благословение Господа Бога полку для дарования сил,

здоровья, и твёрдо уповаю на милость Божию, чтобы одержать новую и окончательную победу над упорным врагом»²³.

На Рождество того же 1915 г., 25 и 26 декабря председатель Оренбургского Епархиального Комитета Красного Креста, епископ Кустанайский Серафим сам выехал на фронт, в распоряжение 1-й Стрелковой бригады. Он привёз сердечный привет с далёкого Урала и подарки от духовенства, горожан и крестьян. Своё посещение епископ не ограничил резервами, а пошёл в окопы, где под неприятельским огнём преподал защитникам своё архипастырское благословение и роздал Евангелия и молитвенники. Приветствуя воинов тёплыми словами, он «свидетельствовал, что сердца всех русских людей горят негаснущей любовью к родной армии и крепкой верой в победоносную силу её»²⁴.

Весной 1916 г. боевым частям в качестве пасхальных подарков было послано 118 мест груза общим весом 355 пудов 30 фунтов (5827 кг), в том числе: рубах – 370, кальсон – 220, чулок – 304 пары, варежек – 420 пар, нагрудников – 18, курток – 35, сапог – 6 пар, кожи для починки обуви – 17 тюков, дратвы – 1 тук, 2000 комплектов шил, ниток и иголок, чаю – 250 фунтов, сахару – 50 пудов, карамели – 2000 пакетов по 1/2 фунта, крашенных яиц – 100 штук, сала – 50 пудов, табаку – 50 пудов, кисетов – 20 штук, курительной бумаги – 25 стоп, спичек – 2 ящика, мыла – 50 пудов, 3 ящика Евангелий и молитвословов, 2000 комплектов почтовой бумаги, конвертов и карандашей, 10 гармоник. По получении в Штабе Верховного Главнокомандующего их передали на Юго-Западный фронт²⁵.

К предстоящему Рождеству 1916 г. ещё 5 октября епископ Оренбургский и Тургайский Мефодий издал воззвание о начале денежного сбора на подарки защитникам Отечества²⁶. Для усиления средств Епархиальный Комитет Красного Креста устроил специальный литературно-вокальный вечер. Трудями учениц женских средне-учебных заведений и сестёр Оренбургского Успенского монастыря были шиты для воинов 2000 комплектов тёплого белья. 18 ноября 1916 г. на своём заседании члены Комитета подробно обсудили 3 различных ассортимента подарков. В итоге было решено остановиться на варианте, который включал для каждого солдата: 1/2 фунта копчёной колбасы, 1/4 фунта конфет, 2/3 фунта табака, 1 коробок спичек, 4 листа курительной бумаги, 1 кусок мыла, 1 лист почтовой бумаги, 1 конверт и 1 карандаш. Дополнительно к подаркам прибавили нательные крестики, религиозно-нравственные брошюры и гармоники²⁷. Всего на форми-

рование рождественских комплектов для армии было потрачено 16000 руб. Первую партию подарков 16 декабря 1916 г. повёз на Румынский фронт казначей Епархиального Комитета Красного Креста, священник Михайло-Архангельской церкви г. Оренбурга Николай Васильевич Иванов (1885–?). Из них треть предназначалась оренбургским казачьим полкам, а две трети – Ларго-Кагульскому и Рымникскому пехотным полкам. Вторая часть подарков 19 декабря 1916 г. была отправлена Орскому и Обоянскому пехотным полкам на Юго-Западный фронт в сопровождении члена Комитета, протоиерея Казанского кафедрального собора Павла Васильевича Марсова (1863–?)²⁸. Из-за мобилизации всего годного транспорта для военных перевозок ему пришлось добираться в переполненном поезде, спать, сидя на багаже в узком коридорчике, затем ехать в теплушке, узкоколейкой и подводами, даже не зная конечного пункта потому, что места дислокации воюющих частей держались в тайне. Тем не менее, через многочисленные пересадки, выбивание дефицитного транспорта у железнодорожного начальства и даже артиллерийский обстрел противника самоотверженному священнослужителю удалось добраться до Орского полка, воевавшего на Луцком направлении, у реки Стоход (ныне в Волынской области Украины). Здесь он сразу передал ящики с бинтами полковому врачу, а около 400 резаных кур – на кухню. На следующий день, 6 января 1917 г. после совершения литургии, освящения воды на реке и крещенского парада Орский полк был построен полукругом на деревенской площади. Протоиерей П. В. Марсов обратился к нему с речью: «Доблестные воины, защитники нашей родины! Я, как уполномоченный от Оренбургского Епархиального Комитета Красного Креста, привёз вам от духовенства Оренбургской епархии и от всего православного населения сердечный привет и поздравление с великими праздниками Рождества Христова, Крещения Господня и с наступившим Новым годом! Верьте, что мы, находящиеся в тылу, всегда вспоминаем о вас, постоянно переносимся своею мыслию и в ваши неприветливые окопы, и на поля кровавых битв, с замиранием сердца следим за вашими воинскими подвигами, радуясь успехам вашим и скорбя о неудачах, если такие постигают вас! Выражением всегдашней нашей памяти о вас и любви к вам служат вот эти рождественские подарки, которые я, по уполномочию сказанного Комитета, имел честь доставить сюда. Примите их с любовью и не взыщите: чем богаты, тем и рады! Пусть эти подарки будут ценны в ваших глазах не сами по себе, а как доказательство нашей любви к вам, как сильное выраже-

ние нашей благодарности к вам за ваши воинские труды». После этого священник начал раздавать военнотружущим Евангелия, молитвословы, религиозно-нравственные брошюры и нательные крестики. Остальные подарки солдатам вручили уполномоченные от каждой роты полка на площади, а офицерам – в их столовой. Только через 26 дней, 14 января 1917 г. протоиерей П. В. Марсов возвратился в Оренбург, «разбитый физически, но нравственно удовлетворённый»²⁹.

Даже после Февральской революции 1917 г., в условиях резкого обнищания масс, дефицита предметов первой необходимости, хозяйственной разрухи и дезорганизации работы транспорта оренбургское духовенство умудрялось по-прежнему собирать и отправлять на фронт подарки для верных долгу и присяге. 4 апреля 1917 г. оно снова послало на 2 фронта по вагону пасхальных презентов. Уполномоченные члены Епархиального Комитета Красного Креста протоиерей М. Я. Филологов и Н. А. Карликова повезли на Румынский фронт для Орского и Обоянского полков 1891 комплект солдатских и 75 комплектов офицерских подарков. На Австрийский фронт диакон А. В. Шевченко и М. А. Гладышева сопровождали 1847 наборов для солдат и 75 для офицеров Ларго-Кагульского и Рымникского полков. Каждый солдатский комплект включал: 1/2 фунта копчёной колбасы, 1/4 фунта монпансье, кусок мыла, табак, папиросную и почтовую бумагу, конверт и химический карандаш. Офицеру полагалось: 1/2 фунта копчёной колбасы, 1/2 фунта монпансье, 1/4 фунта какао, кофе, кусок мыла и пачка папирос. Кроме того, на каждый фронт были добавлены: 390 кальсон, 160 пар портянок, 1 ящик свиного сала, 1 мешок сухарей, 150 кисетов с табаком, 1 ящик религиозно-нравственных брошюр, 1 ящик с 10 гармониками и набором ниток и иголок³⁰. У протоиерея М. Я. Филолова дорога только в один конец заняла 17 дней из-за хаоса на железных дорогах и разной ширины колеи в России и Румынии, что потребовало перегрузки вагона с подарками после пересечения границы. Тем не менее, 21 апреля 1917 г. он благополучно прибыл на место назначения. И командир Орского полка, полковник А. В. Мрозинский (1877–?), и солдаты встретили его чрезвычайно радушно, поскольку с ноября не видели нового человека, а вели бои в горах на севере Румынии, в изоляции и не были затронуты разлагающей революционной пропагандой, которая в России привела к падению воинской дисциплины, разрушению субординации и массовому дезертирству. Позиции полка и его штаб располагались на высоте 1288 м. Группа офицеров ознакомила оренбургского священника с устройством

окопов, блиндажей и других укреплений. При нём были произведены выстрелы из бомбомётов, миномёта и горных орудий. С наблюдательной вышки Филологов видел расположение неприятельских частей. Поддержав земляков в переломный момент российской истории, Михаил Яковлевич передал всей Оренбургской губернии их сердечное спасибо за присланные подарки³¹.

По распоряжениям протопресвитера военного и морского духовенства священнослужители Оренбургской епархии выезжали в действующую армию и на более длительный срок для религиозного окормления солдат и офицеров. Так, в период Первой мировой войны протоиерей Спасо-Преображенского собора г. Орска Максим Иванович Худоносов (1863–?) замещал должность пастыря в 48-й артиллерийской бригаде, иеромонах Авраам – в 45-й бригаде государственного ополчения, разъездной миссионер Челябинского уезда и священник местного переселенческого пункта Василий Михайлович Демидов (1885–1951) – в 172-м полевом военном госпитале³² и т. д.

Однако основную работу с военнотружущими духовенство Оренбургской епархии вело в тылу, занимаясь религиозно-патриотическим воспитанием новобранцев. Определением Святейшего Синода было предписано, чтобы в каждой епархии лучшие священнослужители в запасных полках «совершением богослужений, проповедью и беседами вдохновляли и воодушевляли новых воинов к доблестному исполнению возложенного на них долга защиты Родины с несокрушимой верой и мужеством непреодолимым». Исполняя указание, епископ Оренбургский и Тургайский Мефодий (Герасимов) (1856–1931) распорядился, чтобы викарные епископы Челябинский Сильвестр (Ольшевский) (1860–1920) и Кустанайский Серафим (Александров) (1867–1937) подобрали для этой цели опытных проповедников. Например, назидание воинов 694-й Оренбургской пешей дружины было поручено настоятелю Иоанно-Богословской церкви губернского центра, протоиерею Александру Полотебнову, исполнение обязанностей священника в 104-м запасном полку – протоиерею Казанского кафедрального собора Иоанну Павловичу Соломину, в 258-м запасном полку – священнику посёлка Харлушевского Челябинского уезда Фёдор Дмитриевичу Суханову (1873–1919)³³ и т. д. По предварительному согласованию с военным начальством были определены пункты для совершения богослужений, проведения религиозно-нравственных бесед и патриотических чтений среди призывников. Скажем, в Оренбурге епископ Серафим организовал такие мероприятия в 6 местах.

Прежде всего, оренбургское духовенство стремилось к тому, чтобы и на военной службе с её ограничениями православные воины не чувствовали себя оторванными от Матери-Церкви, а жили полноценной религиозной жизнью с приобщением Святым Тайнам. Поэтому в запасных полках регулярно отправлялись все положенные богослужения по воскресным и праздничным дням со всенощными бдениями накануне, служились молебны о победе над врагами с чтением акафистов и благодарственные молебны, в необходимых случаях устраивались панихиды, приводились к присяге офицеры и нижние чины. При богослужениях священники произносили приличествующие случаю поучения, а хоры, составленные из самих военнослужащих, пели церковные произведения.

Для удовлетворения духовных потребностей и наставления воинов устраивались религиозно-нравственные беседы и чтения патриотического содержания. Их задачей было разъяснить посредством слова Божия священные обязанности, вытекающие из высокого звания защитников Отечества, воодушевить их на ратный труд и подвиг, укрепить, ободрить и утешить. Для этого выбирались темы догматического и нравственного характера, приводились уроки из житий святых, примеры из давней истории и современной летописи войны, прочитывались назидательные рассказы, а в необходимых случаях организовывались миссионерские занятия.

На догматическо-нравственных чтениях и беседах предлагались темы: «Как и какой любви к земному Отечеству научает нас Евангелие», «О присяге», «О повиновении властям по духу Святого Евангелия», «О значении полкового знамени и уважении к нему», «Почему Святая Церковь именует воинов христоробивыми, с назиданием воинам своею жизнью и поведением оправдать это звание», «Как православный воин должен готовиться к бою», «Источник победоносной храбрости», «Что создается правдою и на правде, того никакая сила победить не может», «На страже Святой Руси многочисленная небесная рать, своими молитвами пред престолом Божиим помогающая нашему воинству во многих трудных обстоятельствах», «Чем можно заслужить покров и заступничество Богоматери», «О необходимости молитвы и покаяния вообще, а в переживаемое трудное время войны в особенности», «О почитании Святого Креста с назиданием, как мы должны относиться в жизни к постигающим нас скорбям и бедствиям», «Благочестивым умирать не страшно, а воинам в особенности», «Что ожидает воина после смерти на войне» и т. д. Во время бесед

также объяснялись молитвы, Символ веры, прочитывались праздничные и дневные Евангелия с толкованием их смысла и нравоучений.

Специфика работы с новобранцами обусловила выбор для прочтения им житийной литературы о тех святых, которые сами отличились воинским мужеством или стали небесными покровителями армии: о Георгии Победоносце, Феодоре Стратилате, Иоанне Воине, священномученике Никоне, преподобном Сергии Радонежском и др.

Для воспитания мужества широко использовались примеры из исторического прошлого России и рассказы о героях современной войны: «Об осаде Троице-Сергиевой лавры», «Граф Суворов-Рымникский», «О единении Царя с народом», «О вождах русской армии: Верховном Главнокомандующем Великом Князе Николае Николаевиче; о генералах Рузском, Иванове, Брусилове», «Герои-солдаты настоящей войны», «Первый в войну Георгиевский кавалер – казак Кузьма Крючков», «Подпоручик Бессмертный, рядовой Скрыпка, подвиг Семёна Дергача, подвиг унтер-офицера П. Панасюка и телефониста А. Макухи, мужественно перенесших пытки от врагов за отказ сообщить им расположение наших войск», «Бесстрашный санитар», «Доблестный пример», «Как умирают русские солдаты», «Неслыханное злодеяние немецких войск – поджог халупы с нашими ранеными» и т. д. По возможности во время чтений с помощью простейшего проектора демонстрировались поясняющие световые картины.

Иногда озвучивались назидательные и поучительные рассказы: «Греховное дело», «Чудесный бочонок», «Светлый праздник в окопах», «Пред иконою Богоматери», «Не в силе Бог, а в правде» и др.

Если среди военнослужащих встречались протестанты, которые придерживались пацифистских взглядов и отказывались брать в руки оружие, для противодействия их пропаганде специально организовывались дополнительные миссионерские занятия: «О войне по учению слова Божия», «О присяге» и т. п.

Беседы и чтения начинались, сопровождалась и оканчивались общим пением молитв и церковных песнопений, в которых слушатели принимали охотное и живое участие. Пелись общеупотребительные молитвы: «Спаси Господи, люди Твоя», «Отче наш», «Богородице Дево», «Заступнице усердная», «Не имамы иныя помощи», «Царю небесный», «Достойно есть», Символ веры, молитвословия из всеобщего бдения и государственный гимн «Боже, Царя храни!».

После некоторых бесед и чтений среди воинов распространяли афонские и троицкие листки: «Памятка солдатам, идущим на войну»,

«Щит воина несокрушимый», «Молитва воина перед битвой», «Псалом 90-й», «Отеческий завет православному воину», «Военная служба», «Православный воин – Божий воин», «Послание Троицких иноков православным воинам», «Крупницы пищи духовной» и др. Также раздавались Святые Евангелия, молитвословы и нательные кресты³⁴.

Перед отправкой на фронт маршевых рот обязательно служился напутственный молебен с окроплением строя святой водой. Глава епархии, Преосвященный Мефодий каждый год лично напутствовал словом выпускников Оренбургской школы прапорщиков³⁵.

Клирики и монашествующие не могли сами воевать с оружием в руках, поскольку это запрещено 83-м правилом святых Апостолов и 7-м определением IV-го Вселенского собора под угрозой извержения из сана и предания анафеме. Однако это не возбранялось лицам, которые только готовились стать священнослужителями, из числа воспитанников духовно-образовательных учреждений. Повинуясь патристическому долгу, в годы Первой мировой войны в армию ушли 102 учащихся Оренбургской духовной семинарии. Из них 7 убито, 7 ранено, 3 оказались в плену, 1 пропал без вести, а 8 награждены орденами и Георгиевским оружием³⁶. Для семинаристов, оставшихся в учебном заведении, по желанию проводились военно-спортивные занятия в рамках допризывной подготовки. Так, в период с 17 апреля по 7 мая 1916 г. их посещали 45 добровольцев. После окончания сборов некоторые из них оставили духовное образование и поступили в военные училища и школы прапорщиков. Поэтому с 1 сентября по 24 октября 1916 г. на допризывных курсах занимались уже лишь 35 семинаристов. Обучение завершилось сдачей выпускных испытаний, которые принимала особая комиссия в составе двух офицеров от военного ведомства, поручика Б. А. Жадановского и прапорщика Боголюбова; члена Оренбургского Военно-Спортивного Комитета, полковника М. П. Корженевича; председателя Оренбургского Общества физического развития молодёжи Сперанского и преподавателя гимнастики Духовной семинарии, подполковника А. Н. Суходольского. Все испытуемые были признаны подготовленными к военной службе, о чём им выдали особые свидетельства от Военно-Спортивного Комитета³⁷. В каникулярный период с мая по сентябрь 1916 г. 3 учащихся семинарии своей охотой выезжали на Западный фронт действующей армии, где работали в качестве конторщиков на передовых позициях, в 30 верстах по линии фронта от станции Барановичи (ныне Брестской области Беларуси)³⁸.

Особой заботы духовенства в тылу требовали не только убывающие на передовую новобранцы, но и поступающие обратно с фронта непрерывным потоком раненые и больные воины. По давней традиции с начала боевых действий Церковь активно подключилась к организации медицинской помощи пострадавшим и, прежде всего, в монашеских обителях, где имелись свободные помещения и подходящий персонал для постоянного ухода.

Уже 1 сентября 1914 г. Оренбургский Успенский женский монастырь открыл лазарет на 10 коек для раненых и больных воинов. Его хозяйственной частью заведовала игуменья Таисия (Смирнова) (?–1930), а за медицинскую сторону отвечали врач Константин Николаевич Архангельский (1857–?), 1 сестра милосердия и 2 палатных прислуги. 8 сентября 1914 г. епископ Челябинский Дионисий освятил в Одигитриевском женском монастыре лазарет на 15 мест, получивший с разрешения императора имя его дочери, великой княжны Анастасии Николаевны. Содержание медицинского учреждения с 2 врачами, 2 фельдшерами, 4 сёстрами милосердия и 4 палатными прислугами обходилось обители в 400 руб. ежемесячно. Директором лазарета стал широко известный в Челябинске доктор Александр Францевич Бейвель (1867–1939) при хозяйственном руководстве игуменьи Анастасии (Щаповой). С 15 сентября 1914 г. Николаевский мужской монастырь в Оренбургском уезде отвёл 8 коек для больничного ухода за фронтовиками. 20 декабря 1914 г. в Илецком Николаевском женском монастыре начало работу лечебное отделение на 5 коек под надзором 1 врача и 2 фельдшеров. Наконец, в 1915 г. при Казанско-Богородицком женском монастыре г. Троицка был оборудован лазарет на 40 кроватей³⁹. Таким образом, в Оренбургской епархии 5 монастырских лазаретов могли одновременно обслуживать до 78 раненых и больных воинов.

17 сентября 1914 г. на втором заседании после учреждения Оренбургский Епархиальный Комитет Красного Креста возбудил вопрос об организации собственного лечебного заведения. Для его размещения Оренбургская духовая семинария безвозмездно предоставила верхний этаж своей образцовой церковно-приходской школы с отоплением и освещением. 11 ноября 1914 г. здесь открылся и принял первых раненых епархиальный лазарет, который поначалу был рассчитан на 20 коек, но постепенно расширялся. Работой медицинского учреждения руководил отец духовник Семинарии, протоиерей Григорий Дмитриевич Добросмыслов, а хозяйственными делами ведала его суп-

руга М. И. Добросмыслова. В стирке белья, уборке помещений и других нуждах ей помогали воспитанницы расположенного напротив Семинарии Оренбургского епархиального женского училища. Обслуживанием раненых занимались 1 штатный семинарский фельдшер, 2 сестры милосердия и 2 прислуги для кухни. Страждущие воины получали комплексный уход, необходимые медикаменты и лечение, а в случае необходимости даже отправлялись на солёные купания в Илецкую Защиту (ныне г. Соль-Илецк). По выходе из лазарета каждого выздоравливающего снабжали денежным пособием на проезд и первоначальные расходы, а также наплечным мешком, 2-мя парами нижнего белья, полотенцем, 2-мя платками, 2-мя парами портянок, жестяным чайником с кружкой, чаем, сахаром, хлебом, колбасой, табаком, бумагой, конвертами и карандашом. Выбывающие в зимние месяцы дополнительно получали пару тёплого белья, полушубок, варежки и валенки (пимы). Солдаты также увозили с собой вручённые им в благословение крестики, иконки, Евангелия и молитвословы⁴⁰. Только за период с 1 января 1914 г. по 1 сентября 1916 г. Оренбургский Епархиальный Комитет Красного Креста потратил на содержание лазарета и нужды его пациентов 15007 руб.⁴¹. С 1 февраля 1915 г. и само здание Оренбургской духовной семинарии было уступлено под 2 эвакуационных госпиталя №№ 123 и 124.

По мере увеличения потока раненых с фронта Комитет 15 июля 1916 г. решил организовать на свои средства второй епархиальный лазарет. Он выделил 5000 руб. на приспособление под эти цели в Оренбургском Успенском женском монастыре здания церковно-приходской школы. Его капитально отремонтировали, увеличили пристройкой кухни, ванной и кладовой, проложили водопровод. Для лазарета закупили койки и другую мебель, постельное бельё, оборудование, медицинские инструменты, перевязочные материалы и лекарства. 13 октября 1916 г. заместитель председателя М. Я. Филологов доложил Комитету, что светлое, просторное и сухое помещение полностью готово к приёму раненых. 16 октября 1916 г. епископ Оренбургский и Тургайский Мефодий торжественно освятил новый лазарет в присутствии и. о. губернатора Л. А. Пушкина, заведующего местным пунктом эвакуации раненых, генерал-майора А. Н. Баранова, председателя Губернской земской управы Н. А. Холодковского, руководителей светских и религиозных учреждений, а также массы духовенства. Лечебницу возглавил опытный хирург Владимир Александрович Азлецкий (1880–?), что позволило проводить в ней даже сложные опера-

ции. Весь низший обслуживающий персонал составляли монахини и послушницы обители. Тем не менее, содержание 30 коек в лазарете при полной загрузке ежемесячно стоило Епархиальному Комитету 1000 руб. Финансово-хозяйственными делами занималась игуменья монастыря Таисия. В июле 1917 г. под её руководством в больницу было дополнительно проведено электрическое освещение⁴².

Епархиальные лазареты вернули в строй немало военнослужащих. Так, со времени их открытия до 1 июля 1917 г. здесь прошли лечение 422 воина, которые провели 17373 койко-дня, том числе: в лазарете № 1 – 281 человек при 15252 койко-днях и в лазарете № 2 – 141 человек при 2121 койко-дне⁴³. 1 декабря 1917 г. по распоряжению начальника эвакуационного пункта первое учреждение было свёрнуто, а его пациенты переведены в земский лазарет, но вторая епархиальная лечебница продолжала работу⁴⁴.

Разумеется, церковь осуществляла и духовное попечение над ранеными воинами. Для удовлетворения их нужд все лазареты Оренбурга были распределены между причтами городских церквей, которым вменено в обязанность отправлять для больных всенощные бдения, а на следующие затем воскресные и праздничные дни предлагать воинам религиозно-нравственные чтения и беседы. На эти же цели в феврале 1915 г. Епархиальный Красный Крест выписал в Издательской комиссии Святейшего Синода за 865 руб. 45 коп. и разослал по 33 лазаретам епархии готовые, укомплектованные библиотеки духовной литературы для чтения, а также 10 тысяч крестиков, 5 тысяч Новых Заветов и 5 тысяч молитвенников для раздачи больным и раненым воинам. В июне 1916 г. Комитет ассигновал ещё 1500 руб. на покупку Евангелий, молитвословов и книжек противосектантского содержания для уездных лазаретов⁴⁵.

18 ноября 1916 г. он заслушал отношение начальника Штаба Казанского военного округа, генерал-лейтенанта Ф. Н. Добрышина о необходимости обучения раненых и больных воинов. Решено было в качестве опыта организовать сначала занятия в епархиальных лазаретах. Их пациенты охотно откликнулись на предложение и почти все поголовно записались на курсы. В лазарете № 1 вызвались учиться 10 человек, из них 5 малограмотных и 5 неграмотных, а в лазарете № 2 – 27 человек, в том числе 14 грамотных и 13 малограмотных. Занятия в них начались 24 ноября и 1 декабря 1916 г., соответственно, а накануне здесь были отслужены молебны с произнесением соответствующего слова о пользе учения. Уроки проводились с 9 до 11 часов утра и с 5

до 7 часов вечера. Они включали: Закон Божий, русское чтение, письмо и арифметику. Учебные пособия для них были позаимствованы из образцовой школы Оренбургской духовной семинарии, а канцелярские принадлежности докуплены за счёт Епархиального Комитета Красного Креста. В лазарете № 1 занятия в палате утром и в сестринской комнате вечером вели семинаристы старших 5-го и 6-го классов под наблюдением их преподавателя дидактики Василия Яковлевича Струминского (1880–1967). Чтение основ православия взял на себя заведующий лазаретом и духовник Семинарии, протоиерей Г. Д. Добромыслов. В лазарете № 2 уроки проходили в больничном коридоре, который одновременно служил столовой. С ранеными занималась делопроизводительница лечебного заведения, сестра Успенского женского монастыря А. Иванова, которая до ухода в обитель окончила Оренбургскую женскую гимназию и работала учительницей. Общее наблюдение за обучением военнослужащих в епархиальных лазаретах осуществлял ректор Оренбургской духовной семинарии, архимандрит Варлаам (Новгородский) (1872 – не ранее 1920)⁴⁶.

Церковные структуры оказывали и материальную, практическую помощь лечебным заведениям других ведомств. Например, в апреле 1915 г. к празднику Святой Пасхи Епархиальный Комитет Красного Креста направил в лазареты г. Оренбурга 235 штук резаной птицы: в 123-й Свободный госпиталь – 100 штук, в земские лазареты – 75 штук, в Торгово-промышленный лазарет – 15 штук, в лазарет имени Цесаревича Алексея Николаевича – 15 штук, а в приют и столовую для бедных – 30 штук⁴⁷. В январе 1917 г. он решил снять в окрестностях Оренбурга подходящий участок земли для обеспечения лечебных заведений свежими овощами, к чему призвал содействовать и духовенство епархии⁴⁸. Сёстры Оренбургского Иоасафовского братства обслуживали отделение Торгово-промышленного лазарета на 40 коек, которые помещались в здании благотворительного учреждения С. и М. Ивановых⁴⁹. Сотрудники Оренбургской духовной консистории ежемесячно отчисляли 2 % своего жалования на содержание лазарета, организованного служащими в правительственных учреждениях Оренбургской губернии и Тургайской области. С августа 1914 г. по ноябрь 1915 г. они передали на эти цели 411 руб. 74 коп.⁵⁰ Персонал духовно-образовательных учреждений Оренбургской епархии также выделял часть заработной платы на финансирование своего ведомственного лазарета в Петрограде. Стремясь оказать оперативную помощь раненым непосредственно на фронте, с февраля 1915 г. Епархи-

альный Комитет Красного Креста стал ежемесячно переводить по 500 руб. для содержания 10 коек имени оренбургского духовенства на передовых позициях. Они были заведены в подвижном лазарете Киевской общины сестёр милосердия, действовавшем на Северо-Западном фронте⁵¹. В ноябре 1916 г. на заседании Комитета был заслушан вопрос о реабилитации выздоравливающих воинов. При этом Оренбургский Успенско-Макарьевский мужской монастырь согласился принять 10 таких человек, а Георгиевский мужской монастырь в Челябинском уезде – 2 с полным содержанием за свой счёт⁵².

При недостаточном уровне больничного ухода и развития медицины до изобретения антибиотиков серьёзной проблемой того времени были массовые ампутации и тяжёлые увечья воинов после ранений. В годы Первой мировой войны калеками стали 600 тысяч российских солдат и офицеров. Для решения их проблем в апреле 1916 г. Святейший Синод своим указом призвал духовенство выработать меры и указать средства к обеспечению военных инвалидов. Рассмотрев это обращение, на своём заседании Оренбургский Епархиальный Комитет Красного Креста 26 апреля 1916 г. постановил напечатать и разослать по епархии в 6 тысячах экземплярах специальное воззвание Владыки Мефодия о помощи героям, потерявшим работоспособность на войне. Верующие откликнулись на этот призыв с подлинно христианским состраданием. Например, священник посёлка Кардаиловского (ныне Илекского района Оренбургской области) О. В. Соколов пожертвовал 102 руб. на нужды увечных воинов. Духовенству также было предложено собрать сведения и представить к 15 июня списки военных инвалидов, живущих в подведомственных приходах. На дело поддержки увечных воинов Комитет ассигновал в распоряжение Главноначальствующего 3000 руб. Наконец, для возвращения инвалидов войны к трудовой деятельности и обеспечения посильным заработком решено было организовать обучение их пчеловодству. В целях привлечения на курсы слушателей 10, 11 и 12 мая 1916 г. в Тургайском лазарете имени Цесаревича Алексея Николаевича и в двух лазаретах Всероссийского Земского Союза председатель Оренбургского пчеловодного общества Михаил Никифорович Кормильцев безвозмездно прочитал 3 тематические лекции с показом документальных кинолент, причём Комитет оплатил прокат аппарата и картин по 20 руб. за вечер. Для занятий на пчеловодческих курсах выработана программа, за 70 руб. выписаны 8 наименований специальной литературы в 102 экземплярах о методике пчеловодства, устройстве ульев и

омшанников для зимовки, выращивании главных медоносных культур, наглядные пособия (ульи 3 разных конструкций, 1 нож-пила для распечатывания мёда, 1 вилка для разбрушивания мёда, 10 штук сеток-вуалей, 1 формалиновая лампочка). Ещё в 540 руб. обошлись оборудование учебной столярной мастерской, приобретение и доставка материалов для изготовления 20 ульев и жалование мастеру за науку. Сами курсы по пчеловодству для 20 увечных воинов были устроены Епархиальным Комитетом Красного Креста с 20 июля по 1 сентября 1916 г. в одной из церковно-приходских школ г. Оренбурга, на базе которой организованы бесплатное общежитие и питание для обучающихся. Вести занятия пригласили за 100 руб. в месяц заведующего Богодуховской миссионерской второклассной школой, священника Николая Константиновича Крамаренко (1879–?), который как раз вернулся с Казанских пчеловодческих курсов. Для практических работ и ознакомления с жизнью и обычаями пчёл слушатели совершили 5 поездок на его пасеку при монастырской школе на горе Маяк, что потребовало от Комитета дополнительных расходов на 100 руб.⁵³.

Помимо непосредственных участников боевых действий, в Первой мировой войне пострадали и самые широкие слои гражданского населения. Она привела к резкому снижению уровня жизни, лишила миллионы семей кормильцев, крова и хозяйства. Семьи призванных на военную службу, вдовы, сироты, беженцы отчаянно нуждались в поддержке, которую зачастую искали и находили в ближайшем православном приходе. Оренбургский епископ Мефодий в одном из отчётов военного времени писал, что «духовенство во всей своей массе приняло на себя заботу о семьях воинов. Утешить плачущих матерей, жён, детей, ободрить молитвой и напутственным словом уходящих на войну, помочь материально и нравственно оставшимся семьям, развеять разные вздорные слухи, сообщить все сведения о военных действиях, коими, естественно, как интересуется деревня, – всё это духовенство считало своим нравственным долгом, и прихожане больше чем когда-либо почувствовали душевную потребность в единении» с ним⁵⁴.

В годы Первой мировой войны из Оренбургской губернии были мобилизованы на военную службу 162661 человек или почти 45 % трудоспособного мужского населения. Поэтому первоочередной задачей религиозных общин стало оказание помощи семьям призванных, в том числе при распашке и засевах их земельных наделов в отсутствие кормильцев. Ещё 20 июля 1914 г. Святейший Синод Русской Православной Церкви своим определением № 6503 приказал немедленно

образовать в каждом приходе особый попечительский совет о семьях лиц, находящихся в войсках. Он избирался прихожанами с обязательным включением в его состав местного причта и церковного старосты. На обязанности совета лежало ведение списков ушедших в армию, оценка имущественного положения их семей, определение размеров утраченного дохода от призыва кормильца и необходимой помощи. Она оказывалась за счёт целевого сбора пожертвований в приходе, а при их недостатке храмовому причту и старосте разрешилось выдавать пособия непосредственно из церковных сумм до 50 руб., не испрашивая разрешения епархиального начальства⁵⁵.

Во время летних полевых работ жёны ушедших на войну были вынуждены оставлять детей дома без должного присмотра. Для подмоги им Святейший Синод определением от 8 апреля 1915 г. № 2585 призвал по всем приходам «лиц женского пола, имеющих возможность посвятить себя уходу за детьми, приступить к устройству на предстоящее лето яслей». Общее попечение об организации и содержании таких детских садов возлагалось на приходские попечительские советы, а при отсутствии последних духовенству предлагалось образовать специальные кружки⁵⁶. 10 апреля 1915 г. Оренбургский Епархиальный Комитет Красного Креста выделил 1000 руб. на закупку посевного материала для семей призванных на войну, а также 300 руб. на учреждение 10 стипендий имени Цесаревича Алексея Николаевича для содержания детей воинов в яслях Иоасафовского Сестричного Братства. Всего же на пожертвования благотворителей летом 1915 г. в помещении братской столовой на Конно-Сенной площади воспитывались 25 детей в возрасте от 2 до 9 лет. В следующем 1916 г. Епархиальный Комитет увеличил пособие до 600 руб., что позволило принять в ясли уже 30 детей, сделавших за лето 2067 посещений. Такое же число призреваемых сохранялось и в летние месяцы 1917 г.⁵⁷.

Если дети призванных на военную службу, но живых родителей нуждались во временном попечении, то дети погибших – в постоянном. В годы Первой мировой войны Россия потеряла более 2 миллионов граждан убитыми, умершими от ран и болезней, а 2,5 миллиона детей стали беспризорниками. Для решения этой острейшей социальной проблемы в 1915 г. при Одигитриевском женском монастыре г. Челябинска и Иверском женском монастыре г. Кустаная были устроены приюты, каждый на 25 дочерей воинов, павших на поле брани. 18 ноября 1916 г. на своём заседании Оренбургский Епархиальный Комитет Красного Креста рассмотрел вопрос о расширении монастырс-

ких приютов для детей погибших военнослужащих. Оренбургский Успенский и Челябинский Одигитриевский женские монастыри согласились принять по 20 девочек, Орский Покровский женский монастырь – 15 девочек, Николаевский мужской монастырь в Оренбургском уезде – 12 мальчиков; Илецкий Николаевский, Кустанайский Иверский, Покровский (Разгуляевский) и Троицкий Казанско-Богородицкий женские монастыри – по 10 девочек; Серафимовская женская община в Челябинском уезде – 5 девочек и Георгиевский мужской монастырь в Челябинском уезде – 3 мальчика, а все – 115 детей (15 мальчиков и 100 девочек). 3 августа 1917 г. Оренбургский Епархиальный Комитет Красного Креста перевёл в Петроград 300 руб. Обществу для предоставления профессионального образования и обучения ремёслам детей увечных и павших воинов, а также лиц, пострадавших от войны⁵⁸.

По частным обращениям он также широко выдавал единовременные пособия семьям призванных на войну, вдовам, сиротам, беженцам, пострадавшим от стихийных бедствий. Когда 13 августа 1916 г. в с. Нижний Гумбет (ныне Октябрьского района Оренбургской области) у семей воинов сгорели дома, надворные постройки и амбары с хлебом, Епархиальный Комитет по ходатайству их священника Виктора Полякова ассигновал погорельцам 150 руб.

Весной – летом 1915 г. после тяжёлых поражений русские войска оставили Польшу, Западные Украину и Белоруссию, часть Прибалтики, а внутренние губернии страны захлестнули миллионы беженцев с оккупированных врагом территорий. Ещё 29 мая 1915 г., в день рождения великой княжны Татьяны Николаевны, высочайшей покровительницы Комитета о беженцах, Оренбургский Епархиальный Комитет Красного Креста учинил по всему своему округу сбор для оказания помощи пострадавшим от военных действий в Польше и Закавказье, который дал более 10 тысяч рублей⁵⁹. В сентябре 1915 г. волна беженцев докатилась до Оренбурга, застав врасплох неподготовленные губернские и городские власти. Спасаясь от войны, в регион прибыло в общей сложности до 80 тысяч человек. И снова духовенство первым пришло на выручку: буквально за 2–3 дня подготовило церковные здания для приёма пострадавших, наладило их горячее питание и медицинское обслуживание. В Богодуховском мужском монастыре были размещены 183 человека, в Успенском женском монастыре – 132, в Оренбургской духовной семинарии – 123, в Серафимовской церковно-приходской школе – 119, в Знаменской единоверческой –

57, в Михайло-Архангельской – 45. Кроме того, в Оренбургском уезде: при Илецком Николаевском женском монастыре открыт приют для 70 беженцев с детьми, а в Покровском (Разгуляевском) женском монастыре взято на содержание 20 человек, преимущественно пожилых и неспособных к труду. Странноприимный дом Казанско-Богородицкого женского монастыря в г. Троицке отдан под приют для детей-беженцев⁶⁰.

По инициативе губернатора М. С. Тюлина был срочно организован Оренбургский отдел Всероссийского Общества попечения о беженцах. В его составе выразил желание потрудиться и епископ Мефодий. По инициативе Владыки при Отделе было образовано Особое Совещание духовенства г. Оренбурга, куда вошли: епископ Оренбургский и Тургайский Мефодий (председатель), священник М. Филологов (заместитель председателя) и члены-попечители: протоиереи – В. Белоконов, П. Марков, священники – Н. Вавресюк, Ф. Елин, Н. Иванов, И. Иноземцев, Г. Комаров, В. Любимов, А. Полотебнов, В. Пугачевский, А. Тихомиров, диаконы – М. Абламский, М. Доброхотов, С. Ключев, П. Малышев, В. Марин, С. Остапенко, З. Хлыстов. Для удобства работы с беженцами весь город Оренбург разделили на особые попечительские приходские районы с закреплением за ними ответственных духовных лиц. Согласно специально выработанной программе они лично обследовали всех беженцев в своём районе и ознакомились с их нуждами. По докладам попечителей заведующий складом Оренбургского отдела, диакон П. Малышев немедленно выдавал им бельё, тёплую одежду и обувь, предоставлялись денежные пособия, больные получали врачебную помощь на дому или направлялись в лечебные учреждения, голодающим отпускались обеды, бездомным находились квартиры, желающим выхлопывался бесплатный проезд к родным и близким, безработным подыскивалось оплачиваемое занятие. Так, из беженцев были сформированы особые рабочие артели, которые по указанию Отдела направлены на очистку путей Ташкентской железной дороги.

Для обеспечения перемещённых лиц не только заработком, но и обувью Губернский отдел открыл сапожную мастерскую с привлечением рабочих-беженцев в помещении Оренбургского Успенского монастыря, уступленном для этой цели игуменьей Таисией по предложению епископа Мефодия. Особое Совещание духовенства г. Оренбурга поручило заведование предприятием священнику В. Любимову и диакону М. Доброхотову, которые закупами необходимый мате-

риал, следили за рабочими и вели учёт готовой продукции. При мастерской также была организована школа сапожного мастерства для 20 детей-беженцев, чтобы дать им профессию и кусок хлеба. Они бесплатно пользовались полным пансионом: местом в общежитии, 2-разовым горячим питанием, обувью и одеждой за счёт Епархиального Комитета Красного Креста. Заведующим школой был назначен диакон Михаил Данилович Абламский⁶¹. Для того, чтобы дать заработок семейным беженцам, не могущим отправиться на сельскохозяйственные работы, весной 1916 г. Совецание духовенства г. Оренбурга устроило вторую мастерскую для пошива белья и одежды по заказам уездного земства. Её закройное отделение располагалось в доме оренбургского губернатора, а швейное – в помещении при церкви-школе беженского городка под общим руководством её священника В. Пугачевского⁶². Духовенство всячески побуждало беженцев к труду: в частных беседах попечителей на местах, поучениях после литургий, специальном воззвании епископа, разосланном тысячами экземпляров по всей епархии.

С началом массового притока беженцев в сентябре 1915 г. Епархиальный Комитет Красного Креста выделил Оренбургскому Иоасафовскому Сестричному Братству средства для организации горячего питания нуждающихся. Сёстры готовили обеды из 2-х блюд (щей и каши) сначала в своей старой бесплатной столовой, а затем в специальной военно-полевой кухне, развозя пищу по всему городу. Только с 4 сентября 1915 г. по 4 сентября 1916 г. для беженцев было отпущено 84680 обедов на общую сумму 11430 руб. 40 коп. Таким образом, в среднем ежедневно обеспечивались питанием 232 человека⁶³. С 5 декабря 1915 г. Епархиальный Красный Крест начал выдавать молоко всем малолетним детям до 7 лет и больным из числа беженцев. Ежедневно в городских бараках 3 послушницы Успенского монастыря раздавали по 40 вёдер, что привело к резкому падению детской смертности среди перемещённых лиц⁶⁴.

В целом с 1 сентября 1914 г. по 1 сентября 1916 г. Оренбургский Епархиальный Комитет Красного Креста израсходовал на выдачу пособий нуждающимся и питание беженцев в общей сложности 25042 руб. 93 коп.⁶⁵

Предметом заботы духовенства было не только материальное, но и духовное состояние новой паствы. Беженцы, лишившиеся родного дома, имущества, а нередко и близких, как никто другой, нуждались в утешении и ободрении словом Божиим. Для их духовного окормле-

ния 6 октября 1915 г. оренбургский епископ Мефодий назначил особого священника из самих беженцев, отца Владимира Пугачевского (1877–?), прежде бывшего настоятелем церкви в с. Радеж Гродненской губернии (ныне Малоритского района Брестской области Беларуси). За отсутствием собственного храма деятельность его на первых порах ограничивалась посещением беженцев в местах временного размещения и больницах, беседами и напутствованием умирающих. Встречая на продовольственном пункте поезда с беженцами, священник обходил вагоны и старался, насколько возможно, облегчить первые шаги скитальцев на новом месте. По согласованию оренбургского епископа с военными властями 14 ноября 1915 г. устроено всенощное бдение, а 15 ноября открыта временная походная церковь в помещении столовой продовольственного пункта, где проведена первая литургия при большом стечении молящихся и общем пении народа. 28 ноября в этой церкви совершил божественную литургию эвакуированный епископ Холмский и Люблинский Анастасий (Грибановский) (1873–1965) в сослужении священников-беженцев. В этом храме были организованы дополнительные службы и на украинском языке, чтобы дать возможность галичанам петь на родном наречии⁶⁶. В сентябре – ноябре 1915 г. для обеспечения беженцев кровом к зиме спешно были возведены 20 бараков на 5000 человек за рекой Урал, возле посёлка Нахаловка. По инициативе оренбургского губернатора М. С. Тюлина в ноябре 1915 г. здесь заложили, а 12 января 1916 г. освятили Татьянинскую церковь со школой на 1000 детей. Храм был построен на деньги, выделенные великой княжной Татьяной Николаевной (1897–1918) из своего Комитета, а обеспечен необходимой утварью и украшен на средства Всероссийского Общества попечения о беженцах и частные пожертвования. По избранию самих беженцев 3 февраля 1916 г. оренбургский епископ Мефодий утвердил местным церковным старостой крестьянина деревни Заневичи Гродненской губернии (ныне Пружанского района Гродненской области Беларуси) Григория Ковалевича. Согласно распоряжению Особого Совещания духовенства г. Оренбурга священник В. Пугачевский проводил здесь по воскресным и праздничным дням не только богослужения, но и религиозные собеседования с общенародным пением. А весной 1916 г. при храме была организована для беженцев библиотека-читальня, в которую городскими причтами передано до 300 книг разного содержания, а также большое количество газет и журналов. Татьянинский храм как центр духовного притяжения беженского городка

посещал сам оренбургский архипастырь, обращаясь к страдальцам со словами утешения и вразумления. Так, на Пасхальной седмице 15 апреля 1916 г. епископ Мефодий совершил здесь торжественное богослужение, во время которого освятил икону святой мученицы Татианы, пожертвованную для храма дочерью императора, великой княжной Татьяной Николаевной. В своей речи Владыка, между прочим, призвал беженцев помочь в посевную семьям лиц, ушедших защищать их на войну. 12 января 1917 г. в храмовый праздник Преосвященный снова провёл божественную литургию для беженцев и молебен святой мученице, после которых в местной школе состоялся литературно-вокальный утренник, и была зажжена ёлка для детей. 22 сентября 1917 г. в Татьянинской церкви барачного посёлка впервые побывала чудотворная икона Табынской Божьей Матери, ежегодно возимая по епархии как покровительница Оренбургского края. Религиозным обслуживанием ещё одной крупной группы беженцев, проживавших на территории самого Оренбурга в домах Эверта и Народном, занимался эвакуированный священник с. Майдан-Княжпольский Люблинской губернии (ныне Стары-Майдан Билгорайского повята Люблинского воеводства Польши) Николай Иванович Вавреюк (1879–?).

Для воспитания подрастающего поколения Епархиальный Комитет Красного Креста осенью 1915 г. учредил и содержал на свои средства 3 школы для детей беженцев: при столовой Иоасафовского Сестричного Братства, Оренбургском Богодуховском мужском монастыре и Илецком Николаевском женском монастыре.

Наконец, духовенство осуществляло и общее попечение о моральном состоянии всех жителей Оренбургской епархии, старалось укрепить их в решимости вести войну до победного конца, воодушевить и ободрить. Все важнейшие события, успехи и неудачи русской армии сопровождались молебнами и специальными проповедями: по случаю объявления войны Турции и Болгарии, взятия Перемышля, перехода Италии и Румынии на сторону Антанты, принятия императором Николаем II Верховного командования, Брусиловского прорыва⁶⁷ и др. С церковных амвонов и страниц епархиальной печати верующим рассказывали об исконной принадлежности Галиции к русским землям, гонениях австрийцев на местных православных, зверских казнях русин, жестоком обращении немцев с нашими пленными, глумлении противника над православными храмами, алтарями и иконами, устройстве в церквях конюшен, о примерах героизма и самопо-

жертвования защитников Отечества. Церковь стремилась не допустить падения нравов, которое проявляется порой в условиях военного времени. Например, в 1915 г. во всех приходах священники стали разъяснять верующим в своих поучениях содержание 3-го, 4-го и 5-го канонических правил св. Георгия Неокессарийского, «осуждающих лихоимство и грабительство народа во время нашествия варваров»⁶⁸. В 1916 г. оренбургский епископ Мефодий с глубоким прискорбием отметил, что запрещение продажи спиртных напитков на период войны не искоренило окончательно народного пьянства, которое начало возрождаться под видом кислушки, браги, савраски и др. «Пьяное чудовище вновь оживает и начинает пожирать свои жертвы. Весьма важно пресечь зло в самом его начале, пока народный организм не привык ещё к новым опьяняющим напиткам». Владыка просил пастырей не только самих быть примером трезвости, но и постоянно предостерегать от пьянства прихожан, для чего разослал по епархии составленное им «Слово против корчемников»⁶⁹.

Отметим, что Православная Церковь как наиболее патриотически настроенная часть общества продолжала до самого выхода России из войны мобилизовывать все ресурсы на её нужды, несмотря на растущее разочарование народных масс, разложение армии и революционную смену политических режимов. В Оренбургской епархии помощь Церкви охватывала все стороны военной жизни: религиозно-патриотическую работу с населением, новобранцами, материально-техническое снабжение армии, организацию медицинского обслуживания раненых и больных воинов в тылу, реабилитацию инвалидов боевых действий, поддержку семей военнослужащих, вдов, сирот, беженцев и других нуждающихся.

Примечания:

¹ Определения Святейшего Синода // Церковные ведомости. – 1914. – 26 июля. – № 30. – С. 348–350.

² Слово в неделю 9-ю пред чтением Высочайшего манифеста и молебствием о даровании победы Русскому воинству // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1914. – 13 сентября. – № 34. – С. 345.

³ Оренбургские епархиальные ведомости. – 1915. – 6 февраля. – № 3–4. – С. 35; 23 февраля. – № 7. – С. 69; 4 апреля. – № 10–11. – С. 105; 4 мая. – № 16. – С. 175; 20 сентября. – № 39–40. – С. 425; 25 ноября. – № 47–48. – С. 501; 15 декабря. – № 49–50. – С. 543.

⁴ Перемена Председателя Оренбургского Епархиального Комитета Красного Креста // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1915. – 7 марта. – № 8. – С. 74; Орен-

бургские епархиальные ведомости. – 1916. – 15–30 апреля. – № 15–16. – С. 122.

⁵ Журналы XV Общеeparхиального Съезда Духовенства Оренбургской Епархии 1914 года // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1914. – 27 сентября. – № 36. – С. 367–373.

⁶ Оренбургские епархиальные ведомости. – 1915. – 6 февраля. – № 3–4. – С. 32–33; 14 февраля. – № 5. – С. 44–45; 4 апреля. – № 10–11. – С. 106–107; 4 мая. – № 16. – С. 176–177; 13 июня. – № 21–22. – С. 232–233; 20 июля. – № 29–30. – С. 330–331; 20 августа. – № 35–36. – С. 378–379; 5 октября. – № 41–42. – С. 436–437; 25 октября. – № 43–44. – С. 468–469; 10 ноября. – № 45–46. – С. 482–483; 25 ноября. – № 47–48. – С. 504–505; 1916. – 16–31 января. – № 3–4. – С. 32–35; 29 февраля. – № 7–8. – С. 54–57; 16–30 марта. – № 11–12. – С. 94–97; 1–15 мая. – № 17–18. – С. 158–161; 16–31 мая. – № 19–20. – С. 180–183; 15–30 июля. – № 29–30. – С. 268–271; 1–15 августа. – № 31–32. – С. 285–288; 15–30 августа. – № 33–34. – С. 299–302; 15–30 сентября. – № 37–38. – С. 336–339; 15–30 ноября. – № 45–46. – С. 369–372.

⁷ Оренбургские епархиальные ведомости. – 1915. – 16 марта. – № 9. – С. 86–87.

⁸ Высочайшая благодарность духовенству Оренбургской епархии // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1916. – 1–15 января. – № 1–2. – С. 1–2.

⁹ Список пожертвований, поступивших в Оренбургский Епархиальный Комитет Красного Креста // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1915. – 6 февраля. – № 3–4. – С. 18–31.

¹⁰ Около войны // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1915. – 20 июля. – № 29–30. – С. 413; Около войны. Из жизни и деятельности Епархиального Комитета Красного Креста // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1915. – 20 сентября. – № 39–40. – С. 502.

¹¹ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 173. Оп. 5. Д. 10581. Л. 26 об.

¹² Извлечение из доклада Статистической Комиссии при Оренбургском Епархиальном Комитете Красного Креста // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1915. – 4 апреля. – № 10–11. – С. 109–111.

¹³ Список пожертвований, поступивших в Оренбургский Епархиальный Комитет Красного Креста // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1915. – 6 февраля. – № 3–4. – С. 31; Бажанов Ф., свящ. Краткий обзор полугодовой деятельности Оренбургского Епархиального Комитета Красного Креста // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1915. – 16 марта. – № 9. – С. 136–143.

¹⁴ Оренбургские епархиальные ведомости. – 1915. – 6 февраля. – № 3–4. – С. 34; 4 апреля. – № 10–11. – С. 108; 4 мая. – № 16. – С. 178; 13 июня. – № 21–22. – С. 234; 20 июля. – № 29–30. – С. 332; 20 августа. – № 35–36. – С. 380; 5 октября. – № 41–42. – С. 438; 25 октября. – № 43–44. – С. 470; 10 ноября. – № 45–46. – С. 484; 25 ноября. – № 47–48. – С. 506; 1916. – 16–31 января. – № 3–4. – С. 36; 29 февраля. – № 7–8. – С. 58; 15–30 июля. – № 29–30. – С. 272; 1–15 августа. – № 31–32. – С. 289; 15–30 августа. – № 33–34. – С. 303; 15–30 ноября. – № 45–46. – С. 369–373.

¹⁵ Епархиальная хроника. В Оренбургском Иоасафовском Сестричном Братстве // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1915. – 13 июня. – № 21–22. – С. 310–311.

¹⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10581. Л. 28.

¹⁷ Около войны. Епархиальный Комитет Красного Креста // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1916. – 1–15 июля. – № 27–28. – С. 335–336.

¹⁸ ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10581. Л. 27–28.

Секция 1. НАРОДЫ ЮЖНОГО УРАЛА В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

- ¹⁹ В Епарх. К-те Красного Креста // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1916. – 15–30 июля. – № 29–30. – С. 374–375.
- ²⁰ Епархиальная хроника. Заседание Епархиального Комитета // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1916. – 1–15 сентября. – № 35–36. – С. 469–471.
- ²¹ Епархиальная хроника. В Оренб. Епарх. Комитете Красн. Креста // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1917. – 15–28 февраля. – № 7–8. – С. 132–134.
- ²² Командировка // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1915. – 16 марта. – № 9. – С. 92.
- ²³ Около войны // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1915. – 30 июня. – № 25–26. – С. 363–364.
- ²⁴ Около войны. Из приказа 1-й Стрелковой бригаде 26 Декабря 1915 г. (действующая армия) // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1916. – 22 февраля. – № 5–6. – С. 76–77.
- ²⁵ Около войны. Подарки Епарх. Комитета воинам ко дню Св. Пасхи с. г. // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1916. – 16–31 мая. – № 19–20. – С. 230–231.
- ²⁶ Воззвание к Оренбургско-Тургайской пастве // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1916. – 15–30 октября. – № 41–42. – С. 513–515.
- ²⁷ Епархиальная хроника // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1916. – 15–31 декабря. – № 49–52. – С. 705.
- ²⁸ Епархиальная хроника // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1917. – 1–31 января. – № 3–4. – С. 73–76.
- ²⁹ Копия с отношения командира Орского полка // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1917. – 1–15 февраля. – № 5–6. – С. 33–34; Марсов П., прот. Поездка на фронт с Рождественскими подарками // Оренбургский церковно-общественный вестник. – 1917. – 24 июня. – № 24. – С. 2–3; 5 июля. – № 25. – С. 2–3.
- ³⁰ Отправка пасхальных подарков на фронт от Епархиального Комитета Красного Креста // Оренбургский церковно-общественный вестник. – 1917. – 13 апреля. – № 3. – С. 3–4.
- ³¹ Шевченко А., диакон. С подарками на фронт // Оренбургский церковно-общественный вестник. – 1917. – 11 июня. – № 19. – С. 2–3.
- ³² Епархиальная хроника. Отъезд прот. М. Худоносова в действ. армию // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1916. – 1–15 мая. – № 17–18. – С. 209; Распоряжения Епархиального Начальства. Награждения // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1915. – 16 мая. – № 17–18. – С. 191; Высочайшая награда // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1915. – 3 августа. – № 33–34. – С. 365.
- ³³ Распоряжения Епархиального Начальства. Награждения // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1915. – 13 июня. – № 21–22. – С. 235; Оренбургские епархиальные ведомости. – 1916. – 15–30 ноября. – № 45–46. – С. 365; Распоряжения Епархиального Начальства, Награждения // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1917. – 15–31 марта. – № 11–12. – С. 61.
- ³⁴ О религиозно-пастырской деятельности епархиального духовенства среди призываемых в действующую армию воинских чинов // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1915. – 20 августа. – № 37–38. – С. 473–479.
- ³⁵ Слово Преосвященного Мефодия, Епископа Оренбургского и Тургайского, сказанное пред молебном при выпуске школы прапорщиков 16 янв. // Проповеднический листок. – 1917. – № 15. – С. 97–99.
- ³⁶ Воспитанники Оренбургской Духовной семинарии, подвизавшиеся и подвизаю-

щиеся на поле брани во вторую Великую Отечественную войну // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1917. – 1–15 марта. – № 9–10. – С. 163–167.

³⁷ Епархиальная хроника // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1916. – 1–15 ноября. – № 43–44. – С. 551–552.

³⁸ Хроника. Воспитанники Семинарии на фронте // Оренбургский церковно-общественный вестник. – 1917. – 1 октября. – № 41. – С. 4.

³⁹ ГАОО. Ф. 193. Оп. 1. Д. 3. Л. 14 об. – 20; Письмо Обер-Прокурора Святейшего Синода // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1914. – 15 ноября. – № 42–43. – С. 418–420; ГАОО. Ф. 173. Оп. 5 Д. 10581. Л. 19.

⁴⁰ Около войны. Епархиальный лазарет // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1915. – 11 июля. – № 27–28. – С. 384–386.

⁴¹ Оренбургские епархиальные ведомости. – 1915. – 13 февраля. – № 5. – С. 46; 4 апреля. – № 10–11. – С. 108; 4 мая. – № 16. – С. 178; 13 июня. – № 21–22. – С. 234; 20 июля. – № 29–30. – С. 332; 20 августа. – № 35–36. – С. 380; 5 октября. – № 41–42. – С. 438; 25 октября. – № 43–44. – С. 470; 10 ноября. – № 45–46. – С. 484; 25 ноября. – № 47–48. – С. 506; 1916. – 16–31 января. – № 3–4. – С. 36; 29 февраля. – № 7–8. – С. 58; 16–30 марта. – № 11–12. – С. 98; 1–15 мая. – № 17–18. – С. 162; 16–31 мая. – № 19–20. – С. 184; 15–30 июля. – № 29–30. – С. 272; 1–15 августа. – № 31–32. – С. 289; 15–30 августа. – № 33–34. – С. 303; 15–30 сентября. – № 37–38. – С. 335; 15–30 ноября. – № 45–46. – С. 369–373.

⁴² В Епарх. К-те Красного Креста // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1916. – 15–30 июля. – № 29–30. – С. 374–375; Епархиальная хроника. Заседание Епарх. Комитета Красного Креста // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1916. – 15–30 октября. – № 41–42. – С. 524–525; Епархиальная хроника. Освящение лазарета № 2 Епарх. Комитета Красного Креста // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1916. – 15–30 октября. – № 41–42. – С. 525–526; Хроника. В Епархиальном Комитете Кр. Креста // Оренбургский церковно-общественный вестник. – 1917. – 1 октября. – № 41. – С. 4.

⁴³ В Епархиальных лазаретах // Оренбургский церковно-общественный вестник. – 1917. – 27 августа. – № 37. – С. 3.

⁴⁴ В епарх. лазаретах // Оренбургский церковно-общественный вестник. – 1918. – 1 января. – № 1. – С. 4.

⁴⁵ Около войны. Епархиальный Комитет Красного Креста // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1916. – 1–15 июля. – № 27–28. – С. 335–336.

⁴⁶ Епархиальная хроника. Открытие учебных занятий в Епарх. Лазарете № 2 // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1916. – 1–15 декабря. – № 47–48. – С. 639–640; Епархиальная хроника // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1916. – 15–31 декабря. – № 49–52. – С. 705; Епархиальная хроника // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1917. – 1–31 января. – № 3–4. – С. 73–76.

⁴⁷ Около войны. Деятельность Епархиального Комитета Красного Креста // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1915. – 20 апреля. – № 13–14. – С. 193.

⁴⁸ Епархиальная хроника. В Оренб. Епарх. Комитете Красн. Креста // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1917. – 15–28 февраля. – № 7–8. – С. 132–134.

⁴⁹ Епархиальная хроника. В Оренбургском Иоасафовском Сестричном Братстве // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1915. – 13 июня. – № 21–22. – С. 310–311.

⁵⁰ Оренбургские епархиальные ведомости. – 1915. – 6 февраля. – № 3–4. – С. 35; 23 февраля. – № 7. – С. 69; 4 апреля. – № 10–11. – С. 105; 4 мая. – № 16. – С. 175; 20

Секция 1. НАРОДЫ ЮЖНОГО УРАЛА В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

сентября. – № 39–40. – С. 425; 25 ноября. – № 47–48. – С. 501; 15 декабря. – № 49–50. – С. 543.

⁵¹ Журнал Оренбургского Епархиального Комитета Красного Креста за 9 февраля 1915 г. // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1915. – 14 февраля. – № 5. – С. 41–43; Отношение Главного Управления Российского Общества Красного Креста на имя Оренбургского Епархиального Комитета Красного Креста // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1915. – 4 апреля. – № 10–11. – С. 111.

⁵² Епархиальная хроника // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1916. – 15–31 декабря. – № 49–52. – С. 705.

⁵³ В Оренбургском Епархиальном Комитете Красного Креста // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1916. – 1–15 мая. – № 17–18. – С. 207–209; Забота об увечных воинах // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1916. – 16–31 мая. – № 19–20. – С. 235–242; Около войны. Епархиальный Комитет Красного Креста // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1916. – 1–15 июля. – № 27–28. – С. 335–336.

⁵⁴ ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10581. Л. 25.

⁵⁵ Определения Святейшего Синода // Церковные ведомости. – 1914. – 26 июля. – № 30. – С. 348–350.

⁵⁶ Определение Святейшего Синода от 8 апреля 1915 года за № 2585 об оказании семействам лиц, призванных в войска, особой помощи, летом текущего года, по уходу за детьми // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1915. – 27 апреля. – № 15. – С. 151–153.

⁵⁷ ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10581. Л. 28 об.; Епархиальная хроника. В Оренбургском Иоасафовском Сестричном Братстве // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1915. – 13 июня. – № 21–22. – С. 310–311; Около войны. Епархиальный лазарет // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1915. – 11 июля. – № 27–28. – С. 384–386; Епархиальная хроника. В Иоасафовском Сестричном Братстве // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1916. – 16–31 мая. – № 19–20. – С. 244–246; На службе ближнему // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1916. – 1–15 октября. – № 37–38. – С. 493–497; В Иоасафовском Сестричном Братстве // Оренбургский церковно-общественный вестник. – 1917. – 10 сентября. – № 39. – С. 3.

⁵⁸ Епархиальная хроника // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1916. – 15–31 декабря. – № 49–52. – С. 705–640; Покровский А. Заседание Комитета «Красного Креста» // Оренбургский церковно-общественный вестник. – 1917. – 10 августа. – № 34. – С. 3–4.

⁵⁹ Около войны. Высочайшая благодарность духовенству Оренбургской епархии и Епархиальному Красному Кресту // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1915. – 13 июня. – № 21–22. – С. 312.

⁶⁰ ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10581. Л. 18 об.

⁶¹ Краткий обзор деятельности состоящего под председательством Преосвященного Мефодия, Епископа Оренбургского и Тургайского Совещания духовенства г. Оренбурга по благоустройству беженцев в Оренбургской епархии // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1916. – 1–15 марта. – № 9–10. – С. 76–80.

⁶² Около войны. Деятельность Совещания духовенства г. Оренбурга по благоустройству беженцев в Оренбургской епархии // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1916. – 15–30 июня. – № 24–26. – С. 291.

⁶³ На службе ближнему // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1916. – 1–15 октября. – № 37–38. – С. 493–497.

⁶⁴ ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10581. Л. 32.

⁶⁵ Оренбургские епархиальные ведомости. – 1915. – 6 февраля. – № 3–4. – С. 34; 4 мая. – № 16. – С. 178; 13 июня. – № 21–22. – С. 234; 20 июля. – № 29–30. – С. 332; 20 августа. – № 35–36. – С. 380; 5 октября. – № 41–42. – С. 438; 25 октября. – № 43–44. – С. 470; 10 ноября. – № 45–46. – С. 484; 25 ноября. – № 47–48. – С. 506; 1916. – 16–31 января. – № 3–4. – С. 36; 29 февраля. – № 7–8. – С. 58; 16–30 марта. – № 11–12. – С. 98; 1–15 мая. – № 17–18. – С. 162; 16–31 мая. – № 19–20. – С. 184; 15–30 июля. – № 29–30. – С. 272; 1–15 августа. – № 31–32. – С. 289; 15–30 августа. – № 33–34. – С. 303; 15–30 сентября. – № 37–38. – С. 335; 15–30 ноября. – № 45–46. – С. 369–373.

⁶⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10581. Л. 32–33 об.

⁶⁷ Слово Преосвященнейшего Мефодия, Епископа Оренбургского и Тургайского, по обнаружении Высочайшего Манифеста о войне с Турцией // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1914. – 15 ноября. – № 42–43. – С. 769–770; Слово Преосвященнейшего Мефодия, Епископа Оренбургского и Тургайского на молебне по случаю взятия Перемышля // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1915. – 4 апреля. – № 10–11. – С. 147–148; Слово пред молебном 14 мая // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1915. – 13 июня. – № 21–22. – С. 293–295; Слово, сказанное Преосвященнейшим Мефодием перед молебном по случаю принятия Государем Императором Верховного командования над армией // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1915. – 5 октября. – № 41–42. – С. 505–506; Слово, сказанное Просвященнейшим Мефодием, Епископом Оренбургским и Тургайским, за богослужением в Кафедральном Соборе, после прочтения манифеста о войне с Болгарией // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1915. – 10 ноября. – № 45–46. – С. 557–558; Епархиальная хроника. Торжественное богослужение // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1916. – 15–30 августа. – № 33–34. – С. 447 и др.

⁶⁸ Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1916. – 1–15 июня. – № 21–23. – С. 195–196.

⁶⁹ Обращение к пастырям Оренбургской епархии // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1916. – 1–15 августа. – № 31–32. – С. 278–279.

Люкшина И.В. (г. Оренбург)

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ, ОТРАЖЕННЫХ В ДОКУМЕНТАХ ГБУ «ЦДНИОО»

В государственном бюджетном учреждении «Центр документации новейшей истории Оренбургской области» храниться большое количество архивных документов по истории Оренбургского края (с 1917 г. по настоящее время). В силу объективных причин, архив не имеет полноценного комплекса источников о состоянии Оренбургской губернии в годы Первой мировой войны.

Тем не менее, в данной публикации представлена некоторая часть документов из архивных фондов Оренбургского губкома ВКП(б), Первичной организации КПСС тепловозоремонтного завода г. Оренбурга, Коллекции документов личного происхождения ветеранов войн и труда, Отдела истории партии Оренбургского губкома ВКП(б) за 1915 – 1917 гг., в которых отражены сведения о политической обстановке, о производстве вооружения.

Сразу оговоримся, что нас в большей степени интересовала тема производства вооружения в г. Оренбурге в годы Первой мировой войны. Поэтому архивный поиск сосредоточился главным образом на этом вопросе. Всего было отсмотрено 9 архивных фондов, свыше 25 ед.хр. К сожалению, удалось обнаружить совершенно не многочисленные и отрывочные сведения. Так, например, в протоколе заседания общего собрания инженеров и техников, проживающих в г. Оренбурге от 7 августа 1915 г. указывалось: «Слово берет инженер А.К. Залесский [...]. По его словам Бюро инженеров организуется исключительно с целью помощи по снаряжению армии, исключая всякую политическую борьбу. Только на таких строго определенных началах возможно сотрудничество инженерных сил вообще и в частности технических сил Главных Оренбургских мастерских в лице их инженеров и техников. Инженер А.К. Залесский говорит, что в городе ходят слухи сущность которых сводится в нежелании технических сил Главных мастерских приступить к работам по снабжению армии предметами обороны. Такие слухи не на чем не основаны, т. к. мастерские в этой области давно сделали предложение Городскому Комитету, указали ему перечень предметов возможных к изготовлению сообщили расценки и все время находятся в ожидании заказа. Что касается до изготовления станков для обработки снарядов, то таковые полностью изготавливать мастерские не могут, а возможно лишь изготавливать некоторые части их. По поводу частного обследования Главных мастерских инженерами бюро с целью выяснения приспособления мастерских к целям обороны, инженер Залесский докладывал, что это допустить невозможно без разрешения на то Министерства путей сообщения, т.к. Бюро является не легализованным собранием [...].

Инженер П.А. Кобозев докладывает собранию, что в настоящее время необходимо серьезно заняться изготовлением станков для обточки, главным образом 6-ти дюймовых снарядов, т. к. таковые являются решающим фактом в военных действиях, все же остальное как-то: ручные бомбы, бомбы для бомбометов и прочее, настолько

просты в изготовлении, что предложение на их заготовку со стороны разных организаций превышает много раз необходимость на них. Цена на эти станки установлена Центральным Военно-промышленным комитетом (65об.) по 16 руб. за пуд веса станка, при чем модели для отливов дают готовыми. На мастерские смотрят все, как на серьезно оборудованный завод, могущий заняться изготовлением станков, тем более, что ночное время у мастерских свободно от работ непосредственно их касающихся. Из действий организаций инженер Кобозев находит факты, клонящиеся к распаду начатого дела, что можно усмотреть из малочисленного собрания бывшего 4-го сего месяца, где рассматривались вопросы о возможности изготовления станков. Относительно кажущейся розни среди инженеров и мастерских надо придерживать принципа настоящего времени: «Все работники одного дела».

Инженер А.К. Залесский поясняет собранию, что ночная работа в мастерских возможна лишь для механических цехов, для литейной же это регулярно невозможно, т.к. площадь рабочего пола литейной может лишь удовлетворить нужды своих рабочих, тем более, что при наличии одной вагранки такую нужно довольно часто ремонтировать. Если посторонние заводы, вроде быв[шего] Эверта, дадут литье, то механическая обработка некоторых частей станков, в зависимости от имеющихся орудий обработки возможна.[...]

Инженер А.Б. Каменский, как начальник мастерских, констатирует факт увеличения производительности Главных мастерских за годовой период войны, превышающий много раз в нормальное время, так, например: до войны паровоз находился на капитальном ремонте 3 месяца, сейчас до 60 дней. Пассажирский вагон ремонтировался раньше до 4 месяцев, а теперь 50 дней. Товарный вагон в конвенционном осмотре стоит в ремонте сейчас 4-5 дней вместо 15-20 дней. Литье при одной вагранке доведено до 60000 пудов в год, что выражает увеличение почти в 2 раза.

Тоже самое касается медного литья и других поделок и кроме того мастерские теперь сами изготовляют большинство запасных частей, имеющих раньше готовыми с других заводов. Все это показывает на сколько Мастерские интенсивней работают в военное время и это не дает никаких оснований бросать упрек мастерским в нежелании работать для обороны страны.

Инженер Н.В. Щепнин напоминает собранию историю возникновения организации инженеров, перечисляет сделанную работу [...].

Также подтверждает факты о желании и готовности инженеров главных мастерских изготавливать предметы обороны страны в соответствии с имеющимися средствами обработки. Как участник собрания 4 с/м доказывает, что рассмотрение возможности изготовления предложенных станков [...] Не отрицая опытность рабочих в профессиональных знаниях как таковых [...] считает обязательным выяснением деталей изготовления станков лишь компетенцией инженеров Мастерских, а отнюдь не рабочих.

Кроме того [...] о нежелании инженеров Главных мастерских работать для целей обороны страны собранием вынесена следующая резолюция: Ввиду того, что инженерами Ташкентской ж.д. доведено до сведения Бюро инженеров о волнении среди рабочих Главных мастерских из-за якобы нежелания инженеров Главных мастерских работать для обороны страны, Бюро инженеров, по выяснении этого вопроса в своем заседании 7 с/м, категорически (л. 67) опровергает это заключение и решило дать все, что возможно в зависимости от средств оборудования мастерских, при чем выясняет возможно изготавливать части станков. Об этом последнем было заявлено ранее начальником Главных мастерских А.Б. Каменским, начальником службы тяги и инженером А.К. Залесским инженеру Н.Е. Евдюкову 4 с/м [...]

Собранием переданы чертежи станков для обработки снарядов инженерам Главных Оренбургских мастерских Ташкентской ж.д. для детального рассмотрения их с целью определения возможности изготовления частей станков»¹.

Промышленное производство шло в контексте общей политической обстановки. Как и всегда, с началом войны на фабриках, заводах, мастерских Оренбургской губернии были введены достаточно жесткие законы военного времени об установлении 11,5-часового рабочего дня, а также запрете забастовок, митингов, рабочих собраний, увеличены государственные налоги, в т.ч. на недвижимое имущество и промыслы. Местные власти в принудительном порядке взимали их².

Частично сложившаяся ситуация в городе и губернии отражена в машинописной рукописи П.М. Власенко о большевиках Оренбуржья в период нового революционного подъема и империалистической войны (1910 — март 1917 гг.): «[...] В августе 1914 г. на южноуральских заводах была распространена прокламация под названием «Правда о войне», выпущенная Уральской группой РСДРП в Уфе. В этой прокламации большевики разъясняли рабочим империалистический ха-

раक्टर войны и призвали их к решительной борьбе против войны и самодержавия [...].

Особенно тяжелым было положение военнообязанных рабочих, мобилизованных для работы на военных предприятиях. Они составляли больше половины уральских рабочих. Оренбургский рабочий Банин сообщал, что за каждую провинность военнообязанным грозила отправка на фронт, и рабочие подвергаясь жестокой эксплуатации, «стали чувствовать практически гнет империалистической войны и явную кабалу». [...] в начале 1917 г. революционное движение в Оренбургской губернии еще более усилилось. Наиболее организованно проходила забастовка в январе 1917 г. в Главных железнодорожных мастерских г. Оренбурга. Инициаторами забастовки выступили молотобойцы, предъявившие администрации требование о повышении заработной платы. Однако администрация отказывалась удовлетворить требования рабочих, а зачинщиков с помощью полиции арестовала и посадила в вагоны для отправки на фронт. В знак протеста против таких действий администрации забастовали рабочие всех цехов. Это вынудило администрацию удовлетворить требования рабочих. Заработная плата была повышена, арестованные освобождены, а уволенные вновь приняты на работу. Подобные забастовки проходили в это время и на других предприятиях губернии»³.

Ряд вопросов, относящихся к Первой мировой войне, отражены в повестке дня заседания Оренбургского губернского съезда представителей волостных, станичных и уездных гражданских комитетов и других общественных организаций, состоявшегося 28 мая 1917 г.: «[...] 2) О призыве казаков на военную службу наравне с гражданским населением и резолюция комиссии; 3) О переосвидетельствовании всех лиц, признанных годными к военной службе. Резолюция комиссии принимается большинством при 4 воздержавшихся [...].

После перерыва докладчик военной комиссии [Кочетков] докладывает:

4) Вопрос о пересмотре списков военнообязанных в тылу, работающих на оборону; 5) О призыве на военную службу лиц лишенных прав, как до войны, так и в настоящую войну; 6) О положении наших военнопленных; 7) О привлечении на работы военнообязанных германских и австрийских подданных; 8) О дезертирах; 9) О пайках лиц призванных на военную службу 10) Об инвалидах и их семьях. Возникают продолжительные прения по вопросам [...].

Баллотируется резолюция об отношении к войне и принимается большинством голосов в редакции комиссии против 1, 16 воздержавшихся. Баллотируется добавление [Д.Я.] Блиничкина: «Инициаторы войны должны быть преданы суду». Добавление принимается»⁴.

Примечательно приветственное слово П.М. Челышева, слесаря Оренбургских Главных железнодорожных мастерских, прозвучавшее на общем собрании служащих объединяемых служб месткома управления материальной службы, посвященного 20-летию Оренбургских Главных железнодорожных мастерских 13 января 1925 г., где говоря о движении рабочих мастерских в контексте политической обстановки в России, политических достижениях за 1905 — 1925 гг. отметил: «[...]» В 1913 и 1914 гг. рабочее движение снова начало разрастаться, но была объявлена империалистическая война, но в 1915 г. революционные кружки опять пошли против войны и промышленных комитетов, когда в мастерских давались военные заказы, рабочие отказывались их выполнять, администрация нажимала, в Кузнечном цехе в 1916 г. забастовали и остальные цеха поддержали и не дали разогнать бастовавших товарищей, в 1917 году мы услышали, что власть царская пала, где выступили рабочие Петрограда, рабочие мастерских в Вагонном цехе устроили нелегальное собрание и постановили организовать профессиональный комитет и были выбраны делегаты в совет рабочих депутатов [...]»⁵.

Несомненно, что все приведенные сведения разрозненны и не могут дать исчерпывающих ответов. Однако это повод для исследователей еще раз обратиться к архивным документам с целью их более углубленного изучения.

Примечания:

¹ ЦДНАОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 89. Л. 65об., 66, 66об., 67, 67об. Председатель условно одного заседания инженер А.К. Залесский, секретарь Н.Н. Семенов. Общее количество присутствующих около 60 человек.

² История Оренбуржья. - Учебное пособие. - Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1996. - 351 с. - ISBN 5-88788-007-4. - с. 163, 164.

³ ЦДНАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 14. Л. 38, 44, 49.

⁴ ЦДНАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 868. Л. 3 — 4. Заседание открылось в 9 час. 10 мин. утра. Председательствовал Н.В. Архангельский при полном составе президиума. Общее количество присутствующих не указано, но по сопутствующим записям заседаний комитетов от 25, 26, 31 мая 1917 г. предположительно участвовало 45 человек. Указанные вопросы рассматривались в контексте с отношением казаков к войне, это же касается и прений.

⁵ ЦДНАОО. Ф. 377. Оп. 1. Д. 15. Л. 3об.

Губскова Г.Г. (г.Оренбург)

НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В годы Первой мировой войны Оренбургская губерния находилась в глубоком тылу и вместе со всей страной переживала тяготы военного времени. Здания школ занимались под постой войск, использовались для размещения госпиталей.

Начало 1914/1915 учебного года, пришлось на первые месяцы войны. Занятия в школах губернского центра и в уездах начались с опозданием. В городе Оренбурге наемные школьные помещения начальных училищ (2, 4, 5 мужских и 2, 3, 5, 6, 8 женских) были заняты войсками. Самые лучшие собственные городские школьные здания (1, 9, 13 мужских и 10 женского училищ) были заняты под городские и земские лазареты.¹ Во второй половине 1915 г. часть школьных помещений была освобождена от воинского постоя и учебные занятия возобновились во всех классах, но условия их проведения были сложными. Школы часто переносились на значительные расстояния от своего обычного местопребывания. Было проведено спаривание школ, классы некоторых школ были разбросаны по разным помещениям, 2-ое и 12-ое мужские училища г. Оренбурга несколько раз меняли свое расположение. Сократилась общая продолжительность учебного года. В 1915 г. в школах губернского центра он колебался от 121 до 165 дней. Число ежедневных уроков было уменьшено до 4-х, а для младших отделений до 3-х. Продолжительность проведения урока доведена до 45 минут, сокращены даже большие перемены до 5 – 10 минут. Занятия велись в тесных и недостаточно приспособленных помещениях. Организационные изменения негативным образом отражались на качестве учебного процесса. Военное время повлекло за собой уменьшение общего числа учащихся, сокращение поступающих в первые классы начальных училищ и увеличение количества выбывших до окончания школы. В 1914 г. в г. Оренбурге выбыло до окончания курса городских приходских училищ 1159 человек, в 1915 г. – 1667 человек.² В сельской местности дети-подростки взяли на себя труд в домашнем хозяйстве и на полевых работах, они были вынуждены оставить школу. Не окончив начальную школу в Оренбургской губернии, только по ведомству Министерства народного просвещения в 1915 году было 5.180 человек, в 1916 году - 8.743 человек.³ В результате значи-

тельная часть ребят школьного возраста осталась полуграмотными, ограничившись в большинстве своем прохождением первого класса начальной школы.

Не могли нормально работать недавно открытые в городе высшие начальные училища. Газета «Оренбургская жизнь» от 25 октября 1916 г. писала: «В первом высшем начальном училище до сего времени не начались занятия, так как училище это занято воинским постоем... 200 учеников не имеют возможности учиться». Инспектор училища неоднократно обращался в городскую управу с просьбой освободить здание, даже указывал на пустующие дома, но ситуация не была разрешена. Несмотря на все призывы общественности, ни губернские, ни городские власти не смогли оказать необходимой поддержки.

Вступление России в войну привело к резкому сокращению финансирования образования, расходы на народное просвещение сократились примерно на две трети. Министерство народного просвещения циркуляром от 15 октября 1914 г. уведомило уездные, земские и городские управы о сокращении кредитов, пособий и ссуд земствам и городским управлениям, как на содержание училищ, так и на постройку школьных зданий. Прогнозы в финансовом плане были неутешительными, и, по сути, вся работа по обеспечению функционирования системы народного образования перекладывалась на местные органы управления. Но в сложившейся ситуации такое решение было целесообразным и способствовало сохранению стабильной работы школьной системы. Тем более что на земских собраниях давно звучали призывы о необходимости предоставления им больших прав в руководстве системой народного просвещения на подведомственной территории. При всех финансовых сложностях необходимо отметить активную роль Оренбургского губернского земства в решении вопросов развития народного образования. На подготовительные работы по составлению плана введения всеобщего начального обучения в губернии земством было выделено 1500 рублей. В сложных условиях военного времени Оренбургское губернское земство ежегодно увеличивало ассигнования на народное просвещение. Его расходы по отделу народного образования в 1915 году составили - 125383 рублей, в 1916 году - 257090 руб., на 1917 год Земское собрание определило сумму расходов в 638580 рублей.⁴ К 1916-1917 учебному году в Оренбургской губернии было открыто 255 земских школ.

Отношение правительства к нуждам начальной народной школы особенно наглядно проявилось, в положении школьного учителя –

центральной, ключевой фигуре в организации учебно–воспитательного процесса. На 1 января 1917 года в Оренбургской губернии общее число учителей начальной школы составляло 2726 человек (1444 мужчин и 1282 женщины).⁵

В российской школьной системе действовали различные типы начальных школ: министерские, церковноприходские, городские, инородческие, казачьи, земские, железнодорожные и др. Амплитуда оплаты труда учителей в школах разных типов значительно колебалась.

Самой низкой была заработная плата учителя в сельской местности. По официальным данным по школам Министерства народного просвещения в 5 уездах Оренбургской губернии в 1916 году свыше 1/3 учителей получали менее 200 руб. в год, 1/5 учителей - менее 100 руб., небольшое количество педагогов (16 человек) получали менее 50 руб.. В Верхнеуральском уезде – 34 учителя, в Троицком уезде– 98 учителей, в Челябинском уезде – 32 учителя денег вообще не получали (находились на натуроплате).⁶

Согласно требовательным ведомостям учителя сельских двухклассных начальных училищ Оренбургского уезда получали за январь 1916 года в среднем около 28 рублей. Размер их жалования оставался неизменным в течение календарного года и за январь 1917 года в среднем составлял 28 рублей 20 копеек.⁷

Для набора учителей в земские школы в газете «Оренбургское слово» от 27 ноября 1916 г. опубликовано объявление: « Учителей и учительниц приглашают в земские школы....Жалование учащим с квартирными и казенной прибавкой на дороговизну установлено в 62 руб. 50 коп. Кроме того предполагается назначение дополнительной земской прибавки на дороговизну в 10 рублей в месяц. » Приглашая учителей на работу, Оренбургская уездная земская управа уже через месяц - в декабре 1916 г. увеличила оклад до 95 рублей 50 коп., сохранив обещание на отдельную прибавку на дороговизну по 10 рублей в месяц.

Оклад учителя городских начальных училищ в 1915 г. составлял 480 рублей⁸ в год. По постановлению Оренбургской городской думы от 29 октября 1915 г. «о прибавках на дороговизну на время войны», оклады учителей городских начальных училищ возросли на 15-20%.

Более благоприятным было положение учителей высших начальных училищ, жалование которых составляло 960 рублей в год. На них также распространялись пятилетние прибавки за выслугу лет.⁹

Несмотря на все трудности, в условиях войны учителя начальной школы Оренбургской губернии оказывали посильную материальную

Секция 1. НАРОДЫ ЮЖНОГО УРАЛА В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

помощь, отчисляя часть заработанных средств на военные нужды: «...По случаю войны с самого начала учащие и служащие училища отчисляют из получаемого содержания ежемесячно 2% на военные нужды и оказание помощи семьям воинов».¹⁰ В целом денежные пожертвования от учебных заведений Оренбургского учебного округа за первое полугодие 1915 года составили сумму 32376 руб. 61 коп., дополнительно пожертвовано вещами на сумму 15539 рублей 64 коп.¹¹

Оренбургская губерния была аграрным регионом. За годы войны существенно сократились посевные площади, снизилась урожайность. В 1916 году нависла угроза продовольственного кризиса. В Таблице 1 отражена динамика роста цен на сельскохозяйственную продукцию в Оренбургской губернии за 1914-1917 гг.

Таблица 1

Динамика цен на сельскохозяйственную продукцию на базарах Оренбургской губернии в 1914 - 1917 гг. (в руб.)¹².

месяц/ год	Рожь (за пуд)	Пшени- ца (за пуд)	Карто- фель (за пуд)	Говья- дина (за пуд)	Свини- на (за пуд)	Яйца (за 100 шт.)	Топленое коровье масло (за пуд)	Ло- шадь	Дой- ная корова
Октябрь 1914	0,54	0,64	0,38	3,94	4,66	1,83	13,80	51	42
Январь 1915	0,64	0,77	0,4	3,90	4,0	2,02	14,70	55	42
Март 1917	2,22	3,72	1,61	17,97	20,49	6,22	63,45	209	156

Цены на сельскохозяйственную продукцию за годы войны значительно выросли. По данным Оренбургской губернской земской управы цены на базарах Оренбургской губернии в среднем составляли: в октябре 1914 года за пуд ржаной муки – 54 копейки, в январе 1915 года – 64 копейки, в марте 1917 года – 2 руб. 22 коп. Таким образом, цены на муку выросли в четыре раза. Цена на картофель увеличилась в 4 раза, на продукцию животноводства в 5 раз. Сливочное масло, как отмечалось в местных газетах, достать было практически невозможно. Особенно сложным стал 1916 год. С 1 июля 1916 года в Оренбурге, Челябинске, Орске, Троицке была введена карточная система распределения муки, сахара, отрубей, дров. Цены выросли, а заработная

плата учителей сельских двухклассных начальных училищ за 1916 год существенно не изменилась и на январь 1917 года в среднем по Оренбургской губернии составляла 28 рублей 20 копеек за месяц.

В результате инфляции и роста цен, получаемых учителями начальной школы средств, перестало хватать даже на самое необходимое. В местной печати неоднократно поднимался вопрос о сложившемся катастрофическом положении. Газета «Оренбургская жизнь» 26 октября 1916 г. писала: «Война оторвала от деятельности многих работников на ниве просвещения. Теперь стране угрожает новый кризис – учительский... Дороговизна жизни сделала невозможной маломальски сносное существование армии народных учителей, обеспеченных грошовым жалованием и, в результате, массовое бегство учительского персонала... В нашей Оренбургской губернии положение может оказаться более худшим, так как наши учителя в материальном отношении обеспечены гораздо менее, чем в центральных земских губерниях». В газете «Оренбургская жизнь» 4 ноября 1916 г. в статье «Вопросы народного образования» И. Алатырский писал: «...сельская школа и её учитель по случаю войны и дороговизны, попали в самое печальное положение. На содержание одного школьного комплекта расходуется сейчас около 700 рублей, что при теперешней дороговизне будет равняться не более 250 прежним рублям. Это ставит школу и учительство в критическое положение, приводит к сокращению занятий, к бегству учителей, к занятию их подсобными заработками... А наряду с этим потребность в образовании в народе растёт, и школы переполнены и их недостаточно...»¹³

Встревожены сложившейся ситуацией были чиновники разных уровней. Директор народных училищ Оренбургской губернии статский советник Николай Николаевич Беляев в отчете губернатору о состоянии народного образования писал: «...Тяжелая година, переживаемая нашим Отечеством ... отразилась на состоянии народного образования. Многие учителя, имевшие специальную педагогическую подготовку призваны по мобилизации на военную службу, а вакантные должности замещены в большинстве случаев лицами без специальной подготовки...».¹⁴ Проблема обеспечения начальных школ педагогическими кадрами становилась острейшей. Директор Оренбургской учительской семинарии в октябре 1916 г. отмечает, что педагогическим трудом занимаются лишь единицы выпускников: «Имею честь сообщить, что в период с 1913 по 1916 гг. окончили полный курс семинарии 65 воспитанников...из первых двух выпусков 27 человек

мобилизованы. Последние два выпуска – 32 человека все находятся на военной службе».¹⁵

В связи с военным временем на повестку дня поднимается вопрос о беженцах. За 1914-1916 гг. только в город Оренбург их прибыло около 15 тысяч человек. Городские власти смогли открыть одно начальное училище для беженцев.

Условия военного времени поставили начальную народную школу в тяжелейшие условия. Дефицит педагогических кадров в губернии существовал и в предвоенные годы, но за годы Первой мировой войны он значительно вырос. Низкий уровень жизни учителей начальной школы, особенно сельских, растущая дороговизна в условиях войны привела к критическому положению учителей народной школы накануне Февральской революции 1917 года.

Примечания:

¹ Владимирский, И.М. Отчет о состоянии народного образования в г. Оренбурге за 1915 г./ сост. И.М. Владимирский. - Оренбург, 1917.- С. 8.

² Владимирский, И.М. Отчет о состоянии народного образования в г. Оренбурге за 1915 г. / сост. И.М. Владимирский. - Оренбург, 1917.- С. 16.

³ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО) Ф. 44. Оп.1. Д.160. Л.10.

⁴ IV очередная сессия Оренбургского губернского земского собрания. Доклады по народному образованию. – Оренбург, 1917. – С.223.

⁵ ГАОО.Ф.73. Оп.1. Д. 302. Л.91об

⁶ ГАОО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 302. Л. 102.

⁷ ГАОО. Ф. 44. Оп.1. Д. 202. Л. 40,54,149,153.

⁸ Владимирский, И.М. Отчет о состоянии народного образования в г. Оренбурге за 1915 г. / сост. И.М. Владимирский. - Оренбург, 1917.- С. 7.

⁹ ГАОО. Ф.73. Оп.1. Д. 31. Л.19 об.

¹⁰ Оренбургские городские известия. Январь-февраль 1915 г. - Оренбург: Типография И.Л. Хворовского. 1915. С.19.

¹¹ Вестник Оренбургского учебного округа 1915. № 5. С.410-411.

¹² Составлено по: Базарные цены на продукты полеводства и скотоводства по данным добровольных корреспондентов за октябрь 1914 г. Оценочно-статистическое отделение Оренбургской губернской земской управы. – Оренбург, 1914. С. 2-11; Базарные цены на продукты полеводства и скотоводства по данным добровольных корреспондентов за январь 1915 года. Оценочно-статистическое отделение Оренбургской губернской земской управы. – С.2,3; Цены на продукты сельского хозяйства на базарах Оренбургской губернии за март 1917 г. Издание Оренбургской губернской земской управы. – Оренбург: типография Г.М. Мильбергъ, 1917. С.2-3.

¹³ Алатырский И. Вопросы народного образования // «Оренбургская жизнь» 4 ноября 1916 г.

¹⁴ ГАОО. Ф.73. Оп.1. Д. 289А. Л.29.

¹⁵ ГАОО. Ф.44. Оп. 1. Д.160. Л.14.

Мишучков А. А. (г. Оренбург)

ИСТОРИЯ СВЯЩЕНСТВА ДОМОВЫХ ЦЕРКВЕЙ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ Г. ОРЕНБУРГА 1914–1916 ГГ.

Высокую патриотическую роль в духовном окормлении солдат и в воспитании духовно-гражданских чувств среди гражданского населения в годы Первой мировой войны сыграло православное духовенство. Священники непосредственно находились на передовых позициях на фронте вместе с солдатами, служили молебны, отпевали умерших. В каждом приходе Русской Православной Церкви служились молебны о победе русского оружия, священники несли со всем народом тяготы военного времени и гражданской войны. Большинство из них было репрессировано в 30-е годы XX века, что придает особый трагизм в духовном служении Богу и народу православного священства.

Задачей данной статьи является изучение истории оренбургского священства, служившего в учебных заведениях. Именно они воспитывали молодое поколение оренбуржцев годы Первой мировой войны, выступали с проповедями, посещали с учащимися воинов в оренбургских лазаретах. Публикаций по домовым храмам г. Оренбурга до сих пор не было, следовательно, данная статья будет интересна тем учащимся учебных заведений г. Оренбурга, которые учатся в зданиях, где были данные домовые церкви. Иеромонах Валентин Коробов приводит список всех храмов в г. Оренбурге в количестве 43-х¹. Всего на 1914 г., год начала Первой мировой войны, в г. Оренбурге было около 70 средних и низших учебных заведений². В крупных учебных заведениях были домовые церкви, священники, как правило, служили также законоучителями в данных заведениях. Следовательно, больше, чем в половине из них имелись православные храмы, что говорит о значимой роли религиозного воспитания и православной веры в дореволюционные годы.

Храм святой мученицы царицы Александры построен был в 1848 г. при Оренбургском Институте императора Николая I на средства ведомства учреждений императрицы Марии³. Здание было построено по проекту архитектора А.Г. Белова. В настоящее время здание стало жилым домом с магазином по адресу ул. Ленинская, 50⁴.

С 1. 08. 1912 г. в церкви служил священником и законоучителем Димитрий Михайлович Кононов, 1879 г.р., награжденный 6. 05. 1915 г.

орденом св. Анны 3 степени за усердие в служении⁵. Закончив Оренбургскую Духовную Семинарию (далее – ОренДС), он был инспектором и учителем русского языка и чистописания в Оренбургском духовном училище 1890 – 1900 гг. С 1900 по 1912 гг. – служил священником и законоучителем в церкви приюта св. Ольги. Жена Дмитрия – Любовь Андреевна Гурова, в семье было семь детей. Во время войны отец Дмитрий исполнял обязанности депутата от духовного ведомства в Оренбургской городской думе по помощи фронту; с 1. 09. 1915 г. он – законоучитель в подготовительной школе оренбургского отделения Воинского благотворительного общества Белого креста; с 23. 08. 1914 г. – член комитета императорского Высочества великой княгини Елизаветы Феодоровны по призрению семейств воинов; с 1914 г. – председатель городского попечительства при гордуме по призрению семейств воинов. С 25. 05. 1916 г. с ним служил псаломщик Илья Дмитриевич Меркурьев, 1888 г.р., кандидат богословия Казанской Духовной Академии. В приходе храма на 1916 г. насчитывалось 14 служащих мужчин и 207 учащихся девиц института⁶. Старостой храма с 7. 03. 1906 г. был почетный гражданин города – Степан Николаевич Казаченков, 1870 г.р., награжденный за военную службу бронзовой медалью в память русско-японской войны 1904 – 1905 гг. Из списка репрессированных священнослужителей, приведенного протоиереем Николаем Стремским, известно, что протоиерей Д.М. Кононов проживал в г. Оренбурге, в апреле 1923 г. был первый раз арестован, приговорен к 3 годам ссылки в Сибирь. С сентября 1925 г. – в с. Киндал Нарымского края⁷. Скорее всего, священник Дмитрий стал священномучеником.

Церковь во имя Пресвятой Богородицы при Оренбургском казачьем училище построена в 1880 г. на средства казны и освящена 19 декабря 1880 г.⁸ В настоящее время это здание принадлежит Президентскому кадетскому корпусу. По приказу военного ведомства № 107 храм передан в ведомство протопресвитера военного и морского духовенства. Храм каменный, звонница на двух столбах с крышей отделена от храма, вместимость – 450 человек. Престол в храме один, в память чудотворной иконы Новгород-Северской, памятный день которой отмечается 20 декабря ст. стилия. Приписная к ней домовая церковь, находящаяся в одном из бараков лагерей Оренбургского казачьего училища в 7 верстах, была освящена 8. 07. 1903 г. в честь Казанской иконы Божией Матери; службы в храме шли только во время военных сборов. С 14. 10. 1906 г. священником и законоучителем в

храме являлся Алексей Иоаннович Вишневецкий, 1871 г.р., родом из семьи священника Черниговской губернии. Окончил Черниговскую Духовную семинарию, в 1893 г. был учителем в учительской семинарии, с 3 мая 1899 г. – священник церкви 4-го Кубанского пластунского батальона. Как и большинство рассматриваемых священников г. Оренбурга, имел все церковные награды (набедренник, скуфью, камилавку), а также за заслуги перед Церковью – Синодальный наперсный крест (с 1910 г.), орден св. Анны 3 ст. (6. 05. 1915 г.) и орден св. Анны 2 ст. (13. 11. 1915 г.). Жена Алексея – Надежда Дмитриевна 23.08.1879 г.р. родила троих детей.

С 1894 г. по 1917 г. диаконом в храме служил диакон Василий Григорьевич Ильин, 1864 г.р., из казаков; в 1896 г. окончил Благовещенскую учительскую семинарию и был учителем в казачьих школах. С 1889 г. в сане диакона служил в станице Новоорской, работал законоучителем в школе грамоты при Оренбургской губернской тюрьме с 1897 г. по 1908 г. С 1899 г. – законоучитель в учебной команде 1-й оренбургской казачьей отдельной сотне, с 1908 г. – во 2 приходском мужском училище; с 1911 г. – в 7 и 9 женском приходских училищах⁹. Имел награды: серебряные медали в память царствования императора Александра III и в память 25-летия церковноприходских школ; золотую нагрудную медаль св. Анны на ленте 13. 11. 1915 г. Жена – Ираида Кирилловна, 1867 г.р., двое сыновей, один из которых был на фронте – Павел, 1892 г.р., прапорщик, казак.

Старостой храма был почетный потомственный гражданин М.О. Сачков с 5. 04. 1907 г., попечителем (ктитором) был младший офицер училища – есаул М.В. Мишуков. В приходе храма насчитывалось 26 дворов; среди преподавателей и учащихся казачьего училища было 312 мужчин и 84 женщины.

Каменная церковь воскресения Христова при I Неплюевском кадетском корпусе была построена на казенные средства в 1872 г. Ныне это здание Оренбургской государственной медицинской академии, расположенное по адресу: проспект Парковый, 7, а в помещении храма находится музей ОрГМА. Восстановлен в настоящее время купол храма, на территории академии с северной стороны корпуса сохранилась часовня без главки.

Колокольня при храме построена на средства церковного старосты, купца 2 гильдии Якова Алексеевича Зарывнова, 1850 г.р., в должности – с 1903 г.¹⁰ За заслуги награжден орденом Станислава 3 ст. (1909 г.), орденом св. Анны 3 ст. (1914 г.).

Престол в храме – один, приписная к храму была деревянная церковь Воскресения Христова, находящаяся в лагере горы Маяк, построена в 1875 г. на средства служащих, а также – «походная церковь, пожалованная Императором Петром I калмыцкому царевичу Тайши в 1725 г., которая в 1852 г. была передана корпусу и хранится в качестве древности». В книге «Путеводитель по г. Оренбургу» автор П. Д. Райский сообщает: «Центральная часть корпуса, обращенная к западу, занята довольно обширной церковью, в которой имеется особая библиотека, заключающая в себе более 700 экземпляров книг духовно-нравственного содержания. В алтаре храма находятся замечательные памятники церковной древности: иконостас походной церкви Воскресения Христова, пожалованный Петром Великим его крестнику, калмыцкому Тайше Баксадай-Дороджи, а по крещению (15 ноября 1724 г.) – Петру Петровичу Тайшину; а также – антиминс, потир, звезда, крест и другие церковные принадлежности храма. Данная церковь долгое время «употреблялась при богослужении в казачьих поселках». Наконец, в 1852 г. по ходатайству Оренбургского генерал-губернатора графа В. Перовского, с Высочайшего соизволения она была подарена Оренбургскому кадетскому корпусу»¹¹.

С 29.11. 1914 г. протоиереем и законоучителем корпуса служил Владимир Александрович Евфорицкий, 1873 г.р., сын протоиерея, который в 1895 г. закончил ОренДС и являлся кандидатом богословия Казанской Духовной Академии. 24. 11. 1902 г. он был назначен священником к церкви мч. Петра при Оренбургском реальном училище. В сане протоиерея – с 6 мая 1915 г., награжден тремя медалями (памяти Александра III, 25-летия церковноприходских школ, 300-летия дома Романовых). Жена – Мария Васильевна, 1881 г.р.¹²

С 1868 г. по 1917 г. в Неплюевском кадетском корпусе бессменно служил диакон Николай Димитриевич Введенский, 1846 г.р. За 35 летнюю службу в корпусе он был награжден орденом св. Анны 3 ст. (1904 г.). Жена – Апполинария Михайловна, 1850 г.р.; сын Валентин, 1871 г.р., полковник командир саперного кавказского батальона; сын Александр, 1876 г.р., подполковник 3 кавказского саперного батальона; дочери – Татьяна и Евгения. Можно только гордиться, что у диакона сыновья дослужились до столь высоких военных чинов. С 1907 г. псаломщиком храма служит Вячеслав Александрович Шелудяков, 1882 г.р., его жену звали Елизавета Захарына, 1880 г.р. В приходе храма на 1916 г. было 472 мужчин, 108 женщин, из них духовных – 4 мужчины и 6 женщин соответственно, дворян (451, 67), мещан (11, 16); крестьян (6, 12)¹³.

Каменная церковь Космо-Дамиановская 1887 г. постройки находилась во дворе при здании II Оренбургского кадетского корпуса. Ныне в здании – жилой дом, а ранее, в советское время, в нём располагалось Оренбургское военное училище, в котором учился Ю.А. Гагарин, по адресу: ул. Советская, 1.

К ней была приписана деревянная церковь 1894 г. постройки, освящённая во имя св. равноапостольной Марии Магдалины (на горе Маяк). Она была построена на пожертвования служащих корпуса и лично директором корпуса генерал-майором Михаилом Евсеевичем Дерюгиным, старостой корпуса и почетным гражданином – Александром Николаевичем Захо¹⁴.

С 11. 03. 1916 г. настоятелем храма стал священник и законоучитель корпуса Николай Димитриевич Левицкий, 1869 г.р., родом из духовного звания. Он окончил курс Уфимской Духовной Семинарии (1889 г.), канд. богословия Казанской Духовной Академии (1899 г.), псаломщик в Оренбургском кафедральном соборе – с 5. 09. 1906 г., в сане священника – с 1899 г., с 1900 г. – учитель арифметики в младших классах женских епархиальных училищ. Был награжден крестом от Св. Синода (6. 05. 1913 г.), благодарность от епископа за службу в преподавании арифметики «за всегда достоподобное внимание и усердие к своему делу, за особенную любовь и ласковость в обращении с малыми детьми ученицами» (4. 09. 1906 г.). С 1896 г. в чине коллежского асессора, с 5.09.1902 г. приказом обер-прокурора стал преподавателем обличительного богословия истории и обличения русского раскола и местных сект в ОренДС, с 1902 г. – членом Архангельско-Михайловского братства. Жена – Надежда Николаевна, четверо детей¹⁵.

С 1894 г. диакон в храме Иоанн Иоаннович Покровский, 1856 г.р., в стихаре – с 1875 г. в Крестовой церкви г. Оренбурга, в сане диакона – с 1881 г., за военную службу награжден орденом св. Анны 3 степени. Второй псаломщик с 1.03.1916 г. – Петр Иоаннович Покровский, 1883 г.р., закончил ОренДС. Церковным старостой служил с 1.11 1909 г. Иван Васильевич Путолов, 1867 г.р.

В приходе было 426 мужчин и 56 женщин, из них – духовных (5, 3 соответственно), дворян и военных (410, 44), мещан (9, 8), крестьян (2, 1).¹⁶

Церковь равноапостольных первоучителей словенских Кирилла и Мефодия при 1-й мужской гимназии была построена в 1876 г. на средства по подписке. Находилась в здании гимназии, имела один престол¹⁷. Содержалась ведением хозяйственного комитета гимназии.

Секция 1. НАРОДЫ ЮЖНОГО УРАЛА В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

В настоящее время здание принадлежит Оренбургскому государственному педагогическому университету по адресу ул. Советская, 19. Само здание гимназии было построено в 1868 г. по проекту архитектора К.И. Реймерса.

Старостой церкви с 3.03.1903 г. служил коллежский ассессор Владимир Васильевич Чистозвонов, 1848 г.р., из дворян, был награжден орденом св. Станислава 3 степени.

С 9.11.1885 г. настоятель храма, протоиерей Михаил Яковлевич Божуков, 21.09.1861 г.р., имеет 14 наград. Из них – сан протоиерея (1903 г.), орден св. Анны 3 ст. (1905 г.) и 2 ст. (1906 г.), св. Владимира 4 ст. (1909 г.), Библия от Св. Синода (1915 г.). Окончил Казанскую Духовную Академию, кандидат богословия с 17.09.1885 г., миссионер Михаило-Архангельского братства (с 1898 г.), цензор проповедей духовенства с 1892 г. Вдов. Сын Михаил, 1891 г.р. служил в действующей армии, четверо детей учились. Член разных попечительств – Оренбургского учебного округа, Оренбургского уездного по народной трезвости с 1902 г.¹⁸

С 31.08.1911 г. псаломщик-диакон – Алексей Михайлович Копецкий, 1876 г.р., окончил городское училище Новоторжской учительской семинарии (1891 г.), с 1893 г. – псаломщик в с. Верхняя Платовка Оренбургского уезда. Жена – Параскева Григорьевна, 1879 г.р., четверо детей.

В приходе – 496 мужчин, 29 женщин, из них духовных – 31 и 6 соответственно, статских дворян – 231 и 19, мещан – 112 и 1, крестьян – 54 и 1, военных – 68 и 2.

Церковь святых Константина и Елены при Оренбургском Духовном училище, построена в 1905 г. на средства духовенства Оренбургского духовного училищного округа, каменная с такой же колокольней¹⁹. В настоящее время – лицей № 2, расположенный по адресу: ул. Брыкина, 2.

С 9. 05. 1914 г. настоятель храма – протоиерей Александр Терентьевич Четыркин, 1867 г.р. Преподаватель греческого языка в училище, закончил Смоленскую Духовную Семинарию в 1886 г., с 1890 г. – кандидат богословия Киевской Духовной Академии, с 1892 г. – священник, служил в Литовской Духовной Семинарии, был смотрителем духовных училищ, ректором Черниговской Духовной Семинарии в 1909 – 1911 гг. Награжден за службу серебряной медалью памяти Александра III, грамотой протоиерея 1909 г.²⁰ Жена – Александра Алексеевна Опоцкая, 6 детей.

С 8. 10. 13 г. в храме назначен Епископом Феодосием, Орским и Тургайским диакона Георгий Кириллович Крутенков, 1874 г.р., служил в армии 1899 – 1903 г., военным писарем – до 1913 г., исполнял с 1913 г. должность эконома в училище. Жена – Агрипина Михайловна, 1874 г.р, двое детей²¹.

С 1906 г. церковный староста – Алексей Тихонович Вовков, 1879 г.р. родом из казаков, учитель училища. Всего в приходе 264 мужчин, 23 женщины, из них духовных лиц (201, 9), дворян (28, 11), мещан (6 м.), крестьян (29, 3 соответственно)²².

Церковь равноапостольной Марии Магдалины при благотворительном учреждении С. и М. Ивановых, построена в 1899 г., на средства душеприказчика вдовы купчихи М.Л. Ивановой, протоиереем Михаилом Федоровичем Руднянским на средства Сергия Михайловича и Марии Львовны Ивановых²³. Церковь находилась на углу улиц Троицкой (ул. Кобозева) и Инженерной (ул. Володарского).

Церковь каменная, крыта железом с пятью главами, на втором этаже дома, с деревянной колокольней, 7 колоколов, большой колокол в 108 пудов, всего вес колоколов на 154 пуда.

С самого основания церкви бессменно с 31.10.1877 г. служил священником и законоучителем в школе при ней Петр Александрович Сперанский, 1874 г.р., сын протоиерея г. Оренбурга, закончил ОренДС (1877 г.), законоучитель 11-х городских муж. и жен. приходских училищ, с 1915 г. председатель комитета по управлению благотворительным учреждением С. и М. Ивановых, с 31.10.1914 г. секретарь Оренб. епарх. попечительства совета о бедных духовного звания, с 18.11.1916 г. – член Оренб. епарх. комитета Красного креста и военно-промышленной секции. Жена – Евгения Александровна, 1879 г.р., 5 детей.²⁴

С 1907 г. диакон в храме Сергей Васильевич Кретинин, 1884 г.р., смотритель и эконом учреждения Ивановых, учитель пения и регент при оренбургской 2-х классной школе (1907 – 1914гг.), 1 и 3 женских городских приходских училищ, частной прогимназии Мамина. Жена Мария Кузьминична 1882 г.р., 5 детей.

С 1913 г. староста храма – купец 2 гильдии Василий Никитич Гнездилов, 1867 г.р., из мещан. В приходе всего 9 мужчин и 63 женщины, из них – духовных (7, 26), дворян – 26 женщин, крестьян (2, 5 соответственно)²⁵.

Никольская церковь при приюте св. Ольги построена в 1891 г. на средства попечительницы приюта Маслаковец. Храм деревянный, обложен кирпичом, крыша железная, колокольня на двух столбах сто-

ит отдельно, престолов два – святителя Николая и блаженной княгини Ольги.²⁶

При приюте начальная школа по программе Министерства народных школ, 41 мальчик и 72 девочки на 1916 г.

С 1912 г. священник в храме – Иоанн Димитриевич Федотов, из духовного звания, преподаватель физики и математики в ОренДС, окончил физико-математический факультет Харьковского университета (1911 г.), с 1900 г. – священник, член оренбургского губернского попечительства. Жена – Неонила Петровна 1891 г.р., 3 детей²⁷.

Староста храма с 1910 г. – купец Ефим Филиппович Юдин, 1862 г.р., награжден за служение серебряной медалью «За усердие» (1909 г.) и грамотой Св. Синода (1913 г.). В приходе дворов, мужчин, женщин (2, 84, 144 соответственно) из них, духовных лиц (2, 7), мещан (10, 54), крестьян (67, 64) казаков (5, 19)²⁸.

Никольская церковь с 8.12.1913 г., построена на средства оренбургского купца 1 гильдии Николая Николаевича Андреева и находится в доме купца по ул. Кравцовской при учительской семинарии²⁹. При храме состоит мужская 2-х классная школа министерства народного просвещения на 94 мальчика (1916 г.).

Священник храма Петр Александрович Аманацкий (12.07.1883 г.р.), сын священника Магнитской станицы Оренбургской губернии, кандидат богословия Казанской Духовной Академии (1907 г.), с 1905 г. священник и миссионер Чиликского миссионерского стана и 2-классной школы. С 11.1915 г. по 05.1915 г. – директор оренбургской учительской семинарии, член миссионерского комитета с 1915. Награжден 3 медалями и 3 церковными наградами. Жена – Елена Михайловна, 1887 г.р., 2 детей³⁰.

Церковный староста с 1913 г. – Андреев Николай Николаевич, купец 1 гильдии, гласный Оренбургской думы 1901 – 1919 гг. В 1913 г. за строительство храма при семинарии награжден орденом св. Анны 3 степени.

В приходе было 179 мужчин, 12 женщин, из них – чиновников (10, 6), духовных (10, 6), дворян (10 муж.), почетных казаков (5 муж.), мещан (78, 2), крестьян (67 муж.), купцов (5, 2 соответственно).³¹

Храм святого мученика Петра при Оренбургском реальном училище, построен 5.04.1881 г., на средства училища, а также лиц: попечителя учебного округа Петра Александровича Лавровского, директора Оренбургского учительского института Валентина Ивановича Филомотицкого, законоучителя протоиерея Павла Михайловича По-

спелова. Церковь каменная, находится в здании училища, при ней деревянная колокольня во дворе³². Ныне в этом здании находится общеобразовательная школа № 30.

С 1. 04. 1916 г. священник и законоучитель в училище Аристарх Епифанович Сперанский, 15. 03. 1878 г.р., окончил Казанскую Духовную Академию в 1916 г., с 1902 г. в сане священника. Жена Елизавета Петровна 1876 г.р., 2 детей. С 21 08. 1914 г. в храме служит диакон Иоанн Иоаннович Подольский, 1870 г.р. Служил с 1889 по 1894 гг. писарем в штабе кавказского военного округа, с 16.12.1908 г. – в сане диакона. Жена – Екатерина Ивановна, 1871 г.р., дочь Клавдия. В приходе насчитывалось 288 мужчины и 19 женщин из мещан учащихся и служащих училища.³³

Свято-Сергиевская церковь при второй женской гимназии построена в 1894 г. на добровольные пожертвования в каменном здании гимназии.³⁴ Ныне в помещении храма находится концертный зал института искусств им. М.Л. Ростроповича.

С 1897 г. в храме священник и законоучитель 1 и 2 женских гимназий Дмитрий Александрович Нассонов, 1875 г.р., окончил Уфимскую Духовную Семинарию (1897 г.), в 1910 г. закончил Томский университет юридический факультет с дипломом 1 степени. Жена Антонина Александровна, 1879 г.р., 4 детей.³⁵

В 1916 г. служил диаконом Василий Дмитриевич Феоктистов, 1856 г.р., из отставных унтер-офицеров, с 1886 г. – псаломщик и диакон в Оренбургском кафедральном соборе, с 1897 г. по 1905 г. служил в ОренДС. Вдов, 6 детей, из них: Гавриил и Александр, оба офицеры, в действующей армии. Церковный староста с 1901 г. – Василий Иванович Назаров, 1851 г.р., почетный гражданин с 1897 г. Награжден портретом Цесаревича Николая в 1891 г. за его подписью. В приходе – 16 мужчин, 566 женщин, из них – духовных (8, 90), мещан (8, 17), воспитанниц – всего 540.³⁶

Другая Свято-Сергиевская церковь, деревянная, была построена в 1870 г. с целью сбора средств на сооружение кафедрального собора, в ней размещалась часть Сергиевской церковной школы. Ныне на месте школы – памятник М. Джалилю, напротив парка «Тополя»³⁷. С 1904 г. по 1908 г. законоучителем и заведующим Сергиевской 2-классной церковноприходской школы был священник Михаил Иоаннович Преображенский, 4.11.1873 г.р., из семьи священника Нижегородской губернии, закончил ОренДС (1894 г.), с 1895 г. – в сане священника. С 1904 г. – член комитета по устройству религиозно-нрав-

ственных народных чтений в Сергиевской школе. С 1908 г. по 1917 г. – законоучитель 12-го приходского городского училища и 2 оренбургской мужской гимназии. Служил настоятелем в Николаевской церкви при губернской больнице, построенной в 1889 г. на средства купца 2 гильдии Василия Евстафьевича Нехорошева и получал жалованье на пожертвования вдовы М.Л. Ивановой. За труды в образовании 6.05.14 г. награжден наперсным крестом от Св. Синода с грамотой. Жена Мария Александровна, 1876 г.р., 6 детей³⁸. Согласно сведениям Н. Стремского, (7) он был репрессирован Оренбургским губЧК 10.05.1920 г.

Храм святых мучениц Софии, Веры, Надежды, Любви каменный, построен в 1907 г. на средства училища, 2000 тыс. руб. пожертвовал на иконостас церковный староста И.А. Мокеев и 500 руб. – купец О.А. Зарывнов. Во дворе училища – деревянная колокольня³⁹. Церковь построена внутри каменного здания женского епархиального училища, открытого 3.09.1888 г., (архитектор Ф.Д. Маркелов). Ныне здание принадлежит Оренбургскому государственному аграрному университету, ул. Челюскинцев, 18. Обучение в училище продолжалось 6 лет и включало 22 предмета, выпускницы получали звание учительниц с правом работы в начальных школах всех типов.

Указом Св. Синода 30.09.15 г. священником был назначен в храм Валентин Сергеевич Перехвальский, 1887 г.р., из духовного звания, инспектор классов и законоучитель Оренбургского Епархиального женского училища. Он закончил Московскую Духовную Академию в 1912 г., кандидат богословия, Жена – Екатерина Емельяновна, 1887 г.р., 3 детей.⁴⁰

С 13.08.14 г. эконом и диакон в училище – Павел Александрович Лихачев, 1883 г.р., окончил Сергиевские 2-х годичные курсы в Оренбурге, с 1899 г. псаломщик. Жена – Пелагия Ильина, 1883 г.р., дочь Александра, 1903 г.р. В приходе насчитывалось трое мужчин, 432 женщины, из них – 417 из духовного звания, 15 – из дворян. Церковная староста – Мария Ивановна Богоявленская, воспитательница 6 класса училища.⁴¹

С 1.07.1915 г. заведующий пастырско-миссионерской школы и священник при крестовой Никольской церкви в архиерейском доме – Акиндин Яковлевич Васильников, 1876 г.р. Окончил Архангельскую Духовную Семинарию, служил в Омской войсковой казачьей Никольской церкви, член епархиального миссионерского Совета. Вдов, 6 детей. Двухэтажный кирпичный дом построен архитектором инженером

Шлейером в 1868 г., в 1912 г. построена вторая церковь свт. Митрофана и двухэтажная миссионерская школа. Ныне в здании располагается городская женская больница № 2, проезд Коммунаров, 19.

Церковь при Богодуховском миссионерском стане святителя Николая построена в 1907 г. на средства стана и потомственной дворянки Александры Васильевны Черновой. На содержание школы отпускалось от Св. Синода 3887 руб. в год; от епархиального комитета – 3260 руб. Проживало и училось 68 мальчиков и 4 девочек. Также на горе Маяк в Богодуховском мужском монастыре была деревянная Иоанно-Предтеченская церковь, построенная в 1899 году.

Заведующий Богодуховским миссионерским станом и второклассной инородческой школой с 1911 г. – священник Николай Константинович Крамаренко, 1879 г.р. Закончил татарское отделение миссионерского курса при Казанской Духовной Академии в 1902 г., с 1905 г. – священник. С 1907 по 1911 г. строил военный храм Св. Арх. Михаила в пос. Нежинском, законоучитель казачьих школ Нежинского полка. Жена – Анна Ивановна, 1881 г.р., 7 детей. Служил в Оренбурге до 1932 г., пока не был осужден ОС ОГПУ по СВК 14.07.1932 г.

Начало Первой мировой войны повлияло на жизнь учебных заведений в г. Оренбурге. С 28.01.1915 г. в Оренбургской Духовной Семинарии разместились два эвакуогоспиталя: №123, для военнопленных; №124 – сначала также для военнопленных, с лета 1916 г. – для русских воинов. Учащиеся семинарии были вынуждены переехать на квартиры, по распоряжению ректора И. Кречетовича им выдавалось по 2000 руб. квартирных⁴². Первую половину 1915 г. они учились в здании мужской гимназии (ныне здание школы №30). После того, как летом 1915 г. там была устроена школа прапорщиков, семинаристы перенесли занятия в епархиальное женское училище (ныне, ул. Челюскинцев, 17). 21 сентября 1914 г. ректор ОренДС и протоиерей И. Кречетович вместе со священниками Н. Д. Левицким и Г. Д. Добросмысловым отслужили торжественный молебен о даровании победы русскому оружию. В своей проповеди ректор произнес такие слова: «Какой смысл, – говорил он, – в том, что буфетчик семинарии Иван ранен в руку и в настоящее время лежит в австрийском госпитале в Вене? Есть ли какой-либо смысл в том, что рассыльный семинарии Николай ранен в ногу и теперь лежит в лазарете в Киеве? Найдите смысл в том, что 18-летний воспитанник 2-го курса Панкратов, вместо того, чтобы изучать науки, сражается на прусской границе? По видимому, на эти вопросы приходится отвечать отрицательно, но на

самом деле смысл в этом глубокий... Европе нужен не призрачный, мнимый мир, а настоящий, вечный мир. А посему вознесём горячие молитвы о даровании русскому народу оружия мира непобедимой победы».⁴³

В каждом приходе Русской Православной Церкви, в том числе и в Оренбургской епархии, после начала войны в 1914 г. были созданы приходские попечительские советы для помощи фронту. С сентября 1914 г. до февраля 1915 г. ими было собрано только для Оренбургского епархиального комитета Красного Креста 22.721 руб., от духовенства лично: 2 % отчисления с братских доходов – 3477 руб.; 2 % отчисления с жалованья причта (священства) – 1010 руб.; добровольных пожертвований – 7528 руб. Всего: 12.017 рублей. Из Духовной Консистории также отправлялись пожертвования в фонды помощи фронту императрицы Александры Феодоровны и княгини Елизаветы Феодоровны. Всего было собрано за означенный период – 34.738 руб.⁴⁴ Духовенство вместе с приходами собирали посылки для фронта. Так, от Оренбургского епархиального училища от учениц в декабре была отправлена посылка: «14 рубашек, 3 пальто, 34 пар носок, 62 пар портянок, 55 пар варежек, 62 кисета с табаком и бумагой»⁴⁵.

7 ноября 1914 г. для первой сотни 13 Оренбургского казачьего полка отправлено от учебных заведений через Красный Крест г. Оренбурга посылки: «20 мешков сухарей, 1 пуд 10 фунтов табака, 50 рубашек, 27 кальсон, 15 пар варежек, 19 пар чулок и т. д.»⁴⁶ Его Преосвященство Мефодий, епископ Оренбургский и Тургайский, обратился к духовенству 23.12.1914 г. с указом подготовить фронту 1000 комплектов теплого белья, 500 – для оренбургских казаков, 500 – для кавказского батальона⁴⁷. Со складов ОренДС в январе 1915 г. было отгружено для фронта – «460 пудов сухарей, белья, теплых вещей». Все раненные воины были распределены между причтами храмов г. Оренбурга, которые должны были окормлять воинов. В январе ими было роздано 33 библиотеки книг духовного содержания по 350 руб. стоимости каждая. «Для раздачи раненым воинам, находящимся в лазарете, выписаны: 10.000 крестиков, 5 тыс. Новых Заветов, 5 тыс. молитвословов»⁴⁸.

В Оренбургских епархиальных ведомостях приводится письмо от фельдфебеля – сапера протоиерею М.Х. от 7.01.1915 г. с фронта, в котором он выражает «глубокое чувство благодарности» священнику за посылки с вещами из прихода. «Сильные, бодрые духом, «с крестом в груди и мечем в руках», мы сокрушим полчища дерзкого врага,

дерзнувшего поднять руку на Великую мать нашу Россию. Духовный отец и Вы, матушка! Верьте, мы не обманем Ваших надежд на нас и вырвем с корнем вековое зло, нарушающее мир молитвы и труда. Не печальтесь о смерти и увечьях некоторых из нас. Братья наши умерли с неувядаемой славой, как надлежит добрым сынам нашей Отчизны и Церкви Христовой. Печаль о полученных увечьях развеивается сознанием долга и борьбы за правое дело, на благо и процветание России, ея Веры и Царя. Не лейте слез о нас, а благословите и укрепите наши силы своими молитвами и заботами о нас».⁴⁹

Таким образом, мы видим, что большинство священников являлись образованными, ответственными людьми, имевшими многочисленные награды, большие дружные семьи. Становится ясной роль священства в учебных заведениях г. Оренбурга и в патриотическом воспитании молодого поколения в годы войны. Православная Церковь призывала к миру, но в условиях угрозы братским славянским народам она напоминала о силе, которую даровал Бог Российской державе, чтобы сохранить этот мир силой оружия. События Первой мировой войны и последующей Гражданской войны резко изменили жизнь оренбургского священства, десятки были вынуждены эмигрировать из страны, сотни расстреляны и сосланы в лагеря в 1920 – 1930-е гг. На 1917 г. в пределах нынешней Оренбургской области было около 700 храмов и около тысячи священнослужителей. К 1939 г. в Оренбургской области были закрыты все храмы, а оставшиеся священники были на полулегальном положении, без права служения. Восстановление исторической памяти об этих людях, отдавших свою жизнь на служение Отчизне, есть часть духовного возрождения Оренбургского края.

Примечания:

¹ Иеромонах Валентин (Коробов). Порухенные монастыри и храмы г. Оренбурга. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oepress.ru/mitropolii/istoriya/porushennye-monastyri-i-khramy-g-orenburga.html>

² Райский П.Д. Путеводитель по г. Оренбургу с очерком его прошлого и настоящего, иллюстрациями и планом. Оренбург: Губернская тип., 1915. – С. 139.

³ Государственный архив Оренбургской области. (ГАОО). Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890 Л. 122.

⁴ Оренбург. Страницы старого альбома. / Сост. Ю.Д. Гаранькин. Оренбург: Димур, 2011. – С.114.

⁵ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890. Л. 124 об.

⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890. Л. 132.

⁷ «Дивен Бог во святых своих». Мученики, исповедники и подвижники благочестия в Оренбургской епархии. Книга 4. Оренбург: Димур, 2011. – С. 205.

Секция 1. НАРОДЫ ЮЖНОГО УРАЛА В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

- ⁸ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890 Л.251.
- ⁹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890 Л. 254 об.
- ¹⁰ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890 Л. 35.
- ¹¹ Райский П.Д. Путеводитель по г. Оренбургу с очерком его прошлого и настоящего, иллюстрациями и планом. Оренбург: Губернская тип., 1915. – С. 120.
- ¹² ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890. Л. 37 об.
- ¹³ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890. Л.41.
- ¹⁴ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890. Л.47.
- ¹⁵ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890. Л.50.
- ¹⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890. Л. 54.
- ¹⁷ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890. Л. 60
- ¹⁸ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890. Л. 68.
- ¹⁹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890. Л. 104.
- ²⁰ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890. Л. 106 об.
- ²¹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890. Л. 108.
- ²² ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890. Л. 110.
- ²³ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890. Л. 136.
- ²⁴ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890. Л. 138 об.
- ²⁵ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890. Л. 142.
- ²⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890. Л. 221.
- ²⁷ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890. Л. 223.
- ²⁸ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890. Л. 227.
- ²⁹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890. Л. 241.
- ³⁰ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890. Л. 243 об.
- ³¹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890. Л. 247.
- ³² ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890. Л. 70.
- ³³ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890. Л. 74.
- ³⁴ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890. Л. 82.
- ³⁵ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890. Л. 84 об.
- ³⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890. Л. 87.
- ³⁷ Оренбург. Страницы старого альбома. / Сост Ю.Д. Гаранькин. Оренбург: Димур, 2011. – С. 109.
- ³⁸ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890. Л.159 об – 160 об.
- ³⁹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890. Л. 94.
- ⁴⁰ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890. Л. 96.
- ⁴¹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890. Л. 97.
- ⁴² Сушкова М.П. Оренбургская Духовная Семинария. Мученики, исповедники и храмы Оренбургской епархии XX века. / Под ред. Н. Е. Стремского. Кн. 2., Саракташ, 1999. С. 232 – 233.
- ⁴³ Мученики, исповедники и храмы Оренбургской епархии XX века. / сост. прот. Н.Е. Стремский. Кн. 2. Саракташ, 1999. С. 232.
- ⁴⁴ Оренбургские Епархиальные Ведомости (ОЕВ). № 5 от 13.02.1915 г. С. 141.
- ⁴⁵ ОЕВ. №3-4 от 6. 02. 1915. С. 19.
- ⁴⁶ ОЕВ. №3-4 от 6. 02. 1915. С. 29.
- ⁴⁷ ОЕВ. №3-4 от 6. 02. 1915. С. 31.
- ⁴⁸ ОЕВ. №3-4 от 6. 02. 1915. С. 32.
- ⁴⁹ ОЕВ. № 5 от 13. 02. 1915. С. 68 – 70.

Бахарева О.Я., Гришакова Л.В. (г. Оренбург)

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ

Прошло сто лет со дня начала Первой мировой войны, сменились поколения людей, не раз менялись общественный строй и исторические события в истории страны. Целью статьи является обзор фронтовых сражений России, запечатленных в изобразительном искусстве русских и советских живописцев, многие из которых служили военными корреспондентами журнала «Нива» с 1914 по 1917 г. ¹. Свыше 30 живописцев сотрудничали с журналом: академик Н. Богданов-Бельский, два профессора, два известных мастера портрета и бытовых сцен – Александр Владимирович и Владимир Егорович Маковские (сын и отец), профессор Н.С. Самокиш, художники-баталисты М.И. Авилов, И.А. Владимиров, Е.Е. Лансере, акварелист М. Греков, художник-архитектор Л. Сологуб, иллюстратор П. Бучкин, военные корреспонденты-художники А.Н. Семенов, П.А. Селиванов и многие другие.

Живописец **В.Е. Маковский** (отец) не выезжал на поля сражений, но посчитал гражданским долгом посвятить одну из картин военной тематике. Картина **«Немцы отошли»** (1)² написана на бытовую тему, нет обозначения фронта, но она носит обобщающий характер. В центре полотна зритель видит полуразрушенную и разграбленную комнату, в ней у окна, развороченного снарядом до основания стены, чудом уцелело семейное пианино, на котором русский воин играет что-то знакомое. Молодое лицо передает его внутренний мир, но идет война, и винтовка прижата к шинели правой рукой. В дверях когда-то уютной комнаты, где собиралась чья-то семья, стоит его товарищ в казачьей форме и мохнатой шапке. Лицо украшают длинные усы и борода. Он счастливо улыбается, глядя на пианиста. Минута отдыха коротка, тем приятнее воспоминания о мирной жизни и о любимых семьях. Вот он – маленький островок человеческого счастья в море безжалостной войны.

Перейдем к творчеству **Н. С. Самокиша** (13 (25), 11, 1860, г. Нежин – 18, 1, 1944, Симферополь) и кратко познакомимся с биографией. Он окончил Императорскую академию художеств, класс батальной живописи, совершенствовал мастерство в Париже, в 1890 получил звание академика, излюбленный персонаж картин – лошадь, он, как бывший кавалерист, любил благородных животных. К началу

Первой мировой он был уже известным художником, профессором живописи и преподавал в Академии художеств (1912 – 1918), выпустил много талантливых баталистов: М.И. Авилова, П.В. Митурича, Г.К. Савицкого и др. В 1915 г. Н.С. Самокиш сформировал «художественный отряд» из пяти учеников батального класса (Р.Р. Френц, П.И. Котов, П.В. Митурич, П.Д. Покаржевский, К.Д. Трофименко) и выехал на Западный фронт³. Там начинающие живописцы прошли художественную практику и сделали около 400 работ. Сам профессор выпустил два альбома «Великая война в образах и картинах» (1915) и «Русским героям Сербии и Черногории» (1915). В журнале «Нива» за 1916 г. помещены цветная гравюра «Настигли» и рисунки карандашом: «Пленные», «На разведке», «В ожидании врага», «Стрелковая цепь на опушке леса». В картине **«Настигли» (2)** изображен момент нападения казачьего передового отряда на горстку германцев в окопе. Кто-то из врагов уже мертв, а один из кайзеровских солдат от страха перед смертью по-детски закрыл глаза рукой и низко склонил голову. На переднем плане германец с широко открытыми от страха глазами, вот-вот погибнет под копытами несущегося на него во весь опор коня. За спиной он слышит предсмертные вопли камрадов, пронзенных казачьей пикой, ржанье и топот конских копыт. Картина выдержана в желто-буро-коричневых осенних тонах с низкими серо-грязными облаками, в просвете которых проскальзывает сизое небо, а вдали виднеется темная кромка леса и деревенька.

Ученик Н.С. Самокиша и Ф. А. Рубо **Михаил Иванович Авилон** (6. 06. 1882, г. Санкт-Петербург – 14. 04, 1954, г. Ленинград) известный русский и советский баталист. Оба художника оказали огромное влияние на талантливого начинающего живописца. Цепкий взгляд и отличная зрительная память, талант, помноженный на труд, выдвинули М.И. Авилова в число популярных советских баталистов, получившего звание народного художника РСФСР, действительного члена Академии художников СССР. Его полотно «Поединок Пересвета с Челубеем» (1948) была известна всем школьникам страны из учебника истории. Творческая деятельность ярко проявилась в годы войны, через год после окончания Академии художеств в 1913 г. М.И. Авилон сотрудничал в журналах, в том числе в еженедельнике «Нива». В походном альбоме сделаны разнообразные зарисовки: «Брошенная немецкая санитарная повозка», «За трофеями», «У колодца», «Ординарец», «Улица в Остоженке», «После доставки обеда на позицию». Художник оставил портретные рисунки уральского казака и донского

казака-горниста. Меткий глаз передал военную сценку, назвав ее «Наш удачный выстрел». Другой рисунок «Подвиг поручика А. Рудина. Захват германской батареи у озера Нарочь» передает в динамике наступление пехотного полка на германские батареи ранним сентябрьским утром 1915 г. и бегство противника. В тот день было взято 150 человек пленными и 14 орудий, из них половина крупного калибра. В марте 1916 г. русские армии Западного фронта предприняли неудачное наступление у того же озера Нарочь. Победные сражения и поражения сменяли друг друга в течение всей войны. Следующие рисунки «На разведке» и «Могила товарища» надолго остаются в памяти. Они берут за душу суровым реализмом и лиричностью. Цветная гравюра «**На войне. Всеночная в лесу**» (3) передает нарастающее чувство тревоги и вселяет надежду на помощь Всевышнего в завтрашнем дне. На переднем плане изображены коленопреклоненные рядовые. Спокойное и сосредоточенное лицо командира, полковой священник с кадилом, церковный хор из четырех солдат, горящие свечи перед иконами, два цвета – золотистый и черный, как жизнь и смерть – резко контрастируют друг с другом. Вся композиция подводит к мысли о неизбежном утреннем сражении. Но в данную минуту они остались наедине с Богом и гнетущими мыслями о предстоящем завтрашнем сражении.

Многоплановый и плодотворный живописец, ученик выдающихся мастеров кисти Б.П. Виллевалде, А.Д. Кившенко и Ф.А. Рубо, уроженец г. Вильно Российской империи (29.12. 1869 (10.01. 1870) – 14.12.1947 г. Ленинград, СССР) **И.А. Владимиров (4)** главное внимание в творчестве уделял батальным и бытовым сценам, в ярких красках фиксировал исторические события страны с 1904 по 1945 гг. Его картины, агитационные плакаты, эскизы и зарисовки хранятся в Государственном Русском музее, в Третьяковской галерее, в музеях и частных коллекциях России и за рубежом. В 1946 г. он стал заслуженным деятелем искусств РСФСР, награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалями⁴. Художник имел к 1914 г. богатый опыт корреспондента иллюстрированных журналов. Он приобрел его в годы Русско-японской и балканских войн (1912 – 1913). Вооруженный карандашом и кистью И. Владимиров регулярно отправлял рисунки и акварельные зарисовки для издателей в 1914 г. с Северо-Западного фронта, в 1915 – с Юго-Западного. В Петрограде с 23 августа по 20 сентября 1915 г. с большим успехом прошла его персональная выставка из 125 номеров. Иностранные журналы Англии, Франции и

США печатали гравюры картин и рисунки⁵. По ним можно составить летопись Первой мировой: «Сожженная деревня в Галиции» (август-сентябрь 1914 г.), «Выгоняют», «Неприятель показался», «Батарея», «Холодно в окопе», «**Оба ранены (кавалерист и его конь) (4 внизу)**», «Дозор на берегу моря», «Стычка в деревне», «Братская могила над рекой Саном» (осень 1914 г.), «Пленные на пути в России». Победа в Галиции была во многом обеспечена действиями 9-й (генерал от инфантерии П.А. Лечицкий), 4-й (генерал от инфантерии А.Е. Эверт) 5-й (генерал от кавалерии П.А. Плеве) армий⁶. Вот перечень рисунков, заголовки которых раскрывают содержание: «В Галиции, у колодца», «Казачи! ... Казачи идут!», «Немецкий коршун (самолет) над польским городом» (осень 1914 г., Варшавско-Ивангородская операция, контрнаступление вражеских войск в Польше), «Нападение германского хищника на наш транспорт раненых», «Неожиданная встреча», «Кавалерийская схватка». Некоторые рисунки запечатлели горе гражданского населения: «Привал беженцев», «Евреи-беженцы в пути», «Встреча с беженцами». И.А. Владимиров принимал участие в XXXVI выставке «Общества русских акварелистов» и выставке «Товарищества художников 1917 г.», на них выставлялись акварели «Пленные», «Вкусные трофеи» (пойманный гусь), «Телефонисты» и в 1917 г. картины «Наготове» и «Налет донцов». На картине «**Взятие германского орудия (5)**» изображен напряженный момент борьбы между группой русских пехотинцев и прислугой германского орудия. Немцы отчаянно сопротивляются натиску русских, винтовочная стрельба переходит в штыковую атаку, есть убитые и раненые. Обезумившие в свалке кони, упираясь в осеннее-зимнюю распутицу, не могут вытащить застрявшее в глубокой колее развороченного поля орудие. В левом верхнем углу вдаль виднеется казачья конница с обнаженными шашками. В правой части картины едва просматривается селение и полоска леса, которая сливается с пасмурным небом. Природа засыпает перед долгой зимой, но *homi sapiens* воюет, калечит, уничтожает с невероятной жестокостью друг друга. Во имя чего? Резкий контраст между природой и человеком заставляет задуматься о сущности войны и жизни.

Евгений Евгеньевич Лансере (4.09. 1875, г. Павловск под С-Петербургом – 13. 09. 1946, Москва) вышел из художественно-одаренной семьи, учился с 1892 г. в Рисовальной школе Общества поощрения художников в С-Петербурге. Одним из учителей был профессор Н.С. Самокиш, с 1895 по 1898 гг. повышал мастерство во Франции.

Многогранный талант художника проявился в книжной графике, в сценографии, в исторической, батальной и бытовой живописи. В СССР творчество Е.Е. Лансере удостоилось Сталинской премии второй степени в 1943 г., присвоением звания «Народный художник РСФСР» в 1945 г., вручением двух орденов и медали за художественную деятельность⁷. Иллюстрации к роману Л.Н. Толстого «Хаджи Мурат» разбудили любовь к Кавказу. Они определили его выбор пребывания на Кавказском фронте в 1914 – 1915 гг. На картинах и рисунках оживают военные действия столетней давности на фоне величественного Кавказа на Сарыкамьшском, Ольгинском направлениях и в Приморском районе Кавказского фронта. Ущелья и долины, идущие вверх уступы скал, серпантинами выходящие тропинки и дороги, нагруженные двугорбые верблюды и увенчанные снегом вершины гор создают неповторимую красоту. Музей Александра III в 1916г. приобрел картину Е.Е.Лансере **«Сарыкамьш. Движение отряда на Бардусские высоты» (6)**, посвященную солдатам-пластунам, пересекающим на лыжах одноименный перевал. Художник сделал серию зарисовок на Сарыкамьшском и Ольгинском направлениях: «Верхний Сарыкамьш. Кетак (центр турецких позиций в сражении при селе Караургане). Развалины Кетак после сражения», «Кетак. Караван верблюдов, отбитых у турок», «Турецкое селение Кала-Булак», «Селение Зивин под развалинами старой турецкой крепости», «Нариман, пограничное селение», «Сакля командира Н. полка в Наримане». Непрístupностью веет от «Турецкой цитадели в Карсе», у подножия которой в хаотичном беспорядке прилепились каменные сакли турецкой бедноты. Художник оставил карандашные портреты **генерала П.П. Калитина (7)**, солдат Туркестанского полка, кубанских казаков, пулеметчиков в бою, армянина-дружинника, раненой в голову девочки, старика турка-муллы и турецкого прапорщика М.. Известно, что «на Кавказском фронте в составе Сибирской казачьей бригады генерала от кавалерии П.П. Калитина сражалась 2-я Оренбургская казачья батарея под командованием войскового старшины Лебедева, отмеченного за боевые заслуги Георгиевским оружием»⁸. «Среди героев Кавказской армии генерал П.П. Калитин занимал видное место после командующего армией генерала Н.Н. Юденича и равных ему по должности генералов – Баратова и Пржевальского. Его считали все милым, добрым, отзывчивым и веселым стариком. Своими годами он был старше всех. Довольно крупный, полный, осанистый, с седой коротко подстриженной бородкой, он отечески привлекал всех к себе и

вызывал почтение и уважение»⁹. Е.Е. Лансере запечатлел городские (г. Карс) и бытовые хозяйственные постройки (г. Архаве), дающие наглядное представление о восточной городской архитектуре, будто вышедшей из сказки «Тысяча и одна ночь».

Военный корреспондент на Кавказе с 1914 по 1916 г., художник **Константин Викентьевич Дыдышко (8)** (9 мая 1876, Российская империя – 1932, Дания) родился в крестьянской семье, с 1895 г. поступил на воинскую службу и служил на Кавказе, окончил художественную школу в Тифлисе. В 1904 г. переведен в Петербург в главное управление военных заведений, вскоре вышел в отставку, чтобы с 1905 г. обучаться живописи в императорской академии художеств. В 1912 г. К.В. Дыдышко получил звание художника, на Кавказском фронте делал фронтовые зарисовки офицеров, сражавшихся за Сарыкамыш: генерала штаба георгиевского кавалера П.А. Томилова, начальника снабжения армии генерал-майора М.М. Карнаухова, полковника Генштаба Э.Мерис, командующего Кавказской армией генерала от инфантерии Н.Н. Юденича, подпоручика В. Ефимова и турок «Мулла в Эрзеруме», «Пленный аскер (пехотинец) в Сарыкамыше». 20 декабря 1914 г. (2 января, 1915) русские заняли Бардус, потеряв в боях 20 тыс. чел., а турки – 70 тыс. чел. В 1916 г. художник провел в Царском селе выставку фронтовых рисунков.

События на Кавказском фронте отражены на полотне **Н.С. Самокиша «На пути в Эрзерум» (9)**. Кавалерия пересекает горный перевал. На переднем плане изображены два кавалериста спускающихся на рысках по заснеженному крутому склону. Конь, преодолевая страх и приседая на задние ноги, вот-вот пройдет опасный участок. Это первопроходцы, за ними пойдет весь полк. Художник с любовью выписал коней, показал неуверенность и страх в глазах благородных животных. Он использовал серовато-грязные, бело-голубые, синие краски для передачи зимнего дня и коричневатые с оттенками тона для передачи масти рысаков конницы.

Академик **А.В. Маковский (сын)** написал картину «**Десант на Кавказском побережье» (10)**, вероятно, это отражение событий в апреле 1916 г, когда Черноморский флот высадил десант до трех дивизий у г. Трабзона (Трапезунда). На переднем плане изображены два пехотинца, разложивших костер на каменистом морском побережье, чтобы попить чайку после морской качки. Вокруг них живописными группами стоят моряки, пехотинцы, казаки в полном вооружении, беседуют, курят, отдыхают. Вдали продолжается высадка десанта с

прибывших кораблей. Многие впервые увидели безграничную морскую ширь и любят ее. Вот несколько солдат, стоя или сидя на корточках, неотрывно смотрят вдаль, там за синей полоской горизонта осталась родная земля и родной очаг, сегодня для них пока нет войны, но завтра она обязательно будет. В январе 1916 г. Кавказская армия провела наступательную операцию по овладении Эрзерумом, а весной и летом продвинулась до Трабзона и Эрзинджана, где в декабре 1917 г. был подписан русско-турецкий договор о перемирии на всем протяжении фронта. Кавказский фронт перестал существовать.

На фронтах Первой мировой находились военные художники-корреспонденты капитан **П.А. Селиванов (11)**, поручик **А.Н. Семенов (12, 13)**, баталист П. Паршин и др. К сожалению, о последних трех живописцах нет биографических сведений в справочных изданиях. Известно, что А.Н. Семенов был ранен в 1916 г. и награжден орденом Св. Георгия 4-й степени¹⁰, его рисунки продолжали публиковать в журнале в 1917 г. Баталисту Петру Паршину принадлежит идея проекта «Ордена Святителя Николая Чудотворца в память Великой Отечественной войне 1914 – 1915 гг.». Она была им подана 9 февраля 1915 г на имя царя. Проект одобрили, но революция в октябре 1917 г. не дала его реализовать. Орден учредил Кирилл Владимирович Романов в 1936 г., возглавлявший Российский Императорский Дом в изгнании в 1922 – 1938 гг. Он распространялся на участников Первой мировой войны, зачисленных в армию до дня отречения от престола Николая Второго (март 1917 г.).

Перечисленные художники сражались с кайзеровской Германией кистью, мольбертом, красками и карандашом, противопоставив оружию и сражениям изобразительное искусство, имеющее сильное эмоциональное воздействие на сознание человека. Особая роль принадлежит скульптуре, поскольку она является осязаемым воплощением мыслей и чувств каждого человека. Память о павших и об участниках Первой мировой старая власть пыталась до октября 1917 г. как-то сохранить, например, открытием в Вязьме 16 июня 1916 г. памятника героям «Второй Отечественной войны», но в 1920-х годах новая власть его уничтожила; в 1918 г. в здании Ратной палаты был создан народный музей войны 1914-1918-х гг., но в 1919 г. его упразднили, а экспонаты пополнили фонды других музеев и хранилищ; временную деревянную церковь в Царском селе, заложенную 18 августа 1915 г., на Братском кладбище разобрали в 1938 г., и могилы воинов вскоре сравнялись с землей и заросли травой. На сегодня память о войне 1914-

1918 г. увековечена памятниками в г. Енакиеве, Калининграде (в 1920 г. установлен на пожертвования горожан), в Москве поставлены памятные стелы на Братском кладбище в районе Сокол (1 августа 2004 г.), в г. Пушкин на Братском кладбище установлена памятная стела 11 ноября 2008 г.

К сожалению, в Оренбурге и области нет подобного памятника. Средства на его создание можно было бы собрать в результате благотворительной акции в виде добровольных пожертвований от жителей всей области, пославшей сто лет назад своих сынов на фронт. Их потомки, живущие ныне, пока помнят дедов и прадедов из рассказов постаревших родственников и по фотографиям в семейных альбомах. Вполне заслуженно поставлен замечательный памятник оренбургскому казаку вблизи Никольского собора, поскольку история казачества это тоже неотъемлемая часть нашего прошлого. Для сравнения хотелось бы добавить, что на народные деньги в дважды побежденной Германии открыто таких памятников множество, например, в г. Нойеттинг, что в Баварии на р. Инн, стоит скромный **памятник солдату**, олицетворяя горожан, погибших в двух мировых войнах 1914-1918 гг. и 1939-1945 гг. Он был открыт 3 июня 1923 г на пожертвование горожан, в годы Второй мировой войны его убрали и спрятали от бомбежек, в ноябре 1945 г. восстановили на прежнем месте и добавили даты 1939 – 1945 гг.. Последнее обновление памятника ко «Дню Народной скорби» прошло в начале 2013 г. по инициативе и при содействии городского общества «Родина» по охране исторических памятников. Оно собрало на эти работы 8534 евро и получило 1680 евро от ландрата. Средства были переданы бургомистру Петеру Гаугенедеру. 16 ноября 2013 г. ко «Дню Народной скорби» он выглядел как новый **(14)**.

В заключение будет правомерно привести слова президента России В.В. Путина, который считает, что «Герои Первой мировой войны не должны быть забыты». Он пояснил, что «Со стороны нового большевистского правительства это был акт национального предательства, и оно боялось сознаться в этом, ради партийных интересов. ... Мы проиграли проигравшей Германии, по сути, капитулировали перед ней, она через некоторое время сама капитулировала перед Антантой»¹¹. В Москве продолжается сбор денег на открытие памятника «Героям Первой мировой войны» на Поклонной горе, уже готов эскиз, определено место¹². Приведем сообщение из Сибири: «К августу 2014 г. планируют установить в Красноярске памятник воинам, погибшим в войну 1914 – 1918. Инициаторами проекта «Эшелон домой» выступили

учащиеся школы № 64 и студенты Сибирского аэрокосмического университета. В декабре прошлого года было объявлено, что День памяти российских воинов, погибших в Первой мировой войне 1914 – 1918 годов, будет отмечаться 1 августа¹³». Прошло сто лет, но и сегодня тяжело сознавать, что потери России в войне, которую называли до 1917 г. Второй Отечественной, составили свыше 2 миллионов погибших на фронтах и свыше 3 миллионов пленных, потери гражданского населения Российской империи превысили 1 миллион человек, тысячи солдат и гражданского населения пропали без вести, их места погребений остаются до сих пор неизвестными.

Приложение

1. Маковский В.Е. Немцы отошли

2. Самокиш Н.С. Настигли

М. Авилонь. На вои́т. Всенощная в лесу.

3. Авилонь М. На войне. Всенощная в лесу

№ 46. 1915. Н И В А. 1915. 841

Баталист
И. А. Владимировъ.
въ портр. и 13 рис. на стр. 841—849.

Родилъ Иванъ Александровичъ Владимировъ г. Вязьма, съ ея живописной старинной, обветшавшей живописью дачками и историческими соборными. Отецъ И. А. преподавалъ изъ художнаго завѣса. Въ 1885 году оны сдѣлались въ Лодзѣ, гдѣ жили на ирландской художнич-акварелистѣ И. Владимировъ. Вскорѣ послѣ этого перѣхали въ Вязьму для преподаванія публичной библиотеки вѣнѣ.

И. А. Владимировъ родился въ 1860 году. Отъ своей матери оны наследовалъ любовь и стремленіе къ искусству. Отца привлекали все войны и сраженія, чтобы дать новой возможности заниматься въ этомъ направлении въ необычайной страсти мальчишья въ путешествіяхъ и приключеніяхъ отчасти предлея прелестью учено.

Баталистъ зять И. А. онынѣ живѣтъ въ Вязьмѣ черезъ. Давно въ Авлаки, гдѣ размышлялъ онынѣмъ народомъ своего дѣла искусства и промышлялъ съ нимъ много вѣдуга. Вернувшись на родину, женился на ильямъ жбѣнѣ, гдѣ въ дѣлѣхъ обрѣхъ вѣнѣ, попалъ дичью и рыбно — и только съ шестнадцати лѣтъ оны стали регулярно посѣ-

щать классы Вязьмской рисовальной школы академика И. П. Трутнева.

Стрель къ охотѣ и путешествіямъ, за отдаленіемъ отъ, и каждое дѣло И. А. уходило, ильникомъ въ алья и болота, гдѣ оны охотились и пасли людей съ пугры. Въ 1889 году И. А. были приняты въ высшесушательномъ по оладу, въ живо-головой классѣ Императорской Академіи Художествъ и одновременно поступили въ высшій классъ профессора В. П. Владимировъ.

Въ первый же годъ И. А. были поощрены малой серебряной медалью за успехъ бѣлой оладки и удостоены вышней награды за искусство живописи Антиковъ.

Послѣ сдѣлались жбѣтотендентомъ, ученикомъ Академіи, И. А. уѣхалъ въ Одессу, гдѣ поступилъ на общеобразовательные курсы при Одесской рисовальной школѣ. Чтобы не терять времени, оны также учились въ художественныхъ классахъ, гдѣ получали за свои работы двѣ серебряныя медали.

Во время жизни на войнѣ, И. А. ильникомъ обошелъ весь Крымъ и, пройдя изъ Берли въ Баку, на турецкой парусной флотіи, пробрался въ Тифлисъ, откуда также отплылъ, проплывъ по Военно-Осетинской и Военно-Грузинской горнымъ дорогамъ.

Вернувшись изъ Одессы въ Петербургъ, оны съ новой энергіей стали учиться въ Академіи. Въ теченіе двухъ лѣтъ оны сдѣлались члѣнами классы съ большой се-

Баталистъ И. А. Владимировъ.

4. Баталист И.А. Владимиров (вверху). Картина «Оба ранены» (внизу)

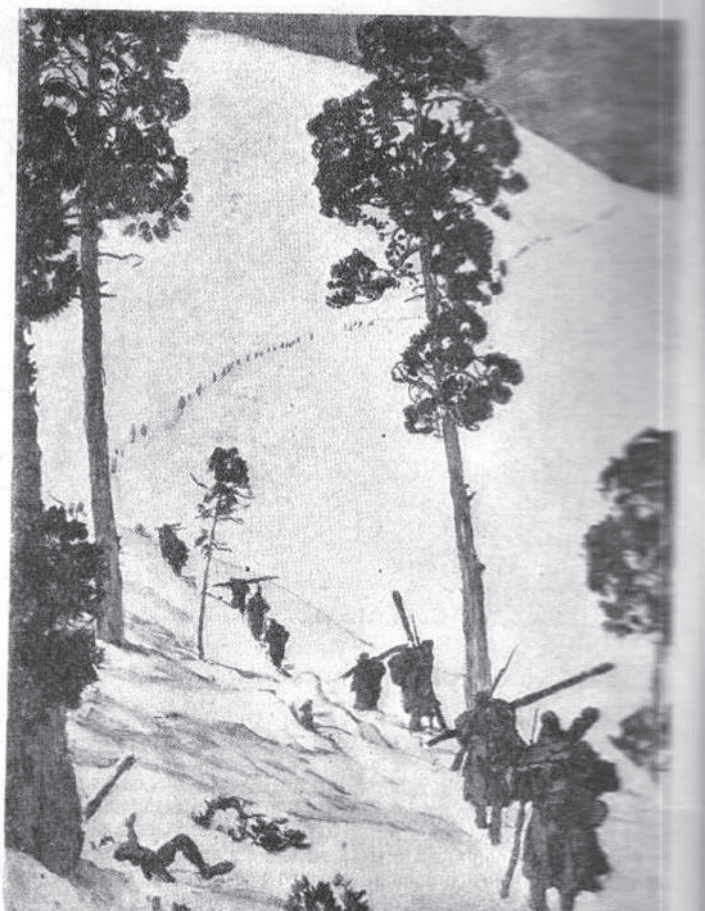

Взятие германского орудия. Картина И. А. Владимирова.

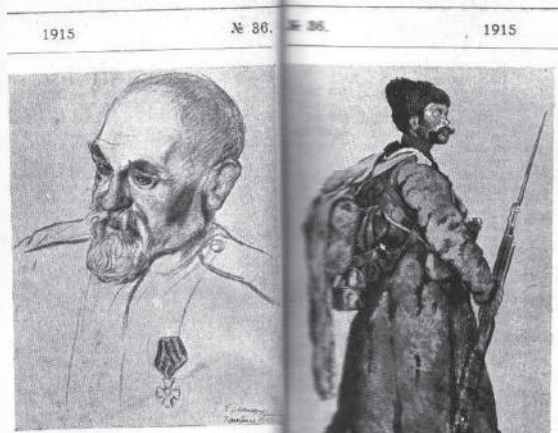
5. Владимиров И.А. Взятие германского орудия

И В А

1915

6. Лансере Е.Е. Сарыкамыш. Движение отряда на Бардусские высоты

7. Лансер Е.Е. Генерал П.П. Калитин (слева). Солдат – пластун (справа).

8. Художник К.В. Дыдышко, ниже рисунок художника «Турок-мулла»

Профессор Н. С. Самокишъ. На пути въ Эрзерумъ.

9. Самокиш Н.С. На пути в Эрзерум

10. Маковский А.В. Десант на Кавказском побережье

Художник П. А. Селиванов, сотрудник петроградских журналов, призванный из запаса. За боевые подвиги и смелые разведки награжден 3-ми Георгиевскими крестами и медалью за храбрость.

11. Художник капитан П.А. Селиванов

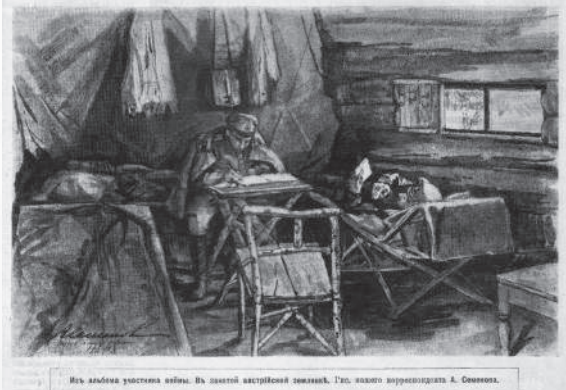
Роскош Вадима Вильма.

Ваш четвертый вояка еще как-нибудь. Завтра выведут его...
 — Так, в четверть версты отсюда...
 — Так точно, Федькин уже по два раза вылезал...
 — А как же, дурачок...
 — Ну, не рано...
 — Так точно, Федькин уже по два раза вылезал...
 — А как же, дурачок...
 — Ну, не рано...
 — Так точно, Федькин уже по два раза вылезал...
 — А как же, дурачок...
 — Ну, не рано...

Александр Николаевич Семенов, художник-корреспондент «Кавказ», участником обороны от Гурьев 5-й стрелки, вояка.

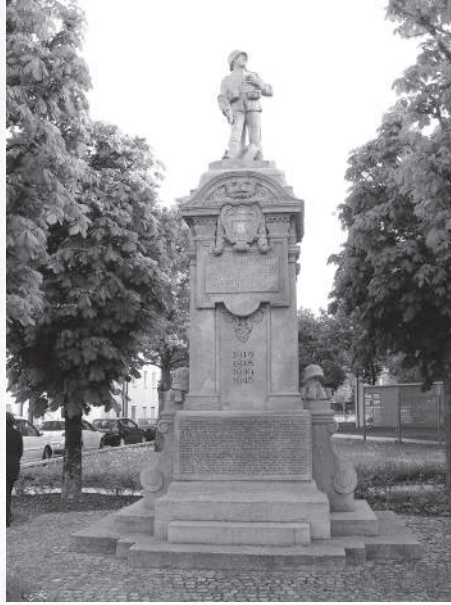
...на сороквосьмь...
 ...взглянул...
 ...идеи...
 ...взглянул...
 ...идеи...

Вид вояка из окопа. Взятой австрийской землянке. Угол, видна проволока А. Семенова.

12. Художник поручик А.Н. Семенов (вверху).

13. Семенов А.Н. В занятой австрийской землянке (внизу)

г. Нойеттинг (Бавария). Себастианплац.

Памятник немецким солдатам двух мировых войн 1914 – 1918 гг. и
1939 – 1945 гг.

(Фотография сделана Г. Брандштеттером 7 мая 2014 г.)

Примечания:

¹ «Нива» – иллюстрированный еженедельный литературно-художественный и научно-популярный журнал для массового читателя, издавался с 18 (30) декабря 1869 г. по сентябрь 1918 г. в Санкт-Петербурге. (Выражаем благодарность супругам Солдатовым Ю.Н. и Л.А. из Оренбурга за предоставленную возможность работать с журналами «Нива» из личной библиотеки, ставшие основой для данной статьи, а также гражданина ФРГ Герхарда Брандштеттера из Нойеттинга за фотоснимок памятника и краткую информацию о дате его открытия).

² См. Приложение к статье.

³ Самокиш Н.С. Интернет-ресурсы.

⁴ Владимиров И.А. Интернет-ресурсы.

⁵ Шумский К. Баталист И.А. Владимиров. «Нива», 1915. №46, С 841 – 842.

⁶ Нелипович С. Первая мировая война 1914 – 1918 // Немцы России. Энциклопедия. Т.3. (П – Я). М., 2006. С 42.

⁷ Лансере Е.Е. Интернет-ресурсы.

⁸ Семенов В. Оренбургские казаки в первой мировой войне // Гостиный Двор. Литературно-художественный и общественно-политический альманах. – Калуга. 1995. С. 192.

⁹ Книга «летописца». Интернет-ресурсы. С. 10

¹⁰ Фотография А.Н. Семенова в ж. «Нива», 1916 г., № 38, 17 сентября, С. 634.

¹¹ Путин. В.В. Герои Первой мировой войны не должны быть забыты. От 27 июня 2012 г. Актуальные комментарии. Интернет-ресурсы.

¹² Участие. Памятник героям Первой мировой войны на Поклонной горе. Интернет-ресурсы.

¹³ Первый в РФ памятник погибшим в Первой Мировой создадут в Красноярске – Новости Общества - Новости Mail.Ru. 5 февраля 2013. Интернет-ресурсы.

Денисов Д. Н. (г. Оренбург)

ВКЛАД ОРЕНБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ РПЦ В ПОБЕДУ В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877–1878 ГГ.*

В 70-е годы XIX века российское общество глубоко соперничало новому подъёму национально-освободительной борьбы балканских народов против османского владычества. Поэтому объявление 12 апреля 1877 г. войны Турции со стороны России было горячо поддержано её населением как долгожданный акт помощи родственным славянам и православным единоверцам.

Перед прочтением Высочайшего Манифеста о вступлении русских войск в турецкие пределы 24 апреля 1877 г. протоиерей Оренбургского кафедрального собора Стефан Семёнов в своём слове к прихожанам сказал:

«Около двух лет уже слышим мы вести о войне и сражениях, из дальних областей славянских доходившие до нас (...) Уже не издали, а близ нас начинают раздаваться бранные громы, призывающие русский народ встать грудью против супостатов. Да дарует Господь воинств, дабы после мрачных туч воинских светло и радостно воссияло солнце свободы и благоденствия для угнетённых ныне славянских племён, на защиту которых православный царь наш обнажил свой меч.

При настоящем состоянии рода человеческого под владычеством греха и смерти – война есть одно из величайших – но неизбежных зол и бедствий земнородных. Промысел Всевышнего определил человеку достигать блага и счастья путём лишений, скорбей и бедствий. И благоденствие народов и царств возникает из пепла разрушения, зиждется на гробах и костях поколений, прозябает и развивается из потоков крови, пролитой во бранях. Так созидались и достигали цветущего состояния известные в истории народов государства древнего и нового мира. Тем же путём великих бедствий и многовековой кровавой борьбы созидалось благо и могущество и нашего Отечества. Русский

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Оренбургской области научного проекта № 13-11-56005.

народ прошёл сквозь горнило всевозможных бедствий, чрез море огня и чрез потоки крови, прежде чем достигнуть настоящего единства и сплочённости своих сил, и всех плодов политической, гражданской и религиозной самостоятельности. И будучи очищен и искушён в разнообразных превратностях исторических судеб, – теперь он в силе подать руку помощи и своим доселе искушаемым бедами братьям (...)

Завершим слово в нарочито-торжественный день сей единодушною сердечною молитвою к Богу – подателю победы и Отцу щедрот: яви нам, Господи милость Твою, и да приложатся к нам словеса, речённые Моисеем к людям Израильским: «дерзайте, стойте и узрите спасение от Господа. Господь-бо поборет по нас». Да будет имя Господне благословенно во веки. Аминь»¹.

Ещё до начала боевых действий, в виду неизбежного приближения войны Оренбургская епархия Русской Православной Церкви заблаговременно приступила к организации помощи армии путём подготовки санитарных принадлежностей и команд, а также помещений для приёма раненых и больных воинов.

Так, Успенский женский монастырь в г. Оренбурге изготовил 300 аршин бинтов, 100 компрессов, 1 пуд корпии и 60 косынок, Одигитриевский женский монастырь в г. Челябинске – 96 аршин бинтов, 18 фунтов корпии, 9 сорочек и 13 полотенец, а Казанско-Богородицкий женский монастырь в г. Троицке – 8 пудов 9 фунтов бинтов, компрессов и белья. Санитарные принадлежности, произведённые руками сестёр на монастырские средства, общим весом до 10 пудов (160 кг) были переданы в распоряжение Оренбургского Окружного Управления Красного Креста. Во всех обителях епархии добровольцы вызвались поступить в специальные отряды сердобольных братьев и сестёр: в Оренбургском Богодуховском мужском монастыре – 3 человека (1 иеродиакон и 2 послушника), в Успенском женском – 9 (1 монахиня и 8 послушниц), в Челябинском женском – 10 (1 монахиня и 9 послушниц), в Троицком женском – 10 (1 монахиня и 9 послушниц), а всего – 32 волонтера. На их экипировку Оренбургский Успенский монастырь дополнительно потратил 60 руб., Челябинский Одигитриевский – 111 руб. 74 коп., а Богодуховский мужской передал властям 25 руб.².

Поскольку число желающих намного превышало потребности медицинской службы, из оренбургских добровольцев были отобраны только 4 грамотные послушницы Успенской обители, в возрасте от 25 до 40 лет: Евфимия Васильева, Устинья Пашкова, Прасковья Сущева

и Анна Фомина. В течение нескольких недель они проходили обучение санитарному делу при Оренбургском военном госпитале. С мая 1877 г. местное Управление Красного Креста начало формировать за счёт народных пожертвований Оренбургский подвижный госпиталь на 100 кроватей для отправки в тылы действующей армии. За короткий срок для него были подготовлены необходимые медикаменты, перевязочные материалы, постельные принадлежности, тёплая одежда, запасы продовольствия, а казахское население подарило юрты для размещения раненых и больных. По обращению генерал-губернатора Н. А. Крыжановского епископ Оренбургский и Уральский Митрофан (Вицинский) (1807–1887) поручил настоятелю Богодуховского монастыря, архимандриту Мелхиседеку подыскать благонадёжного кандидата на должность госпитального священника, каковым 24 мая 1877 г. был определён иеромонах Ириней³. В состав персонала госпиталя включены в июне 14 медицинских сестёр и санитарок, в том числе 4 послушницы Успенского монастыря, под старшинством преподавательницы Оренбургской женской гимназии, писательницы, драматурга и переводчицы, баронессы Марии Карловны фон Гершау, а также до 15 человек мужской прислуги.

В воскресенье, 26 июня 1877 г. на железнодорожной станции Оренбурга состоялись торжественные проводы подвижного госпиталя. К 1 часу дня на вокзале собрались генерал-губернатор Н. А. Крыжановский с супругой – председателем Дамского комитета Красного Креста, губернатор Е. И. Зенгуш, епископ Митрофан, высшие чины различных ведомств, а также многочисленная публика всех званий и состояний. Преосвященный Владыка в сослужении архимандрита мужского монастыря и соборного духовенства совершил молебное пение с водоосвящением. А перед отпуском кафедральный протоиерей С. Семёнов произнёс напутственную речь. Напомнив притчу о милосердном самаритянине, он выразил надежду, что члены отряда самоотверженным усердием послужат делу попечения, ухода и врачевания больных и раненых воинов⁴. После этого было провозглашено и пропето многолетие государю императору и всему царствующему дому, и воинству христолюбивому с осенением крестом и окроплением святой водой по церковному чину. Вслед за генерал-губернатором все лица санитарного отряда приложились к кресту и были окроплены святой водой. Также были освящены все вещи и принадлежности подвижного лазарета вместе с вагонами. Перед убытием поезда оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский предложил обед

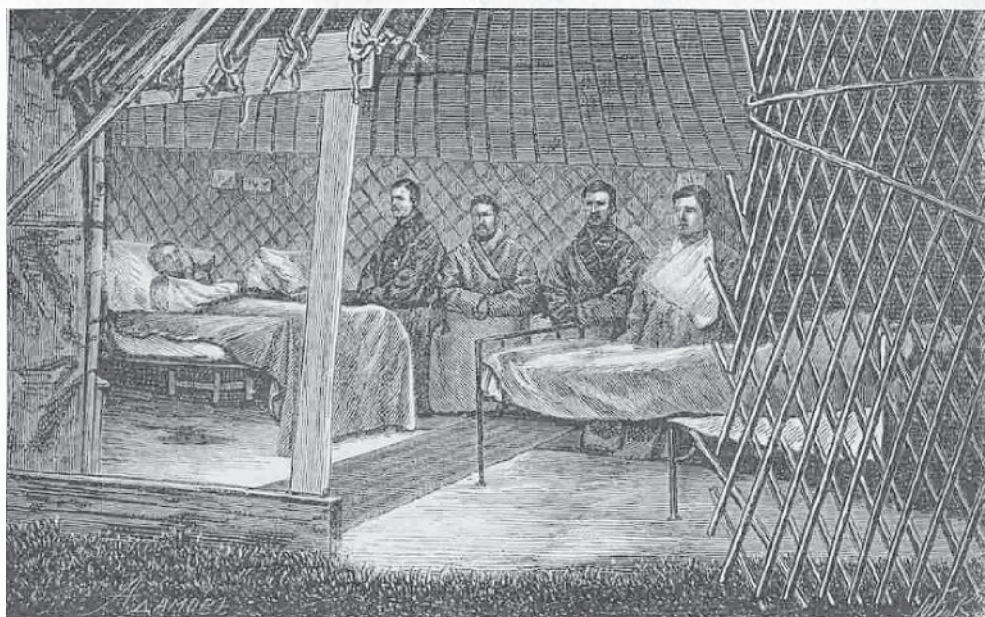
для отправляющихся в дорогу лиц. За столом он сказал краткую, но оживлённую и сочувственную речь, в которой выразил от лица всех сограждан сердечные пожелания доброго успеха санитарному отряду в исполнении предстоящих ему обязанностей и провозгласил тост за здоровье всех его членов. В ответ последовал единодушный крик «ура!». По завершении торжественного собрания в 3 часа дня поезд с Оренбургским подвижным госпиталем тронулся к месту назначения⁵.

Он был выгружен ближе к театру военных действий у с. Голта, около города Ольвиополя Херсонской губернии (ныне в черте г. Первомайска Николаевской области Украины) и открыт 20 июля 1877 г.

Оренбургский подвижный госпиталь
у с. Голта близ станции Ольвиополь. 1877 г.⁶

Первоначально Оренбургский подвижный госпиталь помещался в 30 казахских юртах, из которых 20 юрт по 5 мест предназначались для больных и раненых воинов, а 10 юрт по 6 мест были отведены для обслуживающего персонала. На месте он был доведён до 60 человек во главе с заведующим Бернардом Михелевичем Шапиро (1851–?) и включал: 3 врачей, 7 сестёр, 3 фельдшеров, а также санитарок и прислугу. Содержание и всё необходимое лечебное заведение получало в достаточном количестве от местного Управления Красного Креста. Всем выписывавшимся выдавался полный комплект белья и одежды, а многим и полушубки.

Внутри юрты Оренбургского подвижного госпиталя. 1877 г.⁷

В течение лета 1877 г. близ станции Ольвиополь на средства Красного Креста для размещения госпиталя в зимнее время были выстроены 5 капитальных барачков американского типа на 40 мест каждый, а всего на 200 кроватей. Из них содержание 30 коек приняла на свой счёт местная помещица Наталья Осиповна Шишкина. В каждом барачке имелось 9 помещений: 2 сеней, просторная общая палата, 2 комнаты для изолирования больных, сестринская, ванная с умывальниками, туалет и кладовая. Кроме того, рядом были устроены морг, особое помещение для кухни и пекарни с 2 кладовыми, погреб, колодец, прачечная и сарай для склада дров. На запасном железнодорожном пути также возвели особую платформу на деревянных столбах для удобства высадки больных из эшелонов. К 28 октября 1877 г. завершился перевод госпиталя в зимние помещения.

Только за период с 24 августа 1877 г. по 1 февраля 1878 г. он принял 379 больных, из них 84 раненых. За это время было вылечено 226 человек, отправлено транспортом в другие госпитали 14, умерло 27 (3 хирургических), в том числе 5 сданных с поездов в агонии. Таким образом, смертность составила всего 5 %. Великий русский хирург Николай Иванович Пирогов (1810–1881), посетивший с инспекцией Оренбургский подвижный госпиталь 7 февраля 1878 г., высоко оценил его работу и интересный опыт использования переносных юрт для

военно-полевой медицины. К этому времени здесь находились на лечении 156 больных, в том числе 17 раненых⁸. Госпиталь был свёрнут лишь в мае 1878 г., почти через 3 месяца после окончания боевых действий. Выполнявшие в нём обязанности санитарной прислуги 4 послушницы Успенского монастыря благополучно вернулись в Оренбург 23 мая 1878 г. За свою службу они были удостоены от врачей 9 похвальных аттестатов и свидетельств, а позднее награждены бронзовыми медалями в память Русско-турецкой войны. 16–17 июня 1878 г. оренбургский епископ Митрофан преподал им своё архипастырское благословение. Впоследствии одна из этих санитарок, Евфимия Никитична Васильева стала первой настоятельницей Орской Покровской женской общины и монастыря под именем игуменьи Евлампии.

В ходе войны Оренбургской епархией были предусмотрительно отведены и резервные площади для приёма пострадавших в тылу. Указом Святейшего Синода от 16 сентября 1877 г. всем мужским монастырям и особенно располагающимся вблизи железных дорог было предписано немедленно передать в распоряжение Красного Креста все помещения, подходящие для госпиталей или приютов по выхаживанию выздоравливающих⁹. Настоятель единственного в Оренбургской епархии мужского Богодуховского монастыря, архимандрит Мелхиседек доложил, что обитель готова разместить 12 раненых и больных в новом флигеле: по 3 воина в каждой из 4 комнат. Ещё 16 пострадавших можно было поселить в монастырской гостинице (в 2 больших и 2 малых номерах), а кухню на её нижнем этаже приспособить для проживания 5 сотрудников медицинского и обслуживающего персонала. Однако на это предложение Оренбургский Красный Крест 1 февраля 1878 г. ответил, что в приготовленных помещениях больше не предвидится нужды, в связи с очевидной победой России над Турцией и ожиданием скорого заключения мира.

Кроме того, лишь за 1877 г. Оренбургской Духовной Консисторией было собрано и отослано на санитарные нужды действующей армии 2486 руб. 11? коп., в том числе: поступило от местных церквей и духовенства – 2247 руб. 31? коп., пожертвовано монастырями епархии – 157 руб. 64 коп., вынута из кружек Красного Креста, заведённых в храмах, – 81 руб. 16 коп.¹⁰.

Благодаря мужеству армии при всенародной помощи тыла Россия одержала над Турцией победу в войне, которая завершилась подписанием 19 февраля 1878 г. Сан-Стефанского мирного договора. Во всех православных храмах Российской империи завершение боевых

действий было отмечено благодарственными молебнами. На торжественном богослужении по случаю известия о мире 21 февраля 1878 г. в городе Оренбурге священник Троицкой церкви Павел Милицин сказал прихожанам:

«Слава в вышних Богу! На земле русской мир!.. Да и не на одной русской земле устроились сердца, так долго тревожимые и устрашаемые! Мир водворился во всем славянском мире! Успокоились сердца миллионов единоплеменных и единоверных наших братий (...)

Мы не любим войны... Начиная с Царя Нашего, Царя миролюбивого, мы все медленны, чтобы брать меч брани... Много надо сильных причин, чтобы заставить восстать русскую натуру против врага с оружием смерти... Но если уж эта натура выведена из прирождённого, всегда присущего ей терпенья, если её окончательно разгневали, и если в особенности, при этом оскорбляют в ней драгоценное наследие, Богом данное, – оскорбляют веру Христову, – о страшитесь враги тогда этого глубокого и обычно тихого моря русской души! Тихо это море, но оно тихо только потому, что слишком глубоко... Горе врагам, если их злоба и неправда разневают это тихое море! Море взбушует, подымутся грозные волны... И вражьи суда разлетаются вдребезги!.. Не страшны тогда Русскому воину никакие броненосцы!.. С верою в Бога, с любовью к Царю своему отчизне идёт он грозно – спокойный, с благородно-смирненным сознанием, что он идёт душу положить за други своя! (...)

Разумейте же языци и покоряйтесь, яко с нами Бог!.. Не гневайтесь же недруги русских – русское сердце, сердце любящее, доброе, миролюбивое сердце! Не запугивайте, не устрашайте: когда нужно, мы не боимся никого и ничего потому, что с нами Бог! Он нам поможет, и с этой помощью Божьей мы уничтожим всякую злобу неправды! Он наш заступник, Он наш Поборник за всякую правду, свою и чужую!.. И не убоимся, что сотворит нам человек!

Господи Боже наш, дивный в советах и силе Своей! Прими наше малое благодарение ныне! Сохрани и награди щедротами Твоими Помазанного Твоего – Царя нашего! Не оставь, награди Твоими милостями христолюбивых воинов, понесших на себе тяжкое бремя войны за други своя! Помяни, сотвори вечную память и воздай венцы нетления всем нашим братьям, убитым за нас.

Слава тебе Богу, Благодателю нашему во веки веков! Аминь»¹¹.

Однако европейские державы, недовольные усилением позиций России на Балканах, опротестовали условия мирного договора с Тур-

цией, что создало реальную опасность новой, уже мировой войны. В этих условиях наша страна начала приготовления к воссозданию своих военных сил на Чёрном море и в апреле 1878 г. объявила о сборе народных пожертвований на формирование Добровольного флота. В его финансировании деятельное участие приняли и церковные структуры. Например, епископ Оренбургский и Уральский Митрофан пожертвовал на приобретение и вооружение морских судов Добровольного флота 4 государственных 5 % банковских билета на 500 руб., священник г. Иргиза Григорий Добровидов – 10 руб.¹² и т. д. На собранные по всей стране 2 миллиона рублей в июне 1878 г. были закуплены 3 военных парохода. Но кризис в европейских отношениях разрешился подписанием 1 июля 1878 г. Берлинского трактата, радикально изменившего условия русско-турецкого мирного договора в ущерб интересам балканских славян. А суда Добровольного флота были использованы для возвращения российских войск из Турции на Родину.

Таким образом, в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Оренбургская епархия РПЦ оказывала посильную помощь нашей армии путём подготовки санитарных принадлежностей и команд, а также сбора добровольных пожертвований на лечение раненых и больных воинов.

Примечания:

¹ Слово пред прочтением Высочайшего Манифеста о вступлении Российских войск в пределы Турции, произнесённое в Оренбургском Кафедр. Соборе 24 Апреля 1877 года // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1877. – 1 мая. – № 9. – С. 309–315.

² Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 173. Оп. 2. Д. 3623. Л. 37–45.

³ ГАОО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 79. Л. 1–5 об.

⁴ Речь при отправлении из Оренбурга санитарного отряда для ухода за больными и ранеными воинами в вокзале железной дороги пред отпуском молебна // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1877. – 15 июля. – № 14. – С. 492–498.

⁵ Оренбургские епархиальные ведомости. – 1877. – 15 июля. – № 14. – С. 499–501.

⁶ Иллюстрированная хроника войны. – 1878. – № 76. – С. 208.

⁷ Там же.

⁸ Пирогов Н. И. Собрание сочинений: в 8 томах. Т. 7. Труды по военной медицине и военно-полевой хирургии (1871–1879). – М.: Гос. изд-во мед. литературы, 1960. – С. 185–187.

⁹ Церковные ведомости. – 1877. – № 45.

¹⁰ ГАОО. Ф. 173. Оп. 2. Д. 3623. Л. 36, 43–45.

¹¹ Речь по случаю получения известия о заключении мира с Турцией 21 февраля 1878 г. // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1878. – 15 марта. – № 6. – С. 188–190.

¹² ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 110/1. Л. 3, 25.

Палкин А. Г. (г.Оренбург)

ПЕРВЫЙ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КАПЦЕВИЧ П.М.

Капцевичи являются белорусским дворянским родом. Поместьем Капцевичей была деревня Капцевичи Мозырского уезда под Минской губернией. Затем коллежский ассессор Михаил Капцевич прибыл в Полтавскую губернию и в дворянском собрании губернского города Переяслава являлся человеком известным.

В 1772 году родился сын Петр. Смышленный мальчик получил образование в Артиллерийском и Инженерном кадетском корпусе. Из кадетского корпуса выпущен 6 декабря 1792 года.

Службу начал в 1792 году поручиком в Гатчинской артиллерийской команде. Пользовался расположением великого князя, цесаревича Павла, который став императором перевел любимца в лейб-гвардейский артиллерийский батальон, дополнив назначение полковничьим званием. В полковники произведен 25 января 1797 года. Сделал стремительную карьеру и 21 декабря 1797 года произведен в генерал-майоры (в 25 лет!) с назначением шефом лейб-гвардейского артиллерийского батальона. У Капцевича все делалось организованно и по совести, бойцы изучали орудия, учились стрелять, исправно чистили ружья. «За приведение в порядок вверенного ему батальона» Петр Капцевич был награжден орденом Св. Анны II степени. Редкая по тем временам формулировка получения награды стала для друзей поводом для шуток.

С декабря 1798 г. по ноябрь 1799 г. был Виленским комендантом. В 1799-1800 годах вместе с генералом Германом, его артиллеристы участвовали в англо-русской экспедиции в Голландии против Наполеона, в ходе которой 3 декабря 1799 года Петру Михайловичу пожаловали звание генерал-лейтенанта. С 7 марта 1800 года по 27 августа 1801 года являлся шефом 3-го артиллерийского полка.

В 1803-1808 годах новый император Александр I отправил отцовского протеже на Кавказ инспектором артиллерии Кавказской линии, где Капцевич участвовал в схватках с чеченцами и за удачный штурм укрепления Хан-Килы, был награжден орденом Св. Владимира III степени. С 18 июня 1803 г. был шефом 3-го артиллерийского полка, а с 15 ноября 1804 года по октябрь 1806 года – шефом 7-го артиллерийского полка. 24 января 1808 года Капцевич был назначен дежурным

генералом при военном министре, генерале, графе Аракчееве А.А., что впоследствии скажется на его головокружительной карьере.

В апреле 1810 года молодой генерал был вызван к военному министру Барклаю де Толли, от которого получил приказ закончить формирование и возглавить 7-ую пехотную дивизию, во главе которой участвовал в Отечественной войне 1812 года и в которую входили Псковский, Московский, Либавский и Софийский пехотные полки; 11-ый и 36-ый егерские; а также 7-ая артиллерийская бригада. В начале 1812 года 7-ая пехотная дивизия, которой командовал Капцевич, входила в состав 6-го пехотного корпуса 1-ой Западной армии. В августе дивизия участвует в обороне Смоленска и заслуживает похвалу Барклая.

На Бородинском поле солдаты Капцевича защищали центр русских позиций. Когда пехота Богарне и кирасиры Ватье и Дефранса взяли батарею Раевского, то остановить их натиск смогла 7-ая дивизия и гвардейская конная батарея подпоручика Корфа. Но и потери были большими... В 1912 году, к 100-летию Бородинского сражения на средства потомков дивизии, по проекту штабс-капитана Дроздовского А.В. был возведен памятник-часовня 7-ой пехотной дивизии. Он напоминает зубчатую башню древнерусского кремля, на стенах которого изображен подвиг дивизии и расположен список потерь личного состава дивизии в день битвы: 148 человек убитыми, 627 – ранеными, 342 – пропавшими без вести.

Сразу после Бородина Капцевичу поручили прикрывать отход войск из Москвы. Дивизия яростно дралась при Тарутине, Малоярославце и Красном; за что 20 октября 1812 года ее командир получил за храбрость орден Св. Георгия III степени и золотую шпагу с алмазами.

Заграничные походы русской армии 1813-1814 годов против Наполеона стали военным триумфом Капцевича. Теперь, с начала 1813 года как командир 10-го пехотного корпуса в составе Силезской армии, он руководил всеми операциями в Силезии, блокировал Кюстрин. Тяжело контуженный и раненный в ногу в «Битве народов» под Лейпцигом, Петр Михайлович не покинул солдат, а оправившись, лично повел их в атаку и одним из первых ворвался в город.¹ За этот подвиг награжден 6 октября 1813 года орденом Св. Георгия II степени. К его заслугам можно отнести тактические победы под Зибен-Эйхеном и Левенбергом; преследуя неприятеля, в сражении при Гольдберге, солдаты Капцевича пленили колонну французских войск в 2000 человек! Зимой 1814 года он обеспечивал переправу через Рейн, вое-

вал под Жанвилье, Мо, Суассоне, его корпус здорово потрепали у Монмирайля в сражении при Вошане. 18 марта, командуя войсками 10-го пехотного корпуса, находился в сражении под стенами Парижа.

Кроме вышеперечисленных имел награды: орден Св. Александра Невского с алмазами, орден Св. Владимира I и II степени, орден Св. Анны I степени с алмазами, золотая шпага «за храбрость» с алмазами, знак отличия «за XIV лет беспорочной службы»; иностранные: Прусский орден Красного Орла I степени и шведский Военный орден Меча II степени.

Портрет Капцевича П.М. украшает знаменитую Военную галерею героев Отечественной войны 1812 года в Зимнем дворце, а в Храме Христа Спасителя имя Капцевича упоминается более чем на восьми мраморных досках в Галерее Воинской Славы.²

Современники вспоминают, что Капцевич не был льстецом и царедворцом, а скорее тщательным и талантливym исполнителем. Известный поэт князь И.М. Долгорукий, познакомившийся с Капцевичем в Киеве в 1817 году, оставил такую его характеристику «Генерал Капцевич очень скромный и вежливый человек, хороший хлебосол, приветливый хозяин... Он не говорит беспрестанно о своих победах и подвигах, хотя 5 звезд на груди и добрый гарнитур разноцветных отличий дают ему на то полное право. Он умеет продолжать общий разговор, вести речь со всяким, сведущ в своем деле без педантизма и несносного чванства, не заносчив, когда встречает возражения, не вспыльчив, когда с ним не соглашаются; в обществе всегда охотно с ним съедусь и готов разделить время в Москве самой».³

Киев стал местом печальной истории семьи Капцевичей. Женой Петра Михайловича с 1807 года была княгиня Мария Петровна Прозоровская. Она родила сына Николая, но во время родов дочери Софии в 1816 году, трагически умерла. Ее похоронили на кладбище Выдубицкого монастыря. Сегодня рассказывают, что долгие годы, по сложившейся традиции, беременные киевлянки возлагали на ее могилу цветы и молились за упокой ее души, свято веря в то, что только после такого ритуала их роды пройдут благополучно. Ее могила к счастью сохранилась. На бронзовом листе слова эпитафии: «Под сею гробовою доскою предано земле тело супруги генерал-лейтенанта Капцевича Марии урожденной княжной Прозоровской скончавшейся 1816 года июля 5 дня на 29 году жизни своей от родов. Младенец изшедши от утробы ея узрел свет сей но мать в 14 день после родов на веки закрыла глаза свои».⁴

26 мая 1819 года Петр Михайлович был назначен командиром Отдельного Сибирского корпуса (был им до 25 июня 1827 года), наказным атаманом Сибирского казачьего войска, а несколько позже, 22 июля 1822 года, по рекомендации М.Сперанского, Капцевич стал ПЕРВЫМ Западно-Сибирским генерал-губернатором! Решение об образовании генерал-губернаторства было принято 26 января 1822 года по инициативе М.М. Сперанского, который предложил разделить Сибирское генерал-губернаторство на западную и восточную части. Юридически это решение было оформлено утверждением 22 июля того же года «Учреждения для управлений сибирских губерний». Согласно «Учреждению для управлений сибирских губерний», в состав генерал-губернаторства вошли Тобольская и Томская губернии. Помимо этого, учреждалась Омская область в составе Омского, Петропавловского, Семипалатинского и Усть-Каменогорского округов. Центром Западно-Сибирского генерал-губернаторства стал Тобольск, однако уже первый генерал-губернатор П.М. Капцевич предпочёл в 1824 году разместить свою резиденцию в Омске. Впрочем, остальные учреждения остались в Тобольске, а после ухода Капцевича с должности в 1827 году в Тобольск вернулась и резиденция генерал-губернатора. Военную структуру генерал-губернаторства представлял Отдельный Сибирский корпус, сформированный в 1820 году в составе 23-ей пехотной дивизии и Сибирского линейного казачьего войска. Командиром корпуса был по должности генерал-губернатор Западной Сибири.

Оценивая выгодное стратегическое положение Омска на севере степи и приоритет военно-политических задач в управлении регионом, П.М. Капцевич начинает развивать и благоустраивать город как место резиденции генерал-губернатора, хотя Главное управление Западной Сибири (ГУЗС) оставалось в Тобольске. Этим он поставил в сложное положение тобольского губернатора, который заменял генерал-губернатора в Совете ГУЗС. Сторонники Сперанского усматривали в действиях П.М. Капцевича намерения «вязвергать те правительственные начала, коих введение и охранение составляло его обязанность».⁵

Назначая П.М. Капцевича на должность генерал-губернатора Западной Сибири, М.М. Сперанский стремился завершить конфликт между гражданской и военной властями, назначив генерал-губернатором командующего войсками, расквартированными в крае. Относительно административных способностей П.М. Капцевича и методов

его управления Сперанский не питал особых иллюзий. В свою очередь П.М. Капцевич, познакомившись с местными условиями, пришел к выводу о нереальности и даже отягощенности для сибирского населения некоторых преобразований Сперанского. «Сибирский период» деятельности выдающегося полтавчанина изобилует успехами и промахами, победными донесениями и гнусными доносами и наветами, в написании которых отличился тот же А.Герцен. Его обвинили в издержках, но специальная сенатская ревизия претензий не нашла. Капцевич тогда написал Аракчееву: «При всем болезненном состоянии я прибыл служить Государю и здешнему краю (Сибири) с покорностью к воле милостивейшего монарха, нашел много зла... Я здесь один без добрых помощников, но должен бороться с умыслами... Я совсем не кичусь моими успехами в уменьшении здесь лихоимства и стачек, ибо делаю то по долгу и чувствам, верно служить Государю, и ежели только скорблю, то потому, что не могу быть равнодушным к расхищению казны и соблазнам...».⁶

Капцевича в Сибири считали и до сих пор считают благодетелем, хотя честный и требовательный до грубости губернатор нажил себе немало врагов и недоброжелателей. Представитель административной «школы Аракчеева», он не знал границ в заботе о казенном попечении. По словам С. Броневского, Капцевич был «человеком редкого усердия к службе, деятельным до невозможности, взыскательным».⁷ Он реально улучшил быт ссыльных, определил порядок службы сибирского казачьего войска. При Капцевиче было положено начало развитию промышленности в Омске. В 1822 году основана суконная фабрика, были построены мечеть, здания воинской канцелярии и военного госпиталя. На период его правления приходятся важные преобразования в управлении казахскими степями, строительство административных и культовых зданий, распространение ланкастерской системы обучения среди сибирских казаков. С присущим ему административным рвением П.М. Капцевич насаждал хлебопашество среди кочевников казахов и сибирских казаков, действуя при этом с учетом опыта создания военных поселений. Принудительные методы генерал-губернатор практиковал и в организации хлебозаготовок, запретив всякую частную продажу и установив при этом низкие закупочные цены.

Капцевич был первым, кто инициировал проект создания Сибирского университета. Столкнувшись с недостатком образованных чиновников, он предложил учредить в Западной Сибири высшее учеб-

ное заведение. Заботясь об интересах казны, финансировать этот проект генерал-губернатор решил с помощью крестьянского населения, обложив рыбную ловлю на озерах оброчным платежом. Преждевременный проект не был поддержан ни центром, ни тем более далекими от нужд просвещения крестьянами. По его инициативе было преобразовано основанное в Омске в 1813 году особое казенное казачье войсковое училище (с 1845 года Сибирский кадетский корпус). На его превосходное состояние «обратил особое внимание» великий немецкий ученый-естествоиспытатель и путешественник Александр Гумбольдт, посетивший Сибирь по приглашению царского правительства.⁸

В Омске помнят улицу Капцевича, которую потом большевики переименовали в Красный Путь. При Капцевиче были открыты два внешних округа с центрами в Кокчетаве и Каркаралах, что значительно укрепило позиции России в Степном крае. Известен Капцевич был также своим отзывчивым отношением к декабристам в Сибири.⁹ В генералы от инфантерии Капцевич П.М. пожалован 12 декабря 1823 года.

Восшествие на престол императора Николая Первого привел к потоку новых интриг. «Не мне писать законы, но и не мне учиться служить верно царю», – писал Петр Михайлович Тобольскому губернатору Д.Н. Бантышу-Каменскому. «Ежели я не соблюл формы, то сознаюсь перед вами и хвалюсь сею виною; зато, сохранив до сего край, мне вверенный, и безмолвных крестьян от притязаний, а Казенную Тобольскую палату от беспорядка в её запутанностях, остаюсь в совети спокойным». ¹⁰ Забота о казенном благосостоянии и здоровье населения привели П.М. Капцевича к столкновению с откупщиками и покровительствовавшими им чиновниками Тобольской казенной палаты. Против генерал-губернатора начались интриги, посыпались доносы в столицу. Сохранять свой пост еще некоторое время П. М. Капцевичу помогала поддержка Аракчеева. Приход к власти Николая Первого кардинально изменил положение генерал-губернатора. В 1827 г., как следствие конфликта П.М. Капцевича со Сперанским, в Западную Сибирь была направлена сенаторская комиссия. 25 июля 1827 года Капцевич П.М. оставил пост Западно-Сибирского генерал-губернатора и по болезни был отправлен в отпуск.¹¹ Но Петр Михайлович не ушел в отставку. Его продолжали ценить.

29 сентября 1828 года назначен командиром Отдельного корпуса внутренней стражи – прообраза современных внутренних войск. За 12 лет руководства корпусом Капцевичу удалось провести глобальные реформы внутреннего структурирования корпуса – вводится но-

вая форма обмундирования, принимается ряд мер по кадровому обновлению корпуса, были вскрыты и исправлены значительные нарушения в деле подготовки и снабжения солдат и офицеров; также, удалось значительно поднять качественный уровень личного состава внутренней стражи в основном за счёт молодых рекрутов, которых зачисляли в гарнизонные батальоны. Капцевич стал творцом новой т.н. «маятниковой этапной системы» конвоирования арестантов, что позволяло экономить силы, и давала возможность командам больше времени находиться в месте своего расположения. После Капцевича отставники корпуса стали обеспечиваться пансионом по армейскому окладу, солдатам ввели денежные поощрения, выделялась земля. В 1835 году переименован в генералы от артиллерии и по болезни уволен в длительный отпуск.¹²

Будучи в отставке Петр Михайлович с июня 1837 года был председателем Александровского комитета о раненых.¹³ Последние годы, уже больной генерал провел в имении своего сослуживца генерала Е. Тимашева в селе Никольское Сакмарского уезда, под Оренбургом, где и скончался 3(15) июля 1840 года. Похоронен Капцевич П.М. в с. Никольское Сакмарского района Оренбургской области, рядом с церковью.¹⁴

Твердо убежден, что поддержание могилы Героя Отечественной войны 1812 года, первого генерал-губернатора Западной Сибири Капцевича П.М. в должном порядке и ее благоустройство являются прямым долгом всех истинных патриотов Оренбуржья в деле сохранения памяти о подвигах наших великих предков.

Примечания:

¹ Корнилович Э. Герои Бородинского сражения // Беларуская думка. 2012, №6. С.12.

² Капцевич Петр Михайлович Википедия: URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D0%BF%D1%86%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87.%D0%9F%D1%91%D1%82%D1%80%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B9%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87> (Дата обращения 05.02.2014)

³ Шестаков В. Петр Капцевич: генерал с большой буквы // Интернет-издание «Полтавщина». URL: <http://www.poltava.pl.ua/project/502/> (Дата размещения 29.11.2012)

⁴ Там же

⁵ Капцевич Петр Михайлович // Сибирские губернаторы URL: <http://gubernator.doshkolnik.ru/west/56-kapceвич.html> (Дата обращения 05.02.2014)

⁶ Шестаков В. Петр Капцевич: генерал с большой буквы // Интернет-издание «Полтавщина». URL: <http://www.poltava.pl.ua/project/502/> (Дата размещения 29.11.2012)

⁷ Там же

⁸ Корнилович Э. Герои Бородинского сражения // Беларуская думка. 2012, №6. С.12.

⁹ Кони А.Ф. Избранные труды и речи: научное издание / сост. И.В. Потапчук. Тула: Автограф, 2000. С. 553.

¹⁰ Шестаков В. Петр Капцевич: генерал с большой буквы // Интернет-издание «Полтавщина». URL: <http://www.poltava.pl.ua/project/502/> (Дата размещения 29.11.2012)

¹¹ Капцевич Петр Михайлович // Сибирские губернаторы URL: <http://gubernator.doshkolnik.ru/west/56-karcevich.html> (Дата обращения 05.02.2014)

¹² Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812-1815 гг. // Российский архив. Т.VII – М.: Студия «ТРИТЭ» Н.Михалкова, 1996. С. 416-417.

¹³ Петр Михайлович Капцевич // Хронос: URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_k/karcevich.php

¹⁴ Во славу русского оружия. Оренбург, 2012. С. 11.

Тугай Т. И. (г. Оренбург)

ВОЕННАЯ ТЕМАТИКА В ТРУДАХ И ПЕРЕПИСКЕ ЧЛЕНОВ ОРЕНБУРГСКОЙ УЧЁНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ

Напомним, что Оренбургская ученая архивная комиссия (ОУАК) была создана в 1887 г. в целях сохранения богатейшего архива упраздненного в 1881 г. генерал-губернаторства. Этим объясняется интерес членов ОУАК к военной истории края, документам, отражающим деятельность военных губернаторов и генерал-губернаторов, участию оренбуржцев в походах и войнах XIX в.

Непосредственным организатором и первым попечителем Архивной комиссии был губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска (ОКВ) Николай Алексеевич Маслаковец (1884-1891). Он обратился к городским думам с предложением внести свой вклад в создание предполагаемого учреждения, указав на историческую ценность Оренбургского архива. В течение нескольких лет ее заседания проходили на его квартире¹. Ещё задолго до своего губернаторства в Оренбурге Н.А. Маслаковец начал работать над историей казачьих войск России - с 1861 г.² Его фонд в Отделе рукописей РНБ в СПб (№ 1055) хранит богатое военно-научное наследие и свидетельствует об изучении им Донского, Уральского и Оренбургского казачьих войск. В 1873 г. Маслаковец составил «Краткий исторический очерк постепенного образования Оренбургского казачьего войска и развития форм военного и гражданского устройства». К обобщающим тру-

дам он приступил в нач. 1900-х гг., состоя на службе в Генеральном штабе. В 1902 г. им был представлен военному министру А.Н. Куропаткину доклад о разработке принципов исторических исследований о казачьих войсках в России³. О кропотливой подготовительной работе военного чиновника свидетельствуют три клеенчатые тетради, склеенные между собой, общим объемом в 291 л. В них содержатся историко-библиографические справки по истории возникновения и развитию казачьих войск в России⁴.

Правой рукой Маслаковца в Оренбурге был Никандр Константинович Бухарин - войсковой старшина, архивариус Войскового хозяйственного правления. По поручению своего начальника он делал копии документов Войскового архива с 1744 г., составлял их описания ("предисловия") и 23 апр. 1887 г. представил «Материалы и заметки к истории Оренбургского казачьего войска»⁵. Но свои задачи Н.К. Бухарин видел гораздо шире изучения истории казачества. Им первым был поднят вопрос о соотношении краеведческих исследований с географическими (региональными) границами края. На одном из заседаний ОУАК в 1889 г. он прочитал "записку", в которой предлагал расширить деятельности комиссии: "...Политически и исторически этот край жил долго одною жизнью, поэтому за какую бы мы отрасль не принялись, мы не можем наше исследование ограничить известным, нам желаемым районом, а должны осмотреть и все соседственные, соприкасающиеся районы. Только в этой взаимной общности заключается цельность картины, цельность искомого предмета, цельность изыскания"⁶.

Другим организатором работы ОУАК, уже в период ее подъема, стал Павел Петрович Бирк (1836-1900) - начальник штаба Оренбургского казачьего войска. "Человек глубоко просвещенный и горячо любивший архивное дело и занятия местными древностями, он болел сердцем о варварском отношении к ценному историческому материалу"⁷. Именно при нём и благодаря его хлопотам Комиссия приобрела в 1896 г. собственное здание. Все свободное от прямых служебных обязанностей время П.П. Бирк посвящал архиву, который к тому времени заключал в себе свыше 100000 дел. Председатель сам занялся составлением новых описей⁸.

Большую историческую ценность представлял в архиве казачий отдел. Здесь хранились сведения о поземельных и торговых правах казаков, указания о первоначальном образовании оренбургского и уральского казачьих войск, о столкновениях казаков с переселенца-

ми в период колонизации. Не менее важными оказались статистические отчеты войсковых атаманов, эпизоды из прилинейной жизни казаков, “в связи с набегами и барантой киргиз”, дела командировки казачьих отрядов в степь. Полны глубокого интереса были письма пленных казаков из Хивы и Бухары, рисовавшие их безотрадное положение в этих ханствах и само состояние ханств. “Одним словом, с какой бы стороны мы не рассматривали этот отдел, он может служить богатым материалом для всякого любознательного человека, в особенности же, разумеется, для казаков”⁹.

К военной истории казачества подтолкнуло обратиться его представителей и изменение прежнего статуса Оренбургского казачьего войска, происшедшее в связи с утратой пограничного положения края. Найти исторические корни, свидетельства своего боевого прошлого побуждало образованных казаков (офицеров) ходатайствовать о приеме их в ОУАК. Среди действительных членов Архивной комиссии были войсковой старшина Н.К. Бухарин (1887), подъесаул С.Н. Севастьянов (1889), атаман Ф.М. Стариков (1889), хорунжий П.Л. Юдин (1889), есаулы: М.Л. Юдин (1895), В.П. Водопьянов (1896) и Ф.Н. Михайлов (1897), сотники: А.И. Мякутин (1901) и П.А. Бухарин (1913). В 1913 г. в действительные члены Комиссии был принят А.И. Дутов, который в то время командовал 5-й сотней 1-го Оренбургского казачьего полка¹⁰. Из старинного казачьего рода, ведущего свое начало от Самарских казаков, происходил отставной генерал-майор Оренбургского казачьего войска Иван Васильевич Чернов – автор знаменитых «Записок», являющихся и сегодня ценным источником в изучении деятельности начальников и губернаторов Оренбургского края¹¹. Большой интерес автор проявлял к документам, раскрывающим участие администрации края в решении внешнеполитических задач Российской империи на юго-востоке, среднеазиатским походам. Подготовил «Записки И.В. Чернова» к печати, проведя их тщательную систематизацию, С.Н. Севастьянов, а опись составлял П.А. Бухарин¹².

Сергей Никанорович Севастьянов (1863-1907), есаул Оренбургского казачьего войска - один из видных деятелей ОУАК, ведущий историк оренбургского казачества. Его личный фонд в государственном архиве Оренбургской области (Ф. 169) свидетельствует о большой поисковой работе, которую он вёл по истории края и ОКВ. Здесь представляют интерес «Записные тетради генерал-майора Н.В. Агапова» о походной жизни казаков и башкир, посланных на подавление волнений казахов Среднего жуза в 1840 г.; о походе на полуостров Куланды

(1871); об экспедиции на урочище Чучка-Куль (1872); записки неизвестных авторов о Хивинском походе Перовского (1839), о султани Каип-Галий Ишимханове и о «переходе казахов Внутренней орды за Урал», об участии казаков в русско-японской войне¹³. В III выпуске «Трудов ОУАК» была напечатана статья Севастьянова «Башкирское войско в походах русских против Наполеона», а в журнале «Разведчик, журнал военный и литературный» (1901, № 470) - не менее интересная публикация «Казак-девица Варвара Зайцева (из похода оренбургских казаков на Польшу в 1863 г.» Этот выпуск, как сообщается в одном из протоколов ОУАК, был им передан в библиотеку Комиссии. С.Н. Севастьянов посвящал свои исследования многим другим вопросам: событиям в Оренбургском крае, подготовившим экспедицию в Хиву в 1839-1840 гг., персоналиям оренбургской истории, истории Неплюевского кадетского корпуса и др¹⁴.

Среди наиболее значительных работ С.Н. Севастьянова Ю.С. Зобов, положивший начало изучению ОУАК в современной историографии, выделял «Историю учреждения Оренбургского казачьего войска по начертаниям войсковой печати» («Труды ОУАК», вып. V, 1899)¹⁵. На её значение указывал в 1914 г. и член ОУАК А.И. Мякутин. Он тогда работал над очерками по истории ОКВ и столкнулся с проблемой определения «граней» его возникновения, разделения и этапов существования. В своём письме председателю ОУАК А.В. Попову из Ташкента, где Мякутин тогда находился на службе, он характеризует статью «История учреждения Оренбургского казачьего войска по начертаниям войсковой печати» «чрезвычайно важной: без неё совершенно нельзя понять историю Оренбургского войска»¹⁶.

В 1907 г. (год смерти С.Н. Севастьянова) были изданы первые тома 15-томных «Материалов по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска» (1903-1915). Севастьянов являлся их активным составителем. В течение нескольких месяцев (1903-1905) он занимался в Москве для извлечения архивных материалов по истории ОКВ. После очередной поездки в Москву представил Комиссии 21 тетрадь с выписками из архивных дел, 10 фотокопий документов XVI в., планов и карт, 23 книги исторического содержания, приобретённые им для библиотеки ОУАК¹⁷. Свои изыскания публиковал и в оренбургских газетах¹⁸, а в 1903 г. издал «Общий обзор подготовительных работ по составлению историко-статистического описания Оренбургского казачьего войска. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска»¹⁹.

Накануне Первой мировой войны по предложению председателя А.В. Попова при ОУАК была создана библиографическая комиссия для сбора материалов по Оренбургскому краю. Активное участие в её работе принял член ОУАК Михаил Львович Юдин. Составленный им «Указатель» содержит более 200 названий, в том числе, и по военной истории. Из них 40 - это его собственные публикации в столичных изданиях, а также его брата Павла Львовича²⁰. К 1912 г., находясь по делам службы в Ташкенте, М.Л. Юдин подготовил книгу «Оренбуржцы в войнах 1812-1814 гг.», которую посвятил “родным станичкам”. Книга была напечатана в типографии штаба Туркестанского военного округа, сегодня она хранится в РГБ. Несмотря на имеющиеся в ней недостатки, это была первая в оренбургской историографии работа, посвящённая участию оренбуржцев в войне 1812 г.

Обширная и многолетняя переписка М.Л. Юдина и его брата П.Л. Юдина с редактором «Исторического вестника» С.Н. Шубинским была обнаружена нами в Отделе рукописей РНБ. Так, в 1899 г. Михаил Львович делится планами по работе над статьёй «Скобелев и казаки»²¹. В 1904 г., отправляясь на войну с Японией, просит Шубинского рекомендовать его в качестве корреспондента “с пути и с театра военных действий” в газету «Новое время» или «Русь»²². В 1907 г. сообщает Шубинскому об окончании своей работы «Граф В.А. Перовский и взятие Ак-Мечети, как начало завоевания Кокандского ханства»: “Работа довольно обширная, снабжена картами и планами, иллюстрирована портретами и многими рисунками, современными походу и взятию из альбома, принадлежавшего самому Перовскому”²³. Эту работу он спешил опубликовать к 50-летию со дня смерти гр. Перовского. В 1910 г. М.Л. Юдин, уже в чине отставного полковника (что следует из его визитной карточки), сообщает об окончании работы над статьёй «Ризы на знамёнах. Из прошлого Оренбургского края»²⁴.

Братья Юдины сотрудничали и с другим ведущим историческим журналом - «Русский Архив» (издатель П.И. Бартенев). Михаилом Львовичем здесь была опубликована статья «О графе В.А. Перовском»²⁵. Но особенно много публикаций его брата - П.Л. Юдина – мы насчитали 62 (1896-1914). Из них по военной тематике можно выделить следующие: «К истории сношений с Крымом» (1898, III, с. 457-467); «А.В. Суворов по его письмам и распоряжениям» (1914, II, с. 191-208); «Ссылные 1812 г. в Оренбургском крае» (1896, III, с. 5-33); «Из рассказов о М.Д. Скобелеве» (1896, I, с. 614-618); «Кто “взял” в 1873 г. Хиву?» (1896, I, с. 97-99) и др.

Так, в полемической статье «Кто взял Хиву?» П.Л. Юдин пытается опровергнуть официальную точку зрения о решающей роли в этом завоевании командующего войсками Туркестанского края генерал-адъютанта К.П. Кауфмана. Лавры победителя, по мнению автора, должны быть присвоены генерал-лейтенанту Верёвкину – наказному атаману Уральского казачьего войска. Опираясь на свидетельства участников похода, он приводит ряд аргументов, сравнивая протяжённость пути, которое пришлось преодолеть туркестанскому и оренбургскому отрядам, время их прибытия под стены города и др. “Впрочем, мы далеки от мысли умалять достоинства Константина Петровича, как администратора и полководца, и не можем отрицать прочих достоинств и заслуг его; но в этом именно деле он ничем не проявил своих боевых способностей, и пальма первенства неизменно принадлежит генералу Верёвкину”. В качестве дополнительного подтверждения своего вывода П.Л. Юдин приводит текст казачьей песни «Покорителю Хивы» (1879), которую в марше пели уральские и оренбургские казаки и даже юнкера Оренбургского казачьего училища: “...Честь и слава атаману, Покорителю Хивы, с боя вынесшему рану и почётный глас молвы!”

В «Русском архиве» публиковались и другие члены ОУАК. 7 статей (1914-1916) принадлежат председателю редакционного комитета Архивной комиссии – священнику Николаю Николаевичу Модестову. Заслуживают внимания его исследования о судьбе русских пленных в среднеазиатских ханствах: «К истории освобождения русских пленников из Бухары. Сообщено Н. Модестовым» (1914, III, с. 455-477); «К истории освобождения русских пленников из Хивы. 1830-1873» (1914, III, с. 97-119; 1915, II, с. 276-301); «К истории русского посольства в Бухару и освобождения оттуда русских пленников в 1821 г.» (1915, I, с. 427-457; II, с. 32-51).

Необходимо охарактеризовать деятельность ОУАК и в годы Первой мировой войны. Война внесла серьёзные коррективы в её состав, планы и работу. Ряд членов – видных представителей казачьей интеллигенции - оказались в составе действующей армии на Юго-Западном фронте. Накануне войны был близок к завершению проект организации музея в новом здании, который разрабатывался совместно с Оренбургским отделом Географического общества, но война помешала его осуществлению. Помимо проблемы с музеем ОУАК готовилась решить на правительственном уровне вопрос о новом помещении для архива - в здании гауптвахты, занимаемом военным ведомством. Была создана специальная комиссия по организации здания архива. Следу-

ет отметить, что в её состав входил действительный член Комиссии А.И. Дутов²⁶.

Свое содействие обещал оказать известный историк С.Ф. Платонов, с которым председатель ОУАК Александр Владимирович Попов общался на съезде архивных комиссий в мае 1914 г. В приветственной речи съезду С.Ф. Платонов сказал: “История питается корнями из провинции”²⁷. Тогда он дал А.В. Попову рекомендацию для обращения к члену Совета министров, статскому советнику Гурлянду И.Я. Однако в своем письме Платонову от 22 окт. 1914 г. председатель ОУАК сообщал, что вынужден отказаться от высокого покровительства, так как “разразилась война, и теперь, конечно, “все внутренние недоразумения”, особенно с военным ведомством должны быть оставлены. Таким образом, мне не удалось воспользоваться Вашей любезностью и я с благодарностью возвращаю Вам Вашу карточку. Позвольте выразить надежду, что Вы в следующий раз при более благоприятных обстоятельствах не откажете Архивной Комиссии в своём авторитетном содействии. С искренним почтением и преданностью А.В. Попов”²⁸.

Возникшие трудности не прервали деятельность ОУАК. Для музея и библиотеки был снят дом Батракова по Артиллерийскому пер. В работах по устройству музея использовались военнопленные офицеры австрийской армии²⁹. Комиссия даже нашла возможным в 1916 г. не брать входную плату за посещение своего музея. Именно война стала тем стимулом, который пробудил у провинциальной интеллигенции чувство так называемого “местного патриотизма”, определившего весь характер ее деятельности в последующий период. И речь здесь идет не только о предложениях некоторых членов ОУАК изменить немецкое название города на русскоязычное (Неплюевск, Сакмар-Уральск, Оренград и др.), обсуждавшихся в местной печати³⁰. В одном (из четырех) писем Александра Владимировича Попова академику В.В. Бартольду (от 25/IX 1915 г.) – почетному члену ОУАК с 1913 г., с которым он был знаком со времени посещения известным востоковедом Оренбурга в 1904 г. - председатель ОУАК писал: “Замечательно, что несмотря на войну, а во многом – благодаря ей, наши провинциальные общества, обыкновенно спящие мертвым сном, стали пробуждаться к деятельности, собираться и т.д. Война показала нам нашу необыкновенную отсталость во всем и особенно – в Родиноведении – и в этом именно направлении начата работа местной интеллигенции”³¹.

Основное внимание в годы войны ОУАК сосредоточила на сохранении историко-культурного наследия края. В 1916 г. было разрабо-

тано Положение о временном Совете музея и библиотеки. На него возлагалось их комплектование, пополнение и т.п., издание альбома древностей Прохоровского и Покровского кладов, а также Библиографии Оренбургского края³². В 1915 г. Н.Н. Модестов внес предложение, чтобы на каждом заседании Комиссии докладывался перечень изданий, поступивших к этому времени³³. В 1915-1917 гг. велась активная переписка со столичными учеными - М.И. Ростовцевым и С.И. Руденко. Что касается библиографических изданий, то в 1915 г. была переиздана книга П.Н. Столпянского «Город Оренбург. Материалы по историко-топографическому описанию города» (Оренбург, 1908), а в 1916 г. член ОУАК и ООИРГО Д.Н. Соколов опубликовал свой географический очерк «Оренбургская губерния». «Для исторической части» он руководствовался «более всего данными музея местной Ученой Архивной Комиссии при любезном содействии г. председателя ее А.В. Попова и «Трудами» той же Комиссии...» По истории колонизации главными источниками он назвал «Историю Оренбургскую» Рычкова и т.И «Истории Оренбургской Епархии» Н.М. Чернавского³⁴.

Член Архивной комиссии А.И. Кастанье прислал из Ташкента в «музей древностей» свою богатейшую коллекцию, составленную из этнографических и археологических предметов, найденных в Тургайской области и Кустанайском уезде³⁵. Им вместе с М.Л. Юдиным в 1915 г. были спасены остатки коллекции покойного А.И. Добромыслова (из 111 предметов) и переправлены из Ташкента в Оренбург³⁶. Тогда же ОУАК озаботилась состоянием архивов в станичных правлениях Оренбургского казачьего войска и поручила своему действительному члену А.И. Кривошекову, который служил инспектором высшего начального училища в ст. Еткульской, заняться их осмотром. По результатам проверки им был подготовлен обстоятельный доклад, который содержал ценную информацию об угрожаемых фондах ОКВ. Редакционный комитет принял решение опубликовать его в XXXV выпуске «Трудов» (с.169-184).

Этот выпуск был последним, который ОУАК успела издать в 1917 г. – в период уже начавшейся революции. Из него следует, что в ее составе к этому времени насчитывалось 138 действительных членов. К 1917 г. Архивная комиссия поддерживала связи с 77 столичными и провинциальными учеными обществами и учреждениями. Свидетельством сохранения научных связей в годы войны является тот факт, что именно тогда в состав ее почетных членов были избраны ака-

демики С.Ф. Ольденбург и С.Ф. Платонов, а в действительные члены – М.И. Ростовцев.

Ведущие учёные страны возлагали большие надежды на провинциальные научные силы. Они осознавали, что переломная эпоха, в которую вступала Россия, несет в себе бесценный документальный материал, нуждавшийся в сохранении. Видные представители российской интеллигенции надеялись при помощи ГУАК уменьшить масштабы разрушения культурных и исторических ценностей, неизбежно в военное время. Академия наук взяла на себя собирание и хранение документов по политической истории России XIX - начала XX вв. С 1915 г. она начала формировать так называемый «Архив войны» - собрание документов, отражавших ход военных действий и обстановку, складывавшуюся в тылу, и обратилась к провинциальным научным обществам с просьбой о поддержке этой инициативы.

В фонде ОУАК ГАОО мы встречаем материалы, которые свидетельствуют о том, что Оренбургская архивная комиссия также собирала материалы для Архива войны. В 1918 г., например, в ОУАК был передан дневник неизвестного казачьего офицера в рукописи, датированный 1917-1918 г., в котором описана его фронтовая жизнь во время мировой и гражданской войн³⁷. Несомненный интерес в этой связи представляют письма из действующей армии членов ОУАК – казачьих офицеров. Так, С.Ф. Ташкин (? фамилия неразборчива), служивший в 183 походном полку, 8 роте, обращается с просьбой прислать ему копии документов о положении инородцев в 1743-1774 гг., так как “работает над этой темой”³⁸. П.А. Бухарин с Галицинского фронта (от 9 дек. 1915 г.) сообщал, что ему посчастливилось(!) найти фотографию 1884 г., изображающую съезд монархов в Скерневице (имеется в виду свидание импер. Александра III, Франца-Иосифа и Фридриха Вильгельма), давшего, как он иронично замечает, “гарантию европейского мира”³⁹. Фотография была передана им в 1916 г. в музей Комиссии⁴⁰. В другом письме - правителю дел А.П. Гра (от 23 марта 1917 г.), отправленного в то время, когда 15 Оренбургский казачий полк, в котором служил Бухарин, стоял в г. Черновцы (Галиция), он помещает галицийские частушки. Из них, по мнению автора письма, видно, “как начинали проявляться в народе враждебные к нам чувства”⁴¹. Далее Бухарин высказывает свои предположения по поводу происхождения названия Буковина, обнаруживая в нем славянские корни. Примечательна приписка Бухарина P.S.: “Прошу срочно сообщить, за какой срок я задолжал уплату членских взносов”⁴².

Деятельность Оренбургской учёной архивной комиссии прекратилась по факту в конце 1918 г. – ещё до официального упразднения ГУАК советской властью в марте 1919 г. О дальнейшей судьбе многих её членов – в особенности, казачьих офицеров – нам ничего неизвестно. Однако, за свою тридцатилетнюю деятельность ОУАК собрала, сохранила и популяризировала в различных изданиях бесценный историко-краеведческий материал, в том числе, и по военной истории.

Примечания:

- ¹ Иванов, Н.Г. О задачах деятельности и общественном значении Ученых Архивных Комиссий вообще и Оренбургской Архивной Комиссии в частности // Н.Г. Иванов / Труды ОУАК. - 1897. - Вып. II. - С. 37-65.
- ² ОР РНБ. Ф. 1055. Маслаковец Н.А. № 98, 99, 100.
- ³ Там же. № 4. Л.1-44.
- ⁴ Там же. № 2.
- ⁵ Там же. № 101 (Р. XVII. 109/2).
- ⁶ Труды ОУАК. – Оренбург, 1914. - Вып. XXX – С. 35.
- ⁷ Шукшинцев, И.С. Бирк Павел Петрович (1836-1900). Некролог // И.С. Шукшинцев/ Тр. ОУАК. - 1900. - Вып. VI. - С. 1-4.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Иванов Н.Г. О задачах деятельности и общественном значении Ученых Архивных Комиссий... С. 37-65.
- ¹⁰ См.: История Оренбуржья. – Оренбург: Оренб. кн. изд-во, 1996. - С. 194.
- ¹¹ Записки генерал-майора И.В. Чернова. // Труды ОУАК. – Оренбург, 1907. - Вып. XVIII.
- ¹² См. там же.
- ¹³ См. ГАОО. Ф. 169. Описание.
- ¹⁴ См.: Труды ОУАК. – Вып. XVI. - С. 95-148; Вып. XIX. - С. 158-167; Вып. III. - С. 1-14, 15-56; Вып. VI.
- ¹⁵ Зобов, Ю.С. Историки и исследователи Оренбургского края: историко-биографические очерки / Ю.С. Зобов/ Сост. Г.П. Матвиевская, В.Г. Семёнов; науч.ред. А.Г. Иванова. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. - С. 218.
- ¹⁶ ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 95. Л. 39-42.
- ¹⁷ Зобов Ю.С. Историки и исследователи Оренбургского края... - С. 219.
- ¹⁸ «Оренбургская газета», 1906, № 2558; «Голос Оренбурга», 1906, № 24.
- ¹⁹ Оренбург, 1903. Вып. 1. С. 1-12.
- ²⁰ ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 88. Л. 1-20. Прим.: в описи это дело именуется «Литература по Оренбургскому краю».
- ²¹ ОР РНБ. Ф. 874. Шубинский С.Н. Оп.1. № 79. Л. 203-204.
- ²² Там же. № 99. Л. 161-162.
- ²³ ОР РНБ. Ф. 874. Шубинский С.Н. Оп.1. № 111. Л. 229-233.
- ²⁴ Там же. № 123. Л. 186-188.
- ²⁵ Русский архив, 1902, № I (4) – С. 627-636.
- ²⁶ Отчеты и протоколы ОУАК за 1914-1915 гг. ... – С.44.
- ²⁷ Там же. Протокол № 7 - С. 50.

- ²⁸ Отдел рукописей РНБ (Далее – ОР РНБ) Ф.585. Архив С.Ф. Платонова. Д. 3908. Л. 1.
- ²⁹ ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 94. Лл. 13, 18.
- ³⁰ См.: Кобзов, В.С. Оренбург в первые месяцы Мировой войны / В.С. Кобзов / Оренбургу – 250 лет: Программа и мат. науч. конф., посвященной 250-летию города. / Отв. ред. проф. Л.И. Футорянский. - Оренбург, 1993. - С. 50-51.
- ³¹ ПФА РАН. Ф. 68. Бартольд Василий Владимирович. Оп. 2. Д. 200. Л. 8.
- ³² ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 94. Л. 1.
- ³³ Отчеты и протоколы ОУАК за 1914-1915 гг. – С. 108.
- ³⁴ Соколов, Д.Н. Оренбургская губерния. Географический очерк / Д.Н. Соколов. – М., 1916. – С. 4.
- ³⁵ ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 94. Л. 3-4; Труды ОУАК. Вып. XXXV. - С. 224, 235-236.
- ³⁶ ГАОО. Там же. Л. 7 об.; Труды ОУАК. - Там же.
- ³⁷ ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 125. Л. 1-24.
- ³⁸ ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 95. Л. 58.
- ³⁹ Там же. Д. 94. Л. 28.
- ⁴⁰ Труды ОУАК. Вып. XXXV. - С. 237.
- ⁴¹ ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 95. Л. 110-111.
- ⁴² Там же. Л. 111.

Потапова А.Н. (г. Оренбург)

РЕДУТ ЖЁЛТЫЙ САКМАРСКОЙ ПОГРАНИЧНОЙ ЛИНИИ

Интересна и самобытна история села с необычным названием Жёлтое, расположенного в Саракташском районе Оренбургской области. Его корни уходят в далекие 40-е годы XVIII века. Оренбургская экспедиция в 1736 г. приступила к строительству Оренбургской оборонительной линии, представлявшей собой цепь укрепленных пунктов, построенных по Яику, Сакмару, Самаре и другим рекам в целях защиты Оренбургского края от набегов кочевников, киргиз-кайсаков (казахов) и джунгарских калмыков.

Оренбургская пограничная линия начиналась с устья Яика, шла по правому берегу до Верхнеяицкой крепости (в настоящее время г. Верхнеуральск), далее поворачивала на восток к реке Тобол, где примыкала к Сибирской линии укрепления и включала шесть оборонительных линий: Самарскую, Сакмарскую, Нижне- и Верхнеяицкую, Исетскую и Уйско-Тобольскую. На линиях строились крепости, между ними располагались промежуточные укрепления – редуты. Крепости и редуты чередовались через 30 верст (1 верста соответствует нынешним 1 066,8 м.). Перед пограничной линией, на расстоянии 2 – 7 верст

друг от друга, стояли укрепления для сторожевых отрядов – форпосты. Каждая крепость имела несколько застав. Между форпостами непрерывной линией тянулись заграждения из березовых или таловых прутьев (симы).

В январе 1742 г. Сенат издал Указ о назначении начальником Оренбургской комиссии И.И. Неплюева (1693 – 1773 гг.), тайного советника и кавалера¹. Свою деятельность Иван Иванович начал с проверки состояния пограничной линии. Замысел В.Н. Татищева о необходимости обустройства Сакмарской линии И.И. Неплюев поддержал и лично определил места для строительства укреплений.

Летом 1742 г., по пути следования в Орскую крепость, будущий первый оренбургский губернатор основал по левому берегу Сакмары в 30 верстах выше от Сакмарского городка (с. Сакмара Сакмарского района) крепость Пречистенскую, а в 42-х верстах от неё – крепость Воздвиженскую. Между этими крепостями 14 (26) сентября заложили Никитинский редут (от Пречистинской вверх по Сакмаре в 23 верстах), а выше крепости Воздвиженской – форпост Жёлтый². Его местоположение в архивном документе характеризуется так: «на левом берегу Сакмары и по обе стороны Большой дороги из города Оренбурга в Верхнеуральск, которая для прохождения войск способна»³. Свое наименование форпост получил из-за особенностей почвы, во многих местах выступала желтая глина. Недалеко находился желтый обрыв или Желтый Яр. Так, геологические особенности отразились в названии, сохранившись на века.

Форпост представлял собой передовое полевое военное укрепление для ведения главным образом оборонительного боя. Устройство его было примитивным. Оборонительная площадка окаймлялась земляными рвом и валом, а затем укреплялась деревянными заплотами – частоколом и плетнем. По углам устраивались площадки для пушек и наблюдательных вышек. С тыльной стороны строили жилые сооружения: первоначально землянки, а затем и деревянные дома. А.И. Кривошеков оставил следующее описание форпостов на Оренбургской пограничной линии: «Эти сторожевые укрепления составляли передовую линию и охраняли крепости от внезапных вторжений кочевников. Устраивались они непрерывно по всей границе на таком расстоянии, чтобы днем форпост от форпоста был виден хорошо... В форпостах устраивали маяки: вкапывали в землю 4 сосновых бревна, на верху устраивали крытую площадку, на которой день и ночь находился сторожевой казак. Общая высота маяка – 12 – 15 аршин

(1 аршин равен 71 см.). Около вышки – столб, с прикрепленным к нему на подвижной жерди большим снопом соломы или пучком осмолённой пакли»⁴. В случае тревоги охрана поджигала солому, столб пламени был виден с соседнего маяка, охрана которого таким же образом передавала весть дальше.

Для несения сторожевой службы на Сакмарской линии в форпост Жёлтый поселили солдат ландмилицкого драгунского Шешминского и Алексеевского полков, переведенных с упраздненной Закамской пограничной линии. Они приступили к строительству землянок и полевых укреплений, несли военную службу, а затем оставались здесь, среди них было много русских.

В скором времени форпост преобразовали в редут – укрепление, усиленное фортификационными сооружениями, оружием и численностью гарнизона. Редут представлял собой укрепление сомкнутого вида, как правило (но не обязательно) земляное, с валом и рвом, предназначенное для круговой обороны. Строился чаще всего в форме четырёхугольника, хотя существовали и пяти-шестиугольные редуты. Обыкновенно имел в длину 50 – 200 шагов, в зависимости от численности гарнизона, насчитывавшего 200 – 800 человек. Состоял редут из наружного рва, вала с земляной ступенью для размещения стрелков и орудий, а также внутреннего рва для укрытия обороняющихся. Проход в редут, шириной около 6 шагов, устраивался с горжевого фаса (тыльной стороны), причем за ним устраивалась насыпь (траверс) для обстрела неприятеля, если он попытается воспользоваться проходом. Редуты входили в состав пограничных укрепленных линий⁵. К концу 40-х годов XVIII в. к Сакмарской дистанции относились крепости – Пречистинская и Воздвиженская, редуты Никитинский и Желтый, а также слобода Кундровских татар, основанная в 1745 году⁶.

С образованием Оренбургского казачьего войска (1748 – 1755 гг.) солдат Жёлтинского редута зачислили в казаки. Штат Оренбургского нерегулярного корпуса в 1753 г. состоял из 650 служилых казаков, из них 550 находились в Оренбурге, остальные – в Бердской слободе. В 1755 г. военная коллегия по докладу И.И. Неплюева утвердила новый штат Оренбургского казачьего войска. Казаков насчитывалось 5597 человек, из них на жаловании были только 1797⁷.

По штату казаки Оренбургского войска разделились на три разряда: жалованные, получавшие казённое жалованье и полностью содержащиеся за счёт казны; маложалованные, получавшие деньги толь-

ко на свою «воинскую справу», пахотные и сенокосные земли; и безжалованные, имевшие лишь земельные пашенные, сенокосные и пастбищные угодья. Размер жалованья колебался от трёх до ста рублей в год, в зависимости от чина и места службы.

Главной повинностью казаков была сторожевая служба. С весны до осени казаки находились на линии, участвовали в разъездах, караулах, конвоях, пикетах. Линейное население оказывалось вынужденным принимать на себя все натиски и удары кочевников, которые разбойничали, угоняли скот, захватывали в плен людей и продавали полонян на азиатских невольничьих рынках. К нелёгкой военной службе добавлялись натуральные повинности – фортификационные работы, ремонт и строительство дорог, мостов, заготовка леса, конвоирование почты. На занятие земледелием оставалось мало времени.

Особенно тяжёлым было положение маложалованных и безжалованных казаков, из которых состояли гарнизоны многих прилинейных крепостей, форпостов, редутов. Оно усугублялось произволом командиров, комендантов крепостей, назначаемых обычно из числа армейских офицеров и имевших право применять телесные наказания к казакам, включая старшин и атаманов. За самовольный уход казака со службы на линии полагалось «нешадное наказание плетьюми». Обременительным для казаков было приобретение за свои деньги строевых лошадей, обмундирования и снаряжения, которые стоили весьма дорого.

Получив привилегии, казаки обязывались нести постоянную сторожевую пограничную службу с одновременным занятием земледелием и скотоводством. Из земли, являвшейся собственностью войска, казачьим дворам выделялись пай в зависимости от числа душ в семье. Однако сельскохозяйственное производство достаточного развития не получило, так как много времени у казаков-мужчин занимали пограничная служба, участие в военных походах, отражение набегов со стороны среднеазиатских ханств.

Благодаря энергичной деятельности Неплюева, через несколько лет Оренбургский край защищала цепь крепостей и редутов. Сакмарская линия первоначально имела 10 крепостей и 2 редута, но в ходе восстания 1755 г. она была доведена до р.Зилаир, где заканчивалась Зилаирской крепостью⁸.

Для охраны восточных границ Российской империи по Яику и Сакмаре людей не хватало. В связи с этим осуществлялось ускоренное заселение Сакмарской линии, закладывались хутора и будущие

станции Оренбургского нерегулярного казачьего войска. В качестве защитников привлекались жители Казанской губернии. В 1768 г. из Казанского края прислали астраханских ногайцев (другое название «салтанаульские ногайцы»). Ногайцы приехали на своих подводах в количестве 110 семей во главе с мурзой Мизамом. Ногайцы поселились около редута вблизи озера (западная сторона Желтого оврага) и, наряду с несением военной службы в форпосте, занимались земледелием, животноводством, охотой и рыбной ловлей. И сейчас, эта часть Желтого, находящаяся за речкой Чертанкой, на западной стороне села, называется Ногайским⁹. В Желтом редуте проживали также крымские ногайцы и кондуровские ногайцы. Кроме ногайцев переселялись также татары из населенных пунктов, расположенных у устья реки Ик. Татары обосновались около озера, где жили ногайцы, но только на противоположной стороне. Ногайскую часть селения позже стали называть «Нугай йагы» (ногайская сторона), татарская получила наименование «Куляйляр» (Приозерное). Впоследствии озеро, разделявшее ногайцев и татар, высохло.

К объективным причинам переселения татар и представителей других национальностей на новые места, необходимо отнести малоземелье, стремление улучшить свое экономическое положение, боязнь насильственной христианизации. Власти, в свою очередь, не стали запрещать, а разрешали и поощряли переселение в Оренбургский край для его дальнейшего освоения. Определенные надежды власти возлагали и на привлечение татар к развитию торговли с единоверческим населением казахских степей и Средней Азии.

Жизнь переселенцев на новом месте постепенно налаживалась: «черноземистую землю обрабатывали татары, из посеянного лучше родились пшеница, овес, ячмень». Река Сакмара «в самое жаркое летнее время была шириной 20 – 25 сажень, глубиной в аршин» и речка Чертаны (Чертанка в других документах) «шириною в два аршина и глубиной четверть аршина» были богаты рыбой. Здесь водились щуки, лещи, налимы, плотва. Жители использовали речную сакмарскую воду для питья, которая «к употреблению людям и скоту была здорова». Мужчины в лесу добывали зверя и птицу: зайцев, лисиц, тетеревов, рябчиков, куропаток. Женщины занимались рукоделием: пряли лен, шерсть, ткали холсты и сукна для себя и на продажу»¹⁰.

События 1773 – 1775 гг. нарушили устоявшийся ход жизни на Оренбургской линии. Желтинцы, как и жители слободы Кондуровской, в конце ноября 1773 г. вступили в отряд Афанасия Тимофеевича

Соколова-Хлопуши, а 28 – 30 ноября непосредственно под руководством Емельяна Ивановича Пугачева приняли участие в штурме крепостей Верхнеозерной и Ильинской. После неудачи у этих крепостей Пугачев прибыл в Жёлтый редут, откуда вернулся в Берды под Оренбург. С уходом повстанческих сил осаду Верхнеозерной крепости продолжали башкиры и ногайцы. За участие в крестьянской войне на стороне пугачевцев жители Желтого, как и кондуровцы, были наказаны лишением казачьих привилегий, которые им вернули только в 1799 г. по указу Павла I. Кроме того, гарнизон Верхнеозерной крепости, под руководством коменданта О.Х. Демарина, чтобы отомстить ногайцам за участие в осаде и штурме крепости, зимой совершил набег на Желтинский редут и Кундуоровскую слободу. В ходе карательной операции слободу разорили, многих ногайцев убили.

Следствием крестьянской войны стало разорение повстанцами многих крепостей и редутов, большой урон в живой силе понесли казачьи войска. Сложившимся обстоятельством воспользовались кочевавшие в степи киргиз-кайсаки (казахи), учинившие в 1778 г. грабительский набег на Желтый редут.

Однако, несмотря на серьезные испытания, редут расширялся. По данным четвертой ревизской переписи населения, проходившей в 1781 – 1783 гг., в Желтом редуте насчитывалось 18 человек, подлежащих подушному налогообложению. В 5-й ревизской переписи, проведенной в 1795 г., число постоянных душ для взыскания подати составило 37 человек¹¹.

Со временем укреплялись связи с киргиз-кайсаками. Примером этого служит такой эпизод. В начале 1812 г. ханом Малой орды, вместо убитого Каратаем в 1809 г. Джантюрю Айчувакова, был утверждён его брат Ширгазы Айчуваков. Хан обратился к оренбургскому губернатору Г.С. Волконскому (1742 – 1824 гг.) в 1812 г. с просьбой «разрешить приехать ему с некоторыми товарищами на короткое время» в Желтый редут, чтобы повидаться с сыновьями, которые учились грамоте в Желтом у ахуна и мудариса Негметуллы Арондюкова, и совершить праздничные моления в связи с праздником Курбан-байрам¹².

Редут активно заселялся новыми переселенцами. В 30-е годы XIX века сюда перевели из-под Самары около трех десятков мордовских семей, которые обосновались между ногайцами и редутом, т.е. в центре современного села Жёлтое.

Спустя сто лет после основания, согласно переписи башкирских населенных пунктов, 12 мая 1842 г. в Желтом редуте было учтено 523

жителя, из которых 267 мужчин (русские и другие национальности не учитывались). В переписном листе указывалось, что редут входил в 37-й юрт девятого башкирского кантона Оренбургского уезда, а сами «люди поступили в башкиры из султанских ногайцев казачьего войска и живут постоянно в домах». К 1853 г. в отряде Желтый числилось казачьего звания 111 человек, башкирского звания – 315; было две мечети, где служили имам и азанчей.

Образовавшийся в ходе строительства Оренбургской укрепленной линии редут Жёлтый предназначался для охраны российской границы от кочевого мира. С упразднением пограничной линии (окончательно произошло к 1862 г.) редут Жёлтый становится отрядным поселком Оренбургского казачьего войска, а затем селом. В списке населенных мест Оренбургской губернии в казачьем отряде Желтый в 1866 г. числилось 317 дворов, в которых проживали 1039 мужчин и 987 женщин. К имеющимся мечетям прибавилась часовня.

По данным за 1873 – 1874 гг. в селе насчитывалось 259 дворов и 1497 душ обоего пола; из них крестьянствовали 56 человек, казаков насчитывалось 1424. Военнообязанные казаки несли службу в казачьих полках, свободные от службы занимались хозяйством. По вероисповеданию 402 – православные, 1095 – мусульмане. В селе сформировался многонациональный состав населения, об этом свидетельствуют данные об этническом составе: русских насчитывалось – 15, башкир – 14, татар – 1081, чувашей – 54, мордвы – 630 человек¹³.

Наиболее многочисленными этносами являлись татары и мордва. Исследователь XIX века И.С. Хохлов в работе «География Оренбургской губернии» приводит интересное описание этих народностей: «Татары народ трезвый, трудолюбивый и способный на тяжелые работы. Они занимаются земледелием, извозом, скотоводством, но любимое их занятие – торговля, особенно мелочная. Жилище татар отличается опрятностью. Избы у них всегда чисты, выметены, стены выскоблены, печи выбелены, на полу и лавках лежат кошмы и ковры. Татары все магометане». «Мордва – народ финского племени...они больше всех других инородцев походят на русских... телосложения крепкого, трудолюбивы. Усиленно занимаются земледелием и пчеловодством, любят охотиться... Избы их походят на избы русских, но грязны и неопрятны. Они все христиане»¹⁴.

Среди жёлтинцев развивались различные промыслы: в 1873 – 1874 гг. ткачеством были заняты 65, огородничеством – 84, вязанием пуховых изделий – 32, плотничеством – 6, извозом – 9 человек¹⁵. Извоз в

это время представлял собой перевозку разных тяжестей и «доставлял значительный заработок многим жителям губернии». Этот промысел получил свое развитие из-за недостатка водных путей сообщения и железных дорог. Предметами перевозки служили разные грузы и товары¹⁶. Примечательно, что извоз и плотничество в Жёлтом приносили самую большую прибыль. Так, доход только за 1873 – 1874 гг. составил соответственно 450 и 300 руб. (на одного человека приходилось 50 руб.). Для сравнения – за пуховые изделия выручено было лишь 128 руб. (на одного человека – 4 руб.). При этом стоимость «порядочных пуховых платков» начиналась от 5 руб., но цена могла доходить до 50 руб. и более. Ценность пуховых платков зависела от величины, мягкости пуха, тонкости пуховой нити, ровности вязки и красоты узора, который в те времена не отличался многообразием¹⁷. Следует отметить, что сегодня желтинские пуховницы считаются одними из лучших и продолжают традиции знаменитого промысла.

Много испытаний выпало на долю жителей поселка. Большим бедствием стал пожар 31 мая 1887 г. (в краеведческой литературе приводится ошибочная дата 1884 г.)¹⁸. Во время огненной стихии сгорело 138 домов с надворными строениями. Для восстановления потребовалось, прежде всего, составить план села, который отсутствовал. Воздвиженское станичное правление обратилось в Войсковое хозяйственное правление Оренбургского казачьего войска с просьбой командировать землемера для распланирования погорельцам дворовых мест и составления плана поселка Желтое, а также составить план села Александровка по существующим постройкам. Схемы расположения необходимо было представить в Губернское правление на рассмотрение и утверждение. Примечательно, что оплачивать содержание землемера (постояй, командировка, прогонные и суточные) обязали станичное правление.

Челябинский уездный землемер Виноградов составил план Желтого в сентябре 1887 г. в присутствии доверенных лиц – казаков Файзи Зюмалина и Трофима Иванова. В рапорте Оренбургскому губернскому землемеру Виноградов отметил, что «восемь мест не соответствовали планам строительного устава, и оставлены только потому, что их построили до распланирования, шесть из них располагались на правой стороне Чертанки, два – у магометанского кладбища и дороги идущей из станицы Воздвиженской»¹⁹. Свое согласие жители села подтвердили в двух приговорах, которые заверил атаман Желтого поселка казак Леонтьев. Отметим, что приговоры представляют со-

бой уникальный документ, в котором представлены поименно домо-владельцы поселка²⁰.

В Желтом к 1890 г. в 378 дворах проживали 1057 мужчин и 982 женщины, всего 2039 человек. В поселке действовала Михаило-Архангельская церковь, в составе притча, назначенного в 1890 г., состояли священник и псаломщик. Они получали «казенное жалование» 400 руб. Число прихожан среди мужчин – 508 человек, женщин – 533. Доход прихода составил 715 руб., а «хлебом и другими продуктами» – 80 пудов (1 пуд примерно 16,4 кг.)²¹. В селе мусульмане молились в двух мечетях, а по средам проходил базарный день.

В списке населенных мест Оренбургской губернии за 1901 г. отмечено, что в административном отношении поселок Жёлтый входил в Воздвиженский станичный юрт первого военного отдела Оренбургского казачьего войска с числом дворов 358, а проживавших в них 2112 человек. В начале XX века в поселке открылись церковно-приходская и частная начальная школы. С упразднением казачества в 1920 г. поселок преобразовался в село Жёлтое, ставшее вскоре волостным центром.

Шли годы, на смену XX веку пришел XXI, сменялась череда событий, и сегодня, Жёлтое – крупный населенный пункт Саракташского района, в котором мирно соседствуют представители разных национальностей, бережно хранящих память о прошлом, в том числе о Жёлтом руде, с которого все начиналось.

Примечания:

¹ Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1897. Т. 1. С. 177.

² Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с прил. статьи о домашнем быте Оренбургских казаков, с рис. знамен и карты. Оренбург: Тип. К. Бреслина, 1891. С.56, 58.

³ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф.123. Оп.1. Д.34. Л. 131.

⁴ Кривошеков А.И. На Оренбургской пограничной линии // Вестник Оренбургского учебного округа. Вып. 1. Уфа, 1914. С.7.

⁵ Чумаков М.М. Село Желтое // Путь Ленина. 1987. 29 декабря; Горшенин Ю. К 250-летию села Желтое // Путь Ленина. 1992. 20 августа.

⁶ Чернавский Н. Оренбургская Епархия в прошлом ея и настоящем. Вып.1. // Труды Оренбургской учен. арх. комиссии. Вып.7. Оренбург, 1900. С.61.

⁷ Хохлов И.С. География Оренбургской губернии. Описание Оренбургской губернии в физическом, этнографическом и административном отношениях. Оренбург: Тип. Оренбургской духовной консистории, 1896. С. 56.

⁸ Сулейманов Ф.М. Зилаирская крепость // Уральский регион Республики Башкортостан: человек, природа, общество: Материалы региональной научно-практической

конференции. Сибай: Изд-во ГУП РБ «СГТ», 2010. С.218 – 224.

⁹ Моисеев Б. Желтое. Пульс дня. 1998. 27 октября.

¹⁰ ГАОО. Ф.123. Оп.1. Д.34. Л. 131.

¹¹ ГАОО. Ф.6. Оп.1. Д.60/а. Л.9 – 11.

¹² ГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.939/е. Л. 2.

¹³ ГАОО. Ф.164. Оп.1. Д.36. Л.219.

¹⁴ Хохлов И.С. Указ. соч. С. 60 – 61.

¹⁵ ГАОО. Ф.164. Оп.1. Д.36. Л. 219 об.

¹⁶ Хохлов И.С. Указ. соч. С.104.

¹⁷ Хохлов И.С. Указ. соч. С.102.

¹⁸ ГАОО. Ф.11. Оп.9. Д.42. Л.4; Чумаков М.М. Село Желтое // Путь Ленина. 1987. 29 декабря.

¹⁹ ГАОО. Ф.11. Оп.9. Д.42. Л.7 об.

²⁰ ГАОО. Ф.11. Оп.9. Д.42. Л.8 – 10.

²¹ ГАОО. Ф.173. Оп.5. Д.10912. Л.12 об.

Семенова Т.С. (г. Оренбург)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ КАЗАЧЬЕГО ВОПРОСА В ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1925 Г. (АНАЛИЗ ДОКУМЕНТОВ ГБУ «ЦДНПО»)

Судьба казачества в XX веке, как и всей страны, стала переломной. Одним из тяжелейших моментов стала Октябрьская революция и гражданская война – раскол страны на противоборствующие стороны, расказачивание практически привели к уничтожению казачества как сословия.

В середине 20-х годов XX века, когда позиция казачества по отношению к советской власти поменялась, руководство РКП(б) вернулось к обсуждению положения казачества в стране. На Пленуме ЦК РКП(б) (23 – 30 апреля 1925 г.) был рассмотрен вопрос о казачестве. В принятой резолюции отмечалось, что нужно учитывать особенности казачьего быта и нельзя применять насильственные меры к искоренению казачьих традиций, что казачество нужно привлекать в органы власти, восстановить их избирательные права, в наименовании Советов в казачьих районах обязательно должно быть упоминание «казачьих депутатов», необходимо усилить работу среди казачек, признавалось допустимым в национальных районах с компактным проживанием казаков выделять административные единицы (например, Оренбургский район)¹.

В Оренбургской губернии в рамках выполнения решения пленума ЦК РКП(б) была создана губернская комиссия по изучению казачьего вопроса, в которую вошли представители губернского комитета РКП(б), исполнительного комитета, земельного управления и т.п. В Центре документации новейшей истории Оренбургской области в фонде № 1 Оренбургский губернский комитет ВКП(б) хранится 4 дела, относящихся к периоду деятельности комиссии: дела 630, 632 – материалы комиссии по изучению казачьего вопроса в Оренбургской губернии; дело 631 – материалы об Оренбургском казачестве в прошлом и настоящем; дело 634 – доклад инструктора губернского комитета ВКП(б) Е. Долгополова о положении казачества в Оренбургской губернии с 1912 по 1925 годы.

Материалы по изучению казачьего вопроса содержат доклады, информации, обзоры, аналитические записки о состоянии казачества. Красногорский сельсовет в докладе о положении казачества констатировал, что казачество жило хуже, чем малоземельное крестьянство².

По заданию орготдела губкома РКП(б) сотрудники губисполкома, губземуправления организовывали поездки с целью определить политическое настроение казаков и экономическое состояние их хозяйств и быта. Одна из таких поездок состоялась в феврале 1925 г. в станицы Никольскую и Краснохолмскую Ново-Павловской волости. В станице Никольской заведующий губземуправления Д.В. Фурсов и инструктор губземуправления И.С. Еюкин собрали три группы по 3-5 человек и провели с ними беседы, причем группы формировались однородные по экономическому и политическому признаку – зажиточные казаки (3 человека), казаки-середняки (5 человек), беднота (3 человека). В станице Краснохолмской беседы организованы с двумя группами: старые командиры казачьих полков 1918 – 1920 гг., воевавших на стороне Красной Армии (3 человека), ответственные работники Краснохолмского волисполкома, учреждений волости и райкома РКП(б) – все не из казаков (8 человек). Беседы проводились по следующим вопросам: взимание единого сельскохозяйственного налога, организация землепользования, лесов и луговых угодий, казачий вопрос, отношение казаков к КССР, лишение права голоса в выборную кампанию и обложение 30-рублевым налогом, разные слухи, разговоры и жалобы казачьего населения. Доклад по итогам данной поездки был представлен в бюро Оренбургского губкома РКП(б) и засекречен³.

Каждый уезд в губком РКП(б) представлял информационные сводки по национальному и казачьему вопросам, в которых отражались общая информация об уезде, численный и национальный состав населения, взаимоотношения национальных меньшинств с крестьянством, политическое состояние уезда, распространение религий, культурно-просветительская работа, положение казачества⁴.

Комиссией на основе проделанной работы были сделаны выводы, что работа по выполнению решения апрельского пленума ЦК РКП(б) Оренбургским губкомом РКП(б) велась неудовлетворительно⁵.

Итоговым документом деятельности комиссии по изучению казачьего вопроса стал доклад о положении казачества в Оренбургской губернии с 1912 по 1925 гг. инструктора организационного отдела Оренбургского губкома РКП(б) Е. Долгополова, на котором мы остановимся более подробно. Доклад объемом 130 страниц состоит из 14 глав, 30 приложений, 49 таблиц. Главы с 5, кроме 7 и 8, по признанию автора, носят вводный характер, т.к. составлены при отсутствии исчерпывающих материалов от соответствующих губернских учреждений⁶. В докладе приводится краткая история Оренбургского казачества, а также приведены данные о положении казачества в 1925 году, причем все данные сравниваются с 1912 – 1913 годами.

Первая глава посвящена характеристике территории, на которой располагалось Оренбургское казачество до революции и после окончания гражданской войны – в 1925 г. у казаков осталось лишь 82 % от прежней площади⁷.

Во второй главе анализируется состав населения, в том числе по плотности расселения, национальному составу, числу населенных пунктов по количеству хозяйств, социальному составу населения в казачьих и крестьянских хозяйствах, естественному движению населения: в 1925 г. казаков числилось 73,8 % от их количества в 1913 г., коэффициент рождаемости в казачьих волостях Оренбургского и Орского уездов в 1924 г. составлял 45,6 %, в крестьянских волостях – 40,6 %, коэффициент смертности в казачьих волостях – 26,8 %, в крестьянских – 21,4 % - большую смертность среди казачьего населения по сравнению с крестьянством автор доклада объясняет ухудшением экономических условий⁸.

В третьей главе описаны занятия населения – полеводство, луговодство, скотоводство, птицеводство, коневодство, пчеловодство, садоводство, рыболовство, промыслы (звериный, соляной и горный,

кустарные); торговля и кооперация (в качестве приложения приведен список базаров по Оренбургскому и Орскому уездам, главными предметами торговли которых были сельскохозяйственные продукты). В главе приведены данные по распределению земельных угодий в 1913, 1915, 1924 гг., посевной площади (с 1925 г. в казачьих хозяйствах наблюдалось расширение посевной площади), сравнительные данные об урожайности, наличии сельскохозяйственного инвентаря и т.п.⁹.

Четвертая глава посвящена землеустройству губернии, составлена губернским земельным управлением. Пятая глава – сельскохозяйственной кооперации, коллективным формам хозяйства. Шестая – оказанию агропомощи (приведены сведения о сети агрономических участков, обслуживающих хозяйства как крестьян, так и казаков).

Седьмая глава характеризует политическое состояние станиц – казаки описываются как общественники и активисты, способные «высидеть» на собраниях по 6 часов, они сильно привязаны к религии, причем зажиточные «демонстративно подчеркивают связи с церковью», а бедняки постепенно отходят от веры, антирелигиозная пропаганда на местах практически не ведется, распространено сектантство¹⁰. В станицах проживали зажиточные казаки, которых часто называли кулаками, они критиковали советскую власть, но официальных группировок не создавали. Также среди жителей были и «китайцы» – бывшие белые казаки, вернувшиеся из Китая, вели себя «смирно», претендовали на право голоса при выборах в Советы, атаманы и офицеры среди них пользовались «значительным влиянием»¹¹.

Восьмая глава посвящена состоянию партийных организаций, приведены данные о партийности казаков. Девятая глава – советскому аппарату. Десятая – здравоохранению, данные о сети медицинских учреждений приведены только по Оренбургской уезду. В одиннадцатой главе проанализирована грамотность как среди крестьян, так и среди казачества – автор на основании сведений губернского статистического бюро приходит к выводу, что около 50 % казачьего населения – неграмотны, но вместе с тем, казаки грамотнее крестьян¹².

Двенадцатая глава посвящена военному делу – военно-спортивная подготовка в местностях, населенных казаками, в 20-е годы XX века проводилась лишь во время сборов допризывников. Отношение

казачьей молодежи к военному спорту хорошее: в 1924 – 1925 гг. по 11 казачьим волостям Оренбургского уезда допризывную подготовку прошли 95,8 % казачьей молодежи 1903 года рождения, дезертирство наблюдалось в исключительных случаях. Однако в волостях не было организовано кружков физической культуры, казачья молодежь интересовалась кавалерийскими упражнениями, но они не проводились¹³.

В тринадцатой главе характеризуется работа среди батрачества – в казачьих волостях, по данным Рабземлеса, числился 3341 батрак, трудовые договоры были заключены с 2700 батраками, из них 15 – 20 % не являлись казаками¹⁴.

Заключительная, 14 глава, посвящена казачьим комитетам общественной взаимопомощи – комитеты практически бездействовали: у многих работников возникали мысли «об их бесполезности», зажиточное население считало их «чуждыми организациями», бедняки – «органами собеза»¹⁵.

Таким образом, хранящиеся в Центре документации новейшей истории Оренбургской области документы комиссии по изучению казачьего вопроса в Оренбургской губернии в 1925 г. позволят исследователям проанализировать положение казачества после гражданской войны, изучить место, которые они занимали среди всех слоев населения, и меры оказываемой им поддержки.

Примечания:

¹ КПСС в резолюциях и решениях 1989 – 1925 гг. съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть 1. Издание седьмое. – М., 1953. – С. 932 – 934.

² ЦДНПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 630. Лл. 1 – 3 об.

³ Там же. Лл. 28 – 33.

⁴ Там же. Лл. 34 – 42, 104 – 104 об., 109 – 119. Д. 632. Лл. 1 – 26.

⁵ ЦДНПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 631. Лл. 31 – 36.

⁶ Там же. Д. 634.

⁷ ЦДНПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 634. Лл. 1 – 3.

⁸ Там же. Лл. 4 об, 10 об. – 11, 15.

⁹ Там же. Лл. 15 – 87.

¹⁰ Там же. Лл. 98 – 98 об.

¹¹ Там же. Л. 99 об.

¹² Там же. Л. 104.

¹³ Там же. Лл. 105 – 105 об.

¹⁴ Там же. Лл. 105 об. – 106.

¹⁵ Там же. Л. 106.

Савинова Т. Н. (г.Оренбург)

ЧЛЕНЫ ВОЕННО-НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА ОРЕНБУРГА (1920-е гг.)*

Первое Военно-научное общество (ВНО) было создано в СССР 13 октября 1920 г. в академии Генштаба РККА для изучения и обобщения боевого опыта Гражданской войны с целью использования результатов при переподготовке командного состава. Затем военно-научные общества были организованы практически во всех военных академиях. Число его членов к осени 1924 г. составляло около 50 тыс.¹, в 1925 г. – превышало 30 тыс.²

В Оренбурге в 1920-1925 гг. работало региональное отделение ВНО – Киргизское окружное военно-научное общество (ОВНО Киркряя). В 1920-е гг. Оренбург продолжал оставаться крупным военным центром, где базировались военные формирования и учебные заведения. В разные годы здесь работали 18-я пехотная школа комсостава (образована в 1918 г.³, с 1924 г. – Объединенная военная школа им. КазЦИКА (КирЦИКА)⁴), 3-я кавалерийская школа комсостава Красной Армии (бывшие кавалерийские курсы; в Оренбурге функционировала до марта 1923 г.⁵) киргизская краевая военная школа физического образования (до 1 октября 1923 г. – Оренбургская школа политинструкторов физобразования⁶; ликвидирована в 1925 г.⁷), дивизионная школа XI кавдивизии. Инициаторами создания и членами ОВНО Киркряя, судя по обнаруженным документам, были сотрудники военных учебных заведений Оренбурга, среди которых: Н. Григорьев, А.Ф. Рязанов, Л.А. Красков, И.Ф. Ильиных.

Председателями Военно-научного общества были **Н. Григорьев** (1923 г.), служил начальником 3-ей кавшколы, являлся краевым военным комиссаром⁸ (в 1923 г. киркрайвоенком, уполномоченный Реввоенсовета⁹), **С. Малышев** (1924)¹⁰.

Ответственным секретарем Окружного военно-научного общества Киркряя с 1 апреля 1923 г. по 1 июля 1924 г.¹¹ являлся **Александр Федорович Рязанов** (1879-1929) – боевой офицер, педагог и историк. В 1902 г. он окончил Оренбургское юнкерское училище, в 1920 г. сдал экзамен на звание преподавателя вузов Красной армии в московском военно-педагогическом институте. Свою специальность

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-13-56002.

он определял как историк, краевед. С 14 декабря 1919 г. по 1 февраля 1923 г. А.Ф. Рязанов был преподавателем военных наук и начальником учебной части в 3-ей оренбургской кавшколе комсостава Красной Армии¹². В характеристике, данной ему председателем ОВНО Н. Григорьевым в октябре 1923 г. говорится: «Моя оценка отличной военно-педагогической деятельности т. Рязанова <...> зафиксирована в приказах по школе. Работа тов. Рязанова была высоко полезной. Свыше трехсот красных командиров, преподавателем и воспитателем которых был тов. Рязанов, хранят о нем самую хорошую память, как о прекрасном педагоге <...>. Уволенный в бессрочный отпуск по независящим от него причинам в феврале 1923 г. тов. Рязанов с 1 апреля работает в качестве ответственного секретаря ОВНО Киркряя и в этой должности много содействовал успеху военно-научной работы ОВНО Киркряя, которая удостоилась отличного отзыва Центрального ВНО»¹³. В другой характеристике, данной ему председателем ВНО С. Малышевым, заместителем председателя Веселаго и членом президиума Агафоновым сообщается, что А.Ф. Рязанов зарекомендовал себя хорошим организатором военно-научной работы в Киркряе и в качестве научного сотрудника выступил с докладами «Значение кавалерии в современной войне и ее разведывательная деятельность», «Муштра как метод обучения и воспитания войск», «Проблема милиционерной системы армий», «Очерк развития военной авиации». По оценке коллег ОВНО Киркряя, доклады А.Ф. Рязанова были признаны ценным вкладом в «материалы ВНО». К тому же он был избран ответственным корреспондентом военно-научного общества и напечатал ряд статей, посвященных вопросам военно-научной работы как в местной, так и столичной печати (газетах «Советская степь» и «Красная Звезда», журналах «Советская Киргизия», «Техника и снабжение Красной Армии»)¹⁴. В последующие годы А.Ф. Рязанов работал научным сотрудником Центрального архива Казахстана, сотрудником Губархивбюро, но в 1927 г. был уволен. В начале января 1929 г. М.В. Рязанова, его жена, была вынуждена обратиться в Оренбургский отдел Русского географического общества с просьбой о скорейшей выплате ей гонорара за изданный очерк мужа «На стыке борьбы за степь» для поездки к больному А.Ф. Рязанову в Ленинград, т.к. материальное положение семьи было крайне тяжелым¹⁵. В 1924-1928 гг. вышли в свет несколько его научных работ¹⁶. Некоторые работы оренбургского историка так и остались неопубликованными.

На настоящий момент удалось выявить еще двух членов местного военно-научного общества – Л.А. Краскова и И.Ф. Ильиных.

Леонид Алексеевич Красков (24.05.1888, Рязань – ?) – выпускник кадетского корпуса (1900-1907), Михайловского артиллерийского училища (1907-1910), преподавательских курсов газотехники при Высшей военно-химической школе (1923), был представлен к чину подполковника. В 1925 г. служил в Оренбурге преподавателем по военным предметам, как он сам писал, в Киргизской военной школе (возможно, она называлась также «Объединенная военная школа им. КирЦИКа»), и был членом правления Военно-научного общества и председателем военно-научного кружка этой школы. Им были сделаны доклады «Химия в современной войне» и «От химии в промышленности, сельском хозяйстве и обществе к военной химии»¹⁷.

Илья Федорович Ильиных (19.07.1885, пос. Грязнушенский Кизильской станицы Оренбургской губернии – ?) свою жизнь связал с музыкой, служа капельмейстером и скрипачом оркестра, преподавателем музыки. Общее и специальное образование он получил в частных классах народной музыки Н.И. Привалова и классе военных капельмейстеров Петербургской консерватории. В 1906 г. служил музыкантом и военным капельмейстером без чина. С 1913 г. до февральской революции был руководителем музыкальных кружков при Петербургской военно-медицинской академии и др. учебных заведениях. И.Ф. Ильиных активно участвовал в революционных событиях с 1905 г., распространяя революционную литературу в гарнизоне г. Оренбурга, во время Февральского и Октябрьского переворотов 1917 г. был делегатом полкового комитета. По мобилизации оказался в войсках А.И. Дутова, где служил около 6 месяцев. В 1918 г. он перешел на сторону революционных войск и с 1919 г. был оркестрантом симфонического оркестра при политотделе Оренбургского укрепрайона, преподавателем музыки в учреждениях Губоно, руководителем музыкального кружка объединенных начальных военных школ. В 1925 г. работал в Оренбургской объединенной казахской военной школе комсостава руководителем музыкального кружка курсантов и по совместительству ответственным заведующим читальной и ленинской комнатами и руководителем музыкального кружка объединенной школы № 1 I-ой степени Губоно. С 8 июля 1925 г. И.Ф. Ильиных стал член Военно-научного общества СССР, кроме того он был членом Союза эсперантистов советских стран¹⁸, Оренбургского отдела Географи-

ческого общества (в историко-этнографической секции), как и И.Ф. Рязанов¹⁹.

В начале 1924 г. предложение стать членами ВНО поступило преподавателям краевой школы физического образования. На заседании учебного комитета было принято решение вступить в члены общества всем коллективом, организовав отдельную секцию по физической культуре при школе²⁰.

С 1925 г. ВНО СССР перешло к работе главным образом среди гражданского населения и в марте 1926 г. было переименовано в общество содействия обороне СССР (ОСО). В мае 1925 г. в Оренбурге прошло собрание командного политического и административного состава запаса, одним из вопросов которого была организация военной работы среди населения²¹. И тогда же Казахский краевой военкомат решил привлечь комсостав запаса в военно-научное общество с целью обеспечения своего рода непрерывности военного профессионального образования, считая этот способ «наиболее реальным, удобным и дешевым средством углубления связи комполитсостава запаса с кадрами» Красной Армии²².

В 1927 г. ОСО слилось с Авиахимом, образовав Осоавиахим. Военно-научное общество было воссоздано в СССР в ноябре 1956 г.²³.

Примечания:

¹ Грищенко А.Н. Военно-научное общество: от академического до всесоюзного // Воен.-ист. журн. 2011. № 3. С. 45.

² Военно-научные общества // Большая Рос. энциклопедия: В 30 т. Т. 5. М., 2006. С. 543.

³ ГБУ «ГАОО». Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1335. Л. 196.

⁴ Смычка. 1925. 19 авг. С. 2.

⁵ ГБУ «ГАОО». Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1335. Л. 59.

⁶ ГБУ «ГАОО». Ф. 1532. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

⁷ ГБУ «ГАОО». Ф. 1532. Оп. 1. Д. 2. Л. 82.

⁸ ГБУ «ГАОО». Ф. Р-1, Оп. 1. Д. 519. Л.251.

⁹ ГБУ «ГАОО». Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1335. Л. 196 об.

¹⁰ ГБУ «ГАОО». Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 519. Л. 252.

¹¹ ГБУ «ГАОО». Ф. Р-683. Оп. 1. Д. 25. Л. 14; Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 519. Л. 252.

¹² ГБУ «ГАОО». Ф. Р-683. Оп. 4. Д. 261. Л. 20.

¹³ ГБУ «ГАОО». Ф.Р-1, Оп. 1. Д. 519. Л.251-251 об.

¹⁴ ГБУ «ГАОО». Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 519. Л. 252.

¹⁵ ГБУ «ГАОО». Ф. 79. Оп. 1. Д. 28. Л. 32.

¹⁶ Исследователи Оренбургского края: (советский период): библиограф. указ. лит. Оренбург, 1993. С. 37-38.

¹⁷ ГБУ «ГАОО». Ф. 450. Оп. 1. Д. 302. Л. 15-16 об.

¹⁸ ГБУ «ГАОО». Ф. 450. Оп. 1. Д. 302. Л. 280-281 об.

¹⁹ ГАОО». Ф. 728. Оп. 1. Д. 17. Л. 20.

²⁰ ГБУ «ГАОО». Ф. 1532. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

²¹ Извещения // Смычка. 1925. 12 мая. С. 6.

²² Ольшевский Яр. К совещанию запасного комсостава г. Оренбурга // Смычка. 1925. 13 мая. С. 2.

²³ Военно-научные общества // Большая Рос. энциклопедия: В 30 т. М., 2006. Т. 5. С. 543.

Ковин В. Н. (г. Челябинск)

ВЗГЛЯДЫ М. Н. ФРУНЗЕ НА РОЛЬ МОРАЛЬНОГО ФАКТОРА В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ

Первая мировая война обусловила мобилизацию громадного количества гражданского населения. Вчерашние интеллигенты – писатели и поэты, студенты императорских университетов, институтов и коммерческих училищ встали под знамена императорской армии и помимо своего желанья очень скоро стали офицерами военного времени. В связи с громадными потерями офицерского состава в наспех созданные школы прапорщиков стали направлять учащихся коммерческих училищ и даже нижних чинов из числа лиц, имевших за плечами курс городских и уездных училищ. Этот вынужденный шаг, с одной стороны позволил решить кадровую проблему с командным составом младшего звена, с другой – привел к небывалой «демократизации» элитного прежде офицерского корпуса русской армии. Многие из прапорщиков военного времени за годы войны смогли сделать блестящую карьеру, за два-три года продвинувшись по служебной лестнице до чина капитана включительно. Именно прапорщики, подпоручики и капитаны из низов первыми восторженно встретили акт отречения императора от власти и составили костяк командного состава красной армии. Однако среди военачальников гражданской войны были и лица, прежде в армии не служившие, в которых братоубийственный конфликт пробудил прежде глубоко дремавшие военные таланты. Среди таких выдвинутых гражданской особо выделялся командарм Михаил Васильевич Фрунзе, с 1924 года ставший одним из наиболее авторитетных пролетарских военных теоретиков, сочетавших военную теорию с непосредственной деятельностью по строительству вооруженных сил советской республики. В январе 1925 года он занял пост председателя РВС и наркома по военным и морским делам СССР.

За свою довольно недолгую жизнь, Михаил Васильевич сумел сделать немало, в том числе оставил и богатое теоретическое наследие. Он пытался создать армию нового типа и в мощи и боеспособности любой армии наряду с техникой, организационным моментом и боевой подготовкой, отводил важное место политико-моральному состоянию (духовному моменту, настроению армии)¹, которому придавал большое значение: «Идите в ряды армии, крепите мораль, помня, что это является первейшим и важнейшим условием её непобедимости»². Он продолжил традицию, которую сформулировал ещё Н. В. Медем, одним из первых отечественных авторов учебника по тактике³, и продолжавшую развиваться в учебниках второй половины XIX – начала XX вв. Отечественные мыслители применяли термин «нравственная сила» для обозначения политико-морального состояния и считали его важным для достижения победы.

Проведение политической работы М. Н. Фрунзе приравнивал к новому оружию, которое в величайших размерах укрепило и увеличило боевую мощь вооружённых сил⁴. Он считал средства борьбы, используемые политическими органами, такие как агитация и пропаганда, станут добавочным мощным оружием в борьбе с армиями противника⁵. Духовный момент будет иметь большое значение в достижении успеха в будущем столкновении, в котором наша страна будет вести оборонительную, законную, справедливую борьбу. «Работа пропаганды и внутри армии и вне её – работа политического воспитания, укрепления нашего тыла в психологическом отношении – должна идти исходя именно из этой оценки характера будущей войны»⁶. В XIX в. П. А. Языков отмечал, что под влиянием нравственной силы человек преодолевает препятствия и проявляет свои наибольшие физические возможности⁷. Ф. И. Горемыкин призывал уделять большое внимание формированию нравственной силы, так как её наличие ставит войска «выше всех опасностей, порождает доверие к самим себе, готовность на все усилия, твёрдость в преодолении всех препятствий, в перенесении вех трудов и лишений, внушает единство духа и воли, не изменяющее своему долгу и призванию ни в каких бедствиях и опасностях»⁸. Материальное устройство и образование войск необходимы, но не достаточны для достижения победы.

Размышляя о подготовке солдат к предстоящей борьбе, М. Н. Фрунзе обращал внимание на необходимость учитывать роль техники. Однако не следует преувеличивать или преуменьшать её значение. М. В. Фрунзе отмечал, что успех использования техники опре-

деляется не столько физическим уничтожением, сколько морально угнетающим действием на психику воинской силы, убивая в ней способность к сопротивлению. Та сторона, которая будет формировать правильное представление о роли техники, её истинном значении и силе, никогда не будет подавлена техническим превосходством врага, будет вполне способна сражаться, так как решающее слово все же остаётся за человеком⁹. Успех в боевых действиях определяется не только физическим уничтожением противника, но и психическим воздействием на врага, парализуя в нём способность к сопротивлению.

Один из крупных военных теоретиков начал XX века генерал Н. П. Михневич считал человека главным и основным элементом вооружённых сил. Он отмечал, что на эволюцию тактических форм влияют элементы комплектования армии, к которым он относил: 1) нравственные и физические качества человека, 2) свойства лошади, 3) свойства оружия, 4) устройство снаряжения, 5) устройство продовольствие солдата. Если первые два эволюционируют достаточно медленно, то последние три постоянно совершенствуются. Изменения материальных элементов вызывают трансформацию моральной составляющей войск¹⁰. При оценке вооружения М. Н. Михневич обращал внимание, что оно оказывает влияние на обе противоборствующие стороны. Использование качественного оружия производит подавляющее моральное впечатление на противника. А наличие вооружения, не уступающего сопернику, повышает моральное настроение, придаёт уверенность в себе – вернейший залог победы¹¹. А. А. Незнамов, автор учебников по стратегии и тактике начала XX в. писал, что уверенность в совершенстве вооружении благотворно сказывается на повышении морального состояния¹².

Политико-моральное состояние армии, по мнению М. Н. Фрунзе, определяется тем, что рядовые и особенно командиры происходят из рабочих и крестьян. «Военное дело находится полностью и целиком в руках трудящихся...»¹³. Поэтому настроение армии связывает не только с непосредственной деятельностью политических органов, но с общим состоянием общества, «с процессом хозяйственного оздоровления, который сейчас имеет место в нашей стране»¹⁴. Ещё Д. А. Милютин обратил внимание на взаимосвязь вооружённых сил и общества. Численность, свойства и надёжность армии определяют «население: численность его, распределение, степень благосостояния материального, положение моральное»¹⁵. Его идею развил А. И. Астафьев, который отмечал, что войско не есть что-то отдельно

существующее, оно «не составляет отдельной части от народа. Оно живёт тою же жизнью, как и народ, и каждый воин есть вместе с тем подобный другим гражданин одной общей семьи, для защиты которой от внешних врагов он по призыву правительства обрекает свою жизнь на жертву»¹⁶.

М. В. Фрунзе обратил внимание на необходимость проводить подготовку будущих воинов в условиях, приближённых к боевой обстановке¹⁷. Он развивал идеи генерала М. И. Драгомирова и адмирала С. О. Макарова. Первый считал, что обстановка на учениях и маневрах должна быть приближена к боевой и быть реальной напряжённой, для формирования у солдат и офицеров необходимых боевых и психологических качеств. Рекомендовал проводить одиночное обстреливание солдат у мишеней, учения под траекториями снарядов, боевые стрельбы артиллерии на две стороны¹⁸. Адмирал С. О. Макаров обращал внимание на важность психологической подготовки матросов: «Человек создан так, что пойдёт на верную смерть, когда опасность ему знакома, но его пугает даже шум трюмовой воды, если он к нему не привык. Приучите людей к этому шуму, и они будут бороться с пробоинами до последней крайности»¹⁹. Он придавал большое значение выработке у матросов умения сохранить самообладание в минуту опасности. Адмирал стремился к созданию во время учений экстремальной обстановки, приближённой к реальной, и впервые предлагал приспособить специальное судно для психологической подготовки матросов.

В СССР изучение морального потенциала армии осуществлялось с позиций марксизма-ленинизма, поэтому в отечественной литературе длительное время получили широкое распространение подходы, основанные на взглядах В. И. Ленина. В выступлениях и письменных работах М. Н. Фрунзе отразилось как следование идеям руководителя первого советского государства, так и опора на предыдущий опыт российских теоретиков. Он продолжил отечественные военные традиции осмысления влияния морального фактора на состояние армии.

Примечания:

¹ Фрунзе М. В. Избранные произведения. – М., 1984. – С. 343, 422.

² Там же. С. 514.

³ Медем Н. В. Тактика // Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков. / Сост. Л. Г. Бескровный, М. В. Люшковский, Р. Ш. Сот. Под ред. Л. Г. Бескровного (*Далее: Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков*). – М., 1960. – С. 88

⁴ Фрунзе М. В. Избранные произведения. – М., 1984. – С. 147, 507.

⁵ Там же. С. 257.

⁶ Там же. С. 458.

⁷ Языков П. А. Опыт теории стратегии // Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков... – М., 1960. – С. 140.

⁸ Горемыкин Ф. И. Руководство к изучению тактики // Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков... – М., 1960. – С. 201

⁹ Там же. С. 460-461.

¹⁰ Михневич Н. П. Тактика и её эволюция в зависимости от условий комплектования войск и технических изобретений данной эпохи // Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков... – М., 1960. – С. 446.

¹¹ Михневич Н. П. Основы стратегии // Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков... – М., 1960. – С. 468-469.

¹² Незнамов А. А. План войны // Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков... – М., 1960. – С. 711.

¹³ Фрунзе М. В. Избранные произведения. – М., 1984. – С. 426.

¹⁴ Там же. С. 368.

¹⁵ Милютин Д. А. Первые опыты военной статистики // Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков... – М., 1960. – С. 176.

¹⁶ Астафьев А. И. О современном военном искусстве // Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков... – М., 1960. – С. 252.

¹⁷ Там же. С. 206.

¹⁸ Драгомиров М. И. Подготовка войск в мирное время (воспитание и образование) // Драгомиров М. И. Избранные сочинения. – М., 1956. – С. 603.

¹⁹ Морской сборник. Неофициальный отдел. – 1876. – №1. – С. 39-40.

Надршин Ф. М. (г.Оренбург)

ЖИЗНЬ И СУДЬБА МЯТЕЖНОГО КОМБРИГА

Видный государственный и военный деятель Башкирии и России Муса Лутович Муртазин родился 20 февраля 1891 г. в деревне Кучуково Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии (в настоящее время д. Кучуково-Маяк Учалинского района Республики Башкортостан). Лишившись отца в семилетнем возрасте, ему пришлось столкнуться с огромными лишениями, батрачить, быть лесорубом, работать на шахтах. Позже, вспоминая эти годы, он писал, что «вся его жизнь была жизнью батрака и чернорабочего». В 1912 г. Муса был призван на военную службу, а с 1914 г. в составе русской армии участвовал в первой Мировой войне. Он служил в 9-й стрелковой Сибирской бригаде, которая воевала против германских и румынских войск. 16 августа 1916 г. был ранен в голову. Октябрьскую рево-

люцию 1917 г. встретил в своей родной волости. По возвращении в Башкирию политически определился не сразу, но включившись в национальное движение, склонялся к его радикальному течению, которое возглавил Ахметзаки Валидов. Из-за сложной военно-политической обстановки в стране политическому руководству башкирского национального движения приходилось идти на временные компромиссы с противоборствующими в России силами. Летом 1918 г. М. Муртазин в составе Башкирского войска участвовал в формировании 1-го конного полка, который сражался с красными частями. Он был назначен его командиром, получил офицерский чин корнета. 18 – 19 февраля 1919 г., в соответствии с решением Башкирского правительства, вместе со своим полком Муртазин перешел на сторону Красной Армии в районе Кананикольского завода и сразу же включился в борьбу с войсками белых в составе 20-й Пензенской стрелковой дивизии. Но вскоре из-за плохого отношения военного и политического руководства красных к полку, угрозы его разоружения и репрессий Муртазин организует заговор с целью возвращения к белым. Его возмущали многочисленные факты бесчинств со стороны военнослужащих Красной Армии как в отношении башкирских бойцов, так и мирного башкирского населения [1]. Он не терпел унижений и всегда вставал на защиту своих солдат и офицеров, что приводило к постоянным стычкам. 23 марта 1919 года, не подчинившись необоснованному приказу – разоружиться, Муса Муртазин увел свой полк в лагерь противника. Однако, в то же время он усиленно вербует башкир из армии белых, предпринимает всевозможные меры, чтобы не вступать в открытые бои с красными частями и, расширив свой полк до бригады, заранее условившись с З. Валидовым об обратном переходе, уводит своих солдат от атамана Дутова. Переход состоялся 18 августа 1919 г., его условия и план действий были заранее обговорены с командованием 24-й дивизии Красной Армии. Позже М. В. Фрунзе этот переход назовет «уникальным единичным случаем». Почти сразу же бригада была введена в бой вместе с этой дивизией, входившей в Первую армию. К тому времени, 15 августа, был образован Туркестанский фронт под командованием М. В. Фрунзе, в который была включена и упомянутая армия. Муртазин участвует в боях на этом фронте почти вплоть до разгрома Южной, затем воссозданных отдельной Оренбургской и Уральской казачьих армий. В январе 1920 г. он со снятой с фронта бригадой находится в селе Каргала.

После отдыха и лечения бойцов и командиров 29 апреля 1920 г. Муса Муртазин выезжает со своим подразделением на Юго-Западный (польский) фронт и 7 мая прибывает на станцию Бобровица близ г. Нежин. Там бригада включается в состав 12-ой армии и вначале действует совместно с 7-ой стрелковой дивизией. Немного позже к ним присоединяется прибывший из Петрограда 1-й башкирский конный полк. Его соединение участвует 12 июня в освобождении Киева. В те же дни, к 13 июня, формируется конная группа 12-й армии, вобравшая в себя и башкирскую бригаду. Командующим этой группы назначается Муртазин. 18 июня ею были предприняты неоднократные попытки переправиться через реку Стыр и выбить польские части с ее северо-западного берега. Эти попытки, приведшие к большим потерям, оказались неудачными. 23 июня Муртазин был снят с должности и выбыл в тыл фронта.

По вызову М. Муртазин возвращается на родину. В Стерлитамаке руководством Башкирской республики в середине августа он назначается наркомом по военным делам. В 1921 г. участвует в подавлении Западно-Сибирского (Ишимско-Петропавловского) крестьянского восстания. В 1922 г. избирается председателем ЦИК Башкирии и членом обкома партии. Это был одним из самых сложных периодов нашей отечественной истории, связанной, в первую очередь, с голодом, доходившим до людоедства и разрухой. Много усилий было приложено М. Л. Муртазиным в дело организации распределения продовольственной помощи, поступавшей из США через организацию АРА. Он открыто заявил тогда, что «каждый башкир, выживший в весну 1922 года, должен быть благодарен за это АРА»[2]. Неоценима многоплаовая и энергичная работа Мусы Муртазина во благо республики и его многонационального народа. Он смело решает первоочередные, насущные задачи. С ним считаются как в Башкирии, так и в Москве, авторитет его непререкаем.

Тогда же начинается и его многолетняя военная служба в составе Красной Армии. В 1922 – 1924 гг. он учится на Высших командных курсах, а в 1924 г. поступает в Военную Академию им. М. В. Фрунзе, которую окончил в 1928 г. Затем последовала служба на командно-штабных должностях до 1937 г., в частности, в должности начальника 2 отделения отдела НКО по ремонту конского состава РККА. В 1935 г. ему было присвоено звание «комбриг», за военные заслуги он награждался тремя орденами Красного Знамени и почетным серебряным оружием. В 1937 г. М. Л. Мурта-

зин был незаконно репрессирован: на основании ордера НКВД СССР № 2080 от 31 мая 1937 года он был арестован. Приговором Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 27 сентября 1937 г., Муса Лутович Муртазин был осуждён по ст.ст. 58-1б, 58-8, 58-11 УК РСФСР к высшей мере уголовного наказания – расстрелу. Место его последнего, вечного успокоения – Донское кладбище в г. Москве: общая могила №1 невестребованных прахов жертв политических репрессий. В 1956 г. дочь Мусы Муртазина Зубаржат Мусовна обратилась с прошением о реабилитации своего отца к депутату Верховного Совета СССР, Маршалу Советского Союза С.М. Будённому, который сыграл решающую роль в возвращении ему доброго имени. В письме к Главному военному прокурору от 4 апреля 1956 г. легендарный полководец гражданской войны писал: «Направляю Вам прошение гражданки Муртазиной З.М. об ускорении пересмотра судебного дела её отца, бывшего комбрига Муртазина М.Л., арестованного в 1937 г. Муртазина М.Л. знал по работе в Инспекции Кавалерии Красной Армии только с положительной стороны и считаю, что врагом нашей партии и советского народа он быть не мог». Реабилитирован М.Л. Муртазин посмертно в 1956 г.

Важным событием в военно-исторической науке стал выход в 1927 г. книги Мусы Муртазина «Башкирия и башкирские войска в гражданскую войну». Во время учебы в Военной Академии он находит время и собирает большой документальный материал по истории башкирского народа и становлению башкирского военного дела за десять веков. Книга написана «по горячим следам» с использованием дневниковых записей автора и многочисленных документов из архива РККА, насыщена описаниями и схемами боевых действий и позволяет современному читателю ощутить дух того трагического и противоречивого времени. Она состоит из двух частей. Первая вводная часть посвящена краткому описанию истории башкирского народа. Во второй части описываются события Гражданской войны, связанные со становлением Советской власти на территории Башкирии, Южного Урала, с обороной Петрограда в 1919 г. от войск генерала Юденича, военными действиями на Польском фронте в 1920 г. В 1937 г. весь тираж книги был изъят из обращения. Ее новое второе издание от 2007 г. без изменений воспроизводит первое, добавлено лишь предисловие и архивные фотоматериалы. Уникальная, имеющая до сих пор особую общественную и научную ценность, книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей России

XX века... Судьба книги: «Башкирия и башкирские войска в Гражданскую войну» напоминает судьбу ее автора. Она была запрещена и только единственные ее экземпляры хранились в спецхранах центральных библиотек. Например, в спецхране Российской Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (в настоящее время Российская Государственная библиотека) сохранилось два экземпляра. В годы перестройки и гласности книга в 1995 г. была «реабилитирована» – передана из спецхрана в общее хранение и стала доступной для читателей библиотеки.

Некоторые исследователи не без оснований сравнивают Мусу Муртазина с другим мятущимся героем гражданской войны с трагической судьбой – Григорием Мелеховым. Он, как и герой романа М.А. Шолохова «Тихий Дон», тоже стал участником жестокой, братоубийственной войны не по своей воле и не сразу смог пристать к определенному «берегу». Даже в одной семье, разные её члены могли находиться тогда по разные, враждебные, непримиримые друг другу, стороны. Миллионы людей были вовлечены в эту бойню или, боясь смерти, бежали из России. Многие попадали по разные стороны, как по убеждению, так по призыву, так и по принуждению. Гражданская война была внациональной и классовой по своей сущности. В СССР нахождение в белой армии, долгие годы, даже десятилетия считалось серьезнейшим проступком, равносильной измене Родине. На всех россиян, воевавших на стороне противников Советской власти, наклеивался несмываемый ярлык «белобандит». Это клеймо имело для их большинства роковые последствия – послужило основанием для их физического уничтожения в период массовых политических репрессий и беззакония.

Муса Лутович Муртазин прожил яркую, но короткую жизнь, оставив неизгладимый след в истории Башкортостана и России. Именем Муртазина названы улицы в городах Сибай, Учалы, в сёлах Старый Сибай, Темясово, Учалы. В Учалинском районе учреждена премия его имени. В 1991 г., к 100-летию со дня рождения, в д. Кучуково-Маяк Учалинского района Республики Башкортостан, создан музей Мусы Муртазина.

Примечания:

¹ Муртазин М.Л. Башкирия и башкирские войска в гражданскую войну. – М., ИН-САН, 2007. С. 186 – 191.

² Усманов Н. Голод. Бельские просторы. 2009/№2.

Лутцев М. В. (г. Оренбург)

ДВЕ ВОЙНЫ (ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕТРОСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ)

Приближающаяся столетняя годовщина начала Первой мировой войны вновь вызвала всплеск интереса к этому все более и более удаляющемуся от нас минувшему XX веку, веку жестокому и кровавому, «подарившему» человечеству две самых кровопролитных войны за всю его историю. Для России он был особенно тяжелым и трагическим, ибо в этих войнах она не только приняла самое непосредственное участие, но и понесла многомиллионные жертвы. И так уж распорядилась история, что отношение к этим войнам и оценки этих событий, их роли в нашей истории не только не тождественны друг другу, но и прямо противоположны.

О Второй Мировой, (прежде всего о той ее части, которая у нас в стране называется Великой Отечественной) сказано очень много. На наш взгляд это было самым выдающимся событием минувшего XX века. О ней сняты (и продолжают сниматься) десятки фильмов, написаны сотни литературных произведений: романов, повестей, поэм и песен, тысячи статей и очерков, ей посвящено великое множество научных работ. Мы знаем ее полководцев, героев и «антигероев», знаем ее битвы, победы и поражения. Так что сказано о ней и много, и одновременно ... мало. Многое из той войны по различным причинам скрывалось, а многое еще не известно в силу масштабности события, так как до некоторых эпизодов у исследователей просто «не дошли руки».

Столь пристальный интерес к Великой Отечественной не случаен: слишком уж грандиозным, возможно, самым важным в нашей недавней истории было это событие, слишком многое с ней было связано. «Великой Отечественной» она называется по полному праву, ибо великим в ней было все: масштабы битв на полях сражений и в тылу, масштабы потерь и поражений и сам масштаб Победы. Победа в этой войне над столь серьезным противником, как гитлеровская Германия и ее союзники – предмет заслуженной гордости нашего народа и одна из тех «духовных скреп», соединяющих современное разрозненное российское общество. Справедливо утверждение А.В. Суворова: «война считается незаконченной, пока не похоронен последний солдат». А до этого еще очень далеко.

В отличие от Великой Отечественной, Первой Мировой в России повезло куда меньше. Ее по праву можно считать забытой войной, более забытой, нежели например произошедшую веком ранее Отечественную войну 1812 г. В течение практически всего советского периода ее клеймили как империалистическую, захватническую со всех сторон, в том числе и со стороны России. Было приказано забыть ее битвы, победы и поражения (смутно помнили разве что о Брусиловском прорыве 1916 г.), предать забвению ее солдат, офицеров и генералов, как павших, так и живых. Ее рассматривали лишь как пролог к Октябрьской революции, которая с одной стороны положила конец участию России в этой войне, а с другой (все по Ленину) – развязала куда более жестокую и кровавую, нежели Первая мировая, Гражданскую войну. Многие из участников «той» (Первой мировой, германской) войны в годы войны гражданской оказались «по ту» сторону баррикады, воевали против сил, пришедших к власти в России после Октябрьской революции (или большевистского переворота, кому как угодно). Воевали и проиграли, и либо погибли, либо вынуждены были эмигрировать из России. О Колчаке, Корнилове, Деникине, Юдениче большинству наших сограждан известно (если вообще известно) как о деятелях «белого» (т.е. антисоветского) движения, а не как о полководцах и флотоводцах Первой мировой, показавших себя очень достойно. О других же ее участниках, менее знаменитых, не известно практически ничего. Да и тем, кто в годы революции и гражданской войны перешел на сторону советской власти и служил ей (а это, за редким исключением, практически все полководцы Красной Армии Гражданской и Великой Отечественной войн), об участии в Первой мировой «рекомендовано» было не вспоминать, хотя в том, что для России эта война сложилась неудачно, их вины нет. Историю, как известно, пишут победители, а им было «угодно» «из классовых соображений» предать эту войну забвению или, по меньшей мере, обойти ее вниманием. А между тем, в России до Октябрьской революции ее называли Великой и даже второй Отечественной войной. И уж конечно ее никто не рассматривал как войну агрессивную. Так может быть стоит восстановить историческую справедливость, и не принижая значения в нашей истории Великой Отечественной войны, определить достойное место в ней и Первой мировой? Ей Богу, она этого заслуживает.

Любая война – это, прежде всего, один из тех «моментов истины», тех переломных рубежей социальной истории, в которые характерные особенности государства, общества и личности проявляются осо-

бенно четко и наглядно. Любая война, независимо от времени ее протекания и сторон в ней участвующих – это, прежде всего, вооруженная борьба человеческих масс, сплоченных общими идеями и ценностями, моральными нормами и нравственными качествами, борьба идей и идеологий.

Во всех войнах много как общего, так и различного. И сравнение Великой Отечественной и Первой мировой это лишний раз подтверждает. Для того чтобы уяснить это, попытаемся проанализировать те факторы, которые определяли их характер, ход и исход, как объективные, так и субъективные.

Начнем, прежде всего, с факторов объективных, внешних, в меньшей степени зависящих от самой России, ее народа и правителей. К таковым, по нашему мнению относятся факторы: исторический, геополитический и природно - географический.

1. Исторический фактор – это, прежде всего, характер войны. Можно соглашаться либо нет, с мнением марксистов о делении войн на справедливые (оборонительные) и несправедливые (агрессивные), но оборона своей страны от внешней агрессии в глазах любой идеологии (за исключением разве что некоторых современных версий либерализма), абсолютно оправдана. Великая Отечественная война потому и получила такое название, что она была самой, что ни на есть оборонительной. До начала войны СССР сделал все от него зависящее, для того, чтобы этой войны избежать. Как бы не относились к довоенной политике СССР, как бы не критиковали ее за пакт Молотова - Риббентропа, за «раздел» Польши, за «оккупацию» Прибалтики, за «агрессию» против Финляндии, после 22 июня 1941 г., все это историей перечеркивается. Агрессором является тот, кто нападает первым, а жертвой – тот, на кого нападают. И то, что жертвой агрессии стал именно СССР, вызывает сомнения только у самых отъявленных ненавистников любой России, неважно – «коммунистической» или «демократической», упорно нежелающих признать историческую объективность и игнорирующих исторические факты.

Но ведь и Российская империя 1914 г. была практически в аналогичной ситуации. Не она напала на Германию и Австро-Венгрию, напротив, они объявили ей войну. Получается что Россия опять не агрессор, а жертва агрессии, вынужденная обороняться. До 1 августа 1914 г. Россия также как и СССР до 22 июня 1941 г. приложила максимум усилий для избегания войны. В отличие и от противников (особенно Германии), заинтересованных в очередном переделе мира и от

союзников (Англии и Франции, крупнейших колониальных держав), желавших сохранить свои владения от посягательств новых центров силы, у России намерение было более чем скромным, пожалуй, чисто символическим: «поднять крест над Святой Софией» (т.е. установить контроль над черноморскими проливами, обеспечив, таким образом, безопасность своих южных рубежей и возможность экспортировать через проливы свои товары). Разумеется, цель «империалистическая», «захватническая», но масштабы, как говорится... далеко не те.

Как бы не относились советскому руководству, не его вина в том, что война началась. СССР не зря стремился если не предотвратить, то хотя бы оттянуть войну, и отнюдь не только из-за «природного миролюбия». В политике этот фактор не актуален. Просто к июню 1941 г. он не был к войне готов. За предвоенное десятилетие для подготовки страны к обороне было сделано чрезвычайно много. Армию и флот увеличили и оснастили современным вооружением, в целом не уступавшим зарубежным аналогам. Это удалось сделать потому, что за период 30-х годов СССР осуществил радикальную модернизацию, превратившись из аграрно-индустриальной страны в страну индустриальную. Путем строительства десятков заводов, фабрик, электростанций, была создана мощная индустриальная база в восточных районах страны, на основе которой, после первых успехов гитлеровского «блицкрига» летом – осенью 1941 г. и ковалось победа. Была ликвидирована неграмотность, что тоже было важно для будущей войны (грамотный солдат воюет эффективнее). Этот колоссальный рывок был сделан ценой столь же колоссальных материальных затрат и человеческих жертв (коллективизация, голод, раскулачивание и репрессии 1936 – 1939 гг.), но результат был очевиден и грандиозен. И все же этого оказалось недостаточно, что и показал первый период войны.

Но ведь аналогичную политику проводила и Российская империя. Уже с начала XX в. российские власти активно проводили миротворческую политику. Российская империя, так же как и СССР, понимая неизбежность грядущей войны, готовилась к ней, хотя также стремилась ее предотвратить. Уступая некоторым своим потенциальным противникам (и союзникам) по ряду промышленных и военно-технических показателей, Россия быстро их догоняла и к 1913 г. по некоторым, наиболее важным, смогла догнать. Темпы развития российской промышленности на 1913 г. были самыми высокими в мире, достаточно высоким был и уровень ее развития. По экспорту же про-

дукции сельского хозяйства Россия превосходила всех своих конкурентов вместе взятых, несмотря на его техническую отсталость. По уровню грамотности Россия отставала от своих противников и союзников, но темпы развития образования (в т.ч. высшего) были также самыми высокими в мире. И заметим, все это делалось не «революционным», а «эволюционным» путем, без чрезмерного напряжения и без жертв, что выгодно отличало «царскую» модернизацию от «советской». Так что говорить о заведомой ее обреченности России на военно-политическое поражение от своих более развитых основных противников по причине ее технической, экономической и собственно военной отсталости можно с определенной долей условности. Но и этих усилий, как и в случае с СССР в 1941 г. оказалось недостаточно. Война в 1914 г. также как и в 1941 г. началась с неудобное для России время, в период подготовки и перевооружения войск. Времени вновь не хватило.

Геополитический фактор. Так уж распорядилась история, что наиболее тяжелые оборонительные войны, которые вела Россия, военная угроза для нее исходила исключительно с Запада. Действительно, после свержения ига Золотой Орды, значительно задержавшего развитие России, создания единого централизованного Русского государства и последующего присоединения (как военного, так и мирного) земель на Востоке и на Юге, все войны России на этом геополитическом направлении хотя и продолжались впоследствии в течение нескольких столетий, не носили сколь-либо принципиально важного для существования нации и государства характера.

Иное дело – западное направление (не столько географическое, сколько цивилизационное). Россия всегда стремилась полноправным членом войти в «семью» самых сильных и развитых европейских государств. Последние, однако, этого отнюдь не желали. Они всегда считали Россию страной дикой, варварской и пытались всяческими способами довлеть над ней, периодически прибегая к способу прямой военной агрессии.

Для оправдания же своих агрессивных акций против России, при этом, они всегда использовали всякого рода фальшивые тезисы о якобы извечной агрессивности «азиатско – славянских» народов, заложенной в самой их природе и являющейся главной движущей силой российской истории. Агрессоры всегда выставляли свои войны против России как неизбежную и справедливую войну всей «цивилизованной» Европы против «варварской» России. И такова уж оказалась

историческая судьба России, что с момента начала своей истории она вынуждена была отстаивать свое право на суверенитет, на независимое развитие перед более развитыми и одновременно более агрессивными западными державами, желающими ее поработить. И так уж случилось, что наиболее опасным врагом для России на западном направлении стала именно Германия, и именно русско-германские войны стали самыми кровопролитными в бесконечном множестве европейских войн.

Война СССР с гитлеровской Германией была войной не только межцивилизационной, но и идеологической, т.е. самой жестокой и беспощадной, войной на уничтожение. Известно, что вожди нацистской Германии в 1941 – 1945 г. не скрывали своих целей в отношении России (СССР). Согласно «плану ОСТ», предполагалось не просто разгромить Россию как государство, но полностью уничтожить ее как политическую и как этнокультурную целостность, истребив большую часть ее населения. Оставшихся в живых превратить в бесплатную, низкоквалифицированную рабочую силу для обслуживания «высшей расы», «расы господ», «арийцев». Разумеется, условия жизни, на которые обрекались эти остатки населения России, должны были быть ужасными, настолько, чтобы обеспечить их максимально быструю дегенерацию и вымирание.

Разумеется, кайзеровская Германия по отношению к России по большинству показателей отличалась от Германии гитлеровской в лучшую сторону. В планах кайзеровского военно-политического руководства был и военный разгром России, и ее капитуляция и навязывание крайне невыгодного для нее мира, по которому Россия теряла ряд важных территорий на Западе: Польшу, Прибалтику, Украину, Белоруссию. Фактически после окончания войны, Россия переставала быть великой державой и переходила под контроль Германии. И все же о полном уничтожении России речь не шла. Идеологического противостояния между Германией и Россией не было, только цивилизационное. Это в значительной степени смягчало их противоборство. Тем более, кайзер и царь были родственниками, и «кузен Вилли» вряд ли стал бы лишать «кузена Ники» всех владений и права на власть. Все же некоторые правовые и моральные нормы в отношениях между участниками в «той» войне еще действовали. В Великую Отечественную речь о них уже не шла.

В этом цивилизационном противостоянии с Западом Россия вела свои войны не с какой-либо одной конкретной из стран Запада (в

данном случае – с Германией), а с целой коалицией стран – агрессоров. В Великую Отечественную СССР противостоял не только самой нацистской Германии, но и ее странам – сателлитам. Поживиться при разделе большого и богатого русского пирога хотели многие. К гитлеровскому «походу на Восток» присоединились: Австрия (в этот период – часть Германии), Венгрия, Румыния, Словакия, Хорватия (НГХ), Финляндия, Италия, Испания. Объявила войну СССР и Болгария, хотя прямо в военных действиях с СССР не участвовала. Если же добавить к ним «добровольческие» формирования из других стран Европы, то невольно вспоминаешь пушкинское, сказанное им о войне 1812 г., но справедливое и в отношении Великой Отечественной: «Не вся ль Европа здесь была?». Разумеется, в случае победы над СССР им достались бы лишь «объедки» со стола главного победителя – Германии, но хоть что-то.

Но и в Первой мировой мы наблюдаем аналогичную картину. Германия, разумеется, была главным противником России в этой войне. Но в союзе с ней выступила Австро-Венгрия, в состав на тот период, которой входили ряд из тех стран, которые впоследствии стали сателлитами Гитлера - Австрия, Венгрия, Чехия, Словакия, Хорватия. Также противниками России выступили все та же Болгария (также, прямо в боевых действиях против России не участвовала), а также Турция (в Великой Отечественной против СССР не воевала).

Наряду с противниками, с которыми воевала Россия, не лишним было бы рассмотреть и ее союзников. Во второй мировой войне, среди множества ее союзников по Антигитлеровской коалиции ведущую роль, играли прежде Великобритания и США. Позднее в это число вошли также некоторые страны, ранее разгромленные и оккупированные Германией и ее союзниками, но по мере освобождения, присоединявшиеся к коалиции – Франция, Польша, Югославия, либо бывшие ее сателлиты – Румыния, Болгария, Финляндия, боявшиеся мести СССР за агрессию против него и поспешившие «сменить хозяина».

Примерно таким же был состав союзников России и в Первую мировую. Правда там роль главного союзника России играла Франция. Также в число союзников входили все те же Великобритания и США, к ним впоследствии присоединились Италия и Румыния. Наконец, союзником России была Сербия, защищая которую Россия и вступила в войну. Различия с Великой отечественной разумеется, есть, но сходства все же больше.

Сходной была и роль союзников в оказании России военной помощи. Учитывая значительный (особенно в Великую отечественную) объем военной нагрузки на Россию, они действительно оказывали ей помощь различными товарами военного назначения. Так в Великую отечественную по Ленд-лизу в СССР поставлялись вооружение, боеприпасы, промышленное оборудование, различные виды стратегического сырья и продовольствие. Роль этих поставок оценивается по разному. Так, маршал Г.К. Жуков в своих мемуарах утверждал, что без помощи союзников Красной Армии не удалось бы удержать Москву в октябре-декабре 1945 г. Помощь союзников вплоть до конца войны была очень значительной. В послевоенный период роль поставок роль военной помощи СССР западными странами по ленд-лизу западной историографией абсолютизируется (якобы без нее СССР не смог бы выиграть эту войну), советской же историографией всячески преуменьшалась (по общим подсчетам советских историков она в целом составила не более четырех процентов от объема военной продукции, произведенной в СССР). Истина скорее всего, находится где то посередине.

Но и в Первую мировую ситуация была во многом аналогичной. Материальная помощь союзников Российской империи также имела место в значительных объемах. В оценке же этой помощи и ее роли в войне России с силами Тройственного союза западные и советские историографы, при всех их идеологических разногласиях, обнаруживают гораздо больше единодушия. Оценка примерно такова: Российская империя была отсталым государством и без материальной помощи западных союзников эффективно воевать не могла, была бы быстро сломлена. Между тем, как показывают более объективные исследования, это не так. К 1916 г. Россия сумела перестроить свою экономику на военные рельсы и в целом всеми необходимыми для ведения войны средствами обеспечивала себя сама. Зарубежные поставки имели место, но назвать их объем решающим все-таки было бы излишним преувеличением.

Аналогичным в обеих войнах было и отношение союзников (во всяком случае, главных) к России. Оно было циничным, двуличным, потребительским. С одной стороны – и в Великую отечественную и в Первую мировую, союзники приложили максимум усилий для втягивания России в войну и переложили на нее очень значительную часть бремени ведения этой войны. При этом они сделали все возможное, чтобы Россия вела войну не столько за свои национальные интересы,

сколько за «исполнение союзного долга». Всякий раз, когда им было трудно, союзники умоляли Россию о помощи (и в Арденнской операции 1944 г. и во время битв на Марне и Сомме в 1914 и 1916 гг. соответственно). Когда же экстренная помощь была необходима России, ее просьбы под всякими предлогами игнорировались. В Великую Отечественную, вплоть до 1944 г. (до открытия второго фронта), именно СССР практически в одиночку вел войну с Германией и ее сателлитами в Европе, ценой колоссальных потерь и жертв ломая их военные машины. Ф. Рузвельт в одной из своих бесед сказал «русские истребляют врагов больше чем все объединенные нации вместе взятые». Вместе с тем, помогать СССР собственно военным способом (открытием второго фронта), союзники не торопились. В 1977 г. посол США в СССР подтвердил мысль, что союзники желали, чтобы народы СССР в этой войне пролили большую кровь, а народ США отделался бы малым кровопусканием. Г. Трумэн, будущий президент США и один из организаторов «холодной войны» рассуждал: «Если мы увидим, что побеждает Россия, мы будем помогать Германии, если побеждать будет Германия, будем помогать России и пусть они истребляют друг друга». Звучит цинично, но для западной политики очень характерно.

Но и в Первую мировую военное бремя, которое несла Россия, хотя в процентном отношении было меньше чем в Великую Отечественную (все-таки западные союзники в Европе тоже реально воевали), также было очень значительным. Именно русское наступление в Восточной Пруссии в августе 1914 г., плохо подготовленное и закончившееся тяжелым поражением, оттянуло значительную часть немецких сил с Западного фронта и сорвало пресловутый «план Шлиффена» по быстрому разгрому Франции и захвату Парижа и спасло ее от разгрома. Французский маршал Ф. Фош признавался «Если Франция не была стерта с лица земли, то прежде всего этим она обязана России». Поражение армии Самсонова в районе Мазурских озер было все-таки поражением тактическим, зато в стратегическом плане это стало победой: Германия вынуждена была ввязаться в затяжную войну на два фронта, что, в конечном счете, обусловило ее поражение. Однако унижительно-пренебрежительное отношение союзников к России, русскому народу, было и в Первую мировую. Еще до начала войны союзники утверждали «Мы выиграем войну с помощью английского флота французской техники и русского пушечного мяса». М. Палеолог, французский посол в Петербурге, утверждал «По свое-

му культурному развитию русские и французы стоят не на одном уровне. Россия – одна из самых отсталых стран на свете. Сравните с этой невежественной бессознательной массой нашу армию. Все наши солдаты с образованием, в первых рядах бьются молодые силы, проявившие себя в искусстве, науке, люди талантливые и утонченные. Это сливки человечества. С этой точки зрения наши потери будут чувствительнее русских потерь»¹. Комментарии излишни. А.Е. Снесарев, генерал, участник Первой мировой в статье «Послевоенные расчеты держав Антанты» писал «Разве не странно, что каждый пулемет, каждое орудие, проданное нам Францией и разбитое, может быть в первом же бою, останется навсегда долговой статьей на плечах России. А любой из ее погибших или искалеченных сынов - молодой и полный сил работник, который мог бы прожить еще 30-40 лет, представлял бы крупную экономическую ценность – исчезает навсегда во взаимных учетах, словно бы жалкий трудовой нуль – бесконечно менее ценный, чем какое-то орудие или пулемет?

Мы защищаем только само существование вопроса, которое сводится к следующему: Россия в итоге первой мировой войны на уровне человеческих жертв понесла гораздо более чем ее союзницы, и потеряла из-за этого неизмеримо большее количество ценностей, определяемых 40 миллиардами рублей. Не получив и не получая за эту потерю никакого экономического эквивалента, Россия оказывается в итоге обойденной и ограбленной»². Это подтверждает истину, широко распространенную еще в советской историографии: союзники были готовы вести войну «до последнего русского солдата».

Чем же объяснить подобное отношение союзников к России? Прежде всего – многовековой русофобией, засевавшей в европейском (и американском) сознании и даже бессознательном, и странной смесью пренебрежения к «дикой и варварской России» и страха перед ней. Победа России, ее участие в дележе «порога» для союзников представлялась более опасной, чем ее поражение, которое к тому же сулило им возможности раздела огромных российских территорий с богатейшими ресурсами. Это и попытались сделать союзники в ходе своей интервенции после заключения большевиками Брестского мира и выхода России из Первой мировой. В Великую отечественную, закончившуюся как известно, по другому, речь об этом уже не шла.

Интересный пример сходства между СССР периода Великой отечественной и Российской империей Первой мировой можно увидеть в методах наведения дисциплины в войсках. Всем известно о знаме-

нитом приказе Сталина № 227 (Ни шагу назад»), подвергавшим репрессиям отступивших без приказа, либо сдавшихся в плен военнослужащих, а также членов их семей в тылу, вводившим штрафные подразделения, бросавшиеся на самые опасные участки фронта, а также пресловутые «заградительные отряды». Этот приказ оценивается по-разному, но общепринятая позиция такова: в тех условиях, после тяжелейших поражений весны – лета 1942 г., когда и впрямь решалась судьба страны, подобный приказ был необходим и свою положительную роль он сыграл: дисциплина повысилась, незапланированных отступлений и сдач в плен стало значительно меньше.

Но ведь и в Первую мировую ситуация во многом была аналогичной. Уже в первые месяцы войны стало ясно, что русская армия имеет невысокую боеспособность, в атаку идет неохотно, зато часто отступает и массами сдается в плен (за 1914 г. – более двух миллионов). И правительство вынуждены принимать меры. Император издает указ о том, что сдавшиеся в плен после войны будут отданы под суд и высланы в Сибирь, а их семьи лишаться пенсий и государственной поддержки. Аналогичные приказы издает и армейское командование. Последнее основывается на ст. 248 книги XXII Свода военных постановлений. Вводятся заградотряды и штрафные подразделения. И жесткие меры, предпринятые царским командованием для поддержания воинской дисциплины и порядка дали положительный результат. Части перестали отступать без приказа и количество сдавшихся в плен резко сократилось (1916-1917 гг. – около 5 тысяч). Так что возникает закономерный вопрос: а не учился ли Сталин обращению с дезертирами у царя, «черпая вдохновение» в документах царского времени эпохи первой мировой войны³?

Во многом аналогичным в СССР и в Российской империи было и отношение к войне у элиты России. Советская партийно-государственная элита боролась с врагом не только руководя государством и армией из тыла, но непосредственно участвуя в боях. Подтверждением этому служат сыновья И.В. Сталина, А.И. Микояна, М.В. Фрунзе, Н.С. Хрущева достойно сражавшиеся и погибшие в боях Великой Отечественной. Но ведь аналогичное есть и у Российской империи периода Первой мировой, в которой в боях участвовали не только «сливки» русского общества – аристократия и высшее дворянство, но и члены императорской фамилии. Брат царя, великий князь Михаил, например, командовал одной из самых боеспособных кавалерийских частей русской армии – «Дикой дивизией», а поми-

мо него в боевых действиях прямо участвовали несколько великих князей.

Таким образом, аналогий у России периода Первой мировой и СССР периода Великой отечественной предостаточно. И это неудивительно: войны вел один народ с одной военной культурой и едиными воинскими традициями. Между этими двумя войнами временной интервал был слишком невелик, более того в них часто принимали участие одни и те же люди (правда пребывавшие в разном статусе и возрасте).

Вместе с тем, наряду с аналогиями, следует обратить внимания и на различия в этих войнах. Иначе чем же можно объяснить столь разный их исход и роль в истории? Возможно, мы найдем эти различия, исследовав роль субъективного фактора.

Одной из составляющих субъективного фактора стал характер боевых действий. Субъективных, потому что в них принимают участие люди. Русскую императорскую армию в советской историографии часто обвиняли в плохой подготовке солдат (вчерашних неграмотных крестьян), низком уровне офицеров, бездарности генералов. Этим якобы и объяснялись большие потери в войне и, в конечном счете – поражение России в войне. Напротив, Красная армия выставилась в заведомо лучшем свете, как армия победитель. Более-менее объективная оценка боевых действий и потерь Красной армии была дана только в постсоветский период, хотя произошел «перекос» в другом направлении – в сторону критики Красной Армии и превознесения русской императорской армии.

Определенные основания для этого имеются. Военные потери русской императорской армии в Первую мировую войну составили более двух миллионов человек (по приблизительным данным, точных нет), больше чем у любой другой страны. Армия при этом удерживала самый большой по протяженности фронт в войне. В. Пикуль, ссылаясь на историков (имена не уточнены), подсчитал что в России один убитый приходился на 107 человек, во Франции – 1 на 28, в Англии – 1 на 57⁴. У ее главной противницы – Германии, чья армия превосходила российскую по многим параметрам, потери были лишь немногим меньше. Потери СССР в годы Великой отечественной были больше в разы. А.С. Панарин утверждал: Россия вела войну с Германией как развитая страна с развитой – потери с обеих сторон были примерно равными. СССР с фашистской Германией вел войну уже как слабозаразвитое государство с развитым (соотношение потерь 9-1).⁵ Правда, ссылок на использованные источники он не делал, что ставит пос-

ледную пропорцию под определенное сомнение. При этом, подчеркивает он, при этом войну СССР выиграл.

Да и ход боевых действий в обеих войнах тоже нуждается в беспристрастном анализе. В советской историографии (до определенного момента), как правило, победы Красной армии всячески превозносились, а поражения замалчивались. О русской императорской же армии, ее победах, писали мало (разве что о Брусиловском прорыве), а поражения рассматривались как явление закономерное (страна отсталая, руководство некомпетентное, народ воевать за непонятные ему цели не хочет). В постсоветский период опять все поменялось с точностью до наоборот. Попытаемся быть более объективными и мы.

Действительно, Первую мировую русская армия начала с наступлений в Галиции и в Восточной Пруссии. Наступление в Галиции (против Австро-Венгрии) было успешным, второе (против Германии), начавшееся успешно, закончилось поражением. Но масштабы его не выдерживают сравнения с катастрофическими поражениями Красной Армии в приграничных и ряде других сражений, огромными материально – технические и человеческими (убитыми, ранеными и пленными) потерями, паникой, хаосом и неразберихой первых дней войны. Да и в дальнейшем, в последующие годы, даже в моменты самых удачных наступлений Германии и ее союзников, Россия не терпела поражений подобных, например тем, которые потерпел СССР, например, в 1942 году под Харьковом, Новгородом, в Крыму. Самое большое оставление территорий, которое было у царской России – это Польша, часть Прибалтики, западные области Украины и Белоруссии (к 1917 г.). Ни пяди собственно русской земли. В Великую Отечественную же немцы уже к окончанию первого месяца войны захватили Прибалтику, Белоруссию, Молдавию, Правобережную Украину, а максимальная граница продвижения немецких и союзных им войск к лету 1942 г. проходила по линии Ленинград – Москва – Сталинград – Орджоникидзе. Так кто же не умел воевать?

В связи с этим возникает закономерный вопрос: почему же Российская империя, имея возможность выиграть войну (по крайней мере, быть среди стран-победителей), сделать этого не смогла, а СССР, который по всем параметрам, после понесенных потерь и поражений, должен был проиграть, тем не менее, войну выиграл? Рассмотрим субъективный фактор далее.

При исследовании субъективного фактора в Великой Отечественной войне, можно констатировать, что субъективистские проявления

перед началом войны и в ее ходе выразились в утвердившемся культе личности И.В. Сталина, абсолютности его личности и мнения во всех вопросах политики и войны, далеко не всегда достаточно компетентного. Морально – политическая атмосфера, установившаяся в СССР в 1930-х гг., приведшая к необоснованным массовым репрессиям в отношении как политического и военного руководства страны, так и простых граждан, постоянные «перетасовки» политических, экономических и военных кадров, их низкая профессиональная компетентность, страх у них перед собственной самостоятельностью, привели к тому, что страна и армия, несмотря на все колоссальные предвоенные усилия, оказались не готовы к войне. Ошибки и преступления сталинского режима в предвоенные годы привели к тому, что очень значительное (миллионы) количество граждан были недовольны советской властью и сотрудничали с врагом, чего ранее никогда в России не было. Этим можно объяснить многие негативные моменты начального периода войны.

Наконец, следует упомянуть и о советской элите. Задолго до войны были свернуты формы коллективного руководства, искоренены плюрализм мнений и инакомыслие. Репрессии, произведенные в предвоенный период, нанесли, безусловно, сильнейший урон государству, партии, армии. Но их побочным эффектом стала «зачистка» политического «поля», на котором не возникло даже намека на появление оппозиционной силы, способной противодействовать режиму в решении им важнейшей задачи обороны страны. Результатом стало создание строго централизованной структуры партийно-государственных органов при руководящей роли партийного аппарата во главе с «вождем». Неизбежные и необходимые в период войны централизация и концентрация власти явились, поэтому не только перестройкой с мирного на военный лад, но и окончательным завершением формирования тоталитарной, командно-административной структуры власти, усилением единовластия Сталина и культа его личности.

Максимальная централизация всех ветвей власти позволяла советскому руководству концентрировать ресурсы страны и направлять их на самые важные, решающие участки. Призыв «Все для фронта, все для победы!» не остался декларацией, лозунгом, а реально претворялся в жизнь. Он стал для всего народа руководством к действию. И это, в конце концов принесло в свои плоды в виде победы.

Наконец, следует сказать и об отношениях элиты с массами. В годы Великой отечественной, эти две общественные группы, как правило

всегда противостоящие друг другу (прямо или косвенно), перед лицом страшного врага оказались плечом к плечу, сражались за одни цели и понимали: за что они сражаются. Отсюда и приход на призывные участки миллионов добровольцев уже в первые дни Великой Отечественной, героизм и мужество советских граждан на фронте и в тылу, моральное и социально – политическое единство всех народов СССР перед лицом страшной опасности нацистского порабощения и истребления, способность народа и государства отставить на время свои противоречия и, объединившись, в максимально короткие сроки собрать необходимые человеческие и материальные ресурсы для отпора врагу, для победы. Все это в значительной мере нейтрализовало негативные воздействия субъективного фактора, которые имели место в этой войне.

В Первую же мировую ситуация с отношениями общества, элиты и власти сложилась по иному. Патриотический порыв, охвативший общество в начале войны, натолкнувшись на большие потери и неудачи, несомненно, имевшие место в каждой войне, достаточно быстро закончился. Все это резко подорвало авторитет власти, что в условиях войны было смерти подобно. Элита, среди которой было немало критиков и даже противников действующей власти, при молчаливом согласии общества, припомнила этой самой власти все ее прошлые «грехи». Либералы критиковали ее за отсутствие реальных реформ, за «самодержавие», консерваторы – напротив, за излишнюю уступчивость. Припомнили власти и влияние на царя и царицу Распутина, вызвавшее «чехарду кадров», и чрезмерное вмешательство в дела государства и армии императрицы, которую обвиняли в шпионаже в пользу Германии (не доказано). Авторитет власти упал настолько, что отречения Николая II в феврале потребовали 16 из 35 представителей дома Романовых - великих князей и княгинь, и 13 из 14 командующих фронтами и армиями, а санкционировали три крупнейших иерарха РПЦ – Тихон (будущий патриарх), Сергей (будущий «сталинский» патриарх) и Антоний (будущий митрополит, глава Русской православной церкви за рубежом). Петроградский митрополит Вениамин был не далек от истинного положения вещей, когда писал: «Революцию делали и сделали свои, русские люди, начиная с русских декабристов и до князей Рюриковичей в Государственной Думе». И у последнего императора были все основания записать в своем дневнике: «Кругом измена, и трусость, и обман»⁶. Наконец, элите и массам в первую мировую не удалось объединиться вокруг какой либо общей идеи, они

сражались за разные цели, причем в массах по ходу войны росло непонимание целей войны, что резко ухудшило ситуацию в стране и породило пораженческие и антивоенные настроения.

Советская политическая и военная система оказалась значительно прочнее Российской империи, лучше подготовлена к экстремальной ситуации, а Иосиф Сталин оказался более компетентным и авторитетным руководителем, нежели Николай II. Этим, в конце концов, и объясняется различный итог двух войн.

Примечания:

¹ Мединский, В.Р. Мифы о России. О русской демократии, грязи и тюрьме народов. / В. Р. Мединский. М. : Олма- медиа групп.. С. 381. (624 с.)

² Кулинченко, В.А. Воины в долг. / В.А. Кулинченко. Тайны XX века. № 36. сентябрь 2013, С. 15.

³ Иванов, С.И. Штрафбаты Николая II. / С.И. Иванов. – Загадки истории. № 21. 2013. С. 3.

⁴ Пикуль, В.С. Честь имею. / В.С. Пикуль. М.: Современник, 1990. С. 544.

⁵ Панарин, А.С. Философия политики / А.С. Панарин. Учебное пособие для политологических факультетов и гуманитарных вузов. – М. : Новая школа, 1996. С. 111

⁶ В. Сироткин. Станет ли вновь Россия монархией? / Сироткин В. Россия XXI. № 11-12. 1994. С. 103-104.

Моргунов К. А. (г.Оренбург)

ЕВРЕИ ЧКАЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В результате эвакуации из прифронтовых районов страны на Южном Урале значительно увеличилась численность отдельных этнических групп населения. Национальный состав эвакуированных чаще всего не фиксировался, но имеются данные, о том, что уже к 15 октября 1941 г. в Чкаловскую область прибыло 40355 евреев, 30013 русских, 14568 украинцев, 8780 белорусов, 728 поляков, 440 латышей, 158 немцев, 152 литовца, 126 эстонцев¹. К 1944 г. численность еврейского населения только в г.Чкалове превышала 5 тыс. человек.

Работу по приему и расселению прибывающих осуществляли специальные эвакуационные комиссии и переселенческие отделы, создаваемые при исполнительных органах власти. Эвакуированным оказывалась вся возможная в этих трудных условиях помощь, касающаяся, прежде всего, материально-бытового положения, охраны здоро-

вья, создания специальных образовательных учреждений. Параллельно проводилась работа, направленная на интернациональное воспитание как местного, так и прибывающего населения.

Большей частью эвакуированные размещались в сельской местности, трудились в колхозах и совхозах. Большое количество евреев-беженцев было распределено в населенные пункты Соль-Илецкого, Бузулукского, Акбулакского, Сорочинского, Оренбургского районов².

В основной своей массе отношение местного населения к приезжим было доброжелательным. Свою роль в этом сыграла пропаганда интернационализма, а также богатый опыт совместного сосуществования и взаимодействия народов, населяющих этот многонациональный регион. Эвакуированный в г.Чкалов в 1941 г. А.В. Вольфсон в своих воспоминаниях отмечает отсутствие у местных жителей антисемитизма в таком объеме, как это было в западных районах страны: «Многие местные обитатели, - отмечает он, - вообще не различали приезжих по национальности»³. В Оренбурге, с 1941 по 1943 годы, пережила эвакуацию семья Ростроповичей. Так же в эвакуации в Оренбурге провел свое детство поэт-песенник Юрий Энтин.

Однако с усилением тягот военного времени негативные этноконтактные установки и стереотипы, различие в культуре, обычаях и традициях местного и вновь прибывшего населения стали приводить к конфликтам, как бытовым, так и национальным. Наиболее остро это проявлялось в усилении антисемитских настроений.

Эвакуированные размещались в имеющемся жилом фонде. Местным жителям приходилось потесниться. Сильная скученность, а также различия в культурных традициях часто приводили к бытовым конфликтам, принимавшим зачастую национальный характер. Например, в с.Ереминка Сакмарского района Чкаловской области, местные жители стучали в окна дома, в котором поселилась семья Ривы Фрумкиной, и кричали «Жида, уходите!». У военфельдшера О.И. Бронштейн, размещенной в с.Беловка этого же района, местные жители требовали вещи в обмен на продукты.

Проявления антисемитизма не оставались незамеченными, и реакцией на них чаще всего становилось усиление агитационных мероприятий: проводились беседы по интернациональному воспитанию, читались доклады о дружбе народов СССР. Конкретные виновные могли быть уволены с занимаемых должностей, привлечены к партийной и уголовной ответственности. На заседаниях го-

родских и районных партийных бюро случаи антисемитизма рассматривались как антисоветская деятельность. Уже в декабре 1941 г. Оренбургский обком был вынужден рассмотреть на своем заседании вопрос о состоянии межнациональных отношений в условиях массовой эвакуации. Было принято решение, обязывающее секретарей первичных парторганизаций пресекать «антисемитские вылазки», проводить целенаправленную работу по воспитанию трудящихся в духе дружбы народов. Местным партийным и советским организациям предписывалось сделать все возможное, чтобы новые места жительства стали для эвакуированных «родным, теплым домом»⁴.

Входили евреи и в составы трудовых колонн, сформированных в ходе трудовой мобилизации в различных районах страны и пребывающих в Чкаловскую область на строительство заводов и железнодорожных линий. Так, в состав рабочей колонны при Управлении военно-строительных работ № 256 к началу 1942 г. входило 463 красноармейца, из них 41 еврей. Значительная часть мобилизованных в рабочие колонны были судимы, в том числе по статье 58 Уголовного Кодекса. Условия их содержания также были непростыми. Трудомобилизованные жили в необорудованных бараках и землянках, большинство не имело зимней одежды. Так в колонне № 256 на работы выходило лишь около 20 % личного состава. Остальные, из-за отсутствия одежды оставались в землянках⁵. В связи с этим, 5 февраля 1942 г. при рассмотрении вопроса «О состоянии рабочих колонн, находящихся на территории Чкаловской области» бюро обкома ВКП(б) обязало «...всех хозяйственных и партийных руководителей, имеющих в своем распоряжении рабочие колонны, в максимальной степени загрузить эти колонны работой и добиваться полного выполнения производственных норм»⁶. Для этого предписывалось обеспечить всех рабочих обувью, обмундированием и бельем, а также улучшить медицинское обслуживание и санитарное состояние жилищ.

Увеличение численности еврейского населения происходило также за счет евреев – бывших польских граждан, пребывающих в формируемую на территории области польскую армию под командованием генерала Владислава Андерса. Штаб польской армии разместился в г. Бузулук. Запасной и резервный полки размещались соответственно в лагерях под селами Тоцкое и Колтубанка. Пятая дивизия дислоцировалась в Татищево Саратовской области.

По данным на 25 октября 1941 г. в польскую армию было призвано и зачислено 41,5 тыс. солдат и офицеров. Значительную часть личного состава составляли евреи. При этом среди самих солдат польской армии были распространены антисоветские и антисемитские настроения. Так, секретарь Тоцкого обкома В.П. Рылеев в своей докладной записке от 16 сентября 1941 г., направленной в военный отдел Чкаловского обкома акцентировал внимание на антисоветской настроенности значительной части польских солдат. В записке приводятся следующие высказывания: «На фронте мы будем бить не только немцев, но и коммунистов», «Мы будем бить коммунистов и евреев»⁷.

Из 2500 евреев, находящихся в польской армии Андерса, было решено выделить 1000 человек и объединить в отдельный батальон. 16 ноября 1941 г. это соединение было переведено из Тоцкого в Колтубанку. В тяжелейших условиях, при ранних морозах в минус 30–35 градусов здесь они построили новые бараки для солдат и офицеров⁸.

Значительный интерес представляет организация религиозной жизни у евреев, служащих в польской армии. Если к военнослужащим католикам и православным сразу были направлены военные капелланы, то евреи первое время не имели официальных духовных лиц.

Среди иудеев находились ортодоксальные раввины (Хаим-Пинхас Темплер из Тарнова, Малаховский из Пинска и др.), но они не могли представлять верующих в отношениях со Штабом армии Андерса, так как не владели польским языком. Поэтому с окончанием последнего месяца еврейского календаря Элула и приближением Грозных дней (Ямим Нораим), между праздниками Рош-Ашана и Йом-Кипур, в сентябре 1941 г. перед армейским начальством возбудили ходатайство об организации религиозной жизни иудеев два светских лица, хорошо знавших богослужение: бывший журналист газеты религиозной партии «Poalei Agudat Israel» («Рабочие Союза Израиля») Леон Розен из Лодзи и бывший ориенталист Пинхас Розенгартен из Новы-Сонча⁹. В результате в октябре 1941 г. при Штабе армии Андерса в Бузулуке был создан Раввинат, который возглавил Леон Розен, а его заместителем стал журналист из Варшавы Иосиф Фрид. Для духовного же окормления военнослужащих непосредственно на месте, в Тоцком лагере 24 октября 1941 г. туда был назначен иудейским военным капелланом (раввином) **Пинхас Розенгартен**.

Раввин армии Андерса Пинхас Розенгартен

Он родился в 1913 г. в еврейской общине города Новы-Сонч на территории Австро-Венгрии (ныне Малопольского воеводства Польши). После провозглашения независимой Польской Республики окончил школу имени Адама Мицкевича и гимназию имени короля Болеслава Храброго, где в 1933 г. сдал экзамен на аттестат зрелости. Параллельно учился в иудейской раввинской школе. В 1937 г. получил степень магистра философии в Ягеллонском университете г. Кракова, где изучал историю и ориенталистику. Начал работу над докторской диссертацией по семитской психолингвистике. С началом Второй мировой войны в 1939 г. решил остаться в родном городе Новы-Сонч. После оккупации Польши фашистской Германией был отправлен в концлагерь, откуда бежал на восток, в СССР. Но за переход границы через реку Сан арестован советскими властями как шпион, содержался в старейшей тюрьме Львова Бригидки и в Одессе, а затем по приговору этапирован в лагерь под Воркутой. В августе 1941 г. вместе с другими польскими гражданами был амнистирован и направлен в формирующуюся армию Андерса, на территорию Оренбуржья¹⁰.

После перевода еврейского батальона в лагерь под Колтубанкой Пинхас Розенгартен так же был назначен его капелланом. При устройстве религиозного быта военнослужащих в местных лагерях он столкнулся с большими трудностями. В своих воспоминаниях П. Розенгартен писал, что «под властью красных атеистов давно уже исчезли молитвенники, Пятикнижия, молитвенные покрывала, филактерии и книги Торы». Поэтому по поручению руководства раввин Пинхас Темплер, несмотря на плохое владение польским языком, соста-

вил по памяти еврейский календарь и сборник важнейших молитв, в том числе погребальных и о благополучии Польского государства¹¹.

В одном из специально отведённых барачков по вечерам пятницы и в субботу проводилась общественная молитва. Здесь же устраивались встречи для обсуждения насущных проблем иудейской общины¹². Раввин не только проводил молитву и необходимые обряды, но и утешал военнослужащих в их бедах, защищал от антисемитских проявлений со стороны командного состава, навещал страждущих в военных госпиталях и гражданских больницах. В лагере были и неофициальные раввины, а также религиозные судьи, которые нередко придерживались крайне ортодоксальных взглядов. В частности, они отказывались есть некошерные блюда, приготовленные на общей кухне, и брали только воду, хлеб, сахар и овощи.

Раввин П. Розенгартен среди военнослужащих
2-го Польского корпуса британской армии

В феврале 1942 г., контингенту польских войск было дано разрешение на эвакуацию в Иран. 19 марта 1942 г. последовал приказ командующего польской армией о начале эвакуации. В течение марта-апреля 1942 г. В Среднюю Азию выехало порядка 43 тыс. человек. В мае была прекращена мобилизация в польскую армию, а уже 10 июня польское эмигрантское правительство официально отказалось от планов использования польской армии на советско-германском фронте и приняло решение об эвакуации оставшихся подразделений польской армии в Иран. В связи с принятием этого решения 16 июня 1942 г.

Чкаловский облвоенкомат дал указание всем городским военкоматам окончательно прекратить направление польских граждан в польскую армию. Второй этап эвакуации армии Андерса прошел в течение июля-августа 1942 г. Всего же в 1942 г. в Иран было эвакуировано 119 855 польских граждан, в том числе 76 100 военнослужащих армии Андерса и 43 755 членов их семей.

К сентябрю 1942 г. Польская армия была полностью эвакуирована в Иран и вошла в состав британских вооружённых сил. В июне 1943 г. она была направлена в Северный Ирак, в июле 1943 г. преобразована во 2-й Польский корпус, который в августе выведен в Палестину. С января 1944 г. новое формирование принимало участие в сражениях на территории Италии, под Монте-Кассино, Анконой и Болоньей, где закончила боевой путь в апреле 1945 г. До 1946 г. корпус оставался на Аппенинском полуострове в составе британских оккупационных сил, а затем переправлен в Англию и там в 1947 г. был распущен.

Вместе с польским корпусом прошёл через все испытания и раввин Пинкас Розенгартен. Демобилизовавшись, в 1947 г. уехал в Израиль, который в 1948 г. обрёл свою независимость. П. Розенгартен поселился в Иерусалиме, где с 1960-х гг. до 1992 г. был раввином синагоги в районе Бейт-Кнессет, директором школы Эвелины Ротшильд, председателем Общества ветеранов Второй мировой войны и Новысончского землячества.

Таким образом, военные капелланы (раввины) польской армии Андерса были единственными легальными иудейскими духовными лицами на территории Чкаловской области в годы Великой Отечественной войны, а их работа по религиозному обслуживанию верующих в 1941–1942 гг. составляет уникальную и мало известную страницу в истории еврейского населения Оренбуржья.

Но и после эвакуации польской армии в Чкаловской области оставалось значительное количество бывших польских граждан, в том числе евреев. Об этом свидетельствует деятельность комиссий содействия чкаловской базе Упрособторга, на которую были возложены обязанности по распределению благотворительных грузов, поступающих для бывших польских граждан из-за границы. После двойной, а иногда и тройной эвакуации бывшие польские граждане оказались в очень тяжелом материальном положении и нуждались в экстренной помощи. Обслуживание бывших польских граждан в Чкаловской области было распределено по 9 кустам с общим количеством 5928 че-

ловек. 7–10 июля 1943 г. состоялись кустовые выборы в комиссии содействия по Чкаловской области. Результаты проведения этих выборов свидетельствуют о том, что среди бывших польских граждан достаточно велико было представительство евреев, которые принимали самое активное участие в общественной жизни. Так, в состав комиссии от Акбулакского района вошли электрик мельзавода Яков Ушеревич Арбайтман (1914 г.р), шлакоуборщик на ж/д станции Акбулак Исак Моисеевич Медведь (1917 г.р.), рабочий колхоза «Степная Правда» Елйяш Израилевич Шпигель (1914 г.р). В г.Бугуруслане в комиссию был избран учитель с/ш г.Бугуруслана Иосиф Яковлевич Гутенбаум (1908 г.р.). В Буранном районе – рабочий к/х им. Персиянова Хаим Абрамович Зренячный. В Державинском районе Шмэкэр Янкелевич Шмур. В Кувандыкском районе - работница детдома Краснознаменского сельсовета Сарра Фраимовна Эльстер. В Ново-Покровском районе – работница колхоза «Мотор» Данута Францевна Ганишер. В Павловском районе – бригадир полеводческой бригады к/х им. К.Либкнехта Лейзер Ушеревич Нусгель. В Ташлинском районе – парикмахер Ташлинского мясосовхоза Исак Израилевич Ходыш. В Чкаловском районе был избран Отто Моисеевич Лец¹³.

В последние военные годы, с учетом изменений, произошедших в государственно-конфессиональных отношениях была предпринята попытка легализации религиозной жизни еврейского населения г. Чкалова. В 1944 г. от верующих евреев г. Чкалова поступило первое ходатайство о возвращении в пользование одной из трех закрытых в начале 1930-х годов синагог. Под ходатайством стояли 142 подписи. Верующие просили вернуть в пользование общины одну из закрытых ранее синагог с тем, чтобы «...иметь возможность возносить молитвы Всевышнему о ниспослании окончательной и скорой победы доблестной и героической нашей Красной Армии, руководимой маршалом Советского Союза – гениальным полководцем – Великим Сталиным»¹⁴. В качестве уполномоченных общины для рассмотрения всех вопросов по данному ходатайству были названы Мендель Шевелевич Михалевич, Залман Наумович Смоляк и Лев Борисовича Цеханский.

Уполномоченным по делам религиозных культов была осуществлена выборочная проверка лиц, чьи подписи стояли под ходатайством. В результате были выявлены некоторые лица, которые в ходе эвакуации уже выехали из г. Чкалова. Этот факт послужил одним из оснований для отказа в ходатайстве. Другим мотивом отказа являлось то, что здания бывших синагог были переоборудованы и использова-

лись под производственно-бытовые нужды¹⁵. Одна из синагог, по ул. Орджоникидзе д.27 была занята управлением Оренбургской железной дороги (позже занято областным обществом ДОСААФ), а другая, по переулку Пьянова (в документе – Пьяновскому) д.5 – была переоборудована под общежитие студентов железнодорожного техникума, сделаны перегородки и произведено междуэтажное перекрытие). Решение об отказе было принято 22 июня 1945 г. на заседании исполкома облсовета.

После отклонения первого обращения еврейская община предприняла шаги к постройке нового молитвенного здания. Однако резкое уменьшение количества еврейского населения, связанное с возвращением эвакуированных граждан на освобожденные территории, привело к серьезным материальным проблемам, и от этой идеи верующим пришлось отказаться. Здание третьей синагоги, которая вплоть до 1931 г. располагалась в частном доме по ул. Орджоникидзе д.87, было разделено на две части и возвращение его верующим было невозможным. Половина дома была продана швейной фабрике №1, а вторая половина была заселена жильцами¹⁶.

В 1945 г. группа верующих евреев подает новое ходатайство об открытии в арендуемом помещении молитвенного дома (ул. Краснознаменная, д.14), которое снова было отклонено, на этот раз по мотивам несоответствия указанного помещения санитарно-техническим условиям.

Уникальным источником, на основе которого можно проиллюстрировать участие еврейского населения Чкаловской области в Великой Отечественной войне является многотомное издание «Книга Памяти воинов-евреев, павших в боях с нацизмом». В этом издании представлены поименные данные о воинах-евреях, павших в годы войны, основанные на документах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, Российского государственного архива Военно-Морского Флота и Военно-медицинского музея. В большинстве поименных данных содержится информация о дате и месте рождения, месте призыва, а также о захоронении воинов-евреев.

Мы располагаем возможностью изучения только шести томов этого уникального издания (тома 1-5, 8). Но даже эти, далеко неполные данные позволяют выявить сотни евреев-военнослужащих, солдат и офицеров, родившихся в Чкаловской (Оренбургской) области, попавших сюда в ходе эвакуации и призванных в ряды Красной Армии, а также умерших от ран в госпиталях области.

В указанных томах Книги памяти нами выявлено более 200 воинов-евреев, уроженцев Чкаловской области, погибших или пропавших без вести на фронтах войны (формат статьи не позволяет привести их полный список).

Среди них помощник начальника штаба 611 Истребительно-Противотанкового артиллерийского полка РГК, капитан Семен Яковлевич Спектор. Родился он в 1918 г. в г. Бугуруслане. С 1937 г. служил в рядах Красной Армии. Участвовал в Финской войне. В июне 1942 г. добровольцем отправился на фронт. В ноябре 1942 г. С.Я. Спектор был награжден Орденом Красной Звезды. В наградном листе значится следующее: «Помощник начальника штаба, капитан Спектор – волевой, мужественный, бесстрашный командир, отлично знающий артиллерию и хорошо разбирающийся в тактических вопросах – умея организовать и управлять артиллерийским огнем не раз помогал выполнению боевых задач полка. Работая начальником разведки полка он часто доставлял ценные сведения о расположении огневых точек и живой силы противника, для чего бывал в тылу врага. Благодаря этим данным полком уничтожено ДЗОТ, 2 орудия, 6 пулеметных точек, до 2-х взводов пехоты и подавлено 3 минометных и 2 артиллерийских батарей. 22-го октября с/г находясь на НП в районе с.Ольховатка капитан Спектор заметил танки с пехотой противника, участвовавшие в предпринятом немцами наступлении. Подготовив и руководя арт. Огнем 3-х батарей капитан Спектор создал массированный огонь артиллерии уничтожил 7 средних немецких танков и до роты автоматчиков»¹⁷. Погиб С.Я. Спектор в 1943 г., захоронен в с.Репьевка Курской области.

Орденом «Красной Звезды» был награжден уроженец Домбаровского района, командир 1-го взвода бронетранспортеров 1-й роты 10-го ОРБ 1-го танкового корпуса Илья Моисеевич Горбань (1922 г.р.). В сентябре 1940 г. он был призван в ряды Красной Армии. Вот как описан его подвиг в наградном листе: «22 ноября 1942 г. лейтенант Горбань возвращаясь с разведки на бронетранспортере в районе Жирков встретил до взвода нашей мотопехоты, которая, встретив сильный пулеметно-автоматный огонь противника. Лейтенант Горбань атаковал с хода деревню вместе с другим бронетранспортером, в результате короткого боя уничтожил 18 немецких автоматчиков, чем обеспечил продвижение мотопехоте, ликвидировав группу автоматчиков»¹⁸. Погиб И.М. Горбань в 1942 г., захоронен в с/з Колмыково Сталинградской области.

В марте 1944 г. медалью «За боевые заслуги» был награжден уроженец Оренбуржья, гвардии военный фельдшер, командир санитарного взвода 1-го стрелкового батальона 211 гвардейского стрелкового Бассаргинского 73-й гвардейской стрелковой Сталинградской дивизии Саул Самойлович Задов. Родился он 15 мая 1921 г. в Сорочинском районе. Свою службу он начал в августе 1941 г. С ноября 1943 г. служил в составе 2-го, а затем 3-го Украинских фронтов. Боевую награду С.С. Задов получил со следующей формулировкой в наградном листе: «... проявил себя дисциплинированным, смелым, стойким медицинским работником. В боях за Родину с немецкими оккупантами с 29.02 по 03.03.1944 года 3-й Украинский фронт, при наступлении на село Котовка и Варваровка Долинского района Кировоградской области он все время находился на передовом медицинском пункте батальона, руководил вывозом с поля боя раненых бойцов и командиров, за период с 29.02 по 03.03.1944 года лично им оказана помощь 65 раненым бойцам и командирам»¹⁹. Погиб С.С. Задов в 1944 г. в Молдавии.

Уроженец д.Тельковская (так в документе) Бузулукского района, командир взвода радио батареи управления 2 артиллерийской краснознаменной дивизии прорыва РГК, лейтенант Абрам Ефимович Каплан (1911 г.р.) был удостоен ордена «Красной Звезды» в июне 1944 г. Призван на фронт он был из Орловской области в июне 1941 г. С ноября 1942 г. на Волховском фронте. Был награжден медалью «За оборону Ленинграда». В наградном листе на получение ордена «Красной Звезды» отмечалось следующее: «Тов. Каплан работает командиром взвода радио батареи управления 2 АКД прорыва РГК с начала ее формирования, сумел подготовить радиостов для взвода и имущество для обеспечения бесперебойной связью командира дивизии с командирами бригад и командирами подерживаемых стрелковых частей. В период январской операции радиосвязь была единственным видом связи. Радиовзвод т.Каплана смог обеспечить бесперебойную связь по всем направлениям. В апрельскую операцию 1944 года, когда на НП командира 2 АКД в районе Стремутка снаряд разрушил землянку, где находились с радиостанцией радисты и рация могла выйти из строя, тов. Каплан сам вышел на место, изъясл рацию, отремонтировал и сам же продолжил обеспечивать радиосвязью командира дивизии с командирами бригад»²⁰. Погиб А.Е. Каплан в 1944 г. Захоронен на военном кладбище г.Молотов (г.Пермь).

Это лишь одни из немногих евреев-оренбуржцев, сражавшихся на фронте и проявлявших героизм в годы Великой Отечественной войны. Кроме того, в указанных томах Книги памяти нами выявлено более 400 фамилий воинов-евреев, которые родились в других территориях советского союза, но в результате эвакуации, а также трудовой мобилизации оказались на территории Чкаловской области и были призваны на фронт военкоматами области.

Безусловно, работа по увековечиванию их памяти, как и всех оренбуржцев, сражавшихся на фронтах Великой Отечественной, должна быть продолжена.

Примечания:

¹ Шпинева Ю.И. Осуществление национальной государственной политики на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны // Этнокультурная мозаика Оренбуржья. – 2002. – № 3(22). – С. 45 (52 с.)

² Федорова А.В. Еврейские беженцы и переселенцы: 30-40-е годы // Евреи в Оренбургском крае. Материалы научно-практической конференции. – Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР», 1998. – С. 76.

³ Вольфсон А.В. Евреи Уралмаша в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Документальная повесть: К 65-летию Уралмашзавода. – Екатеринбург: Изд. газ. «Штерн», 1998. – С.29 (142 с.)

⁴ Шпинева Ю.И. Осуществление национальной государственной политики на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны // Этнокультурная мозаика Оренбуржья. – 2002. – № 3(22). – С. 45 (52 с.)

⁵ ЦДН ИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 122. Л. 11, 13, 38; Оп. 6. Д. 426. Л. 4, 16-25; Оп 7. Д. 540. Л. 76-79; Оп. 8. Д. 815. Л. 43-46.

⁶ ЦДН ИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 13. Л. 33-34.

⁷ Из докладной записки секретаря Тоцкого райкома ВКП(б) В.П. Рылеева в военный отдел Чкаловского обкома ВКП(б) о настроениях и поведении польского военного соединения в Тоцких лагерях // Место эвакуации – Чкаловская область / Под общей редакцией С.М. Муромцевой. – Оренбург: Печатный дом «Димур», 2010. – С.72.

⁸ Zeszyty historyczne. – 2006. – №№ 157–158. – S. 75.

⁹ Rosengarten P. Zapiski rabina Wojska Polskiego. – Warszawa: Pamiec Diaspory, 2001. – S. 51–52.

¹⁰ Sadecki rabin w armii Andersa. – MiastoNS. – 2013. – 3 Czerwca. – № 330. – S. 10.

¹¹ Rosengarten P. Zapiski rabina Wojska Polskiego. – Warszawa: Pamiec Diaspory, 2001. – S. 55, 70.

¹² Rosengarten P. Zapiski rabina Wojska Polskiego. – Warszawa: Pamiec Diaspory, 2001. – S. 69.

¹³ ЦДН ИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 73. Л. 7-40.

¹⁴ ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 170. Л. 12.

¹⁵ ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 170. Л. 49.

¹⁶ ГАОО. Ф.617. Оп.1. Д.211. Л.39-40.

¹⁷ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Архив ЦАМО. Ф. 33.

Оп. 682525. Е. х. 282; Спектор Семен Яковлевич // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=1086326> (дата обращения: 20.04.2014).

¹⁸ Архив ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Е. х. 1034; Горбань Илья Моисеевич // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=1699536> (дата обращения: 20.04.2014).

¹⁹ Архив ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Е. х. 1933; Задов Саул Самойлович // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=3248362> (дата обращения: 20.04.2014).

²⁰ Архив ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Е. х. 7606; Каплан Абрам Ефимович // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=3816733> (дата обращения: 20.04.2014).

Богданова Е. Г. (г.Оренбург)

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Война была и остается главным бедствием человечества, являясь угрозой самого его существования. Тяжелыми последствиями Второй мировой войны для Советского Союза явились общие потери гражданского населения и военнослужащих. По результатам исследований они оцениваются в 26,6 млн. человек¹. Великая Отечественная война стала испытанием духа и воли как для воинов на фронте, так и для простых людей в тылу. Все вместе они внесли бесценный вклад в общее дело.

Обстоятельства военного времени повлекли за собой коренные изменения в важнейших сферах общественно-политической, экономической, культурной жизни страны, повлиявших на демографическую ситуацию в регионах. Война привела к масштабным и резким изменениям структуры населения, его численности и состава. Миграции войны стали определяющим фактором количественных и качественных характеристик населения региона. Возникли новые тенденции миграционного движения, изменились направления потоков и состав мигрантов. Огромное влияние на демографическое положение оказали мероприятия Советского государства по мобилизации мужчин на фронт и эвакуации населения из прифронтовых районов страны, которые привели к изменениям в составе и численности населения.

Главной тенденцией в динамике показателей стало повсеместное сокращение жителей. За годы войны численность населения южно-

уральского региона сократилась на 311,7 тыс. человек, что составило 6,6%². Только в 1941 г. произошло увеличение за счет эвакуированных, которые компенсировали убыль по мобилизации и обусловили рост населения.

Первоочередным событием явилась мобилизация граждан на фронт. Южноуральский регион отправил по призыву 1,6 млн. человек, наиболее трудоспособного и здорового мужского населения³. Это создало ряд проблем социально-экономического и демографического характера, среди которых основными стали острый дефицит рабочих рук и снижение рождаемости. Отток мужского населения также усилил диспропорции половозрастного состава населения, значительно увеличив занятость в народном хозяйстве женщин и детей.

Убыль населения в регионе была восполнена в 1941 – 1942 гг. огромным притоком эвакуированных, состав которых представлен преимущественно женщинами, детьми и лицами пожилого возраста. Процесс эвакуации только количественно восполнил сокращение лиц мужского пола, а качественный состав прибывших усилил деформации в демографической структуре населения. К апрелю 1942 г. Южный Урал принял 650,8 тыс. человек⁴. Эваконаселение стало одним из источников пополнения рабочей силы в условиях дефицита трудовых ресурсов. С 1943 г. начинается массовая реэвакуация прибывшего населения, которая обнажила процесс сокращения местного населения и привела вновь к обострению проблемы трудовых кадров во всех отраслях народного хозяйства. К концу войны в регионе осталось лишь 20% эвакуированных, в основном занятых на оборонных предприятиях⁵.

Возросшие темпы военно-индустриального строительства в годы войны ускорили рост городского населения за счет миграции. Решающая роль в этом росте принадлежала сельским жителям. Причинами, толкавшими селян к переезду, были не только мобилизации и призывы, но и крайне низкий уровень жизни жителей деревень, тяжелые условия труда и быта. Изменилось соотношение городского и сельского населения. Если до начала войны доля горожан составляла 37,5 %, а сельчан – 62,5%, то к ее концу – 49,4% и 50,6%⁶. Впервые в истории этого региона количество горожан и селян уравнилось

В южноуральском регионе находит отражение общий для страны процесс роста городского населения и появления новых городов и рабочих поселков. За годы войны на Южном Урале 16 населенных пунктов приобрели статус города, из 28 в целом по Уралу⁷. Форсиро-

ванное развитие военно-промышленного комплекса в регионе обусловили нарастание процессов урбанизации: возникновение новых городов и рабочих поселков, рост городского населения за счет миграции. Село в годы войны являлось основным источником комплектования кадров для промышленности, транспорта и строительства, что и обусловило значительный отток людских ресурсов из деревни.

Внешние перемещения в условиях войны стали играть главную роль в демографическом развитии Южного Урала, а внутренние сократились в общем объеме механического движения, хотя в абсолютных показателях наблюдался их рост. Механическое движение оказывало огромное влияние на естественное, обеспечивающее воспроизводство населения: брачность, рождаемость, смертность. Переселение огромной массы людей ухудшило эпидемиологическую ситуацию, повысило показатели общей заболеваемости и смертности. Из-за войны многократно возросли физические и психологические нагрузки, что в сочетании с ухудшением бытовых условий людей оказывало сильнейшее негативное воздействие на ход демографических процессов – снизилась брачность, упала рождаемость, выросла смертность. Непосильный труд, хронический голод, а также болезни и отсутствие элементарной медицинской помощи приводили к повсеместной гибели десятков и сотен тысяч людей.

В составе факторов смерти населения резко повысился удельный вес экзогенных воздействий, которые в годы войны стали основной причиной увеличения смертности. Следствием полуголодного существования, эпидемий был рост умерших от туберкулеза, желудочно-кишечных и инфекционных болезней. Количественные параметры смертности населения тыловых районов страны в годы войны прошли в своем развитии два этапа. Первый этап охватывает период с начала войны до осени 1942 г., когда наблюдался стремительный рост смертности, особенно в городах. На втором (осень 1942 – весна 1945 гг.) – уровень смертности заметно понизился.

Показатели смертности городского населения своего наивысшего роста достигли летом – осенью 1942 г. По южноуральскому региону за данный год число умерших в городах увеличилось на 30,5%, коэффициент смертности составил 26,7 человек на 1000 населения. По Уралу коэффициент смертности среди городского населения составил – 29,8‰, по стране – 35‰⁸. В сельской местности не произошло ее увеличения, в связи с этим, общее количество умерших по южноуральскому региону в 1942 г. выросло на 9,6%, что значительно меньше, чем

по всему Уралу – на 19,5%⁹. Рост смертности, обусловленный сильным ухудшением необходимых для нормальной жизнедеятельности человека условий, повлек за собой резкое сокращение населения уже в первые годы войны.

Снижение смертности, явно наметившееся уже с 1943 г., связано, прежде всего, с улучшением медицинского обслуживания. Важным фактором уменьшения смертности стала целая система мер правительства по развитию здравоохранения, медико-фармацевтической промышленности и предельному ужесточению санитарного контроля. За 1943 г. по региону сокращение умерших произошло на 29%, в 1944 г. – на 20,7%, в 1945 г. – на 40,5%. За 1943 – 1945 гг. общий коэффициент смертности тылового населения на Южном Урале уменьшился на 57,4%: с 22,5 человек на 1000 населения до 9,6¹⁰. Данный показатель по стране составил в 1945 г. – 14,1‰, по Уралу – 10,5‰¹¹.

Выявленные существенные отличия в динамике смертности сельского населения от городского, наиболее выражены в 1942 – 1943 гг. В 1942 г. – наибольшей смертности в городах, уровень смертности в деревне по региону снизился на 6%: в Челябинской области – на 10,5%, в Чкаловской – на 1,8%. В этом году в тыловых районах страны смертность среди сельского населения увеличилась на 9%, на Урале – на 3,2%¹². Критическим для села стал 1944 г. в связи с неурожаем 1943 г. и увеличением смертности. В результате в Чкаловской области впервые за все годы войны в 1944 г. выросла смертность жителей в сельской местности на 1,7% на общем фоне ее сокращения. Последствия неурожая повлияли на падение темпов в снижении смертности в регионе среди этой категории населения: у горожан в 1944 г. наблюдалось ее уменьшение на 25%, у сельчан на 17,4 %¹³. На всем протяжении войны на Южном Урале уровень гибели людей в сельской местности был постоянно ниже, чем в городах, и все его колебания проходили более плавно. Подобная закономерность наблюдалась в целом по Российской Федерации и Уралу.

Значительное влияние на общий уровень смертности оказывала детская смертность. Младенческая смертность в годы войны имела устойчивую тенденцию к снижению, как по абсолютным, так и относительным показателям. Падение ее уровня на Южном Урале наблюдалось уже с начала войны, в стране – только с 1943 г. На протяжении всех военных лет показатели смертности на Южном Урале, как среди взрослого, так и детского населения, по сравнению с общими по стране и Уралу были лучшими. Однако количество умерших среди граж-

данского населения южноуральского региона было таково, что оно в 1942 – 1944 гг. превышало рождаемость, естественного прироста не происходило.

Демографические процессы военного времени характеризовались резкой деформацией половозрастного состава населения региона, особенно в сельской местности. Наиболее значительные диспропорции полов сложились среди дееспособной категории граждан. Резкий дисбаланс естественного соотношения численности мужчин и женщин привел к негативным последствиям процессов воспроизводства населения: рождаемости и брачности.

Большие изменения в годы Великой Отечественной войны претерпела рождаемость населения. Основной тенденцией динамики рождаемости в условиях войны стало ее резкое снижение. В течение 1941 – 1945 гг. общий коэффициент рождаемости по Южному Уралу уменьшился в 2,2 раза. Основные закономерности в развитии этого процесса воспроизводства населения региона и страны являлись общими, отличаясь на незначительные величины и продолжительности по времени. Так, в 1944 г. в стране отмечался уже рост числа новорожденных на 7,8%, на Южном Урале наблюдалась только стабилизация процесса в городах, сельской местности продолжалось сокращение рождаемости. В 1945 г. начался рост числа рождений по региону на 34,3%¹⁴ по сравнению с предыдущим годом, по стране увеличение произошло только на 18%.

Резкое снижение рождаемости в деревне объясняется, прежде всего, более глубокой, чем в городе, деформацией половозрастного состава ее населения, связанной с мобилизационными и миграционными процессами. На падение рождаемости оказывали свое влияние и тяжелые условия военного времени, возросшая занятость женщин, совмещавших профессиональную деятельность с выполнением материнских и семейных обязанностей.

Все негативные последствия демографических процессов военных лет нашли непосредственное отражение в семьях. Война приостановила образование семейных союзов и привела к разрушению многих из них. Убыль мужского населения деформировала возрастную и брачную структуру населения. Падение уровня и качества жизни, неустойчивость общей ситуации усиливали кризисные явления в семьях. Прежде всего, это выразилось в снижении числа заключенных браков на Южном Урале уже с первого года войны, и достигло низших показателей в 1942 г. В последующие годы наблюдался посте-

пенный рост регистраций новых семей с нарастанием положительной динамики к концу войны. Сравнительный анализ показал, что в городах Южного Урала на 1000 населения в конце войны заключалось браков больше, чем по Уралу, но меньше, чем по стране, соответственно – 9,1‰, 7,5‰, 12‰¹⁵.

Кризис семейно-брачных отношений сильнее проявился в сельской местности. Война очень много изменила в укладе крестьянской жизни, сблизив в тенденциях развития и разрушения патриархальных устоев с городской. Это отразилось, в первую очередь, на разводимости. Количество разводов стало неуклонно расти, несмотря на временные перепады в 1941 г. и 1944 г., связанные в первом случае с массовой мобилизацией, во втором с ужесточением законодательства. Наивысший рост разводимости среди сельского населения Южного Урала отмечался в 1943 г.: соотношение количества разводов к числу заключенных браков практически сравнивалось в городе и деревне.

В военные годы претерпели качественные изменения семейные отношения и состав семьи. Катастрофически увеличилось число неполных семей (которые стали привычным явлением): вдов с детьми, разведенных, одиноких престарелых родителей, матерей-одиночек. Снижение рождаемости привело к уменьшению числа детей в семьях, эта тенденция сохранилась и в послевоенные годы.

Наиболее разрушающее влияние война оказала на традиционные устои сельской семьи, несмотря на то, что семейные отношения на селе ценились намного выше, чем в городе. Именно в годы войны советское государство признало решающую роль семьи в формировании общества, и на законодательном уровне старалось урегулировать и укрепить ее устои.

Коренным образом повлиял на развитие семейно-брачных отношений Указ Президиума Верховного Совета СССР «О браке и семье» от 8 июля 1944 г., который устанавливал обязательную юридическую регистрацию супружеских отношений и ужесточал процедуру развода. В данном Указе излагались основные направления демографической политики государства, способствовавшие преодолению последствий войны в сфере воспроизводства населения: материальная и моральная поддержка семьи. Впервые за годы советской власти в законодательстве о семье закон решительно вставал на защиту официального брака¹⁶.

Все эти факторы складываются под влиянием особенностей социально-экономического развития страны. Такое историческое событие

как Великая Отечественная война, сильно повлияло на численность населения, изменило его возрастную-половую структуру, вызвало серьезные сдвиги в размещении населения и глубоко затронуло демографические процессы. В военные годы несколько упало значение естественного прироста как основного фактора демографического развития, и увеличилась роль механического. Так, за 1941 – 1945 гг. в деревне число родившихся значительно превысило число умерших, в то время как в городах количество смертей превышало количество рождений, а прирост населения отмечался в городах, а убыль – в селах. Основные и взаимосвязанные между собой демографические процессы естественного движения уже не обеспечивали сложный процесс воспроизводства населения в регионе. Отрицательный естественный прирост на протяжении 1942 – 1944 гг. – основное свидетельство начавшейся депопуляции в регионе.

Таким образом, война явила собой крупнейшую в истории нашей страны демографическую катастрофу, которая нанесла непоправимый урон населению даже тех районов, которые оказались в глубоком тылу. Ее последствия наложили отпечаток на развитие демографических процессов на многие последующие годы.

Примечания:

¹ Кривошеев Г.Ф. Жертвы войны и цена Победы // Цена Победы. М., 2000. С. 8.

² Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 626. Л. 5, 5 об.; Д. 1010. Л. 11, 11 об.; Д. 1452. Л. 17, 17 об.

³ Подсчитано по: Фурорьянский Л. И. Сыны и дочери Оренбуржья на фронтах Великой Отечественной // Южный Урал в годы Великой Отечественной войны. Оренбург, 2000. С. 3; Привалов Р. Памятные места г. Челябинска, связанные с Великой Отечественной войной // Челябинск в прошлом и настоящем. Челябинск, 2006. С. 331; Книга памяти 1941 – 1945. Курганская область. Курган, 1995. С.3; ГАОО Ф. Р-1003. Оп. 3. Д. 872. Л. 31.

⁴ Потемкина М. Н. Влияние эвакуации населения на южноуральский тыл // Южный Урал в годы Великой Отечественной войны. Оренбург, 2000. С. 66.

⁵ Потемкина М.Н. Указ. соч. С. 67.

⁶ Корнилов Г. Е. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993. С. 153.

⁷ Подсчитано по: Альтов В. Г. Новотроицк. Челябинск, 1982. С. 36; Челябинская область. Краткий справочник. Челябинск, 2006. С. 16 – 18; ГАОО Ф. 1003. Оп. 3. Д. 872. Л. 29; ГАКО Ф. 1591. Оп. 6. Д. 16. Л.

⁸ Посчитано по: Корнилов Г. Е. Уральское село и война. С. 65, 66, 67; Население России в XX веке: исторические очерки. 1940 – 1959. М., 2001. Т. 2. С.112.

⁹ Посчитано по: ОГАЧО Ф. Р-485. Оп. 17. Д. 25. Л. 7 – 10; Д. 42. Л. 73; данные Оренбургского управления статистики; Корнилов Г.Е. Указ. соч. С. 64.

¹⁰ Подсчитано по: ГАКО Р-1591. Оп. 6. Д. 2. Л. 4, 5, 26 об; Там же Д. 9. Л. 1 об; Там же

Д. 16. Л. 18 об, 20, 21; ОГАЧО Р-485 Оп. 17. Д. 25. Л. 7 – 10; Там же Д. 42. Л. 73; Там же Д. 54. Л. 34 об, 36 об; Там же Д. 75. Л. 23; Там же Д. 79. Л. 1, 2; Там же Д. 94. Л. 44; Там же Д. 1102. Л. 65 об. Данные Оренбургского статистического управления.

¹¹ Население России в XX веке. С. 96; Корнилов Г.Е. Уральское село и война. С. 66.

¹² Подсчитано по: Корнилов Е. Г. Уральское село и война. С. 64, 65; Население России в XX веке. С. 122.

¹³ Подсчитано по: ГАКО. Р-1591. Оп. 6. Д. 2. Л. 4, 5, 26 об.; Д. 9. Л. 1 об.; Д. 16. Л. 18 об., 20, 21; ОГАЧО. Р-485. Оп. 17. Д. 25. Л. 7 – 10; Там же Д. 42. Л. 73; Д. 54. Л. 34 об., 36 об.; Д. 75. Л. 23; Д. 79. Л. 1, 2; Д. 94. Л. 44; Д. 102. Л. 65 об.; данные Оренбургского областного управления статистики.

¹⁴ ГАКО. Ф. Р-1591. Оп. 6. Д. 2. Л. 4, 5, 26 об.; Д. 16. Л. 18 об.; ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 17. Д. 25. Л. 10; Д. 42. Л. 73; Д. 79. Л. 1; Д. 102. Л. 65 об.; данные Оренбургского управления статистики.

¹⁵ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 11. Л. 12, 117; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 2638. Л. 68.

¹⁶ Население России в XX веке. С. 253.

Семенов С. В. (г. Оренбург)

ОРЕНБУРЖЦЫ – ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В БОЯХ ЗА КРЫМ В 1944 ГОДУ

70 лет назад, 12 мая 1944 года, завершилась Крымская стратегическая наступательная операция, вошедшая в историю как одна из важнейших наступательных операций Великой Отечественной войны. Ее целью стало освобождение Крымского полуострова, важного стратегического плацдарма на Черноморском театре военных действий, путем разгрома 17-й немецкой армии. В числе участников Крымской операции были оренбуржцы, удостоенные звания Героя Советского Союза.

В начале февраля 1944 года маршал А.М. Василевский представил в Ставку ВГК разработанный совместно с командованием 4-го Украинского фронта план наступления в Крыму.

Ставка ВГК определила начать наступление в Крыму не позднее 1 марта, но из-за плохой погоды и начавшегося сильного шторма на Азовском море, задержали перегруппировку войск 4-го Украинского фронта и их переправу через Сиваш, операцию отложили.

В Мелитополе 30 марта представители Ставки ВГК маршалы Советского Союза А.М. Василевский и К.Е. Ворошилов совместно с Военным советом 4-го Украинского фронта обсудили вопросы проведения Крымской операции¹.

При ее подготовке важные задачи решали инженерные войска. Несмотря на упорное сопротивление врага, основная часть захваченного накануне операции плацдарма южнее Сиваша была удержана. Здесь инженерные части 51-й армии построили мост на рамных опорах длиной 1865 метров и грузоподъемностью 16 тонн, две земляные дамбы длиной 600–700 метров и понтонный мост между ними длиной 1350 метров. В феврале-марте 1944 года грузоподъемность моста и дамб была доведена до 30 тонн, что позволяло обеспечивать переправу по ним танков Т-34 и тяжелой артиллерии. Так как вражеская авиация совершала систематические налеты на мосты, а артиллерия противника обстреливала их, в результате переправы выходили из строя, чтобы избежать этого, весной 1944 года в километре от действующего моста через Сиваш был построен ложный мостовой объект, который отвлекал внимание вражеской авиации. А ночью по основному мосту переправлялся на плацдарм 19-й танковый корпус².

В апреле 1944 года в 17-ю немецкую армию входило три корпуса: 5-й армейский и два горнострелковых - 49-й немецкий и 1-й румынский. Также в армии имелось пять немецких и семь румынских дивизий, две бригады штурмовых орудий, а также различные части усиления - всего 195 тыс. человек, около 3600 орудий и минометов, 215 танков и штурмовых орудий. Эту группировку поддерживали до 300 самолетов 1-го авиационного корпуса 4-го воздушного флота Германии и части румынских ВВС, базировавшиеся в Крыму.

Разгром крымской группировки врага и освобождение Крыма возлагались на войска 4-го Украинского фронта (2-я гвардейская, 51-я общевойсковые, 8-я воздушная армии, 19-й танковый корпус, 116-й и 78-й укрепленные районы) под командованием генерала армии Ф.И. Толбухина и Отдельную Приморскую армию во взаимодействии с силами Черноморского флота и Азовской военной флотилии. Всего в группировке советских войск насчитывалось 470 тыс. человек личного состава, 5982 орудия и миномета, 559 танков и самоходно-артиллерийских установок. В 4-й и 8-й воздушных армиях насчитывалось 1250 самолетов (с учетом авиации Черноморского флота). Она превосходила противника в людях — в 2,4 раза, в артиллерии — в 1,7 раза, в танках — в 2,6 раза, в самолетах - в 4,2 раза³.

За пять суток до начала операции тяжелая артиллерия приступила к разрушению долговременных сооружений врага в Крыму. Вечером 7 апреля была проведена разведка боем, подтвердившая прежнюю группировку немецких войск в районе Перекопа и Сиваша.

Утром 8 апреля 1944 года после артиллерийской и авиационной подготовки продолжительностью 2,5 часа войска 4-го Украинского фронта перешли в наступление, нанося главный удар силами 51-й армии с сивашского плацдарма.

На Сивашском плацдарме сражался наш земляк Н.В. Аксютин, капитан командир стрелковой роты (родился в 1916 году в с. Аксютине – в настоящее время Асекеевский район Оренбургской области). Согласно наградному листу «8-9.04.1944 года рота под командованием тов. Аксютин одной из первых ворвалась в траншею первой линии обороны противника, ведя гранатный бой, уничтожила до 30 солдат и офицеров. Развивая наступления, рота на плечах врага ворвалась во вторую линию траншей. Затем, несмотря на упорное сопротивление, овладела узким межозерным дефиле, где в жаркой схватке Аксютин из автомата лично уничтожил двух офицеров, четырех немецких солдат и гранатами подавил две огневые точки, что дало возможность остальным подразделениям полка с наименьшими потерями выйти на западную сторону озера Киятского. Это решило исход боя. В бою Аксютин, находясь в первых рядах атакующих, личным примером воодушевлял бойцов и командиров на подвиги». В этом бою капитан Аксютин погиб. Звание Героя Советского Союза Н.В. Аксютину присвоено 16 мая 1944 года посмертно за отвагу и мужество, проявленные в боях на Сивашском плацдарме⁴.

Вспомогательный удар на Перекопском перешейке нанесла 2-я гвардейская армия. Наиболее ожесточенное сопротивление противник оказал в полосе 51-й армии на тарханском направлении, выведшем в тыл его перекопских позиций. Части 10-го и 1-го гвардейского стрелковых корпусов овладели лишь первой и местами второй траншеей немецких войск.

Более успешно началось наступление на направлении вспомогательного удара этой армии. По решению командующего войсками фронта для развития наметившегося здесь успеха были введены в сражение 417-я стрелковая дивизия из второго эшелона 63-го корпуса и 32-я гвардейская танковая бригада из 1-го гвардейского стрелкового корпуса. В последующем наступлению 63-го стрелкового корпуса в значительной мере содействовал 1164-й стрелковый полк 346-й стрелковой дивизии, который, перейдя вброд озеро Айгульское, нанес удар во фланг группировки противника.

К исходу 9 апреля немецкая оборона была прорвана, 51-я армия вышла во фланг его перекопской группировки, 2-я гвардейская армия,

прорвав первую оборонительную полосу, освободила Армянск. Немцы были вынуждены начать поспешный отход на ишунские позиции.

К исходу 10 апреля оборона противника была прорвана не только в Северном Крыму, но и на Керченском полуострове. При этом наибольшего успеха добились соединения и части 51-й армии, которые при мощной поддержке артиллерии и авиации успешно развивали наступление. В данной обстановке командующий войсками фронта приказал сформировать для быстрейшего освобождения Симферополя подвижную группу. Ее возглавил заместитель командующего 51-й армией генерал-майор В.Н. Разуваев.

Утром 11 апреля 63-й стрелковый и 19-й танковый корпуса перешли в наступление. К 11 часам передовой отряд 19-го танкового корпуса в составе 202-й танковой бригады, самоходного артиллерийского полка и 52-го мотоциклетного полка ворвались на северную окраину Джанкоя. В городе противник имел до полка пехоты, около двух дивизионов артиллерии и четыре штурмовых орудия. С юга подошел бронепоезд, открывший огонь по подразделениям передового отряда. К 15 часам советские части прорвались в центр города, но и там встретили ожесточенное сопротивление врага. Бои приняли затяжной характер. Только с выходом к Джанкою 26-й мотострелковой бригады 19-го танкового корпуса противник, понеся крупные потери, оставив артиллерию, склад с боеприпасами и продовольствием, поспешно отступил в южном направлении⁵.

12 апреля соединения и части Отдельной Приморской армии прорвали оборону врага на ак-монайских позициях, а на следующий день соединились в районе Карасубазара с передовыми отрядами объединений 4-го Украинского фронта.

Упорное сопротивление противник оказал на промежуточном рубеже Симферополь – Саки – Евпатория. Попытки частей 19-го танкового корпуса с ходу сломить его сопротивление на этом рубеже не удалось. Корпус вынужден был остановиться в ожидании подхода стрелковых соединений.

В ночь на 13 апреля была проведена необходимая перегруппировка сил, а в 7 часов после короткой артиллерийской подготовки части корпуса перешли в наступление на Симферополь.

Несмотря на упорное сопротивление врага, оборонявшего город, советские танковые и стрелковые соединения одновременно с нескольких направлений атаковали его и к 11 часам полностью освободили Симферополь.

На всех направлениях вражеская оборона окончательно рухнула, и советские войска развернули преследование противника, отходившего к Севастополю.

Армейские корпуса врага, отступавшие на Севастополь, сумели избежать окружения.

13 апреля были освобождены Евпатория и Феодосия, а 14–15 апреля — Бахчисарай, Алушта и Ялта.

К середине апреля силы 17-й армии противника оказались существенно ослабленными: 10-я и 19-я немецкие пехотные, 6-я и 9-я румынские кавалерийские дивизии были полностью разгромлены. Их остатки влились в понесшие крупные потери румынские 1, 2 и 3-ю горнострелковые дивизии. 50, 73 и 98-я пехотные дивизии потеряли до половины своего состава. Поэтому командование 17-й армии основное внимание сосредоточило на удержании Севастопольского укрепленного района, куда отошли остатки его крымской группировки. 15–16 апреля советские войска вышли на подступы к Севастополю, где были остановлены на внешнем обводе бывшего Севастопольского оборонительного района, организованной обороной противника. Попытка взять город с ходу потерпела неудачу. Началась подготовка к его штурму.

Для обороны Севастополя войска вермахта использовали мощную систему укреплений. Наиболее сильными узлами сопротивления являлись Мекензиевы горы, Сахарная Головка, но особенно Сапун-гора, так как они господствовали над окружающей местностью. На подступах к городу были оборудованы шесть линий траншей, прикрытых противопехотными и противотанковыми заграждениями в несколько рядов.

Войска 4-го Украинского фронта дважды, 19 и 23 апреля, предпринимали попытки прорвать основной оборонительный рубеж Севастопольского укрепленного района, но безрезультатно. Поэтому было принято решение провести дополнительную перегруппировку войск и сил, всесторонне обеспечить их материальными средствами и только после тщательной подготовки возобновить наступление.

В ходе Крымской наступательной операции авиация 8-й и 4-й воздушных армий наносила массированные удары по отходившим войскам неприятеля и узлам его коммуникаций.

В составе 4-й воздушной армии сражался оренбуржец Ш.М. Абдрашитов (родился в 1921 году в Оренбурге, в мае 1938 г. был направлен в Оренбургскую военную школу летчиков), лейтенант заместитель командира эскадрильи 402-го истребительного авиационного

Краснознаменного ордена Суворова полка. Последний боевой вылет Шамиль Абдрашитов совершил 3 мая 1944 года для уничтожения немецких самолетов на аэродроме мыса Херсонес под Севастополем. Лейтенант Абдрашитов в группе из шести «яков» вылетел ведущем на штурмовку аэродрома. К цели подошли со стороны моря, летчики сбрасывали на стоящие самолеты осколочные бомбы, а затем, пикируя, открыли огонь из стрелкового вооружения самолета, но, при выходе из атаки, в хвост «яка» зашел «фоке-вульф» и открыл прицельный огонь. В результате Абдрашитов был ранен, у самолета загорелся мотор. Прыгнул с парашютом над Черным морем, лейтенант погиб. Спустя 3 месяца Ш.М. Абдрашитову за 242 боевых вылета и 16 лично сбитых самолетов противника посмертно присвоили звание Героя Советского Союза⁶.

Наступление на Севастополь возобновилось 5 мая 1944 года. Первой атаковала врага 2-я гвардейская армия. Бои носили исключительно упорный характер. Однако со второй половины дня противник воспринял эти действия как нанесение главного удара, и командование 17-й армии начало перегруппировку, подтягивая на это направление резервы и часть сил с внутреннего обвода Севастопольского укрепленного района.

7 мая в 10 часов 30 минут при массированной поддержке всей авиации фронта советские войска начали генеральный штурм Севастопольского укрепленного района. Оборона была прорвана на 9-километровом участке. В этот же день были взяты ключевые позиции в обороне Севастополя: Сапун-гора и Мекензиевы горы, а 2-я гвардейская армия пробилась к Северной бухте.

В боях на подступах к Севастополю воевал капитан И.Г. Подольцев (родился в 1910 году в с. Залесове – в настоящее время Красногвардейский район Оренбургской области). 8 мая 1944 года он организовал бой за населенный пункт Инкерман (ныне – городской округ Севастополя). Противник встретил передовой отряд сильным минометным и пулеметным огнем, тогда И.Г. Подольцев разделил своих бойцов на две группы и ударил по немецким войскам одновременно с фронта и тыла, а группу, наступающую с фронта, повел сам. В стремительной атаке удалось выбить противника из траншей. В этом бою передовой отряд капитана И.Г. Подольцева уничтожил и захватил семнадцать огневых точек противника, а на станции – двенадцать паровозов и около трехсот вагонов. Штурм железнодорожной станции Севастополя капитан И.Г. Подольцев с бойцами начал рукопашной схват-

Секция 1. НАРОДЫ ЮЖНОГО УРАЛА В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

кой с превосходящим силами противником, где и получил смертельное ранение. Звание Героя Советского Союза И.Г. Подольцеву присвоено посмертно⁷.

9 мая советские войска, нанося согласованные удары по противнику с севера, востока и юго-востока, полностью освободили Севастополь.

Остатки 17-й немецкой армии, преследуемые 19-м танковым корпусом, отошли на мыс Херсонес, где 12 мая были полностью разгромлены. Несмотря на противодействие сил Черноморского флота, командование вермахта смогло эвакуировать из Крыма 130 тыс. человек морем и около 21500 человек самолетами транспортной авиации. От ударов по морским конвоям и одиночным судам враг потерял 8100 солдат и офицеров.

Таблица 1. Боевой состав, численность советских войск и людские потери в Крымской наступательной операции⁸.

Наименование объединений и сроки их участия в операции	Боевой состав и численность войск к началу операции		Людские потери в операции			
	количество соединений	численность	безвозвратные	санитарные	всего	среднесуточные
4-й Украинский фронт (весь период)	стрелковая дивизия – 18, танковый корпус – 1, отдельная танковая бригада - 2, укрепленный район - 2	278 400	13 332	50 498	63830	1 824
Отдельная Приморская и 4-я воздушная армии (весь период)	стрелковая дивизия – 12, стрелковая бригада -2, отдельная танковая бригада - 1	143 500	4 196	16 305	20501	586
Черноморский флот и Азовская военная флотилия (весь период)	-	40 500	226	262	488	14
Итого	Дивизий-30, корпусов-1, бригад-5, укрепленных районов - 2	462 400	17 754 3,8%	67 065	84819	2 423

Цели Крымской наступательной операции были достигнуты – советские войска прорвали оборону на Перекопском перешейке, Керченском полуострове, в районе Севастополя и разгромили 17-ю армию вермахта. Ее потери только на суше составили 100 тыс. человек, в том числе свыше 61 580 человек пленными. Советские войска и силы флота в ходе Крымской операции потеряли 17 754 человека убитыми и 67 065 человек ранеными.

Если в 1941–1942 гг. немецким войскам понадобилось 250 суток, чтобы овладеть героически защищавшимся Севастополем, то в 1944 г. советским войскам оказалось достаточно 35 суток, чтобы взломать мощные укрепления в Крыму и очистить почти весь полуостров. Пять раз салютовала Москва воинам армии и флота, освобождавшим Крым, многим воинским соединениям были присвоены почетные наименования Симферопольских, Севастопольских, Сивашских, Керченских⁹.

По опубликованным данным в операции по освобождению Крыма участвовало 8 оренбуржцев – Героев Советского Союза и 24 выпускника Оренбургской военной авиационной школы летчиков¹⁰.

Примечания:

¹ Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). С. 40, 264–265.

² Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 4. Освобождение территории СССР. 1944 год. – М., 2012. – С. 221.

³ Великая Отечественная народная 1941–1945 гг. Краткий исторический очерк. – М., 1985. – С. 155.

⁴ Золотые звезды Оренбуржья. – Оренбург, 2010. – С. 102.

⁵ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 4. Освобождение территории СССР. 1944 год. – М., 2012. – С. 225.

⁶ Копылов И.С., Лазукин А.Н., Райкин Г.Л. Оренбургское летное. – М., 1976. – С. 90–91.

⁷ Золотые звезды Оренбуржья. – Оренбург, 2010. – С. 177.

⁸ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андроников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин. – М., 2010. – С. 143.

⁹ 1418 дней войны: Из воспоминаний о Великой Отечественной / Сост. Е.Н. Цветаев, В.С. Яровиков – М., 1990. – С. 366.

¹⁰ Подсчитано по: Золотые звезды Оренбуржья. – Оренбург, 2010 – 352 с.; Оренбургские крылья Родины. – Оренбург, 2011 – 620 с.

Ким Г. П. (г. Оренбург)

КОРЕЙЦЫ РОССИИ – УЧАСТНИКИ I МИРОВОЙ ВОЙНЫ

К началу I мировой войны прошло 50 лет со времени добровольного переселения корейцев на российский Дальний Восток. За полувековой период миграции корейского крестьянского населения на российский Дальний Восток, имели в своей основе разные причины, важнейшими из которых следует признать экономические и политические мотивы, связанные с кабальной зависимостью Кореи от ряда соседних государств, в большей степени – от Японии. Корейский народ, относясь к России как к стране, способной облегчить вассальное положение их родины, спасти тысячи крестьян от голодной смерти в период стихийных бедствий, выражал свои чувства к новой родине проявлением беспримерного трудолюбия, полной лояльностью к русской власти, уникальной способностью адаптироваться к новым социально-экономическим условиям.

В контексте международной политики конца XIX – начала XX вв. обозначились несколько линий русско-корейских взаимоотношений¹:

- центральное внешнеполитическое ведомство придерживалось осторожно-выжидательных действий на Корейском полуострове;
- крупные российские дальневосточные администраторы и дипломаты, служившие в регионе, были сторонниками более активного вмешательства в корейские дела с целью большего противостояния интересам Японии;
- российское военное ведомство, игнорируя политику Министерства иностранных дел, предлагало, как минимум, установить над Кореей протекторат, чтобы иметь незамерзающий порт для Тихоокеанского флота, и в дальнейшем подвести к нему с российской территории железнодорожную ветку.

К этим разносторонним внешнеполитическим подходам во второй половине 1890-х годов прибавился курс министра финансов России, отводивший Корее роль буфера русско-японских отношений. Обобщение многослойных процессов, идущих в недрах российской государственной бюрократии, приводит к выводу о том, что ясности в политике России на Корейском полуострове не было.

В этих условиях немаловажное значение имели факторы взаимоотношений иммигрантов и региональных властей, зачастую решавших возникшие проблемы, исходя из реально сложившихся обстоятельств.

Низкая плотность населения российских дальневосточных владений, медленно и трудно идущий процесс переселения русских в Приамурье, невозможность создания прочного демографического щита против стихийной восточной экспансии вызывала серьезную озабоченность властей возможностью «отпадения» этой окраины от России. К 1890-м годам более 27,5% оседлого населения составляли иностранцы².

Следует отметить, что «желтая опасность» на российском Дальнем Востоке в первую очередь ассоциировалась с китайскими иммигрантами. Растущая, чаще всего нелегально, демографическая корейская масса была также экономически неблагополучна, как и китайская, но, тем не менее, имела ряд отличительных параметров: занималась по преимуществу сельским хозяйством (огородничеством), была более коммуникабельна с немногочисленным русским населением края, в том числе и в сфере религии. Часто корейские переселенцы приходили целыми семьями, чтобы навсегда осесть в России. Значительная часть корейцев, желая обрести на своей новой родине определенный социальный статус, становилась православной, что облегчало получение российского подданства. Кроме того по закону, вступившему в силу 17 мая 1888 г., облегчались условия натурализации иммигрантов из Китая и Кореи. Корейцы-русскоподданные получали в пределах Приамурского края земельный надел в 15 десятин на семью.

Когда через десять лет действие этого закона закончилось, корейцы стали принимать российское подданство на общих основаниях и пользоваться правами крестьянского сословия наравне с русскими. Почти все корейцы, прожившие в России не менее 5 лет, к началу XX в. были приняты в российское подданство. Подталкивала корейцев к переходу в русскоподданных статусная разница с категорией иностранцев, которые не имели официально закрепленных земельных наделов, а также ежегодно должны были продлевать вид на жительство.

Недостаток сельскохозяйственных земель в сложившихся на российской территории корейских селениях вынуждал новых переселенцев идти дальше по дальневосточной территории, расселяться в русских деревнях, а также вблизи городов и крупных населенных пунктов, чтобы сбывать там излишки сельскохозяйственной продукции. Те иммигранты-корейцы, которые вынуждены были порвать связь с землей, вливались в ряды пролетариата в городах, на приисках, на фабриках и заводах. Следует отметить, что растущие миграционные потоки из Кореи помогали решить проблему рабочих рук в Приамурье и Приморье, где русское население по-прежнему было малочис-

ленным. Процесс расселения корейцев постепенно распространился с Дальнего Востока на Сибирь, Урал, Европейскую часть России³.

Возрастание иммиграционных потоков зависело и от событий международного значения. Так, в результате русско-японской войны установившийся протекторат Японии над Кореей превратил последнюю в беззащитный объект колониального захвата, вызвавший массовый протест граждан страны. Нахождение Кореи с 1905 года под юрисдикцией Японии привело к замене экономических причин эмиграции политическими.

Корейцы-русскоподданные стремились проявить преданность своей второй родине. В период боксерского восстания в Китае новые российские граждане стали привлекаться к охране российско-китайской границы. Согласно подписанному 9 июля 1900 г. Приамурским генерал-губернатором Н.И. Гродековым «Положению об охране селений Приморской области, объявленных на военном положении» стали создаваться из добровольцев всех сословий дружины. Если добровольцев оказывалось недостаточно, то их выделяла сельская община в зависимости от удаленности поселения от границы: чем ближе она находилась, тем большее количество людей направлялось на охрану. Дружинники бесплатно получали берданки и патроны к ним, которые подлежали сдаче государству после расформирования дружин. Участники таких временных формирований и их семьи находились на государственном обеспечении⁴.

В числе таких дружинников находились и русскоподданные корейцы, многие из которых получили правительственные награды за храбрость. Так, во Всеподданнейшем отчёте Военного губернатора Приморской области генерал-лейтенанта Чичагова за 1900 год, отмечены две корейские сотни из Посьетского и Суйфунского участков.

Гражданское население Амурской и Приморской областей пользовались до 1909 г. льготами, освобождавшими от исполнения воинской повинности как жителей малозаселенных территорий. Но когда призыв возобновился, в числе призывников оказались также и корейцы, однако точное их число пока не установлено. В 1910 г. в Приморской области призвалось 158 чел. разных национальностей, в том числе 21 кореец⁵.

Вопрос о военной службе русскоподданных корейцев достаточно неясен. Вполне вероятно, что могли сказаться отношения с Японией после поражения России в русско-японской войне, когда информация о корейцах, служивших в российской армии, не афишировалась. Известен случай обращения ненатурализованных корейцев в Главное управление

Генштаба России с ходатайством о зачислении в «ряды действующей армии» в годы I мировой войны. «Совет» России об отклонении этого предложения как способного навредить русско-японским отношениям был оперативно опубликован в японской газете «Асахи». В реальности же за этим заявлением могло стоять опасение, что служба корейцев в русской армии, обретение ими серьезных военных знаний и умений обернется против японцев в освободительной борьбе за независимость Кореи.

Статистические данные о корейцах – участниках I мировой войны приводятся в современных исследованиях довольно обобщенно: призванными на фронт и в тыловые части считалось около 4 тыс. корейцев. Многие в ходе военных действий перешли в разряд младших командиров, некоторые стали офицерами.

Корейцы-русскоподданные выражали желание стать кадровыми военными российской армии. Практически в каждом отдельном случае прошения рассматривались индивидуально. Так, еще до русско-японской войны император Николай II учредил 10 казенных стипендий для обучения корейцев в русских военно-учебных заведениях Хабаровского и Сибирского корпусов.

Показательным примером может служить судьба русскоподданного корейца, уроженца Красного Села Янчихинской волости Семена Сергеевича Хона. 10 мая 1902 года им было подано прошение в канцелярию Имперской Российской миссии в Сеуле: «Имея сильное желание обучаться военному делу в одном из Юнкерских училищ Российской Империи, дабы потом служить, если это мне будет Русским Правительством разрешено, в Корейской армии, имею честь покорнейше ходатайствовать об исхлопотании мне разрешения поступить в одно из Юнкерских училищ в России. От роду имею 23 года, вероисповедания Православного, учился в Янчихинской трехлетней школе. Отец мой соглашается материально мне помочь, дав на прожитие в России во время учения 1000 рублей».

Завершает этот сюжет дальневосточный исследователь А.И. Петров сожалением об отсутствии дальнейших следов этого документа в региональных архивах. Но неожиданное продолжение судьба С.С. Хона получает в одном из фондов Центра документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИ ОО). Безусловно, получение корейцами специального военного образования, защита своего нового Отечества с оружием в руках – явление, скорее исключительное, чем типичное, поэтому даже косвенное упоминание о таком человеке должно привлечь внимание. В начале 90-х годов в составе фонда

УФСБ по Оренбургской области, переданного ЦДНИОО, оказались дела реэмигрантов из Китая Хон-Громовых, как выяснено нами, родственников С.С. Хона⁶ – его жены, детей, внуки.

Сын Павел Семёнович Хон указал в автобиографии, что отец, С.С. Хон, окончив Иркутское юнкерское училище, стал офицером русской армии. Ещё до окончания военного учебного заведения он принял участие в русско-японской войне вольноопределяющимся и имел за службу Георгиевский орден. По окончании войны доучился в училище, получил чин подпоручика и был направлен в 37-й Сибирский стрелковый полк. В 1914 г. С.С. Хон ушел на фронт I мировой в чине штабс-капитана, был 4 раза ранен, имел за храбрость самые высокие воинские награды. В 1917 г. был убит в 38 лет и посмертно произведён в чин подполковника. Такое производство в следующий чин – свидетельство лучших качеств боевого офицера. Его удивительная судьба связала Южный Урал с Дальним Востоком через Китай.

Также кадровым офицером русской армии стал выпускник того же Иркутского военного училища, приамурский кореец Н.Ф. Ким. Быстрое его продвижение по служебной лестнице связано не только с профессиональной подготовкой, но, в меньшей степени, с проявленными в условиях военного времени лучшими боевыми качествами. К началу 1917 г. по ряду оценочных данных не менее 100 корейцев учились или окончили российские военные заведения.

Многие корейцы в боевых действиях I-й мировой проявили храбрость и героизм. Например, особо отличился бесстрашный подъяесаул Николай Тё – участник знаменитого Брусиловского прорыва, награждённый за особые заслуги в ходе этой операции золотым оружием, что считалось в иерархии боевых наград вторым после Георгиевского креста.

Храбрость, стойкость, терпеливость, выносливость воинов-корейцев отмечены рядом исследователей Дальнего Востока, военачальниками русской армии⁷.

Последующий революционный период развел корейцев, отслуживших в русской армии по разные стороны баррикад: они воевали как на стороне красных, так и на стороне белых.

Примечания:

¹ Лукоянов, И.В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб.: Нестор-История, 2008. - С.533-540.

² Ламин, В.А. «Желтые» в Сибири: грозная опасность или осознанная необходимость // Социальные трансформации в российской истории. Екатеринбург-Москва, 2004. – С. 144-148.

³ Петров, А.И. Корейская диаспора в России. 1897-1917 гг. – Владивосток: ДВО РАН, 2001. – С. 54-59.

⁴ Дацышен, В.Г. Русско-китайская война: Маньчжурия 1900 г. Ч.1. Боевые действия на сухопутном фронте. СПб., 1996.- С. 56-57.

⁵ Петров, А.И. Там же. С. 150.

⁶ ЦДНИ ОО. Ф. 8003. Оп. 2. Д. 12. Л. 23, 27, 33.

⁷ Петров, А.И. Там же. С. 152-153; Куропаткин, А.Н. Русско-японская война, 1904-1905: Итоги войны. СПб., ООО Издательство «Полигон», 2003. – 525 с.

Устинова О. Ю. (г.Оренбург)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ПО ПОДЪЕМУ АГРАРНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЧКАЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1946 – 1953 ГГ.*

Великая Отечественная война нанесла Советскому Союзу значительный урон. Были разрушены многие города, населенные пункты, промышленные предприятия, оказалась неиспользованной большая часть посевных площадей в западных областях. Население оказалось в достаточно сложных условиях. Все это потребовало от центральных и местных органов государственной власти разработки эффективных мер, ориентированных на преодоление последствий войны в кратчайшие сроки.

В условиях восстановления западных территорий первоочередным направлением работы восточных областей страны являлось развитие аграрной отрасли. Ключевая задача – увеличение площадей зерновых культур.

13 января 1945 г. было подготовлено постановление Центрального комитета коммунистической партии «О мерах по укреплению сельского хозяйства Чкаловской области». 17 июля 1945 г. издано совместное постановление Чкаловского облисполкома и бюро обкома партии «О мерах по улучшению дела ведения и освоения севооборотов в колхозах Чкаловской области». Указанные постановления обязывали советские и земельные органы области восстановить в 1945 г. нарушенные севообороты в 743 колхозах и вновь ввести севообороты в 650 колхозах¹. Проверяя реализацию постановлений, исполнительный комитет Чкаловского областного Совета депутатов трудящихся 26 декабря 1945 г. констатировал их невыполнение. В частности, в 1945 г. были восстановлены севообороты в 500 колхозах и вновь введены в 505 кол-

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ (грант № 14-11-56002 а (р)).

хозах области. «Не выполнен план работ по восстановлению и введению севооборотов в особенности в Тепловском, Домбаровском, Кваркенском, Халиловском, Кувандыкском, Зиянчуринском, Мустаевском, Матвеевском, Сок-Кармалинском районах»². Чкаловский облисполком обязал председателей райисполкомов в январе 1946 г. обсудить на заседаниях исполкомов райсоветов доклады заведующих районными земельными отделами и директоров МТС о выполнении постановления СНК СССР от 21 января 1945 г. «О мерах по улучшению дела введения и освоения севооборотов в колхозах» и наметить практические мероприятия по восстановлению в 1946 г. всех нарушенных севооборотов и по введению вновь севооборотов во всех колхозах, где они отсутствовали. С целью повышения квалификации агрономов районных земельных отделов и МТС по севооборотам на областной земельный отдел возлагалась обязанность провести в феврале и марте 1946 г. курсы по повышению их квалификации³.

На объединенном заседании исполкома Ак-Булакского райсовета и бюро райкома партии 30 января 1947 г. отмечалось, что в послевоенное время в колхозах Ак-Булакского района посевные площади, урожайность и валовые сборы яровой пшеницы значительно сократились по сравнению с довоенным уровнем. Колхозы, совхозы и другие сельскохозяйственные организации не смогли выполнить постановление Совета министров СССР от 26 декабря 1946 г. № 2758 «О расширении посевных площадей и повышении урожайности зерновых культур и особенно яровой пшеницы в восточных районах СССР»⁴.

Подобную ситуацию констатировали участники областного совещания председателей сельских Советов, которое состоялось 20 – 21 июня 1947 г. в Чкалове. Например, в 1946 г. посевная площадь в колхозах составила 64% посевных площадей 1940 г., а посев пшеницы уменьшился до 760 тыс. в 1946 г. против 1100 тыс. га в 1940 г. Наиболее серьезное сокращение посевных площадей наблюдалось в Адамовском, Белозерском, Илекском, Октябрьском, Ново-Орском, Сакмарском, Секретарском, Тепловском, Шарлыкском районах Чкаловской области. Согласно решению Союзного правительства колхозам Чкаловской области была выделена помощь в 45 тыс. тонн семян, свыше 200 тракторов, а также запасные части к сельскохозяйственной технике⁵. Областное совещание потребовало от депутатов сельсоветов, агрономов проверить качество работы, обеспечить ежедневную «приемку пропашных площадей бригадиром от колхозников и председателем колхоза от бригадиров»⁶.

Состояние аграрной отрасли находилось в центре внимания участников девятнадцатой сессии Чкаловского областного Совета депутатов трудящихся, прошедшей 1 – 2 июля 1947 г. Депутаты отметили, что колхозы области на 15 июня 1947 г. выполнили государственный план весеннего сева, посеяв 1443 тыс. га или 100,7%⁷. Успешно был проведен весенний сев колхозами Абдулинского, Андреевского, Бугурусланского и Чкаловского районов. Однако в большинстве районов весенние работы затянулись. Адамовский, Александровский, Гавриловский, Ново-Покровский, Пономаревский и Саракташский районы не выполнили государственный план весеннего сева. Среди причин указывалась неподготовленность многих МТС и колхозов к севу. К 1 мая 1947 г. не удалось отремонтировать только по МТС 240 тракторов, 2300 сеялок, 590 плугов⁸. Участники сессии потребовали от колхозов Чкаловской области обеспечить восстановление в течение 1947 – 1949 гг. по валовому сбору довоенного уровня производства зерна и значительного его преодоления к концу пятилетки.

Депутаты Троицкого райсовета на первой сессии (второго созыва) 5 января 1948 г. обсудили готовность к весенне-полевым работам. Заведующий районным отделом сельского хозяйства назвал ряд существенных недостатков в ходе ремонта сельхозинвентаря и сбруи, в подготовке семенного материала, а также живого тягла. Сессия потребовала от районного руководства обеспечить выполнение решения февральского пленума ЦК ВКП(б) «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период»⁹.

Реализацию решений центральных и областных органов государственной власти относительно аграрной отрасли проводили в жизнь, в первую очередь, сельские Советы. Успех зависел прежде всего от их руководителей. После окончания Великой Отечественной войны Нижне-Павловский сельсовет Чкаловского района возглавил инвалид Отечественной войны, орденосец П.Е. Сычев. На территории сельсовета находились 7 колхозов, МТС, другие организации и учреждения. Руководство сельсовета сумело подчинить все интересам сева. В 1947 г. сельскохозяйственная комиссия в составе 19 человек и 50 активистов во главе с депутатом сельсовета В.Т. Горбуновым провела 3 общественных смотра готовности каждого колхоза к севу, оказывая правлениям колхозов помощь в устранении недостатков, в нужных случаях вносила вопросы на рассмотрение сельского исполкома. Перед выходом в поле 14 депутатов сельсовета, члены исполкома были распределены по участкам, связанным с весенним севом¹⁰. Культур-

но-просветительная комиссия во главе с депутатом, орденосцем А.С. Долматовым провела серьезную работу по разъяснению постановления февральского Пленума ЦК ВКП(б) во всех колхозах, бригадах, звеньях. Колхозникам читались лекции, заполнялись доски показателей. Во время сева выпущено 65 боевых листовок и 10 стенных газет, в бригадах демонстрировалось кино. «Эта работа помогла вскрывать недостатки и поднимать людей на труд». Постоянно действующая комиссия по здравоохранению во главе с М.Ф. Чернышевой обеспечила все бригады аптечками, следила за санитарным состоянием полевых станков и вагончиков трактористов. Организация детских яслей и площадок освободила колхозниц, имеющих детей, для участия в полевых работах¹¹.

Помимо Нижне-Павловского сельсовета Чкаловского района, успешно справились с организацией весеннего сева 1947 г. Медведский сельсовет Тоцкого района (председатель А.И. Черкашена), Сухареченский сельский Совет Бузулукского района (председатель В.В. Суторин), Архангельский сельсовет Домбаровского района (председатель Я.Ф. Суббота), Дедуровский сельский Совет Чкаловского района (председатель А.П. Лепиев), Акабинский сельсовет Ак-Булакского района (председатель Г. Аджибаев) и др. Указанные сельские органы власти опирались в своей работе на советский актив, умело расставляя людей¹².

Стремясь обеспечить подъем аграрной отрасли Чкаловской области, местные органы власти пошли по пути активизации работы населения. Одной из мер воздействия стали социалистические соревнования, регулярно проводившиеся в послевоенное время.

В 1945 г. было организовано соцсоревнование районов, МТС и колхозов области по полеводству. 13 февраля 1946 г. Чкаловский облисполком и бюро обкома партии подвели его итоги. Победителями по итогам соревнования стали Ак-Булакский и Бузулукский районы. Они получили переходящие Красные знамена облисполкома и обкома партии и первые премии по 50 тыс. руб. на благоустройство населенных пунктов районов и по одной легковой автомашине¹³.

Подводя итоги социалистического соревнования районов на весеннем севе 1946 г., Чкаловский облисполком и обком партии 30 августа 1946 г. вынесли совместное постановление, признав победителями Домбаровский и Бузулукский районы, обеспечившие проведение весеннего сева в сжатые сроки и перевыполнившие план посева яровой пшеницы. Домбаровскому району вручили переходящее Красное

знамя облисполкома и обкома партии и премию в виде промтоваров для продажи передовикам сельского хозяйства на сумму 35 тыс. руб., хозтоваров – на сумму 84,5 тыс. руб. Бузулукский район получил переходящее Красное знамя и вторую премию: промтоваров для продажи на сумму 25 тыс. и хозтоваров на сумму 61,5 тыс.¹⁴. Областное руководство отметило хорошую работу на весеннем севе Абдулинского, Андреевского, Буранного, Ивановского, Ново-Орского, Соль-Илецкого, Ташлинского, Халиловского, Чкаловского районов, а также неудовлетворительные результаты работы Александровского, Гавриловского, Ново-Покровского, Ново-Сергеевского, Покровского, Сакмарского, Саракташского, Троицкого районов¹⁵.

Подводя предварительные итоги социалистического соревнования сельсоветов в честь тридцатилетия Великой Октябрьской социалистической революции, Чкаловский облисполком решением от 21 июня 1947 г. зачислил 19 сельсоветов, добившихся лучших показателей в работе, кандидатами на получение премий, установленных решением облисполкома № 222 от 11 марта 1947 г.¹⁶.

В соответствии с решением № 297 Чкаловского облисполкома от 24 марта 1947 г. «О вызове на социалистическое соревнование сельских Советов Чкаловской области сельскими Советами Куйбышевской области по улучшению руководства организационно-хозяйственным укреплением колхозов и решительному подъему всей советской работы» перед районными и сельскими исполкомами ставилась задача организовать на своих заседаниях обсуждение этого вызова. «Рассмотреть вопрос о включении в социалистическое соревнование с сельсоветами Куйбышевской области, в соответствии с принятыми ранее обязательствами по обращению Медведского сельсовета Тоцкого района»¹⁷. Изучив предварительные итоги первого этапа соревнования сельсоветов Чкаловской области по материалам, подготовленным исполкомами районных Советов депутатов трудящихся, областной исполком в июне 1947 г. отобрал 25 сельсоветов – кандидатов на получение премий¹⁸.

Абдулинский район в послевоенные годы соревновался с Матвеевским и Бугурусланским районами. Итоги соревнования ежегодно проверялись и обсуждались на общеколхозных собраниях, собраниях рабочих МТС и совхоза, на бригадных совещаниях. 19 – 21 января 1948 г. в Матвеевском районе бригада из Абдулинского района проверяла обязательства, принятые в договоре соцсоревнования на 1947 г. Такая же комиссия трудилась в Матвеевском районе. На слете пере-

довиков сельского хозяйства в конце января 1948 г. был принят новый текст договора. Итоги соревнования проверялись в июне 1948 г. В марте 1949 г. проводилась взаимная проверка выполнения обязательств, принятых в договоре за 1948 г.¹⁹.

20 апреля 1949 г. слет передовиков сельского хозяйства утвердил договор о социалистическом соревновании Абдулинского с Матвеевским районом на 1949 г. Его подписали 68 колхозов, 150 полеводческих бригад, 53 тракторных бригады МТС и совхоза, все звенья и три МТС. Два раза в 1949 г. проверяли выполнение обязательств, принятых в 1949 г. в колхозах, бригадах – о ходе зимовки скота и подготовки к весеннему севу и 2 раза между МТС – о ремонте тракторов и подготовки к севу²⁰.

Социалистические обязательства становились предметом обсуждения на районных совещаниях передовиков сельского хозяйства. Так, на совещании в Андреевском районе, прошедшем 19 марта 1950 г., присутствовали 200 человек. Среди участников были и представители Курманаевского района. По результатам социалистического соревнования между районами в 1949 г. первенство одержал Андреевский район. Об этом заявил председатель Андреевского райисполкома Д.Г. Качков. Участники совещания приняли новый договор соцсоревнования с трудящимися Курманаевского района²¹.

5 июня 1952 г. в Мустаевском районе состоялось совещание руководителей работников сельского хозяйства, на котором также присутствовала делегация Ташлинского района. Участники совещания приняли социалистические обязательства по подъему паров, выполнению плана накопления кормов по колхозам и совхозам, по показателям надода молока и др.²².

Не менее значимыми стали сельскохозяйственные выставки, демонстрировавшие результаты трудовой деятельности колхозников, сотрудников МТС и др. Как отмечало областное руководство в конце декабря 1949 г., областная сельскохозяйственная выставка «является одной из лучших форм агрозоветучебы и пропаганды опыта передовиков сельского хозяйства. Однако многие райкомы и рики недооценивают серьезности этого значения выставки и не организуют посещения ее колхозниками, работниками совхозов и МТС. Ряд районов не выполняет утвержденного облисполкомом минимального графика посещения колхозниками и другими работниками сельского хозяйства областной выставки». Из плана 120 человек от Троицкого района выставку прибыли 4 человека, от Андреевского на выставку при-

ехали 28 человек из 180, от Ак-Булакского – из 210 только 19, Бузулукского – из 240 лишь 15, Шарлыкского – из 240 человек 3, из Пономаревского не приехал ни один из 200 человек. Областной исполком обязал райисполкомы «выделить во главе каждой группы колхозников, работников совхозов и МТС, выезжающих на выставку, руководителя из числа партийно-советского актива района. После посещения выставки проводить в каждом колхозе собрания бригад, звеньев с докладами экскурсантов о выставке, развернуть соцсоревнование за право участия на выставке в 1950 г.»²³.

Инициатива организации социалистических соревнований также исходила от жителей сел. К примеру, решением № 626 от 4 июля 1949 г. Чкаловский облисполком одобрил инициативу коллектива рабочих и специалистов МТС им. Вильямса Бузулукского района о развертывании соцсоревнования за право участия во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в 1950 г. Председателям райисполкомов предлагалось обсудить это обращение на общих собраниях колхозников, трактористов, комбайнеров, производственных совещаниях рабочих МТС, совхозов и включиться в соревнование²⁴.

В соответствии с постановлением Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) в мае 1950 г. в Москве открылась Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, на которой демонстрировались достижения колхозов, МТС, совхозов, передовиков сельского хозяйства по итогам работы за 1948 – 1949 гг. Готовясь к ней, Чкаловский облисполком и обком ВКП(б) обязали организовать в каждом районе подготовку к выставке. В рамках этих мероприятий планировалось организовать разъяснение колхозникам условия соревнования, опубликованные в «Чкаловской коммуне» 21, 22, 24, 25 мая 1949 г., развернуть соцсоревнование в сельском хозяйстве за право участвовать в выставке; организовать работу по отбору кандидатов; провести фотографирование в хозяйствах, отобранных для широкого показа всех сельскохозяйственных работ.

В 1950 г. областное руководство разработало условия занесения на областную доску почета в газете «Чкаловская коммуна» и вручения переходящих Красных знамен облисполкома и обкома ВКП(б) за успешное проведение весенних полевых работ и подъем паров в 1950 г. Согласно постановлению от 25 марта 1950 г., на райисполкомы и райкомы партии возлагалась обязанность разъяснения условий колхозникам, трактористам, рабочим МТС и совхозов и организации соцсоревнования колхозов, совхозов и МТС за успешное выполнение

весенних полевых работ и подъема паров в 1950 г. в сжатые сроки и на высоком уровне агротехники²⁵. В соответствии с постановлением Чкаловского облисполкома и бюро обкома партии от 4 ноября 1950 г. «О занесении на областную доску почета передовых колхозов области» за успешное проведение колхозами в 1950 г. уборки урожая в сжатые сроки и без потерь и досрочное выполнение плана хлебозаготовок, посева озимых и подъема зяби в установленные сроки, а также за выполнение государственного плана развития общественного продуктивного животноводства на областную доску почета заносились 54 колхоза. Они получили почетные грамоты Чкаловского облисполкома и обкома партии²⁶.

Таким образом, в послевоенные годы местные органы государственной власти Чкаловской области усилили внимание к вопросам развития аграрной отрасли, практикуя как административные методы, так и широко внедряя социалистические соревнования между районами, колхозами, сельскими Советами, что позволило удовлетворять потребности жителей области на выполнение государственных задач.

Примечания:

¹ Государственный архив Оренбургской области (далее ГАОО). Ф. Р-1014. Оп. 1. Д. 728. Л. 1.

² Там же.

³ Там же. Л. 2, 3.

⁴ Центр документации новейшей истории Оренбургской области (далее ЦДНННО). Ф. 485. Оп. 3. Д. 6. Л. 2.

⁵ ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 1. Д. 685. Л. 2, 10.

⁶ Там же. Л. 12.

⁷ Там же. Д. 684. Л. 7.

⁸ Там же. Л. 9, 10.

⁹ 1-я сессия райсовета // Сталинская правда. Троицкий р-н. 1948. 8 января. С. 1.

¹⁰ ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 1. Д. 685. Л. 24.

¹¹ Там же. Л. 25.

¹² Там же. Л. 28.

¹³ Там же. Оп. 3. Д. 176. Ч. 1. Л. 76.

¹⁴ Там же. Д. 176. Ч. 3. Л. 535.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Оп. 1. Д. 685. Л. 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202.

¹⁷ ЦДНННО. Ф. 1174. Оп. 24. Д. 10. Л. 24.

¹⁸ ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 1. Д. 685. Л. 42.

¹⁹ ЦДНННО. Ф. 1174. Оп. 26. Д. 64. Л. 4.

²⁰ Там же.

²¹ Районное совещание передовиков сельского хозяйства // Стахановец полей. Андреевский р-н. 1950. 23 марта. С. 1.

²² Районное совещание руководящих работников сельского хозяйства // Колхозная жизнь. Мустаевский р-н. 1952. 8 июня. С. 2.

²³ ЦДНПО. Ф. 1174. Оп. 26. Д. 64. Л. 33, 34.

²⁴ Там же. Ф. 1156. Оп. 2. Д. 260. Л. 35.

²⁵ ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 3. Д. 207. Ч. 3. Л. 436.

²⁶ Там же. Л. 592, 593 – 595.

Персиянова Э. В. (г. Оренбург)

КЛУБ ФРОНТОВИКОВ ЕВРЕЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ АВТОНОМИИ ОРЕНБУРГА

Оренбургский Клуб фронтовиков Еврейской национально-культурной автономии – явление в своем роде уникальное. Создание Клуба состоялось в 2000 году при Городской общественной организации «Оренбургский еврейский культурный центр» (с 2004 года – Еврейская национально-культурная автономия г. Оренбурга) и было приурочено к 55-летию Великой Победы. Возглавила организационную работу, а затем и сам Клуб фронтовиков медицинская сестра 72-й Краснознаменной, ордена Суворова 2-й степени Павловской дивизии, участница обороны Ленинграда Серафима Яковлевна Махонина. Как вспоминает сама Серафима Яковлевна: «...директор «Хэсэда» Александр Генрихович Паин предложил организовать Клуб фронтовиков. Никто из мужчин не взялся за эту работу и тогда я, несмотря на преклонный возраст, решила возглавить работу по созданию такого клуба. Я имела опыт работы в президиуме Областного Совета ветеранов и подумала, что с этой работой справлюсь...». Первоочередной задачей при организации Клуба было создание «банка данных». На тот момент в оренбургском еврейском благотворительном центре «Хэсэд-Авив» была информация о 96 фронтовиках – участниках и инвалидах Великой Отечественной войны, но необходимо было также выяснить, где и в каком звании служили фронтовики в годы Великой Отечественной войны, какие имели награды. Благодаря усилиям С.Я. Махониной необходимая база данных была сформирована, в списке потенциальных членов Клуба фронтовиков оказалось 83 человека. Мы располагаем информацией о 78 из них¹:

1. Абрамзон Михаил Михайлович
2. Айзексон Мироида Львовна
3. Ашбель Юрий Соломонович

4. Балясный Яков Нухимович
5. Богодельный Михаил Эльевич
6. Брук Николай Менделевич
7. Будовнич Борис Хананович
8. Бутовецкий Леонид Давидович
9. Вайнштейн Ефим Семенович
10. Вайнштейн Моисей Моисеевич
11. Векслер Лейзер Давыдович
12. Гельбер Феликс Абрамович
13. Генессес Моисей Самуилович
14. Генишер Мира Менделевна
15. Гоз Исаак Залманович
16. Голодницкий Ефим Моисеевич
17. Горелик Владимир Евсеевич
18. Губерман Григорий Борисович
19. Догович Лев Моисеевич
20. Едвабная Зоя Петровна
21. Израйвеличев Михаил Маркович
22. Иоффе Лев Иосифович
23. Казак Соломон Давыдович
24. Калманова Фаина Аврамовна
25. Каминкер Данил Артемович
26. Колобникова Груня Израилевна
27. Коновал Мордко Янкелевич
28. Крейндель Ефим Гершович
29. Крендель Абрам Рувимович
30. Левенштейн Борис Григорьевич
31. Левина Фаина Марковна
32. Лейзерзон Марк Самойлович
33. Лепкович Наум Иосифович
34. Лившиц Миня Львовна
35. Лобанов Николай Рувимович
36. Лосин Ефим Афроймович
37. Лосин Иосиф Афроймович
38. Лященко Александр Иосифович
39. Махонина Серафима Яковлевна
40. Олифсон Израиль Ефимович
41. Парингер Михаил Исаакович
42. Пейсахович Ольга Даниловна

43. Плинер Юрий Абрамович
44. Полистинер Борис Сергеевич
45. Поневежский Александр Рувимович
46. Прусакова Елена Абрамовна
47. Райхман Семен Захарович
48. Рескин Илья Захарович
49. Рескин Яков Залманович
50. Розин Соломон Израйлевич
51. Руд Александр Нухимович
52. Рывкин Александр Аронович
53. Рязенова Инна Прокофьевна
54. Сазонова Софья Мордковна
55. Салманидин Михаил Алексеевич
56. Смулаковский Гаврил Абрамович
57. Соркин Лев Давыдович
58. Соснер Шолом Менделевич
59. Спивак Яков Маркович
60. Тайхер Лейзер Германович
61. Ташаев Александр Яковлевич
62. Тевелев Мирон Моисеевич
63. Туллер Татьяна Сергеевна
64. Уманский Михаил Борисович
65. Уник Эсфирь Акимовна
66. Фаерштейн Аркадий Львович
67. Фефер Ефим Иосифович
68. Хазанович Либа Шмеровна
69. Хейфец Моисей Григорьевич
70. Шварцмаклер Роза Соломоновна
71. Шейнин Мендель Хаймович
72. Шпильман Илья Абрамович
73. Шполянская Циля Гершовна
74. Этлин Илья Евсеевич
75. Наровлянский Арон Маркович
76. Озерьер Семен Соломонович
77. Печерский Наум Соломонович
78. Райхман Семен Захарович

По завершении организационной работы, утверждения Устава был избран Совет Клуба ветеранов. В него вошли:

Секция 1. НАРОДЫ ЮЖНОГО УРАЛА В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

1. Шпильман Илья Абрамович (Почетный гражданин г. Оренбурга)
2. Калинин Данил Артемьевич
3. Прусакова Елена Абрамовна
4. Брук Николай Менделевич
5. Махонина Серафима Яковлевна (председатель)
6. Левенштейн Борис Григорьевич
7. Лейзерзон Марк Самойлович
8. Левина Фаина Маковна
9. Спивак Яков Маркович

Клуб ветеранов Оренбургской ЕНКА

Основные направления работы Клуба фронтовиков условно можно разделить на четыре. Первое из них – общение фронтовиков между собой, с этой целью организуются встречи, посвященные главным сражениям Великой Отечественной войны. На каждой такой встрече предоставляется слово для выступления со своими воспоминаниями члену клуба, который непосредственно участвовал в данном сражении. Второе направление работы Клуба несет иную социальную нагрузку – забота о фронтовиках, которые по состоянию здоровья не могут уча-

ствовать во встречах Клуба, посещение их на дому, в госпиталях и больницах, а также поздравление всех членов Клуба с днем рождения, с праздниками, с победой в той битве, в которой участвовал.

Еще одно направление деятельности Клуба фронтовиков можно определить как патриотическое воспитание, взаимодействие с молодежью Еврейской национально-культурной автономии Оренбурга, учащимися школы «Ор-Авнер», проведение тематических мероприятий, встреч ветеранов с подрастающим поколением. Так, например, перед школьниками выступали командир батареи «Катюш» 307-го гвардейского минометного полка Юрий Абрамович Плинер, механик-водитель легендарного танка Т-34 14-й танковой бригады Юго-Западного фронта Яков Маркович Спивак, гвардии полковник в отставке Борис Григорьевич Левенштейн, медицинская сестра, получившая свое «боевое крещение» под Сталинградом, спасшая жизни 325 бойцам, единственная в Оренбургской области награжденная медалью Даши Севастопольской Елена Абрамовна Прусакова и другие члены Клуба фронтовиков. Была и такая форма работы как шефство над одинокими престарелыми фронтовиками – учащиеся школы «Ор-Авнер» прикреплялись к одному из ветеранов, и каждый школьник посещал своего подопечного на дому, оказывал посильную помощь.

Информационно-просветительская работа – еще один важный аспект деятельности Клуба фронтовиков. В телевизионных программах «18» и «Панорама» со своими воспоминаниями о войне наряду с другими ветеранами выступали Марк Самойлович Лейзерзон и Серафима Яковлевна Махонина. В газетах «Оренбуржье», «Южный Урал», «Ахим», в журнале «В лицах» и других изданиях можно прочитать материалы о членах Клуба фронтовиков. Как отмечали сами фронтовики: «... очень важно, чтобы было широко известно, что евреи воевали не в Ташкенте, а на передовых позициях Великой Отечественной войны...». О мужестве и героизме еврейских воинов говорит количество удостоенных звания Героев Советского Союза, по данным, приведенным в «Книге памяти воинов-евреев, павших в боях с нацизмом, 1941-1945», этого звания удостоен 131 воин-еврей².

9 мая 2010 года Клуб фронтовиков отметил свое десятилетие. К сожалению, 65-ю годовщину Победы смогли встретить не все, с каждым годом ветеранов Великой Отечественной войны становится все меньше, и важно не только позаботиться о них, но и успеть задать важные вопросы о судьбах героев и событиях Великой Отечественной и получить ответы из первоисточника.

Примечания:

¹ Текущий архив Еврейской национально-культурной автономии г. Оренбурга. Список членов Клуба фронтовиков ЕНКА г. Оренбурга, 2005

² Книга памяти воинов-евреев, павших в боях с нацизмом, 1941-1945 // Google Книги [Электронный ресурс]. URL: <http://books.google.com/books?hl=ru>

Проходцев К. А. (г.Оренбург)

К ВОПРОСУ О ПРОЕКТАХ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОБЛАСТИ КИРГИЗОВ ОРЕНБУРГСКОГО ВЕДОМСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 60-Х ГГ. XIX В.

С взятием в 1853 году отрядом Оренбургского и Самарского Генерал-губернатора В. А. Перовского нескольких кокандских укреплений, последовало закрепление в районе среднего течения реки Сырдарьи путем создания укрепленной линии, позволившей перенести границу России с Оренбургской пограничной линией на юг¹. Эти новые обстоятельства в корне меняли положение в Зауральской степи, превращая регион Западного Казахстана из пограничного во внутренний район империи, и ставили вопрос о реорганизации в нем системы управления.

Первые начинания в этом вопросе приходятся на сменившего В. А. Перовского на посту Оренбургского и Самарского Генерал-губернатора А. А. Катенина. К его отчету об управлении краем от 1858 года была приложена записка о передаче Киргизов Малой Орды в ведомство МВД. В записке указывался ряд внутри- и внешнеполитических обстоятельств, изменивших положение в регионе: «Теперь, когда Зауральские Киргизы обратились из полупокорного народа в настоящих подданных и граница России со стороны Средней Азии идет уже не по Уралу, а по Сыру и Усть-Урту, название пограничного несколько не соответствует административно-судебному учреждению, в обязанности которого лежит не столько разбор между обывателями Оренбургской линии и соседними Киргизами, сколько управление сими последними; по степени зависимости своей от Правительства, внутреннего административного устройства и внешней безопасности Зауральская степь составляет ныне точно такую же область Империи, как и степь Киргизов Сибирского ведомства, с той впрочем, разницей, что народонаселение Зауралья почти вдвое многочисленнее народонаселения Сибирской степи, ибо простирается приблизительно

до 800 т. душ»². Все эти факты делали необходимым, по мысли А. А. Катенина, передачу управления из ведомства МИД в управление МВД. Пограничные сношения с соседними Среднеазиатскими владениями, производившиеся ранее через Пограничную Комиссию, предполагалось в таком случае передать в ведение Канцелярии Оренбургского и Самарского Генерал-губернатора. В заключении А. А. Катенин ставит принятие данного предположения в зависимость от необходимости предварительного составления «соображений относительно всех обстоятельств, какими необходимо должна сопровождаться эта передача» и нового «устава для управления степью»³.

Основная идея, высказанная в предположении А. А. Катенина, была утверждена положением Комитета Министров от 24 марта 1859 года. В соответствии с этим документом Степь Зауральских киргизов и все дела по ее управлению безотлагательно передавались в ведомство МВД. Степь эта переименовывалась в Область Киргизов Оренбургского ведомства, а управляющая ею Пограничная Комиссия в Областное Правление. Оренбургский и Самарский Генерал-губернатор обязан был внести на рассмотрение МВД «соображения свои относительно обстоятельств, какими необходимо должна сопровождаться эта передача» и проект нового «Устава для управления степью»⁴. Уведомление о принятии положения Комитета Министров А. А. Катенин получил только 1 апреля 1859 года.

Из предшествующей переписки А. А. Катенина с Министерствами Внутренних и Иностранных дел за период 30 марта – 1 апреля 1859 года следует, что предположение о межведомственной передаче степи Зауральских киргизов получило дальнейший ход, не смотря на возражения главного Начальника края о том, что «Министерство Внутренних Дел доселе никаких данных об управлении степью не имело поэтому единственное средство отстранить это неизбежное замедление в ходе делопроизводства состоит в том, чтобы систематически разъяснить главные начала, доселе руководящие действиями Правительственных учреждений степи» и предложение: «существующий порядок управления степью оставить на нынешнем основании в Министерстве Иностранных Дел, впредь до времени получения и обсуждения в С. Петербурге подробных соображений о подчинении Зауральских Киргизов Министерству Внутренних Дел»⁵.

В соответствии с положением Комитета Министров, Генерал-губернатор предписаниями от 20 апреля и 13 мая 1859 года составление «Соображений» и проекта нового «Устава для управления степью»

поручил Председателю Пограничной Комиссии В. В. Григорьеву⁶. 13 июля 1859 года означенные «Соображения» были отправлены на рассмотрение Министра Внутренних дел. На базе «Соображений» 9 декабря 1859 года был принят указ МВД, в соответствии с которым закреплялись новые наименования региона и управляющей им Комиссии – Область Оренбургских Киргизов и Областное Правление. Со сменой наименования система управления регионом продолжала функционировать на основе Положения 14 июня 1844 года с передачей всех прав и обязанностей МИД в пользу МВД, при сохранении за Областным Правлением обязанности доставлять в Азиатский департамент сведений о делах заграничных, торговле на линии и со странами Средней Азии⁷.

Закономерным продолжением наметившихся изменений в Киргизской степи Оренбургского ведомства стало проектирование реформы системы управления. Началом проекта по реформированию Области Оренбургских киргизов было Представление № 132 Председателя Оренбургской Пограничной Комиссии В. В. Григорьева от 12 сентября 1859 года⁸. В качестве главных критериев, которые были положены в основу Представления, можно выделить лояльность местного кочевого населения по отношению к российской администрации, и степень восприятия этим населением российской государственно-бюрократической культуры. Исходя из этих предпосылок, он подразделяет Область Оренбургских Киргизов на две части. В первую часть им были включены «киргизы, кочующие в глубине степи и управляющиеся доселе... начальниками родов и отделений». Они, по утверждению автора Представления, «недовольно еще прониклись убеждением в доброжелательности к ним русского Правительства и превосходстве русских чиновников над ордынскими, чтобы променять охотно зависимость от Султанов-Правителей на непосредственную подчиненность русской власти». Во вторую – киргизы прилинейные, управляемые дистанчными и местными начальниками, находящиеся под постоянным надзором попечителей и Пограничной Комиссии, которые, по мнению В. В. Григорьева, «давно уже убедили их <киргизов> в преимуществах русской цивилизации и превосходстве образа действий русских чиновников... над образом действий начальства, избранного из их собственной среды». Исходя из этого деления, В. В. Григорьев ставит главной целью преобразований «устранение прилинейных киргизов изпод управления Султанов-Правителей, с оставлением в зависимости от последних лишь киргизов кочующих в глубине степи»⁹.

Управление в прилинейной области предполагалось строить на основе киргизских дистанций, во главе с дистанционными и местными начальниками из числа киргизов, подчиненных в административном отношении попечителям, которые «знакомы уже с управлением степи и обычаями ордынцев»¹⁰. Расширение полномочий попечителей предполагалось сопроводить увеличением жалования и довольствия с 650 руб. по штату 1844 г. до 1000 руб. В штат попечительства, помимо толмача, которому также увеличивалось жалование с 50 до 100 руб., предполагалось ввести писца среднего оклада с жалованием в 130 руб. Таким образом, суммарный расход на управление прилинейными киргизами увеличивался с 4200 руб. по штату 1844 года до 6150 руб. Оптимизировать расходы предполагалось за счет сокращения числа попечительств с шести до пяти, и использования сумм, выделяемых по штату 1844 г., но не нашедших применения¹¹.

Во внутренних районах степи предполагалось оставить управление в руках Султанов-Правителей, сохранив полномочия, оклады и штаты по Положению 1844 г., с перенесением их ставок из прилинейных районов вглубь степи. Ставку Султана-Правителя восточной части степи предполагалось поместить в Оренбургском укреплении; средней части – в Уральском укреплении, либо юго-западной у западной окраины Больших Барсуков или в среднем течении реки Эмба; западной части – в низовьях реки Эмба на урочище Исет-Берды. Отряды казаков при Султанах-Правителях средней и западной частей орды предполагалось усилить до двух сотен, половину из которых спешенные казаки, а также двумя орудиями. Помимо административного значения, предполагалось постепенное развитие ставок в торговые и просветительские центры¹². С конца октября 1859 года предположение В. В. Григорьева рассматривалось по части административного устройства прилинейных киргизов в Канцелярии Генерал-губернатора, а в отношении организации ставок Султанов-Правителей во внутренних частях степи в Штабе Отдельного Оренбургского Корпуса¹³.

Однако в связи со смертью в июне 1860 года А. А. Катенина¹⁴, дальнейшее курирование и проведение реформ Области Киргизов Оренбургского ведомства представлялось новому Генерал-губернатору А. П. Безаку. Практически сразу расстроились отношения Генерал-губернатора с Управляющим Областью Оренбургских Киргизов В. В. Григорьевым. Как пишет об этом И. В. Чернов, «своему зятю, Галкину, Безак дал место помощника управляющего Оренбургскими киргизами, сместил Льва Николаевича Плотникова на должность

чиновника особых поручений при нем на том основании, что он не имел высшего образования... Григорьев, не совсем довольный новым помощником, впал в немилость»¹⁵.

В декабре 1861 года последовало предположение Командующего Отдельным Оренбургским Корпусом на имя Военного Министра с соображениями по организации ставок Султанов-Правителей средней и восточной частей степи. В мае 1862 года Сенатом был утвержден приказ Военного Министра о возведении укрепленного поста на реке Эмбе (Эмбенского укрепления) для устройства ставки Султана-Правителя средней части орды и устройстве при Оренбургском укреплении ставки Султана-Правителя восточной части¹⁶.

Тогда же, в мае 1862 года с утверждением в Комитете Министров всеподданнейшего отчета А. П. Безака об управлении Оренбургским краем поступило предложение представить подробные соображения о введении нового управления у прилинейных киргизов¹⁷. В последовавших по этому вопросу 5 июля 1862 года подробных соображениях Областного Правления об устройстве прилинейных киргизов В. В. Григорьевым были уточнены круг административных, судебно-полицейских и хозяйственных обязанностей попечителей, а также штат попечительств. Было предложено возложить разбирательство споров линейных жителей с киргизами на местных киргизских, либо станичных начальников¹⁸. В течение июня – сентября 1862 года собирались сведения о разграничении территории кочевий прилинейных киргизов с киргизами, кочующими во внутренних районах степи. В сентябре 1862 года в распоряжение Областного Правления был командирован из Штаба Отдельного Оренбургского Корпуса топограф штабс-капитан Зеленин. Однако общим итогом, помимо составления карты, стало заключение Областного Правления о том, что при определении территории, подвластной попечителям следует довольствоваться сведениями приблизительными, в виду того, что либо летние, либо зимние кочевья указанных групп киргизов в большей или меньшей мере перемежаются между собой¹⁹.

Но дальнейшее осложнение отношений с непосредственным начальством, переросшее постепенно в открытую вражду, негативно сказалось на здоровье В. В. Григорьева. В октябре 1862 года А. П. Безак на его место для временного исправления должности назначает генерал-лейтенанта М. В. Ладыжевского. В декабре В. В. Григорьев смог получить отпуск и выехать в Санкт-Петербург, и лишь 25 января 1863 года последовал указ о его увольнении от должности Управляющего Областью Оренбур-

ских Киргизов²⁰. Смена руководителей Областного Правления непосредственно повлияла на дальнейший ход подготовки реформы.

Уже к 16 января 1863 года из Областного Правления за подписью М. В. Ладыжевского на рассмотрение Генерал-губернатора была подана новая редакция соображений об устройстве прилинейных киргизов. Помимо мыслей, высказанных ранее В. В. Григорьевым, они содержат ряд предложений, значительно расширяющих штат и полномочия попечителя. В частности, о постепенном наделении попечителей функциями мировых судей, о закреплении за каждым попечителем казачьей команды из 20 – 25 человек при уряднике для отправления обязанностей полицейской службы, об учреждении при попечителях должности чиновника для производства следствий. При этом главному Начальнику края предлагается регламентировать круг деятельности попечителей частным порядком, путем составления и редактирования соответствующих инструкций без обращения всякий раз для их утверждения к высшей власти. Однако наиболее существенным отличием от предыдущей концепции реформы стала идея Областного Правления о возможности устройства общественного управления и суда киргизов на началах, установленных для крестьян, вышедших из крепостной зависимости, но применяясь при этом к образу жизни, обычаям и нуждам киргизов²¹. Подобная адаптация, в случае ее продуманной реализации исходя из местных условий, открывала бы путь к постепенному внедрению общественного и административного устройства, принятого во внутренних губерниях Империи.

Между тем 15 апреля 1863 года следует рапорт Обер-Квартирмейстера Отдельного Оренбургского Корпуса подполковника Залесова о завершении строительства Эмбенского укрепленного поста и готовности ставок Султанов-Правителей к началу октября текущего года, что ставило вопрос об утвержденном уже переводе Султанов-Правителей и предшествующих этому подготовительных мероприятиях. В частности о заготовке провианта для казачьих отрядов²². Однако, в ответ на запрос Генерал-губернатора по этому поводу, 9 августа последовало представление Областного Правления об оставлении Султанов-Правителей в прежних ставках, так как не было еще дано решения по представлениям Генерал-губернатора в МВД по предположениям о преобразовании управления прилинейными киргизами. А перенос ставок вглубь степи в этих обстоятельствах, по мнению Областного Правления, теряет свое удобство, в виду того что будет тратиться значительное время на сношения Султанов-Правителей по делам при-

линейных киргизов²³. В этих обстоятельствах Генерал-губернатор А. П. Безак 13 августа дает распоряжение Начальнику Штаба Отдельного Оренбургского Корпуса о заготовлении провианта для казачьих отрядов на старых местах ставок Султанов-Правителей, и о поручении заведывания строениями новых ставок начальникам Оренбургского и Эмбенского укреплений. А 14 августа оповещает об этом Министра Внутренних Дел с просьбой об ускорении рассмотрения и утверждения соображений об управлении прилинейными киргизами²⁴.

В сентябре последовал отзыв Министра Внутренних Дел, содержащий также мнения Управляющего II отделения Е.И.В. Канцелярии Статс-секретаря Барона М. А. Корфа и товарища Министра Юстиции Тайного Советника Д. Н. Замятнина по судебной части. Главной мыслью отзыва Министра Внутренних дел была необходимость составления дополнительных подробных правил, которые бы поясняли и уточняли вводимое в киргизской степи общественное устройство, так как «подобное введение в киргизской степи всего общественного устройства, установленного Положением 19 февраля 1861 г., едва ли возможно без утверждения для сего особых правил в законодательном порядке». Также, в виду ожидавшегося преобразования судебной части Империи, посчитали преждевременным приступать к каким-либо изменениям в существующих «постановлениях о суде и расправах» у прилинейных киргизов²⁵.

В декабре 1863 года Областным Правлением была составлена обширная записка, в первой части которой содержался проект Положения о правах и общественном управлении прилинейных киргизов Оренбургского ведомства. В первом разделе этого документа помещалось изложение общих прав киргизов: личных, по состоянию и имущественных. Во втором разделе раскрывались принципы общественного управления прилинейных киргизов. Нижним элементом в системе управления провозглашалось Местное Общество, управление которым осуществляли Местный Съезд и Местный Начальник, избираемый на три года. Следующим уровнем управления была предложена Дистанция, находящаяся под управлением Дистанционного Съезда, состоящего из двух выборных от каждого общества, составляющего дистанцию, и Дистанционного Начальника, назначаемого Управляющим Области по представлению Попечителя. Верхний уровень местного управления был представлен Попечителем, подчиненным непосредственно Областному Правлению²⁶. Фактически эта система по структуре и функциям в общих чертах повторяет административную иерархию местного управ-

ления, состоящую из сельских обществ, волостей и Мировых Посредников, принятую в Положении 19 февраля 1861 года.

Таблица 1. Сравнение структуры Общего Положения о крестьянах 19 февраля 1861 года с проектом Положения о прилинейных киргизах²⁷.

Наименование разделов в Положения о крестьянах	§§ из Полож. о кр-х, взятые за основу проекта	Наименование разделов в проекте Положения о киргизах	§§ в Полож. о прилин. киргизах
Раздел I. О правах крестьян, вышедших из крепостной зависимости	-	Раздел I. О правах прилинейных киргизов	-
Глава I. О правах личных и по состоянию	21 – 25, 29 - 30	Глава I. О правах личных и по состоянию	1 – 9
Глава II. О правах по имуществу	31 – 39	Глава II. О правах по имуществу	10 – 11
Раздел II. Об устройстве сельских обществ и волостей, и общественного их управления	-	Раздел II. Об устройстве общественного управления у прилинейных киргизов	-
Глава I. Об образовании сельских обществ и волостей	40, 42	Глава I. Об образовании местных обществ и дистанций	12 - 16
Глава II. О сельском общественном управлении	46	Глава II. О местном общественном управлении	17
Отд. 1. О сельских сходах	47 – 49, 51 – 55, 57	Отд. 1. О местных съездах	18 – 29
Отд. 2. Об обязанностях старосты и других сельских должностных лиц	58, 60, 64 – 65, 68	Отд. 2. О местных начальниках и других должностных лицах	30 – 34
Глава III. О волостном управлении	69 – 70	Глава III. О дистанционном управлении	35 – 36
Отд. 1. О волостных сходах	71, 76 – 79	Отд. 1. О дистанционных съездах	37 – 42
Отд. 2. О волостном старшине	81 – 84, 86	Отд. 2. О начальнике дистанции	43 – 48
Глава IV. О порядке назначения и удаления сельских и волостных должностных лиц, их правах и ответственности	112 – 115, 117 – 120, 122 – 126, 129	Глава IV. О порядке назначения должностных лиц, их правах и ответственности	49 – 63
Глава V. Об увольнении крестьян из сельских обществ и о приписке к обществам	130, 132, 135, 140, 142	Глава V. Об увольнении киргизов из обществ и о переходе их из одного общества в другое	64 – 68

Приведенное в таблице 1 сравнение структуры текста Положения о крестьянах и проекта Положения о прилинейных киргизах приводит к выводу о том, что структура и большинство статей второго из указанных документов являются прямым заимствованием из Положения 19 февраля 1861 года с заменой терминов, обозначающих органы общественного управления, и внесением незначительных поправок, учитывающих местные обстоятельства (из 68 статей документа аналогий в Положении о крестьянах не находят лишь 9). Можно заключить, что составленный в итоге документ несет характер обратный, относительно изначальных целей: в нем происходит не адаптация элементов Положения 19 февраля 1861 года к реалиям кочевой жизни прилинейных киргизов, а вклинивание этих реалий в достаточно узкие и однозначные рамки формулировок крестьянского Положения.

В ответе от 22 декабря 1864 года на запрос В. П. Буткова, руководителя Сибирского Комитета²⁸, А. П. Безак, критически проанализировав систему управления киргизами в Сибирском ведомстве, высказывает мысль о том, что «...Правительство ... должно стремиться не к созданию каких-либо особенных форм правления, как для киргиз, так и вообще для инородцев, а к постепенному подчинению их общим началам управления, применимым для прочих частей Империи...»²⁹. И в качестве такого шага он рассматривал ожидавший утверждения в МВД проект Положения о прилинейных киргизах.

Однако заключение по предложенному Областным Правлением проекту получил сменивший его на должности Генерал-губернатора в феврале 1865 года Н. А. Крыжановский. Во мнении Министра Внутренних дел Статс-Секретаря П. А. Валуева от 8 марта 1865 года выразилось сомнение в возможности внедрения этого проекта, практически дословно повторяющего Положение 19 февраля 1861 года, составленного для крестьян, значительно отличающихся в своем историческом развитии, общественном устройстве, нравах и быте от киргизов. Перечень прав, помещенный в первом разделе положения, по мнению П. А. Валуева, был необходим по отношению к крестьянам, подвергавшихся ограничениям в силу крепостного права, однако в Положении о киргизах считался излишним, а в некоторых отношениях давал повод к недоразумениям. В качестве примера он приводит § 8 проекта, предоставляющий киргизам право «приобретать движимую и недвижимую собственность как в степи, так и внутри империи»³⁰, в то время как земля в степи, находясь в общественном пользовании киргизов, фактически составляла государственную собствен-

ность, то есть поземельной собственности в степи в то время не было. Также критикует ряд формулировок в части Положения, касающейся общественного устройства прилинейных киргизов. Так, в § 10 определяется, что «местные киргизские общества состояются из киргизов, пользующихся всеми или некоторыми поземельными угодьями сообща»³¹. Это положение, естественное, по мнению автора, для крестьянской общины, составляющей не столько административную, сколько хозяйственную единицу, возникшую в результате длительного исторического развития, и принятую в данной формулировке законодателем как естественный факт. В противоположность этому киргизские общества автор считает созданными законодательно, административным порядком, помимо исконного родового деления, и непосредственную связь между членами каждого такого общества видит лишь в подчинении одному и тому же общественному управлению. П. А. Валуев выступает против внедрения административного порядка решения дел на съездах, как институтах обычных, и отдает предпочтение сохранению разрешения дел по народным обычаям. Подводя итог анализу проекта, Министр указывает на положительные изменения, случившиеся за последние годы, в общественной жизни киргизов ввиду постепенного «водворения внутреннего порядка и внешней безопасности», но находит все еще неуместным «введение в степи, между киргизами новых обрядов, полезных и необходимых для внутреннего управления, но не свойственных кочевому быту». Однако предлагает составить исходя из предложенных замечаний новый отзыв в том случае, если новый Генерал-губернатор сочтет полезным это преобразование утвердить³².

В августе 1865 года в Канцелярии Оренбургского Генерал-губернатора за подписью А. Д. Холодковского был составлен доклад, содержащий очередной вариант проекта реформы управления прилинейными киргизами. Основная суть его сводилась к следующим предложениям: во-первых, расширить полномочия суда биев за счет передачи ему значительной части дел, подсудных ранее Областному Правлению, разгрузив тем самым делопроизводство последнего; во-вторых, устранить попечительства, и разделить 32 киргизские прилинейных дистанции на три округа (Уральский, Оренбургский и Троицкий) с последующим сокращением количества дистанций до девяти; в-третьих, учредить во главе округов Народные Управления киргизов – коллегиальные органы, состоящие из трех выборных киргизов под контролем секретаря из числа русских чиновников. Однако этому

проекту Генерал-губернатор Н. А. Крыжановский не дал хода с резолюцией: «... оставить дело без последствий ... вопрос о прилинейных-киргизах не возбуждать по приведении к окончанию трудов Комиссии Д.С.С. Гирса»³³, что фактически обусловило окончаниеданного проекта.

Таким образом, для проведения реформ в Области Оренбургских киргизов к началу 1860-х годов сложились благоприятные предпосылки: с продвижением российской границе к реке Сырдарье Киргизская степь Оренбургского ведомства полностью оказалась в границах империи, в значительной степени были ограничены внешние влияния на киргизов со стороны соседних Среднеазиатских владений. Идея реформы выросла из выводов Управляющего Областью Оренбургских Киргизов В. В. Григорьева о наметившейся социально-экономической и общественной дифференциации кочевого населения степи Оренбургского ведомства. При этом основное его внимание было обращено на прилинейныхкиргизов, более подверженных влиянию со стороны линейных жителей и местной российской администрации, в лице попечителей, которым он и предлагал означенных киргизов подчинить, сохранив во внутренних районах степи прежнее устройство. Однако значительное влияние на реализацию данного преобразования оказала специфика межведомственного взаимодействия, что выразилось в независимом рассмотрении и принятии Высшим начальством отдельных элементов данного проекта (с одной стороны перенос ставок Султанов-Правителей, с другой – устройство прилинейных киргизов). Но реализовать их по отдельности на местном уровне не представлялось возможным. С другой стороны, негативное влияние на реализацию проекта оказала специфика взаимодействия местной чиновничьей элиты, в частности вражда Генерал-губернатора А. П. Безака с В. В. Григорьевым, что вынудило последнего покинуть свой пост. С его уходом проект лишился своей самобытности и был превращен Областным Правлением во главе с М. В. Ладыжевским в попытку распространить на прилинейных киргизов основных элементов Положения 19 февраля 1861 года без должной его адаптации к специфике общественной организации, кочевого быта и традиций киргизов. А новый Генерал-губернатор Н. А. Крыжановский, с учреждением межведомственной Комиссии Ф. К. Гирса, видя постепенный переход реформистской инициативы в центральные государственные учреждения, отказывается от реализации данного проекта преобразования Области Оренбургских Киргизов.

Примечания:

¹ Злобин, Ю. П. Оренбургская пограничная линия в XVIII – первой половине XIX века // Народы Южного Урала на страже Родины. Материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции... / под общ. ред. В. В. Амелина. – Оренбург: типография ФГБОУ ВПО «ОГИМ», 2013. – С. 43; ПСЗ - II. – Т. 29. – № 28392. – СПб., 1855. – С. 679.

² Государственный Архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 10. Д. 7511. Л. 2 – 2 об.

³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7511. Л. 2 об – 3 об.

⁴ ПСЗ - II. – Т. 34. – № 34270. – СПб., 1861. – С. 218 – 219.

⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7511. Л. 4 – 9 об.

⁶ Там же. Л. 14 – 16 об.

⁷ ПСЗ - II. – Т. 34. – № 35223. – СПб., 1861. – С. 341; ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7511. Л. 27 – 30 об, 35 – 36.

В марте 1860 года в соответствии с предположением Генерал-Губернатора А. А. Катенина, утвержденным Комитетом Министров, порядок доставления сведений в МИД из Областного Правления был изменен. Все сведения о торговых и политических сношениях с азиатскими народами исходящие из Областного Правления, а также Штаба Войск Оренбургского Корпуса и Канцелярии Генерал-Губернатора, теперь передавались состоящему при Генерал-Губернаторе чиновнику по дипломатической части для дальнейшего производства и сообщения через Генерал-Губернатора в МИД (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7511. Л. 31 – 33, 44 – 45, 47 – 49 об., 54.).

⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7571. Л. 23.

⁹ Там же. Л. 23 – 24.

¹⁰ Там же. Л. 24 об.

¹¹ Предполагалось распределить дистанции при попечителе Новолинейного района между Троицким и Орским попечительствами, а само это попечительство устроить. Сохранялось бы пять попечительств: Гурьевское (4 дистанции; 11, 5 тыс. кибиток), Уральское (4,5 дистанции; 12 тыс. кибиток), Оренбургское (12 дистанций, 10 тыс. кибиток), Орское (11 дистанций, 10 тыс. кибиток), Троицкое (10 дистанций, 11, 5 тыс. кибиток). ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7571. Л. 25 об. – 26.

¹² ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7571. Л. 26 – 29 об.

¹³ Там же. Л. 6.

¹⁴ Губернаторы Оренбургского края / Авт.-сост. В.Г. Семенов, В.П. Семенова. – Оренбург: Оренб. кн. изд-во, 1999. – С. 238.

¹⁵ Чернов, И. В. Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. – Оренбург: Паровая Типо-лит. «Т-ваПеч. Дела Каримов, Хусаинов и Ко.», 1907. – Вып. XVIII. – С. 189.

¹⁶ ПСЗ - II. – Т. 37. – № 38053. – СПб., 1865. – С. 193; ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7571. Л. 14.

¹⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7571. Л. 31.

¹⁸ Там же. Л. 32 – 36 об.

¹⁹ Там же. Л. 37, 40 – 44.

²⁰ Веселовский, Н. И. Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816 – 1881. – СПб.: Типолитогр. и хромолитогр. А. Траншеля, 1887. – С. 204 – 205.

²¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7571. Л. 45 – 45 об., 53 об. – 62 об.

²² Там же. Л. 14 – 14 об.

Секция 1. НАРОДЫ ЮЖНОГО УРАЛА В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

²³ Там же. Л. 124 – 126 об.

²⁴ Там же. Л. 127 – 129 об.

Перевод Султанов-Правителей в подготовленные ставкитак и не был осуществлен, хотя запросы Начальника Отдельного Оренбургского Корпуса к Генерал-Губернатору производились вплоть до лета 1866 г. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7571. Л.310 – 313.

²⁵ Там же. Л.132 – 134 об.

²⁶ Там же. Л. 154 – 165 об.

²⁷ ПСЗ – II. – Т. 36. - № 36657. – ПСб., 1863. – С. 141 – 162; ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7571. Л. 154 – 165 об.

²⁸ В Сибирском Комитете под руководством В. П. Буткова с лета 1864 года началась подготовка проекта реформы киргизской степи, целью которой было подчинение всех киргизских областей, как Оренбургской, так и Сибирской, а также казачьих войск Уральского, Оренбургского и Сибирского ведению одного начальника, с созданием единообразной системы управления. В качестве столицы этого нового административного образования рассматривался город Оренбург. В этих обстоятельствах и был сделан запрос Генерал-Губернатору Безаку. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7976. Л. 15.

²⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7976. Л. 32 – 32 об.

³⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7571. Л. 191.

³¹ Там же. Л. 191.

³² Там же. Л. 259 об. – 277.

³³ Там же. Л. 279, 295, 298 – 300.

В резолюции имеется в виду Комиссия для изучения начал будущего устройства управления киргизами под руководством члена Совета Министра Внутренних дел, Действительного Статского Советника Ф. К. Гирса, командированная для сбора сведений на месте, в степях Сибирского и Оренбургского ведомств. Положение о Комиссии было утверждено 5 июня 1865 года. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7976. Л. 44 – 47.

Шурбаев К. К. (г. Оренбург)

РЕГУЛЯРНЫЕ ЧАСТИ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904-1905 гг.

Двадцать восьмого января 1904 года очередное заседание оренбургской думы было прервано – в этот день поступила правительственная телеграмма с известием о нападении Японии на Россию. В первые дни войны в народе царило возмущение действиями японских агрессоров, высок был патриотический дух. Оренбургская дума решает отправить телеграмму на имя министра внутренних дел с выражением верноподданных чувств и полным согласием с решением императора о начале войны, и пожертвовать 5000 рублей. Воодушевление народа проявляется в пожертвование средств на нужды флота и в общество Красного Креста¹. Уже 2 февраля организован первый вокаль-

но-литературно-музыкальный вечер в пользу Красного Креста². В Оренбурге создается Дамский комитет, который ежедневно принимается бельё, одеяла, фуфайки, чулки, халаты, валенки и другие вещи. Все пожертвования были под контролем особой исполнительной комиссии Общества Красного Креста. Организуются также 6-недельные медицинские курсы для подготовки сестёр милосердия.

2 марта в Самару отправилась делегация из Оренбурга, во главе с губернатором Барабашем, для встречи с командующим Маньчжурской армией генерал-адъютантом Куропаткиным. Поезд простоял 20 минут, за это время Барабаш обратился с напутствием: «... Оренбургское войско, готовое к походу, нетерпеливо ждет своей очереди стать в ряды вверенной Вам армии. Верное заветам своих отцов и дедов оно не пожалеет последней капли крови чтобы на предстоящем ему, под Вашим предводительством, боевом поприще проявить всю доблесть свойственную русскому духу, и тем оправдать надежды и ожидания нашего возлюбленного Государя и Отечества...»³.

20 апреля наряду с казаками на войну отправляются пехотные офицеры из Оренбурга, вместе с ними отправляются и сестры милосердия: Дегтярева, Говорухина, Губанева, Желунова, Каменская, Муранова, Самыкина, Станисланова, Тарханова и Эйтсе⁴. 29 апреля отправляется и числившийся по гвардейской кавалерии, оренбургский вице-губернатор полковник Фон-Кауфман, назначенный в распоряжение командующего Маньчжурской армии, вместо него вице-губернатором был назначен надворный советник М. Энерсман⁵. 20 мая уезжают еще 22 сестры милосердия: 1) окончившие временные курсы в Оренбурге: Рогожникова, Пузикова, Семенова, Брысина, Юриш, Лесенич, Червокова, Колыхалова, Сидорова, Седякина, Лаврентьева, Иванова, Рожновская, Попова, Сидорова, Гудкова, Лесли, Чараева, Пшеничнинова, Руссона; 2) ранее закончившие: Аникеевна, Черновекая. Каждой было вручено по 175 рублей (125 руб. – разово, 30 руб. – месячное жалование, 20 руб. – суточные за 10 дней)⁶.

Высочайший указ от 27 мая 1904 года о призыве нижних чинов, начинает для Казанского военного округа⁷ очередную частую мобилизацию, и непосредственно затрагивает Оренбургскую губернию (Оренбургский и Верхнеуральский уезды)⁸ и дислоцирующиеся в Оренбурге 241-го Орский и 242-го Белебеевский резервные батальоны⁹. С начало июня в город начинают прибывать призванные нижние чины и офицеры. Вместе с этим 241-й Орский и 242-й Белебеевский пехотные полки отчислили кадры для формирования 309-й Илецкого

и 310-го Стерлитамакского пехотных полков соответственно¹⁰, которые вошли в состав 78-й пехотной дивизии. Полки сформированной дивизии должны были заменить полки, ушедшие на Дальний Восток¹¹. К началу июля в городе находилось порядка бригады мобилизованных, которые встали лагерем в центре города, на площадях, и на Маяке, где располагались в палатках по 6 человек. Офицеры с квартир переезжают в лагерь, чтобы быть ближе к солдатам, постепенно увеличивается количество учений¹².

В начале сентября проходят проводы 241-го Орского и 242-го Белебеевского полков. Посмотреть на церемонию отправки пришел посмотреть весь город. Около 11 часов на форштатской площади полки выстроились в известном порядке. Преосвященный Иаким совершил напутственный молебен войскам, идущим на Восток, и освятил иконы врученные полкам городом. На площади находилась Икона Табынской Божьей Матери, поэтому после освящения часть народа двинулась в сторону Кафедрального собора, а полки остались ждать командующего войсками Казанского военного округа генерала Косича. Из-за опоздания поезд с генералом Косичем и губернатором Барабашем прибыл только в 15.00. Осмотрев полки по прибытию, генерал Косич дал команду для прохождения маршем, затем обратился с напутствием и поблагодарил. Всем солдатам были розданы от городской управы платки с чаем, сахаром, сухарями, табаком. Офицеры отказались от праздничного обеда и денег в пользу Дамского комитета¹³. В начале октября головные части 61-й дивизии подходят к Харбину. Первоначально дивизия предназначалась для обороны Приморья и должна была прибыть во Владивосток, но планы были изменены, Командующий воспользовался исключительным правом и перенаправил дивизию к Мукдену. Здесь 61-я дивизия была включена в состав 5-го Сибирского корпуса вместо 71-й дивизии, ушедшей в отряд генерала Ренненкампа¹⁴.

Проанализировав архивные документы и периодическую печать времен русско-японской войны, позволяет сделать вывод о том, что в первые месяцы войны горожане и жители Оренбургской губернии сделали важный вклад в боеспособность русской армии. В войне активное участие принимали не только казаки, но пехотные полки, дислоцирующиеся на территории губернии, а также солдаты-оренбуржцы, вошедшие в состав пехотных полков сформированных в Казанском военном округе, и проявившие себя не только на суше, но и на море.

Примечания:

¹ Оренбургский листок. – 1904. – 1 февраля.

² Оренбургский листок. – 1904. – 8 февраля.

³ Оренбургский листок. – 1904. – 7 марта.

⁴ Оренбургский листок. – 1904. – 25 апреля.

⁵ Оренбургский листок. – 1904. – 2 мая.

⁶ Оренбургский листок. – 1904. – 16 мая.

⁷ К началу XX в. на территории Казанского военного округа дислоцировались пять резервных пехотных бригад, бригада кавалерийского запаса, две (резервная и запасная) артиллерийские бригады, подразделения Астраханского, Оренбургского и Уральского казачьих войск, а также четыре местные бригады и отдельные резервные команды. Кроме того, здесь размещались различные интендантские, военно-медицинские и военно-судебные учреждения, а также целый ряд военно-учебных заведений. См.: Шурбаев, К. К.

Несколько слов о военной истории Оренбургского края в конце XIX – начале XX в.в. // Этнокультурный и межконфессиональный диалог в Урало-Поволжском полиэтничном пространстве: исторический опыт и современность. Оренбург, 2013. – С. 160-161.

⁸ Оренбургский листок. – 1904. – 6 июня.

⁹ Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1904 год. Оренбург, 1904. – С. 3-32.

¹⁰ Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1905 год. Оренбург, 1905. – С. 28.

¹¹ В конце июля начинается уход из Оренбурга части нижних чинов, входивших в состав 309-го Илецкого и 310-го Стерлитамакского полков, в Пензу для несения гарнизонной службы, большая часть 310-го Стерлитамакского полка осталась в Оренбурге с той же целью, как и 311-й Челябинский полк, который остался в Уфе, а 312-й Березинский полк вел охрану Самаро-Златоустовской железной дороги. См.: Оренбургский листок. – 1904 – 1 августа; Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1906 год. Оренбург, 1906. – С. 27-28.

¹² Оренбургский листок. 1904. – 4 июля.

¹³ Оренбургский листок. 1904. – 12 сентября.

¹⁴ Русско-японская война 1904-1905 гг. Т. 4. Часть 2. Зимний период кампании и сражение у Сандэпу. СПб., 1910. – С. 14.

Секция 2.
ВКЛАД УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА
В ОБОРОНУ СТРАНЫ И ЗАЩИТУ ЕЁ ИНТЕРЕСОВ
ЗА РУБЕЖОМ

Кузнецов В. А. (г. Челябинск)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И УСТРОЙСТВО ОБЩИНЫ ЯИЦКОГО
(УРАЛЬСКОГО) КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

Точные сведения о времени и обстоятельствах возникновения Яицкого войска в силу определенных причин отсутствуют и поэтому относительно условий и времени зарождения на берегах Яика казачьей вольницы существует немало легенд. Один из исследователей истории Оренбургского края А.И. Левшин справедливо отмечает, что о времени появления яицких казаков «не находим положительного и единогласного известия».¹ А.С. Пушкин в своих примечаниях к «Истории Пугачева» заметил, что «все исторические предания об них известия, теперь существующие, основаны только на преданиях, довольно поздних, не совсем определительных и никем критически не разобранных».² По преданиям, во второй половине XVI столетия на Яике появилась новая казачья община, получившая имя «Яицкие казаки». Наиболее ранние документы о жизни яицкого казачества относятся к концу правления Ивана IV и, поэтому большая часть историков считает, что казачья община образовалась в последние годы его царствования.³

Например, Н.М. Карамзин утверждает, что около 1584 г. 600-700 волжских казаков выбрали себе жилище на берегах Яика, в привольных для рыбной ловли местах, окружили его земляными укреплениями и сделались ужасом для ногаев. Ногайский князь Урус непрерывно жаловался царю на их разбои. Другие исследователи утверждают, что первоначально их число не превышало и 40 чел., но, постепенно разрастаясь, они основали вначале в глубине долины земляной городок в урочище Орешном (по данным П.И. Рычкова обосновались в урочище Коловратном или Коловертное, что в 60 верстах от нынешнего Уральска).⁴ А затем ниже по течению реки в 40 верстах построили в 1613 г. (или в 1614) они свой главный Яицкий городок (Уральск). И.И. Железнов, А.Б. Карпов, В.Н. Витевский, основываясь на «Кни-

ге большому чертежу», первым местоположением казачьего городка на Яике считают Голубое городище (Кош-Яик), которое, по их мнению, возникло в 20-верстах ниже впадения в Урал р. Илек. Городок неоднократно переносился с места на место, пока не оказался у устья р. Чаган.

Вопрос о том, были ли они выходцами с Дона или Волги, также является дискуссионным. В.Н. Витевский, А.И. Левшин, А.С. Пушкин считали, что яицкие казаки произошли от донских казаков. При этом поэт приводит тезис академика Г.Ф. Миллера о том, что пока татары «южными Российского государства странами владели, о российских казаках ничего не слышно было». Пушкин также склонялся к тому, что предания о предках казаков Гугне и Гугнихе есть «баснословие Рычкова, в его Оренбургской истории».⁵ Исследователь истории казачества М. Хорошхин утверждал, правда, без четкой аргументации, что общину основали казаки, ушедшие с Волги после их разгрома правительственными войсками в 1577 г.

В то время как в других казачьих общинах требовалось, чтобы вступающий в нее был христианином и давал обет борьбы с «басурманами», то яицкие казаки никем не пренебрегали и отличались веротерпимостью в отношении к иноверцам, которые приходили на Яик и селились между ними. По выражению самих казаков, на берега привольного Яика шел «народ ловкий, смелый, храбрый, гордый, - народ с амбицией, который искал вольностей, простора, независимости». Действительно, яицкие казаки остались в истории смелыми, храбрыми предприимчивыми и ловкими, стойкими в своих стремлениях и обычаях до упорства, особенно когда ограничивали их права и привилегии.⁶

Суровые условия жизни, неустанная борьба с кочевниками, постоянная опасность, среди которой жили казаки, выработали у них такие качества как отвага, смелость, выносливость. Известный ученый и путешественник С.П. Паллас, посетив в 1769 г. яицких казаков, отметил, что они «добронравный и чистоту наблюдавший народ..., ростом велик и силен..., с малых лет привыкают ко всяким трудным упражнениям и, употребляя огнестрельное оружие и копьё, искусно стреляют из луков». Характеристику Палласа дополнил известный географ И. Георги, побывавший у казаков в следующем году, и который заметил, что они «здоровые, бодрые и сильные люди..., необузданны..., решительны и храбры».⁷ В.И. Даль в письме своему другу В.Ф. Одолевскому признался, что у него «давно на уме уральский роман; быт и

жизнь этого народа, казаков, цветиста, ярка, обильна незнакомыми картинами и жизнью-самородною; это заветный уголок, который должен быть свят каждому русскому».⁸

Общинная организация жизни, сложившаяся у Яицких казаков еще в конце XVI в., впоследствии развилась и окрепла под влиянием местных условий, среди которых можно указать следующие: развитие общинного рыболовства, обширность войсковых земель, отдаленность территории уральцев, затруднявшее вмешательство государственной власти в войсковые дела. В эпоху Петра I началось энергичное вмешательство государства во внутренние дела казачьих общин. При этом следует заметить, что вследствие более крепкой у уральцев общинной организации, она сохранилась в этом войске в классической форме и дольше, чем в других казачьих войсках. Историки и писатели отмечали такую черту уральцев, как убежденность в необходимости «твердо и дружно стоять за общее дело».⁹ Поэтому совсем не удивительно, что стремление властей к внедрению государственных порядков встречали в Уральском войске более упорное противодействие населения, чем в других казачьих войсках.

Общинные начала жизни «всосались в плоть и в кровь Уральских казаков». Главная особенность Яицкой (Уральской) казачьей общины в том, что она существовала почти в неизменном виде до середины XIX в. исключительно благодаря рыболовству на Урале и Каспии. Уральские казаки представляли собой поразительное исключение: имея массивы земли, казачество мало занималось хлебопашеством. Недостающий хлеб казаки покупали «на волжских пристанях и в самарских степях...».¹⁰ С первых лет своего существования, отмечают историки Т.К. Махрова и В.С. Кобзов, - яицкие казаки выработали своеобразную систему отношений и хозяйственной деятельности, они «практически не занимались земледелием, уделяя основное внимание рыболовству на богатом рыбой Яике, второстепенный характер имело и животноводство, ориентированное, главным образом, на коневодство для собственных нужд».¹¹

С момента возникновения в XVI и до 40-х гг. XVIII в. яицкие казаки вели полуоседлый образ жизни. Их городки неоднократно меняли свои места. После создания Нижнеяицкой укрепленной линии появляются крепости и форпосты, которые предназначались лишь для несения пограничной службы. Но, в течение первых десяти лет, эти сугубо военные сооружения обрастают домами с хозяйственными постройками казаков, несших службу на линии. Так образовались но-

вые казачьи поселения, протянувшиеся до берегов Каспия. После этого, казаки под защитой линейных укреплений стали основывать в степи, к западу от линии свои хутора, где они держали скот, разводили огороды и бахчи, иногда, при наличии плодородной земли, некоторые семьи занимались земледелием. Тогда же было положено начало заселению территории к северу от Яицкого городка, преимущественно на самарской и бузулукской дорогах.

Внутреннее устройство Яицкого войска с XVII в. было почти таким же, что и у Донского войска и вызывалось опасностью нападений враждебных кочевников, и необходимостью постоянно находиться в готовности к отражению этих нападений. Исходя из этого, военный быт и внутреннее устройство казачьей общины были на начальном этапе существования обусловлены скорее внешними, чем внутренними факторами. В эти времена всегда существовала опасность внезапных набегов на их селения орд кочевников. Так, ногайцы неоднократно пытались ликвидировать казачьи поселения. Начало борьбы яицких казаков с соседями - киргиз-кайсаками, калмыками и башкирами и их походы в среднеазиатские владения также относят к начальному периоду существования войска. Известия о двух набеге сохранились в свидетельствах среднеазиатского историка Абуль-гази-хана и, записанных П.И. Рычковым, казачьих преданиях. В них встречается много путаницы: не определены точно временные границы набегов, встречаются географические ошибки.¹² Враждебное окружение кочевых народов с необходимостью требовало создавать в казачьих общинах военное устройство.

Как уже отмечалось, до XVIII в. царская власть почти не вмешивалась во внутреннее устройство яицкого казачества, в формирование его военно-административной структуры. Эти вопросы решались самой общиной, атаманами, казачьей старшиной. Все должности в войске были выборными и властью казачью старшину наделял Войсковой Круг, являвшийся высшим органом общины. В компетенцию Круга входило решение всех важных вопросов жизни войска: планирование военных походов (набегов), отражение нападений, отношения с Московским государством и, окружающими их другими народами, кочевыми племенами, распределение «царёва жалованья». На Круге принимали в общину новых членов, разбирали разного рода споры и конфликтные ситуации, осуществлялся суд над совершившими преступления.

Вопрос о времени начала службы яицких казаков Московскому государству один из трудных. В документах правительства они упо-

минаются с 1591 г. Так в наказе царя Федора Иоанновича астраханским воеводам князю Ивану Сицкому и Пушкину «велено было собрать для похода на Шевкала татарского 1000 человек волжских казаков и 500 яицких». ¹³ Утвердительно ответить на вопрос: состоялось ли участие яицких казаков в походе против Шамхала Тарковского трудно. Но, тем не менее, с этого времени и установлено старшинство Уральского казачьего войска. Сами яицкие казаки, излагая краткую историю своего войска в тексте наказа для Уложенной комиссии в 1767 г., относили начало службы русскому царю к 1655 г., когда их отряд в составе войск князя Хованского участвовал в войне с Польшей. Видимо, у казаков не сохранилось преданий о походе 1591 г. Яицкое казачество также «забыло», что в 1629 г. они участвовали в походе русских войск против крымского хана и в боевых действиях на западном твд в середине 30-х гг. XVII в. в районе Смоленска, Полоцка и др.

Время, когда Войско признало над собой власть московского государства в точности неизвестно. Сами казаки определяли начало включения яицкой общины в российское подданство со времени царствования Михаила Романова, которого считали «казачьим царём», так как согласно тем же преданиям, главную роль в его избрании на престол сыграли именно казаки. По донесению И.И. Неплюева, собиравшего в 1748 г. сведения о войске, это произошло в царствование Михаила Федоровича (1613-1645), когда яицкие казаки обратились с просьбой о принятии их под высокую руку царя. Среди уральских казаков существовало предание, что их просьба была удовлетворена еще ранее. Якобы в 1614 г. им была выдана грамота «на владение рекой Яиком, с суциями по сей реке притоками и со всеми угодыями от вершины той реки до устья ее с тем, чтобы им на той реке жить и владеть, а великому государю служить казачью службу и набираться вольными людьми». Это предание «вывели» из «распросной сказки» станичного атамана Ф. Михайлова, в которой говорилось, что казаки сначала были «люди вольные» и «жили они... немалое время своевольно, ни под чьею державою», но затем, «собравшись, думали, у кого им быть под властью», и после долгих дум «послали от себя двух казаков – русского да татарина к государю Михаилу Федоровичю с челобитьем, чтоб он, великой государь, их пожаловал, принял под свою протекцию». Царь будто согласился и велел выдать казакам грамоту на владение рекой Яиком и прилежащими землями, признал за ними право «служить казачью службу по своему обыкновению». ¹⁴ Причем казаки утверждали, что эта грамота сгорела во время пожара в 1812 г.

и восстановить ее невозможно.¹⁵ Конечно, опираться в исследовании на сведения одного человека является не очень надежным делом.

С 1623 г. Яицкое войско вместе с Донским числилось в ведении Посольского приказа. С 1629 г. яицкие казаки, помимо сторожевой службы, которую они несли при охране своей территории, стали наряжаться по указам государя на внешнюю службу. С 1680 (по другим данным с 1670) по 1719 гг. они были в ведении Казанского приказа. В это время это было формальное подчинение, оно не касалось внутреннего устройства жизни казачьей общины, и ограничивалось нарядами казаков на внешнюю службу. Главу общины - войскового атамана яицкие казаки выбирали из своей среды, давали ему власть руководить ими и производить над ними суд, но только в тех пределах, какие допускались обычным правом общины и не более. В противном случае казаки переизбирали атамана, который превращался в рядового казака. Текущие ежедневные дела, различные ссоры и тяжбы разбирались и решались атаманом и войсковой старшиной.¹⁶

Кроме участия в войнах и походах, казаки привлекались для выполнения внутренних функций. В 1662-1663 гг. яицкие казаки были в составе войск стольника А.М. Языкова, посланных на усмирение мятежа уфимских башкир. В 1676 г. вспыхнул так называемый Сеитовский бунт, когда под предводительством старшины Сеита башкиры соединились с калмыками и ногайцами и разорили селения в Казанском и Уфимском уездах. Для подавления грабительских шаек в 1679 г. туда был послан воевода Федор Васильевич Зеленин со «служилыми людьми малороссийскими и яицкими казаками» и на следующий год бунт был усмирен. 500 яицких казаков в 1683 г. усмиряли бунт башкир в районе Мензелинска. В начале XVIII в. опять пришлось применять войска и казаков для усмирения волнений среди башкир. Так в 1707 г. башкиры снова бунтовали (в бунте участвовали также мещеряки и тептяри). В Казанском и Уфимском уездах бунтовщиками были разорены и сожжены несколько сот сел и деревень и более 11 тыс. человек убито или пленено. В 1708 г. против восставших башкир посланы 1225 яицких казаков во главе с атаманом Федором Семенниковым. Лишь только в 1710 г. посланный с войском в Уфимский уезд стольник Иван Бахметев за несколько лет привел основную массу башкир в повиновение.¹⁷ В 1717 г. киргиз-кайсаки и башкиры разграбили Новошешминск, «волнения охватили громадное пространство; бунтовщики не дошли только 30 верст до Казани. Многие селения по рекам Каме, Белой... разграблены..., крестьян убивали и уво-

дили в плен..., продавали в Хиву, Бухару; стариков и малолетних са-жали на колья».¹⁸ Петр I поручил усмирить бунт князю П. И. Хованскому. Бунт был подавлен, его зачинщики казнены.

В некоторых работах по истории Яицкого казачества говорится, что в основе общинной организации яицких казаков лежали «идеально справедливые» принципы.¹⁹ Еще в 1748 г. Оренбургский губернатор И.И. Неплюев заметил, что яицкие промыслы, хотя и основаны на общинном владении, приносят выгоду в первую очередь богатым людям, ибо тут «кто больше капиталу имеет, тот... свой доход лучше получит».²⁰ Ранее этого времени из челобитной яицких казаков царю от 1721 г. мы узнаем, что дело доходило до того, что бедные казаки для получения ссуды у казаков-богачей «закладывали им жен и детей». Например, яицкая войсковая канцелярия в своем донесении Военной коллегии в 1769 г. сообщила, что наряду с богатыми казаками в войске имеется «много всяких скудных и бедных маломощных, которые поправитца сами собою не в состоянии».²¹

С учреждением Сената ведение яицким войском отошло к нему, а с появлением коллегий было передано в 1719 г. коллегии иностранных дел. В 1721 г. яицкие казаки для управления ими были переданы во введение Военной коллегии.²² Кроме того, яицкие казаки с 1720 г. были переданы в административно-территориальном отношении из подчинения Казанскому генерал-губернатору в подчинение Астраханскому губернатору. Это переподчинение было вызвано необходимостью оперативных указаний в организации несения службы в степных районах и в оказании помощи Низовому корпусу, действующему в Персии, что было делать удобнее астраханским властям, отвечающим за ведение дел в этом регионе. Обычно в 20-е гг. XVIII в. для службы в Низовом корпусе, а также к крепости Св. Креста и Дербент посылались на два года 1000 конных и 1000 пеших донских и 500 конных яицких казаков.²³ Кроме того, в эти годы 250 яицких казаков с весны посылались на форпосты Черемшанской засечной черты.²⁴

Уже к концу XVII в. в казачьей общине обозначилось разделение на две партии: одна состояла, главным образом, из разбогатевших старшин войска, другую группу составляли преимущественно рядовые казаки и все недовольные политикой войсковой верхушки. Между ними стала усиливаться вражда. В 20-е гг. XVIII в. участились доносы яицких казаков на деятельность Войскового правительства и, особенно на атамана Григория Меркурьева (или Меркульева), которого обвинили в ловле рыбы в запрещенное время и в других злоупотреблениях.

Волнения казаков были вскоре усмирены, посланным сюда с широкими полномочиями, полковником Захаров. Он арестовал многих казаков, одних казнил, других отправил в ссылку и затем в течение 1723-1724 гг. сделал перепись казачьей общине, всем казакам было определено жалованье, распределены служебные обязанности. Казаков разделили на сотни и десятки с сотниками и десятниками во главе. По переписи полковника Захарова в Яицком войске оказалось 5771 казак. Всего годных к службе казаков Захаров определил 3196 чел.²⁵ Перепись показала, что большинство казаков составляли русские, преимущественно выходцы из Поволжья, инородцев насчитывалось в войске около 6% (татары, башкиры, калмыки и др.). По указу 1723 г. войсковая старшина, выбранная кругом, подлежала утверждению Военной коллегией. Указом 1725 г. войску стали отпускать жалованье в 1500 руб., пороху 51 пуд, свинцу 33 пуда.²⁶

Таким образом, с переписи 1723-1724 гг. началась реорганизация Яицкого казачьего войска в желательном для государства направлении, положено начало превращению яицкого казачества в замкнутое сословие. Новое устройство войска, превращение атаманов в чиновников – исполнителей воли правительства, централизации управления приближало яицкое войско к армейской регулярности. Бывший атаман Меркурьев все же в 1723 г. был утвержден в звании войскового атамана и ему впервые за все время существования войска вместо прежней наски правительство пожаловало новую «с надписью и государственным гербом». Войску также были присланы новые клейноды (знамена и трубы). В 1734 г. штат войска оставался таким же. Об этом свидетельствует указ, по которому для этого количества служащих яицких казаков «велено отпускать по осьмине ржи или муки», всего на деньги 1598 руб., а с Симбирских казенных заводов по 100 ведер вина.²⁷

С 40-х гг. правительство стало назначать войсковых атаманов, но пока еще по выбору общины. Военная коллегия в 1740 г. предписала присылать для утверждения в атаманской должности не одного, а трёх кандидатов от войска, вопрос об утверждении любого из которых, равно как и вопрос об отклонении всех кандидатур, будет решать она. Казачий круг сохранил лишь право выбора походных старшин, которые не являлись членами войсковой канцелярии, а, следовательно, не участвовали в управлении войском. То есть Военная коллегия стремилась унифицировать казачьи войска и приблизить их устройство к армейской организации, то она все более вторгалась во внутреннюю

жизнь казачества, стремясь ограничить казачье самоуправление и в перспективе ликвидировать «многие вольности». Постепенно в общины внедрялось центральное судопроизводство. Ограничение самоуправления проявилось, прежде всего, в отмене выборного начала в войске, превращение старшинских должностей в пожизненные и наследственные.

Поэтому произвол войсковой старшины все более возрастал. Избиение казаков старшинской верхушкой было нередким явлением. Так атаман Логинов «казака Полякова засек плетью, отчего тот казак умер».²⁸ Атаманы взымали с казаков незаконные поборы и при этом не отчитывались перед казаками в расходовании собранных сумм, иногда присваивали часть денежного и провиантского жалования казаков, отпускаемого им из казны. Всякое требование казаков отдать отчет кругу об израсходовании войсковых сумм стало объявляться бунтом против властей. Старшины подмяли под себя судебные дела, рассматриваемые Войсковой канцелярией, и поэтому рядовые казаки потеряли всякую надежду добиться справедливого решения споров и разногласий. Многочисленные факты произвола в отношении казаков свидетельствуют о том, что патриархальная «общинность и демократизм» самоуправления казачества остались в прошлом, и к середине XVIII в. сложилась та бюрократическая система управления, против которой яицкие казаки пытались бороться. В конце концов, такой установившийся порядок произвола в войске predetermined активное участие яицких казаков в Пугачевском бунте. Эти факты объективно выступают против идеализации казачьей общины, ее жизни и быта.

Казачество пыталось оказывать сопротивление попыткам правительства реформировать жизнь Войска. В ходе этой борьбы образовались две условные враждебные группировки – старшинская и войсковая. Нужно отметить, что такое деление не является конструктом советской историографии, как считают некоторые исследователи. В официальных правительственных документах того времени этот факт разделения на две группировки фиксируется очень точно. Уже в 1738 г. императрица Анна Иоанновна в своей грамоте от 22 августа упрекала яицких казаков в том, что «хотя на прежде сего вам и жестоко запрещено, разделяясь на две партии... присылаете в С. Петербург казаков... каждая партия от себя».²⁹ Этот факт подметил и Пушкин, который писал, что в 30-40-е гг. XVIII в. усилились раздоры, казаки разделились на две стороны: атаманскую и народную.³⁰ Такое разде-

ление и социальный состав группировок нельзя представлять себе упрощенно. Например, в старшинскую группировку могли входить и беднейшие казаки, которые по разным причинам «прилепились для покормки к старшинам». В «войсковую сторону» же, кроме среднего и бедного казачества нередко входили богатые казаки, и даже некоторые старшины. То есть к «войсковой» партии принадлежали все те, кто протестовал против произвола и засилья войсковой старшины, а также против попыток правительства ликвидировать казачье самоуправление. Состав двух партий не был постоянным, и переход из одной группировки в другую был нередок.

Борьба этих партий усилилась в результате отмены выборности и ликвидации многих прерогатив войскового круга, что привело к превращению старшинской верхушки к 60-м гг. в обособленный, привилегированный слой. Старшина стала награждаться армейскими офицерскими чинами и производиться в дворяне. Первым старшиной, произведенным в армейский чин (подполковника) стал войсковой атаман М. Бородин. Это производство вызвало в войске бурю негодования.³¹ В Петербург поступили многочисленные жалобы на его самоуправство и грубость. Поэтому в 1763 г правительству пришлось отправить на Яик следственную комиссию во главе с генералом Потаповым. Следственная комиссия официально признала Бородина и старшин виновными, но при этом были наказаны рядовые казаки, часть из них с семьями были сосланы в Сибирь. Жалобы в правительство от казаков не прекращались, и властям пришлось возобновить следствие, которое поручили в 1767 г. генералу Черепову. Следствие длилось целых семь лет. Так как вопиющие злоупотребления старшины больше скрывать было уже невозможно, Военная коллегия постановила всех их сменить и взыскать треть недостающей в войсковой казне суммы. Новым войсковым атаманом был назначен П. Тамбовцев.³² При Тамбовцеве злоупотребления продолжались, которые вызвали нарастание напряженности в войске, приведшем к мятежу яицких казаков в начале 70-х гг.

С образованием в 1744 г. Оренбургской губернии Яицкое войско было подчинено оренбургскому губернатору И.И. Неплюеву. В 1748 г. Неплюев составил проект преобразований Яицкого войска. По его плану управление войском должно было сосредоточиться в руках Войскового атамана, с двумя старшинами, двумя есаулами и писарем. Все войско делилось на 7 полков³³ по 500 чел. в каждом; служба казаками отбывалась по очереди. То есть наемка общиной казаков

для службы по проекту отменялась, но сохранялось традиционное старинное правило личной «наемки», по которому казаки, обязанные по очереди идти в поход, могли нанять за себя другого. В 1748 г. Яицкое казачье войско получило более стройную организацию на основе временного штата войска. По указу Военной коллегии от 22 мая 1753 г. штат Яицкого войска определен в 3752 чел. Организационно все казаки были разделены на семь станиц, а станицы на пять сотен.³⁴ Ограничение относительной автономии яицких казаков произошло в области суда. Согласно указу от 23 ноября 1748 г., суд в Яицком войске должен был впредь производиться не только на основе старинного казачьего права, но и права государственного.

Проект реформирования Яицкого войска, представленный И.И. Неплюевым, был утвержден только в 1760 г, уже после убийства Неплюева из Оренбургского края. Но, тем не менее, некоторые свои реформы Неплюев осторожно, считаясь с настроениями, царящими в войске, все же провел, и потому его нововведения не породили волнений в среде яицкого казачества.

Войсковой казачий круг по традиции считался высшим органом самоуправления. П. Паллас, посетивший яицких казаков, писал, что в Яицком войске никакого важного решения нельзя принять «без собрания народа, которое у них круг называется».³⁵ Он немного ошибался. В это время полномочия круга были уже существенно урезаны. И связано это было с реформами И.И. Неплюева. Если в XVII в. по решению круга община могла казнить за серьезные нарушения кого угодно, то уже в 50-60-е гг. XVIII в. круг решал лишь вопросы хозяйственного характера и наказывал только за незначительные проступки. Вместе с этим были урезаны полномочия войскового атамана. Если до «неплюевских» преобразований один из атаманов приказал зарыть живыми в землю казаков, повинных в краже огурцов, то после произошедших изменений максимум, что мог сделать атаман, это приказать публично выпороть провинившегося казака, а для более строгого наказания отправить его под конвоем в Оренбург.³⁶ В декабре 1765 г. вышел указ Военной коллегии, согласно которому за серьёзные военные проступки и преступления правонарушителей предписывалось «присылать в нашу Военную Коллегию на конфирмацию», а за незначительные правонарушения виновных следовало «наказывать по вашему казацкому обыкновению и по исполнении рапортовать»³⁷.

К середине XVIII в. круг фактически перестал быть органом казачьего самоуправления. К старшине постепенно перешло право заме-

щения должностей в войске. Войсковая канцелярия стала назначать старшину на любые должности без всякого обсуждения на войсковом круге. Таким образом, основная часть прав войскового круга перешла к войсковой канцелярии, атаману и войсковой старшине. Управление в войске отчетливо приобрело бюрократические черты, которые ярко были выражены в «Проекте» Неплюева, где он предлагал впредь на кругах лишь приказывать казакам, что они должны делать.

Таким образом, с конца XVII и до 70-х гг. XVIII в. ситуация в войске характеризовалась двумя взаимосвязанными процессами - углублением конфликта между основной частью казачества и старшинской верхушкой и, с другой стороны, стремлением власти полностью подчинить себе войско, поставить его под жёсткий контроль государства. Но, при этом, любая попытка изменения чего-либо в привычном для казаков укладе жизни вызывала у них ответную реакцию, выражавшуюся в волнениях различного рода. Время царствования Петра I и его реформ можно считать переломным этапом в истории яицкого войска, так как государственные органы провели ряд серьёзных изменений в жизни общины. Власть «стремилась преобразовать внутренний строй Яицкого войска и сделать из казаков постоянную военную силу, ...уничтожить всякое отдельное право, ...слить в одну массу верноподданных Государю».³⁸ В XVIII в. былой казачьей вольнице пришел конец. Вначале Войско подчинили Военной коллегии, затем ввели назначение атаманов и старшины и, наконец, был ликвидирован круг как орган самоуправления казачьей общины. В конце века в Уральском войске, как и во всем крае, была введена кантонная система управления.

Примечания:

¹ Левшин А.И. Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. СПб., 1823. С. 3;

² Пушкин А.С. История Пугачева. – Полн. Собр. Соч. В. 17 т. – Т. 9. кн. 1. М., 1995. – С. 85.

³ Документы XVI в. составляют жалобы высшей ногайской знати на казаков. Так, в 1580 г. хан Урус жаловался Ивану Грозному, что «сего лета приходили казаки», которые «Сарайчик воевали и сожгли» (Сарайчик – столица Ногайской орды в низовьях Яика). В ответ на жалобу царь отвечал, что «государевы» казаки «на Сарайчик не хаживали, а воровать на Сарайчик приходили беглые казаки». Цит. по: Самарский краевед. Самара, 1994. С. 266, 269; Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. 1-3. - Казань, 1891. - Т. 1. С. 221.

⁴ Справочный энциклопедический словарь. Т. 10. СПб., 1848. С. 653.

⁵ Пушкин А.С. История Пугачева... С. 86, 88.

**Секция 2. ВКЛАД УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В ОБОРОНУ СТРАНЫ
И ЗАЩИТУ ЕЁ ИНТЕРЕСОВ ЗА РУБЕЖОМ**

- ⁶ Витевский В.Н. Указ. соч. Т. 1. - С.220-221.
- ⁷ Цит по: Рознер И.Г. Яик перед бурей. – М., 1966. - С. 8.
- ⁸ Неизвестный Владимир Иванович Даль.- Оренбург, 2002. - С. 33-34; Этот роман так и остался в замысле, но его очерк «Уральский казак», опубликованный в 1842 году в сборнике «Наши, списанные с натуры русскими», по праву считается одним из лучших его произведений.
- ⁹ Столетие военного министерства. Т. 11. Ч. 1-4. - СПб., 1902-11. - Ч. 3. С. 229.
- ¹⁰ Максимов С.В. Плавня.//Исторический вестник, Т. 12. 1883, С.497, 514-515.
- ¹¹ Махрова Т.К., Кобзов В.С. Бунтарское войско // Гостиный двор. 2005. № 16. С. 261.
- ¹² Рычков П.И. Топография Оренбургская. – СПб., 1762. Ч. 2. – С. 73-78; Макшеев А.И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. – СПб., 1891. – С. 50-57; См: Мамонов В.Ф. Рождение казачества Урала: легенды, факты, гипотезы. – Челябинск, С. 27-28;
- ¹³ Эти факты упоминаются в грамоте императора Александра III Уральскому казачьему войску в день празднования 300-летия войска 31 июля 1891 г. См: Ухтомский Э.Э. Путешествие государя императора Николая II. Т. 2. На Дальний Восток и по Сибири в 1891 г. СПб.-Лейпциг, 1895. - С. 243; Подлинный текст царского наказа был опубликован в кн: Акты исторические... Т. 1 (1334 – 1598), Док. № 230, С. 436.
- ¹⁴ Карпов А.Б. Памятник казачьей старины. – Уральск, 1909. – С. 15-16; Рознер И.Г. Яик перед бурей... С. 15-16.; Витевский В.Н.Указ. соч. Т. 1.С. 220-222.
- ¹⁵ Герасимова Э.И. Уральск. Исторический очерк (1613-1917 гг.). Алма-Ата, 1969, С. 16.; Очень возможно, что такой грамоты совсем не было.
- ¹⁶ С 1685 г. по 1723 г. яицкие казаки сменили 12 атаманов; Происшествия на Яике в 1772 г. // Современник. 1864. № 4.
- ¹⁷ Рычков П.И. Топография... С. 62, 63; Военный сборник. 1863. № 1. С. 34;
- ¹⁸ Витевский В.Н. Указ. соч., Т. 1. С. 131-132.
- ¹⁹ Максимов С.В. Плавня. Очерк уральской общины // Исторический вестник. 1883. № 6.
- ²⁰ См: Русский архив. 1878. Кн. 2. С. 23-24.
- ²¹ См: РГВИА. Ф. 13, Оп. 107, Д. 10, Св. 30, ЛЛ. 252-289; Д. 112, Св. 128, Л. 426об.
- ²² ПСЗ. - Т.5.- № 3472; Т. 6. - №№ 3694, 3750.
- ²³ См: Сборник императорского русского исторического общества. Т. 84. – СПб., 1893. – Док. 104. С. 266.
- ²⁴ См: Протокол Верховного тайного совета от 24 февраля 1730 г. // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 101. - СПб., 1898. - С. 490-491.
- ²⁵ Витевский В.Н. Указ. соч., Т. 1. С. 236-237.
- ²⁶ ПСЗ. - Т. 7. - № 4686.
- ²⁷ ПСЗ. - Т. 9. - №№ 6526, 6800.
- ²⁸ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1, Д. 66, Л. 249.
- ²⁹ Материалы для географии и статистики России. Ч. 2. - СПб., 1866.- Док. № 3. С. 6.
- ³⁰ См: Пушкин А.С. История Пугачева...Т. 9. Кн. 1. – С. 9.
- ³¹ См: Кузнецов В.А. Иррегулярные войска Оренбургского края. – Самара-Челябинск, 2008.
- ³² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16, Д. 143, Л. 1.
- ³³ См: Объединенный Государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-481, Оп. 1, Д. 83, Л. 6.

³⁴ Материалы... Вып. 3. С. 40.

³⁵ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. – Ч. 1. СПб., 1773. – С. 414..

³⁶ Витевский В.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 300.

³⁷ Рябинин А.Д. Уральское казачье войско. Ч. II. - СПб., 1866. - С. 50–51. (прил. XVIII).

³⁸ Витевский В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 233.

Левшин П. Л. (г. Челябинск)

ОРЕНБУРГСКИЙ ПОГРАНИЧНЫЙ СУД - ИНСТРУМЕНТ ПОГРАНИЧНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ С КАЗАХСТАНОМ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

Важнейшим геополитическим регионом, с большой плотностью политических, экономических и торговых связей для России, в XVII – начале XVIII века становится район Центральной Азии. В первой четверти XVIII века с особой активностью нарастают торговые и политические отношения с киргиз-кайсаками (казахами)⁵⁶⁴ с одной стороны, и Россией, с другой.

В 1731 г. Малая киргиз-кайсацкая орда добровольно вступила в российское подданство. Официально о принятии кочевников в состав России говорилось в грамоте за подписью императрицы Анны Иоанновны от 19 февраля 1731 г.⁵⁶⁵ Этим же числом была утверждена Инструкция от Государственной Коллегии Иностранных Дел переводчику восточных языков Мегмету Тевкелеву, отправленному в орду, для приведения оной в подданство России. Отмеченные политико-правовые акты юридически оформили начало добровольного присоединения протоказахских племен к Российскому государству. Практическое включение обширного пространства Южного Приуралья и киргизской степи было положено отправкой в мае 1734 г. Известной (Оренбургской) экспедицией.

В инструкции Анны Иоанновны, данной первому начальнику экспедиции статскому советнику Ивану Кирилову, ставились, в частности, следующие задачи: для лучшего «охранения и защищения» от всякого нападения «башкирского народа, киргиз кайсацких и каракалпакских орд» построить крепость в устье реки Орь; привести к присяге ханов Младшего, Среднего и Старшего жузов; удерживать киргиз-кайсаков в повиновении «иногда страхом, а иногда награда-

ми»; произвести разведку руд и минералов в степи; изыскать возможность отправить торговый караван в Бухару; построить для ханов дома «по их обычаю»; «что касается до распоряжения в суде и правосудия, о том смотреть по обычаям каждого народа»⁵⁶⁶.

Устройство нового края поручено было обер-секретарю сената, И. Кирилову, а затем В. Татищеву и И. Неплюеву. «Ревностными усилиями их, пространство между городами Омском и Уральском, в промежутке между которыми существовал до 1730 г. один только пригород Сакмарск, основанный в 1719 г. сибирскими беглецами и занятый с 1721 г., по распоряжению правительства, яицкими казаками связывалось вскоре населенной линией по берегам рек Урала и Уя, отрезав башкирские земли от степной киргизской орды с целью прекращения постоянной вражды и грабежей между киргизами и башкирами»⁵⁶⁷.

Осенью 1735 г. в районе устья реки Орь, была заложена первая Оренбургская крепость. В церемонии закладки крепости принимали участие киргизы и башкиры. Таким образом, сразу выявились основные функции города: быть оплотом новой пограничной линии крепостей, которую начали создавать, и служить центром хозяйственно-политического общения с Востоком. Именным указом от 20 августа 1739 г. предписывалось по рекам: Самаре, Яику, «вниз по рекам Ую и по реке Тоболу до Царева городища, так же строить крепостицы...»⁵⁶⁸.

В 1744 году Оренбург становится центром вновь образованной губернии. В инструкции Сената от 15 марта говорилось: «...быть в Оренбурге губернии и именоваться Оренбургская губерния и в ней губернатором тайному советнику Неплюеву... Ему же, губернатору, - отмечалось в инструкции, - вестать и киргиз-кайсацкий народ, и тамошние пограничные дела»⁵⁶⁹. Политическая обстановка и географическое положение способствовали тому, что вскоре Оренбург превращается не только в культурный и военный, но и в крупный центр торговли России с Казахстаном и Средней Азией⁵⁷⁰.

Таким образом, мы считаем, что сооружение цепи укреплений по Яику и другим рекам, в середине XVIII в., явилось внешней формой становления геополитической линии на юго-восточных рубежах Империи, связанной с предполагавшимся проникновением России в районы Центральной Азии, и замыкавшей на себе разнообразные элементы геополитического взаимодействия, в том числе и экономического и государственно-правового характера. В этой связи, значительный интерес, по нашему мнению, для теории и истории государства и права представляет исследование проблем примыкающих к границе терри-

торий, так называемых пограничных зон (в широком смысле), имеющих не только особый правовой, но и геополитический статус. Именно здесь, как мы считаем, сошлись силовые векторы и концентрировались национальные интересы Российской империи и протоказахских племен.

Одним из недостаточно изученных вопросов является проблема правового регулирования многообразных отношений казахов и населения военно-пограничной линии, в основном казаков Уральского и Оренбургского войск.

Со времени начала присоединения протоказахских племен к России, управление оренбургскими киргизами (казахами), в том числе и судебное разбирательство наиболее важных дел, формально находилось в ведении администрации края. В мае 1737 г. Оренбургскую экспедицию переименовали в Оренбургскую комиссию, ее начальником был назначен В.Н. Татищев. В марте 1744 г. в связи с образованием Оренбургской губернии Оренбургская комиссия была упразднена, и ее функции перешли к оренбургскому губернатору, которому вменялось в обязанности помимо прочего, «ведать и киргиз-кайсацкий народ и тамошние пограничные дела, так, как поныне в Оренбургской комиссии находятся»⁵⁷¹.

В ходе проведения губернской реформы Екатерины II Оренбургская губерния как самостоятельная административная единица в декабре 1781 г. была преобразована в область и вошла в состав новоучрежденного Уфимского наместничества с центром в Симбирске. Именным указом от 14 января 1782 г. данным генерал-поручику И.В. Якоби в Оренбурге была учреждена пограничная экспедиция. В пункте пятом указа говорилось: «Пограничные дела с соседними тамошними народами отправлять обер-коменданту под главным руководством вашим, а для помощи ему иметь одного канцелярии или надворного советника, секретаря, переводчиков, толмачей и прочих служителей»⁵⁷². С созданием экспедиции пограничные начальники обязывались блюсти правосудие, заботиться о заведении киргизских школ и постройке мечетей.

Пограничная экспедиция не имела каких-либо законодательных полномочий и выполняла роль промежуточной инстанции между генерал-губернаторами и ханами киргиз-кайсацких образований. Ее функции сводились, прежде всего, к обмену информацией между ними. Пограничная экспедиция готовила различным учреждениям справки, собирала сведения о киргиз-кайсаках, выдавала жалование

местным чиновникам, редко принимая самостоятельные решения даже по самым простым вопросам.

Непростая политическая обстановка в степи в 1782 – 1784 годах достигла крайних пределов. В Младшем жузе противостояние чингизидов (султанов) и старшин, восстание под руководством Сарыма Датова осложнилось взаимными набегами казаков, башкир и киргизов (казахов). В сентябре 1783 г. симбирский и уфимский генерал-губернатор А.И. Апухтин в письме императрице докладывал: «Малая орда обращалась и обращается в предезостях. А что всего сожальнее, увозом подданных Ее Императорского Величества, которых продают в азиатские Великой Татарии области за немалую цену, где они употребляются в тягчайшие и несоответствующие силам человеческим работы»⁵⁷³. Причиной такого состояния дел генерал-губернатор считал самих ханов, правление которых основывалось на мздоимстве и корыстолюбии. Апухтин предлагал учредить в Оренбурге пограничный суд под руководством генерал-губернатора, «в котором бы обоюдных сторон ссоры разбираемы были». Расход «на сей суд», считал А.И. Апухтин, «не мог быть велик, а польза та, что воровство их уменьшится может, и сами они избегут разорения, в случае чинимой со здешней стороны репрессалии...»⁵⁷⁴.

Второго мая 1784 г. Екатерина II утвердила представление генерал-губернатора о пограничном суде в Оренбурге. Третьего октября 1786 г. в Оренбурге был открыт Пограничный суд по гражданским и уголовным делам. Суд должен был разбирать дела, возникавшие между киргизами и соседними с ними пограничными жителями, т.е. с русскими, башкирами, калмыками и торговыми людьми из Хивы, Бухары и других средне-азиатских ханств. Все сведения о происшествиях на границе должны были направляться в этот суд. Присутствующими в данном суде полагалось быть: обер-коменданту, двум ассессорам из русских офицеров, двум заседателям от купечества и поселян казенного ведомства, а с киргизской стороны по одному султану и шести старшинам. На содержание суда отпускалось из казны ежегодно 5400 рублей⁵⁷⁵.

Для формирования Пограничного суда понадобилось более двух лет. Его деятельность началась в октябре 1786 г., уже при новом генерал-губернаторе О.А. Игельстроме, горячо поддержавшем идею своего предшественника.

Все пограничные споры, и уголовные и гражданские дела, предусматривалось решать только на основании российского законодатель-

ства, принципы и формы которого были непонятны казахам, у которых действовали нормы общего права. Они редко обращались в Пограничный суд. Пытаясь поднять статус этого учреждения, генерал-губернатор признал его равным по положению с Пограничной экспедицией и правлением наместнического управления, обязал подчиненные органы направлять в суд сведения о разных происшествиях в Орде. В результате началась бесконечная переписка с Пограничной экспедицией, атаманами уральского и оренбургского казачьих войск, комендантами крепостей, канцелярией генерал-губернатора и др., переписка, в которой окончательно погряз Пограничный суд.

Как дополнение к Пограничному суду в 1786 - 1791 гг. непосредственно в районах кочевий главных родов были открыты семь расправ. Каждая из них состояла из председателя - «главного старшины», двух заседателей - «родовых старшин» и муллы, который исполнял функции письмоводителя⁵⁷⁶. Дела в них должны были рассматриваться на основе норм обычного права; принятые решения можно было обжаловать в Пограничном суде. В отличие от последнего расправы задумывались не только как судебные органы. По правилам, разработанным О.А. Игельстромом, расправы должны были обнародовать все предписания генерал-губернатора и Пограничного суда, «производить она в действо и надзирать, чтоб все предписанное полезное и нужное повсюду исполняемо было»⁵⁷⁷. Созданные из представителей разных родов, нередко враждовавших между собой, расправы бездействовали, их члены «ничего не исполняли, никогда вместе не собирались, к разбирательствам дел не приступали и ездили в Оренбург только для получения жалованья, а на Орду не имели никакого влияния». В 1804 г. расправы, «яко ненужныя и никогда на самом деле не существовавшя», были упразднены⁵⁷⁸.

Пограничный суд и расправы оказались неэффективными учреждениями в первую очередь из-за того, что не обладали возможностями для раскрытия преступлений, поимки преступников, приведения своих приговоров и решений в исполнение. «При отсутствии даже слабых намеков на существование власти, - писал А.И. Добросмыслов, - разумеется, не могло быть и речи не только о правом милости-вом и скором суде, но и о подобии его»⁵⁷⁹.

В 1796 г. резиденцией военного губернатора, сохранившего полномочия бывшего генерал-губернатора, вновь стал Оренбург. Но потребность в специальном органе по делам киргиз-кайсаков не отпала. Военному губернатору были подчинены уральское и оренбургское

казачьи войска, башкиро-мещеряжское войско, он командовал Отдельным оренбургским корпусом, ведал сношениями со Средней Азией, являлся главным начальником над казахами и башкирами. При таком широком круге обязанностей он не мог в должной мере заниматься текущими делами управления Степью. Необходим был особый орган, компетентный и в определенной степени независимый от губернаторов, которыми в XVIII - начале XIX вв. назначались совершенно незнакомые с востоком военные чиновники. К тому же они часто менялись: за 50 лет со времени образования Оренбургской губернии (1744 г.) на посту «главных начальников» побывало 12 человек. Н.Н.Бахметев, назначенный в сентябре 1798 г. оренбургским военным губернатором, ознакомившись с делами, 25 января 1799 г. сделал представление Павлу I о реорганизации пограничных органов. «Пограничный суд, - писал он, - не только по бесполезным казне издержкам, но и по предметам, для коих он существует, совсем не нужен, поелику со времени учреждения онаго суда редко случалось, чтоб кто-либо судился в нем»⁵⁸⁰. Военный губернатор ходатайствовал упразднить Пограничный суд и Пограничную экспедицию, а на их основе создать единый орган. 19 мая 1799 г. представление Н.Н. Бахметева было одобрено, и 27 мая того же года новое учреждение – Оренбургская пограничная комиссия или, как она первоначально называлась. Оренбургская комиссия пограничных дел, приступила к работе.

Примечания:

⁵⁶⁴ Киргиз-кайсаки, распространённое в дореволюционной литературе название казахов.

⁵⁶⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (Далее: 1 ПСЗ). Т. IX. № 6567.

⁵⁶⁶ 1 ПСЗ Т. I X № 6576. С. 323.

⁵⁶⁷ Вестник Европы. 1870, Т.4. Кн. № 8. С. 542.

⁵⁶⁸ 1 ПСЗ. Т. X. № 7876. С. 868.

⁵⁶⁹ 1 ПСЗ. Т. XII. № 8900.

⁵⁷⁰ См.: Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – нач. XIX в. М., 1960. С. 237.

⁵⁷¹ 1 ПСЗ. Т. XII. № 8901. С. 51.

⁵⁷² 1 ПСЗ. Т. XXI. № 15.324. С. 380.

⁵⁷³ 1 ПСЗ. Т. XXI. № 15308, 15324.

⁵⁷⁴ Цит. по: Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999. С.112.

⁵⁷⁵ 1 ПСЗ. Т. XXII. № 16089.

⁵⁷⁶ Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII- начале XIX в. М., 1960. С.406.

⁵⁷⁷ Там же. С. 410.

⁵⁷⁸ Там же. С. 411.

⁵⁷⁹ Там же. С.413.

⁵⁸⁰ Материалы по истории Казахской ССР (1785-1828). М., 1940. Т.4. - С.212.

Любичанковский С. В. (г.Оренбург)

МОБИЛИЗАЦИЯ ОРЕНБУРГСКИХ ВОЙСК НА КРЫМСКУЮ ВОЙНУ*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Оренбургский край – трансграничный и поликультурный регион Российской империи»: научный (академический) сборник документов по истории Оренбургского края в дореволюционный период», проект № 12-31-01281.

Участие оренбургских войск в Отечественной войне 1812 года, во Второй Отечественной (Первой мировой) войне хорошо изучено. Войсковой же вклад провинциальной Оренбургской губернии в героическую, хоть и неудачную для России Крымскую войну (1853-1856) освещен недостаточно. В данной статье мы попытаемся отчасти исправить эту несправедливость, коснувшись вопросов мобилизации иррегулярных (казачьих и башкиро-мещерякских) войск и оренбургского ополчения, тем более, что в условиях XIX века мобилизация и развертывание войск было делом довольно длительным, опоздание же с этими процессами ставило под вопрос перспективы всей кампании. Источниковой основой исследования стали материалы фонда канцелярии генерал-губернатора Государственного архива Оренбургской области, в том числе воспоминания вице-губернатора Оренбургской губернии в 1853-1859 гг. Е.И. Барановского¹, о вкладе которого в развитие нашего региона написано достаточно много².

Казачьи полки

В нерегулярных силах Оренбургской губернии самое важное место занимали казаки. Их значение, отмечал П.Е. Матвиевский, определялось не столько численностью или привилегированным хозяй-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Оренбургский край – трансграничный и поликультурный регион Российской империи»: научный (академический) сборник документов по истории Оренбургского края в дореволюционный период», проект № 12-31-01281.

ственно-политическим положением, сколько профессиональными навыками и боевыми качествами, которые неослабно воспитывались в казачьем быту. Эта военная сила понадобилась в дополнение к вооруженным силам России уже в самом начале Крымской войны. 16.10.1853 года Турция начала военные действия, а уже 23.10.1853 года последовало Высочайшее повеление, которое в переложении военного министра князя В. А. Долгорукого в письме к Оренбургскому и Самарскому генерал-губернатору Василию Алексеевичу Перовскому звучало так: «В 1849 году, по случаю Венгерской кампании, сформированы были... от Оренбургского и Уральского казачьих войск по 2 полка... Император, имея в виду, что по ходу политических обстоятельств может потребоваться увеличить и ныне число казачьих полков при войсках, находящихся в При-Дунайских княжествах или в Кавказском крае, повелел» сформировать еще 2 казачьих полка.

На полях этого документа сохранилась резолюция В. А. Перовского, который, среди прочего, приказал «сделать все предварительные соображения и распоряжения..., но к наемке в Уральском войске не приступать до получения особенного на то приказа». Он также приказал выяснить, можно ли в целях быстроты формирования казачьих полков и в Оренбургском казачьем войске действовать наймом (впоследствии решили остановиться на смешанном варианте).

Работа по формированию казачьих полков проходила быстро. При этом приходилось решать много различных вопросов. Так, уже 2 ноября В.А. Перовский приказал начальнику штаба Отдельного Оренбургского корпуса «в сколь можно непродолжительное время» направить полки в Воронеж, куда будут доставлены дальнейшие маршруты следования. Довольствие их будет возложено на Провиантский департамент Военного Министерства.

14 ноября наказной атаман Оренбургского казачьего войска назначил командира Оренбургского казачьего полка № 8 подполковника Шмурло командующим сводным полком № 1, а командующего полком № 9 войскового старшину Солецкого - командующим сводным полком № 2. Сборным местом полка № 1 был Оренбург, полка № 2 - станица Кундравинская.

Четко был решен вопрос жалованья командировавшихся офицеров. По Положению Военного Совета от 21.10.1852 г. командировавшему на 2 года выплачивали полный оклад, а на 1 год - 0,5. Но «настоящая командировка, по обстоятельствам, не ограничена сроком службы», отмечал наказной атаман Уральского казачьего войска и ходатайство-

вал выдать всем командироваемым офицерам по годовому окладу с тем, чтобы, если командировка продлится менее 2 лет, «с них делается вычет». В. А. Перовский разрешил.

Вся подготовительная работа была проведена настолько четко и быстро, что к 12 декабря 1853 г. сводные казачьи полки были полностью готовы выступить в Воронеж.

Башкиро-Мещеряжские полки

Упомянутая резолюция В. А. Перовского приказала также «сделать соображение о формировании для этой цели одного башкирского полка». Исполнил это предписание генерал-майор Балкашин, причем был сформирован не один, а 4 башкирских полка, «на основании бывшего уже примера командировки... в 1824 году». В состав каждого полка было назначено 17 офицеров (по 3 в сотню, а также полковой адъютант и квартирмейстер), 21 урядник (по 4 в сотню и 1 полковой), 550 казаков (по 110 в сотню), 1 писарь, 1 ездовой, 1 фельдшер. В общей сложности башкирские кантоны выставили 68 офицеров, 84 урядника, 2208 казаков, 2356 строевых и 1212 вьючных лошадей. С 1824 года подобных командировок у Башкиро-Мещеряжского войска не было: были мобилизованы рожденные в 1848 - 1851 гг., с тем, однако, чтобы сначала выбраны были самые способные к боевой службе лица, не моложе 25 лет, рожденные в 1848 - 1849 гг. Был разрешен и найм.

При формировании полков Балкашин столкнулся со множеством трудностей, но главнейшей из всех была, по его собственному признанию, нехватка офицеров. «Я сознаю совершенно неудобным поручать сотни башкирским офицерам, а тем более офицерам войск Уральско-го или Оренбургского - первым по неопытности, а последним по безотчетному не расположению их к Башкирцам. Посему,- делает он вывод,- назначение в каждый полк хотя бы 3 регулярных офицеров было бы истинным для полков благодеянием».

Башкирские полки, отправленные в действующую армию, одевались в национальный костюм: чекмень и кафтан из белого сукна вместо шинели, полушубок, платок на шею черного цвета. Воин должен был иметь с собой также «3 рубахи и трое подштанников» и сбрую с седлом.

Только для нижних чинов 4-х полков в Оренбурге было заказано абсолютно необходимых для действующей армии вещей на 5954 рубля 90 копеек.

Император смог осмотреть эти полки только 13 марта 1855 года. Но работа была проделана настолько основательно, что Александр II объявил, после осмотра, за 1-й и 3-й Башкирские полки «совершенную благодарность» В. А. Перовскому, а нижним чинам пожаловал по рублю серебром. При этом император обратил особенное внимание на то, что «не смотря на продолжительный поход, совершенный в зимнее время, люди сбережены», а «лошади сохраниены в телах».

По материалам архива удалось выяснить, что башкирские полки воевали в Курляндии, полки Оренбургского казачьего войска – на Дунайском фронте, полки Уральского казачьего войска – в Крыму. Приказы военного министра позволяют отследить, что многие наши воины участвовали в знаменитых сражениях и были неоднократно награждены.

Оренбургское ополчение

Оренбургская губерния должна была дать фронту 9 дружин ополчения (по 1000 человек в каждой). Генерал-губернатор В. А. Перовский, пребывая постоянно в Оренбурге (в то время – уездном городе), принял на себя снаряжение оренбургской дружины, а снарядить остальные 8 дружин поручил оренбургскому вице-губернатору Егору Ивановичу Барановскому, который заменял в то время на посту губернатора душевнобольного Я. В. Ханькова.

Снаряжение дружин ополчения потребовало полного обмундирования 9 тысяч ополченцев, их вооружения и устройства их быта. Эта проблема была остроумно, в короткие сроки решена Е. И. Барановским. В тогдашнем губернском городе - Уфе - существовала арестантская рота, где содержались преступники, бомжи и сбежавшие крепостные. Он нашел там людей грамотных, разного рода мастеровых, столяров, плотников. Они с радостью согласились заняться работами по снаряжению ополчения, желая доказать свою любовь к Родине. С помощью арестантов ополченцы были одеты и обуты.

Местное дворянство избрало из своей среды дружинных начальников, а общим начальником ополчения был первоначально избран генерал князь М.Д. Горчаков как помещик губернии. Но это избрание не могло быть утверждено, так как избранный князь уже занимал должность командующего Южной армией. Поэтому главой ополчения был назначен генерал-майор Козодоев, а до его прибытия эту обязанность исполнял Е. И. Барановский, опираясь на поддержку В. А. Перовского и советы начальников дружин.

Некоторые итоги

Стремясь к благу России, Николай I счел возможным пойти на проведение активной внешней политики с целью закрепления позиций своей империи на Балканах. Эта попытка вызвала войну, в которой Россия не смогла одержать победу. Однако из этого испытания страна вышла с честью – так считали даже на Западе. Мобилизационный потенциал Российской империи позволил, несмотря на потери, развернуть почти двухмиллионную армию. При этом резервы отнюдь не были исчерпаны. Англия и Франция, находясь в стратегически выигрышном положении, исчерпали свои мобилизационные возможности к лету 1855 года, вследствие чего пришлось пойти на рискованные мероприятия: англичане вынуждены были ослабить гарнизоны Мальты, Гибралтара, а также готовить к отправке в Крым войска из Индии. Но необходимость противостоять угрозе нападения с разных направлений делала победу России невозможной.

Опираясь на опыт Крымской войны, в которой прославились кубанские пластуны, В. А. Перовский приказал завести 6 пеших батальонов в Оренбургском казачьем войске, что облегчило условия службы части казаков, ибо избавляло их от необходимости иметь строевого коня, стоившего весьма дорого. Таким образом, Крымская война выявила необходимость преобразований и на территории Оренбургского края.

Примечания:

¹ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 171. Оп. 1. Д. 45. Л. 9 - 30об.

² Любичанковский С.В. Отставка «прокрестьянского» губернатора: к вопросу о конфликте Оренбургского губернатора Е.И. Барановского с МВД // Аграрная модернизация России в XIX – XXI вв.: реформы, проблемы, перспективы: сб. статей Всерос. науч. конф. с междунар. Участием, посвящ. 150-летию отмены крепостного права в России. Оренбург, 15 февраля 2011 г. / под общ. ред. А.В. Федоровой. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2012. – С.19-23; Любичанковский С.В. П.А. Валуев и Е.И. Барановский: история взаимоотношений (к вопросу о механизмах карьерного роста и падения реформаторов эпохи Александра II) // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: сб. ст. – СПб.: Издanie Европейского ун-та, 2012. – С.133-147; Любичанковский С.В. Руководитель Оренбургской губернии в период подготовки и отмены крепостного права Егор Иванович Барановский // Государственное управление и местное самоуправление на Южном Урале (XVIII – начало XX вв.): персонально-биографический аспект : Сб. науч. трудов. – Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. – С.123-132.

Дубовицкий В. В. (Душанбе, Таджикистан)

РОЛЬ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ПРИСОЕДИНЕНИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ

Казачество, как уникальный субэтнос русского народа, сыграл огромную роль в истории создания и защиты российского государства на всех его этапах – от Киевской Руси, до настоящего времени. Особая роль выпала казачеству России в защите юго-восточных рубежей страны: сформировавшаяся в середине XVI–первой трети XVIII вв. колоссальная по протяженности степная граница, насчитывающая более 8000 км. и пролежавшая от Астрахани до Алтая, требовала постоянной охраны от проникновения занятых не только мирной торговлей кочевников.

Начиная с 1740 г. оренбургских казаки несли тяжелую службу, имея постоянные столкновения с соседними азиатскими степняками и участвуя в подавлении частных волнений мешчеряков, тептярей, бобылей, башкир и калмыков. С 1790 г. казаков начинают привлекать и для внешних войн (в означенном году сотня Оренбургского войска участвовала в Шведской войне в Финляндии).

Исследование места казачества в военных кампаниях на территории Средней Азии особенно актуально сейчас, в год 150-летия (1864 г.) присоединения региона к России.

В период 1700-1864 гг. в регионе, известном в советской политической географии как «Средняя Азия и Казахстан», происходило присоединение территорий, связанное как с военными действиями, так и с принятием в подданство по просьбе жителей отдельных регионов. Первым из таких фактов можно считать принятие в состав российского государства Хивинского ханства (1700 г.). Однако в строгом понимании современной исторической науки присоединение Средней Азии к Российской империи происходило с мая 1864 г. по август 1895 г. (т.е. в течение тридцати одного года) и вмещало в себя события, начиная со взятия русскими войсками г. Туркестана до демаркации последнего участка государственной границы у оз. Зоркуль на Памире. Практически весь рассматриваемый период упомянутые процессы происходили при самом активном участии Уральского, Сибирского, Семиреченского и Оренбургского казачьих войск, само появление которых в истории России было связано с охраной необъятной степной границы.

Сразу оговоримся, что участие оренбургских казаков в присоединении Средней Азии к России не означает лишь их вовлеченность в непосредственные боевые действия: это было и сопровождение торговых караванов и посольских миссий, хозяйственное обеспечение научных экспедиций¹, обеспечение связи.

Однако основной задачей военнослужащих ОКВ оставалось участие в боевых операциях объединенных российских войск в регионе, включавших в себя не только операции пехотных подразделений и кавалерии, но и (с 1848 г.) действия Аральской военной флотилии².

Судя по всему, наиболее активное привлечение войск ОКВ к боевым действиям в степи началось с 1836 г., когда, помимо 2500 занятых службой на пограничной линии оренбуржцев, к поиску и уничтожению хивинских сборщиков налогов на р.Хобде было привлечено еще 1500 военнослужащих.

В 1839 г. 16 офицеров и 720 казаков, а также 7 офицеров и 228 артиллеристов с 4 орудиями конной артиллерии, участвовали в Хивинском походе генерала В.А.Перовского. Часть из них приняла участие в бое с отрядом хивинцев, численностью от 2 до 3 тыс. человек, у оз. Чушка-Куль.³

В 1853 г. две сотни с батареей участвовали при осаде и взятии крепости Ак-Мечеть.⁴

В период 1864-1895 гг. оренбургские казаки составляли основную часть русской кавалерии в Средней Азии и участвовали в большинстве военных операций против кокандских, бухарских и хивинских войск. Более того, 1-й Оренбургский (с 1914 г.) казачий Его Императорского Величества Наследника Цесаревича полк был сформирован «под боевые действия» указом от 22 февраля 1873 г. из 14-й, 15-й, 16-й и 17-й сотен, находившихся на службе в Туркестане и входивших в состав 4-го и 5-го сводных Оренбургско-Уральских полков.⁵ Участие полка в походе русских войск на Хиву и взятии ее в мае 1873 г. было отмечено уже в начале XXв. правительством России: 1-я его сотня получила на головных уборах знаки отличия «За отличие въ Хивинскомъ походѣ 1873 года и въ войну съ Японіей въ 1904 и 1905 годах».⁶

Подобные же знаки отличия были дарованы 2-й и 3-ей сотням 6-го Оренбургского казачьего, атамана Углецкого полка.⁷

В 1874 г. 17-я сотня 1-го Оренбургского казачьего полка в качестве основы вошла в состав 4-го сводного Оренбургско-Уральского полка, приняв участие в Кокандском походе 1876-го года, по итогам

которого Кокандское ханство было присоединено к России как Ферганская область. Всего в кокандском походе участвовало восемь отдельных сотен и одна батарея. За отличие при взятии Андижана казаков-оренбуржцев командование ОКВ было награждено правительством России двумя Георгиевскими трубами «За штурмъ г. Андижана 1 окт. 1875».

В том же году оренбургские сотни были выделены из смешанного оренбургского и уральского казачьего контингента, и из них был сформирован 4-й Оренбургский казачий полк. Из Самарканда полк был направлен в Маргелан, где был усилен до 6-ти сотенного состава. На новом месте полк простоял до 21 апреля 1882г., когда по Высочайшему повелению в 5-ти сотенном составе был переведен в Европейскую часть России.

Еще одной крупной военной компанией, где в Средней Азии участвовали казаки ОКВ, стало присоединение территории нынешней Туркмении. Фактически эта кампания распадается на две крупные военные операции: присоединение в 1879-1881 гг. юго-восточного побережья Каспийского моря и оазисов вдоль хр.Копет-Даг; и присоединение Южной Туркмении (Тедженский и Серахский оазисы) в 1883-1885 гг., где военные действия были связаны с защитой спасавшихся от экспансии Афганистана и добровольно присоединявшихся к России территорий населенных туркменами-йомудами.

В ходе Ахал-текинской экспедиции 1881г. 1-я сотня 1-го полка совместно с тремя сотнями 5-го полка участвовала 12 января 1881 г. в штурме крепости Геок-Тепе. Обе стороны понесли большие потери. Все четыре сотни, а также штаб 5-го полка получили знаки отличия на головные уборы с надписью: «За штурм крепости Геок-Тепе 12 января 1881 г.».⁸

В результате экспансионистской политики правителя Афганистана Абдурахманхана этим государством в начале 1880-х годов были совершены захваты земель ранее принадлежавших Кокандскому, Бухарскому ханствам, а также ряда мелких территорий независимых владений на левобережье Амударьи. В 1885 г. «усиленные» английскими военными советниками афганские войска, претендуя на входившие в состав России оазис по р.Мургаб и крепость Кушка, вторглись на территорию южной Туркмении.

В военной операции по освобождению захваченной афганцами территории участвовало четыре сотни казаков-оренбуржцев под командованием подполковника М.Алиханова-Аварского.

Особо следует отметить участие ОКВ в присоединении Памира и Горного Бадахшана. В результате ликвидации в 1867 г. Кокандского ханства, вся его бывшая территория вошла в состав России. На большей части этого феодального государства была образована включенная в Туркестанское генерал-губернаторство Ферганская область. Частью этой области были Памир и Горный Бадахшан, составляющие в настоящее время Горно-Бадахшанскую область (ГБАО) Республики Таджикистан. Из-за отдаленности и малонаселенности территории в период с 1867 по 1892 гг. там не была устроена русская администрация, что привело к ее захвату соседними Китаем (Цинская империя) и Афганистаном. В 1891 г. правительство России решило восстановить суверенитет над названными территориями для, чего 8 июля 1891 г. был сформирован сводный отряд численностью 123 чел. под командованием полковника М.Е.Ионова, в который вошли 33 казака из 6-го Оренбургского казачьего полка.⁹

Осложнение военно-политической обстановки зимой 1892 г. потребовало отправки на Памир состоящей из 20 джигитов-киргизов и 10 казаков–оренбуржцев дополнительной разведывательной партии. Ее возглавили поручик 4-го Туркестанского линейного батальона Бржезицкий и сотник ОКВ Хлебников.¹⁰

Однако сопротивление китайцев и афганцев требованиям России освободить территорию вынудили командование Туркестанского военного округа к повторной посылке войск на Памир. 18 апреля 1892 г. в Новом Маргилане (ныне г. Фергана, Республики Узбекистан) был сформирован 2-й Памирский отряд под командованием полковника М.Е.Ионова. В состав отряда вошел один батальон пехоты, три сотни казаков 6-го Оренбургского казачьего полка, команда охотников из других частей и конная батарея из четырех горных орудий.

12 июля 1892 г. на р.Аличур, в районе оз. Яшилкуль, произошло столкновение трех взводов 2-й сотни 6-го полка с афганцами. В результате боя, в котором были ранены три казака, афганцы бежали с территории Памира. Император Александр III на докладе Военного Министра об этой схватке написал: «Не мешает иногда и проучить». Кроме того 3-й взвод 2-й сотни был награжден медалями.¹¹

Для закрепления территории на Восточном Памире в местечке Шаджан близ оз.Кара-куль было оставлено на зимовку небольшое подразделение из отряда М.Е.Ионова. Оно насчитывало 160 человек пехоты, 40 казаков, 8 офицеров и 26 джигитов из киргизов. Отрядом командовал капитан Генерального штаба Кузнецов. По отношению к

местному населению ему, как начальнику Шаджанского поста, предоставлялись права уездного начальника и возможность назначать администрацию из местных жителей. Население освобождалось от всех податей, кроме зякета - налога со скота, который собирался в размере 1% на содержание самих киргизских старшин.

Главной задачей Шаджанского поста, как следовало из инструкции, было «сберечь спокойствие и безопасность на Памирах и ограждать местное население от грабителей и насилий».

По проекту бывшего в составе отряда Ионова военного инженера А.Г. Серебрянникова, для Шаджанского поста первоначально намечалось создать оригинальные жилища – «улитки» из одной центральной большой юрты и пяти соединенных проходами юрт вокруг, в которых в том числе располагались кухня, лазарет и склад. Каждый взвод планировалось размещать такой «улиткой», в которой личный состав был бы надежно защищен от холодов и ветра Памирского плоскогорья. Но недостаток юрт вынудил военного инженера отказаться от оригинального проекта и избрать упрощенный вариант полууглубленных землянок (каждая на полуроту).

В издаваемом в конце XIX в. русским Генеральным Штабом «Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии» сохранился отчет командира Шаджанского поста, штабс-капитана Кузнецова о зимовке 1892-1893 гг.

Судя по этому документу, «отряд разместился в юртах, покрытых сверху кошмами. В каждой юрте было по одной небольшой печке, обложенной сырцовым кирпичом. Нижние чины располагались на полу (на земле), устланном кошмами вдвое, а под ними - рогожами: потому люди находились в слое воздуха с одной температурой».

В отчете капитана Кузнецова также специально отмечалась большая выносливость казаков по сравнению с остальными военнослужащими. Как указывал командир Шаджанского поста, единственный раз «дальние разъезды казаков дали три тяжелых случая острого суставного ревматизма».¹²

Первая зимовка русских войск в Шаджане в советских и российских погранвойсках считается датой организации Мургабского Пограничного Отряда. В 1992 г. Группой пограничных войск в Таджикистане отмечался 100-летний юбилей этого события, в ознаменование которого был изготовлен специальный памятный нагрудный знак.

В 1893 г. правительством России было принято решение о размещении на Памире постоянного гарнизона. Отряд был сформирован

весной 1893г. для «оберегания спокойствия и, безопасности на Памирах и ограждения местного населения от грабителей и насилий».

В апреле 1893 г. из Оша в район реки Мургаб двинулось около трехсот офицеров, солдат и казаков. Переход занял без малого два месяца. Специальная комиссия военных строителей под руководством полковника М.Е.Ионова выбрала место для постройки, форта при впадении в р.Мургаб реки Ак-Байтал. Как пишет в своем отчете первый комендант Памирского поста штабс-капитан В.Н.Зайцев, «к 1-му ноября, т.е. в 86 дней, окончены были: приемный покой с аптекой, помещения для роты казаков и караула, кухня с хлебопекарней и цейхгаузом, баня и насыпан бруствер усиленного полевого профиля».

О том, что переход был нелегким, скупно говорят строки: «Вода для замеса глины (изготовление кирпича) поднималась в ведрах на гору до 400 шагов... На каждого рядового пришлось в среднем по 347 рабочих часов, и, хотя люди обносились, но здоровье их и душевное настроение сохранились прекрасно. Все материалы для строительства доставлялись из Оша и частью с Алая. «Попутно было проведено и обустройство отдаленных караульных постов на озерах Ранкуль, Каракуль и др.».¹³

Суровой зимой солдат было не удивить, но сказывались непривычная разреженность и сухость воздуха, а также недостаток витаминов в пище. Как пишет В.Н.Зайцев, «наибольшей заболеваемости подвергались люди первого года службы, а из них преимущественно уроженцы Царства Польского, наименьшей - казаки». Большую закаленность и неприхотливость оренбургских, уральских и семиреченских казаков, служивших на Памире и в других областях Средней Азии, неоднократно отмечали не только военные, но и многочисленные русские и зарубежные путешественники, к экспедициям которых обычно они придавались.¹⁴

В июле–августе 1895 г. казаки 6-го ОКП участвовали в работе русско-англо-афганской пограничной комиссии, определившей последний на Памире участок границы между Россией и Афганистаном. Несмотря на разногласия по вопросу прохождения границы, отношения между членами комиссии оставались самыми дружескими, что позволяло им устраивать спортивные соревнования. Так, 30-31 августа 1895 г. был проведен импровизированный «Чемпионат Памира по стрельбе» в двух номинациях: винтовочной и револьверной (для офицеров). Командный результат у русских офицеров оказался выше, чем у англичан. В британском отчете по поводу соревнований было сказа-

**Секция 2. ВКЛАД УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В ОБОРОНУ СТРАНЫ
И ЗАЩИТУ ЕЁ ИНТЕРЕСОВ ЗА РУБЕЖОМ**

но: «Также следует отметить, что перетягивание каната было полностью в пользу казаков. Мы не смогли собрать какую-либо команду, которая имела бы шанс противостоять широкоплечему и мускулистому подразделению, которое представляло русский лагерь». Здесь же отмечается, что «казачий вахмистр был почти феноменален в стрельбе из винтовки».¹⁵

Казачий пограничный пост в Вахане (Памир). 1907 г.

Возглавлявший британскую часть Пограничной комиссии генерал-майор М. Дж. Герард также отмечал, - «Жизнерадостность и незаменимость казаков в течение всего перехода были вне всяких похвал. Когда мы выступали по утрам, вахмистр затягивал какую-нибудь песню, которую весь отряд подхватывал хором, и, хотя пение, возможно, и не обладало самым высшим качеством, но среди этой пустынной глуши оно имело какое-то необычное, сверхъестественное очарование, которое было весьма привлекательным. Стоило лишь спешиться, снять плащ или начать охотиться на каком-либо близлежащем озере, как кто-то из них всегда, без какого-либо призыва, оказывался рядом с нами для того, чтобы поддержать нашего коня, принести шубу или ружье и вообще помочь; а каждой ночью, вне зависимости от того, насколько жестокая была метель, они все выстраивались с непокрытыми головами перед своими юртами и пели вечернюю молитву. Их

рацион, не считая хлеба и чая, был главным образом суп – великолепный наваристый горячий борщ, которым мы часто угощались сами. Немногие наказания, которые применялись на марше, обычно за упущения в уходе за лошадьми или в выправке, были в какой-то мере комичными: казак в полной походной выкладке, с седлом привязанным на спине, должен был стоять с саблей наголо в течение часа или более перед палаткой своего капитана». ¹⁶

Необходимо отметить, что боевые качества русских казаков вызвали постоянную зависть среднеазиатских и ближневосточных владык, пытавшихся скопировать в своих войсках казачьи подразделения. В конце 1896-го года эмир Бухары Абдулахад по приглашению русского правительства побывал с визитом на коронации Николая II в соборах московского Кремля. Длительная поездка восточного владыки в Россию включала не только присутствие на церемонии инаугурации монарха, но и обширное знакомство с вооруженными силами страны: артиллерийские стрельбы, знакомство с военными кораблями Черноморского флота, посещение отдельных гвардейских частей. По возвращении в Бухару эмир отдал распоряжение создать в своих вооруженных силах казачьи подразделения. Конечно «бухарские казаки» не имели ничего общего с русским казачеством ни по национальному составу, ни по социальной структуре: бухарцами была воспринята привлекательная для них форма мобильных и отчаянных в бою подразделений. В состав «казоки кубонска» и «казоки териска», «казоки шефска» т.е. «кубанских», «терских» и «шефских» казаков набирались юноши из знатных фамилий, а сами подразделения, каждое из которых насчитывало от 150 до 300 человек, использовались для личной охраны эмира и членов его семьи. ¹⁷

Эмир Бухары Абдулахад получил русское придворное звание генерал-адъютанта (1902 г.), являлся генералом от кавалерии русской службы (1900 г.), наказным атаманом Терских казачьих войск. Незадолго до своей смерти (1910 г.) эмир Абдулахад стал шефом 5-го Оренбургского казачьего атамана Могутова полка. Это полк с 1914 г. был переименован в «5-й Оренбургский казачий Его Величества Эмира Бухарского полк» и в его символику был введен вензель эмира: у офицеров – золотой, у нижних чинов – желтой краской. Его шефом к этому времени был сын эмира Абдулахада, последний эмир Бухары – Сейид Алимхан.

Боевой путь оренбургского казачества в Средней Азии в конце XIX–XX вв. богат на события и до сих пор ждет своих исследователей.

Примечания:

- ¹ См. Дубовицкий В. В неоплатном долгу благодарности.//Байкал, 1986, с. 35-44.
- ² Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. в III-х томах., СПб, Т.1., 1906,С.218.
- ³ Командир Оренбургского корпуса Военному Министру; 31 декабря 1839г.,№10. Лагерь при укреплении на Ата-Якши// Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. Т.1, Ташкент, 1908, с. 241-242.
- ⁴ См.Терентьев М.А. Указ. Соч.С.212-220.
- ⁵ www.Оренбургский 1-й казачий полк – Википедия.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Терентьев М.А. Указ. Соч. Т.III, С.404.
- ¹⁰ Там же, С.406.; (Хлебников Петр Васильевич (15.01.1864 -24.01.1918). Генерал-майор (1915г.) Нач. охотничьей команды 6-го ОКП (01.09.1990-30.04.1893)//Ганин А.В. Семенов В.Г. Офицерский Оренбургского казачьего войска. 1891-1945. Биографический справочник. М., 2007, С.589-590).
- ¹¹ Водопьянов В. На Памирах //Водопьянов В. История 6-го Оренбургского казачьего полка. - М., 1996. -С.275-289
- ¹² Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии (СГТСМА), СПб, 1894 г., Вып. XXXI, С.74.
- ¹³ Зайцев В.Н. Отчет о действиях Памирского отряда в 1893—1894 гг., СГТСМА, СПб, 1895, С. 48-57.
- ¹⁴ Дубовицкий В. Первая зимовка// Боевой дозор, 1996г., № 34.
- ¹⁵ IOLR, MSS Eur. F.111/657. Report on the proceedings of the Pamir Boundary Commission. P. 24. // Цит. по Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке. М., С.407.
- ¹⁶ Там же. С.411-412.
- ¹⁷ Дубовицкий В.Обаяние степной вольницы// Боевой дозор. 1999. № 25.

Сыровегин И. Э. (г. Магнитогорск)

**ВОЕННАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ И.Ф. БЛАРАМБЕРГА В 1852 ГОДУ
И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ**

Начало 1850- х годов стало важным этапом в деле продвижения России в среднеазиатские пределы. К этому моменту русское военное присутствие на границах со среднеазиатскими государствами можно определить как двоякое: с одной стороны русским владениям не могло угрожать реальное нападение со стороны слабых в военном отношении среднеазиатов, с другой – русские не могли гарантировать твердой защиты подданным киргизам, которые кочуя на границе часто подвергались нападениям агрессивных азиатов, в первую очередь ко-

кандцев. Именно Коканд к середине XIX века превратился в главную проблему для России в деле укрепления ее влияния на данном направлении. Кокандцы построили в устье р. Сыра сеть крепостей, откуда регулярно совершали вылазки, грабя киргизов и угоняя их скот. Вот что говорилось о положении киргизов в русских официальных отчетах: «Теперь кокандцы на пространстве Между Кара-Узеном и Сыр-Дарьей образовали особый округ, охраняемый крепостицами, из коих Ак-Мечеть есть центр управления этого округа, где кроме туркмен и ташкентцев считаются постоянно кочующими киргизов до пяти тысяч кибиток, да приходят на зимовку из русских пределов до трех тысяч кибиток. Все они подвергаются самым тягостным налогам и грабежам кокандских властей»¹.

Новый этап активизации русской политики на среднеазиатском плацдарме начинается в 1851 году, когда в Оренбург вторично назначается В.А.Перовский, занявший пост оренбургского и самарского генерал-губернатора². В назначении Перовского сыграли решающую роль два ключевых обстоятельства: то, что он имел огромный опыт управления данной территорией (управлял краем с 1833 по 1842 год), и то, что он, по-прежнему, являлся последовательным сторонником наступательной политики России на среднеазиатском направлении. Не стоит забывать и о личностном факторе, Перовский, несомненно, стремился реабилитироваться за неудачный Хивинский поход 1839-1840 годов, что также побуждало его к активным действиям³.

Уже летом 1852 года Перовский инициировал серьезную военную экспедицию на Сыру. Командиром экспедиции был назначен полковник И.Ф. Бларамберг, опытный командир, прекрасно знавший Среднюю Азию. Следует отметить, что полковник Бларамберг помимо военной службы был активным исследователем Азии, с 1845 года состоял действительным членом Русского географического общества. После окончания службы в Оренбургском крае он написал воспоминания о годах, проведенных в этом суровом крае. Впоследствии «Воспоминания» И.Ф. Бларамберга были изданы, выдержали несколько редакций, а в 1978 году были переизданы издательством «Наука».

На момент формирования отряда Бларамберг занимал должность квартирмейстера Отдельного Оренбургского корпуса, был прекрасным картографом и опытным офицером в деле организации степных походов. Согласно распоряжению корпусного командира отряду Бларамберга «предписывалось:

1. Произвести рекогносцировку по долине Сыра от Аральского укрепления до кокандской крепости Ак- Мечеть;

2. В случае встречи с кокандскими отрядами действовать вооруженной рукой;

3. Следовать прямо к Ак-Мечети... если Ак-Мечеть стоит на наших границах, то постараться ее уничтожить или во всяком случае объявить кокандцам, что она не может оставаться на прежнем месте».⁴

Как видно из предписания Бларамбергу ставилась задача максимально нанести урон кокандцам и дать им понять что русская власть не намерена больше терпеть их агрессивное поведение. Другая задача произвести разведку местности, ибо район будущих военных действий был неизвестен и не нанесен на карту.

В отряд вошли: 200 сотни уральских казаков, пехота в составе 125 чинов и 3 орудия (3, 6 и 10 фунт.) с прислугой, 125 верблюдов с проводниками⁵. Полковник с подчиненными вышел из Аральского укрепления 3 июля 1852 года и двинулся по направлению к Ак-Мечети. Условия перехода были очень тяжелыми, люди двигались «по пути чрезвычайно затрудняющему густыми камышами, частыми и бесчисленными каналами, остоками прежнего хлебопашества, роями комаров и мошек, не дававших покоя отряду ни днем, ни ночью»⁶.

Вечером 19 июля Бларамберг расположился лагерем у восточного фаса Ак-Мечети. Вот каково было описание крепости: «Наружная стена в 2 сажени была выполнена из крепкой глины, имела более 1.5 сажений в окружности и образует неправильный четырехугольник, в середине оного находится цитадель значительно превышающее наружное укрепление»⁷.

Утром 20 июля русский отряд предпринял попытку штурма крепости. Во что писал об этом в своем отчете командир отряда: «с развитием 20 числа артиллерийский поручик Ромишевский меткими выстрелами из орудий, сбил неприятеля с парапетов цитадели, разбил ядрами деревянные ворота внешнего укрепления и уничтожил ряд зубцов на нем. Затем полковник Бларамберг составил две колонны по 100 чел. в каждом...и повел их на приступ: 1-ой колонной начальствовал 4-го линейного батальона поручик Богданович; 2-ой колонной командовал Уральского казачьего войска есаул Буренин»⁸. После овладения наружной стеной казаки и солдаты предприняли попытку ворваться в саму цитадель, но натолкнулись на ожесточенное сопротивление гарнизона. Попытка обстрелять стены ядрами не принесла

успеха, они застревали в глине, не производя разрушения. Недостаток людей не позволил переломить ход боя и русским пришлось отступить. Потери составили 15 чел. убитыми 57 чел. ранеными⁹.

После отступления от Ак-Мечети отряд Бларамберга произвел дальнейшую рекогносцировку местности по правому берегу Сыры. Результатом этого стало разрушение 30-го июля пустующей крепости Кош-Курган, 4 августа взятие штурмом крепости Чим-Курган в результате которого «начальник крепости Чим-Курган Мирза-вассал и всебывшие при нем кокандцы в числе 12 чел были убиты...по взятии укрепления приступлено было к его уничтожению»¹⁰; 6 августа полковник с отрядом из 50 казаков и 25 чел пехоты выдвинулся в направлении крепости Кумышь-Курган, которую обнаружил покинутой кокандцами. В целях устрашения кокандцев крепостица была предана огню.

В ходе движения к Уральскому укреплению отряд выполнил большой объем разведывательных работ, что приведет в дальнейшем составлению карт, по которым в будущем русские войска будут ориентироваться при продвижении в азиатские пределы.

21 августа 1852 года отряд вернулся в Уральское укрепление, уникальнейший военный рейд подошел к концу. Во как подвел его итоги генерал-губернатор Перовский в докладе на имя военного министра: «в военном отношении действия небольшого отряда за 500 верст от крайнего нашего укрепления и за 1500 от заселенного русского укрепления...заслуживают полного одобрения. В шесть недель отряд прошел более тысячи верст..благополучно совершил шесть преправ через значительные реки и протоки..уничтожил три неприятельские крепостицы и разрушил внешнее укрепление Ак-Мечети»¹¹.

Военная экспедиция полковника Бларамберга стала важным военным мероприятием при подготовке движения России в Среднюю Азию. Именно сведения полученные этим отрядом позволят уже на следующий год, с учетом ошибок, осуществить удачный штурм Ак-Мечети, создать на ее основе Сыр- Дарьинскую пограничную линию и закрепить за Россией серьезный плацдарм на среднеазиатском направлении.

Примечания:

¹ ГАОО. Ф.6. Оп.18. Д.232. Л.43

² Губернаторы Оренбургского края.Оренбург, 1999. С. 211.

³ См.: Савельзон В.Л. Оренбургская история в лицах. 50 портретов на фоне эпохи. Оренбург, 2000. С.37

⁴ ГАОО. Ф.6. Оп. 18. Д. 232. Л.39-39об.

⁵ Бларамберг И.Ф. Воспоминания. – М., 1978. . С.301.

⁶ ГАОО. Ф.6. Оп.18. Д.232. Л.39об.

⁷ Там же. Л.40об.

⁸ Там же. Л.41.

⁹ Кузнецов В.А. Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара-Челябинск, 2008. С.223.

¹⁰ ГАОО, ОП.6, д.232, л. 59-59об.

¹¹ Там же, л.61об.-62.

Коргунов А. И. (Уфа)

ВОПРОС О ПРИСОЕДИНЕНИИ МЕЩЕРЯКСКОЙ ДЕРЕВНИ АХУНОВОЙ К ОРЕНБУРГСКОМУ КАЗАЧЬЕМУ ВОЙСКУ*

Особую часть военной истории Уральского региона последних нескольких столетий составляет история иррегулярных войск. После принятия башкирскими племенами русского подданства и проведения важной по своему значению Оренбургской экспедиции здесь формируются несколько казачьих и национальных войск. Большинство иррегулярных военных образований на Южном Урале было создано российским правительством для специальных целей (в основном для налаживания качественной охраны юго-восточной пограничной линии).

В XVIII в. российское правительство уже осознало особое значение казачества в процессе расширения и укрепления границ государства, поэтому процесс освоения Россией Южного Урала сопровождался формированием здесь казачьего контингента. Отсутствие в регионе обширной этносоциальной казачьей базы было компенсировано тем, что государство впервые по собственной инициативе законодательным путем учредило на территории Оренбургского края Оренбургское иррегулярное войско.

Этноконфессиональное многообразие Оренбургской губернии предопределило многонациональный состав войска. Первый штат, утвержденный в 1755 г., состоял из 5877 служащих казаков, среди ко-

* Исследование выполнено в рамках базовой части Государственного задания на проведение научно-исследовательской работы Министерства образования и науки РФ (2014-2016 гг.). Тема НИР: «Кочевники Золотой Орды XIII-XV вв. и казачество Урала XVI-XIX вв.: проблемы этно- и социально-культурной преемственности» (Проект № 2936)

торых были: местные городовые казаки и дворяне, исетские казаки, калмыки, малороссияне, нагайбаки, мещеряки, чувашаи, мордва и др.¹ Точный национальный состав оренбургских казаков середины XVIII в. определить довольно трудно, мы располагаем только примерными данными.

К концу XVIII в. численность казаков увеличивается. В частности по переписи 1798 г. в Оренбургском войске числилось: служащих – 5954, отставных – 3121, малолетков – 11444, всего – 20519 душ. Все это население составляло 39 станиц, которые были объединены по новой реформе 1798 г. в пять кантонов.²

Такого количества оренбургских казаков для качественной охраны пограничной линии было явно не достаточно. Чтобы как-то изменить положение местного казачества правительство Оренбургской губернии в первой трети XIX в. проводит ряд мероприятий, направленных на увеличение численности казачьего сословия, а также на повышение его боеготовности.

В первую очередь Оренбургским правительством предпринимаются попытки упорядочения землепользования по всей Оренбургской линии. Оренбургский военный губернатор Петр Кириллович Эссен в ноябре 1824 г. сообщал местной межевой конторе, что: «нарезка земли крестьянам делается землемерами несправедливо, с «поторовкою разночинцам, и везде казаки противу крестьян обижены», и предписал нарезок не утверждать, а представить ему план всему 50-верстному округу с показанием всех сделанных нарезок и с подробными исчислениями о каждой нарезке. Полученные план и исчисления Эссен передал учрежденной в Оренбурге комиссии об отмежевании земель к Оренбургской линии и казачьим станицам, о чем рапортовал Сенату 19 апреля 1827 г.»³

Под размежевание попала и деревня «Ахунова», которая является предметом нашего исследования. Основал Ахуновский поселок в 1777 г. мещеряк Шадринского уезда Пермской губернии Абдулла Дашаев, носивший духовный сан ахуна, с товарищами в числе 42 семейств. Деревня эта по сану своего основателя получила название «Ахуновой».⁴ Географически поселок расположился на реке Кидыш по почтовому тракту из Верхнеуральска в Троицк.

В начале XIX в. население данной деревни в основном составляли мещеряки, относящиеся к 1-му Мещерякскому кантону. Также вместе с ними проживали тептяри и ясачные татары. А в 1840-х гг. к ним подселили и русских казаков.

Из архивных источников мы узнаем, что после размежевания жителям деревни Ахуновой предложили перейти на службу в Оренбургское казачье войско, либо переселиться на другие земли. В Российском государственном историческом архиве находится на хранении дело «О мещеряках деревни Ахуновой находящихся на Оренбургской линии». В частности в документе говорится, что: «...в 1828-м году Оренбургской губернии, Верхнеуральскаго уезда Деревни Ахуновой принадлежащей к 1-му Мещерякскому Кантону поверенный от чиновников Магомет Габидов в присланном на Высочайшее имя прошение изъяснял, что деревня их Ахунова, состоящая на принадлежащей им по размежеванию земле, отстоит от Оренбургской линии в 25-ти верстах, жителей их всего чиновников и рядовых 278 душ, кроме принятых ими на свою землю ясашных татар 48 душ, и что они издавна наравне с башкирцами несли линейную службу, равно земские и все другие повинности исполняли всегда безостановочно, но в июне 1827 года бывший Оренбургский Военный Губернатор Генерал Эссен предписал вступить им в сословие Оренбургскаго казачьяго войска, угрожая в противном случае лишением их собственной земли; таковое распоряжение привело их в расстройство ибо они к новой службе не имеют привычки и должны будут отставать от домов своих и богослужения, а потому просил об оставлении их на прежнем положении».⁵

Губернатор Эссен, от которого Совет военного Министра потребовал по данной просьбе сведения, сообщил следующее: «В 1827 году учрежденная в Оренбурге комиссия об устройстве казачьих войск Отдельнаго Оренбургскаго корпуса сочинив карту Оренбургской линии, и показав на оной, как старое поселение, так и те места, кои она признала удобными к новому поселению, просила командировать для проверки оных в натуре избраннаго его Чиновника Генеральнаго Штаба Подполковника Тимофеева; на коего было возложено таковое поручение; вследствие предписание его Генерала Эссена, был обязан спросить жителей тех селений кои находятся в Линейной черте, не пожелают ли они быть причислены в казачье сословие Оренбургскаго войска, в противном случае делать им известным, что люди состояния не военнаго, жительствовавшие на линейной земле права не имеют, но они отозвались несогласием на причисление их в казачье войско, и по сему Комиссия об отмежевании земель к Оренбургской линии в определении своем постановленном 13 Июня 1828 года между прочим заключила: по сему деревня Ахунова состоящая между крепостей Карагай-

ской и Петропавловской, отделена от прочих особой линеею, то из числа живущих в ней, служащих мещеряков 288 и мурз 10 душ, которые вероятно поселены тут по распоряжению начальства, для усиления и охранения границы, оставить на линии, т.е. в настоящем их положении и подчинить тамошнему их начальству. О каковом отзыве и объявлено просителям Мещеряжской деревни Ахуновой».⁶

По решению Комитета министров от 31 мая 1832 г. с внутренней стороны Оренбургской линии на всей ее протяженности нарезалась 15-верстная полоса и все мужское население этой территории должно было зачисляться в казачье сословие. После данного решения Оренбургский военный губернатор Сухтелен настаивал на переводе жителей деревни Ахуновой в Оренбургское казачье войско, доказывая, что разорение для них в этом не будет с добавлением к ним русских казаков. Дело заканчивается 1834 годом без определенного заключения.⁷

Продолжение дела по переводу жителей деревни Ахуновой в казачье сословие было обнаружено в Центральном историческом архиве Республики Башкортостан. В частности в «Деле по рапорту управляющего Башкиро-мещеряжским войском и обращении деревни Ахуновой в Оренбургское казачье войско (1847-1852 гг.)» сообщается, что в первую очередь окончательно не был разрешен вопрос о вхождении деревни Ахуновой в пятнадцативерстную прилинейную зону. По межевому плану составленному в 1824 и 1825 гг. землемером Поповым, дача деревни Ахуновой и сама деревня входила в 15-ти верстную линейную полосу от границы проведенной при Генеральном межевании. Поэтому она была полностью записана в Оренбургское казачье войско.⁸

Здесь же говорится, что в конце 1830-х гг. возник вопрос о правильности проведенных землемером Поповым измерительных работ. В результате в 1839 г. назначается второе размежевание деревни Ахуновой и близ лежащих земель, которое проводилось уже землемером Нафановым. В работе активное участие принял депутат от Оренбургского казачьего войска Майор Лобов. Он утверждал, что «...военная линия проходит по большой столбовой дороге, ведущей из города Верхнеуральска в город Троицк. Если брать от этой линии 15-ти верстную полосу, то большая часть деревни Ахуновой ... должна отойти к Оренбургскому войску». Но землемер Нафанов не согласился с ним. По его заключению от деревни в 15-ти верстную полосу отошло только 30 десятин 600 сажень, а другое пространство дачи осталось на внутренней стороне.⁹

Стоит отметить, что в следующем 1840 г. было утверждено новое Положение Оренбургского казачьего войска. Здесь впервые за оренбургскими казаками юридически закрепляется обширная территория, внутри которой находилось около десятка деревень, частных владений и несколько городов. По Положению три оренбургских казачьих кантона (3, 5 и частично 4) оказались внутренними и подлежали ликвидации с последующим переселением казаков непосредственно на пограничную линию.¹⁰ Таким образом часть русских казаков из внутренних кантонов в 1840-х гг. была переведена в дачи деревни Ахуновой.

В §4 Положения были определены правила касающихся башкирских и мещерякских земель вошедших в общую войсковую территорию и решена судьба проживающего там инородческого контингента: «Относительно земель, принадлежащих Башкирцам и Мещерякам. Кои, по настоящему положению, входят в линейную полосу Оренбургскаго казачьяго войска, постановляются следующие правила: 1) Все земли, которыми до ныне пользовались линейные жители, без участия в том Башкирцев и Мещеряков, остаются в казачьем владении, без всякого за них вознаграждения. 2) Подобно сему, не подлежат вознаграждению и те земли, на самой линии лежащая, с которых Башкирцы и Мещеряки, при не согласии их поступить в казаки, должны будут переселиться, потому, что от них самих зависит, через причисление к войску, удержать за собою пользование этими землями. 3) Как заселенная Башкирцами и Мещеряками, так и свободная, принадлежащая им земли, которая хотя и входят в определенную с внутренней стороны в линии пятнадцати-верстную пропорцию, но донныне состояли в исключительном их владении, без участия линейными жителями в пользовании оными, оставить по прежнему, во владении Башкирцев и Мещеряков. Если же остающаяся за тем в сих местах линейная земля окажется недостаточною для наделения живущих там казаков, то Командиру отдельнаго Оренбургскаго корпуса предоставляется, для уравниения в поземельных довольствиях, переселить оттуда часть их, по удобности, на другия войсковыя земли».¹¹ А в §28, в продолжение §4, дано следующее заключение: «Посему, те из лиц ... кои, по желанию войти в сословие казаков, или коих просьбы о том, по особенным причинам, не будут уважены, обязаны переселиться на другия свободная казенная земли, которая для сего от правительства указаны будут...».¹²

Таким образом, и деревня Ахунова должна была войти в полном составе в Оренбургское войско, либо переселиться на новые земли. Да и по расписанию военных и полковых округов она уже числилась в составе 5 полкового округа Оренбургского казачьего войска. В 1842 г. Оренбургское Войсковое Правление сделало распоряжение «об отобрании от жительствующих в ней мещеряков и ясашных татар, подписанием о желании или нежелании их поступить на основании того положения в казачье сословие». Из них последние объявили желание поступить в казаки, и сразу же были зачислены в казачье сословие, а мещеряки просили об оставлении их в настоящем звании и на прежних местах жительства в деревне Ахуновой.¹³

Мещеряки опять подняли вопрос о повторном размежевании своей деревни и принадлежности деревенских дач к 15-ти верстной прилинейной территории. После долгих разбирательств в 1845 г. (документ от 6 февраля за № 685) последовало распоряжение о том, что «впредь до окончательного размежевания границ войсковых земель Межевою Комиссиею, мещеряки деревни Ахуновой не должны подлежать переселению и перечислению в Оренбургское Казачье войско...».¹⁴

Для разрешения данного спора в 1848 г. в деревню Ахунова был командирован Губернский землемер Аничков, который нашел противоречия в межевых документах прошлых лет и определил назначить специальное межевание этой территории с привлечением депутатов со стороны Оренбургского казачьего войска и Башкиро-Мещеряцкого войска, а также группы топографов.

Впоследствии было принято окончательное решение об оставлении на прежнем жительстве мещеряков деревни Ахуновой. В административном плане она вошла в состав Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии (Стан 4).¹⁵

В это же время остро встал вопрос о ясачных татарах и русских оренбургских казаках, которые проживали на дачах деревни Ахуновой. В 1851 г. Оренбургским военным Губернатором было предписано Командующему Башкиро-Мещеряцким войском подать сведения о количестве земли и составе населения деревни: «...на предписание бывшего Г. Оренбургскаго Военнаго Губернатора от 7 минувшаго Мая за № 1629 имею честь донести Вашему Высокопревосходительству, что у Мещеряков 4-го Башкирскаго кантона дер. Ахуновой, как оказалось, по собранным Попечителем Майором Булевским сведениям состоит хлебопахотной и сенокосной земли 25,949

десятин, которою пользуются помянутыя мещеряки в числе 679 душ по 9-ой народной переписи и поселенные вместе с ними по распоряжению Начальства казаки Оренбургскаго Казачьяго войска в числе 101 души и др.»¹⁶

Переселение данных казаков было нецелесообразным, да и затруднительным делом. Наказной атаман Оренбургского войска сообщал, что: «В деревне Ахуновой имеется водворение значительное число душ казачьяго сословия, которые пользуются землями в даче этой деревни и перевод их с Ахуновой дачи в другия места будет сопряжено с разорением их...»¹⁷

Из статистических источников второй половины XIX в. мы узнаем, что казаки деревни Ахуновой были поселены на выселках «Ахунова» (на расстоянии 7 верст от самой деревни). В 1866 г. здесь проживало 336 душ обоего пола, а в начале XX в. выселки уже имели статус поселка. Данный поселок входил в Карагайский станичный юрт 2-го военного отдела Оренбургского казачьего войска.¹⁸

Итак, отметим, что деревня Ахунова появилась на карте приграничных территорий Оренбургской линии в последней четверти XVIII в. Основателями населенного пункта являлись мещеряки (выходцы из Пермской губернии). В последующем к ним поселились ясачные татары. По результатам размежевания в середине 1820-х гг. деревня Ахунова вошла в 15-ти верстную прилинейную полосу. Чтобы исключить черезполосицу местным жителям предложили поступить на службу в Оренбургское казачье войско. Мещеряки отказались от предложения, и только ясачные татары изъявили желание перейти в казачье сословие.

По итогам нескольких повторных размежеваний прилинейных земель было определено, что большая часть деревни Ахуновой не входит в 15-ти верстную приграничную полосу. После принятия Положения Оренбургского казачьего войска в 1840 г. мещерякам опять было предложено перейти в казачье сословие или переселиться на новые земли. В результате очередного разбирательства мещерякам деревни Ахуновой все же разрешили остаться на своих землях без перехода в Оренбургское войско. Впоследствии в административном плане населенный пункт Ахунова вошел в состав Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии.

Так же на своих местах остались и ясачные татары деревни Ахуновой, которые в 1840-х гг. перешли в казачье сословие, образовав в семи верстах от нее на реке Кидыш казачьи выселки под аналогичным на-

званием. По некоторым источникам здесь проживали также и русские казаки, переселенные из внутренних Оренбургских казачьих кантонов на дачи деревни Ахуновой после 1840 г.¹⁹

Примечания:

¹Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.: в 3 т. Т.1. – Казань, 1897. С.289; Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте Оренбургских казаков. – Оренбург, 1891. С.76-78.

² Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте Оренбургских казаков. – Оренбург, 1891. С.89.

³ Губернаторы Оренбургского края / Сост. Семенов В.Г., Семенова В.П. – Оренбург, 1999. С.183.

⁴ Стариков Ф.М. Исторический очерк присоединения к России Оренбургского края и участия в этом местного казачества. – Оренбург, 1891. С.44.

⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф.1284. Оп.232. Д.1. ЛЛ.34-34об.

⁶ РГИА Ф.1284. Оп.232. Д.1. Л.35.

⁷ РГИА Ф.1284. Оп.232. Д.1. Л.36.

⁸ Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ) Ф.И-2. Оп.1. Д.5952 Л.49об.

⁹ ЦИА РБ Ф.И-2. Оп.1. Д.5952. ЛЛ.30-30об., 71об.-72.

¹⁰ Годовова Е.В. Реформаторская политика Оренбургских губернаторов в отношении Оренбургского казачьего войска // Вестник Самарского государственного университета. 2009. №3. С.61-62.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр.2. Т.XV. Отд.1. Ч.1. (1840 г.) №14041. – Санкт-Петербург, 1841. С.798.

¹² ПСЗРИ Собр.2. Т.XV. Отд.1. Ч.1. (1840 г.) №14041. – Санкт-Петербург, 1841. С.801.

¹³ ЦИА РБ Ф.И-2. Оп.1. Д.5952. ЛЛ.18-18об.

¹⁴ ЦИА РБ Ф.И-2. Оп.1. Д.5952. Л.19об.

¹⁵ Список населенных мест по сведениям 1866 года. Оренбургская губерния. Т. XXVIII. – Санкт-Петербург, 1871. С.32.

¹⁶ ЦИА РБ Ф.И-2. Оп.1. Д.5952. ЛЛ.88-88об.

¹⁷ ЦИА РБ Ф.И-2 Оп.1 Д.5952 Л.21.

¹⁸ Список населенных мест по сведениям 1866 года. Оренбургская губерния. Т. XXVIII. – Санкт-Петербург, 1871. С.54; Списки населенных мест Оренбургской губернии. Издание Оренбургского губернского статистического комитета. – Оренбург, 1901. С.199.

¹⁹ Исследование выполнено в рамках базовой части Государственного задания на проведение научно-исследовательской работы Министерства образования и науки РФ (2014-2016 гг.). Тема НИР: «Кочевники Золотой Орды XIII-XV вв. и казачество Урала XVI-XIX вв.: проблемы этно- и социально-культурной преемственности» (Проект № 2936).

Семёнов В. Г., Семёнов О. В. (Оренбург)

ЛОБАЧЕВСКИЕ В ОРЕНБУРГСКОМ КРАЕ

В 1832 году выдающийся математик, ректор Казанского университета Николай Иванович Лобачевский женился на богатой оренбургско-казанской помещице Варваре Алексеевне Моисеевой (1812–1885), двоюродной сестре попечителя Казанского учебного округа Михаила Николаевича Мусина-Пушкина.

Тесть, математика - Алексей Федорович Моисеев (23 марта 1755 – 13 декабря 1833) – коллежский советник, Оренбургский губернский предводитель дворянства (1803 - 1806),¹ помещик Казанской и Уфимской губерний. В 1783 году коллежский асессор в счетной палате Уфимского наместничества. В 1784-1785 годах асессор по винной и соляной части – капитан. В 1791-1792 годах надворный советник в наместническом правлении Уфимского наместника генерал-майора А.А. Пеутлига.

В 1793 году по Оренбургской области в Уфимском наместничестве в верхнем земском суде, в чине надворного советника².

В семье Лобачевских родилось 15 детей, но лишь четверо дожили до зрелого возраста: Николай, Варвара, Алексей и Софья.

Николай (1835-1900) написал немного сумбурные мемуары о своём отце, они были опубликованы в январском номере «Исторического вестника» в 1895 года. Он огорчил своего отца, бросив учиться на математическом факультете, и поступил во время Крымской войны на военную службу в Стародубский кирасирский полк. Там он не ужился и вышел в отставку в чине поручика, послужив частным приставом в Казани поступил в интендантство в чине коллежского секретаря, но вскоре из-за излишней доверчивости, допустил растрату провианта и попал под суд, оказавшись в Сибирской ссылке. Один из сыновей его был телеграфистом в Самаре, судьба другого была связана с Оренбургским казачьим войском. Благодаря помощи друга из Москвы - С.В. Картагузова был найден послужной список Д.Н. Лобачевского.

Из него следует, что Лобачевский Давид Николаевич родился 24 сентября 1864 года. Происходил из потомственных дворян Казанской губернии. Православный. Окончил 5 классов Самарского ремесленного училища. С 24 июля 1882 года в Оренбурге, в Башкирском конном полку, рядовой. В списки полка был зачислен 2

августа 1882 года. Через пять дней 07.08.1882 года командирован для поступления в Оренбургское казачье юнкерское училище. 31.08.1882 года зачислен в Оренбургское казачье юнкерское училище. 11.12.1882 года переведен в 44-й Нижегородский драгунский полк. С 20.12.1883 года – унтер-офицер. 24.05.1884 года переведен в комплект Оренбургских казачьих полков с переименованием в урядники и зачислением в войсковое состояние этого войска. 12.06.1884 года зачислен в 3-й Оренбургский казачий полк. 05.07.1885 года награжден металлическим знаком «За отличную стрельбу». 26 августа 1887 года в чине подхорунжего окончил Оренбургское казачье юнкерское училище. В этот год училище окончил 43 юнкера, из них 30 выпускников, были направлены в Оренбургские казачьи полки. Самыми старшими по возрасту были Алексей Парфентьев и Николай Синебрюхов, которым было уже по 27 лет, а младшим Матвей Свиридов которому на момент выпуска не было и 18 лет. Давид Николаевич окончил училище по 2-му разряду и был среди них в середине рейтингового списка (был под № 20). Поведение было по 1 разряду, а вот по учебным дисциплинам набрал 70 баллов из 100³.

7 сентября 1887 года вместе с десятью подхорунжими в 3 Оренбургском казачьем полку на станции Волочинск Киевского военного округа. Через полгода службы (15.03.1888) Давид Николаевич был произведен в хорунжие. С 08.04.1888 года – на льготе (временном запасе, когда офицер получал лишь часть жалования).

С 09.07.1890 года - в 4 Оренбургском казачьем полку (библиотекарь) в г. Петрово-Александровске (ныне город Туркуль в Узбекистане). 2 февраля 1891 года получил – 1-й приз на офицерской 2-х верстной скачке. С 23.11.1892 года – сотник (ст.15.03.1892), делопроизводитель полкового суда. С 15.04.1893 года на льготе. Это сейчас в Туркуле около 40 тысяч жителей, в 1896 году их было в 20 раз меньше. Возможно, поэтому Давиду Николаевичу не захотелось служить в такой глуши, и он принимает решение о переходе на службу в недавно созданный в России (в 1893) Отдельный корпус пограничной стражи. Кроме того у офицеров пограничников не было льготы, и они получали более высокое жалование по сравнению со своими сверстниками казаками.

Примерно в это время в Отдельный корпус пограничной службы перешли сотники Оренбургского казачьего войска; **Аксенов** Константин Иванович, **Вишняков** Василий Васильевич, **Гумбург**

Николай Александрович, **Кадошников** Михаил Иванович, **Красноярцев** Григорий Александрович (сокурсник Лобачевского), **Красноярцев** 2-й Иван Григорьевич (сокурсник Лобачевского), **Красноярцев** Николай Алексеевич, **Печенкин** Михаил Иванович, **Сильнов** Валентин Александрович, **Сысоев** Николай Алексеевич, есаул **Овчинников** Андрей Михеевич,⁴ и войсковой старшина фон Финнинг Богдан Богданович, который дослужится до генеральского чина⁵.

С 23.06.1896 года в Отдельном корпусе пограничной стражи с переименованием в поручики. С 06.07.1896 года – субалтерн-офицер (т.е. младший офицер) Велюньской бригады на западе Польши. С 10.02.1897 года – врио командира Крупского отряда Велюньской бригады. 6 декабря 1897 произведен в штабс-ротмистры, утвержден в должности командира отряда. С 29.05.1899 года – врио командира Кикского отряда Велюньской бригады. 06.12.1901 года был произведен в ротмистры. С 10.02.1903 года – командир Крупского отряда Велюньской бригады. С 15.10.1903 года – врио командира Коморнинского отряда. С 10.11.1903 года – врио командира Прашского отряда Велюньской бригады. С 10.06.1904 года – врио командира Камарнинского отряда Велюньской бригады. С 07.06.1906 года – обер-офицер для поручений при штабе отряда. С 17.04.1912 года – командир отдела 6-й пограничной Таурогенской бригады в Ковенской губернии. Подполковник с 10.04.1912 года. С 15 ноября 1913 года командир отдела 8-й пограничной Граевской бригады в Польше.

Женат на дочери подполковника Шенгелидзе Ольге Всеволодовне 01.01.1883 года рождения (её отец подполковник Шенгелидзе Всеволод Владимирович в 1902 году служил помощником командира Ломжинской бригады ОКПС). Дети: Татьяна – 19.09.1903, Борис – 24.10.1904. За отличия по службе был награжден: 26.12.1896 серебряной медалью «В память Александра III», орденами: 18.04.1899 – Святого Станислава III степени; 22.04.1907 – Святой Анны III степени; 18.04.1910 – Святого Станислава II степени.⁶

В 18 томе книги «Блокада, 1941–1944, Ленинград: Книга Памяти» указано, что Лобаческий Давид Николаевич, 1864 г.р. Место проживания: набережная р. Фонтанки, д. 18, кв. 23. Дата смерти 1942. Место захоронения неизвестно. Такая же судьба была и у его супруги Ольги Всеволодовны Лобачевской.

В периодических журналах Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов за рубежом, Нью-Йорк, США «Кадетская пере-

кличка « № 38-39, 1985-1986 гг. был помещен некролог еще на одного потомка Н.И. Лобачевского связанного с Оренбургом.

«Памяти полк. В. К. Федорова.

13 октября 1984 года в г. Санта Барбара, Калифорния, скончался полковник Виктор Константинович Федоров правнук Николая Ивановича Лобачевского.

Виктор Константинович кадет 1-го Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса; выпуска 1909 года. Окончил Михайловское артиллерийское училище. В 1914 г. выдержал экзамен в Михайловскую Артиллерийскую Академию, но с началом войны вышел на фронт. Был контужен, дважды отравлен газами и ранен в ногу. Награжден всеми очередными наградами до ордена Святого Владимира IV-ой степени с мечами включительно.

Революция его застала командиром 12-ти дюймовой батареи. Вскоре ему удалось пробраться на юг. В добровольческой армии он командовал бронепоездом «Иоанн Калита». В канун новороссийской эвакуации заболел сыпным тифом и был вывезен на английском военном судне в Салоникский военный госпиталь. Затем Болгария, Египет, Вашингтон и Санта Барбара, где Виктор Константинович похоронен на местном кладбище. Вдове Елизавете Рейнхольдовне выражаем наше искреннее соболезнование».

Примечания:

¹ В.А. Новиков. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. - Уфа. 1889. С. 110-111.

² Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от рождества христова 1793. - СПб. С. 256.

³ Приказ по Оренбургскому казачьему войску от 27 августа 1887.

⁴ Семенов В.Г. Лобачевские в Оренбургском крае // Оренбургская неделя. 2013. 5 июня. № 23.

⁵ Семенов В.Г. Козлов Ю.Я. Фон Виннинги. Отец и сын. Народы Южного Урала на страже Родины. Материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию коренного перелома в Великой Отечественной войне (Сталинградской и Курской битв)/ под общ. ред. В.В. Амелина. – Оренбург. С. 83-91.

⁶ РГВИА. Ф.409. Оп.1. Д.117-161

Денисов Д. Н. (Оренбург)

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ СЛУЖЕНИЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ РПЦ ВО ВРЕМЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 ГГ.*

В Российской империи Русская Православная Церковь была крупнейшей, наиболее массовой организацией с самой широкой сетью низовых ячеек на местах. В году стихийных бедствий, неурожаев и войн эта система позволяла быстро мобилизовать значительные финансовые средства за счёт сбора добровольных пожертвований по многочисленным религиозным приходам, что, конечно, отвечало христианским идеалам и горячему стремлению самой Церкви к помощи всем нуждающимся.

В полной мере это проявилось и во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. Уже на следующий день после её официального объявления, 28 января 1904 г. Священный Синод РПЦ издал указ № 398 о сборе пожертвований на санитарные нужды действующей армии со стороны церквей и духовенства. В Оренбурге Высочайший манифест императора Николая II о войне с Японией был прочитан в Казанском кафедральном соборе 1 февраля 1904 г., в 12.30 епископом Оренбургским и Уральским Иоакимом (Левицким) (1853–1921). По оглашении документа Владыка произнёс «глубоко прочувственное слово о Страшном суде с призывом паствы к посильным жертвованиям на больных и раненых воинов», после чего отслужил молебен «о ниспослании победы и одоления дерзкого и вероломного врага»¹.

С самого начала войны к оказанию медицинской помощи пострадавшим защитникам Отечества активно подключилось Российское Общество Красного Креста по инициативе своей августейшей покровительницы, вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны (1847–1928). Для содействия дружественной благотворительной организации Священный Синод определением от 8 февраля 1904 г. постановил усилить повсеместный сбор в пользу раненых и больных воинов, для чего разрешил членам и уполномоченным Красного Креста производить его еженедельно за воскресными богослужениями по всем церквям Российской империи. Выполняя это указание, 15 февраля 1904 г., в неделю торжества православия за литургией в кафедральном соборе епископ

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Оренбургской области научного проекта № 13-11-56005.

Оренбургский и Уральский Иоаким сказал: «С нынешнего дня в храмах Божиих вводится иной сбор добровольных пожертвований. Вы знаете, что идёт у нас война. Русское знамя подверглось оскорблению. Враг напал на наши пределы. Теперь проливается кровь сынов нашего Отечества. Многим из воинов наших придётся испытать много нужд и лишений, претерпеть болезни и раны от неприятельского оружия. Делом помощи больным и раненым заведует Общество Красного Креста. Под сенью этого креста сёстры и братья являются на помощь раненым. Но при этом необходима Обществу материальная поддержка на содержание самого Общества, а главное – на пособие раненым и их семьям. Посему прошу принести посильную лепту свою (...) на Красный Крест и тем оказать помощь воинам нашим, живот свой на брани полагающим за веру, царя и Отечество. Аминь»². Резолюцией Преосвященного Иоакима от 29 марта 1904 г. № 3322 представители Красного Креста были допущены и во все православные храмы Оренбургской епархии с привилегией первоочередного приёма пожертвований каждый раз ещё до обычного церковного сбора. При этом священникам предписывалось по окончании литургии разъяснять своим прихожанам благородные и гуманные цели этой организации, побуждая к помощи ей³.

Первые примеры жертвования на богоугодное дело показали духовенство губернского центра и сам правящий архиерей. 18 февраля 1904 г. устроили общее собрание причты и старосты приходских храмов г. Оренбурга: Казанского кафедрального собора, Введенской, Вознесенской, Воскресенской, Георгиевской, Дмитриевской, Знаменской единоверческой, Михайло-Архангельской, Николаевской, Петропавловской, Покровской церквей и Свято-Успенского женского монастыря. Они единодушно постановили в течение всей войны ежемесячно отчислять на нужды Красного Креста от каждой церкви с одним штатом по 3 руб. и с двумя штатами по 5 руб., а также выделять по 3 % от всех братских доходов: 1 % на Красный Крест, 1 % на флот и 1 % в пользу бедных семейств и сирот убитых воинов. 20 февраля 1904 г. епископ Оренбургский и Уральский приказал каждый месяц передавать на санитарные нужды армии 15 руб. от своего Архиерейского дома и Крестовой церкви при нём⁴.

Для упорядочения сбора собственных средств, помимо Красного Креста, циркулярным распоряжением Епархиального Начальства от 2 марта 1904 г. № 3599 при Оренбургской Духовной Консистории был образован специальный Комитет по приёму пожертвований на нужды действующей армии на Дальнем Востоке и на усиление военного фло-

**Секция 2. ВКЛАД УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В ОБОРОНУ СТРАНЫ
И ЗАЩИТУ ЕЁ ИНТЕРЕСОВ ЗА РУБЕЖОМ**

та⁵. За период со 2 марта 1904 г. по 1 октября 1905 г. в Оренбургской епархии на эти цели было собрано в общей сложности 56320 руб. 42 коп. (около 31 млн. руб. по современному курсу). Много это или мало? При тогдашних государственных закупочных ценах на оружие данная сумма позволяла приобрести, скажем, почти 2500 револьверов системы «Наган» или 1400 винтовок системы Мосина или 26 пулемётов «Максим» или 17 трёхдюймовых полевых пушек без боекомплектов.

Таблица – Сведения о ежемесячных пожертвованиях на нужды армии и усиление военного флота в Комитет при Оренбургской Духовной Консисории за время Русско-японской войны 1904–1905 гг.⁶

Месяц	Сумма (руб.)
1904 год	
март	3350,11
апрель	7357,78
май	5670,64
июнь	3638,78
июль	4271,48
август	2700,63
сентябрь	1271,53
октябрь	2143,83
ноябрь	2822,44
декабрь	3217,86
1905 год	
январь	3327,80
февраль	2726,78
март	2394,06
апрель	1762,84
май	2592,51
июнь	1298,52
июль	2927,19
август	2050,83
сентябрь	807,20
Итого:	56320,42

Мелкими ручейками эти деньги стекались в могучую реку от монастырей, духовно-образовательных учреждений, благочинных, причтов,

отдельных священников и диаконов, церковных старост и кружечного сбора прихожан. Кроме того, крестьяне нередко жертвовали защитникам Родины многочисленные тюки и мешки с холстом, тёплой одеждой и другими вещами.

Для привлечения дополнительных средств епархиальные власти использовали организацию культурно-просветительских мероприятий. Однако устроенные ими народные чтения, публичные лекции, духовные концерты выполняли, прежде всего, идеологические задачи: поддерживали патриотический и религиозный подъём среди населения, воодушевляли на борьбу с врагом историческими примерами национальных героев, знакомили широкие массы с далёким театром военных действий и проживающими там народами.

Так, с разрешения оренбургского епископа по воскресеньям, 22, 29 февраля, 7 и 14 марта 1904 г. в здании Сергиевской двухклассной церковно-приходской школы были организованы народные чтения. Ежедневно, на протяжении 1,5–2 часов их вели преподаватели Оренбургской духовной семинарии Н. Левицкий и В. Попов, воспитанники её старших классов Воздвиженский, Петров, Сасин и Толкачёв, инспектор классов Оренбургского епархиального женского училища священник В. Андреев, законоучитель Оренбургского реального училища священник В. Евфорицкий. Большинство докладов носило ярко выраженный религиозно-патриотический характер: «О нашествии татар на Русь православную и Александре Невском», «О Дмитрие Донском и Куликовской битве», «О Покрове Пресвятой Богородицы над Русью православною», «О Японии и японцах» и т. д. Чтения иллюстрировались световыми картинками (от 25 до 40) и соединялись с пением церковных хоров Казанского кафедрального собора, Троицкой церкви и семинаристов. Мероприятия были рассчитаны на патриотическую работу с простым народом, для чего сделаны общедоступными при входной плате за билет всего от 5 до 20 коп. Поэтому при внушительном общем количестве слушателей в 1060 человек (от 200 до 350 посетителей на каждом чтении) они дали чистого сбора в пользу Красного Креста лишь на 45 руб. 67 коп.⁷

Параллельно с благословения главы епархии по четвергам, 26 февраля, 4, 11 и 18 марта 1904 г. в актовом зале Оренбургской духовной семинарии её преподавателями П. Г. Гавриловым, И. И. Григорьевым, Д. С. Медведевым для более подготовленной и взыскательной публики был прочитан цикл лекций по богословско-философским и церковно-историческим вопросам: «О христианстве в Китае» и

др. Перед началом, в середине и конце каждой лекции семинарским хором исполнялись избранные церковные песнопения. Соединение религии, науки и искусства привлекло значительное число слушателей из духовенства и светского общества, включая епископа Иоакима и оренбургского губернатора Я. Ф. Барабаша (1838–1910). При этом в зале была установлена кружка, которая принесла Обществу Красного Креста свыше 50 руб. добровольных пожертвований⁸.

В воскресенье, 7 марта 1904 г. в зале Оренбургского Общественного собрания по благословению местного архиерея был дан духовный концерт в пользу Красного Креста. Соединёнными хорами (архиерейским, кафедрального собора и Покровской церкви) с участием любителей церковного пения под управлением протоиерея И. П. Соломина исполнены 9 духовных произведений разных композиторов и гимн «Боже, Царя храни!». Зал был переполнен слушателями, так что общая выручка от входной платы достигла 400 руб. В заключение епископ Оренбургский и Уральский Иоаким выразил благодарность певцам за их безвозмездное участие и публике, которая своим многолюдством обнаружила сочувствие церковному пению и благотворительной цели концерта⁹.

23 апреля 1904 г. в том же зале Оренбургского Общественного собрания состоялось выступление соединённых хоров Духовной семинарии, мужского училища и Вознесенской церкви под управлением священника Г.Д. Добросмыслова. Сборы от духовно-патриотического концерта с присутствием епископа на сумму более 100 руб. были переданы на пополнение склада вещей для русских воинов на Дальнем Востоке, учреждённого в Оренбурге по соизволению императрицы Александры Фёдоровны (1872–1918)¹⁰.

Важными задачами Православной Церкви во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. были духовное наставление и окормление не только мирного населения в тылу, но также военнослужащих и гражданского персонала, отправляющихся непосредственно на фронт.

Так, 16 апреля 1904 г. Преосвященный Иоаким посетил Оренбургскую общину Красного Креста, где совершил молебствие по случаю отъезда на Дальний Восток 10 сестёр милосердия. При этом Владыка обратился к ним с тёплым напутственным словом, благословив каждую из санитарок крестиком и Евангелием¹¹.

7 сентября 1904 г. прошли торжественные проводы на войну с японцами 241-го Орского и 242-го Белебеевского пехотных полков, дополнительно развёрнутых из местных резервных батальонов. Отправка

частей на фронт совпала с ежегодной встречей в Оренбурге чудотворной Табынской иконы Божией Матери. В сопровождении массы богомольцев она прибыла на Форштадтскую площадь к востоку от города. Из оренбургских церквей сюда были принесены кресты, иконы и хоругви, собралось многочисленное городское духовенство во главе с епископом, руководители военных и гражданских властей, полки со знамёнами и оркестрами. У часовни на площади перед Табынской иконой было отслужено молебствие с присоединением напутственного молебна частям, выступающим на Дальний Восток. Епископ Оренбургский и Уральский Иоаким, благословляя войска святой иконой, произнёс им речь. Упомянув о трудности и опасности ратного дела, он отметил, что предстоящий подвиг воинов, идущих пролить свою кровь и положить живот за веру, царя и Отечество, есть подвиг славный и великий – по заповеди Божественного Учителя: «больше сея любви никто же не имат, аще кто душу свою положит за други своя» (Иоанн. 15:13). Усматривая знамение свыше в совпадении воинского похода с прибытием местной святыни, Покровительницы Оренбургского края, Владыка в заключение выразил упование, что Царица Небесная будет служить воинам охранительницей и на поле брани. Каждому православному воину Преосвященный епископ дал нательный крестик. Знамёна и военные части были окроплены святой водой. Затем торжественная процессия перенесла чудотворную икону в Казанский кафедральный собор г. Оренбурга при красном звоне колоколов и звуках военных оркестров, исполнявших гимн «Коль славен наш Господь в Сионе»¹².

Подобно легендарным участникам Куликовской битвы, инокам Пересвету и Ослябе, вместе с оренбургскими частями на фронт отправились полковыми священниками 2 иеромонаха местного Успенско-Макарьевского мужского монастыря. На Русско-японской войне один из них, священник 242-го Белебеевского пехотного полка, отец Нифонт был награждён золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте из Кабинета Его Императорского Величества за то, что «в течение 5-тидневного обстреливания – с 15–19 февраля 1905 г. у д. Дашаньтунь и Безымянная совершал церковные службы и обходил окопы, внушая людям святость присяги и ободряя личным примером самоотвержения»¹³. Из числа отправившихся с территории современного Оренбуржья также удостоился наград полковой священник 215-го Бузулукского пехотного полка из Самарской епархии, отец Иоанн Васильевич Сергиевский. 5 декабря 1904 г. ему пожалован ор-

ден Св. Анны 3-й степени с мечами «за исполнение христианских треб и ободривание солдат в бою 30 октября», 13 июля 1905 г. – орден Св. Анны 2-й степени с мечами, а 10 марта 1906 г. – золотой наперсный крест на Георгиевской ленте из Кабинета Его Императорского Величества¹⁴.

Духовенство и миряне Оренбургской епархии не оставляли заботой своих защитников и после отправки на фронт, старались им скрасить на чужбине тяготы войны и даже плена, напомнить о единстве в христианской семье сердечным приветом с далёкой Родины.

Например, подобно многим другим, педагоги и воспитанницы Оренбургского епархиального женского училища в феврале 1904 г., на 3-й Крестопоклонной неделе Великого поста отправили в действующую армию на Дальний Восток подарки к предстоящему празднику Пасхи, а в октябре 1904 г. на пожертвованные ими 90 руб. сформировали посылки с чаем, сахаром, писчей бумагой и другими вещами для поздравления русских воинов с Рождеством¹⁵.

В марте 1905 г. к светлому празднику Воскресения Христова в Оренбургской епархии были собраны 235 руб. 75 коп. «на пасхальную свечку и яичко славным порт-артурцам, ныне томящимся в японском плену». Поскольку между воюющими державами, Россией и Японией, отсутствовало прямое сообщение, 26 марта деньги отправили кружным путём в Сан-Франциско, епископу Северо-Американскому, святителю Тихону (Беллавину) (1865–1925), будущему Патриарху Московскому и всея Руси¹⁶. А уже он, в свою очередь, 5 апреля 1905 г. переправил из США пожертвования на нужды пленных главе Русской православной миссии в Японии, епископу Ревельскому, святому равноапостольному Николаю Японскому (Касаткину) (1836–1912)¹⁷.

Несмотря на героизм русской армии и самоотверженную помощь тыла, война с Японией окончилась поражением и территориальными уступками России по Портсмутскому мирному договору. Тем не менее, 9 октября 1905 г. по прочтении Высочайшего манифеста о мире епископ Оренбургский и Уральский Иоаким отслужил в Казанском кафедральном соборе благодарственный Господу Богу молебен за окончание оваянной славой, но всё же такой неудачной для нашей Родины кампании¹⁸.

Таким образом, во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. Оренбургская епархия РПЦ оказывала самую активную и действенную помощь фронту: производила сбор значительных средств на нужды

армии и усиление флота, предоставляла свои церкви для приёма пожертвований Обществом Красного Креста, вела большую патриотическую работу через религиозные проповеди, организацию народных чтений, публичных лекций, хоровых концертов, осуществляла духовное попечение о русских воинах.

Примечания:

¹ Епархиальная хроника. Архиерейские служения // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1904. – 15 февраля. – № 4. – С. 193.

² Поучение в неделю торжества православия // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1904. – 15 марта. – № 6. – С. 241–245.

³ О сборе пожертвований по церквам Оренбургской епархии на св. дело Общества Красного Креста // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1904. – 15 апреля. – № 7–8. – С. 112–115.

⁴ Постановления духовенства и старост Оренбургских приходских церквей о пожертвованиях в пользу общества Красного креста, флота и семейств воинов, убитых на войне // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1904. – 15 марта. – № 6. – С. 86–88.

⁵ Оренбургские епархиальные ведомости. – 1904. – 1 декабря. – № 23. – С. 398.

⁶ Оренбургские епархиальные ведомости. – 1904. – 15 апреля. – № 7–8. – С. 116–119; 1 июня. – № 11. – С. 186–206; 15 июня. – № 12. – С. 214–230; 1 августа. – № 15. – С. 260–266; 15 сентября. – № 18. – С. 289–302; 1 октября. – № 19. – С. 309–320; 1 декабря. – № 23. – С. 409–407; 15 декабря. – № 24. – С. 455–461; 1905. – 1 февраля. – № 3. – С. 79–86; 1 марта. – № 5. – С. 146–152; 15 марта. – № 6. – С. 158–165; 1 апреля. – № 7. – С. 189–195; 15 мая. – № 9–10. – С. 243–250; 1 июня. – № 11. – С. 289–292; 15 июля. – № 14. – С. 363–366; 15 августа. – № 16. – С. 405–407; 15 сентября. – № 18. – С. 476–478; 15 октября. – № 20. – С. 517–520; 15 ноября. – № 22. – С. 556–557.

⁷ Епархиальная хроника. Народное чтение в пользу Красного креста // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1904. – 1 марта. – № 5. – С. 224; Епархиальная хроника. Народные чтения в пользу Красного креста // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1904. – 15 марта. – № 6. – С. 267–268; Отчёт о народных чтениях, произведённых в здании градо-Оренбургской двухклассной Сергиевской церковно-приходской школы в пользу Общества Красного Креста в феврале и марте 1904 года // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1904. – 1 июня. – № 11. – С. 207–210.

⁸ Епархиальная хроника. Публичные лекции в Духовной семинарии // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1904. – 1 марта. – № 5. – С. 224; Епархиальная хроника. Публичные лекции в Духовной семинарии // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1904. – 15 марта. – № 6. – С. 267; Епархиальная хроника. Публичные лекции в Духовной семинарии // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1904. – 15 апреля. – № 7–8. – С. 312.

⁹ Епархиальная хроника. Духовный концерт // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1904. – 15 марта. – № 6. – С. 268.

¹⁰ Епархиальная хроника. Духовный концерт // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1904. – 1 мая. – № 9. – С. 350.

¹¹ Епархиальная хроника. Архиерейские служения // Оренбургские епархиальные

**Секция 2. ВКЛАД УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В ОБОРОНУ СТРАНЫ
И ЗАЩИТУ ЕЁ ИНТЕРЕСОВ ЗА РУБЕЖОМ**

ведомости. – 1904. – 1 мая. – № 9. – С. 349–350.

¹² Епархиальная хроника. Встреча Табынской чудотворной иконы Божией Матери // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1904. – 15 сентября. – № 18. – С. 737–738.

¹³ Список священнослужителей, убитых, раненых, умерших от ран и награждённых в минувшую войну (приложение к краткой записке священника В. Слюнина) // Летопись войны с Японией 1904–1905 гг. – №№ 82–83. – С. 1–3.

¹⁴ Капков К. Г. Памятная книга российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков. Справочные материалы. – М.: Летопись, 2008. – С. 283.

¹⁵ На подарок воинам к Рождеству Христову // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1904. – 15 декабря. – № 24. – С. 936–937.

¹⁶ Пожертвования через Преосвященнейшего Иоакима, Епископа Оренбургского и Уральского, поступившие на пасхальную свечку и яичко славным порт-артурцам, ныне томящимся в японском плену // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1905. – 15 мая. – № 9–10. – С. 241–242.

¹⁷ Отношение на имя Его Преосвященства, Преосвященнейшего Иоакима, Епископа Оренбургского и Уральского // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1905. – 1 июля. – № 13. – С. 335.

¹⁸ Епархиальная хроника. Архиерейские служения // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1905. – 15 октября. – № 20. – С. 654.

Бахарева О.Я. (г. Оренбург)

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ЖИЗНИ РОССИЙСКИХ И ОРЕНБУРГСКИХ НЕМЦЕВ

Философский словарь определяет «Войну как общественно-политическое явление, смысл которого заключается в продолжении политики насильственными средствами. Специфическое содержание войны – вооруженная борьба ... между странами. Главным средством ее ведения являются вооруженные силы, применяются также экономические, дипломатические, идеологические и др. средства борьбы¹».

19 июля (1 августа) 1914 г. началась Первая мировая война за передел мира. В разгар военных сражений 1916 г. Россия и Франция отметили 25-тые русско-французского секретного соглашения, подписанного 27 августа 1891 г., о совместных действиях в случае нападения на одну из сторон. Соглашение возникло в результате обострения русско-германских противоречий на фоне общеевропейского экономического кризиса, продлившегося с начала 1870 гг. до середины 1890 гг., с одной стороны, а с другой – растущей военно-промышленной мощи Германии, ставшей единой с 1871 г. при канцлере Бисмарке. Тогда Россия

вышла из «Союза трех императоров» (будущий враждебный «Тройственный союз») и вошла в оппозицию в лице Антанты. Император Александр III - Миротворец (1881 – 1894) после убийства отца Александра II Освободителя взял курс на централизацию власти, отменил демократические реформы, ввел жесткую цензуру, положил начало великодержавному русскому национализму с лозунгом «Россия для русских», ужесточил политику к российским немцам. Давайте обратимся к политическому обозрению столетней давности «25-летие Русско-Французского Союза», в котором неизвестный автор восторгался «дальновидной» политикой императора. Текст дается в сокращенном виде²: «... Он (Александр III) положил начало нашему освобождению от немецкого засилья, и во внешней и внутренней жизни России первый приступил к ликвидации вредных последствий петровских увлечений и к восстановлению русской национально-государственной личности. При нем был поставлен по инициативе выдающегося русского националиста графа Игнатьева вопрос об ограничении угрожающих завоеваний немецкого землевладения, при нем ясно и точно было сформулировано неоспоримое право русского народа на русскую землю.

Во время войны на германском фронте русская армия на кровавом опыте убедилась в опасности германской колонизации пограничных районов, в неудобстве иметь в своем тылу во время сражений с немцами организованные команды немецких колонистов, и все это благодаря только тому, что прекрасные начинания графа Н.П. Игнатьева не были доведены до конца его преемниками. Но во внешней политики он (Монарх) успел произвести полный переворот. ... Германской гегемонии при Русском дворе положен был конец. ... Он вышел из тройственного союза императоров и заключил союз с республикой. ... Если бы двадцать пять лет назад Россия осталась, как раньше, на поводу у Бисмарка, быть может, ни мы ни французы не имели бы возможность отстоять свою национальную независимость от германо-австрийского натиска, и, разгромленная тяжелыми крупновскими пушками Европа беспомощно склонилась бы под игом торжествующего насильника».

Неизбежность войны с Германией предрекал генерал М.Д. Скобелев в 1882 г.: «Я должен сказать вам, признаться перед вами, почему Россия не всегда стоит на высоте своих патриотических обязанностей и своей славянской роли в частности. Это потому, что как внутри, так и извне, ей приходится вести борьбу с чужеземным влиянием. Мы не хозяева в своем собственном доме. Да! Чужеземец у нас везде.

И если вы пожелаете узнать от меня, кто этот чужеземец, этот пролаз, этот интриган, этот столь опасный враг русских и славян, то я вам назову его. Это виновник похода на Восток, – вы все его знаете, – это немец! Борьба между славянами и тевтонами неизбежна ... Она даже близка ... Это будет продолжительная, кровопролитная, страшная борьба, но что касается меня, то я убежден, что в конце концов победят славяне»³.

Для потомков немцев, переселившихся при Екатерине II, к 1914 г. Россия стала второй родиной, они составляли около 1,5 % населения с преобладанием сельского. Целью статьи является рассмотрение вопроса о роли Первой мировой войны в жизни российских, в том числе оренбургских немцев.

Вначале остановимся на контингенте вооруженных сил. На государственной службе, в том числе в вооруженных силах, «находилось до 40 тысяч немцев, в действующей армии – сто тысяч, в генералитете армии служили 324 генерала из 1567 (20, 5%). Немцы командовали четырьмя армиями из 8, 11-ю корпусами из 38, семью кавалерийскими дивизиями из 18-ти. Генералы П.К. фон Ренненкампф, В.В. фон Нотбек, С.М. Шейдеман, Л.В. Леш, А.Е. фон Зальца, А.Е. Эверт, П.А. Плеве, В.Е. Флуг, Ф.В. Сиверс, Ф.С. Рерберг, В.А. Ирманов (Ирман), Э.В. Экк, адмиралы Н.О. фон Эссен, А.А. Эбергард, полковник А.В. фон Шварц и др. пользовались доверием командования»⁴. В отличие от генералитета низшие чины подозревались в измене и шпионаже. С 5 декабря 1914 г. было принято решение «всех новобранцев-немцев отправлять по соглашению с начальником штаба Кавказского округа в запасные батальоны Кавказа»⁵. Известно, что 15 (28) октября 1914 г. турецкие корабли напали на базы Черноморского фронта и 20 октября (2 ноября) Россия объявила войну Османской империи. 3-я турецкая армия вторглась в пределы российского Закавказья, но была к январю 1915 г. разгромлена войсками Кавказской армии (главным образом 1-м Кавказским армейским корпусом генерала от инфантерии Г.Э. Берхмана) в Сарыкамышском сражении⁶.

Когда в январе 1915 г. трое рядовых Херсонской губернии перебежали на сторону германцев, командующий 4-й армии генерал А.Е. Эверт в телеграмме главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта «ходатайствовал о переводе всех находившихся в строю немцев-колонистов в Кавказскую армию»⁷. В ответной телеграмме значилось, что «немцев-колонистов, находящихся в рядах армии,

в государственных интересах, следует перевести на Кавказский фронт, так как нижние чины из немцев-колонистов в виду тяготения к своим одноплеменникам не представляют надежных солдат и могут оказывать вредное влияние в частях войск. ... чтобы случаи измены, путем открытого, на глазах войск перехода к неприятелю не оставались безнаказанными, ... войсковым частям по перебежчикам необходимо открывать огонь, а личное имущество как движимое, так и недвижимое подвергать конфискации, как государственных изменников»⁸.

По Указу Правительствующему Сенату от 3 сентября 1915 г. были призваны для пополнения «запасных батальонов и усиления личного состава санитарных учреждений меннониты ... Срок призыва ратников 2-го разряда и ратников-меннонитов 1-го разряда – 5 сентября сего года»⁹.

«В течение 1914 – 1915 гг. с западных фронтов переправили свыше 17 тыс. немцев-военнослужащих на Кавказ. С начала войны и до февраля 1917 г. из Поволжья на военную службу призвали свыше 50 тыс. немцев»¹⁰, но дискриминация продолжалась и там. Им не доверяли оружие и «направляли в каждую роту по 10 человек, чтобы в одном подразделении находилось не более 2–3 немцев»¹¹, или направлялись «в казачьи войска: «по 15 человек к кавалерийским и по 25 человек к пластунским и пешим сотням. Казаки использовали их как рабочую силу при оборудовании биваков и позиций»¹², (см. приведенную ниже таблицу). Они не участвовали в сражениях, не имели оружия, а использовались совместно с военнопленными-турками для обслуживания тыловых учреждений и для проведения инженерных работ по укреплению крепости Эрзерум, порта Трапезунд, Саракмышской дороги, шоссе, дорогам, мостам, станциям и т.д.

Распределение этнических немцев
по соединениям Кавказской армии (1915 г.)¹³

Наименование операций	Число батальонов (б) и полков (п)	Число сотен	Число немцев в каждой сотне	Всего немцев
2-й Туркестанский корпус				
3-я Кубанская пластун. бр-да	3б	12	25	300
Сибирская казачья бр-да	2п	12	15	180
3-й Горско-Моздокс. полк	1	6	15	90
14 и 18 особ. казачьи сотни	–	2	15	30

**Секция 2. ВКЛАД УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В ОБОРОНУ СТРАНЫ
И ЗАЩИТУ ЕЁ ИНТЕРЕСОВ ЗА РУБЕЖОМ**

1 Кавказский корпус				
1-я Кавк. казачья дивизия	4п	24	15	360
3-й Сунж.-Влад. полк	1	6	15	90
3-й Кавк.каз. полк	1	6	15	90
10, 30 и 83 особ. казач.сотни	–	3	15	45
4 Кавказский корпус				
Закаспийская казачья бр-да	4п	24	15	360
3-й Линейный казачий полк	1	6	15	90
11, 13 и 25 особ.казач. сотни	–	3	15	45
Ванско-Азербайджанский отряд				
2-я Забайкальская каз. бр-да	2п	12	15	180
4-я Кавк. казачья дивизия	4п	24	15	360
3-я Забайкальская каз. бр-да	2п	12	15	180
26 Кубанская особая сотня	–	1	15	15
Армейский резерв				
4-я Кубанская пластун. бригада	46	16	25	400
Донская пешия бригада	46	16	25	400
3-й Лабинский каз. полк	1	5	15	75
2 пеших пластун. батальона при 4-й Кавк. стрелк.бригаде	26	8	25	200
28 кубанская особая сотня	–	1	15	15
Армейская конница				
2-я Кавк. казачья дивизия	4п	24	15	360
3-й Екатеринбургский каз. полк	1	6	15	90

Итого: 3955 человек

К октябрю 1915 г. Ставка временно приостановила отправку российских немцев из-за их огромного скопления на Кавказе и оттого, что были призваны новые партии немцев-колонистов и немцев-меннонитов, уже ждавшие своей отправки на фронт. В начале 1916 г. было решено использовать их на освобожденных от врага «обширных территориях для обслуживания тыловых, транспортных и дорожных частей», к концу 1916 г. участилось дезертирство среди российских немцев. «После подписания 5 декабря 1917 г. в г. Эрзинджане русско-турецкого договора о перемирии на всем протяжении фронта, начался стихийный и массовый отход частей, возвращение солдат домой. Фактически к концу 1917 г. Кавказский фронт перестал существовать»¹⁴.

В Оренбургской губернии по неполным данным до начала войны имелось 130 поселений с численностью 8695 человек¹⁵. На северо-западе губернии в Оренбургском уезде находились колонии немцев-меннонитов. К 1915 г. они освоили 53603 дес. земли¹⁶, купленные у местных помещиков на собственные деньги. Из их хозяйств 2 августа

1914 г. забрали в армию лучших коней, с 3 сентября 1915 г. мобилизовали мужчин призывного возраста и направили на службу в санитарные поезда, на лесоразработки и на военные заводы¹⁷. Накануне войны по всей губернии проживало около 10 тыс. немцев¹⁸. Городские немцы губернии продолжали работать на своих прежних местах и собирать средства на благотворительные акции.

Созданный Николаем II «Особый Комитет по борьбе с немецким засильем» (с 1 июня 1916 г.) ужесточил ликвидационные меры даже «по отношению семей офицеров и добровольцев, сражавшихся на фронте и отмеченных боевыми наградами. К льготным категориям относились те российские немцы-военнослужащие, кто «принимал непосредственное участие в боевых действиях, имел «доблестное поведение», звание офицера или добровольца, кто получил награды за боевые отличия в военных действиях, или смерть на поле брани, а также вдовы перечисленных категорий. Смерть должна была документально удостоверяться, только в таком случае на родственников распространялось исключение или изъятие из закона. Если кто-то из родственников пропал на войне без вести, то изъятие не допускалось. Закон не распространялся на граждан, которые были причислены к составу вооруженных сил государства – на военно-полевых чиновников, врачей, которые не принимали участия в боевых действиях¹⁹».

Внутренняя экономическая борьба с этническими немцами велась в области землевладения и землепользования. Столыпин в 1910 г. разработал проект, получивший позже название антиколониистский. Он предлагал «лишить всех лиц иностранного происхождения и немецких поселян трех западных губерний (Киевской, Волынской и Подольской) права впредь покупать земельные владения вне городов и местечек, а также арендовать их и передавать по наследству по боковым линиям, находящиеся в их пользовании и владении»²⁰.

Вот какие цифры в 1915 г. давала статистика о занятых немцами площадях в заметке «Ликвидация немецкого заселья и засилья»: «По данным министерства внутренних дел, на первом месте по размерам площади ликвидируемых земель, принадлежащих немцам и австрийцам, стоит Таврическая губерния, в которой немецким подданным принадлежит 633420 десятин земли. За ними следует Херсонская губерния – 528594 дес., Бессарабская – 201351 дес., Волынская – 175039 дес., и т.д. Кроме того, как выясняется, в стоверстной полосе в Области Войска Донского находится 165562 дес., которые подлежат ликвидации.

На основании правила о стоверстной полосе в Лифляндской губ. должно быть ликвидировано 55521 дес., в Екатеринославской – 48914 дес., в Петроградской – 33201 дес, в Финляндии – 926 дес. и т.д. Таким образом, всего ликвидации подлежит **свыше 2, 5 милл. дес. земли.**

По числу земельных угодий, принадлежащих немцам, на первом месте стоят Волынская губ, где насчитывается 8572 владения, затем идет Холмская губ. – 3324, затем Бессарабская – 2954 влад., Таврическая – 2303, в Херсонской губ. (в стоверстной приморской полосе) – 1812, в Области Войска Донского – 1500, в Варшавской губ. – 1227, в Люблинской – 1147 и т.д.»²¹.

На основании ст. 87 Основных государственных законов появились три закона от 2 февраля 1915 г.: «О землевладении и землепользовании в государстве Российском австрийских, венгерских, германских или турецких подданных»; «О прекращении землевладения и землепользования австрийских, венгерских или германских выходцев в приграничных местностях»; «О землевладении и землепользовании некоторых разрядов, состоящих в русском подданстве австрийских, венгерских или германских выходцев». Закон от 13 декабря 1915 г. «О некоторых изменениях и дополнениях узаконений от 2 февраля 1915 г. о землевладении и землепользовании подданных, воюющих с Россией держав, а также австрийских, венгерских или германских выходцев» был направлен против немецкого населения России. Свыше миллиона граждан лишалось своих землевладений. Оренбургских немцев-колонистов потерять землю и быть высланными спасло решение Временного правительства, принятое в марте 1917 г., об отмене «ликвидационных» законов.

Указ «О правилах, коими Россия будет руководствоваться во время войны 1914 г.» лишал всяких льгот и преимуществ подданных неприятельских держав, предоставленных международными договорами.

Приведем статистику, перепечатанную из «Московских ведомостей» под заголовком «Немецкое засилье», направленное против немцев-чиновников²². Текст дается с сокращениями: «... В чине четвертого класса в 1914 г. (к началу войны) у нас насчитывалось 4835 лиц; в чинах третьего и второго классов 787 лиц. Огромная государственная машина требует и огромного персонала и на верхах и в низах. Но вот что наводит на размышления – из лиц четвертого класса 15% немецкого происхождения, а из лиц второго и третьего класса немецкого происхождения уже 25!».

Приказ Главноначальствующего Оренбургской Губернией № 109 от 6 июня 1915 г. потребовал «уволить в трехдневный срок» всех германских служащих из учреждений любого профиля: «промысловых, промышленных, частных» и «выселить в Оренбургский уезд»²³. Одновременно сняли все вывески с немецкими надписями в городах, селениях и колониях, а приказ расклеили на всех видных местах и напечатали в местных газетах.

Иностранных подданных обязали регистрироваться в домовых книгах по месту проживания²⁴, не допускались на службу в учреждения, не имели право содержать торговые заведения, чайные, столовые, гостиницы и т.д. Немецким старожилам г. Оренбурга, подданным Германии разрешили остаться на прежнем месте по той причине, что губерния официально являлась местом ссылки для интернированных и депортированных граждан из западных губерний: Волынской и Холмской, из Привислинского края (Царства Польского) и городов: Варшавы, Риги, Киева, Львова, С-Петербурга, и для военнопленных, воюющих с Россией держав.

По данным Мартина Нейфельда в колонии оренбургских меннонитов отправили 6000 германских подданных осенью 1915 г. «Среди них было немало квалифицированных специалистов: ремесленники разных профессий, фабриканты и купцы, врачи и аптекари, художники, учителя, матросы, капитаны и штурманы морского плавания. Часть интернированных нашла убежище в классных комнатах и других помещениях центральной школы. В подвальном помещении ими был оборудован колбасный цех, продукция которого пользовалась большим спросом в Оренбурге. Многие из них усиленно занимались спортом. Среди интернированных были и бедные, которые вынуждены были зарабатывать на свое существование»²⁵.

Население губернии с конца лета 1915 г. стало увеличиваться в связи с депортацией из западных губерний. Первые партии депортированных колонистов из Привислинского края отправлялись по железной дороге под надзором полиции в глубь страны часто без документов, без средств к существованию. Они имели статус военнопленных с ноября 1914 г., но по закону от 30 августа 1915 г. получили статус беженцев²⁶, поэтому сразу по прибытию на место эвакуации им вручался паек, сумма которого составляла 25 коп. в день или 7 руб. 50 коп. в месяц. В начале 1916 г. окончательно регламентируется положение и вводится так называемый посемейный паек – 15 – 20 коп. в день, т.е. 4 руб. 50 коп. – 6 руб. в месяц на человека. В полном размере

он выдавался лишь на четырех членов семьи, на остальных - в половинном размере²⁷. Содержание каждого человека определили в 25 копеек в сутки. Эту сумму выдавали беженцам на руки до их самостоятельного заработка. Они следовали до 2 тыс. человек в одном поезде или отдельными семьями и группами с другими пассажирами. Обеспеченные семьи селились по своему усмотрению и учету не поддавались. В городе Троицке предполагалось разместить в Миасском заводе до 4 тыс. колонистов, а заботу о них возложить на Земский Комитет. Согласно документам, в ноябре 1915 г. туда прибыло 397 человек, попавших сразу под надзор полиции. В декабре их причислили к категории беженцев.

В середине августа 1915 г. в Оренбург поступило 27 семейств из 6 уездов Волынской губернии – Луцкого, Кременецкого, Ровенского, Владимирского, Ковельского, Дубенского, из Холмской губернии – 2 семьи. До избрания определенного места жительства их разместили в летних павильонах Тополевого сада. Из-за отступления русской армии на Западном фронте усилился поток беженцев, в котором находились и русские граждане, и немецкие колонисты. Первое время беженцы из Западных губерний размещались в доме Гофмана – 958 чел. и 382 – в доме Ф.К. Эверта²⁸.

Военнопленных, число которых к 1915 г. составило 13725 чел., отправляли преимущественно на жительство в села и реже в города губернии²⁹. Статус и их положение регламентировались постановлениями губернатора. Они жили на денежное пособие Северо-Американских Соединенных Штатов. Только за срок с 12 декабря 1914 г. по 18 января 1916 г. военнопленным выплатили 1 403 940 руб. 19 коп.³⁰. К февралю 1916 г. в губернии их насчитывалось 10 тыс. человек.

В Оренбурге на 7 февраля 1916 г. проживало 151364 чел., в 1897 г. – 72425 чел., т.е. численность увеличилась на 109 %, в 6 районах было расквартировано 13919 солдат, число жилых квартир составляло 22291 и 235 общежитий, в городе проживало 3882 немца (2,9 %), в это число не входили военнопленные и войска³¹.

Итак, царская Россия вела Первую мировую войну на внешнем фронте с Германией и ее странами-союзницами. В войне участвовало 38 государств с населением 1,5 млрд. человек, было убито и умерло от ран 9,5 млн. человек, ранено 20 млн., из них 3,5 млн. остались калеками. Экономика многих стран, в том числе и России, была сильно подорвана. Внутри страны правительство во главе с Николаем II вело воинственную борьбу, фактически войну, экономическими, правовы-

ми, идеологическими средствами в области национальной политики, в образовании, печати с подданными своей страны немецкой национальности, приравняв их к врагу-германцу. Война 1914 – 1918 гг. негативно отразилась на германских подданных, длительно проживавших в России. Она резко изменила их существование в худшую сторону, явилась поводом к реэмиграции в послевоенную Германию после свершения социалистической революции в октябре 1917 г. Для российских немцев буржуазно-демократическая Февральская революция 1917 г. явилась спасением от замыслов и действий царского правительства. Временное правительство отменило все законы и указы, принятые во время войны, объявило конец борьбе с «немецким засильем».

Примечания:

¹ Философский словарь. Интернет-ресурсы.

² Отклики войны. «Двадцатипятилетие русско-французского Союза». Политическое обозрение. «Нива». 1916. № 20. 14 мая. С. 3

³ Отклики войны. «Вещи слова «Белого генерала». «Нива». 1915. № 31. С. 3.

Справка. Скобелев М.Д. (1843 – 1882), русский генерал от инфантерии (1881 г.). Участвовал в Хивинском походе 1873, Ахалтекинской экспедиции 1880 – 81 и подавлении Кокандского восстания 1873 – 76. В русско-турецкую войну 1877 – 78 гг. успешно командовал отрядом под Плевной, затем дивизией в сражении при Шипке – Шейново.

⁴ Немцы России. Энциклопедия. Т.3 (П – Я). С. 44.

⁵ История немцев России. Хрестоматия. М., 2005. 5.1.16. Телеграмма начальнику штаба Казанского военного округа из Ставки Верховного Главнокомандующего. 5 декабря 1914 г. С. 115.

⁶ Нелипович С. Первая мировая война // Немцы России. Энциклопедия. Т.3 (П – Я). С. 42.

⁷ История немцев России. Хрестоматия. 5.1.14. Срочная телеграмма . № 4357 от 13 января 1915 г. С. 114.

⁸ Там же. 5.1.15. Письмо Верховному Главнокомандующему от командующего армиями Юго-Западного фронта. 17 января 1915 г. С. 114 – 115.

⁹ Отклики войны. Указ Правительствующему Сенату. «Нива». 1915. № 38. 19 сентября. С. 3.

¹⁰ Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. История немцев России. М., 2005. С. 232.

¹¹ Герман А.А., Плева И.Р. Немцы Поволжья. Саратов, 2002 С.50.

¹² Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. История немцев России. М., 2005. С. 232.

¹³ Мартиросян Д.Г. Российские немцы на Кавказском фронте Первой мировой войны // Российские немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности. Материалы междунар. науч. конф : Саратов, 14 – 19 сентября 2004 г. /Под ред. А.А. Германа. М., 2005. С. 283.

¹⁴ Там же. С. 285 – 286.

¹⁵ Нейфельд Е.Я. Российские немцы в Оренбуржье (до 1917 г.) // Российские нем-

цы. Проблемы истории, языка и современного положения. Материалы междунар. науч. конф. Анапа. 20 – 25 сентября 1995. М., 1996. С. 190.

¹⁶ Там же. С.194.

¹⁷ Нейфельд М.Я. Судьбы поколений. Оренбург. 1995. С. 23 – 24.

¹⁸ Тюлюлюкин Е.Ф.. Российские немцы в истории Оренбуржья (конец XIX – XX вв.). Оренбург, 2006. С. 192..

¹⁹ Ауман В.А., Чеботарева В.Г. История российских немцев в документах (1763 – 1992). М., 1993. С. 44

²⁰ Линдемман К.Э. Законы 2-го февраля и 13 декабря 1915 г. Об ограничении немецкого землевладения в России и их влияния на экономическое состояние южной России. М., 1916. С. 7 – 8.

²¹ Отклики войны. «Ликвидация немецкого заселья и засилья». «Нива».1915. № 31. С. 3.

²² Отклики войны. «Немецкое засилье». «Нива». 1916. № 10. С. 4.

²³ ГАОО. Ф.11. Оп.12. Д.117. Л.83.

²⁴ ГАОО. Ф.10. Оп.4 Д. 464. Л. 87.

²⁵ Нейфельд М.Я. Указ. соч. С.24.

²⁶ ГАОО. Ф.11. Оп. 12. Д. 137. Л. 3.

²⁷ Решетов Д.Г. немецкие колонисты западных губерний России, депортированные в Поволжье в годы Первой мировой войны // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М.Готика, 1998. С. 185.

²⁸ Семенов В.Г., Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999. С. 338.

²⁹ ГАОО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 252. Л. 65.

³⁰ ГАОО. Ф. 21. Оп. 4. Д. 114. Л. 568.

³¹ Бляхер Я.Однодневная перепись жителей г. Оренбурга 7 февраля 1916 г. Оренбург, 1916 г.

Ляшенко И. Э. (г. Оренбург)

СЫПНОЙ ТИФ В ОРЕНБУРЖЬЕ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ИСТОРИКО-МЕДИЦИНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Эпидемический сыпной тиф – острое инфекционное заболевание, которым болеют только люди. Описанное впервые в середине XVI века, оно тысячелетиями сопровождало человека, вызывая тяжелые и многочисленные потери. Заболевание протекало с выраженной интоксикацией, развитием генерализованного панваскулита, тяжелым, проявляемым в разнообразных вариантах, поражением центральной нервной системы, геморрагическими высыпаниями на коже как следствие деструктивно-пролиферативного изменения капилляров с об-

разованием тромбов и гранулем. Болели только люди, а эпидемический характер распространения связан с естественными эктопаразитами человека – вшами, которые и переносят возбудитель – риккетсии Провачека – от больного к здоровому.

Уже это наблюдение наводит на мысль о связи заболеваемости и эпидемическим распространением с особыми условиями жизни человека, при которых борьба с завшивленностью становилась весьма затруднительной: миграция большого числа людей, отсутствие возможности проведения адекватных гигиенических мероприятий, скученность, плохое питание на грани голода, нервное перенапряжение, стресс и др. Недаром в специальной литературе используются синонимы: эпидемический, вшивый, голодный, тюремный, военный. Особенной жестокостью характеризовались эпидемии сыпного тифа в периоды военных и общественных катаклизмов.

Анализ заболеваемости сыпным тифом, тенденции и мероприятия по борьбе с инфекцией на территории России и в том числе Оренбуржья периода Первой мировой войны составили цель настоящей работы. Материалом для исследования послужили фонды областной универсальной библиотеки им. Н.К. Крупской и научной фундаментальной библиотеки Медицинской академии г. Оренбурга.

Заболеваемость сыпным тифом на территории России была чрезвычайно высока. Только в Москве с 1886 по 1910 годы насчитывалось 23434 (47,2 на 1000 больных заразными болезнями). По всей России за 9 лет (1900-1908гг.) заболело 574292 человека, из них погибло более 40000 больных [1. с.174].

В годы Первой мировой войны заболеваемость сыпным тифом стала резко расти. Сначала тиф свирепствовал на Кавказском фронте, затем в лагерях военнопленных, и на Западных фронтах, распространяясь на восточные, в том числе тыловые территории. В 1918 году разразилась эпидемия необычайной силы [2.]. В первые же годы революции сыпной тиф в России унес более 1млн. человеческих жизней.

Территория Оренбургской губернии до начала I мировой войны оставалась далеким огромным регионом России с отсталой экономикой, чрезвычайно низким уровнем обеспеченности населения медицинской помощью. На одного врача приходилось 24000 жителей, одна больничная койка на 1450 человек, сельский врачебный участок составлял до 16тыс. верст; скудными были средства, отпускаемые на медицинские нужды. В 1913 году на одного жителя Оренбурга расходовалось всего 7 копеек в год [3. с.12].

Тяжелые условия труда и быта при низком уровне гигиенической культуры способствовали распространению эпидемических болезней. В обзоре заразных заболеваний в Оренбургской губернии, зарегистрированных по карточной системе за 1914 год отмечалось, что заболеваемость сыпным тифом занимала второе место среди эпидемических заболеваний, зарегистрированных за отчетный период. Абсолютное число заболевших составило 333 человека (1% от общей эпидемической заболеваемости), при этом заболевшие мужчины составили 61,1%, женщины 48,6% [4.]. Показатели заболеваемости были самыми низкими на территории Оренбуржья по сравнению с последующими годами Первой мировой и гражданской войн.

Несомненно, этому способствовали объективные обстоятельства.

Оренбург стал городом глубокого тыла. В нем были открыты многочисленные госпитали и приюты для размещения беженцев, созданы места пребывания для военнопленных.

Отсутствие условий для проведения санитарно-гигиенических мероприятий, нехватка продуктов питания, скученность размещения, долгое пребывание в одной и той же пропитанной человеческим отделяемым, грязной и неухоженной одежде, к тому же состояние глубочайшего нервного срыва и безысходности способствовали с одной стороны резкому снижению резистентности (естественных защитных сил) организма человека, с другой – интенсивному размножению переносчика возбудителя – платяных вшей.

Борьба с завшивленностью населения, а следовательно и с эпидемией сыпного тифа оставалась актуальной и после окончания Первой мировой войны, в периоды революций и гражданского противостояния. Не случайно, выступая на VII Всероссийском съезде Советов в декабре 1919 года В.И. Ленин с тревогой говорил о «наступлении вши», образно утверждая, что-либо социализм победит вошь, либо вши победят социализм [5. с.410].

С первых же месяцев установления в Оренбурге советской власти началось осуществление ленинских декретов в области здравоохранения и в первую очередь в борьбе с сыпным тифом. Организованный в марте 1918 года губернский отдел здравоохранения начал осуществлять бесплатную и доступную медицинскую помощь населению в соответствии с планом работы Наркомздрава Оренбуржья, утвержденным 1-м губернским съездом Советов в том же 1918 году.

В соответствии с Декретами СНК о мероприятиях по борьбе с сыпным тифом [6. с.96-99; с.154-157]. Народный комиссариат здраво-

охранения Оренбуржья под руководством первого комиссара, фельдшера П. Земцова начал осуществление комплекса мероприятий, в которых участвовали не только медицинские службы, но и все другие, указанные в декретах отделы и управления, вплоть до Чрезвычайного отдела по борьбе с контрреволюцией.

Положение в Оренбурге и области было чрезвычайно сложным. Оренбург – стратегический объект на восточной границе страны, глубокий тыл, благодаря железной дороге соединявший центр России, Поволжье с республиками азиатского направления. Большой поток беженцев, военнопленных, раненых. Разруха, голод, скученное проживание большого количества людей, больницы, госпитали, переполненные тифозные бараки. Не хватало врачей, среднего и младшего медицинского персонала, острый дефицит медикаментов и дезинфицирующих, санитарно-гигиенических средств и установок.

Следует отметить, что декреты Советской власти содержали не только общие указания, но и целый перечень конкретных действий. В соответствии с ними в городе были выделены дополнительные помещения для расселения осевших в городе людей, бараки для заразных больных. На предприятиях и в городе стали проводиться «недели чистоты». С конца 1919 года при Губернской Чрезвычайной комиссии были созданы оперативные санитарные тройки «ЧКТиф». По городу, на железнодорожной станции и при банях стали работать санитарные пропускники, где давали каждому кусок мыла, а одежду обрабатывали.

С целью предотвращения распространения эпидемии на азиатском направлении было ограничено частное пассажирское передвижение по железнодорожным направлениям. Самара-Оренбург-Ташкент.

Большое значение имела санитарно-просветительная работа, осуществляемая, в том числе через оренбургские газеты «Коммунар», «Стачка», журнал «Пахарь».

Принятые меры и беспрецедентные масштабные мероприятия способствовали ликвидации эпидемии. К 1922 году можно было свидетельствовать лишь единичные случаи этого заболевания на территории Оренбуржья.

Примечания:

1. Fr. Kraus u Th. Brugsch. Инфекционные болезни. – Том I. – Воп. II. Из-во «Практическая медицина». – 1916. – 262 с.
2. www.wikipedia.med.ru
3. А.Е. Красюк, Л.В. Невский. Декреты В.И. Ленина по здравоохранению и их осу-

ществование в Оренбуржье в первые годы Советской власти // Красюк А.Е. и др. XXV научная сессия института. Вопросы краевой патологии и здравоохранения в оренбургской области. Оренбург. – 1970. – 140 с.

4. Рожков Я.И. Обзор заразных болезней в Оренбургской губернии, зарегистрированных по карточной системе за 1914 год // Издание Оренбургской губернской земской управы. Санитарный отдел. Оренбург. – 1914 г. 98 с. 10 л. иллюстраций.

5. Ленин В.И. Выступление на VII Всероссийском съезде Советов, декабрь 1919г. // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений, т.39. – М.: Из-во «Политическая литература». – 1963. – С. 385.

6. Ленинские декреты по здравоохранению, [1917-1921 гг. / под ред. Ю.А. Ахапкина]. – М: Медицина, 1980. – 511 с.

Мурзакаева Д. И. (Оренбург)

ИСТОРИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

Столетие начала Первой мировой войны – повод задуматься, насколько закономерен и неизбежен был её финал для Российской Империи. Ведь подписание Брестского мира и расстрел в Ипатьевском доме царской семьи – всего лишь развязка ряда тех трагических событий, интерес к которым в истории не исчезнет с годами.

Война разделила всемирную историю на две эпохи, открыв совершенно новую ее страницу, наполненную социальными взрывами и потрясениями, нашедшую своё отражение и в художественной культуре, в том числе в изобразительном искусстве.¹ На фоне утилитарной исторической литературы о Первой мировой войне, живописная историческая картина, написанная по творческому вдохновению художниками, которые сами прошли через войну, может рассказать гораздо больше, чем конъюнктурный рассказ современников. Поскольку живописцы тех героических лет стремились не только и не столько точно показать происходящее, сколько выразить своё отношение к нему, передать общественно-политическую атмосферу, царящую вокруг того или иного события.

Известно, что почти весь XIX век основные державы демонстративно шли к открытому конфликту, в результате которого должна была решиться судьба не просто Европы, но и всего мира. Великобритания, Франция, Россия, чуть позже Германия и Австро-Венгрия не собирались идти на компромисс. Поскольку национально-политические авантюры для каждой из них стояли выше разума и, даже выше

близкого родства практически всех царствующих фамилий: будущие враги – правители России, Англии и Германии – были кузенами. В этой тревожной, смутной и душливой атмосфере накануне войны, ставшей прологом к XX веку, не было недостатка в слухах и интригах. Кое-кто в этой атмосфере ожидал конца света, но основную часть населения всех стран-соперниц она пьянила и будоражила.² Именно эйфорию народных масс в Европе перед крупнейшей военной катастрофой показывают в своих работах известные художники А. Янк, Г. Ланге, М. Щеглов, В. Коссака, С. Бауэр и другие. Так на картине С. Бауэра «Война объявлена. 1августа 1914 год»³ изображена ликующая толпа на Дворцовой площади перед Зимним. Следовательно, предстоящая война с Германией в русском обществе вызвала бурный патриотический экстаз. Радостные лица людей, размахивающих флагами, прыгающие рядом дети, лишь подчеркивают эйфорию первых дней войны. Аналогичный экстаз немецкого народа от предстоящей войны можно видеть на картинах художника Ф. Швормштедта «После объявления войны: энтузиазм берлинцев», «Первый день войны. Резервисты идут через Потсдамер Плац» и т.п., на которых изображены ликующие толпы на улицах Берлина.⁴

Следующий цикл поразительно реалистичных картин уже не только достоверно отражает ужасы битв и сражений Первой мировой войны, но показывает и шокирующие последствия кровавого молоха. Эпические полотна известных европейских художников, объединенные единым сюжетом о боях начала прошлого века и схожей эстетической идеологией, по сути, ведут живую летопись Первой мировой войны: В. Фалилеев «Дорога на сборный пункт», А. Виницианов «Окопная правда», Эгон Шиле «Наступление русских войск в Галиции. Сентябрь 1914 год», «Русский пленный», «Русские войска идут в атаку», Н. Самокиш «Атака на Турецком фронте», «Бой под Ярославом в 1914 году», Отто Дикс «Война», «Штурм», «С лету. Эпизод войны», И. Владимиров «Захват германских автомобилей», А. Корягин «Ужас войны», И. Владимиров «Казачи в походе», С. Мухарский «Смерть героя», Г. Ланге «Русская пехота отбивает атаку прусской кавалерии», Ф. Швормштедт «Немецкие войска на отдыхе», В. Коссака «Сестра милосердия поднимает войска в атаку», «После боя»⁵ и многие другие: перечислять их можно до бесконечности. Все эти картины представляют собой самостоятельную страничку военной истории, несколько не уступающую, а в ряде случаев превосходящую историографию истории Первой мировой войны.

Невозможно подобрать слов для того, чтобы по-настоящему передать всю сложность творческого подвига, который совершается в тиши мастерской художника батальной живописи. И тем более, совершенно невозможно передать всю гамму чувств от творческого процесса, происходящего непосредственно на поле брани под грохот снарядов!

Постоянно подвергая свою жизнь опасности, свою волю нечеловеческим испытаниям, художники в окопах создавали картины, показывающие «настоящее лицо» Первой мировой войны – беспощадное, жестокое, кровавое, буднично-страшное, лишенное всякого романтического ореола.

И, тем не менее, многие свои этюды и эскизы к будущим полотнам, ставшими впоследствии историческими, батальные живописцы, например, Н. С. Самокиш, и его ученики Р.Р. Френц, П.И. Котов, П.В. Митурич, П.Д. Покаржевский, К.Д. Трофименко создавали в походных условиях, непосредственно участвуя во всех боевых действиях наравне с солдатами. Поэтому сквозь каждую картину с передовой проглядывает личное отношение художника ко всему происшедшему.⁶

В картине «Русские войска идут в атаку»⁷ художник Н. Самокиш передает огромную эмоциональную насыщенность мира солдат перед предстоящим боем, которому незнакомы притворство и фальшь, сам дух русской армии раскрыт благодаря высочайшему живописному мастерству, необыкновенному колористическому дарованию художника.

В картинах П. Шипова «Германская газовая атака в Польше», «Под Ипром. Западный фронт 1915 год»⁸, являющихся бесценным свидетельством происшедших событий на фронтах войны, рассказывается о применении газового оружия германцами. О том, что легло в основу каждой из них можно говорить бесконечно долго. Например, в те годы весь мир с восхищением взирал на оборону русской опорной крепости Осовца (ныне территория Польши), через которую тогда для немцев лежал кратчайший путь в Россию. Гарнизон крепости почти год отбивал атаки германцев, чем сорвал планы немецкого командования на Белостокском направлении.⁹ Картина «Германская газовая атака в Польше» ассоциируется именно с тем моментом, когда к обреченной крепости приблизились германские цепи, то из густого зеленого тумана на них обрушилась контратакующая русская пехота. После, этой контратаки, названной европейскими журналистами «ата-

кой мертвецов», художники-баталисты в походных альбомах уже фиксируют, что патриотический порыв захватил все слои общества, причем не только российского, - во всем мире.¹⁰ Работы мастеров батальной живописи того периода, рожденные новой волной общественных настроений, поражают всем: и необычностью тем, и продуманностью замысла в целом, и смелостью их трактовки. Большое количество картин М. Щеглова, Ф. Рубо, В. Коссака посвящено участию в сражениях добровольных частей с громкими названиями: ударные, штурмовые, женские батальоны смерти, союз личного примера инвалидов и т.п.¹¹ Хотя тогда мало кто знал, что Россия воюет исключительно на деньги союзников. Что бессмысленные зачастую наступления русских войск заказаны Антантой для спасения положения на западном фронте. Что все это оплачивалось ценой жизни русских солдат. И зачастую художники с горечью вынуждены были в своих работах акцентировать внимание общественности на ни чем не оправданной их гибели. Раскрывая военную доблесть, моральную силу и человеческое достоинство солдата на войне, русские художники в своих работах с особой остротой невольно подчеркнули трагичность его положения, обнажив тем самым основные социально-экономические противоречия того времени.

Эпическая мощь картин «Артиллерия на позициях» или «Молитва», «Перестрелка» С.Н. Самокиша¹², отвергавшего академические каноны батальной живописи с их парадной условностью, производят ошеломляющее впечатление. В лице художника-новатора С.Н. Самокиша и его учеников, очевидцев и участников сражений Первой мировой войны, русская армия приобрела самых талантливых, беспристрастных своих летописцев. Наставляя своих учеников, Самокиш говорил: «Ваша работа – это не фотография, она должна жить, должно быть движение».¹³ Именно поэтому всегда важнее увидеть, чем услышать. Человек огромного личного мужества, всю свою жизнь он последовательно всеми доступными средствами показывал, что война – это самое уродливое явление. Умственное брожение, активная переоценка ценностей в начале трагического XX века, ставшие отправной точкой тех драматических, но, в то же время очистительных перемен в обществе, до сих пор никого не оставляют равнодушным и привлекают к себе пристальное внимание исследователей различных школ.

Знакомство с шедеврами изобразительного искусства, так или иначе связанными с Первой мировой войной, и чудом сохранившимися до наших дней: будь то живопись, графика, оферта, и тем более

будь то эскиз, рисунок или даже набросок с натуры, особенно непосредственных её участников, становится знаковым событием для любого, кому небезразлична судьба нашей Родины. Поскольку чем дальше мы уходим вглубь веков, изучая историю по работам художников-баталистов, тем лучше понимаем, что происходит сегодня и что может произойти завтра. «Корни всех грядущих событий всегда лежат в прошлом, и тот, кто знает и понимает характер этих корней, может предсказывать то, что из этих корней может вырасти», - писал Фридрих Ницше.¹⁴ То есть историческая информация, является ключевой для понимания глобальной политической игры, текущей политической ситуации в стране и возможных сценариев развития будущего. История, бывшая трагедией, является миру вторично как фарс. Но есть еще и третье явление, третье воплощение исторического сюжета – в беспристрастных картинах русских художников. Тому подтверждением служит творчество художников-баталистов начала XX века, состоящее из большого количества исторических композиций о Первой мировой войне, которые не потеряли своего научного интереса и до сих пор остаются предметом спора среди искусствоведов и историков.

Примечания:

¹ Зайончковский, А.М. Первая мировая война / А.М. Зайончковский. – СПб.: Полигон, 2002. – С. 7.

² Емельянов, А.Г. Казаки на Персидском фронте / А.Г. Емельянов. – М. Вече, 2007 – С. 15.

³ Великая война 1914-1918 Русский фронт. Война в искусстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://akosinov.jimdo.com/%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B0-%D0%B2-%D0%B8%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%81%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5/>

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Фотоальбом с работами художника Самокиш Н.С. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://foto.mail.ru/inbox/cxol50/13378>

⁷ Там же.

⁸ Великая война 1914-1918 Русский фронт. Война в искусстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://akosinov.jimdo.com/%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B0-%D0%B2-%D0%B8%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%81%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5/>

⁹ Зайончковский, А.М. Первая мировая война / А.М. Зайончковский. – СПб.: Полигон, 2002. – С. 117.

¹⁰ Нелипович, С.Г. Брусиловский прорыв. Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916 года / С.Г. Нелипович – М., Цейхгауз, 2006. – С. 19.

¹¹ Великая война 1914-1918 Русский фронт. Война в искусстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://akosinov.jimdo.com/%D0%B2%D0%BE>

%D0%B9%D0%BD%D0%B0-%D0%B2-%D0%B8%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%81%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5/

¹² Фотоальбом с работами художника Самокиш Н.С. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://foto.mail.ru/inbox/cxol50/13378>

¹³ Крымская художественная галерея. Самокиш Николай Семенович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gallery.crimea.ua/ru/painters.php?p=104>

¹⁴ Мочкин, А.Н. Фридрих Ницше (интеллектуальная биография) / А. Н. Мочкин. – М. : Б. и., 2005. – С. 13.

Могутнов В.П., Могутнов А.В., (г. Курган)

ЮЖНОЕ ЗАУРАЛЬЕ В ПАНОРАМЕ ВОЕННЫХ СОБЫТИЙ

Южное Зауралье (территория современной Курганской области), занимает выгодное экономико–географическое положение. По его территории проходит Транссибирская железнодорожная магистраль, нефте– и газопроводы, соединяющие Европу и Сибирью, Дальним Востоком и Средней Азией. Область граничит с высокоразвитыми районами Урала – Свердловской, Челябинской, Тюменской областями и Казахстаном. Южное Зауралье никогда не оставалось в стороне, когда над Россией нависали угрозы военной опасности.

С появлением в Южном Зауралье русских людей, заселением и освоением края в XVII – XVIII веках им пришлось участвовать в военных действиях, отражать набеги кочевников: сибирских татар, калмыков, башкир, киргиз–кайсаков (казахов). В те времена нередко русский крестьянин выходил на пашню с оружием.

В числе первых переселенцев в наш регион были выходцы из Поморья, других районов Европейской России, уральских сел, деревень, городов. За десятки, сотни, иногда тысячи верст они в одиночку, семьями, группами шли в Южное Зауралье. Сюда их привлекали природные богатства, наличие свободных целинных земель, практическое отсутствие крепостного права. В Зауралье обосновались мужественные, свободолюбивые, смелые землепроходцы, пахари, рыбаки, охотники, промысловики.

Во время нашествия на Россию армии Наполеона, зауральцы участвовали в разгроме захватчиков в числе пяти сибирских полков в Бородинском сражении [1].

Благодаря железной дороге социальная структура Кургана в XIX веке соответствовала структуре индустриального общества. Промыш-

ленный подъем, последовавший за проведением в 1893 – 1894 годах Транссибирской магистрали, способствовал созданию рабочих мест для железнодорожных рабочих и служащих, средних слоев города. В регионе получило развитие рабочее движение, по многим показателям Курганский уезд соответствовал «стандартам» Тобольской губернии, куда он входил, не отличавшийся политической активностью на фоне остальных сибирских губерний [2].

В 1919 году Курганский уезд, наряду с Кустанайским, Троицким Постановлением ВЦИК вошел в образованную Челябинскую губернию [3]. В 30–е годы XX века численность населения Кургана составляла 48 тыс. человек, в городе числилось 4500 заводских рабочих, 5640 – железнодорожных рабочих, 3162 кустаря, 1062 служащих [4]. То есть в рассматриваемый период Курган оставался провинциальным городом, однако постепенно он становился достаточно развитым промышленным центром Южного Зауралья. В 1940 году в связи с ростом численности населения и развитием промышленности Указом Президиума Верховного Совета РСФСР город Курган выделен из состава Курганского района и стал городом областного подчинения [5].

На территории Южного Зауралья разместились два города областного подчинения – Курган и Шадринск, три города районного подчинения – Катайск, Шумиха, Петухово и 35 сельских районов. Все они входили в состав Челябинской области [6].

Зауральцы приняли самое активное участие, проявив мужество и героизм на полях сражений в годы русско–японской 1904 – 1905 годов, первой и второй мировых войн.

В 30–е годы в мире разразились военные конфликты. Воины – зауральцы блестяще проявили себя в Испании и Монголии. В 1936 году летчик С.И. Грицевец в небе Испании провел 56 воздушных боев, сбив более 30 самолетов. В боях на территории дружественной Монголии, в районе реки Халхин–Гол, куда вторглись японские агрессоры, С.И. Грицевец сбил еще 12 самолетов. В 1939 году отважный летчик стал дважды Героем Советского Союза. В этом же году за успешное выполнение спецзадания Правительства и за боевые подвиги в Монголии был удостоен звания дважды Героя Советского Союза еще один зауральский воздушный ас – Г.П. Кравченко. Он и С.И. Грицевец первыми в нашей стране были удостоены звания дважды Героев Советского Союза. Григорий Пантелеевич Кравченко до поступления в летное училище активно занимался в осоавиахимовском кружке при школе с. Звериноголовского.

За бои на Халхин–Голе посмертно присвоено звание Героя Советского Союза уроженцу деревни Мурашова Шатровского района А.И. Киселеву, а 11 апреля 1940 года за бои с финнами было присвоено звание Героя Советского Союза другому уроженцу этого же района из деревни Ожогоино, шоферу 301–го гаубичного артиллерийского полка П.Д. Залесову [7].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 февраля 1943 года была образована Курганская область. Зауральцы вписали немало ярких страниц в историю Великой Отечественной войны. Пройдя военное обучение в оборонных организациях, воинских частях и учебных заведениях, они уходили на фронт, внесли личный вклад в разгром врага. Например, победную точку в Сталинградской битве – пленение командующего Фридриха Фон Паулюса – поставили бойцы и командиры 64-й армии под командованием генерала Михаила Степановича Шумилова, уроженца села Верхняя–Теча Катайского района Курганской области [8]. В военной биографии генерала из Южного Зауралья имелся примечательный факт, заслуживающий внимания современников и достаточно значимый для военной истории страны. Накануне войны генерал-майор М.С. Шумилов, командовавший в то время одиннадцатым стрелковым корпусом, рискуя собой, принял по тем временам отчаянное решение. Сообщения о том, что немецкие войска концентрируются у границ СССР, поступали как от глубоко законспирированных разведчиков, так и от пограничников. М.С. Шумилов отдал распоряжение 18 июня 1941 г. выдать бойцам полный боекомплект по всем видам оружия. В штабе Особого Прибалтийского военного округа, которому подчинялся корпус М.С. Шумилова, забеспокоились, как бы ни расценило это провокацией, подталкивающей к войне, руководство страны. В корпус 21 июня 1941 г. прибыл член Военного совета Округа и потребовал весь розданный боезапас вернуть на склады и паники не сеять. Тогда М.С. Шумилов повез гостя на границу, чтобы тот лично убедился, что происходит на противоположной стороне. Но и после этого посещения высокопоставленный военный чиновник мнение не изменил и по-прежнему требовал вернуть боекомплект на склады. Командир корпуса отказался выполнить это требование без письменного приказа штаба округа, потому что умом и сердцем осознавал неотвратимость скорой беды. Разгневанный член Военного совета отбыл в ставку, приказ об отмене решения там был составлен. Но ему не суждено было дойти до адресата. Утром следующего дня гитлеровцы перешли гра-

ницу и встретили хорошо организованную оборону и плотный огонь частей корпуса. Бойцы стойко держались, отражая яростные атаки фашистов. В сложнейшей обстановке генерал М.С. Шумилов сумел провести организованный отход своих частей [9]. По воспоминаниям подчиненных М.С. Шумилова, осенью 1942 г., когда под Сталинградом шли ожесточенные бои, и люди от усталости буквально валились с ног, командарм 64-й армии отдал, казалось бы, невероятный для того времени приказ: в каждой дивизии создавать нечто вроде дома отдыха. И вот измотанные непрерывными боями бойцы и командиры поочередно снимались с передовой и направлялись на отдых. Это было исключительно мудрое решение отца-командира, отличавшегося сердечной заботой о своих бойцах [10].

Из более ста зауральцев, ставших Героями Советского Союза в годы войны, 78 являются уроженцами Южного Зауралья. Остальные либо учились, либо работали какое-то время в регионе. Три воина-зауральца Григорий Пантелеевич Кравченко, Сергей Иванович Грицевец и Кирилл Алексеевич Евстигнеев удостоены высокого звания дважды [11]. Так, воспитанник Звериноголовской школы Притобольного района генерал-лейтенант Г.П. Кравченко командовал крупными авиационными соединениями, выполнял задачи на самых ответственных участках фронта. Погиб Г.П. Кравченко 23 февраля 1943 г. в воздушном бою у станции Синявино Ленинградской области. Урна с его прахом замурована в Кремлевской стене. Уроженец Катайского района Маршал Советского Союза Ф.И. Голиков командовал армиями, войсками Брянского и Воронежского фронтов. В 1943 г. выдвинут на пост заместителя Наркома обороны СССР. Уроженец Шумихинского района генерал-майор К.А. Евстигнеев совершил 300 боевых вылетов и сбил 56 фашистских самолетов.

В Юргамышском районе родился будущий генерал-лейтенант А.И. Черепанов, командовавший 23-й армией на Ленинградском фронте. Генерал-лейтенант Ф.Г. Катков, Герой Советского Союза, в первые дни войны руководил штабом 8-го механизированного корпуса, затем был заместителем командира 3-го гвардейского Сталинградского механизированного корпуса, в составе которого участвовал в Курской битве и в боях за освобождение левобережной Украины. Генерал-майор Г.А. Криволапов, Герой Советского Союза, командовал 263-й, затем 25-й Чапаевской стрелковой дивизией на первом и втором Украинском фронтах. Он принимал непосредственное участие в освобождении от фашистских захватчиков Украины, Молдавии. Впос-

ледствии Г.А. Криволапову доверили командование 110-й гвардейской стрелковой дивизией при разгроме квантунской армии. Уроженцы Южного Зауралья, генералы, Герои Советского Союза Г.Ф. Тарасов, А.Я. Киселев, И.А. Ослоповский внесли свой вклад в разгром врага, исполняя возложенные на них обязанности на различных постах в РККА [12]. В этой связи заслуживают внимания сведения, хранящиеся в фондах Курганского областного краеведческого музея, касающиеся военной судьбы Александра Яковлевича Киселева. Он родился в 1907 г. в селе Падеринском (ныне Кетовского района Курганской области) в семье крестьянина. После окончания начальной школы работал в хозяйстве родителей, а когда ему исполнилось 17 лет, ушел добровольцем в Красную Армию. В 1936 г. окончил Военную Академию имени М.В. Фрунзе. До начала Великой Отечественной войны полковник А.Я. Киселев служил в пограничных войсках.

В первый же военный год ему было присвоено звание генерал-майора. Осенью 1942 г. генерал-майор А.Я. Киселев получил задание ставки ВГК в г. Новосибирске сформировать и возглавить 140-ю Сибирскую стрелковую дивизию. В феврале 1943 г. дивизия убыла на фронт, участвовала в боях у города Ельца, в июле 1943 г. на Курской дуге приняла на себя удар противника. Но ни натиск пяти отборных вражеских дивизий, ни авиационные бомбы, ни яростные атаки сотен гитлеровских танков не могли сломить волю и упорство воинов. В очень сложной обстановке генерал-майор А.Я. Киселев умело руководил полками, 16 сентября 1943 г. дивизия овладела г. Новгород-Северским. В тот же день вечером московское радио передало приказ Верховного Главнокомандующего об объявлении благодарности личному составу 140-й Сибирской стрелковой дивизии и присвоении ей наименования Новгород-Северской. Многие солдаты и офицеры получили боевые ордена и медали. Орденом Суворова был награжден и комдив А.Я. Киселев. При форсировании реки Одер в январе 1945 г. А.Я. Киселев пал смертью храбрых. Указом ПВС СССР от 23 июля 1945 г. генерал-майору А.Я. Киселеву посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Ранее он был награжден тремя орденами Красного Знамени, Суворова II степени, двумя орденами Красной Звезды и многими медалями. В Курганском краеведческом музее хранится оригинал письма Михаила Ивановича Калинина генерал-майору А.Я. Киселеву, в котором говорится: «Не имея возможности лично вручить Вам, Орден Суворова II степени, которым Вы награждены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 сентября 1943

года, посылаю Вам его с настоящим письмом. Поздравляю Вас с заслуженной наградой и шлю пожелания дальнейших успехов в Вашей боевой деятельности и личной жизни» [13].

Осенью 1941 г. в одном из боев на Ленинградском фронте прославился механик–водитель танка И.С. Кудрин, родом из деревни Колупаевка Юргамышского района. Весь экипаж танка погиб. Пять дней раненый боец И.С. Кудрин вел неравный бой, пока не подошла помощь. За этот бой ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Он первым из зауральцев – участников Великой Отечественной войны в 1941 г. удостоился этого звания [14].

В июне 1941 г. на направлении наступления группы армий «Центр» встали защитники Брестской крепости, на уничтожение которой немцы выделили три дивизии. В числе защищавших Брестскую крепость находились пограничники – зауральцы. Удалось установить только пять имен. Все они – К.П. Гилев, В.К. Уфимцев, И.С. Вохминцев, К.С. Вахрушев, В.К. Калугин погибли 22 – 23 июня 1941 г. Останки и оружие наших земляков нашли поисковики в 1969 г. при раскопках Белого дворца легендарной Брестской крепости [15].

Зауральцы воевали на Центральном, 1 – 3 Белорусском, 1 – 4 Украинском, 1 – 3 Прибалтийском, Карельском, Волховском, Ленинградском, Западном, Северо–Западном, Смоленском, Брянском, Калининском, Воронежском, Южном, Степном, Сталинградском, Донском, Северо–Кавказском, Дальневосточном фронтах во всех видах и родах армии и флота.

Примечания:

1. Пундани В.В. Война и Зауралье // Наука и образование Зауралья, 2000, № 2, с. 6.
2. Пушкарев М.А. Общественно–политическое движение в Южном Зауралье при капитализме (1861–февраль 1917 гг.) Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Курган, 2000, с. 21–22.
3. Курганские хроники. Курган, 2002, с. 131.
4. Там же, с. 205.
5. Жулева М.С. История повседневности жителей г. Кургана в 1929 – 1941 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Курган, 2004, с. 16–17.
6. ГАОПДКО, ф. 10, оп. 5, д. 1, л. 2.
7. Пундани В.В. Война в Зауралье // Наука и образование Зауралья, 2000, № 2, с. 6.
8. Ветер перемен. Курган, 2003. С. 7.
9. Курганская область. Курган, 1993. С. 65.
10. Уроки командарма // Красная Звезда. 1985, 17 ноября.
11. Золотое созвездие Зауралья. Курган, С. 12–38.
12. Курганская партийная организация в Великой Отечественной войне 1941–1945. Челябинск, 1975. С. 149–151.

13. Курганский областной краеведческий музей, ф. 35, оп. 1, д. 4, л. 27.
14. Пундани В.В. Война и Зауралье // Наука и образование Зауралья. 2000. № 2. С. 4–13.
15. Сергеев Е.С. Подвиг пограничников–зауральцев бессмертен // Историческое значение Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Курган, 2005. С. 36–38.

Кусков С. А. (г. Челябинск)

ВОЕННО-МОБИЛИЗАЦИОННАЯ РАБОТА В Г. ЧЕЛЯБИНСКЕ В ПРЕДДВЕРИИ ДВУХ МИРОВЫХ ВОЙН

Многие процессы, связанные с трансформациями русского общества, оказались оттенены революционными событиями и гражданской войной. В силу этого обстоятельства некоторые исторические факты и явления «сталинской России» довоенной и военной поры, как например военно-мобилизационная работа, представляются уникальными, слабо связанными с предыдущей эпохой¹.

Под военно-мобилизационной работой понимается система государственных мер по обеспечению развёртывания войск на штаты военного времени. В условиях массовой призывной армии значение тыла в качестве источника материальных резервов имеет определяющее значение. В широком смысле военно-мобилизационная работа включает в себя так же меры по приспособлению коммунального хозяйства, промышленности, сельского хозяйства, здравоохранения, науки к потребностям обороны.

Ограниченность хронологических и территориальных рамок данного исследования не позволяет сколько-нибудь подробно рассмотреть всю систему военного планирования в Российской империи. Однако следует указать на тот факт, что русскую армию готовили к короткой военной кампании длительностью не более полугода не в силу косности и ограниченности мышления военно-политического руководства империи. Военно-промышленный потенциал вероятного противника – Германии, уязвимый к ввозу стратегически важного сырья, не позволял ей воевать долго. В тот период не мог быть учтён фактор научно-технического потенциала Германии, который и позволил ей устоять в кольце врагов до ноября 1918 года. В затянувшейся войне оружие победителей было выковано во время сражений. Имеющегося российского военно-промышленного потенциала хватало на короткую кампа-

нию². Масштабный, но краткосрочный конфликт империя могла выдержать без социальных реформ и революционного взрыва. Но жизнь опровергла планы всех стран-участников Первой мировой войны.

Представление о грядущей войне как молниеносной кампании ограничивало круг военно-мобилизационных мер лишь обеспечением военного призыва, обучения, экипировки, материально-бытового обслуживания ратников. А все иные аспекты жизни тылового города в военно-мобилизационных планах затрагивались мало. Напротив, накануне Великой Отечественной войны мобилизационным планированием было охвачено всё народное хозяйство целиком, включая социально-культурную сферу. Тем не менее, за фактическое политическое и экономическое поражение России в Первой мировой войне военно-мобилизационные органы нижнего уездного и городского звена ответственности не несут. Опыт первой всеобщей мобилизации, в том числе и негативный, был учтён накануне Великой Отечественной войны. Теперь страна готовилась к долгой борьбе с коалицией империалистических держав. При этом не исключалась вероятность полной дипломатической и экономической изоляции.

Челябинск и его уезд в начале XX века был экономическим и военным пунктом глубокого тыла. Его стратегическое значение определялось местоположением на Транссибирской магистрали, хорошим транспортным сообщением с другими уездами Южного Зауралья, быстро растущим населением и промышленностью. В русско-японской войне 1904–1905 годов Челябинск превратился в крупнейший гарнизон и госпитальный центр. В будущей войне ему отводилась менее значимая роль важного, но периферийного тылового пункта, источника маршевых пополнений, транспортного и экономического центра аграрно-индустриальной округи³.

Военно-мобилизационная работа в городе курировалась Оренбургским губернатором и Оренбургским губернским по военным делам присутствием. Непосредственную работу по проведению военно-мобилизационной работы в Челябинске вели Челябинское уездное по военным делам присутствие и Челябинская городская управа. В 1910 году императором было утверждено новое мобилизационное расписание, которое летом 1914 года оставалось действующим. Задачи городских властей согласно расписанию ограничивались отводом помещений для расквартирования воинских частей, выделением хлебопекарен, бань, снабжением воинских частей дровами, организацией постоя, обеспечением хозяйственным инвентарём⁴.

Главным мероприятием в мобилизационный период должен был стать военный призыв. Согласно плану в мобилизационный период из Челябинска и уезда следовало призвать и направить в распоряжение Генерального штаба 9147 чинов запаса (в том числе 40 офицеров) и 743 лошади. С учётом возможного отсева по состоянию здоровья на Челябинский сборный пункт должны были явиться 40 офицеров и 12269 нижних чинов. Челябинскому гарнизону требовались кухни, способные накормить 4200 человек и хлебопекарни. На территории городских казарм должен были быть размещены сборный пункт, кабинеты медицинской комиссии, гауптвахта. Для медицинского обеспечения воинских контингентов предполагалось расширение городской больницы на 50 коек⁵.

На станцию Челябинск должны были следовать на подводах маршевые команды из соседних уездов. Городская управа получала сведения о графике прохода маршевых команд в мобилизационный период. Для отдыха солдат требовалось выделить помещения вблизи вокзала⁶.

После призыва военнослужащим предстояло обучение в запасных батальонах и полках. Таким образом, Челябинская городская управа должна была решить задачу обеспечения жильём более 12 тыс. военных чинов, что для шестидесятитысячного города оказалось непростым. В Челябинске почти не имелось больших построек, способных вместить столь большое количество мобилизованных хотя бы повзводно. Поэтому был составлен список частных домовладений, предназначенных для размещения нижних чинов в порядке постоя⁷.

Как-то иначе решить задачу городская управа не могла. Так, например, летом 1911 года 196-й пехотный Инсарский полк дислоцировался в Челябинске и Миасском Заводе Троицкого уезда. После пожара в Миасском заводе 5-я рота этого полка была передислоцирована в Челябинские строящиеся городские казармы. За неимением других помещений роту разместили за счёт уплотнения других рот этого полка. В сентябре 1911 года 5-ю роту понадобилось разместить в другом помещении обычным порядком. В итоге, расквартировать роту удалось только в обывательских квартирах по 3 человека в одном домохозяйстве. Проблема размещения чинов 196 пехотного Инсарского полка разрешалась по мере строительства казарм, которые к началу мобилизации так и не были полностью достроены⁸.

Нетрудно себе представить насколько уже с первых дней мобилизации переменилась повседневная жизнь челябинцев. Многие жите-

ли были призваны в армию, в дома определяли на постой солдат. Рост цен на предметы первой необходимости⁹. В течение первых недель войны резко увеличилась доля военных среди горожан. Ушедших на фронт следовало кем-то заменить. По крайней мере, в Челябинске перед войной эта проблема не поднималась. Накануне Второй мировой войне во всех советских организациях составлялись мобилизационные планы только для того, чтобы обеспечить замену всем ушедшим работникам. Оттого в конце 1930-х годов к руководящей работе были привлечены женщины. То есть, в мобилизационной работе применялись новые социальные технологии, ставшие ответом на тягости «империалистической» войны.

Накануне Первой мировой войны властями была использована только одна новая социальная технология – сухой закон. Ввиду невозможности хоть сколь-нибудь скоро изолировать призывников в казармах, массовое пьянство разрастающегося гарнизона могло привести к любым негативным результатам. Напомню, что в то время события первой русской революции в Челябинске связывались главным образом с распадом дисциплины и пьянством солдат на линии транзита.

196-й пехотный Инсарский полк, находившийся в составе Челябинского гарнизона в 1910–1914 годах, был первоочередной воинской частью. То есть, на момент объявления мобилизации полк уже был боеспособным. После отправки полка на фронт группе офицеров, оставшихся в Челябинске, предстояло развернуть 336-й пехотный запасной полк и 109-й запасной батальон. Эти части в перспективе тоже нуждались в казармах. Поэтому командование 196-го пехотного Инсарского полка добивалось от городских властей выделения для упомянутых запасных частей общественных помещений, позволяющих изолировать нижних чинов и вести интенсивную военную учёбу. Во время работы проверочных комиссий (проверка наличия ресурсов, необходимых для выполнения мобилизационного плана) в феврале 1914 года «выяснилось», что задания учебных заведений Челябинска пока не задействованы в мобилизационной работе¹⁰.

Поэтому для нужд запасных частей городская управа выделила здания городских начальных училищ: 1-е мужское училище (на углу ул. Степной и Никольской), 1-е женское, 4-е мужское, 5-е женское (на мельнице бывш. Петрова и Полякова), 3-е мужское (на ул. Уфимской), 1-е смешанное, 3-е женское (на Ивановской ул.), 4-е женское училище (по ул. Ивановской в доме бывшего Детского приюта). Для

запасных чинов 196-го пехотного Инсарского полка были выделены 2-е мужское училище (на углу ул. Преображенской и Уральской), 2-е женское училище (Северный бульвар), 5-е мужское училище (на ул. Екатеринбургской), 2-е смешанное училище (в Пригородной слободе)¹¹.

Передача всех указанных помещений на период мобилизации в военное ведомство могла пройти почти безболезненно, так как война началась во время летних каникул. Однако указанные помещения предназначались для длительного использования частями Челябинского гарнизона, что означало полную ликвидацию системы начального школьного образования в городе. Городское самоуправление полностью реализовать эти меры не могло. Вероятно, в ходе обеспечения нормальной работы частей Челябинского гарнизона был осуществлено распределение нагрузки на всю социально-культурную сферу. В целом, несмотря на ухудшение условий, учреждения образования, здравоохранения культуры продолжали работу в период Первой мировой войны¹².

В ходе внедрения нового расписания 1910 года в Челябинске была активизирована военно-мобилизационная работа. В осуществление мобилизационных мероприятий накануне войны был вовлечён ограниченный круг лиц, прежде всего технических специалистов. Хотя комплекс доступных по теме источников не полон, высокая степень детализации имевшихся планов Челябинской городской управы по снабжению гарнизона хозяйственным инвентарём, продовольствием, дровами и прочим не должна нас вводить в заблуждение. В планировании работы тыловых частей имелись существенные недочёты, так как фактическая потребность в ресурсах челябинского гарнизона оказалась выше запланированного. В целом, подготовленный задел позволил удовлетворительно решать проблемы повышения обороноспособности в первые три недели с момента объявления всеобщей мобилизации. То есть, поставленные задачи были решены.

В советский период наличие мобилизационных планов по городу Челябинску прослеживается с конца 1920-х годов. Помимо организации призыва наибольшие усилия городских властей требовало поддержание в надлежащих условиях объектов коммунальной инфраструктуры. Значительное количество зданий, построенных в 1930-х годах, были двойного назначения. Рост числа общественных зданий позволило полностью отказаться от постоя. Хотя переселения и уплотнения в годы Великой Отечественной войны практиковались очень

широко. В 1940 году к военно-мобилизационной работе были привлечены и райисполкомы. Таким образом, сложилась трёхуровневая система мобилизационного планирования: городской, районный, предприятия или организации. Мобилизационное планирование имело комплексный характер и охватывало три основных направления деятельности. 1. Обеспечение нормальной работы коммунальных служб в условиях войны. На уровне предприятий основным стал вопрос обеспечения минимума сил и средств для бесперебойной работы городских служб в условиях мобилизации и возможных бомбардировок. 2. Организация служб гражданской обороны. 3. Содействие Челябинскому гарнизону в организации мобилизационного развёртывания войск¹³.

В ходе Великой Отечественной войны мобилизационные планы были выполнены и перевыполнены. В целом, возможности городских властей оказались значительнее, чем в Первой мировой войне. Важным отличием стало более ясное понимание угроз, соответствие мобпланов масштабам войны. Главным мероприятием по подготовке города к войне стало массовое капитальное промышленное, коммунальное и жилищное строительство, так как появились ресурсы, которые стало возможно передавать в военное ведомство.

Мобилизационные ресурсы Челябинска были широко задействованы в нескольких крупномасштабных вооружённых конфликтах XX века. Одним из важных направлений деятельности властей г. Челябинска являлось участие в военно-мобилизационном планировании. Итоги двух войн показывают, что возможности мобилизации зависят от масштабов приготовительных работ и возможности воспроизводства социальных ресурсов. А экономия на коммунальном строительстве или наоборот, погоня за проектами внешне эффективных, но малоустойчивых к неблагоприятным факторам объектов – представляется подрывом обороноспособности страны.

Примечания:

¹ Козенко Б. Д. Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 3–27.

² Большая Советская Энциклопедия. Т. 44 «Пализа – перемычка». – М.: Государственный институт «Советская энциклопедия», 1939. – С. 556, 660.

³ Первая мировая война // Челябинская область: энциклопедия. Т. 5 «П–Се». – Челябинск: «Каменный пояс», 2006. – С. 92–94.

⁴ ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 1037. Л. 7, 324–326; Д. 1172. Л. 1.

⁵ ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 1037. Л. 147, 148; Д. 1172. Л. 3.

⁶ ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 1037. Л. 151–174.

⁷ ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 1037. Л. 21-140.

⁸ ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 1065. Л. 1, 3.

⁹ Очерки истории Челябинской области. Часть I. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1991. С. 169; Турова Е. П. Год 1914. Война. Челябинск и челябинцы. Челябинск неизвестный: Краеведческий сборник. Вып. 1. – Челябинск: Центр историко-культурного наследия г. Челябинска, 1996. – С. 84.

¹⁰ Сто девяносто шестой пехотный Инсарский полк // Челябинская область: энциклопедия. Т. 6. «Си–Ф». – Челябинск: Каменный пояс, 2006. – С. 285.

¹¹ ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 1037. Л. 293

¹² Рушанин В. Я. Первая мировая война и культура Урала. Исторические чтения: материалы науч. конф. «Культура Урала. XX век». – Челябинск: [б. и.], 2007. – С. 64–68.

¹³ Кусков С. А. Военно-мобилизационная работа местных Советов Челябинской области в 1928–1941 годах по документам, хранящимся в ОГАЧО // Материалы четвертой региональной музейной конференции «Гороховские чтения». Челябинск: Челябинский государственный краеведческий музей, 2013. С. 264-269.

Паршуков В. А. (г. Ульяновск)

К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ОРЕНБУРГСКИХ И ЕНИСЕЙСКИХ КАЗАКОВ

Между казачьими войсками России традиционно существовали военные, хозяйственные, культурные и другие связи. Во время войн и вооруженных конфликтов казаки разных казачьих войск в составе своих сотен и полков, рука об руку, «стремя к стремени» воевали на одних фронтах. В казачьих военных училищах и кадетских корпусах вместе обучались молодые казаки из разных казачьих регионов. На Больших кругах и съездах, как правило, присутствовали в качестве гостей, казаки соседних территорий. Представители всех казачьих войск Российской империи входили в Совет Союза казачьих войск, а так же участвовали в общеказачьих съездах, где обсуждали наболевшие вопросы и обменивались опытом.

Несмотря на дальность расстояния, взаимные связи и контакты существовали между казаками Оренбуржья и казаками с Енисея.

Согласно положения о Союзе казачьих войск, образованном в 1917 году, его делами в перерывах между Всероссийскими съездами, ведал Совет Союза казачьих войск. Этот орган состоял из 38 казаков, избранных на три года от всех войск на Всероссийском казачьем круге (съезде). От Оренбургского казачьего войска в Совет Союза входило 4 представителя, а от немногочисленного Енисейского казачьего войска – один человек¹.

Председателем Совета Союза казачьих войск был избран оренбуржец войсковой старшина Александр Ильич Дутов. Кроме него от Оренбургского казачьего войска в Совет входили А.Ф. Пономарев, войсковой старшина Н.С. Анисимов и казак 16-го Оренбургского казачьего полка И.Е. Соколов². От Енисейского казачьего войска членом Совета был урядник И.С. Макридин. Еще один казак с Енисея – И.Л. Лукин представлял в Совете Красноярское казачье войско, которое так и не было сформировано, а его казаки, фактически состоящие из станицы Красноярской, позже вошли в Енисейское казачье войско.

Как члены Совета Союза казачьих войск оренбургские и енисейские казаки решали многочисленные вопросы в рамках своих полномочий.

В ведении Совета Союза казачьих войск было исполнение постановлений и распоряжений Всероссийского казачьего круга, составление сметы Совета и отчетов о финансовой и общей деятельности, подготовка к кругу докладов и предложений, установление денежной взаимопомощи между казачьими войсками в целях удовлетворения потребностей войск, а так же заключение займов на нужды казачьих войск.

Кроме того, представители казачьих войск, входившие в высший казачий орган, осуществляли «всякого рода сношения по делам Союза с правительственными, общественными и частными учреждениями и лицами», разрабатывали законопроекты, касающиеся казачьих войск, осуществляли контроль законности мобилизации и призыва казаков³.

Газета енисейских казаков «Вестник енисейского казачества» общала в нескольких номерах подробности антиправительственного выступления генерала Корнилова, известного как «корниловский мятеж», от самого начала когда «растерянность и неопределенность, царили в Зимнем дворце», и до того как было объявлено, что «восстание ликвидировано». В поддержке Корнилова был обвинен и войсковой атаман Донского казачьего войска генерал Каледин, на арест которого было отдано распоряжение Временного правительства. На собраниях казаков и офицеров, а также на казачьем круге донские казаки высказались за полное доверие Каледину и выразили протест по поводу провокационных выступлений против него.

Не остался в стороне и Совет Союза казачьих войск, представители которого были вызваны к Керенскому и «имели с премьером про-

должительную беседу», на котором глава Правительства потребовал «дать немедленное и жестокое осуждение генералам Корнилову и Каледину и назвать их мятежниками и изменниками Родины».

Покинув Зимний Дворец, члены президиума на экстренном заседании постановили обратиться к А. Ф. Керенскому с письмом, которое подписали представители казачьих войск. Вот выдержки из этого письма: «Первое обращение Совета в лице Председателя Дутова, атамана Терского казачьего войска Караулова и есаула Аникеева за разъяснением событий и принятием на себя посредничества не привело ни к чему. Вы обещали послать эту делегацию к генералу Корнилову, а потом отменили свое обещание. Мы обратились с просьбой послать делегацию в Уссурийскую казачью, Туземную конную, в Донскую казачью и Кавказскую казачью дивизии, дабы предотвратить братоубийственное столкновение и осветить обстановку. Вы нам обещали, но разрешение не дали. Теперь же, когда на Дону начались неурядицы, и это грозит голодом и отсутствием угля, вы вновь обращаетесь к нам за помощью, но уже в резкой ультимативной форме, почти с угрозами от нас требуют заявление и как бы суда над генералами Корниловым и Калединым. Мы не судьи, а представители всех 12 казачьих войск, в списках коих состоят генерал Корнилов и генерал Каледин, а потому осуждать их не можем, не узнав всех подробностей. Как же мы, казаки, можем заклеить боевых сынов казачества столь позорным именем без суда и следствия?»

Разве вам недостаточно, господин Министр-Председатель, заявления в нашем воззвании о полном подчинении Временному правительству?»⁴.

Этот ответ Совета Союза казачьих войск Керенскому «было решено отправить не с офицерами, а исключительно с простыми казаками, чтобы тем самым наглядно продемонстрировать Керенскому, что это решение трудового казачества. Зачитать ответ должен был П.А. Авдеев – бас Кубанского казачьего хора». В делегацию из девяти членов Совета Союза вошли оренбуржец И.Е. Соколов, енисейцы И.С. Макридин и И.Л. Лукин. «Делегаты прибыли во дворец около 23–24 часов и были приняты министром-председателем. После того как Авдеев зачитал письмо, Керенский попросил забрать бумагу обратно, но казаки отказались. «Тем хуже для Вас, за последствия я не ручаюсь», – была последняя фраза Керенского»⁵.

Во время пребывания в Совете Союза казачьих войск между его Председателем А.И. Дутовым, другими оренбургскими казаками с

одной стороны и енисейскими казаками, входящими в этот орган завязались крепкие дружеские отношения. Для недавно образованного Енисейского казачьего войска, помощь казаков из Оренбургского казачьего войска, имеющего давние традиции, была просто необходима.

Не случайно, несколькими месяцами позже, уже при большевиках, когда встал вопрос самого существования енисейского казачества, помня прежние связи, казаки с Енисея обратились за помощью именно к оренбуржцам. Но об этом речь пойдет несколько позже.

После того, как большевики захватили власть в Петрограде, туда был направлен 3-й Конный корпус под командованием генерал-майора П.Н. Краснова. Эти события известны как «мятеж Керенского – Краснова».

В нем участвовали казаки разных войск, в том числе и енисейские казаки, «как элемент надежный, не революционизированный», входившие в сотню конвоя командующего корпусом генерал-майора П.Н. Краснова, а так же оренбургская сотня Лейб-гвардии сводного казачьего полка.

Сохранились воспоминания очевидцев атаки оренбургских казаков и пришедших им на помощь енисейцев.

Во время боя на подступах к Петрограду у села Пулково было несколько ярких моментов.

Полковник Смирнов Я. Я.: «Генерал Краснов объяснил боевую задачу и призвал всех к исполнению долга. Корпус, двигаясь в одной колонне, должен был прорваться у с. Пулково и, не задерживаясь, форсированным маршем двигаться на Петроград...»⁶.

Генерал Краснов П. Н.: «С окраины дер. Редкое Кузьмино, где залегли казаки, позиция противника и вся местность до Петрограда видны отлично...

Все склоны Пулковской горы изрыты окопами и черны от красной гвардии. Даже на глаз можно сказать, что там не менее пяти, шести тысяч... В бинокль видно, что это не солдаты. Цепи двух видов. Одни в черных штатских пальто... это — красная гвардия. Другие, одетые в черные, короткие бушлаты, наступают, соблюдая строгое равенство, быстро залегают, применяясь к местности, это — матросы. Красная гвардия — в центре, на Пулковской горе, матросы — по флангам»⁷.

«Бой начался выходом из малого Пулкова красного броневедомо-биля, который добит двумя выстрелами гвардейских артиллеристов.

После нескольких выстрелов по Мал. Пулково, оттуда в беспорядке, врассыпную, стали разбегаться около 1000 красноармейцев...»⁸.

В отряд Краснова кроме донских, уссурийских, амурских, иркутских и енисейских казаков входила запасная сотня оренбургских казаков из состава

Лейб-гвардии сводного казачьего полка. Сотней оренбуржцев командовал совсем еще молодой подьесаул. Казаки этой сотни вооружены были одними пашками, не имели винтовок, поэтому какое-то время бездействовали. В один из моментов боя, не выдержав томительного ожидания, молодой командир оренбуржцев, не дождавшись приказа, повел свою сотню в атаку на деревню Сузи.

Краснов П. Н.: «Мы все вышли из-за домов следить за нею. Казалось, что вот-вот она достигнет своей цели и — кто знает — потрясет противника. Правее Сузи, вне поля атаки, целые толпы черных фигур в беспорядке кинулись бежать. Но это были красногвардейцы. Матросы стойко оставались на местах. Донцы-пулеметчики бегом побежали вперед, чтобы пулеметным огнем помочь атакующей части...»⁹.

На поддержку оренбургской сотни наметом пошли енисейские казаки, удлинившие цепь слева¹⁰.

«Но казаки наткнулись на болотную канаву. Лошади стали вязнуть, и атака остановилась. Еще секунда напряженного волнения. Видно, как под выстрелами, едва не в упор, падают люди. Командир сотни убит... Освободившиеся от всадников лошади, задравши хвосты, метались вдоль фронта и падали, сраженные пулями матросов...»¹¹. Около них, не желая оставлять врагам тела товарищей, рассыпались казаки.

«Потери оренбургской сотни были не так велики, как того можно было ожидать. Убит командир сотни и около 18 казаков было ранено, да погибло до сорока лошадей, но морально эта неудачная атака была очень невыгодна для нас. Она показала стойкость матросов. А матросы численно более, нежели в 10 раз, превосходили нас. Как же было бороться при таких условиях?»¹².

Как известно из истории, казаки Петроград не взяли и не спасли Россию от большевиков. У них не было достаточно сил. К ним никто не присоединился. Они были одиноки и преданы теми, кто обещал им помощь. После боев, во время переговоров, матросы требовали от казаков выдачи Керенского, а казаки всерьез обсуждали вопрос обмена его на Ленина¹³.

В России, охваченной солдатскими беспорядками, анархией и разгулом толпы, оставались еще люди, верные своему воинскому долгу,

присяге и среди них — оренбургские и енисейские казаки. Они вошли в историю в числе других казаков 3-го Конного корпуса и были первыми, кто попытался вооруженной силой захватить Петроград и свергнуть провозглашенную в России путем переворота власть большевиков.

Офицерами в енисейской сотне конвоя командующего 3-го Конного корпуса были есаул П.Ф. Коршунов, хорунжие В. И Розанов и А. Н. Тялшинский. К сожалению не известно имя героя — офицера, командовавшего запасной сотней оренбургских казаков.

После прихода к власти большевиков на территориях казачьих войск возникло антибольшевистское сопротивление. Казаки практически повсеместно не признавали новую власть.

В конце 1917 года Енисейский губисполком принял решение о демобилизации и разоружении енисейских казаков служивших в Красноярском казачьем дивизионе, а так же о роспуске Войскового совета казачьего войска.

«Не признавая Советской власти, как не отвечающей воле всего народа» Войсковое правление Енисейского казачьего войска (ЕКВ) и Совет дивизиона обратились с воззванием к населению Енисейской губернии, в котором были указаны требования к губисполкому. Среди них «полное невмешательство в жизнь казачества с сохранением за ним права устраиваться и жить согласно постановлениям двух съездов войска и выработанного ими закона», гарантия имущественной и личной безопасности граждан и казаков, вывод из Красноярска «введенные из других мест Красногвардейские отряды»¹⁴. В случае невыполнения предъявленных условий атаман Сотников оставлял за собой право объявить всеобщую мобилизацию Енисейского казачьего войска.

На собрании Членов Войскового Правительства ЕКВ и Совета Красноярского казачьего дивизиона было принято решение: «покинуть на время город, щадя кровь неповинных безоружных граждан...»¹⁵.

Ночью 17-го января казачий дивизион ушел из Красноярска, оставив несколько казаков для охраны имущества, и направился в село Торгашино.

По воспоминаниям находящегося в эмиграции енисейского казака И.К. Окулича «Совет рабочих и солдатских депутатов» в Красноярске имел за собой «два запасных стрелковых полка», кроме того вооружил около 900 человек уголовников Ачинской тюрьмы¹⁶. Силы были неравными.

В этих условиях атаман А.А. Сотников и Правление ЕКВ обратились к атаману Оренбургского казачьего войска А.И. Дутову с просьбой о помощи. С письмом от Енисейского казачьего войска к нему была направлена делегация из офицеров¹⁷.

К сожалению не известны подробности пребывания енисейских казаков в Оренбургском казачьем войске и то, когда они вернулись обратно в Енисейскую губернию. Известно только, что атаман Дутов в это время принимал к себе в войско немало офицеров¹⁸, возможно, что енисейцы некоторое время служили в ОКВ.

Что же касается помощи, за которой они обратились к оренбуржцам, то в начале 1918 года, в отличие от Енисейской губернии, на территории Оренбургского казачьего войска уже шли бои с большевиками, поэтому на какую-либо помощь рассчитывать не приходилось. Это воочию увидели делегаты от ЕКВ. Уже 18 января 1918 года в Оренбург вступили красногвардейцы¹⁹.

Во время Гражданской войны в 1-м Енисейском казачьем полку служили офицеры из числа хакасов подьесаул Г.М. Тудояков, уроженец Аскизской волости и прапорщик Н.П. Добранов²⁰. Во время Первой мировой войны они окончили Оренбургское казачье училище²¹.

В этом же училище обучались другие енисейские казаки. Так на основании личного приказа атамана ЕКВ А.Н. Тялшинского, в июне 1919 г. казак нестроевой команды 1-го Енисейского казачьего полка Анищенко Михаил был направлен на учебу в Оренбургское военное училище, которое к тому времени было переведено в город Иркутск²².

В приказе по 1-му Енисейскому казачьему полку в конце мая 1919 г. была оглашена телеграмма Александра Ильича Дутова, поступившая в Енисейское казачье войско: «Объявить казакам для сведения. ...В силу указа Верховного Правителя 23 сего мая я вступил в должность Походного атамана всех казачьих войск и генерал-инспектора кавалерии Русской армии. Походный атаман, генерального штаба генерал-лейтенант Дутов»²³.

Генерал-лейтенант А.И. Дутов, отправившийся с инспекторской поездкой по казачьим войскам, 11 июня 1919 г. посетил Енисейское казачье войско. В Красноярске его встречали атаман ЕКВ полковник Алексей Никанорович Тялшинский, члены правления, казаки и офицеры войска. Почетным караулом командовал хорунжий 1-го Енисейского казачьего полка Иван Романович Белогрудов. «За отличное представление почетного караула Походному атаману», выше назван-

ный офицер-орденоносец получил благодарность от временно командующего полком есаула Муратова²⁴.

Другой бывший офицер 1-го Енисейского казачьего полка есаул Лейбург Александр Юрьевич во время Гражданской войны успел послужить в казачьих частях Енисейского, так и Оренбургского казачьего войска.

На август 1918 г. подъесаул Лейбург служил младшим офицером пулеметной команды 1-го Енисейского казачьего полка. Позже был назначен командиром этой команды²⁵. Во время крестьянского Минусинского восстания в конце 1918 г. он находился в Минусинске и участвовал в подавлении этого мятежа в составе 1-го Енисейского казачьего полка. На январь 1919 г. А.Ю. Лейбург был уже в чине есаула. Последнее упоминание его в списках полка было в январе 1919 г.: «есаулу Лейбургу аванс в счет жалования за январь – 60 руб. 35 коп.»²⁶.

В 1919 году Александр Юрьевич был направлен в город Томск на курсы 4 очереди младшего класса Академии Генерального штаба. После окончания, которых он служил старшим адъютантом пластунской Оренбургской казачьей дивизии, а с лета 1919 г. – начальником этой дивизии. В конце 1919 года Генерального штаба полковник Лейбург участвовал в Голодном походе Оренбургской армии²⁷.

В данной работе автором были затронуты некоторые аспекты взаимоотношений между казачьими войсками двух регионов и их представителями в военные годы. Несмотря на это, тема контактов оренбургских и енисейских казаков, а так же их совместной деятельности в различных органах остается по-прежнему малоизученной.

Примечания:

¹ Вестник Енисейского Казачества. Красноярск. 1917. 18 августа.

² Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. С. 80.

³ Вестник Енисейского Казачества. Красноярск. 1917. 18 августа.

⁴ Вестник Енисейского Казачества. Красноярск. 1917. 19 сентября.

⁵ Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. С. 98.

⁶ Смирнов Я. Я. О первых боях с большевиками // Енисейские казаки. Их историческое прошлое, быт и служба: По материалам, собранным членом Войскового правления К. И. Лаврентьевым / Составил Н. Н. Князев. Харбин: Издание Енисейской Зарубежной казачьей станицы, 1940. С. 153.

⁷ Краснов П. Н. На внутреннем фронте // Архив русской революции. Т. 1. Берлин, 1921. С. 166.

⁸ Смирнов Я. Я. Указ. соч. С. 153.

⁹ Краснов П. Н. Указ. соч. С. 167-168.

¹⁰ Смирнов Я. Я. Указ. соч. С. 154.

¹¹ Краснов П. Н. Указ. соч. С. 167-168.

¹² Краснов П. Н. Указ. соч. С. 168.

¹³ Паршуков В. На Петроград! Или о том, как енисейские казаки пытались спасти Россию от большевиков, захвативших власть в столице // Сибирский исторический альманах. - Красноярск, 2012. - Т. 2: Сибирь на переломе эпох. Начало XX века. С. 117.

¹⁴ Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. 1754. Оп. 1. Д. 77. Л. 40, 40 об.

¹⁵ Там же. Л. 40.

¹⁶ Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Paris, France, Издание «Казачьего союза», 1928. С. 237-238.

¹⁷ ГАКК. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 77. Л. 54.

¹⁸ Ганин А.В. Указ. соч. С. 119.

¹⁹ Футорянский Л.И. Из истории формирования белых и красных частей на Южном Урале (ноябрь 1917 – ноябрь 1918) // Оренбургскому краю 250 лет. Материалы юбилейной научной конференции посвященной 250-летию Оренбургской губернии и 60-летию Оренбургской области. Оренбург. 1994. С. 11.

²⁰ Российский Государственный Военный архив (далее – РГВА). Ф. 39515. Оп. 1. Д. 9. Л.Л. 76, 90.

²¹ В.Я. Бутанаев, Б.Я. Индыгашев Хакасский элемент в истории енисейского казачества // Вестник Хакас, гос. ун-та. - Вып.2. Сер.3. История. Право. - Абакан: Изд-во Хакас, гос. ун-та, 2002. С. 21; Станица Москва. 1999, октябрь. С. 19.

²² РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 9. Л.193.

²³ Там же. Л.134.

²⁴ Там же. Л.179.

²⁵ Там же. Л.69.

²⁶ Там же. Л.105.

²⁷ Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891-1945. Биографический справочник. М.: Русский путь, 2007. С. 326.

Сидорова В. А. (г. Оренбург)

ТЕХНИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО ТРУДЯЩИХСЯ – ЧКАЛОВЦЕВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

Вероломное нападение фашистской Германии прервало мирный труд советских людей. В их жизнь ворвалась война. Над страной нависла смертельная опасность. С первых же часов агрессии коммунистическая партия и правительство сформировали неотложные задачи по разгрому врага: отрешиться от благодушия и беспечности мирного времени, мобилизовать силы и перестроить всю работу на военный лад, не знающий пощады врагу.

Катастрофическая ситуация на фронтах требовала от всех государственных, партийных и хозяйственных органов кардинальных из-

менений в системе управления, реорганизации структуры производства, использование всех резервов для быстрейшего налаживания выпуска военной продукции.

Одним из таких резервов стало техническое творчество трудящихся, движение рационализаторов и изобретателей, в ходе которого проявились лучшие качества наших соотечественников в условиях страшного напряжения физических и душевных сил.

Труженики тыла ощущали себя бойцами на своем рабочем месте. В производственных коллективах при огромном патриотическом подъеме родился почин «В труде – как в бою!».

Психологический настрой людей был таков, что каждое рационализаторское предложение по усовершенствованию производства. Направленное на увеличение производительности труда, снижение брака, экономию сырья и материалов, рассматривалось как удар по врагу. Ни одна минута драгоценного времени не должна была пропадать даром!

Началась упорная работа за быстрейший выпуск продукции, нужной фронту, за снижение её себестоимости, строжайшую экономию государственных средств и использование полной мощности оборудования. Каждый рабочий города и инженерно–технический персонал и колхозник считали своим гражданским долгом вносить предложения по рационализации производства. Лозунг «Всё для фронта, всё для Победы!» имел конкретное содержание, измерявшееся в рублях, тоннах, литрах, киловаттчасах и т.д.

С самого начала войны второе дыхание получили известные ещё в мирное время передовые методы стахановского труда. В 1940 г. на железнодорожном транспорте СССР зародилось лунинское движение. Оно получило название по фамилии машиниста из Новосибирска Николая Лунина, который предложил производить текущий ремонт паровозов, различных машин и станков своими силами, т.е. без привлечения ремонтных бригад. В условиях военного времени при острой нехватке квалифицированных кадров лунинский метод позволял сократить время простоя станков и двигателей, а значит свести до минимума потери выпуска продукции.

В Чкаловской области нашлись последователи метода Н.Лунина, и, конечно, прежде всего на железнодорожном транспорте. Только в первый месяц войны число «лунинцев» на Оренбургской железной дороге увеличилось более чем в три раза» (1).

Примечательно, что мобилизуя свои силы, в ходе ремонта, рабочие принимали неординарные решения. Так, мастер дорожных вагонно – ко-

лесных мастерских депо Оренбург Соколов предложил использовать старые забракованные каменные оси для формирования новых колесных пар другого типа. Это предложение давало 17 тыс. руб. экономии (2).

Лунинский метод труда расширял сферу специализации рабочих за счет овладения слесарным и токарным делом. Токарь механического цеха депо Оренбург К.А.Анищенко усовершенствовал станок за счёт особой скобы для расточки крейцкопфных подшипников.

Лунинские методы труда получили массовое распространение в других отраслях промышленности, а также в сельском хозяйстве области – на чкаловском заводе им.Кирова Бугурусланской котельной № 24, в Абдулинской МТС и др. Остановимся на некоторых примерах: в мастерских Переволоцкой МТС возникла угроза остановки ремонтных работ. Имеющийся 75-сильный двигатель требовал капитального ремонта. Но для его проведения не было соответствующей технической базы, а именно большого токарного станка. Старший механик А.Широков и мастер Н.Никифоров проявили техническую смекалку. В кратчайшие сроки составлены расчеты и приготовлены чертежи для приспособления расточки цилиндра. Остановка мастерских Переволоцкой МТС была предотвращена.3 Ещё пример. Ремонтруя своими силами машины, рабочие одной из электростанций Бузулукского отделения Оренбургской железной дороги изготовили распылители, которые раньше получали из – за рубежа (4).

Трудовым коллективам приходилось буквально каждый день решать технические задачи, не имевшие аналогов в международной практике: уплотнение рабочего дня, ремонт оборудования без остановки производства, утилизация промышленных отходов и др.

Каждый труженик, участвуя в техническом новаторстве, не торопился объявлять себя рационализатором, считая обычным делом проявлять смекалку и инициативу на рабочем месте. Так, в январе 1942 г. рабочий Медногорского медно – серного завода (МСЗ) Архипов увеличил производственное горение сварочного аппарата вдвое, изменив его конструкцию, но оформлять свое рацпредложение не торопился (5). И такой пример типичен. Каждый труженик тыла работал не покладая рук, решая по ходу дела массу задач по рациональной организации производства и повышению производительности труда. Каждый был без преувеличения героем, не считаясь ни со временем, ни с силами, ни с трудностями жизни и быта.

Для колхозников и рабочих совхозов главным смыслом стало увеличение производства зерна и других культур. С этой целью чкалов-

цы неустанно разрабатывали все новые и новые технические усовершенствования сельхозмашин. Например, в мастерской МТС им. Молотова по инициативе агронома Карпова в колхозе им. Чапаева сделали транспортер к молотилке для подачи снопов к барабану, а также блок для метания соломы в ометы. Результат: в ходе полевых работ были высвобождены 16 человек (6).

В период уборки урожая 1941 г. в области появились комбинированные сельхоз агрегаты, которые одновременно выполняли две операции – дискование почвы и сев, что позволило механизаторам перевыполнять норму сельхозработ в два раза (7). В Первомайской МТС Шарлыкского района механизаторы переоборудовали комбайны и убирали 35 га в день при норме 16 га. Экономия горючего составила 28%.

Часто приходилось, не откладывая на «потом», ежедневно искать и находить новые технические решения. В той же МТС для бесперебойной и высококачественной уборки засоренных хлебов заменили сита – решетки, увеличив каждое отверстие на 14 мм. Казалось бы, небольшое усовершенствование операции принесло свои плоды: зерно стало протряхиваться быстрее и шнеки больше не забивались (8).

Бесперебойная работа людей и машин по уборке и сдаче хлеба государству была обеспечена.

В своих усилиях увеличить урожайность сельхозкультур, снизить себестоимость обработки земли, рационально распределить нагрузку на каждого члена коллектива труженики села Чкаловской области организовали комплексные бригады по обслуживанию тракторов и комбайнов на время полевой страды.

Инициаторами выступили механизаторы Урало – Илекской МТС братья Александр и Архип Оськины. Это был своего рода вариант лунинского метода. Смысл заключался в том, что в течение полутора – двух месяцев посевной или уборочной одновременно с тракторными создавались и ремонтные бригады. Творчески используя разделение труда в поле братья Оськины во время уборки летом 1941 г. убрали пшеницы с площади более 8,5 тыс. га, сэкономив 1560 кг горючего (9). Документы убедительно свидетельствуют, что техническое творчество чкаловцев возникло по зову сердца, не дожидаясь директив и указаний сверху.

Но по мере налаживания военно – мобилизационной работы местных и эвакуированных предприятий складывалась система организации рационализаторства и изобретательства. При Чкаловском об-

лисполкоме был организован научно – технический комитет во главе с профессором Свиденко. На заводах создавались бюро по изобретательству и рационализаторству. Техническое творчество и его организация на предприятиях и в хозяйствах получило большую идеологическую поддержку. 2 августа 1941г. «Чкаловская коммуна» - орган обкома ВКП(б) – поместила передовую статью «Техническая пропаганда в годы войны». Газета призывала широко популяризовать работу рационализаторов. Директорам предприятий рекомендовалось окружить особым вниманием новаторов производства, а технические изобретения, достойные внимания, внедрять на практике

6 октября 1941 г. в Чкалове состоялось городское совещание, в котором приняли участие рабочие – стахановцы промышленных предприятий и железнодорожного узла города. Это важное мероприятие было приурочено к шестой годовщине стахановского движения. Лейтмотивом в выступлениях секретаря горкома ВКП(б) В.Серегина, и самих участников совещания была непоколебимая уверенность в нашей победе. Во имя этой великой цели, как отмечено в принятом обращении, необходимо: «обеспечить полное использование имеющегося оборудования, организовать работу по модернизации и приспособлению станков к производству новых изделий (военной продукции) и др. (10).

На заводах проходили фронтовые недели и месячники по проведению конкурсов «Лучший по профессии», которые активизировали творческую мысль рабочих, ИТР и служащих. Заводские отделы разрабатывали условия присвоения почетных знаков «Борец трудового фронта», «Гвардеец трудового фронта», составлялись книги Почёта, куда заносили фамилии наиболее выдающихся рабочих. Так, на МСЗ почетными стахановцами считались рационализаторы, чьи изобретения составляли не менее 20 тыс. руб. годовой экономии (11). Широкое распространение в годы войны получило вручение трудовым коллективам переходящих Красных знамен в знак уважения, моральной поддержки и признания высоких достижений в работе. Одним из первых, кому было вручено переходящее Красное знамя горкома и горсовета, был Чкаловский маслозавод. Только за восемь месяцев 1941 г. там рационализация производства дала 64,8 тыс. руб. экономии (12). В ходе конкурса рационализаторов в 1942 – 1942 гг. на МСЗ 8 человек внесли 12 предложений. Фактически была достигнута экономия 80424 руб. 180 т. угля, 3306 чел/час рабочей силы, 220000 квт/ч электроэнергии (13).

Выдающиеся достижения новаторов чкаловцев – получили государственные признания. На комбинате Южуралникель была внедрена форсированная шахтная плавка силикатных никелевых руд с применением высокой упругости дутья, за счет чего производство никеля увеличилось более чем в два раза. Группе инженеров комбината за данное техническое усовершенствование была присуждена Сталинская премия (14).

По мнению специалистов, настоящий переворот в металлургии цветных металлов по плавке руды с содержанием меди и никеля совершили главный инженер МСЗ Глушков, инженер Бурба. Малкин и Аптекарь. Их идея о разделительной плавке в вакер – жакетной печи с полным успехом подтвердилась на практике (15).

На предприятиях разрабатывались мероприятия, которые не требовали больших капитальных затрат. На ряде заводов около одной трети всех рац-предложений было связано с экономией материалов. Например, на электростанции «Красный маяк» (строительство №174 НКВД СССР) И.С.Якубович и Д.П.Лаврухин предложили установить насосы химочищенной воды с подачей её в баки котельного цеха самотеком с остановкой перекачного насоса, тем самым уменьшился износ оборудования и расходы на ремонт. Годовая экономия электроэнергии от рацпредложения составила 62 209 руб. (16).

Изучение документов показывает, что никакие стороны технического процесса не ускользали от пытливого взгляда рабочих. Многие находили все новые и новые варианты повышения эффективности производства там, где, казалось, уже ничего нельзя придумать. Вот один из ярких примеров. В Домбаровском угольном бассейне (Домбаровскшахтстрой) на 4-й шахте забойщик А.Игнатьев предложил экономить время на спуске угля вниз. Передовик – почетный мастер угля – заметил, что на середине ровного спуска пути угля необходимо сделать горку. И тогда уголь вниз пойдет самотеком (17). На официальном языке такое творческое отношение к труду называлось «вскрытием резервов».

В 1942 г. Научно – технический комитет при Чкаловском облисполкоме стал организатором проведения ведущими специалистами бесплатных консультаций по всем вопросам технологии производства для изобретателей и рационализаторов. Мы видим, что техническое творчество трудовых коллективов вышло на новый, более упорядоченный уровень.

В соответствии с установленной практикой отчетности по изобретениям и рацпредложениям в отдел статистики ВЦСПС поступали от

всех заводов отчёты. Рассмотрим сведения от МСЗ за 1941 – 1944 гг. (18).

Годы	Всего предложений	Из них принято	Условная годовая экономия (в руб.)
1941	65	37	240828
1942	104	31	1592555
1943	60	26	245302
1944	59	21	408273

Заметно, количество поступивших и реализованных рацпредложений оставалось почти одинаковым, а эффективность от их внедрения неуклонно росла. Исключением являются показатели 1942 г., когда число зарегистрированных рацпредложений было самым высшим за все годы войны. Думается такой факт, связан с перестройкой предприятий в ходе наращивания выпуска военной продукции.

Таким образом, главными направлениями технического творчества наших земляков в годы Великой Отечественной войны являлись:

- экономия сырья, электроэнергии, всех ресурсов производства;
- рационализация труда для достижения наивысших результатов;
- бережное отношение к технике;
- модернизация наличного оборудования.

Конечно, патриотический всплеск творческого потенциала тружеников города и села был вызван чрезвычайными обстоятельствами. Чего стоит, например, использование в колхозах и совхозах коров в период Московской битвы в связи с острой нехваткой лошадей и техники.

Самоотверженный труд рационализаторов и изобретателей позволил более полно использовать производственные мощности предприятий и хозяйств и в 1943 г. обеспечить потребности Красной Армии в стратегических материалах, боеприпасах и вооружении. Наращивание военного потенциала в тяжелейших условиях обеспечило нашу Победу. В великом подвиге тружеников тыла есть немалая доля технического творчества трудящихся Чкаловской области.

Примечания:

1. Чкаловская коммуна. 1941. – 28 августа.
2. Там же. – 1941 – 5 августа.
3. Там же. – 1941. – 6 ноября.

4. Там же – 1941. – 5 августа.
5. Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО) Ф.2849. Оп.1. Д.353. Л.65.
6. Чкаловская коммуна. – 1941. – 17 августа.
7. Там же. – 1941. – 28 августа.
8. Там же – 1941. – 1 октября.
9. Чкаловская коммуна – 23 и 27 декабря.
10. Там же. – 1941 – 7 октября.
11. ГАОО. Ф. 2849. Оп. 4. Д.5. Л.28.
12. Чкаловская коммуна. – 1941. – 6 октября.
13. ГАОО. Ф. 2849. Оп.1, Д.358. Л. 20,21.
14. Там же. Ф. 2446. Оп.1. Д.8 Л.3.
15. Там же. Ф. 2849. Оп.1 Д.355. Л 5,7.
16. ГАОО. Ф.541. Оп.1. Д.33. Л.78.
17. Чкаловская коммуна – 1941. – 31 августа.
18. ГАОО. Ф.2849. Оп.1. Д.375. Л.21.

Васильева С. Ю. (г.Тольятти)

ТРУДОВЫЕ КОЛЛЕКТИВЫ ЛЕГКОЙ И ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЮЖНОГО УРАЛА В ПРЕДДВЕРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Нарастание международной напряженности и угрозы войны, вследствие этого возросшие расходы на военные цели оказали влияние на деятельность промышленных предприятий, как страны, так и непосредственно Южного Урала. Перераспределение ресурсов в пользу оборонной промышленности сказывалось на состоянии отраслей, связанных с производством товаров народного потребления, и положении работников.

Количественные и качественные изменения в составе рабочих кадров легкой и пищевой промышленности Южного Урала предвоенного периода осуществлялись под влиянием провозглашенных задач третьей пятилетки.

Организованный набор продолжал оставаться основной формой планового обеспечения промышленности кадрами. Характерными чертами его являлись территориальные распределения рабочих из сельского хозяйства в промышленность с учетом изменений в размещении индустриального производства. Набором трудящихся в колхозах руководила Комиссия по организованному набору при Экономическом совете СНК СССР, в которую поступали заявки наркома-

тов. В 1938 – 1939 гг. правительство приняло меры по улучшению практики организационного набора. В постановлении СНК СССР от 21 июля 1938 г. «Об упорядочении дела набора рабочей силы из колхозов» было точно определено, в каких областях, краях, республиках те или иные наркоматы должны набирать рабочих. Вносились уточнения в порядок выделения уполномоченных наркоматов и в оформленные договоры с колхозами.

Плановый набор рабочих кадров непосредственно предприятиями, их отделами кадров особенно за счет местного населения городов и рабочих поселков являлся одной из важных форм пополнения фабрик и заводов новыми кадрами. В 1938 – 1940 гг. удельный вес этой формы уступал организованному набору. За три года третьей пятилетки пополнение рабочих происходило путем организованного набора, планового приема трудящихся непосредственно предприятиями, путем общественных призывов, привлечения молодежи в школы ФЗУ и мобилизации в систему Государственных трудовых резервов. Система планирования организованного набора имела серьезные недостатки: не был организован вывоз и ввоза трудящихся; устанавливался общий объем трудящихся, но не создавались резервы обученных кадров. Основная масса привлеченных по оргнабору состояла из людей, не имевших специальностей. На предприятия в основном приходили новые рабочие, которых требовалось обучать без отрыва от производства.

В предвоенные годы происходили дальнейшие изменения в численности рабочих кадров легкой и пищевой индустрии на территории областей Южного Урала. К 1940 г. в сравнении с 1937 г. доля рабочих легкой промышленности возросла с 9825 до 10415 человек, или на 6%; в пищевой промышленности соответственно – с 15142 до 18997 человек, или на 25,4%. Высокий темп роста численности кадров пищевой промышленности в сравнении с легкой индустрией объяснялся более интенсивным развитием отраслей пищевого производства.

В период третьей пятилетки в силу ряда обстоятельств предпринимались меры по усилению контроля над трудовой дисциплиной. Массовые дисциплинарные нарушения повлияли на разработку и утверждение 28 декабря 1938 г. постановления СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле»¹. В соответствии с постановлением, если работник после выговора с предупреждением в тече-

ние двух месяцев совершал три нарушения трудовой дисциплины, то он подлежал увольнению. Количество увольнений по причине прогулов возросло в результате принятого постановления. Если за 1938 г. на предприятиях легкой промышленности Челябинской области уволили за прогулы 584 человека, то за первое полугодие 1939 г. – 575 человек². По Челябинскому областному мукомольному тресту в 1938 г. за нарушение трудовой дисциплины уволили 28 человек, в 1939 г. – уже 150 человек. За 1939 г. из общего числа ушедших с предприятий «Главмуки» Чкаловской области за прогулы было уволено 70% рабочих кадров, на Соль-Илецком руднике – 62%, на Росмаслозаводе г. Чкалова – 72%, в Челябинском бродильном тресте – 58,7%.

С целью укрепления трудовой дисциплины на предприятиях легкой индустрии вводились табели явки на работу согласно приказу № 19 НКЛП РСФСР от 20 января 1939 г. «Об упорядочении дела ведения табелей явки на работу на предприятиях НКЛП». Приказы-валось использовать номерную систему учета явки на работу во всех предприятиях по всем сменам как в дневное, так и в ночное время. Создавался штат табельщиков, который производил учет номеров немедленно после гудка. Число номеров сверялось с числом рабочих, а также проверялось соотношение фактического наличия трудящихся с табельным списком. Устанавливался строгий контроль за соблюдением времени, отведенного на обед, была введена сигнализация начала и конца перерыва (гудок, сирена, звонок). В соответствии с приказами № 133 НКЛП РСФСР от 7 апреля 1939 г. и № 82 по Чкаловскому областному управлению легкой промышленности от 4 мая 1939 г. директорам предписывалось разработать и ввести на всех предприятиях правила внутреннего распорядка³.

Организация ведения табелей явки на работу по ряду предприятий легкой индустрии Чкаловской области проводилась неудовлетворительно. Табельщики работали не во всех сменах. На фабриках отсутствовала номерная система учета явки на работу и ухода с работы. Руководители предприятий и учреждений не занимались этим вопросом.

В создавшихся условиях изменились методы по созданию стабильного кадрового потенциала отраслей. 26 июня 1940 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». В результате принятого закона рабочее время увеличивалось на

33 часа в месяц. За прогул без уважительной причины рабочие и служащие предавались суду и по приговору народного суда карались исправительно-трудовыми работами по месту работы на срок до 6 месяцев с удержанием из заработной платы до 25%⁴. Согласно указу увольнение рабочего происходило также, если он не мог исполнять свои обязанности по состоянию здоровья. Запрещался переход рабочих с одного предприятия на другое. За самовольный уход трудящиеся подвергались тюремному заключению сроком от 2 до 4 месяцев.

На уровне руководящих сотрудников требовался контроль за осуществлением данного указа. Например, в соответствии с приказом № 81 по Чкаловскому областному управлению легкой промышленности от 4 июля 1940 г., Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., постановлениями СНК СССР от 26 и 27 июня 1940 г. за № 1099 и 1104 и приказом НКЛП РСФСР за № 263 от 28 июня 1940 г. директора предприятий обязывались проверять точное выполнение Указа Президиума Верховного Совета и постановлений СНК СССР. Руководители предприятий должны были лично контролировать состояние учета явки и ухода с работы трудящихся и принимать необходимые меры для полного использования рабочего времени. Так, согласно приказу № 109 начальника Управления пищевой промышленности Чкаловской области П. П. Мелихова от 17 августа 1940 г. всем без исключения сотрудникам допускалось с разрешения начальника или заместителя начальника управления отлучаться по делам службы. Каждый выход требовалось отмечать в специальном журнале. Управляющий обеспечивал ежедневную проверку прихода и ухода сотрудников, обо всех нарушениях трудовой дисциплины немедленно докладывалось начальству.

В соответствии с решением № 1286 Чкаловского облисполкома Совета депутатов трудящихся от 27 июня 1940 г. «Об установлении рабочего дня в области» в городах, рабочих поселках, сельской местности рабочий день в организациях и учреждениях устанавливался с 9.00 до 18.00 с часовым перерывом на обед с семидневной рабочей неделей⁵. Согласно приказу № 90 начальника Управления пищевой промышленности Чкаловской области от 18 июля 1940 г., решению Чкаловского облисполкома Совета депутатов трудящихся от 15 июля 1940 г. рабочий день персонала Управления длился с 9.30 до 18.00 с перерывом на обед с 13.30 до 14.00.

Реализация положений Указа дала положительные результаты. Снизилась темпы текучести кадров, сократилось число прогулов.

Например, если за первое полугодие 1940 г. на предприятиях легкой индустрии Челябинской области уволили 1574 человека, во втором полугодии – уже 803 человека⁶. В 1940 г. в сравнении с предыдущим годом в швейной отрасли Чкаловской области возросла доля рабочих со стажем от 1 до 3 лет (с 29,1% до 33,5%), со стажем от 6 лет и выше (с 11% до 13,9%). Сократилась численность трудящихся со стажем до 1 года в швейной отрасли с 42,5% до 34,7%, в пищевой – с 49,8% до 44,5%. Это свидетельствует о снижении текучести кадров. Количество прогулов в легкой промышленности Челябинской области уменьшилось с 806 за первое полугодие 1940 г. до 230 во втором полугодии этого года, то есть в 3,5 раза.

Однако полностью ликвидировать нарушения трудовой дисциплины не удалось. Так, за второе полугодие 1940 г. по 10 мельницам Чкаловского треста «Главмука» Наркомата заготовок СССР при среднесписочном составе 1416 рабочих произошло 413 нарушений трудовой дисциплины, по областным предприятиям легкой индустрии – 444 нарушения⁷.

Одним из лозунгов, выдвинутых на XVIII съезде ВКП(б) партии, был – догнать и перегнать по уровню производительности труда капиталистические страны⁸. Для достижения поставленной цели требовалось решить проблему разрыва между расходом фондов заработной платы и осуществлением планов по выработке продукции, производительности труда. Рост оплаты труда, превышающий рост производительности, осуществлялся за счёт излишнего использования прибыли. Уменьшались накопления отраслей и, следовательно, перспективы дальнейшего совершенствования производства и повышения показателей производительности труда. В 1938 г. в легкой промышленности Чкаловской области производительность труда составляла 87,9% от плану, а расход заработной платы – 96,4%. За первое полугодие 1939 г. при выполнении плана предприятиями легкой промышленности Челябинской области на 92,6% фонд заработной платы был израсходован на 105,7%⁹. Выработка продукции рабочими Челябинского бродильного треста за 1939 г. выразилась в 58,9% при расходе фондов заработной платы на 93,8%¹⁰. Несоответствие роста среднего заработка рабочего с ростом производительности труда произошло из-за неурегулирования норм выработки, высокой текучести рабочих кадров, излишней их численности, слабой трудовой дисциплины.

Заработная плата рабочих легкой и пищевой промышленности продолжала находиться на одном из последних мест в системе оплаты

труда, наряду со спецпереселенцами. Это свидетельствует о подлинном отношении государства к условиям жизни различных категорий рабочих, занятых в «непрестижных сферах»¹¹. Существовала градация в оплате труда рабочих внутри трудового коллектива. Более высокую заработную плату получали рабочие-стахановцы. Например, заработок лучших стахановцев Троицкого маслобойного завода в 1939 г. варьировался от 259 руб. до 546 руб. М. Иванкова, салфетчица, выполняла норму на 186%, и ее заработная плата достигала 431 руб¹².

Одним из важных вопросов в предвоенные годы оставался вопрос подготовки кадров. С целью повышения квалификации рабочих проводился ряд учебных мероприятий. Но, как правило, государственные программы обучения полностью не реализовывались. Так, за 1938 г. в легкой промышленности Челябинской области на курсах технического минимума обучалось 1489 человек (122% от плана), но закончили их и сдали государственные экзамены лишь 829 человек (71,5%). В Челябинском областном мукомольном тресте за 1939 г. из 120 человек к концу года на курсах технического минимума училось 94 человека, а сдали экзамен лишь 62 человека, или 51,6%. Ощущался недостаток в технически подготовленных руководителях кружков технического минимума. Трест имел в 21 конторе всего 3 технических руководителя с законченным техническим образованием, которые в большинстве случаев находились на ремонте мельниц. В 1939 г. на предприятиях Челябинского бродильного треста планировалось подготовить 326 человек, а фактически обучилось 194 человека, или 59,5%; за 1940 г. в пищевой индустрии Челябинской области – соответственно 191 и 140 человек, или 73,2%¹³.

В целом, к началу Великой Отечественной войны производительность труда стала повышаться более быстрыми темпами в результате совершенствования организации труда, системы заработной платы, подготовки рабочих кадров, развития социалистического соревнования, рационализации и изобретательства на предприятиях, применения руководством промышленности различных способов мотивации работы на производстве. Особое внимание уделялось повышению культурно-технического уровня рабочих. Однако предпринятых мер было недостаточно для окончательного решения проблем, которые сохраняли свою актуальность накануне июня 1941 г.

Примечания:

⁷³⁹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. (1929 – 1940 гг.). М., 1967. С. 665.

**Секция 2. ВКЛАД УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В ОБОРОНУ СТРАНЫ
И ЗАЩИТУ ЕЁ ИНТЕРЕСОВ ЗА РУБЕЖОМ**

⁷⁴⁰ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-382. Оп. 2. Д. 268. Л. 8, 76.

⁷⁴¹ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 966. Оп. 2. Д. 5. Л. 89.

⁷⁴² Хисамутдинова Р. Р. Советский Союз накануне и в период Великой Отечественной войны. Оренбург, 2009. С. 14.

⁷⁴³ ГАОО. Ф. 966. Оп. 1. Д. 354. Л. 14; Об установлении рабочего дня в районе // Голос ударника. 1940. 2 июля.

⁷⁴⁴ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 698. Л. 107.

⁷⁴⁵ Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНННО). Ф. 371. Оп. 4. Д. 100. Л. 111.

⁷⁴⁶ XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1939. С. 291, 306.

⁷⁴⁷ ОГАЧО. Ф. Р-382. Оп. 2. Д. 268. Л. 8.

⁷⁴⁸ ОГАЧО. Ф. Р-662. Оп. 1. Д. 70. Л. 16.

⁷⁴⁹ Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900 – 1941 гг. М., 2009. С. 80.

⁷⁵⁰ ОГАЧО. Ф. Р-662. Оп. 1. Д. 70. Л. 5.

⁷⁵¹ ОГАЧО. Ф. Р-662. Оп. 1. Д. 95. Л. 2; Д. 70. Л. 17.

Шутов С. В. (г. Челябинск)

**ЮЖНО-УРАЛЬСКАЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ МАГИСТРАЛЬ
В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Великая Отечественная война для системы железных дорог, являвшихся основными кровеносными сосудами в народном хозяйстве и международной торговле, началась «ожидаемо неожиданно». Транспортной сети страны предстояло в кратчайший срок перейти с мирных грузо-пассажирских перевозок на военные рельсы. Сама терминология говорит о важности железнодорожного транспорта в военное время. Немецкий полковник в отставке Г. Теске писал: «Наиболее надежными и самыми эффективными путями сообщения во Второй мировой войне были железные дороги. В России этому способствовали огромные расстояния, плохое качество шоссейных и грунтовых дорог, суровые климатические условия, а также необходимость быстрых перебросок войск и снабжения. Германская транспортная служба никогда не была в состоянии подготовиться к решению таких грандиозных задач. И можно сказать, что весь ход войны в конечном счете определялся тем, как выполнял свои задачи железнодорожный транспорт»¹. «Сумрачный германский гений» спасовал перед решением грандиозных задач, а советскому обществу пришлось ответить на вызовы внешних угроз.

На начало войны Южно-Уральской железнодорожной дороге (ЮУЖД), как самостоятельной единице в системе Наркомата путей сообщения (НКПС), шел лишь седьмой год. Будучи частью единой сети железных дорог в СССР, она служила важным стратегическим перекрестком между Европейской частью, Сибирью и Средней Азией. Территориально главная магистраль ЮУЖД располагалась от станции Кропачево на северо-западе до станции Макушино на востоке Челябинской области. От главной магистрали шли меридиональные линии на север и на юг. ЮУЖД граничила с Куйбышевской, Казанской, Свердловской, Омской, Оренбургской дорогами. Она считалась самой крупной из уральских дорог, общая длина ее путей равнялась 4769 км². Магистраль обслуживала большой объем подъездных путей многочисленной клиентуры (промышленных предприятий и строек). ЮУЖД имела восемь отделений паровозного, вагонного хозяйства и движения: Златоустовское, Челябинское, Курганское, Троицкое, Карталинское, Нязепетровское, Уфалейское, Синарское. Несмотря на политические репрессии 30-х гг. в отношении руководства ЮУЖД, сложности с материально-техническим снабжением, социальным обеспечением работников, к началу войны дорога вышла на свою проектную мощность, но все еще испытывала кадровый голод и проблемы со снабжением.

С первых часов объявления войны труженики ЮУЖД включились в оборонно-мобилизационную работу. На всех участках, дистанциях, депо, станциях прошли митинги рабочих и служащих. Были оформлены выставки антифашистской литературы в библиотеках, клубах, красных уголках. На предприятиях ЮУЖД проводились мероприятия оборонно-спортивной направленности. На линии Челябинск – станция Синарская были организованы следующие кружки: химобороны – 7, стрелковые – 2, ГТО – 4, которые подготовили общей сложностью 725 человек³.

Была усилена охрана поездов, мостов, хранилищ, организованы ночные дежурства силами молодежи непризывного возраста. Выявили несколько случаев вредительства стрелочного оборудования на станции Кропачево. Недалеко от станции Усть-Катав предотвратили диверсию – на железнодорожном полотне лежали спиленные телеграфные столбы. Помогли выявить и задержать органам НКВД на транспорте человека, на котором «не так сидела советская форма», кроме этого было снято с поездов еще 69 подозрительных лиц, 29 июня 1941 г. предотвращен взрыв моста на 119 км станции Шумиха⁴.

Первые месяцы войны потребовали колоссальной концентрации и мобилизации железнодорожного транспорта. Нужно было решить две диаметрально противоположные задачи: эвакуировать людей и предприятия из прифронтовых районов страны и перебросить резервы на фронт по одним и тем же линиям железных дорог. Перемещение тысяч предприятий и миллионов людей, осуществленное в СССР, не имеет исторических аналогий и может быть отнесено «к числу самых поразительных организаторских и человеческих подвигов»⁵. По ЮУЖД шли непрерывные встречные потоки войск, военной техники, боеприпасов – на запад, эвакуированных предприятий и населения – на восток. По воспоминаниям П.И. Матвейцева (в годы войны секретаря Челябинского обкома ВКП(б) по транспорту), объем только эвакуационных перевозок составил около полутора миллионов вагонов, или 30 тыс. поездов. Тысячи вагонов «заполнили все железнодорожные узлы, станции, на большинстве которых не было ни соответствующих приспособлений для разгрузки, ни рабочей силы»⁶. Нависшая угроза потери маневренности дороги была ликвидирована неимоверным напряжением сил железнодорожников.

Первостепенной социальной проблемой являлся кадровый дефицит. Его острота в начале войны предопределялась резким ростом эксплуатационной нагрузки на транспорт, увеличением объема транзитных и местных перевозок, общей нехваткой квалифицированных железнодорожников. К марту 1942 г. в Красную Армию было призвано 9164 работника ЮУЖД, в разные специализированные формирования мобилизовано 3176 человек, а всего с дороги выбыло 14187 человека. В то же время для работы на дороге было привлечено 7382 новых работника⁷.

Важнейшим трудовым ресурсом всех служб ЮУЖД являлись женщины, в первую очередь домохозяйки. Домохозяйка Зимина из седьмого околотка станции Вязовая призвала женщин и подростков овладевать специальностями, необходимыми для функционирования железной дороги, чтобы заменить мужчин, уходящих на фронт. Этот призыв был подхвачен по всей ЮУЖД. Если до войны на дороге работало 6766 женщин, то в 1942 г. - 13990, из которых 5960 человек были заняты на ведущих профессиях: машинистов, помощников машинистов, паровозных кочегаров, слесарей, ремонтных рабочих, стрелочников⁸.

В первые же дни войны был выдвинут лозунг «Что ты сделал для фронта?», по которому труженики тыла стали оценивать свою жизнь.

Массовый патриотический настрой немедленно сказался на результатах работы: если в начале 1941 г. по методу Лунина, увеличивавшему объём ремонтных работ, выполняемых силами самой паровозной бригады, работали 84 человека, то с началом войны стали работать 1119 человек. Замечательный пример личного вклада в обороноспособность страны показал путевой обходчик Троицкой дистанции пути Ф.А. Лисянский, который помимо основной работы на прикрепленных километрах произвел зачистку заусенцев, срезку обочин земляного полотна, с помощью жены и детей выполнял весь планово-предупредительный ремонт своего участка, включая такие работы, как смена шпал, рихтовка и выправка пути. Инициатива Ф.А. Лисянского положила начало широкому движению среди железнодорожников. Его метод работы стал основным на ЮУЖД и распространился на все дороги страны. В августе 1941 г. приказом по ЮУЖД Ф.А. Лисянскому была объявлена благодарность за проявленную инициативу. Нарком Л.М. Каганович лично поздравил его с трудовым успехом: «Крепко жму руку, желаю дальнейших успехов»⁹.

Одной из славных страниц в военной истории ЮУЖД стало непосредственное выполнение заказов фронта - строительство бронепоездов. Коллектив строителей в Челябинском депо с первых дней объявил себя военно-трудовым подразделением, выдвинув лозунг «В труде, как в бою». Была введена сдельно-аккордная оплата труда. Ни один рабочий не покидал трудовую вахту без разрешения мастера и после смены, работали по 14 и более часов. Рабочие, жившие на линейных станциях, приняли решение перестать ездить домой, чтобы не тратить время на дорогу, спали в специально приспособленных вагонах. Их жены шили чехлы. Были построены бронепоезда: «За Сталина», «Южноуральский железнодорожник», «Лазарь Каганович», «Большевик Урала». Интересно, что кроме боевого оснащения бронепоезда, позаботились о создании в нем библиотеки, кинопередвижки, о наличии музыкальных инструментов для поднятия боевого духа. Семьи железнодорожников принесли из дома необходимые книги и инструменты. С бронепоездами уехали на фронт машинисты В.Ф. Югов, С.Д. Перминов, И.З. Васильев, помощник машиниста А.Ф. Потапенко, старший паровозный техник П.С. Шубин¹⁰. Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян писал: «Хочется еще раз добрым словом вспомнить воинов – железнодорожников. Ведь это были люди, казалось бы, далекие от боевых дел...Но когда потребовалось, каждый из них показал себя отважным и умелым солдатом»¹¹.

Таким образом, конкретно-исторический материал убеждает в том, что, преодолев тяжелейшую ситуацию, сложившуюся на ЮУЖД в начале Великой Отечественной войны, железнодорожники, обслуживающие дорогу, смогли сделать то, что по праву оценивается как патриотический подвиг. По словам М.И. Калинина, «советские железнодорожники утерли нос некоторым зарубежным «специалистам», предсказывавшим, что наш транспорт не справится со своими задачами в военное время»¹².

Примечания:

¹ Теске Г. Итоги второй мировой войны. М., 1957. С. 388-389.

² ОГАЧО. Ф.Р-1607. Оп. 2. Д. 4115. Л. 2.

³ ОГАЧО. Ф. П- 288. Оп. 4. Д. 314. ЛЛ. 47, 158.

⁴ ОГАЧО. Ф. П- 288. Оп. 4. Д. 314. ЛЛ. 50-52; Д. 315. Л. 44.

⁵ Верг А. Россия в войне 1941-1945 гг. М., 1977. С. 144.

⁶ Матвейцев П.И. На стальных путях // Великий подвиг труда. Челябинск, 1970. С. 233.

⁷ Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне. 1941-1945. Челябинск, 1981. С. 126.

⁸ Урал – фронту. М., 1985. С. 134.

⁹ ОГАЧО. Ф.П-288. Оп. 4. Д. 318. Л. 9; Урал ковал Победу: Сборник-справочник. Челябинск, 1993. С. 127; Летопись Челябинской области. Т. 3. 1941-1945. Челябинск, 2008. С. 45.

¹⁰ ОГАЧО. Ф. П- 288. Оп. 6. Д. 321. ЛЛ. 23-24; Рождественский А.П. Железнодорожники // Великий подвиг труда. Челябинск, 1970. С. 243-245.

¹¹ Баграмян И.Х. Так начиналась война. М., 1977. С. 260.

¹² Цит. по: Матвейцев П.И. На стальных путях // Великий подвиг труда. Челябинск, 1970. С. 234.

Ивлев Н. Н. (г. Челябинск)

**ВКЛАД НАСЕЛЕНИЯ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ
В ФИНАНСИРОВАНИЕ ФРОНТА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Великая Отечественная война открыла новый период в истории войн – «машинный», когда на первое место в ведении войны выходит техническое обеспечение армии. В противостоянии задействовано все общество и вся экономика. Какая бы дисциплинированная и обученная не была бы армия, она ничего не сможет противопоставить качественно вооруженному и оснащенному противнику. В этот период в

СССР происходит синтез экономических и военных сил, возрастает значение финансовой сферы, как главного инструмента регулирования экономики.

Потеря развитых западных районов, огромные расходы на производство военной техники, эвакуация промышленности и её восстановление в восточных регионах – все это вынуждает руководство страны искать новые источники средств. Основным источником дополнительных доходов в бюджеты различных уровней становятся денежные средства населения. Мобилизация этих средств осуществлялась двумя способами: налоговым и неналоговым.

Главными направлениями налоговой политики стали: повышение налоговых ставок, введение новых налогов, расширение круга налогоплательщиков, уточнение объемов облагаемого дохода, изменение принципов построения платежей.

Налоговая система подвергалась преобразованию с первых месяцев войны. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 3 июля 1941 г. устанавливались временные надбавки к сельскохозяйственному и подоходному налогам¹. Указ о надбавках действовал, полгода и был отменен в связи с введением военного налога.

Новым налогом явился налог на холостяков и малосемейных граждан, который был введен 21 ноября 1941 г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР. Этим налогом облагались одинокие и семейные граждане, не имеющие детей: мужчины в возрасте от 20 до 50 лет, женщины – от 20 до 45. Рабочие и служащие платили 5 % от заработка, если он превышал 150 руб., и 5 руб. в месяц, если доход был меньше указанной суммы. Колхозники платили по 100 руб. в год. От налога освобождались военнослужащие и их жены, учащиеся (мужчины до 25 лет, женщины до 23 лет), пенсионеры, лица обоего пола, если им противопоказано деторождение по состоянию здоровья. Срок для уплаты налога для всех групп плательщиков был установлен до 1 декабря².

В Челябинской области за 1941 г. было собрано 5,5 млн. руб., за 1942 г. – 41,5 млн. руб., за 1943 г. – 49,7 млн. руб. По сбору налога с городского населения планы перевыполнялись, а по сборам с сельского наблюдалось значительное невыполнение: за 1943 г. оно составило 43%³. Первоначально, в 1941 г., этот налог распространялся только на граждан, не имеющих детей. Однако Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. налог был распространен также и на граждан, имеющих одного или двух детей.

Важнейшим элементом военной системы налогообложения населения стал введенный Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 декабря 1941 г. военный налог, который начал взиматься с 1 января 1942 г.⁴. Главный отличительный признак военного налога – подушное обложение. Этот принцип обложения значительно расширил круг плательщиков налога на селе и в городе – за счет лиц, ранее не являвшихся плательщиками налогов: не работающих по найму трудоспособных членов семей колхозников, единоличников, рабочих и служащих, кустарей и ремесленников, офицерского состава Красной Армии. При этом круг льготных категорий был значительно уже, чем по другим налогам. Налог платили граждане, достигшие 18-летнего возраста, независимо от источника дохода. Ставки налога для рабочих, служащих были дифференцированы в зависимости от размеров получаемых ими доходов. Например, при месячном заработке от 300 до 400 руб. налог составлял 30 руб., а при заработке от 1 800 до 2 000 руб. – 190 руб.

На селе были введены твердые ставки налога. Колхозники и единоличники оплачивали военный налог в размере от 150 до 600 руб. Ставка военного налога для сельского населения дифференцировалась по республикам и областям. Его средняя ставка по Челябинской области составляла 310 руб. Применительно к районам ставки налога определялись местными властями. Они могли повышать или понижать налог на 50 % от базовой ставки. Так, Челябинский облисполком 28 января 1942 г. установил ставки военного налога по районам следующим образом: для 17 районов, отнесенных к I группе (например, Агаповского) – 350 руб., для 35 районов II группы (например, Аргаяшского) – 310 руб., для 14 районов III группы (например, Кусинского) – 270 руб. Районы группировались по признаку расстояния от рынков сбыта и размеров рыночных доходов от продажи сельхозпродукции⁵.

Поступления от военного налога давали преобладающую часть всех доходов бюджета от населения в годы войны, по СССР в среднем – 54-56 %. В Челябинской области за 1942 г. военного налога собрали 476,9 млн. руб. или 70% всех налоговых сборов с населения; за 1943 г. – 514,1 млн. руб. или 63,5 %⁶. 5 % от всей суммы сборов военного налога оставались в местном бюджете. Постановлением СНК СССР от 1 ноября 1945 г. с 1 января 1946 г. военный налог был отменен⁷.

Кроме вышеуказанных государственных налогов население платило ряд местных налогов и сборов. Согласно Указу Президиума Вер-

ховного Совета СССР от 10 апреля 1942 г. «О местных налогах и сборах» с населения взимались следующие местные налоги и сборы: налог со строений, земельная рента, сбор с владельцев транспортных средств, разовый сбор на колхозных рынках, сбор с владельцев скота.

Разовый сбор взимался на местных колхозных рынках с каждой торговой точки (колхозы, колхозники, единоличники, кустари). В 1942 г. на рынках области действовали следующие тарифы. При продаже с автомашин и возов – 12 руб., при продаже с вьючных животных – 6 руб., при продаже с рук, лотков, корзин – 3 руб., при продаже крупного рогатого скота с головы – 12 руб., при продаже мелкого скота с головы – 6 руб., за занятие кустарным промыслом – 3 руб. Сборы осуществлялись сборщиками, которые состояли в штате управления рынков и подчинялись директорам. Собранные средства передавались в местные финансовые отделы, которые осуществляли контроль над перечислением этих средств⁸. А с 1 января 1944 г. устанавливались новые тарифы с продавцов и кустарей, работающих на колхозных рынках: за каждый день торговли в крупных городах области – 10 руб., на остальных рынках – 5 руб.⁹ Сбор с владельцев транспортных средств взимался раз в год с каждого транспортного средства, включая лошадей, используемых в извозном промысле, и велосипеды.

К неналоговым формам мобилизации средств населения можно отнести государственные займы, денежно-вещевые лотереи, взносы в различные фонды и вклады населения в сберегательных кассах.

Особое место среди неналоговых форм мобилизации средств занимали государственные займы (кредиты), которыми было обеспечено около 15 % всех прямых военных расходов. Государственный кредит в СССР в условиях войны выполнял две важнейшие задачи: мобилизация денежных доходов и сбережений трудящихся на финансирование военных действий; поддержание относительной устойчивости денежного обращения в стране. Всего за годы войны среди населения было распространено займов на сумму в 76 млрд. руб., – почти вдвое больше, чем за весь довоенный период¹⁰. Следует отметить, что система госзаймов использовалась не только в СССР, но и в других странах. Так, в США в годы Второй мировой войны было выпущено 8 долгосрочных займов, посредством которых было мобилизовано 150 млрд. долларов¹¹.

В СССР все займы выпускались сроком на 20 лет и состояли из двух выпусков: выигрышного и процентного. Выигрышный выпуск

распространялся среди населения, за 20 лет выигрышной оказывалась 1/3 всех облигаций, а 2/3 погашались по их номинальной стоимости.

Всего в годы войны осуществлялась подписка и реализация по пяти открытым госзаймам: довоенному займу третьей пятилетки выпуска четвертого года, военным займам, объявленным 14 апреля 1942 г., 5 июня 1943 г., 5 мая 1944 г., 4 мая 1945 г.

Каждый из займов имел свои особенности, но основные принципы и способы размещения были одинаковы. Распространение кредита проходило в виде подписки на облигации государственного займа. Оплата подписки велась по-разному: среди рабочих и служащих практиковалась безналичная форма расчета, когда бухгалтерия просто списывала часть зарплаты в счет оплаты облигаций, а каждый рабочий и служащий определял размер подписки и имел 10-ти месячную рассрочку для её оплаты¹²; в деревне оплата облигаций происходила за наличный расчет.

Решения о проведении государственных займов принимал СНК СССР, который устанавливал точную дату. О займах объявляли в центральной печати и по радио. Сразу после объявления местные партийные и финансовые органы начинали проводить подписку на облигации. Размещение подписки проходило в строго ограниченные сроки: 2-3 дня давалось для реализаций госзайма.

В первый год войны продолжалось размещение госзайма третьей пятилетки выпуска четвертого года. Война внесла свои коррективы в процесс размещения довоенного займа. На волне патриотизма многие держатели облигаций госзайма, стремясь помочь Родине, отдавали их в Фонд Оборона СССР. Таким образом, государственный кредит приобретал характер безвозмездности. Например, на партийном собрании в колхозе «Уральский партизан» Увельского района было решено оплатить облигации госзайма, но облигации не получать¹³. В докладных записках обкома ВКП(Б) отмечалось, что в области идет массовая сдача облигаций займа в Фонд обороны, на 10 сентября 1941 г. в Фонд было передано облигаций на сумму 4,5 млн. руб.¹⁴ Новшеством подписки на Урале стало привлечение к подписке эвакуированного населения без учета его прежнего участия в этом общегосударственном мероприятии¹⁵.

Вопрос о подготовке и проведении первого военного займа рассматривался на бюро Челябинского обкома ВКП(б) уже 18 марта 1942 г. – почти за месяц до его выпуска. Плановая сумма (305,8 млн. руб.) была назначена центром, а областные власти распределили её по районам.

Общая сумма подписки по Челябинской области на 10 мая 1942 г. достигла 366,7 млн. руб., или 119 % к плану. А на 16 июня 1942 г., после окончания займовой кампании, составила 394,3 млн. руб., в т. ч. 391,2 млн. руб. – городское население, 58,6 млн. руб. – колхозники и крестьяне-единоличники, 16,4 млн. руб. – колхозы и кустарные промысловые артели¹⁶.

Но на этом работа по реализации займа не была окончена, подписанные средства еще требовалось собрать и раздать подписчикам выкупленные ими облигации. Если у рабочих и служащих подписанная сумма удерживалась из зарплаты бухгалтерией, то с крестьянами было сложнее. Они не всегда имели деньги для быстрой оплаты подписки. Проблемами оплаты сельской подписки были серьезно озабочены областные власти. Правлениям колхозов вменялось в обязанность помогать колхозникам в оплате подписки путем авансовых выплат и действовать в реализации продуктов на рынке – все эти мероприятия по срокам привязывались к займовым кампаниям¹⁷.

Реализация государственного военного займа 1942 г. началась 14 апреля и должна была завершиться в 2-3 дня, но к 18 апреля 1942 г. наличными по сельской подписке поступило 15 млн. руб., а подписано было 53,7 млн. руб., что составило всего 28 % от подписанной суммы. Областные цифры, свидетельствующие о значительном несоответствии подписанных и оплаченных сумм, подтверждаются и данными отдельных сельсоветов.

Важной причиной невыполнения планов по реализации займа было перемещение больших масс населения. Финансовые органы и уполномоченные по займу просто не успевали отслеживать всех вновь прибывающих работников и вносить их в подписные списки, в то время как уходящие на фронт автоматически вычеркивались из списков¹⁸.

Особенностью военного займа 1943 г. стала большая организованность. Подготовка к нему велась 3,5 месяца. Обсуждение мероприятий по подготовке займа началось в феврале 1943 г. Тогда было установлено, что всего в области необходимо подписать 392 млн. руб.¹⁹

Понимая, что условия жизни сильно изменились, что война нанесла большой урон не только государственному бюджету, но и благосостоянию всего населения, государство пошло на сокращение планируемых сумм госзайма. 14 апреля 1943 г. бюро обкома ВКП(б) и облисполком установили новые суммы подписки по Челябинской области: в целом 291 млн. руб., по рабочим и служащим – 249 млн. руб., по сельскому населению – 35 млн. руб., по колхозам и промартелям – 5,9 млн. руб.²⁰

**Секция 2. ВКЛАД УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В ОБОРОНУ СТРАНЫ
И ЗАЩИТУ ЕЁ ИНТЕРЕСОВ ЗА РУБЕЖОМ**

22 июня 1943 г. бюро Челябинского обкома ВКП(б) отмечало, что подписка на второй военный госзаем проведена успешно. К окончанию массовой реализации подписанные суммы составляли в целом 413 млн. руб. или 142 % к плану, в т. ч.: рабочие – 362 млн. руб. или 145 %, колхозники – 42,5 млн. руб. или 118 %, колхозы и промартели – 8,2 млн. руб. или 139 %.²¹ С заданиями по подписке справились все города и только пять районов не выполнили план по сельской подписке.

Государственный заём 1944 г. был размещен в области с превышением плана на 12 % (по городу – 114 %, по селу – 105 %, по колхозам и промартелям – 104 %)²². Это было самое скромное превышение плана по реализации займа за все военные годы. Названные цифры, скорее всего, свидетельствуют не об истощении возможностей области, а о возросшем профессионализме финансовых и плановых работников, которые начали создавать действительно качественные планы, учитывавшие все областные финансовые возможности.

Подготовка к четвертому военному государственному займу началась с марта 1945 г., сам же госзаем был выпущен 4 мая 1945 г. Плановые задания по его размещению были меньше предыдущего займа, но они сразу предусматривали такой важный показатель, как сбор наличных средств при подписке среди колхозников и единоличников. Стремясь обеспечить максимально быстрое размещение госзайма, власти Челябинской области давали 3-4 дня на его реализацию.

Всего в Челябинской области за годы войны при помощи военных займов было собрано 1,6 млрд. руб., что составляет 2 % от общесоюзных средств, полученных от распространения государственного кредита.

В представленной ниже таблице приведены общие данные о реализации государственных военных займов в СССР и Челябинской области.

Таблица 1
Реализация государственных займов (в млн. руб.)²³

Наименование займа и дата выпуска	Сумма размещения		% от общей суммы займа области
	По СССР	По Челябинской	
Заем третьей пятилетки выпуска четвертого года	10 945	157	1,4
Первый военный заем 14 апреля 1942 г.	13 186	366	2,7

Второй военный заем 5 июня 1943 г.	20 843	413	1,9
Третий военный заем 5 мая 1944 г.	28 963	347	1,1
Четвертый военный заем 4 июня 1945 г.	26 716	316	1,1
Итого	100 653	1 599	1,5

Не менее важным способом мобилизации средств являлись денежно-вещевые лотереи. Процесс их проведения проходил в несколько стадий: выпуск лотерейных билетов, подписка на билеты и оплата подписки. Выигрыши по всем лотереям устанавливались в размере 20 % от их номинальной суммы. Стоимость вещевых выигрышей составляла по первой лотерее – 5,4 %, по второй – 12,4 %, по третьей – 15,3 %, по четвертой – 14,2 % от общей суммы выигрышей.

Билеты денежно-вещевых лотерей распространялись теми же методами и способами, что и облигации государственных займов. Подписку проводили комиссии содействия государственному кредиту и сберегательному делу (комсоды), которые назначались на каждом предприятии, учреждении и ежегодно переизбирались. Они работали под контролем финансовых и партийных органов.

Общие итоги размещения денежно-вещевых лотерей на территории Челябинской области в годы войны и их сравнение с общесоюзными данными представлены в таблице 2.

Таблица 2

Объемы размещения денежно-вещевых лотерей (в млн. руб.)²⁴

Дата	Сумма размещения		% от общей суммы займа
	По СССР	По Челябинской области	
1941 г.	1 000	38	3,7
1942 г.	1 500	64	4,2
1943 г.	2 500	65	2,5
1944 г.	5 000	48	0,9
Всего	10 000	215	2,1

Еще одним способом сбора средств на военные нужды было создание различных фондов, куда население могло перечислять денежные средства. Крупнейшим стал Фонд обороны. Это были средства особого рода: они не являлись ни налоговыми, ни займовыми ресурсами, а поступали как дар населения.

Одно из первых предложений о создании Фонда обороны в Челябинской области поступило от работников медеплавильного цеха Кыштымского медеэлектролитного завода, которые выступили с этой идеей на общем партийном собрании 1 августа 1941 г. и решили перевести в Фонд однодневный заработок²⁵. На 1 октября 1941 г. жители Челябинской области передали в фонд почти 18 млн. руб., а к концу 1942 г. эта сумма составляла 185 млн. руб.²⁶

Кроме сбора средств в различные фонды помощи армии, население сдавало деньги на организацию воинских формирований. В Челябинской области особенно были распространены сборы средств на танковые колонны. Например, «Челябинские колхозники». Сбор средств на её создание проходил четко и организованно, была разработана специальная инструкция для сбора этих средств.

Собирались средства для частей Уральского добровольческого танкового корпуса. Трудящиеся Челябинска отдали на создание корпуса 9 184 тыс. руб., Златоуста – 6 446 тыс. руб., Магнитогорска – 5 745 тыс. руб., Копейска – 2 174 тыс. руб. Всего по области было собрано 56,4 млн. руб. Только на вооружение Красной Армии трудящиеся области собрали 325 млн. руб.²⁷

Собирались деньги и на производство отдельных экземпляров боевой техники. Допризывники Ленинского района Челябинска собрали 100 тыс. руб. на самолет «Ленинский допризывник». В мае 1943 г. школьниками города было собрано 283 тыс. руб. на постройку танка «Челябинский пионер».

Главными задачами сберкасс в годы войны стали: привлечение новых вкладов, удержание уже имеющихся и кассовая работа с платежами населения. Первые две задачи по своей сути исключают друг друга. Для удержания денег на счетах необходимо запретить их снятие, но если запретить снимать деньги, то население не будет вкладывать их в сберкассы и не будет выполнена задача по привлечению средств. Финансовому руководству страны удалось найти выход из этого положения.

НКФ СССР 29 августа 1941 г. объявить о том, что все вклады, внесенные после 23 июня 1941 г., будут выдаваться в неограниченных суммах, по первому запросу вкладчика. Таким образом, средства, внесенные в сберкассы до 23 июня 1941 г., оказывались в распоряжении государства, а все новые поступления возвращались гражданам по их желанию. Ограничения по выдаче вкладов были отменены в 1944 г. согласно постановлению СНК СССР, по которому с 1 января 1944 г.

всем вкладчикам, внесшим свои сбережения в сберкассы до 23 июня 1941 г., разрешалось получать свои деньги без ограничений²⁸.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны государство использовало действенные финансовые инструменты для стабилизации экономики. Этот процесс совпал с патриотическим подъемом, что и обеспечило необходимый результат кампании по мобилизации средств населения. Основной особенностью формирования доходных статей госбюджета в годы войны стало смещение акцентов с платежей предприятий на свободные денежные средства населения. Это позволило не только финансировать военные расходы, но стабилизировало денежное обращение, помогло бороться с инфляцией. Только при помощи займов и лотерей в области было собрано 1 млрд. 813 млн. руб., на эти деньги можно было создать почти 8 630 танков Т-34 (взята себестоимость Т-34 в 1943 г. на Кировском заводе)²⁹. Точно подсчитать средства, переведенные населением Челябинской области в различные фонды помощи армии, практически невозможно из-за огромного количества источников поступления средств.

Примечания:

¹ См.: Правда. 1941. 24 ноября.

² Сборник указов, распоряжений и постановлений 1941-1945 гг. Челябинск, 1945. С. 436.

³ Палецких Н. П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 1995. С. 42.

⁴ Сборник указов, распоряжений и постановлений 1941-1945 гг. Челябинск, 1945. С. 424.

⁵ ОГАЧО. Ф. Р-804. Оп. 7. Д. 349. Л. 3; Сборник указов, распоряжений и постановлений 1941-1945 гг. Челябинск, 1945. С. 433; Летопись Челябинской области: сб. док. и материалов. Т. 3. 1941-1945. Челябинск, 2008. С. 107.

⁶ Корнилов Г. Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. Свердловск, 1990. С. 173.

⁷ ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 5. Л. 38.

⁸ ОГАЧО. Ф. Р-1029. Оп. 7. Д. 332. Л. 47.

⁹ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 1688. Л. 53.

¹⁰ Плотников К. Н. Указ. соч. С. 316.

¹¹ Тамарченко М. Л. Указ. соч. С. 85.

¹² ОГАЧО. Ф. Р-1147. Оп. 1. Д. 17. Л. 24.

¹³ Летопись Челябинской области: сб. док. и материалов. Т. 3. 1941-1945. Челябинск, 2008. С. 43

¹⁴ Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне. 1941-1945: сб. док. и материалов. Челябинск, 1981. С. 267.

¹⁵ Палецких Н. П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 1995. С. 49.

- ¹⁶ Летопись Челябинской области: сб. док. и материалов. Т. 3. 1941-1945. Челябинск, 2008. С. 138.
- ¹⁷ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 186. Л. 2, 7.
- ¹⁸ ОГАЧО. Ф. П-314. Оп. 1. Д. 145. Л. 37.
- ¹⁹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 7. Л. 10.
- ²⁰ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 45. Л. 6.
- ²¹ ГАРФ. Ф. А-472. Оп. 1. Д. 288. Л. 2.
- ²² ГАРФ. Ф. А-472. Оп. 1. Д. 369. Л. 1.
- ²³ Составлено и рассчитано по: ОГАЧО. Ф. Р-1147. Оп. 3. Д. 53. Л. 27; Д. 75. Л. 39; Д. 90-а. Л. 37; Д. 97. Л. 31; Д. 102. Л. 104; Плотников К. Н. Указ. соч. С. 315.
- ²⁴ Составлено и рассчитано по: ОГАЧО. Ф. Р-1147. Оп. 3. Д. 53. Л. 28; Д. 75. Л. 42; Д. 90-а. Л. 39; Д. 97. Л. 33; Д. 102. Л. 107; Плотников К.Н. Указ. соч. С. 317.
- ²⁵ Челябинская область. 1917-1945: Сб. документов и материалов. Челябинск, 1998. С. 197.
- ²⁶ Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне. 1941-1945: сб. док. и материалов. Челябинск, 1981. С. 51
- ²⁷ Павленко В. Д., Павленко Г. К. Огненный рубеж фронта и тыла. Челябинская область в 1941-1945 гг. Челябинск, 2005. С. 195.
- ²⁸ ОГАЧО Ф. Р-526. Оп. 3. Д. 248. 7.
- ²⁹ Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1990. С. 175.

Рудометова И. В. (г. Челябинск)

ОБЩЕСТВЕННАЯ АКТИВНОСТЬ ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВОВ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ЛЕГКОЙ И ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В период Великой Отечественной войны производственная деятельность трудовых коллективов советских предприятий органично дополнялась разнообразными формами общественной активности, направленной на всемерную помощь фронту и быстрейшее достижение победы в войне. Предприятия легкой и пищевой промышленности Челябинской области также поддерживали эти подвиги.

Важным проявлением патриотизма было то, что в течение всего военного периода работники легкой и пищевой индустрии области отправляли на фронт коллективные и индивидуальные посылки к знаменательным датам. По этому поводу обком партии неоднократно принимал соответствующие постановления¹. Так, в ноябре 1941 г. к дню Октябрьской революции Челябинская пекарня №7 послала бой-

цам 50 кг бубликов, трест «Росглавхлеб» - 55 кг пряников, Еманжелинское хлебообъединение – 3 пары ватных брюк, 1 полушубок, 1 шапку, шарф и 5 пар теплых портянок². В посылки вкладывали письма красноармейцам. В таких письмах работники выражали глубокую веру в Победу, морально поддерживали фронтовиков. Почетным поручением было участие в выезде делегаций на фронт для вручения подарков бойцам. Одной из таких делегатов от области была стахановка Троицкого жиркомбината М. Н. Воронина в феврале 1942 г. В ноябре 1943 г. начальник УЛП А. И. Баранов возглавлял делегацию с подарками для фронта³.

Работники легкой промышленности бесплатно изготавливали теплые вещи из материала, сданного другими организациями, занимались реставрацией подержанных вещей, стиркой армейского имущества. В Челябинской швейной мастерской №1 в ноябре 1941 г. из старых рваных полушубков делали телогрейки, из шинелей – теплые пальто, добавляя свой материал⁴.

С 1942 г. началось оказание помощи в восстановлении освобожденных районов: посылали инструменты, продукты, одежду, оборудование, продукцию, изготовленную сверх плана. К примеру, работница Златоустовского хлебозавода Лиманова в марте 1942 г. принесла в сборный пункт предметы кухонного обихода, осенью 1943 г. коллектив Троицкого мясокомбината отправил 26 ящиков с различными материалами, продуктами, посудой. В ноябре 1943 г. с Челябинской обувной фабрики №1 на восстановление Донбассу было передано 2 тыс. пар школьной обуви, с Верхнеуральского кошмоваляльного завода – 7 тонн строительного войлока, с Воздвиженского стеклозавода – 3 вагона стаканов, аптекарских бутылок, лампового стекла. В начале 1944 г. трудящиеся Челябинской прядильно-ткацкой фабрики отчислили 4955 руб. на постройку интернатов для детей фронтовиков в Курской области⁵. Помощь предприятий области способствовала восстановлению хозяйства, а также однопрофильных промышленных объектов республик и областей, освобожденных от немецко-фашистских войск.

В годы Великой Отечественной войны существовало множество иных патриотических движений. В соответствии с постановлением СНК СССР от 2 июля 1941 г. вводилась обязательная подготовка к противовоздушной и противохимической обороне всего взрослого населения страны. С 1 октября 1941 г. постановлением ГКО от 17 сентября 1941 г. вводилось обязательное военное обучение граждан в воз-

расте от 16 до 50 лет по 110-часовой программе⁶. С 11 октября 1941 г. постановлением Верховного Суда СССР на уклонистов от всеобщего обязательного обучения военному делу налагалась уголовная ответственность⁷. Трудящиеся предприятий легкой и пищевой индустрии активно включились в данные мероприятия. В августе 1941 г. на Челябинском кожзаводе проходили всеобуч 56 человек из 90. Трудящиеся занимались в кружках ПВХО, которые работали дважды в неделю по 2 часа. Проводились учебные тревоги, например, 29 июня 1941 г. во время воздушной тревоги санпосты Шадринской льнопрядильной фабрики были в боевой готовности, оказывали первую помощь, делали перевязки, накладывали жгуты, для тяжелобольных развернули койки⁸.

Работницы обучались санитарному делу. В феврале 1942 г. на хлебопекарнях было обучено 87 санитарных дружинниц. Но учебные пункты в ряде мест не отвечали требованиям военных занятий. На занятиях оборонным делом не хватало противогазов (например, при Магнитогорской швейной фабрике №1), была слабая посещаемость, т. к. рабочие уставали на производстве⁹. Из докладной записки о военной работе на Курганском мясокомбинате известно, что в октябре 1941 г. учебой ПВХО были охвачены все рабочие, из них сдали нормы 866 человек, сандружинниц обучено 70 человек, на курсах медсестер – 36 женщин. По противовоздушной обороне организован штаб, проведены мероприятия по светомаскировке – все окна зданий имели щиты, приспособленные для быстрого закрытия окон. Около здания был заготовлен песок, вода¹⁰.

С началом войны развернулось движение за создание фонда обороны. Трудящиеся области на митингах и собраниях заявляли о ежемесячном отчислении в фонд обороны одно–двухдневного заработка. В сентябре 1941 г. хлебокомбинаты Челябинска отчислили однодневную зарплату в сумме 10342 руб.¹¹ В фонд обороны поступали облигации госзаймов, драгоценности и т. д. Например, в июне 1941 г. работники мельтреста подписались на 98% к фонду зарплаты, в 1944 г. на Златоустовском водочном заводе - на 229%, в январе 1942 г. на денежно–вещевую лотерею подписались 655 работников Челябинского спиртотреста¹². Значительные суммы в фонд обороны поступали от участников субботников и воскресников, туда же зачислялись компенсации за отпуск, премиальные, пенсии и т. д.¹³ Но некоторые трудящиеся отказывались подписываться на госзаймы, проявляя негативную реакцию. Так, на Челябинском мельзаводе №3 в июне 1941 г. конюх

Р. заявил: «Государство последнее отбирает», рабочая макаронной фабрики М. – спецпереселенка при отказе сказала: «Советская власть у меня забрала все и я ей не хочу помогать»¹⁴. Но такие факты встречаются в архивных материалах редко.

Другим проявлением любви к Родине явился сбор средств на вооружение и боевую технику Красной Армии. В 1943 г. трудящиеся трех уральских областей - Молотовской, Свердловской и Челябинской - участвовали в создании Уральского добровольческого танкового корпуса. После рассмотрения данного вопроса на бюро Челябинского обкома партии 27 февраля 1943 г.¹⁵, в области развернулся сбор средств на танковый корпус. Коллективы предприятий вносили средства, равные стоимости танка, пушки, других видов вооружений¹⁶. Направление финансовых средств было разноплановым: на вооружение Красной Армии, помощь семьям фронтовиков, в фонд обороны, но цель единая – во имя Победы.

Кроме того, отчисляли денежные средства на постройку МОП-Ровского детдома (партсобрание Магнитогорского мясокомбината 10 июля 1942 г. постановило для этого отчислить однодневный заработок¹⁷), эскадрильи истребителей им. МОПР (все трудящиеся Троицких мыловаренного завода, мельзавода №9, фабрики «Смычка», кожгруппы в январе 1942 г. отчислили на постройку эскадрильи однодневный заработок), танковой колонны им. Челябинского комсомола (коллектив Троицкой кожгруппы перечислил в декабре 1941 г. для этой цели заработанные на трех воскресниках 11028 руб.).

Для экономии сырьевых ресурсов сдавали металлолом. Комсомольцы Курганского мясокомбината с июля по сентябрь 1941 г. собрали свыше 200 тонн, тимуровцы и домохозяйки на Курганском спиртзаводе за этот же период сдали черного металла 268 кг, цветного металла – 2390 кг, предприятия легкой индустрии за I квартал 1942 г. собрали 62 тонны¹⁸.

После решения бюро Челябинского обкома ВКП(б) от 26 января 1942г. «О шефстве над войсковыми частями Красной Армии новых формирований» Златоустовская швейная фабрика шила из материалов заказчика полотенца, простыни, воротнички для противотанкового дивизиона. К дню РККА и ВМФ представители фабрики провели торжественные собрания в подшефных частях, на которых вручили 150 индивидуальных подарков командирам, политработникам и красноармейцам. Подарки состояли из носовых платков, воротничков, иголок с нитками, зубных щеток и порошка и др.¹⁹

Оказывалась помощь семьям фронтовиков. В 1943 г. комсомольская организация Челябинской швейной мастерской №2 взяла под ежедневное наблюдение несколько семей фронтовиков, в которых было 7 детей в возрасте 4-8 месяцев. Для них изготовили 3 платяца, 2 пары штанишек, 3 теплых телогрейки, 5 распашонок. Кроме того, подвезли топливо на квартиры²⁰.

Таким образом, трудящиеся исследуемых отраслей продемонстрировали высокий патриотизм и гражданскую сознательность, участвуя в различных общественных движениях.

Примечания:

¹ ОГАЧО, ф. П-288, оп. 6, д. 77, л. 7 об.

² ОГАЧО, ф. П-288, оп. 4, д. 186, л. 114.

³ Великий подвиг труда: воспоминания о славных делах трудящихся Челябинской области в годы Великой Отечественной войны. – Челябинск: Южно–Уральское кн. изд., 1970. – С. 382; ОГАЧО, ф. П-288, оп. 6, д. 77, л. 8.

⁴ ОГАЧО, ф. П-288, оп. 4, д. 162, л. 168; оп. 8, д. 288, л. 27; ф. П-1577, оп. 1, д. 13, л. 1.

⁵ ОГАЧО, ф. П-288, оп. 6, д. 81, л. 55; оп. 7, д. 387, л. 52; ф. П-1439, оп. 1, д. 1, л. 63 об.; Урал – фронту/ П. Г. Агарышев, М. Н. Евланова, А. Г. Наумова и др.; под ред. А. В. Митрофановой – М.: Экономика, 1985. – С. 305.

⁶ Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне (июнь 1941-1945 гг.): Док-ты и мат-лы. - М.: Политиздат, 1970. – С. 45, 46, 57.

⁷ Законодательные и административно–правовые акты военного времени с 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г. - М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1942. – С. 82, 83.

⁸ ОГАЧО, ф. П-288, оп. 4, д. 280, л. 8 об.

⁹ Коржихина, Т. П. История государственных учреждений СССР: учебник для студентов вузов, обучающихся по спец. «История». / Т.П. Коржихина. - М.: Высшая школа, 1986. – С. 175; ОГАЧО, ф. П-179, оп. 2, д. 26 а, л. 7; ф. П-288, оп. 4, д. 271, л. 106; ф. П-1439, оп. 1, д. 1, л. 34; ф. П-1577, оп. 1, д. 8, л. 51.

¹⁰ ОГАЧО, ф. П-288, оп. 4, д. 162, л. 87

¹¹ ОГАЧО, ф. П-288, оп. 4, д. 166, л. 75.

¹² ОГАЧО, ф. П-288, оп. 8, д. 172, л. 23; ф. Р-1362, оп. 1, д. 312, л. 54.

¹³ Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.: Сб. док-тов и мат-лов. / (сост. З. В. Шестаковой и др.) – 2-е изд., перераб. и доп. - Челябинск: Юж. – Урал. кн. изд – во, 1981. – С. 51.

¹⁴ ОГАЧО, ф. П-288, оп. 4, д. 174, л. 118.

¹⁵ Ленинская поступь пятилеток: Из истории развития промышленности и рабочего класса Челябинской области: Сб. док-тов и мат-лов. / Редкол.: П. Г. Агарышев и др. – Челябинск: Юж. – Урал. кн. изд – во, 1986. – Т. 1: 1929 – 1950 гг. – С. 256.

¹⁶ ОГАЧО, ф. П-288, оп. 4, д. 163, л. 139; д. 174, л. 115; оп. 7, д. 149, л. 6.

¹⁷ ОГАЧО, ф. П-2807, оп. 1, д. 7, л. 22.

¹⁸ ОГАЧО, ф. П-288, оп. 4, д. 178, лл. 136, 137; ф. Р-382, оп. 4, д. 31, л. 95.

¹⁹ ОГАЧО, ф. П-288, оп. 6, д. 88, лл. 10, 10 об.

²⁰ ОГАЧО, ф. П-488, оп. 3, д. 9, лл. 19, 20.

Конев А. В. (г. Курган)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННЫХ КОМИССАРИАТОВ ПО ПОДГОТОВКЕ ПРИЗЫВНОЙ МОЛОДЁЖИ В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Накануне второй мировой войны и в ходе её на Южном Урале развернулась работа по подготовке к военной службе молодёжи призывных возрастов. Анализ архивных документов свидетельствует, что в 1938-1939 гг. подготовка призывной молодёжи на Южном Урале имела серьезные недостатки. Многие из них выявились в ходе организованного между областями социалистического соревнования. Впоследствии, предпринятые во второй половине 1939 г. и в 1940 г. меры по ликвидации неграмотности и малограмотности из числа призывников, излечение выявленных в ходе работы медицинских комиссий больных позволили местным органам военного управления поднять подготовку следующих призывов на более высокий уровень, в целом улучшить военно-оборонную работу.

В ходе подготовки к призыву в ряды РККА граждан 1918-1919 г.г. рождения в Челябинской области получило развитие социалистическое соревнование на лучшую подготовку и проведение призыва. По решению Областного Совецания, состоявшегося в Челябинске 7 июня 1938 года, на соревнование по подготовке к призыву были вызваны Свердловская область и Башкирская АССР. Перед местными органами военного управления ставились задачи добиться полного изучения призывников, ликвидации неграмотности и малограмотности, излечения больных. Основной упор на подготовку призывной молодёжи делался на зимний период, как более свободный от массовых сельскохозяйственных работ.

Местные органы военного управления непосредственно отвечали за этот участок работы, стремились добиться 100% включения в социалистическое соревнование горсоветов, райисполкомов, поселковых и сельских советов, предприятий, колхозов и совхозов. Активно вовлекали в соцсоревнование допризывников. В итоге райвоенкоматы Челябинска, Магнитогорска, Златоуста, Сатки и других населённых пунктов добились неплохих результатов выполнения взятых обязательств [1]. Вместе с тем по результатам работы в мае 1939 года комиссия по проверке хода выполнения социалистических обязательств

установила, что Челябинская область резко отстаёт в соревновании, хотя имеет все возможности быть впереди. Из 945 неграмотных допризывников прошли обучение лишь 577 или 61,3%, а из числа малограмотных (6811 чел.) только 3162 чел., или 46,5%. Из общего числа 4,6% неграмотных и 13,4% малограмотных допризывников вообще оказались не охвачены обучением [2].

Как свидетельствуют архивные источники, в Челябинской области ликвидация неграмотности среди допризывной и призывной молодёжи проходила недостаточно организовано. Из-за слабого контроля со стороны местных органов военного управления отделы Народного образования не проявляли активности в ликвидации неграмотности и малограмотности. Итоговые отчёты о количестве неграмотных и малограмотных, а также числе обучаемых по линии РОНО и РВК резко отличались, что свидетельствует о межведомственной несогласованности. В качестве примера можно привести сведения по Ленинскому району Челябинска. Так, по докладу районного военного комиссариата на учёте состояло 5 неграмотных и 22 малограмотных призывника. Прошли обучение 3 неграмотных и 22 малограмотных призывника. По сведениям же районного отдела народного образования, числилось 10 неграмотных и 15 малограмотных призывников. Прошли обучение 4 неграмотных и 3 малограмотных призывника [3].

Проверки обучения в школах представителями РВК и РОНО проводились нерегулярно, а если и проводились, то зачастую формально. Их результаты нигде не отражались, руководители образования и военкоматов не знали точного количества обучающихся, не всегда оказывали помощь школам [4]. Так, неграмотные и малограмотные допризывники Копейска ходили в школу за 5 км., тогда как обучение можно было организовать по месту жительства, вместе с тем должностные лица, ответственные за организацию обучения, не интересовались этой проблемой [5].

Не лучше обстояло дело по подготовке оборонных значкистов в первичных организациях Осоавиахима. На 1-е мая 1939 года было подготовлено всего Ворошиловских стрелков – 14,1%, значкистов ГТО – 6,8%, ГСО – 12,6% и ПВХО – 20,3%, что оказалось значительно ниже взятых сообразительств [6].

Гораздо лучше обстояло дело с лечебно-оздоровительной работой, проводимой в области. Допризывники обязывались проходить медицинский осмотр, результаты которого заносились в карты призывни-

ка. Медицинское освидетельствование позволяло провести отбор и распределение призывников в зависимости от состояния здоровья по родам войск, выявить нуждающихся в лечебно-профилактических мероприятиях, определить их годность к военной службе. Как не странно, по результатам лечебно-оздоровительной работы отставали, главным образом, города и районы, где больше всего имелось квалифицированных врачей и медперсонала. Например, врачи Челябинска вылечили только 43,8%, Кургана 43%, а такие районы, как Глядянский, Долматовский, Еткульский, Шумихинский и др., в которых имелось 2-3 врача вылечили до 90% допризывников [7]. По результатам проведённых медицинских осмотров можно сделать вывод, что лечебно-оздоровительная работа в целом по области была не на должном уровне. Из 4453 больных, нуждающихся в лечении допризывников, вылечено только 2283, то есть 51,3%, не охвачено лечением осталось 445 чел., или 10,2%.

В ходе приписки нуждающихся в лечении призывников прикрепляли к сельским медпунктам, а имеющих заболевания, которые требовали квалифицированной помощи, направляли в райбольницы или лечебные учреждения областного центра. Как недостаток следует отметить то, что в райвоенкоматах и райздравотделах не велось точного учёта и не осуществлялся контроль за допризывниками, находящимися на лечении, что создавало предпосылки невыполнения установленных планов приписки. Многие призывники не имели возможности регулярно посещать лечебные учреждения, что затягивало их лечение.

Трудности в учёте допризывников, находящихся на лечении, заключались в том, что Горздравотдел не имел списков допризывников, нуждающихся в лечении, по районам. Месячные отчёты по лечебно-оздоровительной работе составлялись по сводкам, поступающим непосредственно от лечебных учреждений, минуя райздравотделы, тем самым создавалась путаница в отчетных документах. Например, в ходе проверки поликлиники ЧГРЭС, которая, по мнению руководителя Горздравотделом Журина, считалась самой отсталой, было установлено, что врачи поликлиники не только занимались лечением, но и вели санпросветительскую работу среди призывников. Особенно ценным являлся опыт проведения периодических профосмотров допризывников, в результате чего допризывники находились под постоянным медицинским контролем [8].

Причиной такого отставания области на этом участке оборонной работы, на наш взгляд, явилось то, что ГК и РК ВКП(б), ОВК и РВК,

горсоветы и райсоветы не обеспечили своевременный контроль и оказание помощи низовым организациям, а последние, пользуясь тем, что находятся обособленно, на удалённых участках и не могут быть своевременно проконтролированы, самоустранились от решения стоящих перед ними важных задач.

Обком ВКП(б) совместно с Облвоенкоматом отреагировал на сложившееся положение в области и предпринял конкретные меры по устранению выявленных недостатков. В июне 1939 года при военном отделе Обкома ВКП(б) прошло расширенное совещание руководителей организаций, ведущих работу по подготовке допризывников Облисполкома, ОВК, ОблОСО, РОКК, СФК, Облздраотдела, ОблОНО, Обкома ВЛКСМ, редакции газеты «Челябинский рабочий». На совещании с положительной стороны были отмечены Златоустовский, Магнитогорский, Саткинский, Миасский районы. Они выполнили установленные Военным Советом УралВО нормативы. Но, как отмечалось в выступлениях, в большинстве районов работа проводилась неудовлетворительно. На совещании был утверждён единый календарный план, объединяющий работу всех организаций, обязанных заниматься подготовкой призыва, намечены сроки ликвидации отставания по договору соцсоревнования. С такой же повесткой прошли совещания работников райвоенкоматов, на которых обсуждались вопросы о состоянии и ходе подготовки к призыву.

С целью контроля и оказания практической помощи, а также проведения разъяснительной работы на местах, уже в июне 1939 года из представителей военного отдела Обкома ВКП(б) и Облвоенкомата были сформированы 5 бригад, которые обследовали состояние работы по подготовке к призыву в области и оказали практическую помощь наиболее отстающим районам.

Для создания условий по ликвидации неграмотности, было принято решение, до 15 августа провести обучение неграмотных и малограмотных в районных центрах с отрывом их от производства [9]. Руководителям общественных организаций, отвечающим, за подготовку допризывников, была поставлена задача: до 1-го августа принять все меры в ликвидации отставания по отработке нормативов Ворошиловский стрелок, значкистов ГТО, ГСО и ПВХО.

Принятие оперативных мер по восстановлению положения дел позволило уже в июле месяце получить положительные результаты. На 1 июля прошли обучение 72,3% неграмотных, а процент неохваченных обучением снизился до 3,1%, обучено 60,7% малограмотных,

не охвачено обучением 5,1%. Вылечено 67% больных, не охвачено лечением 5,1%. Сдали норму Ворошиловский стрелок 20,3%, ГТО 10,3%, ГСО 20%, ПВХО 28,14% [10].

Учитывая недостатки, выявленные в ходе проведения призыва 1939 г., партийные органы совместно с местными органами военного управления на местах продолжили работу по улучшению качества проводимой призывной работы. И как следствие состояние призывной работы в области в 1940 г. значительно улучшилось по сравнению с 1939 г. В каждом районе был разработан единый календарный план подготовки и проведения очередного призыва. В эти годы получили значительное развитие подготовка оборонных кадров, количественный и качественный рост общественных оборонных организаций, развёртывание физкультурно-спортивных обществ, что оказывало положительное влияние на призывную работу.

Примечания:

1. ОГАЧО. Ф. П–1355 Оп.1 Д.3. Л. 42
2. ОГАЧО. Ф. П–288 Оп.3 Д.277. Л. 32
3. ОГАЧО. Ф. П–288 Оп.3 Д.277. Л. 92
4. ОГАЧО. Ф. П–288 Оп.3 Д.277. Л. 93
5. ОГАЧО. Ф. П–288 Оп.3 Д.277. Л. 93
6. ОГАЧО. Ф. П–288 Оп.3 Д.277. Л. 32
7. ОГАЧО. Ф. П–288 Оп.3 Д.277. Л. 32
8. ОГАЧО. Ф. П–288 Оп.3 Д.277. Л. 88
9. ОГАЧО. Ф. П–288 Оп.3 Д.277. Л. 94
10. ОГАЧО. Ф. П–288 Оп.3 Д.277. Л. 34

Танаев В. М. (г. Оренбург)

**ОГРАНИЧЕННЫЙ КОНТИНГЕНТ СОВЕТСКИХ ВОЙСК
В РЕСПУБЛИКЕ АФГАНИСТАН (1979–1989).
МИССИЯ ПРЕБЫВАНИЯ**

Двадцать пять лет прошло с тех пор, как последний советский солдат покинул территорию Афганистана. До сих пор идут споры и дискуссии о том, необходимо ли было пребывание наших войск в этой стране, напрасны или не напрасны были жертвы, понесённые в этой войне.

Разрешите высказать свою точку зрения, поскольку мне пришлось выполнять интернациональный долг в этой республике с марта 1983г.

по январь 1985г., проходя службу в должности помощника начальника политотдела по комсомольской работе 59-й бригады материального обеспечения в звании капитана советской армии. Пункт дислокации бригады – Килагайская долина близь города Пули-Хумри. Довелось неоднократно в качестве старшего автоколонны совершать боевые рейсы по доставке горючего и боеприпасов в части и подразделения контингента.

Афганистан – наш ближайший сосед. Протяжённость советско-афганской границы составляла более 2200км. (с Туркменией – 744км., с Таджикистаном – 1344км., с Узбекистаном – 137км.). Добрососедские отношения сложились ещё в 1919г., когда молодое советское государство было первым, кто признал независимость Афганистана от Великобритании.

В апреле 1978 года в Афганистане происходит Саурская (апрельская) революция, в результате которой к власти приходит народно – демократическая партия Афганистана (НДПА). Афганистан провозглашается Демократической Республикой Афганистан (ДРА). Цель революции – ликвидация феодальных пережитков и построение демократического государства. Однако внутренняя реакция и прежде всего исламистские боевики – моджахеды (душманы) активизировали подрывную деятельность внутри страны и угрожали свержением законной власти. Правительство Афганистана более 20 раз обращалось к правительству СССР с просьбой о прямом военном вмешательстве против сил оппозиции. Однако эти просьбы нашей стороной отклонялись. Что же все-таки стало причиной ввода войск? Во-первых, советской стороне стало известно, что ещё за долго до известного ввода войск, а именно 3.07.1979г., американский президент Джимми Картер подписал секретный указ о финансировании антиправительственных сил в Афганистане, что способствовало бы в случае победы оппозиции появлению у наших границ недружественного нам государства. Это с одной стороны. С другой стороны, геополитическая обстановка в этом регионе складывалась таким образом, что примерно в одно и то же время в Иране, который был союзником США, в январе 1978 – феврале 1979 года произошла исламская революция, носившая антиамериканский характер. В результате которой, правительство Ирана попросило США вывести со своей территории военные объекты и соответственно все радиолокационные разведывательные комплексы, которые вели непрерывную разведку территории СССР. Всё это планировалось перевести на территорию Афганиста-

на, в случае победы там оппозиции. США планировали так же разместить там ракеты средней дальности, которые могли свободно поражать территорию СССР и доставать до городов Урала. Афганистан американцы называли «мягким подбрюшьем СССР». Во-вторых, в результате внутривластной борьбы в самом Афганистане, в сентябре 1978г. был убит лидер НДПА Мохаммад Тараки, и к власти пришел Хафизулла Амин, который развернул в стране террор не только против оппозиции, но и против членов НДПА. По линии КГБ поступила информация о связях Амина с ЦРУ в 60-е годы и после убийства Тараки. После этих событий руководство СССР приняло решение о вводе войск и замене Амина на лидера, более лояльного к СССР - Бабрака Кармаля.

Считаю, что ввод советских войск в Афганистан был правильным и оправдан, прежде всего, соображениями нашей национальной безопасности. А события последних лет это подтверждают. США и её союзники по НАТО не только не распустили военный блок НАТО после роспуска Варшавского Договора, но и расширяют его на Восток к границам Российской Федерации. В Азии развязали войну в Ираке, оккупируют сейчас тот же Афганистан под предлогом борьбы с терроризмом. Едва удалось российской дипломатии предотвратить внешнюю агрессию против Сирии.

Разрешите поделиться своими воспоминаниями и впечатлениями о том времени и той стране, где мне довелось служить в течение 20-ти месяцев.

Прибытие. Климат. Прибытие в Афганистан осуществлялось через Ташкент. Офицеры прибывали на пересыльный пункт, располагавшийся на улице Лисунова, а оттуда военно-транспортным самолётом отправлялись в Кабул, где находился пункт распределения прибывших офицеров по воинским частям. По прилёту в Кабул необычными казались «Уазики» с зашторенными окнами, огромное количество советской авиации: военно-транспортные самолёты истребители, боевые и транспортные вертолёты. До своей бригады летел вертолёт Ми-8. Климат там жаркий на солнце температура доходила до 50? выше нуля. Накануне в Ташкенте было 42? и казалось прохладно по сравнению с Афганистаном.

Организация перевозок военных грузов частям и подразделениям. Совершенствование тактики боевых действий. Наша бригада включала 8 автомобильных батальонов по 4-5автомобильных рот в каждом, не считая подразделений обеспечения: рота связи, ремонт-

ный батальон, разгрузочно-погрузочные роты и т.п. Численный состав бригады колебался в пределах 3-3,5 тыс. человек. Батальоны располагались практически во всех наиболее важных городах страны это: Кабул, Пули-Хумри, Баграм, Шинданд. Автоколоннами в боевые части развозились горючее, боеприпасы, включая реактивные снаряды для установок «Град», продукты питания, обмундирование и многое другое. Руководил перевозками центральный диспетчерский пункт при штабе 40-й армии. Автоколонны были двух видов. Обычная колонна, состояла из одной автороты – 45-60 автомобилей (КамАЗы, Уралы, или КрАЗы). Впереди колонны и в конце её шли радиостанции на базе Газ-66, два КамАЗа со спаренной зенитной установкой Зу-23. Одна впереди колонны, другая в её конце. Замыкало колонну техническое замыкание - автомобиль с запасными частями, водой, жёсткими сцепками и т.п. Солдаты-водители и все офицеры колонны имели бронжилеты, фляги с водой или чаем, вооружение: АКМ, 3-4рожка с патронами, несколько гранат. Перед началом обстрела наших колонн, душманы, как правило, ставили на дороге фугас, на котором подрывался первый автомобиль, и затем открывали огонь зажигательными боезарядами по колонне, с целью сжечь все машины. Задача наших водителей и офицеров – на максимальной скорости проскочить обстреливаемый участок, захватив раненых и с минимальными потерями техники и груза прибыть в пункт назначения. Раненых доставляли на ближайшие Блокпосты, которые находились через каждые 20-25км. Там им оказывалась первая медицинская помощь. Затем, вызывались вертолёты и раненых доставляли в госпиталя. Когда начинался обстрел колонны, то с целью уменьшения эффективности огня со стороны противника, все кто мог вести огонь с колонны, вели его. Это две Зу-23 и практически каждый водитель, одной рукой держал «баранку», а другой стрелял из открытого окна автомобиля, бронжилет при этом висел на дверце машины. Мощный огонь со стороны колонны заставлял боевиков пригибаться, точность их попадания сводилась к минимуму. Второй тип колонн – это колонны, усиленные бронетехникой. Такие колонны организовывались при доставке грузов в провинции, где господствовали моджахеды. Это такие направления как: Газани, Джалал-Абад, Кундузд и некоторые другие. Состав таких колонн включал 5-6 авторот, через каждые 8-10 машин вклинивался танк или БМП, с воздуха колонну сопровождала пара вертолетов, которая вела разведку, предупреждала колонну о готовящейся засаде и осуществляла в случае необходимости огневую поддержку. Если подрыва-

лась первая машина, то водителя забирали, и колонна её объезжала, если при объезде подрывалась и вторая машина, и при этом создавался затор, то водители ложились под колёса машин и вели оттуда огонь до прихода наших мотострелковых подразделений. На особо опасных направлениях, у обочин дорог я насчитал 10-12 единиц подбитой бронетехники – танки, БМП и БТРы.

Героизм солдат-водителей при выполнении боевых рейсов.

Потери. Наши солдаты-водители отличались в то время смелостью и героизмом. Неоднократно были случаи, когда они раненные в руки и ноги не бросали своих машин и выводили их с обстреливаемых участков. Были случаи, когда после обстрела горел кузов машины с ящиками боеприпасов и водители тушили их придорожной пылью, когда заканчивались огнетушители. Когда наши колонны из-за снежных заносов сутками ждали у перевала Саланг, когда расчистят пути, они всегда делились с афганцами продуктами питания. Афганцы за это всегда были нам благодарны. Только за два года в бригаде было награждено медалями «За отвагу» и «Боевые заслуги» - 90 человек, орденами «Красной звезды»-18человек, «За службу Родине в ВС СССР – 3степени» - 17 человек. Награждались наши воины и афганскими боевыми наградами. Несли, конечно, мы и потери. За два года бригада потеряла 54 человека, в основном конечно водительского состава. Было списано по различным причинам более 500 КамАЗов и другой автомобильной техники. Всего же контингент потерял за десять лет своего пребывания на афганской земле около 13800 человек.

Быт военнослужащих. Забота страны о воинах. Связь с местным населением. Солдаты и офицеры размещались либо в палатках (8-10 человек в палатке – одно отделение) либо в «модулях». Это сборно-щитовые казармы, состоящие из кубриков по 4 места в каждом. Палатки и модули оборудовались печками-буржуйками и электричеством. Летом было конечно жарко, но тылы армии старались максимально обеспечить военнослужащих кондиционерами. Зимой было тепло. Питание солдат было калорийным. Не было недостатка в хлебе, тушенке, картофеле, крупах, сгущенном молоке. Единственным недостатком в питании было отсутствие в достаточном количестве овощей и фруктов, что приводило к ослаблению иммунитета и способствовало в немалой степени заболеваниям . 80-90% личного состава «контингента» перенесли инфекционные заболевания в основном такие как гепатит и малярия. Лечение проходили непосредственно в Афганистане в госпиталях 40-й армии. В каждой воинской части были

организованы полевые бани. Они были либо стационарные, либо мобильные на базе автомобилей Урал и КраЗ. Рядом с ними организовывали бассейны 20-30 кв.м, что помогало переносить жаркий климат. Правительство страны постоянно заботилось и помнило о своих воинах. Партийные, комсомольские организации и общественность организовывали доставку различного рода подарков для улучшения быта и отдыха военнослужащих. В воинские части присылали радиоприемники, магнитофоны, телевизоры, электробритвы, фотоаппараты, книги и т.п., что способствовало укреплению патриотических настроений. Была и такая форма работы как обмен звуковыми письмами. Присылали газеты и журналы с Родины. В действующие воинские части «контингента» для поднятия боевого духа и настроения военнослужащих с концертами, выступлениями и просто с вечерами встреч из Советского Союза постоянно приезжали знаменитые артисты, спортсмены и различные деятели культуры. Правительство СССР и Командование 40-й армии в частности выполняли не только задачи связанные с обороной южных рубежей СССР, но и развивали и укрепляли сотрудничество между двумя странами во всех сферах. Советский Союз помог Афганистану в создании народной армии. Вся афганская армия была вооружена советским оружием – самолетами, вертолетами, танками и другой бронетехникой, стрелковым оружием. Офицерский состав и ведущие военные специалисты готовились нашими военными инструкторами. В каждой провинции при организациях НДПА и ДОМА работали партийные и комсомольские советники из Советского Союза. Они помогали организовывать работу и учили формам и методам работы с членами партии и с молодежью. Мне довелось оказывать материальную помощь в организации детских оздоровительных лагерей в городе Пули-Хумри. Командование нашей бригады передало для организации детского лагеря свыше 100 кроватей, матрасов, подушек, постельного белья, и кроме того передали большое количество различного спортивного инвентаря и имущества для организации быта лагеря. Командование бригады организовывало совместные встречи с руководством провинции в дни советских и афганских государственных праздников, на которых афганской стороне вручались подарки, собранные советской молодежью для афганской молодежи. Как правило, это были школьные принадлежности, спортивный инвентарь, радиоприемники и другие предметы культурного назначения. Это давало положительный эффект в укреплении дружбы между двумя странами. Афганцы, особенно молодежь,

изучали русский язык, нашу культуру и проявляли симпатии к нашей стране. Все это укрепляло дружбу между двумя странами и создавало фундамент стабильности на южных рубежах нашей большой страны.

Местные традиции и нравы. Афганистан – это довольно отсталая аграрная страна с сильными религиозными традициями. Часто можно наблюдать у дорог, молящихся в час намаза водителей-афганцев, которые строго соблюдают все религиозные каноны. Женщин, достигших 15-16 лет, могут продать в жены за калым 50-60-летнему старику. Были случаи, когда местные жители случайно попадали под колёса наших автомобилей и бронетехники. Если они гибли или получали увечье, то конфликты подобного рода между нашими военнослужащими и местным населением разрешался на месте. Как правило, за погибшего они в качестве компенсации брали от нас 2-3 мешка муки и -2 ящика консервов. Никакие правоохранительные органы в этих разборках не принимали участие. Конечно, были единичные случаи недостойного поведения наших военнослужащих по отношению к местному населению. Например, воровство баранов и другой мелкой живности, пасущейся у дорог, воровство имущества с афганских автоколонн и т.п. За эти проступки афганцы мстили. Но нужно отдать им должное, что месть носила не огульный, а персональный характер. Были случаи, когда обстреливалась не вся наша колонна, а именно тот автомобиль, водитель которого совершил бесчинства по отношению к местному населению. Были случаи, когда водитель, совершивший проступок уже уволился, а именно его машину обстреливают. За его проступки расплачивались ни в чём не повинные люди.

Подводя итог сказанному, хочу выразить своё твёрдое убеждение, что миссия ограниченного контингента советских войск в Республике Афганистан и жертвы, о которых я уже говорил, были не напрасны. В тех конкретно- исторических условиях удалось сохранить военно-политический паритет между двумя противоборствующими лагерями стран, и тем самым предотвратить возможное сползание к третьей мировой войне.

Секция 3

МИРОВЫЕ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ МОЛОДЁЖИ. СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, СУДЬБЫ

Ковтун Л. А., Бисимбенова Д. Б., Савицкий Г. В. (г. Оренбург)

АПТЕЧНОЕ ДЕЛО В РОССИИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Период конца XIX – начала XX веков ознаменовался стремительным развитием естествознания, что в свою очередь дало импульс важнейшим открытиям в медицине. Не осталось в стороне от этих процессов и аптечное дело. На рубеже веков произошло последнее реформирование отечественной аптечной системы, которая продолжала функционировать и в годы Первой мировой войны.

С 1888 г. и до 1910 г. число аптек в России увеличилось практически вдвое. Преобладающим их типом являлись так называемые *нормальные аптеки* – аптеки, открываемые в крупных городах России с учетом введенных норм. В соответствии с Аптекарским уставом 1905 г. разрешение на открытие аптек предоставлялось губернаторам, которые лучше знали свои губернии. Прошение подавалось в местное врачебное губернское отделение. Врачебное управление предоставляло свое решение губернатору. Врачебный устав, изданный также в 1905 г., содержал требования к открытию *гомеопатических аптек*. На эти аптеки не распространялись нормативы по числу жителей и по количеству рецептов. К концу XIX в. кроме аптек в России появилась довольно обширная сеть *аптекарских магазинов*, которые торговали готовыми лекарственными средствами, выписываемыми у фармацевтических фирм или у местных аптек. Открытие аптекарских магазинов приравнивалось к открытию обыкновенного торгового заведения и не обставлялось требованиями к открытию аптек. Они должны были соблюдать правила продажи сильнодействующих и ядовитых лекарственных средств и запрет на изготовление лекарственных прописей. Изложенные правила открытия аптечных организаций просуществовали без изменений вплоть до 1917 г.

Иностранное засилье в аптечном деле России было не меньшим, чем в любой другой отрасли. Используя монополию, владельцы аптек яростно противились открытию новых аптек, боясь конкуренции.

Частновладельческая аптека в России рассматривалась как выгодное коммерческое предприятие, что привлекало интерес дельцов и способствовало спекуляции аптеками. Многие владельцы сдавали свои аптеки в аренду, арендаторы же в свою очередь передавали их другим лицам. Аптеки царской России нередко в интересах наживы становились источником медицинского шарлатанства. Владельцы аптек всячески стремились к повышению цен на лекарства. Вследствие этого трудящиеся часто не имели возможности приобретать лекарства в аптеках.

В аптеках России недоставало необходимого оборудования и медикаментов, к приготовлению лекарств допускались лица, не имевшие специальной подготовки. Аптечные лаборатории уже не могли удовлетворять спрос на лекарства. Остро встал вопрос о развитии фармацевтической промышленности в России, чему в немалой степени способствовал принятый 12 июня 1898 г. закон «О фабричном производстве сложных фармацевтических препаратов». На основании этого закона «приготовление означенных препаратов и оптовая продажа их разрешается в устроенных для сего фабриках, лабораториях и особых отделениях химических заводов» [3, с.314]. В этом же году Министерство внутренних дел издало первый список сложных фармацевтических препаратов, производство и оптовая продажа которых разрешалась в устроенных законным порядком фабриках и лабораториях [4, с. 9267]. С принятием закона в России стали создаваться первые фабричные производства [5, с. 184].

Это в некоторой степени подрывало монопольное право аптек на приготовление лекарств, но не решало проблемы промышленного производства фармацевтических препаратов. За технологическим процессом на предприятиях не было никакой системы контроля. Анализ фармацевтических препаратов производился лишь в случаях отравления или грубой фальсификации лекарств. Эти анализы чаще всего выполнялись в лабораториях смежных отраслей и в лабораториях Русского общества торговли аптекарскими товарами и Российского фармацевтического общества. В России имелось несколько частных аналитических лабораторий, однако они не могли обеспечить контроль качества фармацевтической продукции.

Владельцы аптек, пользуясь тем, что лекарства в большинстве случаев не поддавались контролю потребителя, в погоне за прибылью допускали их фальсификацию, заменяли дорогостоящие препараты более дешевыми. Контроль качества лекарств, отпускаемых из аптек,

**Секция 3. МИРОВЫЕ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ МОЛОДЁЖИ.
СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, СУДЬБЫ**

по закону возлагался на врачебного инспектора, но действенность такого контроля была крайне незначительной, так как владельцы аптек, обычно имевшие «своих людей» во врачебном управлении, заблаговременно извещались о намечаемой ревизии и к приезду инспектора прятали все неразрешенные к продаже лекарства, наводили нужный «порядок».

Частновладельческая аптека, за некоторыми исключениями, не обеспечивала выполнения возложенных на нее задач по лекарственному обеспечению населения.

В 1912 г. земствам и городам формально было предоставлено право открытия так называемых *вольных аптек* (аптеки, открытые для всего населения, с продажей лекарства по аптекарской таксе). Однако усиленная борьба владельцев аптек, боявшихся конкуренции, и поддержка их царским правительством, тормозили организацию таких аптек. Из всего числа аптек, функционировавших на территории России в 1913 – 1917 гг., лишь около 200 принадлежали земству. Они были плохо оборудованы, имели ограниченный ассортимент лекарств и поэтому не могли существенно влиять на улучшение медицинской помощи населению. Однако они сыграли прогрессивную роль, заключающуюся главным образом в разоблачении частновладельческой аптеки, нацеленной исключительно на извлечение прибыли.

Россия полностью зависела от других капиталистических государств в области снабжения медикаментами. Это стало особенно ощутимым во время Первой мировой войны.

Производство фармацевтических препаратов в России было развито крайне слабо. К началу войны крупных фармацевтических предприятий почти не существовало. Частные фармацевтические лаборатории не имели необходимого оборудования и производили в основном галеновые препараты. Свыше 60% всех медикаментов ввозилось в Россию из-за границы, главным образом из Германии.

С началом войны страна оказалась в полной лекарственной изоляции. В годы Первой мировой войны для России важной проблемой являлась организация лекарственного обеспечения армии. Рухнула господствовавшая ранее теория организации военно-медицинского снабжения за счет накапливаемых в мирное время запасов. Они быстро истощились, и остро встала проблема организации производства различных видов медицинского имущества в условиях отсутствия в России развитой фармацевтической и сопутствующей ей промышленности. Ни один фармацевтический завод, существовавший в то вре-

мя, не производил такие важные лекарственные средства, как салициловые препараты, алкалоиды, препараты висмута, мышьяка. Все они закупались Россией, в основном в Германии, которая в те годы являлась лидером в области фармацевтического производства, а также в Англии, США, частично во Франции. Незрелость российской химико-фармацевтической промышленности объяснялась неблагоприятными таможенными ставками на ввозимое лекарственное сырье по сравнению с ввозимыми лекарственными средствами. Например, чтобы ввезти в страну 100 пудов хинной корки, необходимой для получения 3 пудов хинина, требовалось заплатить 85 руб. пошлины, в то время как за ввоз 3 пудов чистого хинина уплачивалось лишь 7 руб. 75 коп. пошлины [2, с. 372].

Вновь созданные фармацевтические производства не могли за столь короткий срок выйти за пределы полужавоудского масштаба и лишь в малой части покрывали потребности страны в медикаментах. Из 118 предметов медико-санитарного имущества, числившегося по каталогам военного ведомства, в стране заготовливалось всего лишь 38, остальные ввозились из-за границы. Все эти и другие проблемы решались «Особым совещанием для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения», а в ее системе – «Комиссией по пересмотру норм санитарного и медицинского снабжения армии» под председательством А.И. Гучкова.

В марте 1916 г. вышел запоздавший приказ N 134 Верховного начальника санитарной и эвакуационной части «О принятии мер к развитию отечественного производства лекарственных средств в целях удовлетворения нужд армии и флота и вообще Империи». В соответствии с ним предусматривалось формирование особого отдела «для организации химико-фармацевтической промышленности в России».

В 1916 г. профессор Казанского университета Н.О. Высоцкий представил министру народного просвещения подробный доклад об имеющихся фармацевтических и медицинских производствах и возможности их расширения. В частности он приводил примеры начатого производства йода из морских водорослей в лаборатории Екатеринбургского горного института под руководством Л.В. Писаржевского; хлороформа в лаборатории физико-химического общества при университете Св. Владимира в Киеве под руководством С.Н. Реформаторского; гигроскопической ваты на фабриках в Одессе и Харькове из отечественного сырья, термометров, оборудования для больниц.

В 1915 – 1917 гг. производить лекарственные препараты начали общественные организации. К примеру, небольшие заводы по выпуску салициловых препаратов построили Всероссийский земский союз, Всероссийский союз городов, Красный Крест и др.

В 1916 г. в Средней Азии начались посевы опийного мака и сбор опия. Одновременно было организовано производство морфина и кодеина из отечественного сырья (работы А.Е. Чичибабина и В.М. Родионова).

Вновь созданные предприятия, конечно, не могли полностью решить проблему лекарственного обеспечения населения и армии. Многие препараты ввозились из Японии, США и скандинавских стран. Попытки создания отечественной химико-фармацевтической промышленности во время Первой мировой войны, несмотря на активную помощь русских ученых-химиков, не увенчались успехом. Острый недостаток сырья и нехватка топлива вызвали большие перебои в материально-техническом снабжении промышленных предприятий и привели к сокращению производства.

Уже после Февральской революции 1917 г. при ГВСУ (Главное военное следственное управление) образовалась «Временная комиссия по снабжению армии предметами санитарного довольствия», отличенная широкими полномочиями.

В годы Первой мировой войны в русской армии имелось всего 7 аптечных магазинов и 6 аптечных складов. Из них 3 (Двинский, Брест-Литовский и Кременчугский) являлись базовыми. На фронтах действовали полевые аптеки. Крепостные аптеки формировались по специальному распоряжению ГУГШ (Главное управление Генерального штаба). При значительном удалении полевых аптек от аптечных магазинов (аптечных складов) между ними развертывались временные аптечные магазины. Дополнительно к полевым аптекам открывались их подвижные отделения. К началу 1917 г. на фронтах насчитывалось 9 полевых аптек и 38 подвижных отделений.

Значительную помощь военно-медицинскому ведомству и армии в деле медицинского снабжения оказали различные общественные организации и частные лица. Для этих целей при Главном управлении РОКК (Российское общество Красного Креста) был образован Совет складов. Только в 1915 г. на пополнение запасов медицинского имущества Красный Крест затратил 24 млн. рублей, а Земский Союз – 1,2 млрд. рублей [1, с. 156].

Таким образом, большим недостатком в организации здравоохранения в целом в России являлось то, что в стране существовала разобщенность медико-санитарных и аптечных учреждений. При слабости аптечных учреждений, нехватке фармацевтических кадров развивавшееся русскими учеными материалистическое прогрессивное направление науки не нашло применения на практике. Политика государства в отношении аптек состояла в жестком регламентировании и контроле. Однако строгие нормы, предусмотренные законом для открытия аптек, хоть периодически и пересматривались, но не поспевали за требованиями времени. В результате, из стимулятора роста аптечной сети закон постепенно превращался в его тормоз.

С началом Первой мировой войны прекращение импорта медикаментов из Германии привело к лекарственному голоду в стране. В отношении лекарственного обеспечения населения и армии в годы войны Россия оказалась неподготовленной, так как не имела собственного производства важнейших синтетических препаратов, готовых лекарственных средств. Попытки создания отечественной химико-фармацевтической промышленности во время Первой мировой войны, несмотря на активную помощь русских ученых-химиков, не увенчались успехом. Острый недостаток сырья и нехватка топлива вызвали большие перебои в материально-техническом снабжении промышленных предприятий и привели к сокращению производства. Вновь созданные предприятия, конечно, не могли полностью решить проблему лекарственного обеспечения населения и армии. За необходимой помощью Россия была вынуждена обратиться к Франции, Англии, Америке и даже Японии, а также принять срочные меры к расширению собственного производства.

Примечания:

1. Краткий исторический очерк становления и развития системы медицинского обеспечения сухопутных войск России – СССР: (Конец XVII – первая половина XX вв.) / П. Ф. Гладких, В. Б. Корбут, А. Е. Локтев и др. – СПб.: Телесфор, 1997. – 183 с.
2. Левинштейн И.И. История фармации и организация фармацевтического дела. – М-Л.: Гос. изд-во мед. лит-ры «Медгиз», 1939. – 223 с.
3. Полное собрание законов Российской империи. – СПб.: [Б.и.], 1901. – Собрание 3. – Т. XVIII. – СПб., 1898. – 1083 с.
4. Собрание узаконений и распоряжений правительства. – СПб., 1899. – Отдел 2, Второе полугодие. – Ст. 2150.
5. Семенченко В.Ф. История фармации. – М.: ИКЦ «МарТ», 2003. – 640 с.

Дзюба Н. А., Игишев Р. Ф. (г. Оренбург)

ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Во имя Великой, священной России
В огне закаленных прошедших веков
Пусть гордо и доблестно по ветру бьются
Знамена лихих оренбургских полков
(из гимна Оренбургского казачьего войска)

Изучение истории родного края – важная составляющая часть образовательного и культурного процесса. Для человека важно знать свою родословную, историю своего города, деревни, в котором жили его деды и прадеды, которые жизнь отдали за нашу Родину.

В 2014 году исполняется 100 лет с начала Первой мировой войны. Именно эта война стала началом кардинальных изменений в истории нашего государства. Все тяжести военных испытаний перенесла на себе Россия. Восточный фронт являлся главным фронтом Первой мировой войны.

Казачьи войсковые части были особенными частями русской армии: их уважали союзники за их храбрость, преданность и боялись враги. Они формально относились к иррегулярным войскам русской армии и отличались от регулярных армейских формирований исторически сложившейся системой комплектования, порядком прохождения воинской службы, внутренней структурной организацией.

Только оренбургских казачьих полков участвовало в Первой мировой войне 17. Большое количество казаков-оренбуржцев стали кавалерами высшего отличия – Георгиевского креста. И еще нас привлекло к этой теме, что обучение офицерских кадров для казачьих войск проводилось в Оренбургском казачьем юнкерском училище, которое базировалось на территории современного Оренбургского президентского кадетского училища.

Нам захотелось узнать о роли Оренбургских казаков в военных событиях Первой мировой войны. Так родилась идея этого исследования.

В советский период вопрос о роли и положении казаков в период Первой Мировой войны практически не изучался, можно сказать, игнорировался. Если даже данная тема и затрагивалась в научных тру-

дах, то лишь как второстепенная, помогавшая раскрыть какую-то другую историческую проблему. Данная тема на наш взгляд изучена еще недостаточно полно, поэтому мы попытались провести собственное исследование.

Значительное количество документов, свидетельствующих о состоянии, а также административной, военной, хозяйственной, учебной и иной деятельности Оренбургского казачьего войска в годы Первой мировой войны, сохранилось в Государственном архиве Оренбургской области.

Ценную информацию о награждении казачьих офицеров орденами Святого Георгия и Георгиевским оружием в 1914–1916 гг. содержат документы фонда Комиссии по организации военно-исторического музея войны 1914–1918 гг. В качестве других источников – статистические сборники, исследования современников событий, мемуарная литература, центральная и местная периодическая печать.

Особый интерес вызвали монографии Ганина А. В. и Семенова В. Г. о казачестве, это и биографический справочник и история 1-го Оренбургского казачьего войска.

В уникальном российском сословии – казачестве можно выявить самую достойнейшую сущность человека: трудолюбие, патриотизм, воинскую доблесть, незыблемость семьи как основы государства, заботу о старших и младших, стремление к защите и процветанию родного края.

В 1867 году создано первое в Российской Императорской Армии юнкерское казачье училище. Оно разместилось в центральной исторической части города Оренбурга. В настоящее время здесь находится Первое президентское кадетское училище.

Будущие казачьи офицеры проходили общевоинскую, физическую подготовку, обучались набору оригинальных традиционных боевых приемов, в течение веков формировавшихся и совершенствовавшихся казачеством. К их числу относятся и приемы владения холодным оружием и арканом, и приемы ведения ночных набегов и речных переправ, приемы джигитовки.

Оренбургское казачье училище готовило казачьих офицеров для службы в небольших отрядах, оторванных от главных сил. Программы обучения строились с учетом специфики казачьих войск, высокой выучки рядового и унтер-офицерского состава.

Оренбургское юнкерское казачье училище известно своими выпускниками. В училище работали многие известные ученые и военные деятели:

генерального штаба полковник Василий Александрович Потто (начальник военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа), генерал от кавалерии Федор Константинович Гершельман (помощник командующего Варшавского военного округа, автор многих исследований по истории кавалерии), Николай Алексеевич Зарудный (видный зоолог и путешественник), генерал-лейтенант Александр Ильич Дутов (походный атаман казачьих войск России), генерал-лейтенант Геврасий Петрович Жуков (командир 1-го Оренбургского казачьего корпуса, свыше 12 лет прослуживший в училище, герой Первой мировой войны) и другие.

Выпускники Оренбургского казачьего училища с честью выполнили свой воинский долг в годы великих испытаний Первой мировой войны 1914–1918 годов

Во время германской войны, по данным доктора исторических наук, М. Д. Машина, на фронтах участвовало 292 тысячи казаков от всех казачьих войск, в том числе 36674 оренбуржца.

С современной площади за ДК «Газовик» 100 лет назад первыми отправились на фронт 7-й Оренбургский казачий и 331-й пехотный Орский полки. По сведениям историков, губернатор Сухомлинов вручил казакам иконы Николая Угодника, благословив их на ратные подвиги.

Всего за 1914–1916 годы Оренбургское казачье войско выставило 18 конных полков, конный батальон, 8 конно-артиллерийских батарей, 39 отдельных сотен, 9 конвойных полусотен.

Уже в начальный период войны отмечались случаи массового героизма казаков. Один из таких случаев произошел в середине августа 1914 года. В ходе одного из тяжелых боев восемь казаков 2-го Оренбургского казачьего полка попали в окружение, но они не струсили, и не только с боем вырвались из вражеского кольца, но и спасли знамя своего полка. Все казаки (Проганкин, Игнатьев, Ковешников, Репьев, Русанов, Толкачев, Чернев, Щербинин) были награждены Георгиевскими крестами IV степени, а их родным от имени наказного атамана Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенанта Сухомлинова были подарены иконы со специальными благодарственными монограммами. Данный случай был далеко не единичным.

15 ноября 1915 г. оренбургские казаки совершили дерзкую ночную операцию в селе Невель (на Припяти), завершившуюся разгромом крупного гарнизона и штаба 82-й немецкой резервной дивизии.

Командир дивизии был взят в плен. Потери партизан составили 6 человек убитыми и 50 ранеными. Подъесаул 11-го Оренбургского казачьего полка Н. Мензелинцев был награжден Георгиевским оружием.

Крупнейшей операцией второго этапа первой мировой войны стало наступление Юго-Западного фронта, известное как Брусиловский прорыв. Эта наступательная операция была проведена силами 3-й, 7-й, 8-й, 9-й и 11-й, армий Юго-Западного фронта под командованием генерала от кавалерии А. А. Брусилова с 22.05 (04.06) по 31.07 (13.08) 1916 г.

7-й, 13-й, 14-й, 15-й, 16-й, 17-й и 18-й оренбургские казачьи полки выполняли функции корпусной конницы. Они вели разведку, обеспечивали связь, охрану штабов, участвовали в сражениях. Боевые действия оренбуржцев высоко оценил генерал Брусилев в приказе от 7 сентября 1915 года. Три сотни казаков под командованием подъесаула Глебова нанесли поражения превосходящим силам австрийских войск, обратили их бегство.

Доблестно воевал 7-й полк, сформированный в основном из казаков станиц Линёвской, Донецкой, Кардаиловской, Татищевой. Поскольку это был полк второй очереди, служили в нём казаки старше двадцати пяти лет. С середины 1914 по 1916 годы казаки 7-го полка захватили в плен около 80 германских и австрийских солдат, несколько офицеров.

Казачьи части успешно действовали не только в открытом бою, вызывая страх противника, но не менее успешно воевали казачьи партизанские отряды в тылу противника.

Георгиевские кавалеры... Эти слова вызывают в памяти образы лихих удалцов, грудь которых, украшена отсвечивающими серебром и золотом Георгиевскими крестами. Краса и гордость русской армии.

За годы войны Оренбургским казачьим войском получено свыше 8 тысяч георгиевских крестов, свыше 7 тысяч георгиевских медалей. Среди них Пашнин Иван Васильевич (11.11.1889 – 11.07.1938) – первый среди кавалерии и казачьих войск России стал полным Георгиевским кавалером в 1914 году, Георгий Васильевич Харин, Ефимов Михаил Филиппович, Николай Дмитриевич Каширин.

Больше всего этими наградами были отмечены казаки 1-го Оренбургского полка. Большое количество награжденных можно объяснить тем, что этим полкам пришлось участвовать во многих тяжелых боях. Небольшое количество казаков ОКВ во время Первой мировой войны были отмечены военными наградами союзников (Бельгии,

Франции, Румынии). Опираясь на исследования известного специалиста по георгиевским наградам Ю. Г. Курепина, кавалер трех георгиевских крестов вахмистр 16-го ОКП Иван Прокопьевич Губин из Уйской станицы был награжден английской и французской военными медалями. Французскими военными медалями были также награждены кавалеры четырех георгиевских крестов: старший урядник 2-го ОКП Матвеев Алексей из Каменно-Озёрной станицы, старший урядник 3-го ОКП Иван Васильевич Пашнин (станция Миасская).

За три года боевых действий потери убитыми в казачьих войсках России составили 10 506 казаков и офицеров. Полки, сотни и батареи Оренбургского казачьего войска в боях Первой мировой войны потеряли убитыми 767 казаков, в том числе 80 офицеров и 687 казаков, то есть 7,3 % от общероссийских потерь в казачьих войсках. Ранено и контужено по казачьим войскам России было 44 592 казака и офицера. Из них 3053 человека, или 6,8 % от общего числа раненых и контуженых, составляли оренбургские казаки. Количество без вести пропавших и пленных по казачьим войскам России составляло 6 763 человека. В Оренбургском казачьем войске таковых было 770 казаков и офицеров, или 11 % от общего числа потерь. Тем не менее, наши казаки не запятнали чести и достоинства, проявляя на полях сражений чудеса храбрости и героизма.

Одним из методов изучения темы исследования было анкетирование кадетов Оренбургского президентского училища 8–11 классов. Что мы знаем о Первой мировой войне? Вопросы анкеты были следующие:

1. Назовите сражения из истории Первой мировой войны.
2. Каких героев Первой мировой войны вы знаете?
3. Какую роль играла Оренбургская губерния в Первой мировой войне?
4. Какие казачьи соединения, сформированные в Оренбургской губернии, вы знаете?

Оно дало следующие результаты. Из 30 опрошенных 8–9 классов и 20 опрошенных кадетов 10–11 классов на все вопросы анкеты ответили 17 человек (35 %), на 1 и 2 вопросы – 23 человека (45 %), а 18 человек не ответили на последний вопрос (40 %).

Вывод: Кадеты знают хорошо общие вопросы Первой мировой войны и затрудняются на краеведческом материале. Следовательно, можно ввести элективный курс по истории казачества в 9-м классе или в рамках предмета «История» уделять больше внимания исто-

рии Оренбургского края, дополнив учебный план дополнительными часами.

120 офицеров поставило на войну Оренбургское казачье юнкерское училище. Оно оправдало надежды, которые на него возлагали. Выпускники училища отличались преданностью Православной Вере, Государю Императору и Отечеству. Кроме того они отличались высоким уровнем военно-профессиональной подготовки, силой, выносливостью. Обучение и воспитание юнкеров носило практический характер с опорой на традиции и обычаи предков.

Первая мировая война была событием огромного значения. Обращение к ее опыту и урокам актуально и для современности, поскольку сохраняется опасность возникновения такого рода конфликтов.

Особенную значимость в современных условиях приобретают накопленный казачеством за его многовековую историю военный опыт, особенности несения воинской повинности, организации частей и подготовки казачьей молодежи к воинской службе, система военно-патриотического воспитания.

Примечания:

1. Бондаренко В. В. Сто великих подвигов России. – М.: Вече, 2013.
2. Военная энциклопедия: [В 18 т.] / Под ред. В. Ф. Новицкого и др. – СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1911–1915.
3. Ганин А. В. Семенов В. Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945: Биографический справочник. – М.: Русский путь, Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», 2007.
4. Ганин А., Семенов В. История 1-го Оренбургского казачьего полка. – Харьков: ИД «Райдер», 2007.
5. Первая мировая война и казачество Урала // История казачества Урала. – Оренбург; Челябинск, 1992.

Мурзакаева Д. И. (г. Оренбург)

ИСТОРИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

Столетие начала Первой мировой войны – повод задуматься, насколько закономерен и неизбежен был её финал для Российской Империи. Ведь подписание Брестского мира и расстрел в Ипатьевском доме царской семьи – всего лишь развязка ряда тех трагических событий, интерес к которым в истории не исчезнет с годами.

Война разделила всемирную историю на две эпохи, открыв совершенно новую её страницу, наполненную социальными взрывами и потрясениями, нашедшую своё отражение и в художественной культуре, в том числе в изобразительном искусстве¹. На фоне утилитарной исторической литературы о Первой мировой войне, живописная историческая картина, написанная по творческому вдохновению художниками, которые сами прошли через войну, может рассказать гораздо больше, чем конъюнктурный рассказ современников. Поскольку живописцы тех героических лет стремились не только и не столько точно показать происходящее, сколько выразить своё отношение к нему, передать общественно-политическую атмосферу, царящую вокруг того или иного события.

Известно, что почти весь XIX век основные державы демонстративно шли к открытому конфликту, в результате которого должна была решиться судьба не просто Европы, но и всего мира. Великобритания, Франция, Россия, чуть позже Германия и Австро-Венгрия не собирались идти на компромисс. Поскольку национально-политические авантюры для каждой из них стояли выше разума и даже выше близкого родства практически всех царствующих фамилий: будущие враги – правители России, Англии и Германии – были кузенами. В этой тревожной, смутной и удушливой атмосфере накануне войны, ставшей прологом к XX веку, не было недостатка в слухах и интригах. Кое-кто в этой атмосфере ожидал конца света, но основную часть населения всех стран-соперниц она пьянила и будоражила². Именно эйфорию народных масс в Европе перед крупнейшей военной катастрофой показывают в своих работах известные художники А. Янк, Г. Ланге, М. Щеглов, В. Коссак, С. Бауэр и другие. Так на картине С. Бауэра «Война объявлена. 1 августа 1914 года»³ изображена ликующая толпа на Дворцовой площади перед Зимним. Следовательно, предстоящая война с Германией в русском обществе вызвала бурный патриотический экстаз. Радостные лица людей, размахивающих флагами, прыгающие рядом дети лишь подчеркивают эйфорию первых дней войны. Аналогичный экстаз немецкого народа от предстоящей войны можно видеть на картинах художника Ф. Швормштедта «После объявления войны: энтузиазм берлинцев», «Первый день войны. Резервисты идут через Потсдамер Плац» и т. п., на которых изображены ликующие толпы на улицах Берлина⁴.

Следующий цикл поразительно реалистичных картин уже не только достоверно отражает ужасы битв и сражений Первой мировой вой-

ны, но показывает и шокирующие последствия кровавого молоха. Эпические полотна известных европейских художников, объединенные общим сюжетом о боях начала прошлого века и схожей эстетической идеологией, по сути, ведут живую летопись Первой мировой войны: В. Фалилеев «Дорога на сборный пункт», А. Виницианов «Окопная правда», Эгон Шиле «Наступление русских войск в Галиции. Сентябрь 1914 года», «Русский пленный», «Русские войска идут в атаку», Н. Самокиш «Атака на Турецком фронте», «Бой под Ярославом в 1914 году», Отто Дикс «Война», «Штурм», «С лёту. Эпизод войны», И. Владимиров «Захват германских автомобилей», А. Корягин «Ужас войны», И. Владимиров «Казаки в походе», С. Мухарский «Смерть героя», Г. Ланге «Русская пехота отбивает атаку прусской кавалерии», Ф. Шворнштедт «Немецкие войска на отдыхе», В. Коссак «Сестра милосердия поднимает войска в атаку», «После боя»⁵ и многие другие: перечислять их можно до бесконечности. Все эти картины представляют собой самостоятельную страничку военной истории, нисколько не уступающую, а в ряде случаев превосходящую историографию Первой мировой войны.

Невозможно подобрать слов для того, чтобы по-настоящему передать всю сложность творческого подвига, который совершается в тиши мастерской художника батальной живописи. И тем более, совершенно невозможно передать всю гамму чувств от творческого процесса, происходящего непосредственно на поле брани под грохот снарядов!

Постоянно подвергая свою жизнь опасности, свою волю нечеловеческим испытаниям, художники в окопах создавали картины, показывающие «настоящее лицо» Первой мировой войны – беспощадное, жестокое, кровавое, буднично-страшное, лишенное всякого романтического ореола.

И, тем не менее, многие свои этюды и эскизы к будущим полотнам, ставшими впоследствии историческими, батальные живописцы, например, Н. С. Самокиш, и его ученики Р. Р. Френц, П. И. Котов, П. В. Митурич, П. Д. Покаржевский, К. Д. Трофименко создавали в походных условиях, непосредственно участвуя во всех боевых действиях наравне с солдатами. Поэтому сквозь каждую картину с передовой проглядывает личное отношение художника ко всему происшедшему⁶.

В картине «Русские войска идут в атаку»⁷ художник Н. Самокиш передаёт огромную эмоциональную насыщенность мира солдат перед

предстоящим боем, которому незнакомы притворство и фальшь, сам дух русской армии раскрыт благодаря высочайшему живописному мастерству, необыкновенному колористическому дарованию художника.

В картинах П. Шипова «Германская газовая атака в Польше», «Под Ипром. Западный фронт 1915 год»⁸, являющихся бесценным свидетельством происходивших событий на фронтах войны, рассказывается о применении газового оружия германцами. О том, что легло в основу каждой из них, можно говорить бесконечно долго. Например, в те годы весь мир с восхищением взирал на оборону русской опорной крепости Осовца (ныне территория Польши), через которую тогда для немцев лежал кратчайший путь в Россию. Гарнизон крепости почти год отбивал атаки германцев, чем сорвал планы немецкого командования на Белостокском направлении⁹. Картина «Германская газовая атака в Польше» ассоциируется именно с тем моментом, когда к обреченной крепости приблизились германские цепи, а из густого зелёного тумана на них обрушилась контратакующая русская пехота. После этой контратаки, названной европейскими журналистами «атакой мертвецов», художники-баталисты в походных альбомах уже фиксируют, что патриотический порыв захватил все слои общества, причем не только российского, – во всем мире¹⁰. Работы мастеров батальной живописи того периода, рожденные новой волной общественных настроений, поражают всем: и необычностью тем, и продуманностью замысла в целом, и смелостью их трактовки. Большое количество картин М. Щеглова, Ф. Рубо, В. Коссака посвящено участию в сражениях добровольных частей с громкими названиями: ударные, штурмовые, женские батальоны смерти, союз личного примера инвалидов и т. п.¹¹. Хотя тогда мало кто знал, что Россия воюет исключительно на деньги союзников. Что бессмысленные зачастую наступления русских войск заказаны Антантой для спасения положения на Западном фронте. Что все это оплачивалось ценой жизни русских солдат. И зачастую художники с горечью вынуждены были в своих работах акцентировать внимание общественности на ни чем не оправданной их гибели. Раскрывая военную доблесть, моральную силу и человеческое достоинство солдата на войне, русские художники в своих работах с особой остротой невольно подчеркнули трагичность его положения, обнажив тем самым основные социально-экономические противоречия того времени.

Эпическая мощь картин «Артиллерия на позициях» или «Молитва», «Перестрелка» С. Н. Самокиша¹², отвергавшего академические

каноны батальной живописи с их парадной условностью, производят ошеломляющее впечатление. В лице художника-новатора С. Н. Самокиша и его учеников, очевидцев и участников сражений Первой мировой войны, русская армия приобрела самых талантливых, беспристрастных своих летописцев. Наставляя своих учеников, Самокиш говорил: «Ваша работа – это не фотография, она должна жить, должно быть движение»¹³. Именно поэтому всегда важнее увидеть, чем услышать. Человек огромного личного мужества, всю свою жизнь он последовательно всеми доступными средствами показывал, что война – это самое уродливое явление. Умственное брожение, активная переоценка ценностей в начале трагического XX века, ставшие отправной точкой тех драматических, но, в то же время очистительных перемен в обществе, до сих пор никого не оставляют равнодушным и привлекают к себе пристальное внимание исследователей различных школ.

Знакомство с шедеврами изобразительного искусства, так или иначе связанными с Первой мировой войной и чудом сохранившимися до наших дней: будь то живопись, графика, оферта, и тем более будь то эскиз, рисунок или даже набросок с натуры, особенно непосредственных её участников, становится знаковым событием для любого, кому небезразлична судьба нашей Родины. Поскольку чем дальше мы уходим вглубь веков, изучая историю по работам художников-баталистов, тем лучше понимаем, что происходит сегодня и что может произойти завтра. «Корни всех грядущих событий всегда лежат в прошлом, и тот, кто знает и понимает характер этих корней, может предсказывать то, что из этих корней может вырасти», – писал Фридрих Ницше¹⁴. То есть историческая информация является ключевой для понимания глобальной политической игры, текущей политической ситуации в стране и возможных сценариев развития будущего. История, бывшая трагедией, является миру вторично как фарс. Но есть ещё и третье явление, третье воплощение исторического сюжета – в беспристрастных картинах русских художников. Тому подтверждением служит творчество художников-баталистов начала XX века, состоящее из большого количества исторических композиций о Первой мировой войне, которые не потеряли своего научного интереса и до сих пор остаются предметом спора среди искусствоведов и историков.

Примечания:

1. Зайончковский А. М. Первая мировая война. – СПб.: Полигон, 2002. – С. 7.
2. Емельянов А. Г. Казаки на Персидском фронте. – М.: Вече, 2007. – С. 15.
3. Великая война 1914–1918. Русский фронт. Война в искусстве [Электронный ре-

**Секция 3. МИРОВЫЕ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ МОЛОДЁЖИ.
СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, СУДЬБЫ**

- сурс]. – Режим доступа: <http://akosinov.jimdo.com/%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B0-%D0%B2%D0%B8%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5/>
4. Там же.
 5. Там же.
 6. Фотоальбом с работами художника Самокиш Н. С. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://foto.mail.ru/inbox/cxol50/13378>
 7. Там же.
 8. Великая война 1914–1918. Русский фронт. Война в искусстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://akosinov.jimdo.com/%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B0-%D0%B2%D0%B8%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5/>
 9. Зайончковский А. М. Первая мировая война. – СПб.: Полигон, 2002. – С. 117.
 10. Нелипович С. Г. Брусиловский прорыв. Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916 года. – М.: Цейхгауз, 2006. – С. 19.
 11. Великая война 1914–1918. Русский фронт. Война в искусстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://akosinov.jimdo.com/%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B0-%D0%B2%D0%B8%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5/>
 12. Фотоальбом с работами художника Самокиш Н. С. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://foto.mail.ru/inbox/cxol50/13378>
 13. Крымская художественная галерея. Самокиш Николай Семенович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gallery.crimea.ua/ru/painters.php?p=104>
 14. Мочкин А. Н. Фридрих Ницше (интеллектуальная биография). – М.: Б. и., 2005. – С. 13.

Тимофеев А. О. (г. Оренбург)

ПОЛЕ ВОИНСКОЙ ДОБЛЕСТИ

Великая Отечественная война – пожалуй, крупнейшее событие XX века. Несмотря на то, что прошло уже почти 69 лет после её окончания, отголоски тех дней памятливы до сих пор. В нашей истории есть события, золотом горящие на скрижалях ее ратной славы. И одно из них – Сталинградская битва, гигантское по масштабам сражение на берегах Волги, 70-летие которой страна отметила в 2013 году.

С наступлением эры информационных технологий появилась возможность подробно изучить документы военных лет, хранящиеся в Центральном архиве Министерства обороны (ЦАМО), выяснить судьбу солдат, погибших или пропавших без вести на фронтах Великой Отечественной, определить место их захоронения.

Мой род по линии мамы в Оренбургской губернии начался от прапрадеда Максима Петровича Пузий, переселившегося в 1883 году

из села Прохоровка Кременчугского уезда Полтавской губернии. Дедушка Пузий Владимир Петрович искал корни нашей семьи в Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО) и вот что выяснил:

В «Вестнике Европы» за 1876 г., в статье «Экономическое обозрение переселения» сказано «...в местностях давнее других поступивших в обработку земель чувствуется избыток рабочих рук, тогда как в обширных черноземных областях Новороссии, земли Войска Донского, Саратовской, Самарской, Ставропольской и Оренбургской губернии, культура которых насчитывает себе не более 100 лет, далеко не вся годная к возделыванию земля может быть обработана наличными рабочими силами. Результатом такого положения дел является постоянное движение земледельческих рабочих из северной густо заселенной полосы нашего Черноземья (губернии Полтавской, Харьковской, Курской, Тамбовской, Воронежской и части смежных с ними) в южную полосу, в которой можно дать занятия миллионам пришлых рабочих рук... Необходимость переселений осознана уже и правительством, которое приступило к продаже земель в Оренбургской и Самарской губерниях».

По-видимому, это и явилось причиной того, что в 1880 году ходоки из села Прохоровка Полтавской губернии: Рубан Иван, Пузий Максим Петрович и Голубничий Гордей Романович – получили в Оренбургской губернии выдел земли и разрешение на переселение части жителей своей деревни.

Весной 1883 года 60 семей из Прохоровки двинулись в Оренбургскую губернию и к осени того же года в Михайловской волости (ныне Шарлыкский район) Оренбургской губернии на Сухой Дёме основали поселок Черный колодец (по названию рочища).

Зима была многоснежной и суровой. С трудом перезимовав, часть переселенцев переместились на более возвышенное место, где и возникло село с названием украинской родины – Прохоровка. Правда, часть семей переселенцев не выдержала трудностей и вернулась назад на родину.

В семье моего предка Пузий Василия Максимовича было пятеро сыновей – Петр, Иван, Леонид, Николай и Федор. Четверо из них воевали в годы Великой Отечественной, в том числе мой прадед – Леонид Васильевич Пузий.

Он родился в деревне Прохоровке ныне Шарлыкского района Оренбургской области в 1914 году. В 1936 году был призван на служ-

*Секция 3. МИРОВЫЕ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ МОЛОДЁЖИ.
СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, СУДЬБЫ*

бу в РККА, в Амурскую область, где встретил свою будущую жену А. С. Попову. После прохождения службы к родственникам не вернулся, остался жить с женой в станице Завитая Завитинского района Амурской области: работал в типографии, вступил в 1938 году в ряды Всероссийской Коммунистической партии большевиков (ВКП (б)). Летом 1942 года был мобилизован в сформированный в Амурской области 1381-й стрелковый полк, в составе которого отправлен на фронт.

Слева во втором ряду – Л. В. Пузий в кругу семьи.

В начале августа 1942 года 96-я стрелковая дивизия второго формирования в составе трех полков 1381-го, 1384-го и 1389-го прибыла с Дальнего Востока на Донскую землю, где шли яростные оборонительные бои за стратегически важный город – Сталинград.

Обстановка того времени была для нашей страны очень трудной. Под пятой фашистских оккупантов находились Прибалтика и Белоруссия, Украина и Молдавия, западные и южные области России. Враг продолжал блокаду Ленинграда, держал крупные силы войск неподалеку от Москвы. Накопленные с большим напряжением стратегические резервы были израсходованы в боях под Москвой. Несмотря на то, что усилиями партии, всего советского народа к лету 1942 года были достигнуты немалые результаты в развитии народного хозяйства, оно пока что обеспечивало армию лишь минимально необходимыми средствами для организации отпора вражеским войскам.

Главной целью немецкое командование провозгласило Кавказ. Чтобы обезопасить левое крыло войск, предназначенных для этой цели, оказать им содействие в быстром продвижении вперед, немец-

кое командование решило нанести удар на сталинградском направлении. По планам Германии, Сталинград должен был потерять свое значение как центр военной промышленности и узел коммуникаций.

В октябре 1942 года стало ясно, что немецкое командование будет вынуждено перейти к стратегической обороне на всем Восточном фронте. Гитлеровские войска понесли колоссальные потери и к тому времени окончательно утратили наступательные возможности. Это снова означало срыв всех планов войны против Советского Союза.

После тяжелейших для нас сражений на юге страны, в районе Сталинграда и на Северном Кавказе гитлеровское военное руководство считало, что советские войска не в состоянии в этих районах провести крупное наступление.

В оперативном приказе № 1 главного командования немецко-фашистских сухопутных войск от 14 октября 1942 года говорилось: «Сами русские в ходе последних боев были серьезно ослаблены и не смогут зимой 1942/43 года располагать такими же большими силами, какие имелись у них в прошлую зиму».

Но это было далеко не так. Оперативные просчеты немцев усугубились плохой работой их разведки, которая не сумела вскрыть подготовку нами крупнейшего контрнаступления в районе Сталинграда, в котором участвовали 11 армий, ряд отдельных танковых, механизированных, кавалерийских корпусов, бригад и отдельных частей, 13,5 тысяч орудий и минометов, около 900 танков, 1414 боевых самолетов.

После войны бывший начальник штаба оперативного руководства немецко-фашистскими вооруженными силами Йодль признал, что они не смогли раскрыть сосредоточение советских войск против левого фланга армии Паулюса: «Мы абсолютно не имели представления о силе русских войск в этом районе. Раньше здесь ничего не было, и внезапно был нанесен удар большой силы, имевший решающее значение».

Основная и решающая роль во всестороннем планировании и обеспечении контрнаступления под Сталинградом неоспоримо принадлежит Ставке Верховного Главнокомандования и Генеральному штабу.

Точно так же неоспорим приоритет в непосредственном разгроме врага тех, кто своим метким огнем, мужеством, отвагой и мастерством громил противостоящего врага: смелым бойцам, командирам, генералам, которые, преодолев тяжелые испытания первого периода войны, были накануне контрнаступления в полной готовности взять инициативу сражений в свои руки и учинить врагу катастрофический разгром.

Стратегическая наступательная операция «Уран» подразумевала наступление трех фронтов: Юго-Западного (командующий – генерал Н. Ф. Ватутин), Сталинградского (командующий – генерал А. И. Еременко) и Донского (командующий – генерал К. К. Рокоссовский) с целью окружения и уничтожения вражеской группировки войск в районе города Сталинграда.

1381-й стрелковый полк, в составе которого участвовал в боях Пузий Леонид Васильевич, в августе 1942 года находился на Донском фронте в составе 96-й дивизии 21-й армии. А. М. Василевский в книге «Дело всей жизни» пишет: «В целях сохранения тайны официальное оформление решения о создании Юго-Западного фронта было отнесено на конец октября. Юго-Западному фронту предусматривалось передать из Донского фронта 63-ю и 21-ю армии и дополнительно 5-ю танковую армию». По его предложению в ноябре 1942 года 21-ю армию передали Донскому фронту.

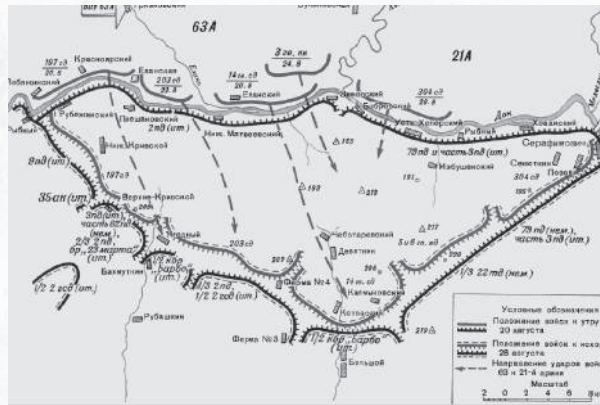
Главную роль на первом этапе контрнаступления выполнил Юго-Западный фронт, развернувший свою главную группировку в составе 21-й, 5-й танковых армий, части сил 1-й гвардейской армии и других мощных средств прорыва с плацдармов юго-западнее Серафимовича и в районе Клетской. Он должен был прорвать оборону 3-й румынской армии и стремительно развивать удар подвижными соединениями на юго-восток с целью выхода на Дон на участке Большенабатовская – Калач.

Ударные группировки Сталинградского и Юго-Западного фронта должны были соединиться в районе Калач (Калач-на-Дону) – хутор Советский, тем самым завершив окружение врага в районе Сталинграда.

Леонид Васильевич Пузий участвовал в боях за город Серафимович. Об этих боях пишет А. М. Василевский: «Несмотря на все мероприятия, проведенные нами 23 и 24 августа, ликвидировать подошедшего непосредственно к окраинам города врага, закрыть коридор и восстановить положение в те дни не удалось. Лишь усилиями войск 63-й и 21-й армий, осуществлявших вспомогательный удар на правом крыле Сталинградского фронта, в результате упорных боев удалось захватить у противника юго-западнее Серафимовича плацдарм в 50 км по фронту и до 25 км в глубину, весьма пригодившийся нам впоследствии».

Сам А. М. Василевский посетил Серафимович 19 ноября, в день начала наступления Юго-Западного фронта и правого крыла Донско-

го фронта. Сильный туман и снегопад исключали возможность использовать боевую и штурмовую авиацию, резко снижали эффективность артиллерийского огня. Некоторые войсковые соединения, встречая сопротивление противника и отражая его постоянные контратаки, наступали крайне медленно. А. М. Василевский пишет, что события в 21-й армии И. М. Чистякова разворачивались примерно также. Однако Г. К. Жуков описывает данные события следующим образом: «19 ноября в 7 часов 30 минут войска Юго-Западного фронта мощным ударом прорвали оборону 3-й румынской армии одновременно на двух участках: 5-я танковая армия под командованием генерал-лейтенанта П. Л. Романенко с плацдарма юго-западнее Серафимовича и 21-я армия под командованием генерал-майора И. М. Чистякова с плацдарма у Клетской».

В течение 21 ноября войска Юго-Западного, Сталинградского и Донского фронтов, нанося противнику огромный урон, продолжали выполнять боевое задание. 23 ноября в результате искусно выполненных ударов по сходящимся направлениям в сторону Калача Юго-Западный и Сталинградский фронты при активной помощи правого крыла Донского фронта замкнули кольцо окружения вокруг главной группировки немцев, действовавших в районе Сталинграда.

Встречая упорное сопротивление окруженного противника, советские войска были вынуждены приостановить продвижение. К тому же, было необходимо укреплять внешний фронт, изолирующий окруженные войска. В последних числах ноября были перегруппированы с внутреннего на внешний фронт ряд стрелковых дивизий 65-й и 21-й армии Донского фронта.

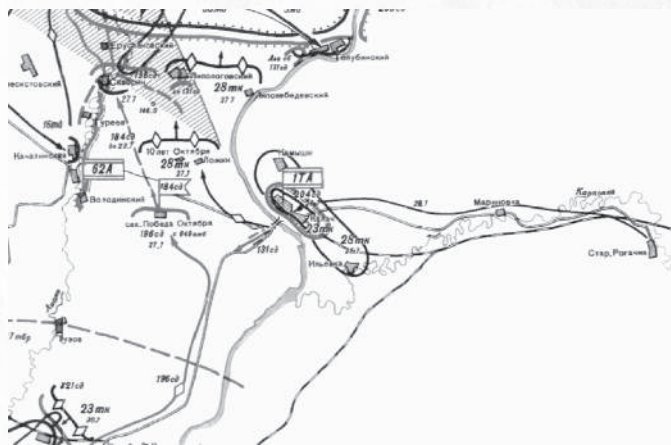
«Немецкое командование, видимо, будет стараться удержать в своих руках позиции в районе Сталинград – Вертячий – Мариновка –

**Секция 3. МИРОВЫЕ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ МОЛОДЁЖИ.
СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, СУДЬБЫ**

Карповка – совхоз Горная Поляна и в кратчайший срок собрать в районе Нижне-Чирская – Котельниково ударную группу для прорыва фронта наших войск в общем направлении на Карповку, с тем чтобы, разорвав фронт наших частей, образовать коридор для питания войск окруженной группы, а в последующем и вывода ее по этому коридору.

При благоприятных для противника условиях этот коридор может быть образован на участке Мариновка – Ляпичев – Верхне-Чирская фронтом на север», – напишет Г. К. Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях».

Леонид Васильевич Пузий участвовал в боях за село Мариновка, в районе которой немецкие войска намеревались прорвать коридор.

План-схема территорий в районе села Мариновка

Помимо боев за г. Серафимович и с. Мариновку в наградном листе прадеда перечислены сражения за высоты, в которых Леонид Васильевич принимал непосредственное участие: «Товарищ Пузий, работая заместителем командира истребительной батареи по политчасти, образцово организовал партийно-политическую работу. За время боев с 12 сентября 1942 г. батареей уничтожено 18 огневых точек, 10 станковых пулеметов, 12 дзотов, 7 минометов, до 500 солдат и офицеров противника. Товарищ Пузий как лучший политработник выдвинут секретарем партбюро. Умело направляет партийную организацию на выполнение боевых задач. В боях за высоту 117,8 товарищ Пузий личным примером храбрости и отваги увлекал за собой бойцов в атаку на врага, с группой бойцов 8 человек он первым ворвался в окопы противника и уничтожил 17 фрицев. В бою за высоту 83,1, когда был выведен из строя пулеметный расчет, товарищ Пу-

зий взялся за пулемет и расстреливал врага, очищая путь пехоте. За период с 10.11 по 30.12 парторганизация выросла на 82 человека. Вполне заслуживает правительственной награды ордена «Красная Звезда»».

На наградном листе имеются подписи командира 1381-го стрелкового полка майора Еремеева, заместителя командира 1381-го стрелкового полка по политической части майора Алексеева, командира 96-й стрелковой дивизии полковника Исакова, заместителя командира 96-й стрелковой дивизии по политической части полковника Ведехина, начальника политотдела 21-й армии полкового комиссара Соколова, Члена Военного Совета 21-й армии генерала-майора Крайнова и, конечно же, подпись командующего 21-й армией генерал-майора И. М. Чистякова.

27 декабря Н. Н. Воронов выслал в Ставку ВГК первый вариант плана «Кольцо». Ставка в директиве № 170718 от 28 декабря 1942 года (за подписями Сталина и Жукова) потребовала внести изменения в план, с тем, чтобы он предусматривал расчленение 6-й армии на две части перед её уничтожением.

10 января 1943 года после мощной артиллерийской подготовки войска Донского фронта перешли в наступление с целью расцечь вражескую группировку и уничтожить ее по частям. 11 января Леонид Васильевич Пузий погибает, смертельно раненный осколком снаряда (или мины), в районе села Мариновка, о чем свидетельствует список безвозвратных потерь начальствующего состава 1381-го стрелкового полка.

2 февраля 1943 года прозвучали последние залпы битвы на Волге. Однако Леонид Васильевич Пузий так и не узнал о нашей победе. Не узнал он и о том, что был награжден орденом «Красная Звезда»¹, так как приказ о награждении был подписан только 31 января 1943 года

Родственники долго не знали, где находится могила Леонида Васильевича Пузий. Место его захоронения удалось определить только в 2010 году, когда мы с дедом совершили поездку в город-герой Волгоград, посетили места, где сражался Леонид Васильевич, в том числе село Мариновку, в котором пообщались с местными жителями. Один из старожилов Мариновки любезно согласился провести для нас экскурсию по местам былых сражений.

Особенно поразили нас масштабы боев под Сталинградом: даже в настоящее время по полям рассыпаны гильзы, осколки снарядов...

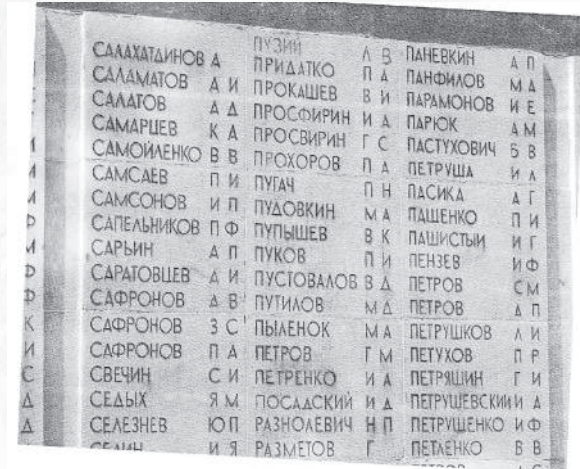
Слева местный житель с. Мариновка, в центре – Пузий Владимир Петрович, справа – автор статьи

В сельском совете Мариновки мы выяснили, что братская могила Платоновского хутора, в которой был захоронен Леонид Васильевич Пузий, находилась на том месте, где в настоящий момент прошел Волго-Донской канал. Также нам рассказали, что захоронение было перенесено в г. Калач-на-Дону. Мы посетили братскую могилу села Мариновка.

Братская могила в селе Мариновка

После посещения братской могилы мы направились в Калач-на-Дону для посещения мемориального комплекса погибшим в ходе боев за этот город. К сожалению, мы не обнаружили имени нашего родственника на мемориальной доске. Отправили письмо в Военный комиссариат Волгоградской области, с просьбой внести на мемориальную доску имя Леонида Васильевича Пузий. Спустя некоторое время, нам пришло письмо с удовлетворительным ответом и фотографиями

Мемориальная доска в г. Калач-на-Дону

Таким образом, мы не только выяснили место захоронения нашего героического предка, но и восстановили историческую справедливость по отношению к его подвигу, вписав его имя в число героев, перечисленных на мемориальной доске в городе Калач-на-Дону.

31 января 1943 года была окончательно разгромлена южная группа немецких войск. Ее остатки во главе с командующим 6-й армией генерал-фельдмаршалом Паулюсом сдались в плен, а 2 февраля сдались и остатки северной группы. На этом была полностью завершена величайшая битва на Волге, где катастрофически закончила свое существование крупнейшая группировка немецких войск и сателлитов фашистской Германии.

«Битва в районе Сталинграда была исключительно ожесточенной. Лично я сравниваю ее лишь с битвой за Москву», – напишет Г.К. Жуков в книге «Воспоминания и размышления». «С 19 ноября 1942 года по 2 февраля 1943 года было уничтожено 32 дивизии и 3 бригады, остальные 16 дивизий потеряли от 50 до 75 процентов личного состава.

Общие потери вражеских войск в районе Дона, Волги, Сталинграда составили около 1,5 миллиона человек, до 3500 танков и штурмовых орудий, 12 тысяч орудий и минометов, до 3 тысяч самолетов и большое количество другой техники. Такие потери сил и средств катастрофически отразились на общей стратегической обстановке и до основания потрясли всю военную машину гитлеровской Германии».

Победа наших войск под Сталинградом знаменовала собой начало коренного перелома в войне в пользу Советского Союза и начало изгнания вражеских войск с нашей территории.

Значительную роль в успешном осуществлении разгрома вражеских войск сыграла партийно-политическая работа военных советов, политорганов (членом которых являлся и Л. В. Пузий), партийных и комсомольских организаций и командования, воспитавших у воинов уверенность в своих силах, смелость, мужество и массовый героизм при решении боевых задач.

Это была долгожданная и радостная победа не только для войск, непосредственно осуществлявших разгром врага, но и для всего советского народа, который дни и ночи упорно трудился, чтобы обеспечить армию всем необходимым. Верные сыны России, Украины, Белоруссии, Прибалтики, Кавказа, Казахстана, Средней Азии стойкостью и массовым героизмом заслужили бессмертную славу.

Мы потомки великого народа – народа, победившего фашизм! Давайте помнить об этом, и бессмертный подвиг наших дедов, прадедов, прапрадедов пусть всегда живет в нашем сердце.

Примечания:

¹ Орден Красной Звезды был учреждён для награждения за большие заслуги в деле обороны Союза ССР как в военное, так и в мирное время. Представлял собой покрытую рубиново-красной эмалью пятиконечную звезду, в середине ордена помещён щит с изображением фигуры красноармейца в шинели и будёновке с винтовкой в руках. По ободу щита расположена надпись «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», в нижней части обода – надпись «СССР». Под щитом находится изображение серпа и молота. Щит, изображение красноармейца, надпись, серп и молот, а также края звезды – оксидированы. Орден Красной Звезды изготавливается из серебра.

Литература:

1. Василевский А. М. Дело всей жизни. – 4-е изд. – М.: Политиздат, 1983. – 544 с.
2. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. – М.: Изд-во АПН, 1971.
3. Карты Google [Электронный ресурс]. URL: <http://maps.google.com>
4. Сайт «Подвиг народа» [Электронный ресурс]. URL: <http://podvignaroda.mil.ru>
5. Самсонов А. М. Сталинградская битва.

Иванова Е. П. (Оренбург)

ПОКОЛЕНИЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

«Этот День Победы Порохом пропах, Это праздник С сединою на висках, Это радость Со слезами на глазах – День Победы! День Победы! День Победы!». Эти слова из песни важны для всех родственников фронтовиков, благодаря которым мы одержали эту важную для нас победу.

Я горжусь, что и в нашей семье были такие люди, помогшие победить стране в Великой Отечественной войне. Пусть их уже нет в живых, но мы всегда будем помнить об этих людях, об их роли в Великой Победе! Они – наши герои!

О подвигах многих героев остаётся так и неизвестно ничего их семьям, потому что эти солдаты числятся пропавшими без вести.

Одним из них был мой двоюродный дедушка, брат моей бабушки Ивановой Елизаветы Дмитриевны, **Плотников Иван Дмитриевич**. Он родился в 1916 г. в селе Черноречье ныне Оренбургского района и области.

Плотников Иван Дмитриевич

После участия в советско-финской войне 1939–1940 гг. вернулся домой. Вскоре началась Великая Отечественная. Пришла повестка, и

**Секция 3. МИРОВЫЕ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ МОЛОДЁЖИ.
СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, СУДЬБЫ**

он снова отправился на фронт. Призывался Кировском райвоенкоматом города Чкалова (ныне Оренбурга). Служил радистом в 28-й отдельной лыжной бригаде.

Через какое-то время Иван Дмитриевич пришёл на побывку с перевязанной головой. Моя бабушка навсегда запомнила брата таким, каким тогда его увидела: высокий, круглолицый, красивый парень крепкого телосложения. К сожалению, радость родителей, увидевших сына, была недолгой. Через десять дней он снова отправился на фронт, а после пришло сообщение, что красноармеец И. Д. Плотников пропал без вести.

Плотников Иван Дмитриевич (справа)

Это всё, что знала бабушка о своём брате, ведь когда его забрали на фронт, ей было всего 5 лет. До 2010 г. нам больше ничего не было известно об его жизни, пока из разных источников не стала появляться новая информация о нём. Мы узнали, что родственников И. Д. Плотникова давно разыскивают.

Началась переписка с поисковой группой «Поиск», которой мы очень благодарны. В письме её члены нам сообщили, что Иван Дмит-

риевич был радистом и учился на диверсанта. Так же нам стала известна версия о том, что его разведгруппа численностью 11 человек погибла на пути из села Сенное в село Быки Севского района Брянской области.

Завязалась переписка и с родственницей одного из сослуживцев пропавшего солдата Потехиной Ириной Борисовной из Ярославля. Она сообщила в письме, что её дядя Николай Андреевич Демидов служил вместе с нашим родственником. Из его письма домой известно, что в конце 1942 г. в Барнауле обоих зачислили в отдельную роту разведчиков. С утра до позднего вечера у них шла лыжная и специальная подготовка, а в феврале 1943 г. они прибыли на фронт. В составе группы из 11 человек были отправлены на разведку в с. Быки (ныне Первомайское) Севского района Брянской области, где и погибли 19 марта 1943 г. Это подтверждает и список безвозвратных потерь 28-й отдельной лыжной бригады¹.

К своему письму Ирина Борисовна приложила статью, опубликованную членом поискового отряда «Поиск» А. Ломоносовым в газете «Севская Правда». По рассказам жителей посёлка Ручеек стало известно, что разведчики были обнаружены немцами при возвращении с задания. По словам очевидцев, командир группы построил разведчиков и спросил: «Кто из комсомольцев добровольно останется и прикроет отход группы». Один из разведчиков вышел из строя и забрался на дерево. Огнём из автомата он долго отстреливался, а последнюю пулю оставил для себя. Кто это был, остаётся неизвестным до нашего времени. Всё дело в том, что у разведчиков существует правило: документы, награды и личные вещи сдаются старшине. Поэтому местные жители при захоронении не смогли установить его имя. Погибли в этом бою и остальные разведчики, но их место захоронения пока не обнаружено, хотя поиски ведутся давно. Очень надеемся, что могилы солдат найдут, и станет известно немного больше об их подвиге.

* * *

«Ты же выжил, солдат, Хоть сто раз умирал, Хоть друзей хоронил, И хоть насмерть стоял. Отчего же ты замер? – На сердце ладонь, И в глазах, как в ручьях, Отразился огонь». Эти строчки лучше всего могут описать состояние солдат, видевших, как умирали те, кто сражался с ними бок о бок, кто побеждал с ними в эти страшные годы Великой Отечественной войны.

Одним из таких выживших был мой прадед **Иванов Алексей Терентьевич**, отец моего дедушки. Он родился в 1906 г. в селе Черноре-

*Секция 3. МИРОВЫЕ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ МОЛОДЁЖИ.
СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, СУДЬБЫ*

чье. В 1941 г. призван на фронт Павловским райвоенкоматом Чкаловской области. Служил радиотелеграфистом в 84-м артиллерийском полку 55-й стрелковой дивизии.

Его дивизия начала свой боевой путь в апреле 1942 г. на Северо-Западном фронте с освобождения Новгородской области и ликвидации Демянской группировки немецко-фашистских войск, которая была завершена в феврале 1943 г. Летом 1943 г. принимала самое активное участие в Курской битве. Затем была переброшена в Белоруссию, где форсировала Днепр и с ноября 1943 г. по июль 1944 г. очищала от оккупантов Гомельскую и Брестскую области. В сентябре – октябре 1944 г. 55-я стрелковая дивизия вела наступление в Латвии². Здесь Алексей Терентьевич отличился мужеством и героизмом. 17 октября 1944 г. в бою «на подступах к Риге, работая телефонистом», он «в исключительно короткий срок проложил телефонную линию связи на передовой НП, а затем, презирая опасность, исправил 4 раза повреждения линии связи и обеспечил бесперебойное ведение огня по противнику». За это радиотелефонист, старшей ефрейтор 1-й батареи 84-го артиллерийского полка А. Т. Иванов приказом от 24 октября 1944 г. № 5/н был награждён медалью «За отвагу»³.

Иванов Алексей Терентьевич 1941 г.

В том же 1944 г. он был отмечен медалью «За боевые заслуги» и знаком «Отличный связист». В ноябре 1944 г. 55-я стрелковая дивизи-

зия дедушки была преобразована в 1-ю дивизию морской пехоты Краснознамённого Балтийского флота и передислоцирована на полуостров Порккала-Удд в южной Финляндии, где и встретила День Победы. Как и другие фронтовики, А. Т. Иванов получил медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Иванов Алексей Терентьевич (в центре)

Иванов Алексей Терентьевич (3-й ряд, 4-й справа)

С 14 октября 1945 г. он был демобилизован и вернулся домой. Однако хотя выжил в страшной войне, мало ему осталось провести на

*Секция 3. МИРОВЫЕ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ МОЛОДЁЖИ.
СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, СУДЬБЫ*

этом свете. Не понянчил деток, не увидел возвращения сына из армии, не прожил долгую и счастливую жизнь со своей женой. Уже 8 июня 1946 г. прадедушка умер от старых военных ран, давших о себе знать.

Об его жизни известно достаточно мало, но из-за той информации, которую имеем, мы считаем его одним из героев этой войны.

Иванов Алексей Терентьевич (1-й ряд; 3-й справа)

* * *

На протяжении моего детства, до 14 лет, я жила с прекрасным человеком, защитником Отечества, с моим дедушкой **Ивановым Григорием Алексеевичем**. Он был сыном Алексея Терентьевича.

Иванов Алексей Терентьевич с сыном Григорием

Он родился в селе Черноречье в 1927 г. Окончил здесь 7 классов. В 1941 г. началась его трудовая деятельность, так как в стране особенно нужны были рабочие руки. Трудился наравне со взрослыми по 14–15 часов в сутки, а то и безвыездно приходилось находиться в поле. Пахали и бороновали на быках. Григорий Алексеевич работал помощником конюха в колхозе имени Пугачева. В 1942 г. окончил курсы трактористов, но рвался на фронт защищать родину.

Иванов Григорий Алексеевич

В августе 1944 г. в 17-летнем возрасте был отправлен на фронт комиссией при Павловском райвоенкомате Чкаловской области. Дедушка приписал себе год, чтобы быть призванным в ряды Советской армии. Его определили в противотанковую дивизию 45-мм орудий, которая располагалась в Башкирии. 25 декабря 1944 г. он принял военную присягу.

Иванов Григорий Алексеевич

**Секция 3. МИРОВЫЕ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ МОЛОДЁЖИ.
СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, СУДЬБЫ**

Вот так Григорий Алексеевич вспоминает первые дни, проведённые в армии: «Получили обмундирование, а все размеры не для нас, мальчишек. Английские ботинки большие, через несколько дней у них загнулись носы, как лыжи. Шапка на голове вертится, как ведро на колу. Обучение прошли за месячный срок» После подготовки в Башкирии попал в противотанковый батальон.

Далее дедушка вспоминал: «В конце декабря 1944 года по тревоге погрузили нас в эшелон и отправили в неизвестном направлении. Утром заметили, что нас везут не на Берлин, а в обратном направлении. Прибыли во Владивосток. На конечной станции разгрузились. Через несколько суток оказались на берегу Японского моря, на формировочном пункте Тихоокеанского флота». С ноября 1944 г. по июль 1945 г. Г. А. Иванов был радиотелеграфистом-курсантом, 1 января 1945 г. зачислен на службу в Военно-морской флот, с июля 1945 г. по июль 1945 г. состоял курсантом-электромехаником.

Иванов Григорий Алексеевич. 9 мая 1945 г. Владивосток.
Эскадренный миноносец «Разящий» Тихоокеанского флота

Григория Алексеевича определили в плавбатарею на крейсер «Калинин» для отражения атак противника с воздуха. В 1945 г. он принял участие в советско-японской войне: высадке десанта в корейском порту Юки, освобождении Сейсина, Гёнзана и других городов Кореи до 37-й параллели. Был награжден медалью «За освобождение Кореи», которую вручал сам лидер этой страны Ким Ир Сен. Вторая его медаль – «За победу над Японией».

Во время службы к нему приходили письма на обратной стороне фотографий от отца, Алексея Терентьевича, который умер, так и не увидев сына дома после войны:

«Добрый день и доброго здоровья, многоуважаемый сыночек Гриша. Во-первых, здравствуй. Я приехал к тебе в гости не один, а с товарищами верными, с которыми громили проклятых немецких захватчиков и добились полного разгрома этих зверей.

Ну что же сыночек, угощения мы требовать не будем, потому что ты солдат, и мы солдаты, и жизнь солдатскую знаем. Так вот сыночек, мы с немцами расправились и ждём от учителя и отца Сталина одно слово, что старикам домой. И, может, скоро в будущем увидимся с семьёй, а ты сынок служи пока и учись родной.

Пока, до свиданья. Иванов Алексей Терентьевич».

Григорий Алексеевич всегда старался и сам передать весточку родным с далёкой службы:

«Милая Мама, Бабушка, Маруся, Надя!!!

Ведь 5 лет прошло, и я вот, снова у вас.

Не забываюте. Помните .

Посмотрите на моё фото собственного изделия.

5-й год службы. 1949 год. 24 июля. Ст. Хунгари г. Камсом.

Ваш сын Григорий».

Иванов Григорий Алексеевич. 1949 г. Ст. Хунгари

Личный состав Радиолокационной станции П-2М.
Июль 1950 г. С. Тамбовка

С июля 1946 г. по апрель 1951 г. Григорий Алексеевич продолжал службу на Тихоокеанском флоте электромехаником в звании старшего сержанта технической службы. За боевые заслуги был награжден также орденом Отечественной войны.

Иванов Григорий Алексеевич. 18 марта 1950 г.
6-й год службы. Г. Комсомольск-на-Амуре

В село вернулся, когда ему исполнилось 25 лет. Дедушка прожил достаточно долгую, трудную, но счастливую жизнь, оставив огромный след в наших сердцах.

Иванов Григорий Алексеевич. 2005–2006 гг.

* * *

Одни защищают нашу родину с оружием в руках, а другие, как брат моей прабабушки Пименов Фёдор Васильевич, со скальпелем и бинтами спасают солдатам жизнь.

Пименов Фёдор Васильевич (крайний слева)

Пименов Фёдор Васильевич родился в 1911 году в селе Черноречье. В июле 1941 г. призван в Красную армию Тарбагатайским райвоенкоматом Бурят-Монгольской АССР. В звании лейтенанта медицинской службы занимал должность фельдшера 90-й отдельной роты полевого водоснабжения инженерных войск 36-й армии. С сентября 1941 г. она охраняла границу СССР с Монголией и марионеточным государством Маньчжоу-го, созданным японцами на оккупированной ими территории северо-восточного Китая. После капитуляции Германии в составе Забайкальского фронта приняла участие в разгроме союзной фашистам Японии. С 9 августа по 3 сентября 1945 г. стремительным ударом 36-я армия освободила крупные китайские города Хайлар, Мукден (ныне Шэньян), Цицикар, Порт-Артур (ныне район Люйшунькоу города Далянь) и вышла на берег Жёлтого моря. За время службы в армии с июля 1941 г. Фёдор Васильевич Пименов заботливо относился к обслуживанию части, благодаря чему её санитарное состояние всегда находилось в хорошем состоянии. По заключению командования, в период боёв с японскими самураями «он особенно честно и самоотверженно следил за состоянием здоровья личного состава части, организовал пищеблок, благодаря чему личный состав роты был всегда в состоянии выполнять боевые задания»⁴. Его благородный труд был отмечен медалью «За боевые заслуги» и другими наградами. Нельзя догадаться, сколько человек выжило на этой войне, благодаря действиям такого, может, не столь важного, но всё-таки незаменимого лейтенанта медслужбы.

* * *

Пока мужчины защищают родину и лечат пострадавших, в тылу работа ложится на хрупкие женские плечи.

Тому пример моя прабабушка **Иванова (Пименова) Екатерина Васильевна**, жена Алексея Терентьевича Иванова, мама Григория Алексеевича Иванова и сестра Фёдора Васильевича Пименова.

Иванова Екатерина Васильевна родилась в 1903 г. в селе Черноречье в большой крестьянской семье. В 1926 г. её отдали замуж за Иванова Алексея Терентьевича. Началась семейная жизнь. Вместе с мужем работали в образовавшемся колхозе, растили детей.

В июле 1941 г. прабабушка проводила мужа на фронт. С ней остались 80-летняя свекровь и четверо детей, самому старшему из которых было тогда 14 лет. Екатерине Васильевне пришлось выполнять женскую и мужскую работу, как дома, так и в колхозе. Уезжала в поле с раннего утра и забирала с собой коров для перевозки зерна, кормов. Работала в

поле до позднего вечера. Выполняла трудную физическую работу. В поле труд был в основном ручной. Сеяли хлеб, убирали жнейками, очищали веялками и вручную. На лошадях возили хлеб на элеватор. Кроме полевых работ, Екатерина Васильевна работала на колхозных огородах, выращивала капусту, помидоры, огурцы, картошку, бахчевые культуры. Зимой вывозила с полей корма для колхозного скота.

Иванова (Пименова) Екатерина Васильевна

В декабре 1945 г. вернулся с фронта её муж, Алексей Терентьевич. Однако вскоре, в июне 1946 г. он умер от незаживших фронтовых ран. Тем не менее, Екатерина Васильевна вынесла на своих плечах все трудности послевоенного времени и воспитания детей. Вызывает гордость сила таких хрупких, но мужественных женщин нашей страны .

Иванова (Пименова) Екатерина Васильевна с мужем и сыном

Несмотря на разницу в возрасте все участники Великой Отечественной войны и труженики тыла, жёны и мужья, отцы и дети, братья и сёстры составляют одно общее поколение победителей. Пусть они давно умерли, наши герои, но память о них не умрёт никогда!

Примечания:

1. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 58. Оп. 18001. Е. х. 1496. Л. 11; Плотников Иван Дмитриевич // Обобщённый банк данных «Мемориал» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=53507428> (дата обращения: 02.04.2014).
2. 1 артиллерийский ордена Суворова полк морской пехоты 1-й Мозырской Краснознаменной дивизии морской пехоты Краснознаменного Балтийского флота // Победа 1945 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pobeda1945.su/division/4180> (дата обращения: 02.04.2014).
3. Центральный военно-морской архив (ЦВМА). Ф. 3. Оп. 1. Е. х. 782. Л. 216; Иванов Алексей Терентьевич // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=50803963> (дата обращения: 02.04.2014).
4. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 687572. Е. х. 2452. Л. 211; Пименов Фёдор Васильевич // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=39521187> (дата обращения: 03.04.2014).

Кох Е. В. (г. Оренбург)

ВОССТАНОВЛЕННЫЙ БОЕВОЙ ПУТЬ

Мой прадедушка Аляев Алексей Константинович родился 23 февраля 1923 г. в селе Донецкое ныне Переволоцкого района Оренбургской области, в семье сельского кузнеца Аляева Константина Федосеевича и домохозяйки Ермаковой Анастасии Малафеевны.

6 апреля 1942 г. был призван на военную службу в 399-й стрелковый полк 111-й стрелковой дивизии, которая тогда формировалась в г. Бежецк Калининской (ныне Тверской) области. С июля она была включена в состав 30-й армии Калининского фронта и до октября 1942 г. принимала участие в первой Ржевско-Сычёвской наступательной операции, которая завершилась освобождением районных центров Погорелое Городище, Зубцов Калининской (ныне Тверской) области и Карманово Смоленской области. Понеся большие потери, дивизия была выведена в город Белёв ныне Тульской области для пополнения и отдыха. После восстановления боеспособности в декабре 1942 г. она перебрасывается на Воронежский фронт.

С января по март 1943 г. в составе 3-й танковой армии пыталась проврать немецкую оборону в районе среднего течения Дона. В этих сражениях прадедушка впервые отличился верностью долгу и самопожертвованием. В боях за населённый пункт Скрипай (ныне Змиёвского района Харьковской области Украины) 8 февраля 1943 г. командир тяги 1-го огневого взвода батареи 76-м пушек 399-го стрелкового полка, сержант Аляев Алексей Константинович, «будучи ранен в руку, не оставил поле боя, под сильным артиллерийским и миномётным огнём противника, вывел своих лошадей в безопасное для них расположение, после чего отправился на лечение в госпиталь». Приказом от 26 марта 1943 г. № 01/н этот поступок был отмечен медалью «За боевые заслуги»¹.

После этого дивизия прадедушки была отведена в тыл, где с марта по июль 1943 г. в составе 69-й армии занималась строительством мощных оборонительных рубежей в Большетроицком районе Курской области, готовясь к отражению фашистской атаки на Курской дуге. С началом Курской битвы в июле 1943 г. из района г. Волчанск Харьковской области 111-я стрелковая дивизия в составе 7-й гвардейской армии перешла в контрнаступление, опрокинула врага, форсировала реку Северский Донец, освободила областные центры Белгород (5 августа) и Харьков (23 августа).

С сентября по октябрь 1943 г. она отдыхала в резерве. Но уже в ноябре 1943 г. из района города Пятихатки Днепропетровской области снова была введена в бой для освобождения Правобережной Украины. В ходе тяжёлых штурмовых сражений с 3 по 6 декабря 1943 г. в составе 5-й гвардейской армии дивизия выбила противника из г. Александрия Кировоградской области Украины, за что получила почётное наименование Александрийской. Свой вклад в этот успех внёс и мой прадедушка, который к этому времени стал командиром орудия в звании старшего сержанта. «В бою за высоту 154,6 в районе г. Александрия тов. Аляев из своего орудия прямой наводкой уничтожил 3 пулёмётных точки противника, уничтожил и частью рассеял до взвода немецкой пехоты, чем способствовал успеху боя». Приказом от 13 декабря 1943 г. № 036/н он был награждён орденом «Красной Звезды»². К декабрю советские войска вышли на подступы к городу Кировограду. Он был освобождён в ходе нового наступления с января по март 1944 г.

Затем дивизия прадедушки в составе 53-й армии продолжила изгонять захватчиков с Правобережной Украины в Черкасской, Ровен-

**Секция 3. МИРОВЫЕ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ МОЛОДЁЖИ.
СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, СУДЬБЫ**

ской и Винницкой областях Украины, выйдя в Северную Молдавию. С июля по сентябрь 1944 г. она принимала участие в Яссо-Кишинёвской операции, которая привела к полному освобождению советской Молдавии и выходу из войны союзной фашистам Румынии. И на чужой земле Алексей Константинович воевал так же хорошо, как на своей. «В боях за населённый пункт Сан-де-Жос Ясского района Румынии 25 августа 1944 г. орудие тов. Аляева уничтожило 3 вражеских пулемёта с прислугой, до 40 немецко-румынских солдат и офицеров, 2 автомашины и 2 пушки, обратив противника в бегство, захвачен большой обоз и пленено 12 немцев». Новый подвиг артиллериста принёс ему медаль «За отвагу» по приказу от 3 сентября 1944 г. № 043/н³.

На заключительном этапе Великой Отечественной войны дивизия прадедушки в январе – феврале 1945 г. воевала на юге Польши и Германии⁴. Здесь «в бою за село Обер-Лешен» (ныне Лешно Горне Любушского воеводства Польши) «и переправу через реку Бобер в Германии 10 февраля 1945 г. тов. Аляев под сильным пулемётным и миномётным огнём противника переправился на западный берег реки Бобер со своим орудием и прямой наводкой стрелял по вражеским огневым точкам, мешающим переправе пехоты и обозу, в результате чего было уничтожено 3 немецких пулемёта, 12 немецких солдат и 2 81-мм миномёта, находившихся в укрытии за деревянным сараем, что дало возможность дальнейшего продвижения нашей пехоте». За «образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество» Алексей Константинович приказом от 22 февраля 1945 г. № 012/н был награждён орденом Славы III-й степени⁵.

В мае 1945 г. его дивизия приняла участие в Пражской наступательной операции, встретив День Победы на территории Чехословакии.

К сожалению, о подвигах Алексея Константиновича родственники долгое время ничего не знали. Лишь много лет спустя после его смерти удалось восстановить его боевой путь по наградным документам, опубликованным Министерством обороны России. Сам прадедушка не любил вспоминать о войне, героем себя не считал. На расспросы моей бабушки и моего отца отвечал неохотно. Он только рассказывал, что, попав в Германию, советские солдаты были очень удивлены, что немцы жили в роскоши. У всех были красивые дома, посуда, столовые приборы, которыми фронтовики даже не знали как пользоваться, много еды и большое количество алкоголя. Простым

деревенским мальчишкам даже и не снилось такое. Многие, увидев вина первый раз в жизни, захотели их попробовать, но немцы добавили в питьё яду, так что все, кто его пробовал, отравились. Благо прадедушка не стал его пить.

После Победы он продолжил службу на Западной Украине, подо Львовом, а домой вернулся только в 1948 г. С Германии привёз аккордеон, но так как в его деревне не было никаких музыкальных школ, ему пришлось осваивать игру самому. Прадедушка купил себе самоучитель и после этого чуть ли не каждый день играл на аккордеоне. Этот музыкальный инструмент до сих пор ещё в хорошем состоянии и хранится у моей бабушки. В январе 1949 г. Алексей Константинович Аляев женился на Анне Гавриловне Ковалёвой, а в октябре того же года у них родилась дочь Алина (моя будущая бабушка). Прадед получил образование и работал ветеринаром. 23 декабря 1985 г. к 40-летнему юбилею Победы над Германией был награждён орденом Отечественной войны II-й степени. Имел троих детей, шестерых внуков и успел дожить до моего рождения. Но, к сожалению, я была тогда ещё очень маленькой и совсем его не помню. Умер Алексей Константинович 30 декабря 1998 г. и был похоронен в селе Подгородняя Покровка Оренбургского района и области. В детстве я очень любила рассматривать ордена и медали, которыми он был награждён. Бабуля рассказывала мне о нём, и я очень горжусь тем, что у меня был такой прадедушка.

Примечания:

1. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 682526. Е. х. 694. Л. 515; Аляев Алексей Константинович // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=16392775> (дата обращения: 04.04.2014).
2. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Е. х. 95. Л. 96, 97; Аляев Алексей Константинович // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=30297041> (дата обращения: 04.04.2014).
3. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 717037. Е. х. 1197. Л. 34; Аляев Алексей Константинович // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=45707205> (дата обращения: 04.04.2014).
4. 111-я стрелковая дивизия 2-го формирования // Боевые действия Красной Армии в ВОВ [Электронный ресурс]. URL: <http://bdsa.ru/divizia/divizii-strelkovqie/s-100-sd-po-199-sd/111-strelkovaya-diviziya-2-formirovaniya.html> (дата обращения: 04.04.2014).
5. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Е. х. 1089. Л. 38, 98; Аляев Алексей Константинович // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=23443667> (дата обращения: 04.04.2014).

Уткин А. Д. (г. Оренбург)

«ОТКРЫЛ САПЁР ВОРОТА – ПРОЙДУТ ТАНКИ И ПЕХОТА»

Мой прадед, Пыхтин Пётр Дмитриевич родился в 1899 г. в селе Кинзелька ныне Красногвардейского района Оренбургской области. В 1911 г. окончил 4 класса начальной школы, много читал. В мае 1919 г. призван Бузулукским райвоенкоматом в состав 12-го стрелкового полка, откуда в ноябре 1922 г. уволен в запас. Работал в колхозе.

Но после нападения Германии на СССР снова был мобилизован в армию с ноября 1941 г. и зачислен на должность командира отделения в 11-ю сапёрную бригаду. Она формировалась с 30 октября 1941 г. на территории Куйбышевской (ныне Самарской) области. С ноября 1941 г. по май 1942 г. строила авиационный и шарикоподшипниковый заводы на станции Безымянка под городом Куйбышев (ныне Самара), оборонительные сооружения в глубоком тылу от города Казань в Татарстане до города Хвалынский в Саратовской области. С мая 1942 г. по июнь 1943 г. вела работы на Закавказском и Северо-Кавказском фронтах.

В июне 1943 г. прадед был переведён на должность командира отделения в 58-й отдельный штурмовой сапёрный батальон 12-й штурмовой инженерно-сапёрной бригады, которая формировалась в районе города Воскресенска Московской области. Штурмовые сапёрные части представляли собой новый тип инженерных войск. Они стали создаваться в Красной Армии с мая – июня 1943 г. в связи с изменением задач и тактики боя. После разгрома фашистов под Сталинградом, а затем и на Курской дуге советские войска перехватили стратегическую инициативу в войне и перешли от обороны к широкомасштабным наступательным операциям. Новые инженерно-сапёрные части и создавались для штурма приспособленных к обороне населённых пунктов и прорыва сильно укреплённых рубежей противника. Если раньше сапёры преимущественно строили укрепления, выставляли заграждения и минные поля на пути вероятного вражеского удара, то теперь отдельными батальонами использовались непосредственно в боевых порядках наступающих стрелковых частей. Для быстрого продвижения пехоты они оперативно устраняли на её пути колючую проволоку и мины, наводили мосты, переправы и гати, подрывали доты и обороняющиеся здания противника, выжигали его ранцевыми огнёмётами из траншей, долговременных укреплений и домов. На ост-

рие удара безопасность штурмовиков от лёгкой пули обеспечивали стальные нагрудники – прообразы современных бронежилетов, за что новые инженерно-сапёрные части получили прозвище «панцирной пехоты»¹. По сути, штурмовые батальоны стали предшественниками современного спецназа.

В сентябре 1943 г. 12-я инженерно-сапёрная бригада погрузилась в эшелоны и отправилась на Южный фронт, в район юго-западнее Донецка. Она была передана в распоряжение 44-й армии, которая должна была нанести главный удар по врагу в ходе Мелитопольской наступательной операции. Ей предстояло взломать хорошо организованную и сильно укреплённую оборону противника по реке Молочная, на участке Гендельберг – Ворошиловка, освободить Северную Таврию и выйти к нижнему течению Днепра. В ночь перед наступлением сапёры 12-й штурмовой бригады скрытно обезвредили мины и сделали проходы в немецких противотанковых полях, а утром 26 сентября 1943 г. вместе со стрелковыми частями пошли в наступление. Действуя в составе штурмовых групп, они умело подбирались к огненным точкам противника, ослепляли огнёмётами амбразуры дзотов и связками гранат разрушали вражеские укрепления. В результате советские войска стремительно продвигались вперёд.

Ещё до завершения этих боёв, 15 октября 1943 г. штурмовики были переброшены под город Мелитополь ныне Запорожской области Украины. Фашисты превратили его в мощный узел обороны: создали разветвлённую и глубокую систему траншей, приспособили под огневые точки все удобные здания, поставили на площадях, перекрёстках и в скверах тяжёлые самоходные артиллерийские установки «фердинанд», новейшие танки «тигр» и «пантера», из которых простреливали все улицы города. 16 октября 1943 г. сапёры в боевых порядках 51-й стрелковой армии пошли на штурм Мелитополя. Они обеспечивали пехоте быстрое продвижение на поле боя, снимали заграждения противника, штурмовали его доты и дзоты, умело применяли подвижное минирование, постоянно создавая минные очаги на пути движения вражеских танков, а нередко с риском для жизни даже подкладывали взрывные устройства прямо под гусеницы бронетехники. В результате у противника складывалось впечатление, что заминирован буквально весь город. Сноровистыми и самоотверженными действиями бригады были подорваны 1 немецкая бронемашина и 17 фашистских танков, в том числе 6 «тигров», а их экипажи уничтожены. Сапёры взяли штурмом 15 укреплённых зданий, а вместе со стрелковыми

**Секция 3. МИРОВЫЕ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ МОЛОДЁЖИ.
СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, СУДЬБЫ**

и другими подразделениями – ещё 24, в том числе школу и железнодорожный вокзал. В боях за Мелитополь бойцы бригады установили 3116 советских противотанковых мин, сняли 6963 немецкие мины на полях, а также обезвредили 108 мин-сюрпризов. Штурмовые отряды отбили ряд сильнейших контратак противника и постепенно квартал за кварталом очистили город от захватчиков к 23 октября 1943 г. За важную роль в его освобождении 12-й штурмовой инженерно-сапёрной бригаде моего прадедушки было присвоено почётное наименование Мелитопольской. После взятия города сапёры полностью его разминировали².

Успешное развитие советского наступления в причерноморских степях с выходом к нижнему течению Днепра отрезало от основных германских сил блокированную вражескую группировку в Крыму. Однако полуостров соединяется с материком узким Перекопским перешейком, который удобно оборонять даже малыми силами. Поэтому 12-й инженерно-сапёрной бригаде была поставлена задача построить мост через залив Сиваш для переброски советских войск в обход немецких укреплений, прямо в тыл противника. С технической точки зрения это считалось невозможным, поскольку дно залива представляло собой мягкий 13-метровый слой ила с нулевой несущей способностью грунта. Тем не менее, в ноябре – декабре 1943 г. сапёры ударными темпами возвели 2-километровый мост, а также перебросили гать через илистый проток длиной более 1 км. Для этого в безлесном районе было заготовлено более 4500 кубометров леса, 15000 фашин, 1250 рельсов, 7000 земляных мешков и 30000 штук паковых. Работать приходилось сутками, по пояс в холодной горько-солёной воде, под непрерывными артобстрелом и налётами вражеской авиации. По месту строительства было выпущено свыше 550 снарядов калибра 105 мм, сброшено 652 тяжёлых и более 13000 осколочных бомб, в результате чего убито 70 и ранено 192 бойца бригады, повреждено до 250 м моста и 120 м гати. Однако, несмотря на обстрел и бомбёжку, работы не прекращались, и повреждения сразу восстанавливались. Свой вклад в решение небывалой инженерной задачи внёс своим самоотверженным трудом и мой прадед. «Товарищ Пыхтин, работая со своим отделением на строительстве моста через Сиваш, с 13.11.43 по 4.12.43, благодаря правильной расстановке сил и личной самоотверженности, под артиллерийским огнём и бомбёжкой, не прекращая работы, по пояс в воде, по топкому дну Сиваша перенёс 50 рамных опор и установил на рамы 30 рельсовых прогон, заготовил 500 брёвен

настила и накрыл ими 150 погонных метров моста. В ночь, часто под дождём, товарищ Пыхтин со своим отделением перетаскивал волоком на противоположный берег Сиваша 250 фашин, при этом 5 раз перешёл Сиваш в холодной воде и по колено в грязи. Всего за время строительства т. Пыхтин пробыл в воде 50 часов, пройдя 40 км». За это приказом от 30 декабря 1943 г. № 07/н он был награждён орденом «Красной Звезды»³. Завершение моста через Сиваш позволило переправить по нему в тыл немецкой группировке 19-й танковый корпус Красной Армии, что имело решающее значение для освобождения Крыма.

Ночью, перед началом советского наступления бойцы 58-го штурмового батальона моего прадеда подползли к переднему краю немецкой обороны и сделали 12 проходов в минных и проволочных заграждениях врага. 8 апреля 1944 г. с плацдарма на южном берегу Сиваша, после артподготовки они ринулись в атаку вместе со стрелковыми частями 51-й армии. Успешно развивая наступление, к 15 апреля достигли последнего оборонительного рубежа немцев в Крыму, который проходил по склонам Сапун-горы к юго-востоку от Севастополя. При штурме этого хорошо укрепленного района с железобетонными огневыми точками сапёры проявили подлинное мужество и героизм, очистив город от гитлеровцев к 9 мая 1943 г. После освобождения Крыма 12-я штурмовая инженерно-сапёрная бригада с помощью служебно-поисковых собак обеспечила полное разминирование городов Симферополь и Севастополь от мин, фугасов, неразорвавшихся бомб и снарядов⁴.

В июне 1944 г. она была сосредоточена восточнее города Тирасполь, где планировалась новая операция Красной Армии по освобождению Молдавской ССР. Чтобы ввести противника в заблуждение относительно основного направления предстоящего советского удара, сапёры 12-й бригады построили ложный район сосредоточения наших войск северо-восточнее Кишинёва. А сами, между тем, на истинном пути прорыва тайно проделали 110 проходов в немецких минных полях, в том числе 11 танковых, для будущего наступления 5 советских дивизий, обезвредив 16400 взрывных устройств. При подготовке и в ходе этой операции снова отличился и мой прадедушка. «Старший группы разграждения, старший сержант 1-й роты Пыхтин действовал на боевом участке 20-й стрелковой дивизии в селе Пояска Молдавской ССР» (ныне Штефан-Водского района Республики Молдова). «В период подготовки к прорыву старший сержант Пых-

**Секция 3. МИРОВЫЕ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ МОЛОДЁЖИ.
СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, СУДЬБЫ**

тин со своим отделением снял 78 мин противника». «В ночь на 20 августа 1944 г. он со своей группой под огнём противника сделал проход в проволоке и минном поле, сняв 29 противопехотных мин противника. Во время атаки 20 августа он шёл впереди пехоты и показывал проход для неё. Вскочив в немецкие траншеи, товарищ Пыхтин лично уничтожил расчёт немецкого пулемёта и взял в плен одного немецкого унтер-офицера»⁵. Сапёры сопровождали войска 37-й армии через всю глубоко эшелонированную систему вражеской обороны, а подвижные группы разграждения и штурмовые группы блокировали опорные точки противника, выжигали его из траншей и щелей. В первый час боёв ими было уничтожено 5 дзотов и 7 открытых пулемётных площадок вместе с гарнизонами. При взятии населённого пункта Кырнэчень (ныне Каушанского района Республики Молдова) штурмовики ликвидировали 12 дзотов с гарнизонами, разгромили штаб стрелкового батальона противника и удерживали село до подхода наших основных сил. Только за первые 6 дней боёв, с 20 по 26 августа 1944 г. частями 12-й инженерно-сапёрной бригады было снято 16600 мин, блокировано и уничтожено вместе с гарнизонами 42 дзота, 25 открытых пулемётных точек, до 500 немецких и румынских солдат и офицеров, захвачено и взято в плен 444 человека. 26 августа 1944 г. 58-й штурмовой батальон моего прадеда в минимальные сроки навёл наплавной мост через реку Прут в районе молдавского города Леова, обеспечив переправу на правый румынский берег наступающей 20-й стрелковой дивизии Красной Армии. А с 1 по 5 сентября 1944 г. сапёры 12-й бригады способствовали переброске в Румынию 37-й армии через реку Дунай в районе города Измаил (ныне Одесской области Украины)⁶. За доблесть и мужество, проявленные при освобождении Советской Молдавии от немецко-фашистских захватчиков, приказом от 1 сентября 1944 г. № 042/н мой прадед, старший сержант Пыхтин Пётр Дмитриевич был награждён орденом Славы III-й степени⁷.

С сентября 1944 г. по май 1945 г. его бригада воевала уже за пределами Советской Родины, освобождая от фашистской тирании страны Восточной Европы: Румынию, Болгарию, Венгрию и Австрию. Особенно отличились штурмовики при взятии венгерской столицы, города Будапешт, где ожесточённо сопротивлялась окружённая почти 190-тысячная группировка противника. На протяжении 48 дней, с 27 декабря 1944 г. по 13 февраля 1945 г. шли упорные бои буквально за каждую улицу и дом. Штурм кварталов, где сосредоточились прочные железобетонные и каменные строения, многочисленные барри-

кады и завалы, где активно действовали пулемётчики и снайперы, сопровождался большими потерями. Прадедущка вспоминал, что после взятия одного из домов он единственный изо всей группы остался в живых. В Будапеште сапёры впервые широко применили новую тактику боя: вместо лобового штурма зданий через двери и окна, с помощью взрывчатки делали проломы в боковых стенах, проходя насквозь и очищая один дом за другим. Всего за время боёв в Будапеште они пробили 1100 таких брешей, для чего израсходовали более 12 тонн взрывчатых веществ. Благодаря смелому напору советских войск будапештская группировка была ликвидирована к 13 февраля 1945 г., причём 50 тысяч фашистов уничтожено, а 138 тысяч взято в плен. С 6 по 13 апреля 1945 г. таким же образом сапёры в составе смешанных групп захватили столицу Австрии Вену и встретили День Победы в долине реки Мур на востоке этой страны⁸. Боевой путь моего прадеда отметили медали «За оборону Кавказа», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В июне 1945 г. он был демобилизован и вернулся домой. К сожалению, один из его сыновей, Иван Петрович Пыхтин пропал на войне без вести, а ещё 10 родственников погибли.

В мирное время прадедущка работал бригадиром полеводческой бригады в колхозе Красногвардейского района, а затем трудился на маслозаводе. Его очень уважали. А те, кто собирался в армию, непременно заходили к нему, как бы получить благословение. Он был прекрасным рассказчиком и собеседником. Да и без дела сидеть не мог: плёл корзины, вязал веники и с удовольствием раздавал их соседям и родственникам. Однако возраст и подорванное на войне здоровье брали своё, и однажды его не стало.

Примечания:

1. Малиновский Г. В. Бригады инженерных войск Красной Армии 1941 – 1945 гг. / Под общей редакцией Н. И. Сердцева. – М.: Патриот, 2005. – 296 с.
2. Панчевский П. Г. Огненные дороги: воспоминания. – М.: Воениздат, 1980. – С. 109–121.
3. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 686044. Е. х. 2198. Л. 43 об., 65; Пыхтин Пётр Дмитриевич // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=18893366> (дата обращения: 07.04.2014).
4. Панчевский П. Г. Огненные дороги: воспоминания. – М.: Воениздат, 1980. – С. 135–139.
5. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690306. Е. х. 1552. Л. 138; Пыхтин Пётр Дмитриевич // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=41371791> (дата обращения: 08.04.2014).

6. Панчевский П. Г. Огненные дороги: воспоминания. – М.: Воениздат, 1980. – С. 141–142.
7. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690306. Е. х. 1552. Л. 127; Пыхтин Пётр Дмитриевич // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=41371791> (дата обращения: 08.04.2014).
8. Панчевский П. Г. Огненные дороги: воспоминания. – М.: Воениздат, 1980. – С. 143–169.

Кусмухамбетова А. Г. (г. Оренбург)

НЕСУЩИЙ ОГОНЬ

Мой дедушка казах Кусмагамбетов Давлеткалий Мурзагалиевич родился 5 сентября 1922 г. в селе Бекмурзино (Кзыл-Ту) Новопавлловского сельского совета Акбулакского района Оренбургской губернии (ныне Оренбургской области) в крестьянской семье. Его отца звали Мурзагалий, а мать – Сагира. В семье было ещё 2 ребёнка: брат Султангалей и сестра Ауес. В 1938 г. дедушка окончил 6 классов Акбулакской казахской начальной общеобразовательной школы, а в 1939 г. отучился на трехмесячных курсах штурвальных при Акбулакской машинотракторной станции (МТС). В 1939–1940 гг. в период уборки урожая работал штурвальным на комбайне и в полеводческой бригаде. В марте 1941 г. окончил шестимесячные курсы комбайнеров при Покровской школе механизаторов и стал трудиться по новой специальности в с. Октябрь.

Весть о начале Великой Отечественной войны сельчане узнали из выступления по радио В. М. Молотова. Это было воскресенье, 22 июня 1941 г. Уже на следующий день началась отправка в военкомат молодых парней и взрослых мужчин. В сентябре 1941 г. ушёл в армию и дедушка. Непосредственно в боевых действиях он принимал участие с июля 1942 г. на должности разведчика-наблюдателя батареи 558-го миномётного полка 31-й отдельной миномётной бригады. Подвергаясь постоянной опасности, дедушка находился на самой передней линии фронта, откуда выявлял скрытые огневые точки и долговременные укрепления противника, с биноклем, картой и телефонной трубкой полевой связи вызывал и корректировал по ним обстрел советской артиллерии. Его соединение входило в состав Резерва Главного Командования, а потому постоянно перебрасывалось на самые тяжёлые участки фронта для усиления советских частей: экстренной оста-

новки вражеских прорывов или вскрытия обороны противника в ходе артиллерийской подготовки перед началом крупных советских наступлений.

Так, с ноября 1942 г. по октябрь 1943 г. 31-я отдельная миномётная бригада на различных участках Калининского фронта обеспечивала огневую поддержку советских наступлений, в ходе которых были освобождены Ржевский и Бельский районы Калининской (ныне Тверской) области, Гжатский (ныне Гагаринский), Сычёвский, Вяземский, Духовщинский, Демидовский и Руднянский районы Смоленской области. Затем соединение было переброшено на 4-й Украинский фронт, где в январе–феврале 1944 г. выбивало фашистов с территории Днепропетровской области, стратегических месторождений марганцевых и железных руд, крупных промышленных центров в Никополе и Кривом Роге. В июне 1944 г. 31-я отдельная миномётная бригада освобождала уже Белоруссию, наступая северо-западнее Витебска.

Здесь дедушка своим бесстрашием обратил на себя внимание командования. 23 июня 1944 г. «в боях в районе деревень Козоногово и Шумшино» (ныне Витебской области Республики Беларусь) разведчик Д. М. Кусмагамбетов, «несмотря на сильный пулемётный и артиллерийский миномётный огонь противника, выдвигаясь в боевое охранение пехоты, обнаружил 2 пулемётные точки, 2 орудия прямой наводки и скопления солдат противника, которые были переданы и уничтожены огнём наших миномётов». За это приказом от 25 июля 1944 г. № 18/н он был награждён медалью «За отвагу»¹.

Развивая успех, его минометная бригада в составе 4-й ударной армии продолжила освобождение советских территорий в Литве и Латвии. Всего за период с 21 июня по 10 декабря 1944 г. 558-м миномётным полком моего деда было уничтожено немецких: солдат и офицеров – 2310, пулемётных точек – 182, артиллерийских и миномётных батарей – 19, орудий разных калибров – 81. Подавлено: пулемётных точек – 173, артиллерийских и миномётных батарей – 38, противотанковых орудий – 151. Разрушено 24 блиндажа и отбито 34 контратаки противника, что обеспечило продвижение советской пехоты на глубину до 450 км².

В Прибалтике Давлеткалий Мурзагалиевич снова отличился. 28 октября 1944 г. «в боях при прорыве обороны противника в районе деревни Гарни» он «показал образцы мужества и отваги. Выдвигаясь в боевое охранение пехоты, под сильным ружейно-пулемётным и миномётным огнём противника, обнаружил скопление пехоты против-

**Секция 3. МИРОВЫЕ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ МОЛОДЁЖИ.
СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, СУДЬБЫ**

ника, 2 станковых пулемёта и 37-мм пушку на прямой наводке. Товарищ Кусмагамбетов передал цели на наблюдательный пункт командира батареи, и данные цели были сразу же накрыты огнём наших миномётов, уничтожено при этом до 20 солдат и офицеров, 2 пулемёта и пушка, что дало возможность продвинуться нашей пехоте». На этот раз по представлению командира полка отважный разведчик приказом от 6 ноября 1944 г. № 079/н был удостоен ордена «Красной Звезды»³.

С октября 1944 г. по май 1945 г. 31-я миномётная бригада моего деда участвовала в блокировании и обстреле окружённой в западной Латвии 400-тысячной Курляндской группировки немецких войск, которая отчаянно защищалась и сдалась только 15 мая 1945 г., уже после взятия Берлина и капитуляции фашистской Германии.

17 декабря 1946 г. дедушка был демобилизован в звании сержанта и зимой вернулся в родное село. Здесь он женился на Кульзаде Тас-тайбековне, с которой воспитал шестерых детей. В 1946–1948 гг. работал в колхозе учётчиком тракторной бригады № 6 Акбулакской МТС, а с октября 1948 г. по октябрь 1950 г. находился на учебе в Оренбурге в Чкаловской двухгодичной школе по подготовке руководящих кадров колхозов, получив диплом техника-организатора сельского хозяйства. В 1951 г. Давлеткалий Мурзагалиевич Кусмагамбетов стал заместителем председателя колхоза «Власть труда» Браиловского сельского совета Акбулакского района. Проработав год, перешёл на долж-

ность председателя в колхоз «Ушкунь». С февраля 1954 г. по февраль 1957 г. трудился бригадиром полеводческой бригады и агрономом. В 1958–1963 гг. был бригадиром тракторно-полеводческой бригады колхоза «Революционер» Соль-Илецкого района Оренбургской области. В марте 1963 г. избран депутатом Соль-Илецкого районного Совета народных депутатов по Казанскому избирательному округу № 62. Ушёл на пенсию в 1982 г. Умер 28 февраля 1988 г. За свою жизнь был отмечен многочисленными памятными и юбилейными наградами: медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (15 мая 1946 г.), «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (7 мая 1965 г.), «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (25 апреля 1975 г.), орденом Отечественной войны II-й степени к 40-летию Победы (11 марта 1985 г.), медалями «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (12 апреля 1985 г.), «50 лет Вооруженных Сил СССР» (26 декабря 1967 г.), «60 лет Вооруженных Сил СССР» (28 января 1978 г.), «70 лет Вооруженных Сил СССР» (28 января 1988 г.).

Примечания:

1. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 690155. Е. х. 3480. Л. 134 об.; Кусмугамбетов Давмин Мурзагалеевич // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=32022522> (дата обращения: 02.04.2014).
2. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Е. х. 5623. Л. 6
3. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Е. х. 6187. Л. 1, 6–6 об.; Кусмагамбетов Давлей Мурзагалеевич // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=35678075> (дата обращения: 02.04.2014).

Потехенченко Н. В. (г. Оренбург)

ПОДВИГ

«Учись сынок, как надо смелость проявлять,
Не там, где нужно воровать,
А там, где ты, твой ум необходим...»
Надежда

Отмечая День Победы 9 мая, чувствуя ветеранов, я задумывалась над вопросом, «а кто из моих прадедов был участником Великой Оте-

чественной войны, какие подвиги они совершали, какую роль сыграли в спасении нашей страны?». По мере моего взросления этот вопрос всё больше не давал мне покоя. Я начала расспрашивать своих родственников, собирать информацию и спустя месяц готова с гордостью рассказать о своём прадедушке и его подвиге. К сожалению, рассказ о нём небольшой, но достоверный, так как я написала его со слов моей бабушки Тани.

Мой прадед Яшников Алексей Карпович родился в 1918 г. в селе Ивановка, ныне это Тюльганский район Оренбургской области. В детстве он любил играть в «войнушку», отличался от ровесников смекалкой и тактическим мышлением. В раннем возрасте женился на Марии Ивановне Зориной. От брака в 1937 г. родилась дочь Татьяна, моя бабушка. Через 2 года Алексея Карповича призвали в армию. Служил он на Дальнем Востоке, в Приморском крае. Служба давалась легко и прошла незаметно.

Вернулся на родину в звании сержанта. Как и во всех домах страны, его встретили новостью о том, что Германия занимается подготовкой к военным действиям против Советской страны. Повидавшись немного с родными, помолившись в церкви, прадед отправился на фронт. Его определили в состав 111-го полка 40-й стрелковой дивизии. Она была сформирована в августе 1942 г. в г. Ногинске Московской области на базе 6-го воздушно-десантного корпуса. К этому времени немецкие войска на фронте шириной более 400 км стремительно продвигались к Волге. Поэтому сразу после формирования дивизия была срочно переброшена железнодорожными эшелонами под Сталинград, где заняла оборону в 100 км северо-западнее города, по реке Дон, на участке станица Сиротинская – хутор Шохинский – станица Старогригорьевская (ныне Иловлинского района Волгоградской области). Немцы стремились расширить коридор своего прорыва в малой излучине Дона и выровнять линию фронта вдоль русла реки, поэтому бросили сюда до 5 пехотных дивизий и танковую бригаду. С августа по октябрь 1942 г. 40-я дивизия ожесточённо оборонялась против многократно превосходящих сил фашистов, потеряв до 2/3 личного состава. Однако из коротких писем прадеда с фронта можно было получить лишь небольшую информацию о товарищах-солдатах, о тяготах военной службы. В известиях он не жаловался на опасность, а в основном спрашивал о малышке Танечке, писал, что скоро вернётся. После начала советского контрнаступления под Сталинградом дивизия моего прадедушки с ноября 1942 г. по сентябрь 1943 г.

принимала деятельное участие в освобождении от немецких захватчиков Волгоградской и Ростовской областей РСФСР, а также Донецкой области Украины¹. Очищая от оккупантов стратегически важный промышленный район Донбасса с многочисленными угольными шахтами и металлургическими заводами, прадедуска отличился мужеством и героизмом. 3 сентября 1943 г. в бою за г. Енакиево Донецкой области, «умело командуя отделением», он «первым ворвался в город и из своего оружия уничтожил 9 немцев». За это приказом от 30 сентября 1943 г. № 18/н командир отделения 2-го батальона 111-го гвардейского стрелкового полка 40-й гвардейской стрелковой дивизии, гвардии сержант Яшников Алексей Карпович был удостоен медали «За отвагу»². После штурма города его комиссовали по ранению из-за потери глаза. Так что прабабушка узнала сразу и о высокой награде мужа, и об его скором приезде домой.

После возвращения Алексея Карповича с фронта жизнь текла своим чередом. В 1944 г. у него родился сын Николай, а через 2 года сын Владимир. Прадедуска работал в колхозе вместе с женой, зарабатывая на хлеб для семьи. Он хотел стать агрономом и поэтому поступил в сельхозинститут, но доучиться не успел. Алексей Карпович умер летом 1948 г. Он похоронен в родной земле, на которой и родился: в с. Ивановка Тюльганского района.

О подвиге своего деда я узнала 2 года тому назад. Его сыновья каждый год, летом навещают могилу отца-героя, ухаживают за ней, и мы, внучата, пристраиваемся за ними.

Мне, в свою очередь, стыдно, что я так долго не знала ничего и не интересовалась у родственников о своих предках. Хочется, чтобы все родные и близкие знали о подвиге Алексея Карповича, чтобы мои дети, внуки гордились своим пращуром.

Эти материалы являются небольшим, но всё же важным доказательством героизма прадедуски. И пусть его награды станут примером для будущих потомков. Хочу обратиться к моим детям и детям их детей: храните этот рассказ как драгоценность, гордитесь своим предком и не забывайте об его подвиге, интересуйтесь подвигами всех героев Великой Отечественной войны, ведь все свои действия они совершили для нашего и вашего будущего, мира и спокойствия.

Примечания:

1. 40-я гвардейская Енакиевско-Дунайская стрелковая дивизия [Электронный ресурс]. URL: <http://samsv.narod.ru/Div/Sd/gvsd040/main.html> (дата обращения: 02.04.2014).

2. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 686044. Е. х. 3143. Л. 4 об.; Яшников Алексей Карпович // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=20365852> (дата обращения: 02.04.2014).

Халыков С. В. (Оренбург)

МОЙ ПРАДЕД – АРТИЛЛЕРИСТ К. А. БЕРЕЖИНСКИЙ

Мой прадедушка Бережинский Карп Алексеевич родился 3 октября 1919 г. в семье Алексея Васильевича и Анастасии Яковлевны Бережинских в селе Никулино Татарского района Новосибирской области. Его отец был железнодорожником, а мать как домохозяйка воспитывала 3 детей.

Выбрав для себя нелёгкую судьбу кадрового военного, Карп Алексеевич 17 декабря 1937 г. поступил в Томское артиллерийское училище. По его окончании был зачислен в 299-й артиллерийский полк 194-й механизированной дивизии, которая с сентября 1939 г. формировалась в г. Барабинск Новосибирской области. В январе 1940 г. дивизия была переименована в горнострелковую и отправлена в Среднеазиатский военный округ. На новое место дислокации в г. Чирчик (ныне Ташкентской области Республики Узбекистан) она прибыла в феврале, получив на вооружение 76-мм пушки образца 1939 г.

С началом Великой Отечественной войны 194-я горно-стрелковая дивизия была развернута до штатов военного времени, а в июле 1941 г. по приказу наркома обороны убыла на фронт в район г. Смоленска. 299-й артполк моего прадеда в её составе принял первый бой в районе города Карачев Брянской области. 20 июля 1941 г. дивизия заняла оборону во втором эшелоне 49-й армии Западного фронта по восточному берегу Днепра в 35–40 километрах западнее г. Вязьма Смоленской области. В августе 1941 г. она была преобразована в стрелковую, а 30 сентября 1941 г. получила приказ о срочной переброске на Брянский фронт. Однако в это время немецко-фашистские войска начали широкомасштабную операцию «Тайфун» с целью захвата столицы нашей Родины, города Москва. Противник прорвал советскую оборону и зашёл глубоко в тыл нашим частям, в результате чего 194-я дивизия, следовавшая в железнодорожных эшелонах к новому месту дислокации, оказалась расчленённой на 3 группы. Они были вынуждены поодиночке с боями пробиваться с оккупированной территории

на восток в направлении Белёва и Серпухова¹. В ходе этих сражений мой прадед 19 октября 1941 г. получил тяжёлое ранение на реке Угра, у села Борки Калужской области.

По выходу из госпиталя старший лейтенант К. А. Бережинский 5 декабря 1943 г. прибыл на должность начальника штаба дивизиона в 68-й запасной артиллерийский полк 32-й запасной стрелковой дивизии Среднеазиатского военного округа. Запасные части предназначались для обучения и подготовки в тылу пополнения для действующей армии. А инструкторами в них нередко направляли как раз офицеров с боевым опытом, постепенно выздоравливающих после тяжёлых ранений. На новой должности, по характеристике командования, прадедушка «проявил себя как способный, знающий штабную работу офицер. Дисциплинированный, требовательный к себе и подчинённым, энергичный, волевой (...) Родине предан. Морально устойчив, идеологически выдержан». Как лучший офицер, Карп Алексеевич был выдвинут на должность командира дивизиона, а 31 июля 1944 г. представлен к ордену Отечественной войны, однако рассмотрение этого вопроса затянулось².

Между тем, прадедушка смог вернуться в действующую армию, где в апреле 1945 г. был назначен на должность помощника по разведке начальника штаба артиллерии 19-й гвардейской стрелковой дивизии 39-й армии 3-го Белорусского фронта. В феврале – мае 1945 г. его соединение принимало участие в освобождении Восточной Пруссии, штурме города-крепости Кёнигсберг и разгроме земландской группировки немецких войск. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 мая 1945 г. «за образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество» по июльскому представлению 1944 г. старший лейтенант К. А. Бережинский был награждён первым орденом Отечественной войны II-й степени³. Но на этом его боевой путь не закончился, поскольку предстояло ещё разгромить союзницу фашистской Германии – милитаристскую Японию.

В первых числах мая 1945 г. 19-я гвардейская дивизия была погружена в железнодорожные эшелоны и двинулась на восток. Уже в пути воины отпраздновали день Великой Победы. По приказу Ставки их дивизия вошла в состав войск Забайкальского фронта и сконцентрировалась на северо-востоке Монгольской Народной Республики в районе юго-западнее реки Халхин-Гол. На рассвете 9 августа 1945 г. соединение перешло границу с Маньчжурией, прорвало Халун-Ар-

шанский и Хайларский укрепленные районы японской Квантунской армии и прошло с боями горный хребет Большой Хинган, за что дивизия получила почётное наименование Хинганской⁴. В ходе этой наступательной операции отличился и прадедушка. «Действуя в передовом подвижном отряде во время боёв за захват безымянных высот, что в 5 км северо-западнее г. Солунь», он «умело организовал разведку противника, использовав для этого танк, наступавший в первой цепи. Из танка тов. Бережинский обнаружил 5 огневых точек, 2 орудия ПТО [противотанковых орудия] и группу пехоты противника. Все обнаруженные цели, по которым тов. Бережинский вызвал огонь артиллерии, были уничтожены». Приказом по артиллерии 39-й армии от 11 сентября 1945 г. № 045/н «за хорошо организованную разведку, мужество и отвагу» гвардии капитан Бережинский Карп Алексеевич был удостоен второго ордена Отечественной войны II-й степени⁵. В предельно короткий срок его дивизия освободила города Солунь и Ваньмяо (13 августа), Сыпингай (15 августа), Ляоян (23 августа 1945 г.) и вышла к городу Аньдун на берегу Западно-Корейского залива, где и завершила войну.

В октябре 1946 г. прадедушка вернулся на Родину, где продолжил военную службу в городах Термез (ныне Сурхандарьинской области Республики Узбекистан) и Алма-Ата (ныне Республики Казахстан). Выйдя в отставку, не мог сидеть без дела: сначала работал учителем начальной военной подготовке в средней школе № 111 г. Алма-Аты, а затем преподавателем военной кафедры Алма-Атинского государственного энергетического института. 23 декабря 1985 г. к 40-летию великой Победы получил третий орден Отечественной войны, но уже I-й степени.

Карп Алексеевич всегда гордился своей работой и возможностью передать знания по военному делу школьникам и студентам. Окончательно он вышел на пенсию только в возрасте 70 лет в звании гвардии полковника. Скончался в 2001 г., но память о нём живёт в сердцах потомков, ведь за свою жизнь он воспитал трёх дочерей, семерых внуков и меня, его правнука.

Примечания:

1. История 856 самоходно-артиллерийского полка [Электронный ресурс]. URL: <http://isayenko2007.narod.ru/announcement.html> (дата обращения: 31.03.2014).
2. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 686046. Е. х. 245. Л. 138–138 об; Бережинский Карп Алексеевич // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=47091167> (дата обращения: 31.03.2014).

3. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686046. Е. х. 203. Л. 48; Бережинский Карп Алексеевич // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=47091167> (дата обращения: 31.03.2014).
4. Молочаев И. П. Боевой путь Сибирских дивизий в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Новосибирск: СО РАН НИЦ ОИГТМ, 2005. – 323 с.
5. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Е. х. 7797. Л. 139; Бережинский Карп Алексеевич // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=30006360> (дата обращения: 31.03.2014).

Черчаев А. А. (Оренбург)

ОТ ТВЕРСКИХ БОЛОТ ДО СНЕГОВ ЗАПОЛЯРЬЯ

Сейчас события Великой Отечественной войны остались в истории и памяти бывших фронтовиков. Среди них был и мой прадедушка – Черчаев Иван Андреевич. Он родился 22 апреля 1924 г. в семье мордовских крестьян села Новоузели Матвеевского района Оренбургской области.

Ещё совсем юным, худощавым 18-летним юнцом с котомкой за плечами мой прадед 10 мая 1942 г. ушёл защищать свою Родину. С 28 мая 1942 г. воевал на Калининском фронте, который 30 июля перешёл в наступление с целями разгрома 9-й немецкой армии и освобождения городов Ржев и Зубцов Калининской (ныне Тверской) области, Сычёвка, Гжатск и Вязьма Смоленской области. Однако советским войскам пришлось продвигаться крайне медленно, буквально «прогрызаться» через хорошо подготовленную, глубоко эшелонированную оборону противника, оплачивая каждый метр дорогой ценой огромных человеческих жертв. В результате, потеряв убитыми до 300 тысяч солдат и офицеров, Красная армия сумела продвинуться в западном направлении лишь на 40–45 км, освободила 3 районных центра Погорелое Городище, Зубцов Калининской (ныне Тверской) области и Карманово Смоленской области, но не достигла конечных целей первой Ржевско-Сычёвской наступательной операции¹. На Калининском фронте 29 августа 1942 г. мой прадед Иван Андреевич Черчаев «в рукопашной схватке был легко ранен».

Поправившись, уже 5 декабря 1942 г. он прибыл на Белорусский фронт. Здесь, участвуя в наступательных операциях, 12 декабря 1943 г. прадед получил второе тяжёлое ранение в правую ногу. «В этом бою тов. Черчаев убил трёх солдат противника».

После лечения в госпитале с 14 апреля 1944 г. он воевал на Карельском фронте в качестве наводчика станкового пулемёта в 47-м отдельном пулемётно-артиллерийском батальоне. Он входил в состав 2-го укрепленного района, который, несмотря на недокомплект в 50 % численности личного состава, героически держал оборону против немецко-фашистских войск в советском Заполярье, от губы Большая Западная Лица до озера Дикого, на севере Мурманской области.

С 7 по 29 октября 1944 г. части укрепрайона приняли участие в Петсамо-Киркенесской наступательной операции. Её целью был разгром 19-го горнострелкового корпуса фашистской Германии для освобождения заполярных районов на севере СССР, Финляндии и Норвегии. Гитлеровцы стремились удержать за собой эту территорию, богатую стратегически важными для их военной промышленности полезными ископаемыми (медью, никелем, молибденом), а также незамерзающими морскими портами для вывоза этого сырья и базирования боевого флота. За 3 года немецкой оккупации в труднопроходимой горно-лесистой местности со множеством скал, рек, озёр и болот были созданы 3 полосы мощной обороны глубиной до 150 км. На фронте длиной около 100 км тянулись надолбы и противотанковые рвы, густые минные поля и проволочные заграждения. Они перехватывали все горные перевалы, лоцины и дороги, а господствовавшие над местностью высоты представляли собой настоящие горные крепости. Для охраны района немцы сосредоточили здесь 53 тысячи солдат, более 750 орудий и минометов, 160 самолётов и значительные военно-морские силы, базировавшиеся в портах Северной Норвегии.

Тем не менее, в октябре 1944 г. двумя мощными обходными ударами с севера и юга советским соединениям 14-й армии Карельского фронта при поддержке артиллерии и десантов Северного флота удалось прорвать вражескую защиту². С началом операции части 2-го укрепрайона также организовано и быстро перешли от обороны к наступлению. Отряды преследования, выделенные из состава 47-го и 206-го отдельных пулемётно-артиллерийских батальонов, действовали смело и напористо. Благодаря предварительной разведке на главных направлениях, под покровом ночи они преодолели зону заграждений на переднем крае немецкой обороны, убили гарнизоны прикрытия опорных пунктов и вынудили противника быстро отходить, оставляя много материальных ценностей. В боях до рубежа реки Большая Западная Лица части 2-го укрепрайона почти полностью уничтожили 2 роты 388-й гренадерской бригады вермахта, захватив до 30 человек

пленных и большие трофеи. При этом отряды преследования осуществили умелый манёвр, обходя с флангов и тыла промежуточные обороняющие рубежи противника. Во время наступления, по мнению командования, мой прадед «показал себя лучшим пулемётчиком». В частности, «в этих боях» он «вывел из строя расчёт станкового пулемёта противника». За это сержант Черчаев Иван Андреевич был повышен до командира пулемётного отделения, а приказом войскам 14-й отдельной армии от 31 июля 1945 г. № 0153 награждён медалью «За отвагу»³.

В результате Петсамо-Киркенесской наступательной операции советские войска продвинулись в западном направлении до 150 км и освободили северные районы Норвегии, положив начало избавлению этой страны от немецко-фашистской оккупации. Было уничтожено около 30 тысяч солдат и офицеров противника, потоплено 156 вражеских кораблей и судов, сбито 125 самолётов. После окончания этого наступления части 2-го укрепрайона остались в Заполярье и до конца Великой Отечественной войны больше не принимали участие в боевых действиях.

В 1947 г. Иван Андреевич был демобилизован и вернулся домой, где в том же году женился на моей прабабушке Черчаевой Лидии Ивановне. Теперь его уже нет в живых. Он умер 16 ноября 2009 г. Но об его боевых буднях говорят многочисленные награды: медали «За отвагу», «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», Орден Отечественной войны II-й степени к 40-летию Победы, юбилейные медали.

Мой прадед, несмотря на все трудности, которые были в его жизни, оставался очень весёлым человеком.

Мы все очень его любили, и память о нём живёт в наших сердцах до сих пор.

Я помню, горжусь и часто равняюсь на него.

Примечания:

1. Герасимова С. А. Первая Ржевско-Сычевская наступательная операция 1942 года (новый взгляд) // Вопросы истории. – 2005. – № 5. – С. 16–29.
2. Петсамо-Киркенесская операция // Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия / Под ред. М. М. Козлова. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – С. 557–558.
3. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 690306. Е. х. 2908. Л. 139 об., 212–212 об.; Черчаев Иван Алексеевич // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=43921473> (дата обращения: 01.04.2013).

Гафарова В. М. (г. Оренбург)

«ПОДВИГ, КОТОРЫЙ ВЫШЕ СИЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ...»

Из воспоминаний моей бабушки и из записной книжки моей мамы хочу написать о моём прадедушке и о моей прабабушке по линии матери. Хотя их уже рядом с нами нет, но они самые замечательные люди в нашем роду. Прадедушку звали Нури Тарифович Альбеков, а прабабушку – Мавзюда Галиакберовна Альбекова. Я их очень хорошо помню. Хотя они были старые люди, но никогда не ругались, всегда шутили. Молодцом был наш прадедушка, прожил 86 лет. А прабабушка нам до последнего вязала тёплые носки, варежки и платки. Всему этому научила даже меня. Она прожила 82 года.

Мой прадедушка – участник Великой Отечественной войны прошёл очень трудную жизненную дорогу. Он родился 15 мая 1916 г. в селе Тукай ныне Александровского района Оренбургской области в семье простых татарских крестьян. Был у родителей последним, четвёртым ребёнком. С малых лет начал трудиться. В 1933 г. стал механизатором. В 1937 г. ушёл на срочную военную службу, а вскоре после его возвращения домой началась Великая Отечественная война.

В сентябре 1941 г. прадедушка снова был призван в армию. С 24 января 1942 г. принимал участие в боевых действиях на должности повозочного санитарного взвода в 1245-м стрелковом полку 275-й стрелковой дивизии, которая сражалась на Калининском фронте. Здесь Нури Тарифович отличился подлинной самоотверженностью. «Во время боёв за деревню Фролово» он «вывез с поля боя на лошади раненых 187 человек, за деревню Мосолово – на волокуше 104 человека, за деревню Воробьёво – на лошади 56 человек, за деревню Инчиково – на волокуше 72 человека, с принадлежащим им оружием. Во время налётов фашистских самолётов красноармеец Альбеков выносил раненых из повозки и зарывал их в снег, маскируя их от вражеской авиации». 28 февраля 1942 г. «в боях за деревню Инчиково во время бомбёжки авиацией противника товарищ Альбеков получил ранение в голову и, несмотря на это, доставил раненых на санитарно-перевязочный пункт, после чего был сам направлен на лечение в госпиталь». Приказом войскам Калининского фронта от 6 июня 1942 г. № 0210 «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество» красноармеец Альбеков Нури Тарифович был

удостоен ордена «Красного Знамени»¹. Однако награду он так и не получил потому, что из-за тяжёлого осколочного ранения в голову лишился одного глаза и надолго попал в госпиталь, а документы затерялись. Только в ноябре 1943 г. после длительного лечения прадедушка вернулся в армию, но по инвалидности был определён в нестроевые части – на должность ездового продовольственно-фуражного снабжения в 222-й армейский запасной стрелковый полк. В его составе он дошёл до Берлина и приказом войскам 70-й армии 2-го Белорусского фронта от 27 мая 1945 г. № 220/н был награждён ещё медалью «За боевые заслуги»².

В конце 1945 г. прадедушка вернулся домой и стал работать трактористом, осваивая различные марки сельскохозяйственной техники. Затем долгое время трудился конюхом, после выхода на пенсию был охранником и только в 70-летнем возрасте ушёл на заслуженный отдых. За добросовестный труд был награждён многими медалями, званием «Почётного колхозника», а в 1985 г. к 40-летию Победы – орденом Отечественной войны I-й степени.

Мой прадедушка Нури Тарифович и моя прабабушка Мавзюда Галиакберовна вместе прожили 55 лет в мире и согласии, вырастили 6 детей, которые стали уважаемыми людьми и своим отношением к труду завоевали авторитет у односельчан. На сегодняшний день их потомками являются 15 внуков и 16 правнуков.

Мои прадедушка и прабабушка – самые замечательные и хорошие люди для нас. Часто мы собираемся вместе с родственниками и вспоминаем самые интересные моменты их жизни. Я благодарна им за то, что они подарили нам прекрасную мирную жизнь, воспитали самых лучших детей и помогали растить не только внуков, но и правнуков. Я очень горжусь тем, что у нас в роду есть такие замечательные люди.

Уже после смерти Нури Тарифовича его семье выдали удостоверение к ордену «Красного Знамени», но без самого знака. К сожалению, прадедушка этого не увидел и не смог порадоваться своей заслуженной награде.

Примечания:

1. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 682524. Е. х. 187. Л. 66, 82; Альбеков Нурий // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=10022032> (дата обращения: 18.04.2014).
2. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Е. х. 6025. Л. 135, 137; Альбеков Нурий Тарифович // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=28180343>.

Коломников С. О. (г. Оренбург)

ПАМЯТЬ О ПРОШЛОМ

Мой прадедушка Горбунов Яков Алексеевич родился 5 мая 1918 г. в селе Сарбай ныне Саракташского района Оренбургской области В 1937 г. был призван в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, служил на Украине. С начала и до конца участвовал в советско-финской войне с 30 ноября 1939 г. по 13 марта 1940 г. Её считали локальным конфликтом, но она решала важную задачу обеспечения безопасности второго по величине города страны Ленинграда. Государственная граница проходила от него слишком близко, что делало Финляндию удобным плацдармом для нападения на северную столицу в случае начала новой мировой войны, перспективы которой просматривались всё более ясно. В результате боевых действий к СССР был присоединён Карельский перешеек с г. Выборгом, а граница значительно отодвинута на более безопасное расстояние.

После завершения советско-финской войны в апреле 1940 г. воинские части перебросили снова на Украину. О начале Великой Отечественной войны прадед узнал в городе Николаев Украинской ССР. В июне 1941 г. по тревоге, пешим строем, отправились на западную границу. Таким образом, в боевых действиях Яков Алексеевич участвовал с самого начала Великой Отечественной войны. Горечь поражения перенёс морально и физически. Кадры из фильма «Дни и ночи» по произведению Константина Симонова соответствуют действительности, когда на танки ходили с одной винтовкой на троих и камнями. Во время просмотра этого фильма прадед не смог сдержать слёз. Несколько раз бывал рядом со смертью.

Однажды от гибели многих спасло капустное поле. В очередной раз, когда обоз передвигался по окраине леса, многие солдаты, оставив повозки у деревьев, побежали на поле за капустой, потому что были очень голодные, а в это время начался вражеский авианалёт. Они залегли среди капусты. Поле фашисты не обстреливали, так как не обратили внимания, что на нём были солдаты. Когда вражеские самолёты улетели, прадед подошёл к тому месту, где стояла его повозка, а там большая воронка. Так капуста спасла многих солдат.

Не один раз прадедушка, Яков Алексеевич, ходил в составе группы на разведку. Во время одного задания советские солдаты, спрятавшись в стогу сена или соломы, вели наблюдение за фашистами, но

что-то врагу не понравилось и, заподозрив неладное, противник начал стрелять по скирдам. Стог, в котором прятались разведчики, загорелся. Но под завесой дыма разведгруппа скрылась, и никто не пострадал.

За время боевых действия прадед имел 14 ранений лёгкой и средней степени тяжести. В сентябре 1941 г. в бою за посёлок Николаевка на Украине он был ранен тяжело. Этот населённый пункт несколько раз переходил из рук в руки, так как местные жители были немецкой национальности и поэтому помогали фашистам: даже дети были вооружены. Пуля попала прадеду в гортань и через ключицу прошла по левой руке, разорвав всё предплечье и выйдя у локтя. Без сознания Яков Алексеевич был подобран и отправлен в медсанбат, затем 2 месяца находился на искусственном питании, лишился голоса и дышал через трубку всю оставшуюся жизнь. В тяжёлом состоянии, в санитарном поезде был направлен в Оренбург через Саратов, но фашисты не давали переправляться через Волгу, бомбили, вагоны горели вместе с ранеными, и поезд повернули на город Астрахань, куда враг ещё не долетал. Пароходом через Каспий прадед был вывезен в Среднюю Азию, а далее – поездом в Оренбуржье, до станции Чёрный Отрог, где его целых 5 лет ожидала из армии жена Мария Трофимовна. В конце 1941 г. он попал домой инвалидом 2-й группы.

После выздоровления, как мог, помогал колхозу. В ноябре 1942 г. у него родился первый ребёнок, Анатолий. Затем появились на свет дети Нина, Виктор, Валентина, Николай, Алексей. В послевоенные годы дочь Нина привезла из города Оренбурга пластинку, которая оказалась на немецком языке. Прадед услышал, и его затрясло от ненависти и страха перенесённого во время Великой Отечественной войны. Он схватил пластинку и выбросил в печку. Несмотря на то, что Яков Алексеевич окончил всего 4 класса, был изобретателем-любителем. Прадед чинил любую технику, к нему приезжали почти со всего Саракташского района за помощью. В 1946 г. он сделал ветрянную электростанцию. По праздникам в клубе и школе давал свет от аккумуляторов, первым приобрёл телевизор. Был бессменным Дедом Морозом, хоть и говорил шёпотом. От колхоза выучился на пчеловода, держал колхозную пасеку, пока позволяло здоровье.

Поскольку прадед был участником Великой Отечественной войны и инвалидом 2-й группы, имел награды, то захотел вне очереди приобрести новый автомобиль, но ему отказали, так как ветеранов тогда было много. Но Яков Алексеевич всё-таки осуществил свою

мечту, купив подержанную машину на рынке. Для него награды не имели в то время ценности. Он их никогда не носил, ими забавлялись дети вместо игрушек, поэтому многие утеряны. Раны прадеда давали о себе знать на протяжении всей жизни, и 21 мая 1970 г. он скончался.

Алексенко М. А. (г. Оренбург)

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ИСТОРИИ МОЕЙ СЕМЬИ

Моим сверстникам посчастливилось родиться в мирное время, избежать ужаса войны, тягот военного времени. Всем этим мы обязаны тем, кого называют ветеранами. В каждой семье, наверняка, найдется герой страны, защитник Родины. Такой является и моя семья. Мне посчастливилось иметь в семье не одного героя Великой Отечественной войны. Среди таковых можно особо выделить двух двоюродных прадедов по материнской линии. Один из них – Пронин Юрий Александрович внёс свою лепту в Победу над фашистской Германией и её союзниками.

Пронин Юрий Александрович родился в 1925 г. в Оренбургской (Чкаловской) области. На начало войны моему прадеду было 16 лет. На тот момент он не мог попасть на фронт, но как только ему исполнилось 18 лет в 1943 г. он ушел на войну. Его призвали Кировским РВК Чкаловской области в 1943 г. Непосредственное участие в войне принимал с 16 октября 1944 г.

В наградном листе сохранились сведения о прадеде. Пронин Юрий Александрович был гвардии младшим лейтенантом, штурманом самолёта 119-го гвардейского бомбардировочного авиационного Новгородского Краснознамённого ордена Кутузова полка.

Прадед во время войны был военным летчиком. За время Великой Отечественной войны совершил 25 успешных боевых вылетов с налетом 38 часов 50 минут. Ведомым в девятке активно участвовал в массированных ударах, способствовавших взятию нашими войсками укрепленных районов, а также городов Восточной Пруссии: Куссен (ныне Весново Краснознаменского района), Инстербург (ныне Черняховск Черняховского района Калининградской области), Метгетен (ныне пос. имени А. Космодемьянского г. Калининграда), Юдиттен

(ныне Октябрьский район г. Калининграда), Кёнигсберг (ныне г. Калининград) и др. Помимо этого, Юрий Александрович дважды летал на бомбометание сильных укрепленных портов: Либавы (ныне г. Лиепая, Латвия) и Пилау (ныне г. Балтийск Балтийского района Калининградской области).

15 декабря 1944 г. Пронин Ю. А., совершая бомбометание порта Либавы, встретился при подходе к цели с группой истребителей противника. Умело используя стрелковое вооружение, мужественно отразил атаки истребителей, при этом групповым огнём сбит один немецкий самолёт «Фокке-Вульф-190», чем обеспечено эффективное бомбометание группы по заданной цели.

15 и 16 января 1945 г., совершая полёт в составе девятки на бомбометание опорного пункта Гумбиннен (ныне город Гусев Калининградской области), произвёл метко нанесённый бомбардировочный удар, который способствовал взятию пункта нашими войсками. За отличные боевые действия по этому пункту получил благодарность в приказе Верховного Главнокомандующего – Маршала Советского Союза тов. Сталина.

5 февраля и 11 марта 1945 г. участвовал в эшелонированных налётах на бомбометание опорного пункта и узла сопротивления города Кёнигсберга. В результате меткого удара экипажи наблюдали прямые попадания гвардии младшего лейтенанта Ю. А. Пронина в железнодорожные эшелоны, пути и станционные здания, взрывы и пожары от ударов, что было подтверждено фотографированием.

В решающих боях за окончательную ликвидацию Земландской группировки противника 13 апреля 1945 г. Пронин произвел 4 успешных боевых вылета на бомбометание живой силы и техники противника. За самоотверженность, мужество и эффективные бомбометания в этих вылетах прадеду объявлена благодарность командующим 3-м Белорусским фронтом и командиром полка.

За все подвиги моего прадеда, за эффективные бомбометания, за 25 успешных боевых вылета на самолете Пе-2, за самоотверженность, мужество и отвагу, проявленные при этом, 24 апреля 1945 г. его удостоили ордена Отечественной войны II степени. Награждение производил командир 119-го гвардейского батальона, гвардии майор Андреев¹.

За активное участие в борьбе против фашистских захватчиков Пронин Юрий Александрович также был награжден орденом Красного Знамени; орденом Александра Невского; орденом Отечествен-

ной войны I степени; орденом Отечественной войны II степени; орденом Красной Звезды.

Другой прадед, внесший вклад в победу над Германией, – Абрьвин Георгий Павлович. Он родился в год двух революций, выпавших на долю России, в 1917 г. До войны мой прадед проживал на территории Казахской ССР, в городе Кзыл-Орда. В связи с всеобщей мобилизацией военнообязанных мужчин, в ноябре 1941 г. был призван Кзыл-Ординским ГВК.

При вступлении в ряды Красной Армии, прадеда зачислили в шоферы автроты 258-го отдельного автотранспортного батальона. Уже с самых первых дней его пребывания в рядах Красной Армии в должности водителя, он проявил себя с лучшей стороны, о чём есть свидетельства в личном деле. Он ежемесячно экономил горючее и перевыполнял тонно-километраж, за что ему полагалось денежное вознаграждение.

В период наступательных операций в районе Витебска сержант Абрьвин доставлял досрочно все грузы на передовые части в район Сенной, с оружием в руках уничтожал оставшиеся группировки противника. В период начавшихся наступлений в районе Восточной Пруссии он одновременно выполнял все поручения и боевые задания командования, за что имел авторитет среди командования.

Сержант Абрьвин Г. П. за период своей службы показал себя отличным водителем, за что имел ряд благодарностей от командования и награждён значком «Отличный шофер».

Приказом за № 199 от 25.02.1945 Абрьвин Георгий Павлович был награждён медалью «За боевые заслуги»². Помимо этого, прадеда наградили орденом Красного Знамени; орденом Отечественной войны II степени; орденом Красной Звезды; медалью «За отвагу»; медалью «За боевые заслуги».

Примечания:

1. Пронин Юрий Александрович // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=24533389> (дата обращения: 20.03.2014); Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 686196. Е. х. 2373. Л. 44, 59.

2. Абрьвин Георгий Павлович // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=24338227> (дата обращения: 20.03.2014); ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Е. х. 1898. Л. 261, 294.

Мосолова Е. В. (г. Оренбург)

СВЕЧА ПАМЯТИ

Он дотянул, дожил до этой даты.
Надев медали, вышел на крыльцо.
Большой страны Великие солдаты,
Они все так же родины лицо.
Безусые мальчишки молодые,
Они спасали землю от чумы
В те дальние года – сороковые,
Чтоб счастливы сегодня были мы.
Горящая земля, что за спиною
И муки тех, что под пятой врага,
Чужая боль была им не чужою,
Об этом помнит тот солдат всегда.
И многие из них шагнули в вечность,
Не прячась за других и не ловча.
Они спасали нас и человечество,
Так пусть не гаснет памяти свеча.

В. И. Дорошенко

Война – это самое страшное, что может произойти в жизни людей. О Великой Отечественной войне написано много книг, снято много фильмов, но то, что рассказывают нам участники тех событий – наши ветераны, которые пережили все те страшные минуты, не заменит ни одной книги. Жизнь всех была тяжелой. Солдаты, рядовые и офицеры не жалея своих жизней, не думая о тяготах, которые выпали на их долю, защищали страну, жизни своих родных и близких. Многим из них не суждено было вернуться, но память о них живет в наших сердцах. А те, кто вернулись, смогли рассказать нам о той страшной войне.

В 1946 году с фронта вернулся и мой прадед Дудченко Дмитрий Иванович. К сожалению, мне не довелось с ним познакомиться. Он умер в 1992 году, за несколько месяцев до моего рождения. О нем я знаю только по рассказам прабабушки, бабушки и мамы.

Родился Дмитрий Иванович 12 сентября 1913 года в семье плотника в поселке Новосергиевка. Его родители до 1926 года работали по найму у кулаков, а с 1927 года были служащими советских учреждений: отец – заведующим заготконторой, мать – директором рынка.

**Секция 3. МИРОВЫЕ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ МОЛОДЁЖИ.
СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, СУДЬБЫ**

До 1930 года Дмитрий учился в Новосергиевской школе колхозной молодежи, окончил 7 классов.

С января 1931 по октябрь 1935 работал на различных должностях в советских учреждениях: в 1931–1933 гг. – делопроизводителем Новосергиевского сельсовета; в 1934–1935 гг. – заведующим военно-учетным столом Новосергиевского сельсовета. С ноября 1935 года по декабрь 1937 года проходил военную службу при Сорочинском объединенном райвоенкомате Чкаловской области, являясь старшим писарем. До начала войны работал бухгалтером Новосергиевского РайФО, а затем начальником 3-й части Новосергиевского райвоенкомата. В сентябре 1939 года у Дмитрия Ивановича и его жены Анны Васильевны родилась дочь Светлана – моя бабушка, а в 1947 году на свет появились еще две девочки – двойняшки Тамара и Валентина.

Дудченко Дмитрий и пока еще Степанова (Дудченко) Анна. 1933 г.

15 декабря 1941 года по собственному заявлению выехал на формирование 117-й отдельной стрелковой бригады на должность штаб-

ного офицера – заведующего делопроизводством 4-й части штаба бригады. С 6 марта 1942 года в составе этой же бригады участвовал в боях на Калининском фронте. Принимал участие в боях под городом Ржев, в освобождении городов Белгород, Гомель и Ковель.

«Калининский фронт образован 19 октября 1941 года на основании директивы Ставки ВГК от 17 октября 1941 года из соединений правого крыла Западного фронта. В его состав вошли 22-я, 29-я, 30-я, 31-я общевойсковые армии. В дальнейшем в состав фронта входили 3-я, 4-я ударные армии, 20-я, 31-я, 39-я, 41-я, 43-я, 58-я общевойсковые армии, 3-я воздушная армия. Войска фронта участвовали в оборонительных боях в районе Калинина, в контрнаступлении под Москвой. В ходе наступления зимой – весной 1942 года войска фронта освободили значительную часть Калининской области. Летом того же года был ликвидирован плацдарм противника на берегу Волги в районе Ржева. В ходе ряда наступательных операций в 1942–43 годах были освобождены Калининская область, большая часть Смоленской области, города Великие Луки, Белый, Духовщина, Демидов, Рудня, Невель, вышли к восточным границам Белоруссии»¹.

Дудченко Анна и Светлана. 1942 г.

**Секция 3. МИРОВЫЕ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ МОЛОДЁЖИ.
СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, СУДЬБЫ**

С 22 апреля 1943 года прадед служил помощником начальника 4-го отделения штаба 96-й стрелковой дивизии, сформированной из 117-й и 160-й бригад на Брянском фронте. «В январе – феврале 1943 года войска фронта участвовали в наступательной операции на воронежском направлении, в результате которой были разгромлены основные силы 2-й полевой армии Вермахта и 3-й армейский корпус 2-й венгерской армии и вышли на линию Новосиль – Малоархангельск»².

С 20 октября 1943 года занимал должность помощника начальника штаба по учету 1028-го стрелкового полка 260-й стрелковой дивизии на Белорусском фронте. С 29 апреля 1944 года по 11 мая 1944 года находился в резерве военных сил 47-й армии, с 12 мая 1944 года являлся помощником начальника штаба по учету 165-й стрелковой дивизии. С ноября 1944 года по март 1946 года – помощник начальника отдела кадров штаба 96-го стрелкового корпуса. Член ВКП (б) с 1942 года. Из рядов Советской армии в запас уволен в звании капитана административной службы.

В наградном листе к ордену «Красной Звезды», подписанным начальником отдела кадров 96-го стрелкового Брестского корпуса, майором административной службы Бураковым, от 16 мая 1945 года говорится:

«В ноябре 1942 года на Калининском фронте получил общую тяжелую контузию, однако и после этого он продолжал выполнять свои обязанности. Испытав в этот период все трудности походной боевой жизни, товарищ Дудченко работал непосредственно на переднем крае по уточнению наличия и потерь личного состава, организации поощрения и награждения отличившихся бойцов непосредственно на поле боя.

Работая помощником начальника отдела кадров корпуса по наградам с 1944 года, он участвовал в боях по прорыву обороны противника севернее города Варшавы, выходе к Балтийскому морю с овладением городом-портом Гдыня, форсировании реки Одер с последующим стремительным преследованием противника. За это время через корпус прошли тысячи наградных материалов от соединений и частей корпуса. Порою в корпус входило до 5 стрелковых дивизий и по нескольку специальных частей. Товарищ Дудченко, не считаясь со временем, порою круглые сутки просиживал над оформлением массы проходящего наградного материала. Со свойственной ему аккуратностью и усидчивостью материалы обрабатывались добросовестно.

Своей добросовестной работой способствовал общему успеху и внес свой вклад в дело разгрома немецко-фашистских захватчиков. Достоин правительственной награды: «Красная Звезда»»³.

После возвращения с войны прадед работал инспектором Новосергиевского РайФО по контролю за финансово-хозяйственной деятельностью, заведующим Новосергиевской районной сберкассой № 6094, с 1948 по 1950 годы – госконтролером-ревизором КРУ МФ СССР по Новосергиевскому району. С 1950 года являлся районным инструктором оргнабора рабочих Чкаловской области по Новосергиевскому району.

В день Победы я часто вспоминаю рассказы своей прабабушки, которая умерла в сентябре 2010-го на 95 году жизни, о том, каким было 9 мая для прадеда. Это был его любимый праздник, как и у многих фронтовиков. Было у него лишь одно отличие: отсутствие орденов на груди. Дмитрий Иванович не считал себя героем, и для него было излишним выставлять напоказ свои награды. После окончания сельского парада вся семья собиралась за большим столом и смотрела по телевизору парад Победы в Москве.

Вспоминать о военных годах своей молодости прадед не любил, так как пришлось бы возвращаться вновь в прошлое, переживать заново горечь от гибели сослуживцев. Тяжело до слез ему также было смотреть фильмы о войне.

Я часто прошу бабушку, чтобы она рассказала мне о своем отце, ведь он был очень интересным человеком, имел много увлечений: шахматы, рыбалка. Славился среди родни и односельчан как мастер на все руки: многое в доме делал сам. До последних дней жизни Дмитрий Иванович интересовался политической жизнью страны, читывал много газет и журналов, которые выписывал.

С каждым днем все меньше и меньше становится тех, кто защищал нашу Родину от порабощения. Но мы должны помнить их всегда, ведь они сражались не только за своё поколение, но в большей степени – за будущее своей Родины. Низкий Вам поклон, ветераны!

Примечания:

1. Боевые действия Красной армии в ВОВ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bdsa.ru/>
2. Там же.
3. Подвиг Народа. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.podvig-naroda.ru/>

Агишева Д. И. (г. Оренбург)

ЖИЗНИ ДОСТОЙНЫЙ ПРИМЕР

Брат моего дедушки, башкир Агишев Мутагар Гиниятович родился 10 мая 1926 года в селе Актыново ныне Александровского района Оренбургской области. Начальную школу (1–4 классы) окончил в родной деревне, 5–6-й классы – в селе Каяпкулово, а 7-й класс – в селе Ахмерово Александровского района. В 1941–1942 годах работал в колхозе села Кутлумбетово: возил зерно, помогал животноводам заготавливать корм для скота. По вечерам параллельно учился на тракториста.

13 ноября 1943 года был призван в ряды Красной Армии. До конца мая 1944 года находился в учебном полку, где готовили младших командиров-сержантов. Затем был отправлен в действующую армию. Воевал на Карельском фронте, на Петрозаводском направлении. 22 июня 1944 года войска Карельского фронта перешли на наступление, которое приурочили ко дню начала Великой Отечественной войны. Первое боевое крещение Мутагар Гиниятович получил при форсировании реки Свирь. С боями дошёл до города Петрозаводска – столицы Карело-Финской ССР (с 1956 года – Карельской АССР). 7 июля 1944 года дедушкин брат был легко ранен в левую руку. До конца сентября 1944 года его часть стояла на обороне советско-финской границы. После заключения перемирия с союзной фашистам Финляндией, наши войска вышли на отдых, переформирование и пополнение. 15 ноября 1944 года, после выхода финнов из Второй мировой войны, Карельский фронт был расформирован.

10 января 1945 года брат дедушки прибыл на 2-й Белорусский фронт, которым командовал маршал Константин Константинович Рокоссовский. 12 января того же года войска фронта форсировали реку Вислу. В течение февраля и марта 1945 года освобождали от противника Польшу. Продолжили наступление в Германии, севернее Берлина и дошли до побережья Балтийского моря. Но в тылу фронта остались отдельные части немецкой армии, окружённые в районе городов Гданьск и Гдыня (ныне в северной Польше). М. Г. Агишев участвовал в ликвидации этой группировки гитлеровских войск и был тяжело ранен в правую руку с огнестрельным переломом плеча. Брата дедушки отправили в тыловой госпиталь г. Орехово-Зуево Московской области, где ему удалили правый плечевой сустав. 10 августа

1945 года Мутагар Гиниятович был признан негодным к дальнейшему несению воинской службы по состоянию здоровья и демобилизован.

Вернулся в родные края инвалидом. Однако после войны село отчаянно нуждалось в кадрах, так как многие взрослые трудоспособные мужчины погибли на фронте. Поэтому дедушкин брат, несмотря на инвалидность, активно подключился к помощи колхозу: работал заведующим током и складом, бригадиром. Не хватало в сельской местности и образованных, квалифицированных специалистов. По этой причине в 1949 году руководство отправило бывшего фронтовика на бухгалтерские курсы, по окончании которых с 1950 года Мутагар Гиниятович Агишев работал по новой специальности в колхозе «Путь Ильича». В 1970 году он был отмечен медалью «За трудовую доблесть» в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. Вышел на заслуженную пенсию в 1981 году. К 40-летию Победы над Германией в 1985 году награждён орденом Отечественной войны II-й степени. В настоящее время брата дедушки уже нет в живых. Он умер в возрасте 74 лет в 2010 году.

Тарануха С. А. (г. Оренбург)

МОЙ ОДНОСЕЛЬЧАНИН ЕЛИСЕЕВ ЯКОВ АНТОНОВИЧ

Грозный 1941... Как он изменил судьбы, обагрив кровью и слезами, сделал короткими жизни многих мальчишек и девчонок, разрушил светлые мечты 17-летних, которые прямо с выпускного бала ушли «из детства в эшелон пехоты, санитарный взвод». Они хотели вернуться в тёплые дома, чтобы посмотреть в добрые, полные тоски печали глаза своих матерей. Очень хотели, но бросались на амбразуры вражеских пулемётов, гибли под пулями, принимали мученическую смерть в тылу... А те, кому посчастливилось переступить после войны порог родного дома, навсегда хранили в сердце боль пережитого: увиденного, прочувствованного, но такого далёкого, чуждого простому человеческому сердцу.

Как объяснить, что твой товарищ пять минут назад разговаривал с тобой, мечтал, что кончится война, и он вернётся, обнимет мать. Мгновение – и ничего уже не сбудется. Как объяснить тот немой упрек в глазах детей, медленно умиравших в тёмной ледяной ленинг-

радской квартире? Как объяснить слёзы отчаяния в глазах 17-летней девчушки-санитарки? Наверное, именно поэтому вернувшиеся с войны уже смотрели на эту жизнь по-другому. Наверное, поэтому на глаза Якова набегали слёзы, когда шёл фильм о войне. Наверное, поэтому он застывал и смотрел куда-то вдаль, если попадалась в руки фронтовая фотография. Наверное, поэтому он так не любил рассказывать о тех страшных 900 днях, которые ему пришлось пережить, обороняя Ленинград.

Елисеев Яков Антонович родился в 1918 г. в семье Антона Яковлевича и Марфы в селе Ключи ныне Тюльганского района Оренбургской области. Семья была большая, крепкая. Всего добивались сами, работали, не покладая рук: четверо сыновей и две дочери, все помогали по хозяйству. Так и прошло мирное детство, окончил Яков семилетнюю школу в Ключах. Пришло время, и в 1938 году пошёл в армию. Попал в артиллерийские войска, участвовал в финской войне, где и получил первое боевое крещение и нашёл верного боевого товарища, который спас ему жизнь: враг уже приставил нож к горлу, кожа ощутила прикосновение холодной стали. Ещё бы секунда, и всё было бы кончено, но тут подоспел боевой товарищ. С этим человеком в одном строю Яков Антонович потом прошёл всю Великую Отечественную. Не раз они выручали друг друга в трудной ситуации во время боя, делились скудным ленинградским пайком. Потом, уже в мирное время, поддерживали связь, встречались.

В марте 1940 война была окончена, скоро их должны были демобилизовать. Возвращались домой, как вдруг в июне – ещё война, так и оставили весь эшелон в Ленинграде (весть о войне как раз застала солдат в этом городе). К тому времени Яков Антонович – старшина батареи. Их 162-й артиллерийский полк 43-й Краснознамённой стрелковой дивизии был на передовой линии в районе Пулковских высот на Ленинградском фронте. Эти первые месяцы войны были очень трудными, но, можно сказать, что основы победы 1945 года были заложены в самом тяжёлом, 1941 году. Уже тогда все показали, как может русский человек защищать свою Родину. Ни блокада, ни голод, ни мороз, ни бомбардировки и обстрелы не сломили их мужества.

«Самое страшное, что мне довелось повидать за время войны, – вспоминает фронтовик – это блокада, то самое зловещее кольцо, что, словно петля, сжималось вокруг Ленинграда, стараясь задушить город на Неве. Солдаты гибли в окопах, жители умирали от голода. Люди замерзали на улицах». Жутко... Страшно... Многие солдаты падали в

строю, многие ложились спать – и засыпали навеки. Дорога по Ладожскому озеру не могла обеспечить всех продуктами. Яков Антонович вспоминал: давали кипяток из растаявшего снега, в котором плавали еловые иголки. Чай порой был без сахара и без заварки. Часто на пепелищах, где когда-то стояли деревянные дома, солдаты внимательно обследовали подполье. Там иногда находили обгоревшие клубни картофеля, ели мороженую свёклу. Хлеба выдавалось мало. Такой тонкий ленинградский ломтик хлеба – он почти ничего не весил на руке...

А бои страшные тогда были. Длились сутки за сутками. Но люди стояли насмерть, не отдали ни одной пяди земли. Для всех воевавших тогда Ленинград стал аккумулятором героизма. Проявил себя и Яков Антонович. Командир отделения тяги 3-й батареи Елисеев «в боях на Ропшинском направлении с 01.01.1944 по 28.01.1944 руководил отделением тяги, своевременно перемещал орудия в новый район ОП и под сильным артиллерийским огнём противника своими тракторами вытаскивал автомашины с боеприпасами, которые вязли в снегу на плохой дороге» – так рассказывают о его подвиге официальные документы – приказ от имени Президиума Верховного Совета СССР о награждении медалью «За отвагу». А сколько было таких подвигов? А сколько было таких отважных солдат? Бойцы Ленинграда с неопишным упорством двигались вперед и вперед. Фашизм победили не сказочные богатыри, а самые обычные люди. Им было страшно, боль-

**Секция 3. МИРОВЫЕ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ МОЛОДЁЖИ.
СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, СУДЬБЫ**

но, холодно, но они выстояли, в этом их сила и величие. А помогала в этом песня.

Ещё до войны Яков Антонович любил играть на гармонии, а здесь, на фронте, это было отдушиной, кусочком той, мирной жизни, к которой так стремились солдаты. Гармонь для него была и второй винтовкой, и боевым товарищем. Не на передовой, конечно, а уже после, на привалах, в небольшие минуты отдыха она была под рукой, утешала, помогала пережить горе, двигала на подвиг, лечила израненную душу, вдохновляла, давала веру жить и надеяться на лучшие времена. И всё это происходило само собой, естественно, как течение речной воды или как череда дней. Знатный был гармонист Яков Антонович, хотя и самоучка, мог наиграть любую мелодию; только один раз, например, услышит по радио что-нибудь, тут же на слух, воспроизведёт её. Всю войну он прошёл с гармонью в заплечном мешке.

После того, как прорвали блокаду, вместе со своей частью шёл в наступление и Елисеев Я. А. Дошёл до Прибалтики. Там, уже в конце войны, в мае 1945 его комиссовали по состоянию здоровья.

Вернулся в родное село. Всё было по-прежнему, улица, дом с покосившимся забором, черёмуха у окна. Всё такое же, да что-то не то... Уходил здоровым парнем, а пришёл инвалидом Отечественной войны 2-й группы. Контузия сказывалась, перенёс шестичасовую операцию на желудке, две третьих желудка было удалено – сказалась ленинградская блокада. Некоторое время был переведён на лёгкий труд, работал в библиотеке. Потом на тракторе ХТЗ, потом токарем в колхозе.

В общем, жизнь брала своё, мирная жизнь... О войне вспоминать не любил. Кому охота вспоминать кошмарные дни, когда рядом с тобой в окопе лежат заледенелые трупы? Когда на твоих глазах немцы потопили баржу с ленинградскими детьми, когда солдату, который вместе с тобой минуту назад тащил на тягаче орудие, осколком оторвало голову? От воспоминаний таких кошмаров любой нормальный человек бежит, старается возможно скорее заслонить подступ памяти суетой и маевой жизни. Поэтому неохотно рассказывал о войне Яков Антонович, который всё это пережил. Лишь единственное, напоминавшее войну, что он любил, как родного человека, это перламутровый трёхрядный баян, который часто ломался, но всё равно был дорог сердцу, потому что вернулся вместе с солдатом с войны. И когда фронтовик, прикивая щекой к трофейному баяну, вместе со своим братом, Николаем Антоновичем, на лавочке садились играть, душевной мелодией, идущей от самого сердца, заслушивалось всё село.

Умер Яков Антонович Елисеев 12 марта 1972 года.

Кто знает, как сложилась бы судьба нашей страны, если бы не такие люди, как он, чьи имена навечно вписаны в летопись судьбоносных боёв на Ленинградском фронте? Чьими именами гордятся потомки?

Пусть всех имён не назову,
Нет кровней родни.
Не потому ли я живу,
Что умерли они?
Чем им обязан – знаю я.
И пусть не только стих,
Достойной будет жизнь моя
солдатской смерти их.

Примечание:

1. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 686044. Е. х. 3211. Л. 111 об.; Елисеев Яков Антонович // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=20338675> (дата обращения: 06.04.2014).

Ткаченко Е. И. (г. Оренбург)

СПАСИБО, ДЕДА, ЗА ПОБЕДУ...

- Главное, дочка, не война...
- Что такое война, бабуль?
- Война, дочка, это смерть.

Вот так я впервые узнала о войне 1941–1945... Я никогда, слышите, никогда не видела слёз на глазах у моей бабы Томи. Я всегда думала, что она прожила саму, что ни на есть, счастливую жизнь. Но я ошибалась.

Моя прабабушка – Тамара Григорьевна Курчакова родилась как раз в предвоенный период: 18 июля 1933 года.

- Это было тяжёлое время, дочка, не было ни еды, ни воды, ни детства... Мамка жарила лепёшки из картофельной кожуры, зимой топила снег, чтобы хоть как-то выжить, а летом мы бегали за водой на речку.

- На речку, баб? Фу, она же невкусная.

- Тогда, Катюш, всё было вкусным. Это сейчас у вас чего только нет: и картошка, и маркошка, и каких только сладостей на столе вы не

увидите, а тогда даже хлебная крошка была нам в диковинку.

- А это как в диковинку?

- А ты, доченька, сильно радуешься, когда мама, придя с работы, хлебушек приносит?

- Нет. Она его каждый день покупает, чему радоваться-то?

- Вот, зайка моя, каждый день, а наша мама приносила его один раз в полгода, и то маленький-премаленький кусочек. Нас трое у неё, а она одна, нам хотелось кушать, а она плакала от бессилия, она ничего не могла сделать, а после того, как у нас Клавка ушла, она и вовсе вся почернела.

- Клавка? Какая Клавка? Куда ушла?

- Клавдия – это моя старшая сестрёнка, мне было девять лет, когда мы её потеряли.

- Потеряли? Ну вы же её нашли, правда?

- Нет, дочка, мы её не нашли и никогда не найдём в этом мире, она там, на небе, у Боженьки... Лютые зимние морозы властвовали в те времена, ходить было не в чем, она босая в совет бегала, за почтой, в надежде, что папка объявится, вот и простыла... А тогда таких врачей не было, а даже если и были, все на фронт ушли, к солдатам, а у нас никого, кроме Господа...

- А это больно баб?

- Что больно?

- Терять любимых?

- Очень, детка... очень больно... я любила её, а Господь её забрал, видимо, там ей лучше, чем здесь... в земном аду...

Бабушка изо всех сил старалась сдержать слёзы, но я видела, как её изнутри ломают эти страшные воспоминания. А тут, откуда не возьмись, тучи набежали, и как бабахнет, как сверкнёт, как будто там, на небесах нас услышали и подали нам знак, что тоже помнят. Бабулька схватила меня и потащила в летнюю кухню, посадила около себя, а сама в окно смотрит, приговаривая:

- Ты прости меня, детка, прости, ты только не бойся, я рядом. Это гром... всего лишь гром.

И тут она заплакала ещё сильнее.

- Не плачь, баб, не плачь. Я больше не буду кричать и маму звать, ты только не плачь.

На её лице наконец-то появилась улыбка.

- Это слёзы радости, малышка. Я благодарна Господу, что я здесь, что у меня есть такие замечательные внуки, что Бог был со мной тог-

да, когда я услышала такой же грохот, только тот был ещё сильнее, ещё страшнее. Много людей тогда погибло от пуль этих одержимых. Было страшно, дочка, я боялась, что никогда больше не увижу ни землю, ни солнце, я боялась смерти... А сейчас...

- А что сейчас, баб?

- А сейчас я готова.

- К чему?

- Ко встрече с Богом...

- А как же я, баб?

- Я буду рядом, родная вот здесь. – Она положила ладонь мне на сердце. – Я самая счастливая, дочка, я видела всё: голод, страх, смерть, но мне удалось познать счастье, я самая счастливая бабушка на свете...

Мы молча смотрели друг на друга: она, плача, улыбалась, а я не знала, что мне делать. Внутри меня что-то дрогнуло, я почувствовала такую боль, такой страх за родителей, что не смогла сдержать слёзы и начала не просто плакать, я начала рыдать...

- Что ты, что ты, маленькая?

- Мне страшно... А вдруг мама не приедет, вдруг я её больше не увижу, вдруг она как твой папка пропадёт без вести, вдруг она никогда не приедет.

- Приедет, дочка, приедет твоя мамка. Мой папка на войне был, Родину защищал. Благодаря ему, мы, дочка, живём. А мамка... мамка твоя обязана вернуться, ради деда, ради тебя, ради себя она должна жить.

- Правда?

- Правда, правда.

- Опять, шельмы, сидите. Ну-ка хватит потоп тут разводить, вон лучше на стол накройте.

Дед вошёл так неожиданно, что я аж подскочила с места, я так его испугалась, так обиделась, что даже разговаривать больше не хотела. Бабулька заметила моё недовольство и сказала:

- Ты, дочка, не сердчай на него, он хоть суровый с виду, но душой добрый. В то время, как я сопли разводила в 1945-м, он на поле работал, с восьми лет на тракторе. Много повидал твой дед... много... вот и очерствел, чтобы не сломаться. Коля родился 14 мая 1933 г., их было четверо, он как самый старший помогал матери семью кормить. Не спал он почти, не ел, всё домой, всё родным. Он был главным в семье после того, как отец его, Александр ушёл на войну. Только вот мой – без вести пропал, а им телеграмма пришла «О смерти доблестного

солдата». Мы надеждой жили, что папка вернётся, а они свою надежду похоронили вместе с ним. Коля изводил себя: работа, работа, работа. Он дома-то не был, для него поле стало родным пристанищем.

- Как же там жить-то можно, бабушка?

- Вот и я не знаю, детка, не знаю... а он жил.

Она перекрестилась и, улыбнувшись, добавила:

- Вот видишь, дочка, что война делает с людьми, а это мы ещё на фронте не были, и слава Тебе Боже, что уберёт нас от этой участи.

Мы молча смотрели на стекавшие кали за окном, наконец, тишина прервалась, и в комнату вошёл дед, он не успел ничего сказать, как я, подбежав к нему, вцепилась в него.

- Спасибо, деда, за победу...

Пашов Д. А. (п. Акбулак)

МОЙ ПРАДЕД – ЗАЩИТНИК СЕВАСТОПОЛЯ!

Всё дальше и дальше в историю уходит героическая эпопея Великой Отечественной войны – самой жестокой из всех войн, которые пережила наша страна.

Я не застала в живых непосредственных участников этой Великой войны в нашей семье, но след её ощутим, и память о ней передаётся от старших поколений. Наши деды и прадеды спасли мир от войны и не любили хвастаться этим, потому что участие в ней считали своим долгом. Моя семья, как и любая другая в нашей стране, не осталась не затронутой Великой Отечественной.

Перелистывая семейный альбом, я обнаружил пожелтевшую, совсем ветхую с обтрёпанными краями фотографию. На ней были изображены незнакомые мне люди – мужчина, женщина и ребёнок. Мои мама и бабушка рассказали мне, что на снимке – моя прабабушка – Поволоцкая (Глебова) Раиса Антоновна со своими родителями – Глебовой Зоей Ивановной и Глебовым Антоном Ильичём. При этом я узнал, что мой прапрадед был участником Великой Отечественной войны и защищал Севастополь. Порой историческое событие мы воспринимаем очень отвлечённо, думая, что не имеем к нему никакого отношения, но ведь всё происходящее в жизни невозможно без участия людей, а если эти люди к тому же связаны с тобой родственными узами, то и событие кажется ближе.

...В начале XX века семья Глебовых живёт на территории современного Бузулукского района Оренбургской области. В 1906 году в семье появляется сын Антон. В советское время отец Илья Ильич работает председателем колхоза в селе Новоалександровка, а мать Матрёна ведёт домашнее хозяйство и воспитывает детей. С самого детства Антон «мечтает о крыльях» и поэтому по окончании школы поступает в Оренбургское лётное училище. За хорошие успехи после училища Антона направляют на службу в Ленинград. Там он знакомится со своей будущей женой – Зоей Щепаковой, дочерью Ивана Ивановича и Клавдии Щепаковых. Он служит гидролётчиком в городе на Неве, затем в Керчи и, наконец, в Севастополе. И везде, как ангел-хранитель, его сопровождает любящая спутница жизни – его любимая Зоя! Ещё до войны у Антона и Зои родились три дочери: Галина, Раиса и Лидия. Но мирную жизнь оборвала страшная дата – 22 июня 1941 года. Беспокоясь о своих близких, Антон отправляет всю свою семью на родину – в Бузулук, а сам остаётся защищать страну здесь – в Севастополе.

Лето 1941 года. Мой прапрадед – пилот гидросамолёта МБР-2 (Морской ближний разведчик, а в народе – «летающая лодка») 80-й отдельной морской разведывательной авиационной эскадрильи Черноморского флота. В составе эскадрильи обеспечивает минные постановки на подходах к Севастополю и другим черноморским портам. Кроме того, с июня 1941 года по август 1942 года Антон Глебов на своём самолёте прикрывает в море крупные боевые корабли, часто встречаясь в небе не только с «Мессершмиттами», но и вражескими гидросамолётами: немецкими «Арадо» и «Хейнкелями», румынскими «Савойями» и «Кантами», превосходящими его «морского разведчика» по всем характеристикам. Но, не смотря на это, он вновь и вновь выходит на боевые задания.

Другой задачей экипажа Антона Глебова стали поисково-спасательные операции. За большую вместительность свой самолёт он ласково называет «Амбарчик». «Амбарчик» вел поиск сбитых летчиков, подбирая их самостоятельно или наводя торпедные катера.

С выходом немецких войск к Севастополю основные силы Черноморского флота перебазировались на Таманский полуостров. В ноябре 1941 г. часть авиации отправили в Геленджик, а Антон Глебов вместе со своей эскадрилей остаётся на единственном не занятом немцами морском аэродроме в Северной бухте Севастополя. Зачастую экипажу приходится отбиваться от немцев, полагаясь исключительно на собственную смекалку.

В боях за Севастополь мой прапрадед свято следует законам фронтовой жизни авиаторов-черноморцев:

«Пока способен держаться в воздухе, из строя не выходи. Хотя бы самому грозила гибель, выручай товарища.

К каждому полету готовься на земле тщательно и всесторонне, каким бы ни казался он простым.

Никогда не действуй по шаблону, думай о своей работе и на земле и в воздухе.

Идя к цели, внимательно ознакомься с тактической обстановкой и принимай решение быстро, но учитывая все, что увидел».

Летом 1942 года Антон Глебов вместе со своим экипажем поступает в распоряжение Новороссийского оборонительного района. Оставляя Севастополь, они твердо уверены, что вскоре вернуться с победой.

Ему вернуться было не суждено...

7 октября 1942 года экипаж капитана Глебова отправился на очередное боевое задание в сторону Севастополя с разведывательной операцией, с которой не вернулся. В течение двух недель капитана А. Глебова, старшину Б. Молева, старшего лейтенанта П. Базанова (экипаж МБР-2) считали пропавшими без вести. Лишь 29 октября подтвердилась информация о гибели экипажа.

Имя прапрадеда Антона Ильича Глебова выбито на мемориальной плите погибшим защитникам Севастополя на Сапун-горе. Я горжусь своим предком и рад, что в моей крови есть частичка военного лётчика, защитника города-героя Севастополь.

Буйнин Д. В. (г. Оренбург)

СТРАНИЦЫ ФРОНТОВОГО ДНЕВНИКА

Приближается великий праздник – День Победы нашего героического народа в Великой Отечественной войне. Этот праздник стал для всех символом национальной гордости, славы, доблести и беспримерного подвига нашего народа, отстоявшего свободу и независимость Родины. Он и сегодня объединяет и сплачивает нас, вселяя веру в будущее и вдохновляя на новые свершения во имя процветания великой России и благополучия ее непобедимого народа.

Этого праздника люди ждали 1418 дней. Столько дней продолжалась битва с фашистами. День Победы – праздник радостный и грус-

тний. В этот день встречаются те, кто вместе воевал, кто работал в тылу. Они вспоминают своих друзей, приносят цветы к памятникам.

Ветеранов войны остаётся все меньше и меньше. Из их рассказов мы узнаем о страшной войне.

Я хочу рассказать о своем дедушке Ишкове Сергее Михайловиче. Мне не удалось с ним пообщаться. Я родился, когда он уже умер в апреле 1990 года. В нашей семье хранится его армейский дневник (с ноября 1942 года по сентябрь 1949 года), на некоторых страницах которого заметны следы его крови в результате полученного им тяжелого ранения в апреле 1944 года.

Я испытываю огромное чувство уважения к своему дедушке, который один из миллионов участников Великой Отечественной войны, дал нам возможность жить в свободной демократической стране с гордым названием Россия.

Я живу вместе с бабушкой, родной сестрой Сергея Михайловича. Она мне очень много рассказала об их детстве и послевоенной жизни.

Мне стало особенно интересно, когда взял в руки «Красноармейскую книжку» своего дедушки, полученную им в годы Великой Отечественной войны и обратил внимание на даты, войсковые подразделения и должности на которых он служил; на полученное им тяжёлое ранение.

Я видел очень много фильмов и с интересом читаю книги, и смотрю телевизионные передачи о Великой Отечественной войне. Это уже история. Я задал себе несколько вопросов:

- что делал, как жил и воевал солдат Ишков Сергей Михайлович, мой дедушка, на войне?
- в каких сражениях он принимал участие?
- какие люди окружали моего дедушку?
- в чём особенность патриотизма наших солдат победителей?

Мне удалось получить ответ на свои вопросы. В поисковой системе «всемирной паутины» Интернета я ввёл номера войсковых частей, в которых служил мой дедушка и был очень обрадован, что сегодня, по прошествии более семидесяти лет с момента боевых действий Великой Отечественной войны, сохранились сведения о военных сражениях, в которых принимало участие боевое подразделение моего дедушки. Я решил найти описание этих событий в уникальном историческом документе моей семьи – личном дневнике Ишкова Сергея Михайловича – простого солдата, Человека с большой буквы, жителя Оренбургской области.

Читая дневник, работая с историческими данными о Великой Отечественной войне, я как в «машине времени» вернулся назад в далекое прошлое нашей страны. Страницы, написанные собственной рукой моего дедушки-солдата Второй мировой войны в то далёкое время, под звуки разрывов снарядов, в тяжелейших условиях боевых действий, позволили мне очень близко почувствовать реальную, очень сложную обстановку без приукрашиваний и художественных вымыслов. Держа в руках пожелтевшие тетрадные листы дневника моего дедушки, я огорчился вместе с ним, радовался над победами наших славных воинов, сопереживал всем тем, кто сумел добиться победы в Великой Отечественной войне.

А теперь более подробно о наиболее значимых фактах истории, непосредственным участником которой был мой дедушка Ишков Сергей Михайлович. Он уроженец посёлка Большедорожный Рычковского сельсовета Северного района Оренбургской области. Настоящий 2014 год для него юбилейный, 16 июня исполнится 90 лет со дня его рождения.

Мой дедушка родился и вырос в многодетной семье сельских тружеников. Отец его – Ишков Михаил Данилович работал бухгалтером в колхозе, мама – Ишкова Наталья Васильевна трудилась в том же колхозе. Мой дедушка с раннего детства заботился о 11-ти своих младших братьях и сестрах, но это не мешало ему уделять достойное внимание своей учебе и окончить 10 классов средней образовательной школы, что по тем временам удавалось не всем.

По окончании школы ему исполнилось 18 лет, и он сразу в 1942 году добровольно пошёл в Красную армию, поступив в военное пехотное училище.

Особое внимание в годы войны уделялось подготовке офицерских кадров для Красной Армии. Эту задачу решали существовавшие в Чкалове (в настоящее время город Оренбург) еще до войны авиационные и зенитное училища. В годы войны в области разместились Астраханское пехотное училище – в Бузулуке; 2-е Бердичевское (Славутское, 2-е Тамбовское и Черниговское) пехотные училища Красной Армии – в поселке Сорочинском; Краснохолмское пехотное училище – в селе Красный Холм; Чкаловское пехотно-пулеметное училище – в Оренбурге; зенитно-пехотное и Южно-Уральское пулеметное училища в Сорочинске. Всего в области находилось более 10 военных училищ и школ. Особо следует отметить, что в Чкалове в годы войны находилась Академия военно-воздушных сил, готовившая высший командный состав для боевой авиации.

Записи из дневника моего деда рассказывают о времени его военной подготовки:

1 сентября 1942 года: «Вот и училище, именуемое 2БПУ (Второе Бердическое пехотное училище), здесь куются кадры для фронта, большей частью для стрелковых частей. Так начинается моя армейская жизнь. Здесь в стенах училища обучали нас умело, самоотверженно бить врага. Трудно было в первое время, но над страной нависла такая опасность, так трудности преодолеваются. Сейчас учимся и учимся упорно, настойчиво».

7 ноября 1942 года: «Выходной день. Комсомольское собрание. Сегодня меня будут принимать в семью ВЛКСМ. Волнуемся, но набираем силу, сосредотачиваем волю. На фронт пойду комсомольцем. Этот день запомнится на всю жизнь. Училище праздник отпраздновало подведением итогов учёбы. Результаты хорошие. Поработали ребята на славу. Учимся не жалея времени и сил».

13 декабря 1942 года: «Учёба продолжается. Вести с фронта всё тревожней, и легче становится, когда говоришь о том, как дали «жизни» немцам под Москвой. Хотели Москву, а получили «рай небесный». Переводят в другой корпус, уплотняемся, а наш корпус будет занят новым пополнением. Чувствуешь, скоро сбудется твоя мечта, поедем на фронт. А пока учимся, дни проходят незаметно, не видишь, как проходит день и наступает ночь. Трудно насчёт топлива, почти замерзаем, но усиленно готовим себя к фронту».

23 февраля 1943 года: «Новый год прошёл в учёбе. На фронте под Сталинградом такой «жизни» дали фрицам, что тошно стало им. Запомнят гады, что значит Русский Солдат, и я думаю, что внукам своим накажут, чтобы они свой нос ни совали, куда ни надо...».

24 февраля 1943 года «Подъём. Встаём, но на физзарядку не идём. Что такое, не поймём. В 9.00 узнаём, что едем на фронт. Слава богу, дождалось. К вечеру нас обмундировали в новое, выдали снаряжение и ждём отправки».

25 февраля 1943 года: «Отправка... строимся. Вот те бабушка – Юрьев день... а теперь говорит нам командование, будто едем на фронт на стажировку. Ничего себе стажировка под пулями и снарядами. Но раз Родина так требует, нужно выполнять. Под звуки музыки проходим на вокзале и погружаемся в солдатские вагоны. Все чувствуют себя взволнованными и немного радостными, но некоторые голову повесили. Не знаю, почему... видимо боятся ехать на фронт».

В апреле 1943 года мой дедушка Ишков Сергей Михайлович зачислен в состав 967-го стрелкового полка 273-й стрелковой дивизии. Это было ее второе формирование.

Из истории 273-й стрелковой дивизии:

«Дивизия была сформирована в Подольске в начале мая 1942 года как 273-я стрелковая дивизия 2-го формирования. Ее сформировали из воинов, оставшихся в живых после кровопролитных боев под Старым Осколом (в том числе из лыжных батальонов), а также вернувшихся из госпиталей бойцов. 2 мая в дивизию были направлены 35 курсантов из Московского пехотного училища имени Верховного Совета РСФСР. Большинству из них после учебы было присвоено звание сержанта.

Лето прошло в строевых и боевых учениях, и никто в дивизии не знал, куда их направят. В конце августа дивизия была брошена на оборону Сталинграда.

Дивизия принимала участие в Сталинградской битве с 18 сентября 1942 г. по 2 февраля 1943 г. Не доезжая километров 120 до Сталинграда, эшелоны с бойцами разгрузили и, как оказалось, вовремя: только успели окопаться, вагоны были разбомблены немецкой авиацией. Добираться до оккупированного Сталинграда пришлось пешком. Добравшись до места, дивизия сосредоточилась в районе станции Котлубань, где сразу приняла участие в боевых действиях в составе 24-й армии.

После завершения битвы из Сталинграда дивизия перебазировалась в Тульскую область.

Она принимала участие в освобождении Брянской области. За освобождение г. Бежицы получила почетное наименование «Бежицкая».

Оставив позади Украину и Белоруссию, 273-я стрелковая дивизия вела освободительные бои на территории Польши.

Впоследствии стала 273-й стрелковой Бежицкой Краснознаменной ордена Богдана Хмельницкого стрелковой дивизией. В период службы Ишкова Сергея Михайловича дивизией командовали:

Валюгин Алексей Иванович (18.09.1942 – 23.12.1943), подполковник, с 19.01.1943 полковник

Лотоцкий Семен Сергеевич (24.12.1943 – 17.09.1944), полковник, с 13.09.1944 генерал-майор».

Когда я ознакомился с историческими данными о 273-й стрелковой дивизии, мне захотелось узнать более подробно, почему ей присвоили название «Бежицкая», и что такое Брянская наступательная

операция (18 августа – 3 октября 1943 года)? А самым важным было для меня узнать, как воевал мой дедушка? Понять ту атмосферу, и очень хотелось посмотреть «его глазами» на происходящее. Конечно, строки дневника, написанные его рукой, мне позволили очень ярко увидеть происходящее, приблизится к нашим солдатам и почувствовать всю тяжесть войны, человеческого горя и отчётливо понять в чём заключался безграничный героизм защитников нашей Родины.

18 августа 1943 года Советские войска остановили наступление немецко-фашистских захватчиков на Брянском направлении.

Во время преследования отступающей орловской группировки противника армии Брянского фронта далеко оторвались от тыловых частей снабжения и начали испытывать нехватку боеприпасов. К тому же, бойцы нуждались в отдыхе, а подразделения в доукомплектовании.

Отошедшие на оборонительную линию «Хаген» немецкие войска получили некоторую передышку.

Оперативная пауза продлилась недолго. Уже 25 августа 1943 года Советское командование приступило к подготовке Брянской наступательной операции.

В течение двух лет, с октября 1941 года по сентябрь 1943 года, Брянск был оккупирован немцами. Значительную часть местного населения гитлеровцы уничтожили. Об этой трагедии сейчас напоминает памятник жертвам немецких репрессий, установленный в самом центре города в Лесных Сараях, где оккупанты устроили место массовых казней.

Из газеты «Известия» того периода: «Южнее Брянска наши войска на днях в нескольких местах форсировали реку Десну и завязали бои севернее и южнее города Новгород-Северский. По западному берегу Десны немцы заранее создали оборонительную линию, которой присвоили название «немецкий восточный вал». Многочисленные опорные пункты, расположенные на рубеже этой реки, и особенно город Новгород-Северский обороняли крупные валы противника. Немцы предпринимали отчаянные попытки сбросить переправившиеся советские соединения с западного берега реки Десна. Бойцы Н-ской части только за вчерашний день отбили двадцать семь ожесточённых контратак противника и уничтожили до 1500 гитлеровцев, 13 танков и 6 самоходных орудий. Советские войска, создав прочные плацдармы на западном берегу Десны, сегодня перешли в решительное наступление и с боем овладели городом Новгород-Северский. Против-

**Секция 3. МИРОВЫЕ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ МОЛОДЁЖИ.
СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, СУДЬБЫ**

ник понёс тяжёлые потери. Нашими войсками захвачено большое количество вооружения и различных военных материалов».

В ночь на 17 сентября 1943 года, после мощного артналета, силы 3-й и 11-й армий при поддержке партизанских соединений начали форсирование Десны.

Западный берег реки на центральном участке Брянского фронта проходил по границам города. Переправившиеся части сразу же вступали в схватку с обороняющимися город частями вермахта, завязались уличные бои. К середине дня немецкое сопротивление было сломлено. Брянск был освобожден.

После освобождения города советские солдаты на склонах оврага в Лесных Сараях обнаружили несколько больших ям, куда оккупанты сбрасывали замученных и расстрелянных мирных жителей. Об этой трагедии сейчас напоминает памятник жертвам немецких репрессий, установленный в роще Лесные Сарай на месте массовых казней в самом центре города. В братской могиле, по различным оценкам, захоронено от двух до девятнадцати тысяч человек.

Удар по Брянску был столь стремительным, что немцы даже не успели подорвать заранее подготовленные к уничтожению объекты.

Из сводки Совинформбюро от 18 сентября 1943 года:

«... Наши соединения, действовавшие восточнее Брянска, в ночь с 16 на 17 сентября под прикрытием артиллерийского и минометного огня в нескольких местах форсировали реку Десна. Наши войска успешно справились с задачей переправы на западный крутой и высокий берег реки Десна, сильно укрепленный немцами. Советские бойцы ворвались в город и завязали уличные бои... После ожесточенных боёв города Брянск и Бежица освобождены от немецко-фашистских захватчиков...».

17 сентября 1943 года приказом Верховного главнокомандования была объявлена благодарность войскам, участвовавшим во взятии Брянска и Бежицы. Тогда же в Москве был дан салют в честь освобождения этих городов, а особо отличившимся частям были присвоены имена Брянские и Бежицкие.

Потеряв ключевой узел сопротивления, немецкое командование приняло решение начать отвод войск со всего Брянского плацдарма.

Силами фронта и партизанскими бригадами было организовано преследование отступающих сил противника.

Освобождение Брянска сыграло решающую роль в положительном исходе всей Брянской наступательной операции. Город, являясь

крупным транспортным узлом, играл важную роль в системе коммуникаций всей Группы армий «Центр». Его утрата значительно осложнила положение немецких войск на соседнем Смоленском направлении. Только при обороне Брянска они потеряли 6 пехотных дивизий.

Блистательно спланированная Брянская операция стала одной из самых эффективных за всю историю Великой Отечественной.

За 30 дней войска Брянского фронта продвинулись на Запад на 250 км, освободив около 40 000 кв. км. Брянского промышленного района и части Белоруссии. Для сравнения в ходе Операции «Кутузов» за 37 дней боев была освобождена в полтора раза меньшая территория.

Безвозвратные потери в ходе Брянской операции составили 2,4 %, а в ходе операции «Кутузов» – 8,7 % процента от первоначального состава.

Вот как описывает период Брянской операции в своём дневнике мой дедушка Ишков Сергей Михайлович:

12 августа 1943 года: «Сменяем часовых на переднем крае. Но ночью, приблизительно в 3.00 немец пошёл в контратаку. Стрелков так мало, что на 25–30 метров приходится один человек. Комбат собрал весь хозвзвод, и мы в том числе, и на передовую. Я дополз до траншеи. Прыгнул туда. Вижу, стоит «Максим» вверх тормашками. Недолго думая, установил его. Исправный. Заряжаю и давай жарить по фрицам. Они, видно, не ожидали этого. Залегли. Я по цели. Не выдержали гады, повернули назад. Когда рассвело, комбат говорит: «принимай «Максим», а то ни одного пулемётчика нет».

16 августа 1943 года: «Сейчас находимся в деревне Авдеевка. Вся деревня сожжена, населения нет, если не считать двух дряхлых старух. Взорван колодец».

10 сентября 1943 года: «Всё идём, всё в пути. Наша дорога то идёт прямо на восток, то на юг, то на запад. Питаемся плохо. Наша кухня, вообще весь хозвзвод где-то позади остались. Обессилили. Несёшь пулемёт и падаешь, но мы движемся вперёд, только вперёд. Многие остались на дороге, не могут дальше идти. На седьмой день пути подходим к кирпичному заводу. Ориентируюсь. Оказывается, мы находимся на дальних подступах к городу Бежица, а рядом Брянск, а там и леса брянские кончаются».

16 сентября 1943 года: «Чуть-чуть начинает рассветать. Расчленинными группами идём на передовую. Форсируем реку Болву под обстрелом. Утром вступаем в бой. Я с «Максимом» не отстаю от пе-

хотинцев. Врываемся в город. Соппротивление немцев сломлено. Они бегут. Преследует их другая часть. Город к вечеру освобожден. Мы здесь приводим себя в порядок. Знакомимся с городом. Город большей частью разрушен. Мост через реку Десну тоже разрушен. Фриц, убегая из города, минирует несколько зданий, вот теперь они начинают взрываться. Население радостно встретило нас. Приказ товарища Сталина, нашей дивизии присвоено звание Бежицкой стрелковой дивизии».

25 сентября 1943 года: «Рано утром подходим к селу Дивовка. Ночью шли. Невыносимо пахнет сожжённым мясом, едким дымом. Входим в село и что же видим?! Село большое, но всё сожжено, даже скирды хлеба в поле. Всё исковеркано. На каждом шагу мертвец. Это фрицы делали здесь свой «новый порядок». Восемь стариков были заживо сожжены; девушки изнасилованы, лежат у оставшихся заборов в огородах; матери с грудными детьми лежат на этой палитой кровью земле. Какое состояние человека, увидевшее это зрелище было, трудно сказать. И каждый из нас чувствовал, как к сердцу приливает жгучая ненависть, стремление скорей уничтожить этого мерзкого гада. Вот в деревню вошли танки и с ними вместе вошли двенадцать фрицев. Суд короткий, доказывать не приходится, всё видно наяву. Приговор короткий – смерть гадам. А вечером вышли из деревни, но долго и далеко чувствовался запах гари, дыма и всё это удваивало силы».

В последующем боевой путь Ишкова Сергея Михайловича был ещё более сложным. Тяжёлое проникающее ранение в грудную клетку в апреле 1944 года. Восстановление и возвращение в действующую армию и участие во множестве важных боевых фронтовых операциях, за что он неоднократно награждался воинскими наградами и даже был участником военного парада 7 ноября 1945 года на Красной площади в Москве у стен Кремля.

Читая написанные моим дедушкой строки на пожелтевших страницах дневника со следами его крови, я был поражён героической стойкостью, мужеством, силой наших простых солдат. Я понял, какой высокой ценой добывалась наша победа в Великой Отечественной войне!

Из дневника:

9 мая 1945 года: «Два часа ночи, шум и говор в казарме. Поднимаю голову и слышу «война кончилась». Не верится. По радио передают, что Германия подписала договор о капитуляции, только тогда поверил. Приходит ротный и говорит: «кто куда хочет, пускай идёт до

10 мая до 6 часов утра». Ну, конечно, ребята все оделись, время уже было 6 часов утра. В 10 часов уже в казарме никого не было, все ушли. Встретил день победы я хорошо, тоже с русской горькой, весело и радостно. «Мы победили» – раздаётся со всех концов города. Салюты, салюты, ракеты... Народ до предельной крайности весёлый, целуются, обнимаются».

«Всегда вперёд! Назад ни шагу
Запомни это навсегда!
Сохрани в душе отвагу
Не падай духом никогда!»

Эти слова я нашёл в дневнике своего дедушки и думаю, что они были девизом не только его, а всех наших славных воинов добывших победу в тяжелейшей освободительной войне.

Михарёва Д. В. (п. Акбулак)

**ПОСЛЕДНИЙ БОЙ МОЕГО ПРАДЕДА –
ГВАРДИИ СЕРЖАНТА МИХАИЛА ФРОЛОВИЧА
КУДИНОВА**

Подвиг этот, будет в памяти жить
И в наших сердцах гореть!
Тех, кто с врагом был готов разделить,
Поровну только смерть!
Ким Добкин

О Великой Отечественной войне много написано, много рассказано. Но точку в отображении всей истории войны ставить нельзя, потому что история войны попросту бездонна. Мы, к счастью, о войне знаем только понаслышке: из фильмов, книг, воспоминаний ветеранов, которых с каждым годом становится все меньше и меньше. Наши деды и прадеды – это удивительное поколение. Они стояли насмерть и побеждали в жестоких боях даже тогда, когда горела земля, крошились камни, плавилось железо. И несмотря ни на что, они сохранили в себе умение сочувствовать чужой боли, сострадать, быть и оставаться человеком в любых, самых нечеловеческих условиях. Одним из таких людей был мой прадед – Михаил Фролович Кудинов. Память о нём бережно и с любовью храниться в нашей семье.

Михаил Фролович Кудинов родился 17 мая 1908 года в селе Грачёвка ныне Грачёвского района Воронежской области. Семья у его родителей – Фрола и Марфы Кудиновых – была зажиточная: имелась корова, лошадь, свиньи, много кур и гусей. Образование – четыре класса – Михаил получил в церковно-приходской школе.

После смерти мужа Фрола Кудинова, 25-летняя Марфа Ивановна осталась за главу большой семьи. Во время коллективизации вдову и всю её большую семью раскулачили – отобрали всё и изгнали за пределы Грачёвского района. После мытарств по стране семья Кудиновых обосновалась на станции Коломна Вышневолоцкого района Калининской (ныне Тверской) области.

Мой прадед – Михаил Фролович Кудинов – работал забойщиком в карьере «Метрострой», где добывали камень на строительство Московского метрополитена, и обучался на шофёра. Жена его – Меланья Митрофановна – работала там же на кирпичном заводе. Семья у них была большая – шестеро детей: Мария, Василий, Татьяна, Боря, Нина и Виктор.

В 1939 году Михаила по приказу призывают на Советско-финскую войну. После неё он возвращается с плечевым ранением.

Жизнь семьи Кудиновых стала налаживаться, но 22 июня 1941 года грянула Великая Отечественная война. К осени 1941 года фронт приближался к Калининской области – объявили эвакуацию. Меланья Митрофановна Кудинова вместе с детьми и матерью Михаила (Марфой Ивановной) отправились в далёкую Чкаловскую (ныне Оренбургскую) область, а Михаил Фролович остался работать на заводе в Калининской области. Ехали все в товарном поезде вместе с животными: коровами, козами. Когда начинали летать вражеские самолёты, останавливались в лесу, прятались. Моя бабушка Нина Михайловна со слезами на глазах вспоминает: «Хоть и маленькими были, а хорошо помним, как было страшно, когда немецкие самолёты бомбили эшелоны, в которых мы ехали». Бабушка помнит, как в поезде на годовалого Витеньку упал чемодан, и ребёнок погиб.

Когда состав прибыл на станцию Илецк, людей на телегах, запряжённых быками, стали развозить по разным деревням. Семью Кудиновых перевезли в Ащибутак. Поселили в клубе, комната – 14 кв. метров, в одной комнате жили три семьи (14 человек!), а в соседней комнате жили животные. Через год семья переехала в Маяк. Военное время в совхозе у них протекало так же, как у миллионов советских лю-

дей: недоедали, недосыпали, трудились до изнурения. Меланья сначала работала на конюшне, потом трактористкой.

Михаила Кудинова эвакуировали в 1942 году вместе с заводом, на котором он работал, в Омутинский район Кировской области. Был голод, прадед ночью пошёл собирать мерзлую картошку и его поймали. Как ни странно, но не осудили, а лишь сняли «бронь» и отправили на фронт.

Наличие водительских прав определило военную судьбу Михаила Фроловича – его отправили в Челябинскую область обучать вождению танка. В это время в Челябинск из осаждённого Сталинграда прибывает 29-й отдельный учебный танковый полк. В задачи курсантов полка входило обучение прямо в цехах заводов, производивших технику, и участие в сборке боевых машин. В Челябинске полк готовил младших танковых специалистов: механиков-водителей, командиров орудий, заряжающих, радистов-пулемётчиков и мастеров-ремонтников. Среди них был и мой прадед. 9 января 1943 года в составе 15-й механизированной бригады на танке Т-34 Кудинов М. Ф. был отправлен на Сталинградский фронт, затем принял участие в Ростовской наступательной операции, а летом 1943 г. – в Донбасской стратегической наступательной операции.

Село Чермалык – небольшое поселение на берегу реки Кальмиус Донецкой (в годы ВОВ Сталинской) области. В ходе освобождения Донбасса это село стало сильным промежуточным рубежом, на котором пришлось задержаться советским войскам, и которое оказалось последним пристанищем моего прадеда.

2 сентября 1943 года 15-я МБ подошла к реке Кальмиус. Русло реки было заминировано, на всём протяжении левого берега был создан эскарп, который не давал возможности танкам спускаться к реке. Правый же берег, начиная от воды и выше, был начинён всевозможными огневыми средствами, пулемётами, артиллерией и т. д. Было построено большое количество ДЗОТов, ДОТов, броневых колпаков, мин, колючей проволоки. Бои за село Чермалык, которое находилось на западном берегу реки, носили особенно ожесточённый характер. Неоднократно немцами предпринимались контратаки. Село и отдельные его улицы по несколько раз переходили из рук в руки.

Как вспоминает старший лейтенант Берделеев А. А., командир противотанковой батареи 15-й механизированной бригады, «после

разминирования берега, первыми пошли танки Т-34 нашей бригады и уже к вечеру подошли к селу». То есть мой прадед одним из первых вошёл в освобождаемое село Чермалык, но это было ещё не освобождение...

Уже вечером того же дня немцы начали мощнейшую контратаку и вынудили наших танкистов покинуть село. Утром 4 сентября попытки переправиться через Кальмиус не дали результатов, так как противник реку держал под сильным обстрелом. Поэтому в течение дня части бригады, в том числе и мой прадед, оставались на занимаемых рубежах. Личный состав приводил себя в порядок, пополнялись боеприпасы. Скорее всего, именно в этот день было написано моим прадедом последнее письмо, датированное сентябрём 1943 года: «Здравствуйте мои дорогие мамаша и Милаша. Иду бить озверевшего фашиста. Дорогая супруга, береги детей, а мне, видимо, придётся распрощаться с белым светом».

7 сентября танки вновь пошли в наступление. В одной из атак танк Т-34 под управлением механика-водителя, гвардии сержанта Кудинова ворвался в расположение противника и уничтожил 1 танк, 1 орудие, 1 автоматическую пушку и около 50 солдат противника. За этот решительный манёвр Михаил Фролович и весь экипаж танка были представлены к награде – медалям «За отвагу». Но приказ о награждении был издан уже после смерти моего прадеда, который сгорел в танке в 10.00 утра 8 сентября 1943 года при овладении западными окраинами села Чермалык. В этот день, день гибели моего прадеда, оно было окончательно освобождено.

Дочери Михаила Фроловича, не скрывая слез, рассказывают, что и мама и бабушка не хотели верить в его смерть, бабушке всё время снились сны, что его нужно поминать как живого.

На территории села Чермалык Донецкой области и сейчас есть 3 мемориала, установленные на братских могилах воинов-освободителей. Но, к сожалению, ни на одной из мемориальных плит нет фамилии гвардии сержанта Михаила Фроловича Кудинова.

Моя бабушка Нина Михайловна хранит память о своём отце, как самое дорогое и ценное, что есть в её жизни. Свои чувства, она передала нам – своим детям и внукам. Я горжусь своим прадедушкой. Он настоящий муж, настоящий отец, настоящий воин, который отдал свою жизнь за нашу Родину.

Санюк С. М. (г. Бузулук)

ИСТОРИЯ МОЕЙ СЕМЬИ В ИСТОРИИ СТРАНЫ

История страны становится понятней, когда она связана с судьбами отдельных людей.

Мы живем в XXI веке. В великой стране, где во все времена историю делали простые люди, готовые отдать свои жизни за свободу родного Отечества. Невозможно воспитать любовь к Отечеству, не испытывая любви к своей семье. Ведь семья – это не только мама, папа и я, это все наши предки, генетические частицы которых вложены в каждого из нас.

История моей семьи также неразрывно связана с судьбой России, поэтому я хочу рассказать о ней.

Однажды, листая семейный альбом и разглядывая фотографии, я увидел старый снимок, с него улыбалась мне девочка со смешными косичками. На оборотной стороне фотографии стояла дата – 28.07.1928 год. Я задумался, кто же эта девочка из прошлого века?

Мохначёва Евгения Алексеевна. 28.07.1928

Мама рассказала мне, что это фотоснимок моей прапрабабушки Мохначевой Евгении Алексеевны, она погибла во время Великой Отечественной войны.

Вот уже три поколения в нашей семье бережно хранится память о Евгении Алексеевне. Для нас она – героиня, пример мужества и любви к Родине. Конечно, в семье были и мужчины – участники Великой Отечественной войны, и двое из них не вернулись домой. Но, что может быть противоестественнее, чем сочетание слов «война» и «женщина».

На самой страшной войне XX века женщине пришлось стать солдатом. «Не женская это доля – убивать», сказала одна из участниц войны, вместив в эти слова весь ужас и всю жестокую необходимость случившегося.

Всего за годы войны в различных родах войск служило 800 тыс. советских женщин.

Вот и моя прапрабабушка не смогла оставаться безучастной и 8 марта 1943 года добровольно ушла на фронт. Какой же она была, эта бесстрашная, навсегда оставшаяся молодой женщиной?

Родилась Евгения 25 декабря 1916 года в городе Оренбург в рабоче-крестьянской семье Алексея и Пелагеи Мохначевых. В 1924 году пошла в семилетнюю школу. После окончания школы она поступила в Оренбургский медицинский политехникум на специальность «акушерское дело». Училась Женя хорошо, активно участвовала в общественной жизни. В 1935 году она получила диплом акушера и была принята на работу в Железнодорожную больницу города Оренбурга. В 1936 году Евгения вышла замуж за кадрового офицера Макарова Андрея Петровича. Через год в семье родилась дочь Виолетта (моя прабабушка). Жизнь шла своим чередом, были в ней и будни и праздники, но все перевернулось с ног на голову 22 июня 1941 года в 4 часа утра – началась Великая Отечественная война...

С первых месяцев войны в Оренбург шли эшелоны с ранеными. Для нуждающихся в длительном лечении было сформировано 16 эвакогоспиталей. В здании железнодорожной больницы, где работала Евгения Алексеевна, был расположен эвакогоспиталь № 1656. Ночные дежурства, тяжелейшие операции, боль, страдания – все это выпало на долю моей прапрабабушки и всех оренбургских медиков. Все свои силы и время они отдавали уходу за ранеными и больными.

Медицинских работников, которые служили в эвакогоспиталях, на фронт не призывали. Однако многие уходили добровольцами, они считали, что на фронте принесут больше пользы для общего великого дела – для Победы. Так считала и Евгения Алексеевна. Она рвалась на фронт, там уже воевали её брат и муж. Её заявление о доброволь-

ном зачислении в ряды Красной армии приняли только в марте 1943 года. Как раз в это время в Свердловске (сегодня город Екатеринбург) формировался Уральский добровольческий танковый корпус. В праздничный день 1 мая 1943 года воины корпуса приняли присягу на верность Отечеству, а вскоре поступил приказ о выступлении на фронт. Уральский Добровольческий танковый корпус вошел в состав 4-й танковой армии. Сразу же после первых боев корпуса фашисты почувствуют, что на фронте появилось особое соединение, немецкая разведка назовет его танковая дивизия «Черный нож». Дело в том, что в период формирования Уральского добровольческого танкового корпуса в 1943 году каждый боец и командир получил в качестве подарка от златоустовских оружейников «черный нож».

Январь 1943 года

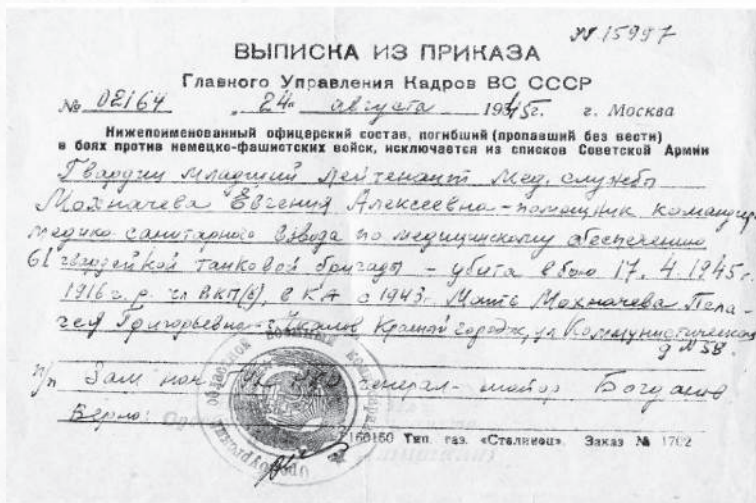

Моя прапрабабушка служила в 61-й гвардейской танковой бригаде этого корпуса. Она была помощником командира медико-санитарного взвода по медицинскому обеспечению. Со своей бригадой Евгения Алексеевна прошла весь боевой путь от Орла до Берлина.

К сожалению, бабушка Женя не вернулась домой с той войны, она погибла 17 апреля 1945 года во время Берлинской операции. Осталась сиротой её дочка, которой в то время было 7 лет. Вот какие строки нашли мы с мамой в книге воспоминаний командира 61-й гвардейской танковой бригады Зайцева Василия Ивановича: «Отлично пока-

зала себя в последнем бою и вообще в Берлинской операции медицинская служба бригады. Бригадный врач И. М. Матешвили докладывал мне, что с 17 по 30 апреля к ним поступило 256 раненых, из которых 20 после излечения возвращены в строй. Как и весь личный состав бригады, медперсонал понес потери. В течение Берлинской операции погибли семь медицинских работников, в том числе младшие лейтенанты медицинской службы Е. А. Мохначева, В. И. Селиванов и врач батальона автоматчиков Андрикевич». Это можно подтвердить и документом, который хранится в электронной базе данных Центрального архива Министерства обороны России. 9 мая 1945 года стал для родных Евгении Алексеевны, как и для многих людей нашей большой страны, праздником со слезами на глазах. Накануне дня победы они получили извещение о гибели.

Маленькую дочь Евгении Виолетту растила и воспитывала бабушка Пелагея Григорьевна. Трудно было без мамы, моя прабабушка до сих пор оплакивает её. Уже став взрослой, она пыталась больше узнать о судьбе своей матери.

Начиная с 1952 года, Виолетта Андреевна делала запросы в различные архивы, чтобы узнать место захоронения своей матери на территории Германии, чтобы узнать, где и как она погибла, были ли у нее награды. Но ни одного ответа не получила. И лишь в 1976 году она получила письмо из Оренбургского облвоенкомата, в котором говорилось, что установить место гибели невозможно.

В 2010 году поиском занялась моя мама Санюк Елена Евгеньевна (правнучка Евгении Алексеевны). Через электронные ресурсы, такие

как ОБД «Мемориал», «Подвиг народа», архив Красного Креста, стали доступными многие базы данных. В них мы нашли важные для нас документы: выписку из приказа с указанием места захоронения и наградной лист. Мохначева Евгения Алексеевна была награждена медалью «За боевые заслуги» за помощь раненым бойцам и офицерам и за бесперебойное обеспечение санитарного взвода медикаментами.

Из списка безвозвратных потерь офицерского состава 61-й гвардейской танковой бригады мы узнали, что бабушка Женя была похоронена в лесу у проселочной дороги севернее деревни Билов провинции Бранденбург в Германии. Теперь перед нами стояла новая задача – найти на картах этот населенный пункт и узнать, сохранилось ли первичное захоронение. Осенью прошлого 2012 года мы с мамой написали на форум поисковых движений, которые занимаются установлением судеб солдат Великой Отечественной войны. Мы не могли поверить, что ответ нам придет через два часа. Нам прислали схему захоронения. От всей души мы благодарили поисковиков за помощь и участие.

Чтобы узнать сохранилось ли первичное захоронение, мы написали руководителю военно-мемориального отдела Посольства Российской Федерации в ФРГ Кукину Владимиру Викторовичу. Вот его ответное письмо:

«Сейчас мы ждем, когда положительно решится вопрос об увековечении памяти Е. А. Мохначевой путем внесения данных на мемориальную плиту».

Все копии документов, схемы и карты мы передали моей прабабушке Виолетте. Она плакала и благодарила нас и поисковиков за проделанную работу. Я спросил у неё, а какой она запомнила свою маму? Бабушка рассказала, что её мама была очень веселой, красивой, любила цветы и песни: «Мама очень часто пела, пела что-то из оперетт и народные песни. И цветы любила, дома всегда было много цветов». О цветах она писала даже с фронта в письме брату. Вот оно:

«Здравствуй, дорогой Миша! Посылаю тебе эту открытку на память обо мне. Напоминая о том, что я жива и что до сих пор люблю цветы...»

Каждый год 9 мая мы всей семьёй ходим на братскую могилу советских воинов в городе Бузулук и приносим цветы в память о бабушке Жене и обо всех погибших в той страшной войне.

Когда я вырасту, обязательно постараюсь жить так, чтобы моя семья гордилась мной. Надо всегда помнить, что успешным человеком

в нашей стране может стать только тот, кто стремится принести пользу Родине, тогда успешной будет и судьба моей России.

Хочу пожелать своей Родине, чтобы было больше счастливых людей, любящих её не на словах, а на деле.

Балтенкова О. К. (п. Акбулак)

НЕПРИДУМАННЫЕ ИСТОРИИ ВОЙНЫ

Всё дальше и дальше в историю уходит героическая эпопея Великой Отечественной войны – самой жестокой из всех войн, которые пережила наша страна.

Я не застала в живых непосредственных участников этой Великой войны в нашей семье, но след её ощутим, и память о ней передаётся от старших поколений. Наши деды и прадеды спасли мир от войны, и не любили хвастаться этим, потому что участие в ней считали своим долгом. Среди них были и мои прадеды Глазков Владимир Самсонович, Рыскаль Лука Евстафьевич, Балтенков Константин Степанович и Попов Иван Васильевич. Об этих и других членах моей семьи и пойдёт рассказ в моих «непридуманных историях».

История первая.

Глазков Владимир Самсонович

Отец моей прабабушки по маминой линии – Глазков Владимир Самсонович родился в селе Акимовка ныне Запорожской области в 1912 году. До войны жил там же, в Акимовке, работал заведующим столовой. Когда началась война, он, не задумываясь, пошёл в Мелитопольский военкомат и был призван в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии 11 июля 1941 года, то есть спустя 19 дней после начала войны. Его дочери Евгении (моей прабабушке) было тогда 4 года, но она запомнила день его отправки на фронт. «Отца забрали на фронт, когда я была ещё совсем маленькой, – вспоминает Рыскаль (Глазкова) Е. В. – но один эпизод моего детства до сих пор стоит у меня перед глазами. Мой папа в тот день, когда он уходил на фронт, зашел домой повидаться с нами. Это был последний день, когда я его видела. Он подарил мне куклу, обнял меня и ушел навсегда».

Прапрадед на фронте служил стрелком в различных воинских подразделениях до сентября 1943 года. Последнее письмо с фронта семья получила в августе 1943, а в 1944 году пришло извещение о том,

что «красноармеец Глазков Владимир Самсонович, 1912 года рождения, пропал без вести». Так и осталось кукла, подаренная им своей дочери, единственным воспоминанием об отце.

История вторая.

Рыскаль Лука Евстафьевич

Лука Евстафьевич Рыскаль 1900 года рождения – отец моего прадедушки по маминой линии – до войны вместе со своей семьёй проживал в Хобдинском районе Актюбинской области. 3 августа 1941 года местным военкоматом был призван в ряды Красной армии. Служил с 1941 по 1945 годы, воевал на 3-м Украинском фронте, был дважды ранен и имеет награды: две медали «За отвагу» и орден Красной Звезды. Он был санитаром стрелковой роты 1019-го стрелкового полка 307-й стрелковой Новозыбковской ордена Суворова дивизии. В составе этой дивизии мой прапрадед в январе 1945 года освобождал территорию Восточной Польши. Казалось бы, санитар – не очень опасная профессия, но на войне прадедушке приходилось спасать солдат под обстрелами врага. После одного из боёв Лука Евстафьевич был награждён орденом Красной Звезды. В его наградном листе указано: «Красноармеец Рыскаль в боях с 22.01.45 по 26.01.45 в районах города Едвабне и станции Рудшеней вынес с поля боя 18 тяжело раненных бойцов и офицеров с их оружием». Вместе со своей 307-й дивизией Лука Евстафьевич дошёл до Кенигсберга, где и встретил Победу.

История третья.

Балтенков Константин Степанович

Мой прадед по линии папы – Балтенков Константин Степанович родился в 1914 году в селе Новобогородское ныне Пономарёвского района Оренбургской области. В 1940 году он женился на моей прабабушке – Небайкиной Марии Лаврентьевне. Днём 22 июня 1941 года в село пришло известие о начале войны, а вечером прадедушка вместе с другом уже был в Пономарёвском военкомате. Его забрали в первые дни войны и отправили на военную подготовку. Во время первого же боя он получил серьёзное ранение и был направлен в госпиталь в Краснодар. Оттуда он писал письма прабабушке Марии и прислал фотографию, которая сохранилась в нашей семье до сих пор. На обратной стороне надпись, адресованная его «любимой Марусе». Эта фотография – единственное, что осталось от прадеда. В декабре 1941 года у Константина Степановича родился сын (мой дедушка), которого Мария Лаврентьевна назвала в честь мужа – Костей. Они не видели друг

друга никогда, лишь оттиски ладошки на тетрадном листе в письмах из дома стали связующей нитью сына и отца.

После госпиталя Константин Степанович был направлен на Волховский фронт, где погиб 24 сентября 1942 года, защищая Синявинские высоты возле посёлка Мга Ленинградской области.

История четвёртая.

Попов Иван Васильевич

Иван Васильевич Попов – отец моей бабушки по линии папы. Когда началась война, он был председателем колхоза в Пономарёвском районе Чкаловской (ныне Оренбургской) области. Хотя желание защитить Родину было велико, ему дали «бронь» – освобождение от призыва на фронт. Она была связана с уборкой урожая, необходимого для пополнения фронтового продовольствия. За лето прадед подготовил себе замену и 2 сентября 1941 года добровольцем ушёл на фронт.

Иван Васильевич был сильным, закалённым, метким стрелком, хорошо ходил на лыжах, поэтому его направили в г. Абдулино Чкаловской области, где 22 октября 1941 г. зачислили в отдельный лыжный батальон 58-й стрелковой бригады. До декабря 1941 года велась боевая учеба. Боевое крещение прадед принял в начале января 1942 года у деревни Александровское, юго-западнее Малой Вишеры. Уже к весне 1942 года стрелковая бригада, где служил прадед, разворачивает свои боевые действия под Ленинградом. Прадедущка рассказывал своим детям, что бои за Ленинград были ожесточённые. Были дни, когда 11 раз ходили в штыковые атаки и немцы не выдерживали русские рукопашные бои. 10 июля 1942 года взвод Ивана Васильевича выходил из окружения и попал под обстрел немецких самолётов. Командир взвода погиб и прадедущка (он был старшим сержантом) взял командование на себя. Они пробились с боем к своим, но у самой передовой раздался взрыв. Бойцы видели, что старший сержант Попов погиб и доложили об этом в штаб. Но медсестра, в сумерках вернулась на поле боя, чтобы отыскать раненных и нашла прадеда еле живым. В полевом госпитале без наркоза ему ампутировали левую руку, а эта самая медсестра во время операции дала Ивану Васильевичу свою кровь. После войны прадед долго искал эту медсестру, но так и нашёл.

В то время родным пришла похоронка: «Ваш муж погиб в боях за Родину». А через полгода родные вдруг получили письмо из госпиталя: «Жив, ранен, ждите, скоро увидимся». Радость была безмерная. Но приходит второе известие о смерти: «Санитарный поезд, в кото-

ром находился ваш муж, разбит немецкими самолётами. Среди раненных и убитых его нет, много раненных утонуло в болотах». Прабабушка Сима просто не поверила. «Дважды не умирают – сказала она детям – если нет среди убитых, значит, жив и вернётся». И он вернулся... Как потом рассказывал, после бомбёжки поезда, действительно попали в болота. Но выручили охотничьи навыки прадеда. Приказал бойцам вырезать слезы из молодых деревьев, лечь и ползком на слегах перебираться через топи к своим. Так спас не только себя, но и многих раненных.

После возвращения с фронта в 1944 году, он вновь стал работать председателем колхоза. В 1952 году в Пономарёвский военкомат пришли документы на награждение Попова Ивана Васильевича орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». В его наградном листе написано: «Товарищ Попов за отличное несение службы и боевые отличия был переведён в сержантский, а затем в офицерский состав. Имеет на своём счету 9 заколотых в одном рукопашном бою немцев. Был дважды легко ранен. А в бою под Красной Горкой, при выходе из окружения в составе своей части, проявил находчивость и был тяжело ранен».

Несмотря на то, что вернулся домой без руки, прадед Иван Васильевич Попов продолжал активную жизнь – работал, любил танцевать и до последнего ходил на зимнюю охоту.

История пятая.

Семья Глазковых в годы войны

По воспоминаниям моей прабабушки Рыскаль (Глазковой) Евгении Владимировны, во время войны её семья жила на Украине в Запорожской области в посёлке Акимовка. Жили у её бабушки – матери отца – Глазковой Татьяны Васильевны. Отца забрали на фронт, когда ей было 4 года. Тяжело было жить, страшный голод заставил их с мамой (Глазковой Клавдией Прокоповной), сестрами и братом в 1943 году переехать в село Чкалово Запорожской области к другой бабушке, маминой маме. Был голод, немецкие солдаты шли из деревни в деревню, не оставляя ничего на своем пути. Село Чкалово не стало исключением. «Я была маленькая, – говорит прабабушка Женя – но помню, как было страшно и жутко под вой пуль сидеть в домах». Из хозяйства к тому времени у них осталась одна корова, но когда немцы пришли в село и стали ходить по дворам отнимать птицу и скот, зашли и к Глазковым. Мать Клавдии Прокоповны, как могла, защищала дом, не хотела отдавать проклятым немцам после-

днее пропитание. Её схватили и как многих жителей села решили повесить на виселице на глазах у остальных. «Было так жутко, что глаза даже страшно было открыть – вспоминает моя прабабушка. – Когда немцы решили уже привести в исполнение приговор, вдали слышались залпы, стрельба. Это были наши долгожданные солдаты, которые одну за другой освобождали деревни и наш народ от немецких солдат». Так, чудом, моя прапрапрабабушка и многие другие жители остались живы. Но война не прошла незамеченной для семьи Глазковых: позже от голода и болезней умерли сестры и брат бабушки Жени.

История шестая.

Семья Поповых в годы войны

Мой прадед Попов Иван Васильевич осенью 1941 года ушёл на фронт добровольцем, а прабабушка Сима (Попова Серафима Даниловна) осталась с четырьмя детьми в возрасте от 9 до 16 лет, будучи беременной пятым ребёнком. Жили они в селе Деготля Пономарёвского района Чкаловской области. Старшая дочь Анна уже окончила школу-семилетку и работала в колхозе учетчицей. Она самостоятельно изучала немецкий язык, так как хотела уйти на фронт переводчицей. Кате и Наде было по 14 лет. Катя уехала в город Казалинск учиться на швею. Там она вместе с другими молодыми девчонками не только получала профессию, но и шила обмундирование для солдат. Надя же осталась работать в колхозе: летом она работала прицепщицей на тракторе, а зимой на ферме телятницей. Сыну Александру было всего 9 лет, но он уже тоже работал: помогал на конюшне ухаживать за лошадьми зимой, а летом был погонщиком коней и волов, а еще работал на сенокосе и уборке хлеба. Сама прабабушка Сима работала в колхозе дояркой, а когда в 1942 году родилась дочь Нина, временно не смогла ходить на работу. Тогда она стала выполнять работу на дому: пекла хлеб для колхоза, выращивала ягнят, птицу. Когда же Нина подросла, опять стала работать – зимой на ферме, а летом на колхозном огороде.

Длинными, тревожными вечерами в бабушкином доме собирались женщины. Они пряли шерсть и вязали носки и перчатки, а затем отсылали это всё на фронт. Так как у бабушки была швейная машина и ткацкий станок, она ещё и ткала ткань и шила нижнее бельё для солдат.

Я горжусь своими предками, потому что благодаря их отваге и труду наша страна победила фашизм, а я живу в свободной стране.

Любарская П. М. (г. Оренбург)

ЧЕЛОВЕК ЖИВ, ПОКА ЖИВА О НЁМ ПАМЯТЬ

Дедушка мой родился после Великой Отечественной войны. Однажды я спросила его, что он знает о своем отце, участнике этой войны. Он сказал, что существует тетрадь, в которой его сестра записала воспоминания отца о предвоенной жизни и о пребывании его на фронте. Мы нашли эту тетрадь и прочитали с большим интересом. Я решила написать о моем прадеде, обыкновенном русском человеке.

Любарский Иван Дмитриевич родился 27 ноября 1903 года в селе Казанка Хайбулинского района Башкирии, в крестьянской семье. Его родители-переселенцы приехали в Башкирию из Сумской области Украины в 1896 году. Он был четвертым, младшим ребенком в семье, единственным сыном. В детстве помогал отцу по хозяйству. В семилетнем возрасте поступил в церковно-приходскую школу. Учился с желанием и окончил ее в 1915 году с похвальным листом. В 12 лет началась трудовая жизнь Ивана. Его устроили переписчиком в село Хайбулино с окладом 10 рублей. Он жил на квартире у сторожа. Сильно тосковал по дому. Через полгода отец забрал его домой. Началась жизнь молодого крестьянина: пахота, сев, косьба, работа на лобогрейке.

В 1920 году устроился переписчиком в селе Федоровка. В 1922 году перебрался в село Шубино и поступил работником к богатому предпринимателю. Там познакомился с родственницей его компаньона, 15-летней Аней,. Влюбился в эту девушку и решил жениться. Родители были против брака. Помогли Ивану его сестры. Купили все необходимое. Священник отказался венчать молодую пару, так как невесте не было еще 16 лет. Тогда сестры привезли два мешка пшеницы, и священник согласился. Жили у родителей, вели общее хозяйство. У молодой пары родилось четверо девочек.

В 1924 году Иван устроился продавцом в магазин. Как ответственного работника его направили на курсы бухгалтеров сельпо. В это время случилось несчастье. Жена Анна на прополке попила холодной воды и заболела. Ее положили в больницу с воспалением легких, но спасти не смогли. Она умерла, когда ей исполнился всего 21 год. Малолетних детей взяли родители Ивана, с которыми жила его незамужняя сестра. Все вместе растили девочек.

После окончания курсов прадед работал бухгалтером в сельпо Федоровки. Там он познакомился с девушкой Дусей, работавшей ма-

стером на молокозаводе. В 1930 году они поженились. В этом браке родилось 10 детей. Выжило – шестеро.

В стране началась коллективизация. В родной Казанке организовали колхоз. Там Иван устроился счетоводом.

В 1933 году он был переведен в соседний колхоз имени Буденного главным бухгалтером.

В 1940 году мой прадед был направлен на курсы бухгалтеров МТС в Куйбышевский учебный учетно-экономический комбинат. Выпускные экзамены он сдал на «хорошо» и «отлично». Был назначен заместителем главного бухгалтера МТС на станции Сара, а в 1941 году переведен главным бухгалтером МТС села Ащибутак Домбаровского района Чкаловской (ныне Оренбургской) области.

22 июня началась Великая Отечественная война. В армию Иван Дмитриевич был призван в декабре 1941 года. В городе Уфа попал в сформированную 214-ю дивизию. В мае 1942 года его отправили под Москву, в Сталиногорск, а в июле – в район излучины Дона на помощь отступавшим частям Красной Армии. Первый бой дивизия приняла 21 июля 1941 года недалеко от реки Чир – правого притока Дона. Наши части заняли позицию и отбили наступление врага. Несколько дней противник накапливал силы.

В ночь на 27 июля началось наступление немцев. Заработала их артиллерия, в воздух поднялась авиация, вперед пошли танки и мотопехота. Наша оборона была прорвана. Началось отступление. Немецкая авиация с остервенением бомбила и расстреливала из пулеметов отходящие части. Бойцы 683-го артполка шли к правому берегу Дона. Иван Дмитриевич был в это время помощником старшины штабной батареи. Старшину Чигаева по дороге убило, и его обязанности перешли к Ивану.

Все имущество батареи перевозилось на лошадях. Перепуганных разрывами снарядов животных было трудно удержать. Рядом двигались пехотинцы, связисты, топографы с инструментом в телеге. Вышли к берегу Дона. Стали решать, как можно переправиться. Договорились, что лейтенант топзвода поплывет на лошади, а Иван с командиром отделения переправят телегу. К бричке привязали два бревна, скатили ее в воду и поплыли рядом. На левом берегу солдат собирал командир полка. Дальше решили отходить ночью: днем двигаться было невозможно из-за бомбежек и обстрелов.

16 августа вышли к станции Паншино. Заняли позицию, начали окапываться. Окопы и траншеи пришлось рыть глубокие, так как их

песчаные края быстро осыпались. На этих позициях полк оставался 3 месяца, отбивая атаки врага.

Наконец, 19 ноября 1942 года поступил приказ о наступлении. 214-й дивизии была поставлена задача взять высоту 56,8. Мой прадед стал свидетелем и участником боевых событий, которые описаны в книге Е. Ильиной «Четвертая высота».

780-й и 776-й пехотные полки при поддержке 683-го артполка с большими потерями взяли высоту. В бою погиб командир артполка Топлин А. Е. и командир роты пехотного полка Костя (фамилию не помнит).

Немцы упорно контратаковали. Наши не выдержали и стали отходить. Тогда, с автоматом в руках, вперёд бросилась санинструктор Гуля Королева и с криком «Ура!» увлекла за собой бойцов. Высоту отстояли, но Гуля получила смертельное ранение в грудь.

21 ноября в клубе станции Паншино поставили три гроба для прощания с командирами и Гулей. Иван Дмитриевич стоял в почетном карауле. Бойцы поклялись отомстить фашистам за смерть героев.

Наступление наших армий продолжалось. В декабре 1942 года 683-й артполк находился в районе хутора Вертячий. Старшина Иван Дмитриевич отвечал и за приготовление пищи для бойцов. Варили кашу и щи в котле на улице. Воду брали из реки, дрова собирали в окрестностях. Солярку для поддержания огня выменяли у танкистов: за бочку горючего – литр водки.

Здесь, под Сталинградом, прадед впервые увидел установку реактивного огня «катюшу».

Решительное наступление началось 10 января 1943 года. Все вокруг загрохотало. Немцы отступали. У них не было зимней одежды, и они кутались в одеяла.

Полк вышел к пригороду Сталинграда – Городищу и освободил его. Захватили две немецкие походные кухни на резиновом ходу с дымящейся кашей. Кашу попробовали – понравилась.

Полк продвигался к тракторному заводу. 2 февраля неожиданно наступила тишина. Немцы начали сдаваться. Гитлеровцы вылезали из блиндажей с поднятыми вверх руками. Их собирали в группы по 15–20 человек и конвоировали к месту сбора. Под Сталинградом 683-й артполк оставался до 23 марта 1943 года. Затем его перебросили под Курск, где он участвовал в боях на «огненной дуге».

214-я дивизия с боями продвигалась на запад. Форсировала Днепр, дошла до Молдавии. В августе 1944 года она участвовала в ликвидации Яско-Кишеневской группировки врага. В одном из боев Иван получил контузию и два месяца пролежал в госпитале. После выздоровления его направили в 47-й противотанковый дивизион, находившийся в Чехословакии, командиром орудия. Командовать пришлось недолго. В бою тяжело ранило старшину и Ивана вновь назначили на привычную должность.

Из Чехословакии дивизион двинулся в Венгрию под Будапешт. В районе города Чепель дождались сооружения моста через Дунай и переправились на правый берег. 29 декабря началась Будапештская операция. Дивизион участвовал в освобождении столицы Венгрии. В боях за город Будапешт с 12 по 14 февраля 1945 г. мой прадед Иван Дмитриевич Любарский, «работая командиром орудия, уничтожил 2 огневых точки и до 20 гитлеровцев», за что был награждён орденом Красной Звезды. В марте 1945 года его дивизион сражался в районе озера Балатон.

Затем в составе 2-го Украинского фронта дивизион он на столицу Австрии – Вену. 8 мая вошли в город Фельдбах, в 50-ти километрах от Вены. Был тихий солнечный день. Комбат принес новость: «Война кончилась!». Грянуло общее «УРА!», началась стрельба в воздух.

Однако домой Иван Дмитриевич попал не сразу. Из Австрии его перебросили в Ивано-Франковскую область, где красноармейцы вылавливали бандеровцев. Затем своим ходом пошли через Каменец-Подольский в Винницу. Здесь бойцам выдали по 10 кг муки, по 2 кг сахара, обмундирование, отпускные 4000 рублей и проводили домой. В село Ащибутак, к семье, Иван Дмитриевич вернулся 13 октября 1945 года.

За боевые заслуги Иван Дмитриевич Любарский был награжден орденом «Красной Звезды» и орденом «Отечественной войны» 2-й степени; медалями: «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией». От имени Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина ему были вручены Грамоты и Благодарности за взятие и освобождение городов: Харьков, Кременчуг, Будапешт, Мишкоть.

После возвращения с войны до 1963 года Иван Дмитриевич работал главным бухгалтером МТС, а затем созданного в Ащибутаке совхоза «Солнечный».

**Секция 3. МИРОВЫЕ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ МОЛОДЁЖИ.
СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, СУДЬБЫ**

В 1954–1956 гг. он организовывал прием и работу целинников в совхозе.

В 1962 г. перенес кровоизлияние в мозг, долго лечился. Вышел на пенсию по инвалидности в 1963 году.

За трудовые заслуги награждён медалями: «За освоение целинных и залежных земель», «Ветеран труда».

Последние почти 30 лет был на пенсии, жил в селе Ащибутак, занимался личным хозяйством.

Умер 11 июля 1991 года, на 88 году жизни.

Любарский Иван Дмитриевич

Теперь и вы познакомились с жизнью одного простого человека, Любарского Ивана Дмитриевича – моего прадеда. Его жизнь – это частичка истории нашей страны.

Я очень горжусь, что в нашей семье есть такие герои и надеюсь, что молодое поколение не подведет тех, кто сражался за наше светлое будущее.

Шилкова О. Р. (г. Оренбург)

ГОРЖУСЬ И ПОМНЮ

*Суровые годы военные,
Где действие каждое – подвиг,
Где смерть, по стопам подбираясь,
В ухо кричит твое имя.
Где выжить посильно стараясь
Во вражеской смерти ты будешь повинен.
Надежда порой пропадала,
Гранату рука поднимала ...
На поле, клоч сердца оставив,
И, помня товарищей лица,
От страха души не избавить,
От ран не исцелиться.*

Усанин Юрий

Всё дальше уходят в историю грозные годы самой жестокой мировой войны, но время бессильно ослабить память о суровом величии военных лет, стойкости, мужестве и героизме нашего народа.

День Победы – всенародный праздник, день памяти и скорби, благодарности нашим дедам и прадедам, спасшим Отечество и весь мир от фашистского нашествия.

В годы суровых и грозных испытаний, всенародной борьбы против немецко-фашистских захватчиков более 400 тысяч жителей Оренбургской области сражались в действующей армии. В их числе был и мой прадедушка – Плясунов Александр Николаевич. О нем я и хочу вам рассказать.

Своего прадеда, к сожалению, я лично не знала, он умер за год до моего рождения. Но хорошо знакома с его судьбой со слов мамы и бабушки.

Мой прадед по линии мамы Плясунов Александр Николаевич родился в селе Кадышево Карсунского района Ульяновской области 5 октября 1921 года. Он закончил всего четыре класса начальной школы.

Семья Плясуновых до войны.

Мальчик справа – Александр Николаевич Плясунов

В 1933 году семья переехала в г. Медногорск ныне Оренбургской области. Свой трудовой путь прадед начал в 13 лет чернорабочим на Блявинском медно-серном комбинате.

В апреле 1941 года он был призван Медногорским военкоматом в ряды советской армии, а через два месяца началась война. Потом ее назовут Великая Отечественная. После обучения прадед попал в 197-ю Брянскую стрелковую дивизию на должность наводчика противотанкового ружья. Его отец, Плясунов Николай Иванович, тоже ушел на фронт, но домой так и не вернулся, был признан без вести пропавшим в 1941 г.

Мой прадед воевал на Юго-Западном, 1-м Украинском фронтах, участвовал в освобождении Киева, особо отличился в боях при форсировании реки Висла, за что был представлен к награждению орденом Красной Звезды. Прадедуска мало рассказывал о тех временах, тяжело и горько было ему вспоминать о тех, кого он потерял в боях и сражениях, с кем бок о бок пришлось сражаться, отвоевывая у фашистов каждую пядь своей родной земли. Хочу привести выдержку из наградного листа к приказу частям 197-й стрелковой Брянской Краснознаменной дивизии № 47-Е от 17.08.1944 г.: «Мужественный, отважный красноармеец. В неоднократном бою с противником проявлял храбрость и свои воинские знания. Из важнейших – выполнение боевой задачи по форсированию реки Вислы 31.07.1944 г. Под прикрытием ночной темноты

тов. Плясунов, рискуя жизнью во имя победы над врагом, совершил четыре рейса через р. Висла, каждый раз сопровождая 76 мм орудие и боеприпасы. Под ураганным огнем врага он умело, презирая смерть, производил работу. Когда противник, ведя ураганный артиллерийский огонь по левому берегу р. Висла, отрезал путь к берегу, то плот, на котором находился Плясунов, снесло течением за пределы захваченного плацдарма, и здесь тов. Плясунов проявил находчивость, он первым бросился в воду на отмель, за ним последовали и другие, затем, уцепившись за канат, солдаты вытянули плот с пушкой и боеприпасами против течения на 600 метров и пристали к указанному месту. И люди, и пушка по инициативе и находчивости Плясунова были спасены. На левом берегу, заняв боевой порядок, они отразили две контратаки противника». В том бою противник был отброшен на северо-запад, плацдарм удержан для переправы главных сил.

В сентябре 1944 года в ходе одного из боев прадед в бессознательном состоянии был взят в плен немцами. В дивизии его посчитали убитым, и матери была направлена похоронка. Освобожден он был в День Победы в мае 1945 год. Моя бабушка говорит, что прадед не любил рассказывать о том, что ему пришлось пережить в плену. Но то, что он не ожидал такой встречи на Родине после плена, это точно. Сердце билось от радости, когда оказался на родной сторонке. Но она была непреклонна к своим пострадавшим в фашистской неволе сынам-жертвам войны и после победы. Из одного лагеря он попал в другой, в наш, советский, что убивало морально. В ноябре 1948 года прадед был арестован и осужден военным трибуналом по ст. 58 на 25 лет лишения свободы. Амнистировали его только через 7 лет.

После освобождения мой прадед с матерью и младшим братом переехал в село Илек Оренбургской области, где и встретил свою будущую жену Анну, с которой в любви и согласии прожил всю свою жизнь. В их семье родились 2 сына и дочь, которая впоследствии стала моей бабушкой. Александр Николаевич устроился на работу газоэлектросварщиком, много и добросовестно трудился, за что был удостоен звания «Ударник коммунистического труда», был неоднократным победителем социалистических соревнований. Казалось бы, впереди светлое и безоблачное будущее, но на долю моего прадеда выпало еще одно испытание.

В 80-х годах Правительство СССР решило, что люди, когда-то осужденные по ст. 58, не имеют права носить гордое звание Ветерана Великой Отечественной войны. Прадеда лишили этого звания. Трудно представить себе, что он пережил. Военное время не было к нему так жестоко,

**Секция 3. МИРОВЫЕ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ МОЛОДЁЖИ.
СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, СУДЬБЫ**

как мирное. Он не любил это обсуждать и никогда не жаловался, но близкие видели, как ему тяжело, как он страдает, с какой болью в глазах он смотрит на своих товарищей-ветеранов, каждый год 9 мая идущих на парад, где все их поздравляют, чествуют и благодарят за их подвиг. Все эти события сильно подорвали здоровье моего прадедушки, стало прихватывать сердце. Прабабушка не могла спокойно смотреть на эту несправедливость, она обращалась в различные инстанции, писала письма в вышестоящие органы с просьбой о реабилитации своего мужа.

18 октября 1991 г. в соответствии с Законом РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» мой прадед был реабилитирован, ему вернули почетное звание ветерана, признали действительными все его ордена и медали: медаль «За оборону Киева», медаль «За боевые заслуги», медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Также впоследствии он получил около десятка юбилейных наград, в том числе и медаль Жукова.

Плясунов Александр Николаевич

Несмотря на тяготы войны, ужасы немецкого плена и несправедливость по возвращении домой, Александр Николаевич не замкнулся в себе, не озлобился и не копил обид. Слыл скромным и порядочным человеком, пользовался уважением среди коллег по работе и то-

варищей-ветеранов. По словам бабушки и мамы, он был замечательным отцом и дедом. Любил возиться с внуками, их у него было шестеро: ходил с ними на рыбалку и в походы, учил играм своего детства, с ним никогда не было скучно.

Мой прадед умер в марте 2001 г., прожив долгую и достойную жизнь.

Орден Красной Звезды, предназначавшийся Плясунову Александру Николаевичу, был вручен его вдове, моей прабабушке, 2011 году, спустя почти 10 лет со смерти прадеда⁵. Плен, последовавший за ним арест и т. д. отодвинули это событие на неопределенное время. Жаль, что награда нашла героя слишком поздно...

Идет время, меняются поколения. В следующем году исполнится 70 лет со дня Победы! Мы свято чтим память павших героев. Им пришлось испытать величайшее напряжение сил. Мы искренне благодарны всем ветеранам за то, что в жестокой войне они не склонились перед смертельной опасностью и сумели на своих плечах вынести такую войну, тяжелее которой не знало человечество.

Я очень горжусь своим прадедом. Ведь он, отстоял нашу Родину, чтобы мы жили под чистым, голубым небом, не зная такого горя и ужаса, которые пришлось испытать его поколению. Вам, стоявшим у истоков ратного и трудового подвига, – наша сердечная признательность и благодарность. Всем победившим, но недожившим – вечная, светлая память. Низкий поклон за мир, за нашу спасенную землю. Честь Вам и слава!

И завершить свое сочинение я хочу такими словами: «Никто не забыт и ничто не забыто».

Базарова К. (п. Акбулак)

БОЕВОЙ ПУТЬ АКБУЛАКЧАН БРАТЬЕВ ФЕДОСЦЕВЫХ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

*«...И память добавляет в списки
ещё кого-то кого нет
И ставит, ставит обелиски... » .*

К. Симонов

Война... 5 букв, а как много они значат. Сколько невинных жизней полегло на поле боя, сколько ушедших солдат не вернулось до-

мой. Великая Отечественная война является одним из волнующих и трагичных событий XX века. Нет в России такой семьи, которая бы не затронула эта беда. Работая в ТО «Родословие» над изучением истории школы, мы обнаружили «белое пятно»: Пётр Федосцев был одним из двух выпускников школы 1941 года, о военной судьбе которого информацию краеведы 60–80-х годов не нашли. Дальнейшее изучение вопроса показало, что в семье Федосцевых на фронте воевали два брата Петр Федотович и Валентин Федотович, но ни об одном из них информации ни в Книге памяти Акбулакского района, ни в Районном краеведческом музее нет.

Актуальность и новизна исследования определяется значимостью изучения «белых пятен» в истории Великой Отечественной войны и увековечивания памяти о фронтовиках. Материалы о вкладе Петра и Валентина Федосцевых в дело Победы в Великой Отечественной войне, собранные нами в различных источниках, нигде не опубликованы, их системный анализ представлен впервые и будет передан в Районный краеведческий музей.

Как уже было сказано выше, наше исследование началось с изучения списка выпускников нашей школы 1941 года. Среди 13 юношей и девушек, встречавших свой «выпускной» рассвет 22 июня был и Пётр Федосцев. Изучив материалы районного музея, альбомы по истории школы, районную и областную Книгу памяти и архивы военного комиссариата по Акбулакскому району, мы практически ничего не добились: информации не было.

Среди учащихся нашей школы была девочка с фамилией Федосцева, но, к сожалению, ни она, ни её родители никогда не интересовались историей своей семьи. Параллельно мы начали поиск информации о Петре Федотовиче в сети интернет: в базах данных «ОБД Мемориал», «Подвиг народ», «Мемо-Лист», на форуме Всероссийского генеалогического дерева и в различных социальных сетях.

Мы понимали, что шансы найти потомков Петра Федосцева очень малы, но нам повезло: на форуме ВГД на наши поиски откликнулась женщина – Татьяна Валентиновна Федосцева, как выяснилось, племянница Петра Федотовича. Благодаря ей, полученным от неё данным о родственниках мы смогли начать изучение боевого пути не только Петра Федотовича, но и его брата Валентина Федотовича Федосцева.

Исследуя боевой путь старшего из братьев Петра, мы выяснили, что он после окончания школы в 1941 году обучился на курсах теле-

графистов в г. Елабуга, а с января 1942 г. по май 1945 г. был активным участником военных действий на разных фронтах; с апреля 1942 года и до конца войны служил в различных подразделениях 3-го Гвардейского кавалерийского корпуса; принимал участие в боях под Харьковом, в Сталинградской битве, в форсировании Днепра, в операции «Багратион». Одним из сложнейших этапов его военного пути стали сражения под Невелем в Псковской области, в «невельском мешке». Горловина «мешка» между двумя озёрами имела ширину менее 1 километра и непрерывно простреливалась вражеской артиллерией. Вот как описал это время один из ветеранов 3-го Гвардейского кавалерийского корпуса:

*Воюем в «Невельском мешке»,
Почти что в окружении.
Полсухаря на брата в вещмешке –
Придется топтать в наступление...
...И пусть у нас пока что срыв,
И в обороне мы пока,
И ранен тяжело комдив.
Убит комкавполка.
Убиты, ранены еще
Десятки, сотни, тыщи, может,
И этот горестный подсчет
Сердца тоской потерь корежит,
И в горле горе, будто ком...
Но мы не думаем о том...*

Новой славой корпус покрыл свои знамёна в Берлинской операции. Здесь же особо отличился и наш земляк – Пётр Федосцев. 2 мая 1945 года в боях в районе Карштедт, следуя с рацией на наблюдательный пункт дивизиона, внезапно из домов был обстрелян автоматным огнём противника. Не теряясь, проявив смелость, он подполз к дому, где засели немцы, и броском трёх гранат ошеломил немецкую засаду, причём уничтожил 4 немцев и спас рацию, своевременно выполнил своё задание. За это Пётр Федотович был удостоен награды – ордена Красной Звезды. Ещё за годы войны он был награждён медалью «За оборону Сталинграда», медалью «За взятие Кенигсберга», медалью «За победу над Германией».

Боевой путь младшего брата – Валентина Федотович Федосцева – начался гораздо позже. В 1943 году, не успев окончить школу, он был призван в армию. Анализ документов из семейного архива дочери

Валентина Федотовича показал, что он прошёл обучение во Втором Чкаловском Авиационном училище, получил специальность – штурман и был отправлен на фронт, попав в эскадрилью «Кегичевский колхозник». Эта эскадрилья получила своё название от посёлка Кегичевка Харьковской области, жителями которого были собраны средства на постройку 32 пикирующих бомбардировщиков «Пе-2». Валентин Федотович в составе 540-го бомбардировочного авиационного полка принимал участие в боях по освобождению Варшавы, взятию Берлина. «Наша часть бомбила Франкфурт на Одере, – писал в своих воспоминаниях Валентин Федосцев, – цели между Одером и Берлином, бомбили и сам Берлин. В операции по взятию Берлина было особенно трудно. Летать на задания иногда приходилось без прикрытия истребителей. А у бомбардировщиков есть одна особенность – если мы выходим на цель, то в это время не имеем права маневрировать, так как при изменении курса цель не будет поражена. И вот в этот момент начинают атаковать немецкие истребители. Это, пожалуй, самые трудные секунды полёта... Секунды бывают длинными...».

За прорыв обороны немцев при наступлении на Берлин и взятие столицы Германии всему личному составу 540-го БАП (в том числе и В. Ф. Федосцеву) были объявлены благодарности. Кроме того, он награждён медалями «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией».

Так сложилась судьба, что оба брата после войны так и не вернулись на Родину: старший обосновался в Саратове, а младший – в Полтаве. Возможно, именно поэтому никаких данных о Петре и Валентине в нашем районе не сохранилось.

В ходе исследования цель работы была достигнута. Мы установили связь с потомками семьи Федосцевых, проживающими на территории Акбулакского района и на Украине, собрали и проанализировали сохранившиеся воспоминания членов семьи Федосцевых. Особую помощь в исследовании оказали материалы, фото и документы, хранящиеся в семейных архивах и Центральном архиве Министерства обороны. Нам удалось выявить, в каких подразделениях служили братья Федосцевы, и роль этих подразделений в боевых действиях при освобождении территорий Советского Союза и стран Восточной Европы от фашизма. Систематизировав собранный материал, нам удалось воссоздать боевой путь связиста кавалерии Петра Федосцева и штурмана эскадрильи «Кегичевский колхозник» Валентина Федосцева.

Но наше исследование на этом не заканчивается, оно переходит в стадию проектирования. Мы поставили новую задачу – вписать страницу об акбулакчанах Федосцевых Петре и Валентине в историю нашего района. С этой целью уже вышла статья в районной газете «Степные зори» от 07.05.2013 г. о братьях Федосцевых и разрабатывается план передачи материалов в Районный краеведческий музей им. И. П. Редько и Музей Акбулакской СОШ № 3 и создания стендов, посвящённых Петру Федотовичу и Валентину Федотовичу Федосцевым.

Список источников и используемой литературы:

1. Автобиография В. Ф. Федосцева, 1925–2007 гг. Проживал в г. Полтава в Украине. Документ храниться в семейном архиве жены Федосцевой Э. А.
2. Воспоминания Федосцевой Т. В., 1955 г. р., проживающей в г. Полтава в Украине
3. Выписка из личного дела П. Ф. Федосцева 1922–1988 гг., находящегося в архиве военного комиссариата г. Вольск. Проживал в г. Вольск Саратовской области.
4. Наградной лист П. Ф. Федосцева, 1922 г. р. // Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО) // Ф. 33п. О. 686196. Д. 6792. Л. 345.
5. Приказ о награждении 3-му Гвардейскому Кавалерийскому Гродненскому Краснознамённому корпусу // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 6792. Л. 241.
6. Справка-доклад «О численности и организационной структуре кавалерии за период Отечественной войны» и таблица к нему // ЦАМО Ф. 43. Оп. 11547. Д. 9. Л. 118–143.
7. Большая Российская энциклопедия, Авиация: / Гл. ред. Г. П. Свищёв. – М.: 1994. – С. 675.
8. Плотников Ю. В. В сражениях за Сталинград / Венок славы. Антология художественных произведений о Великой Отечественной войне. В 12-ти т. Т. 4. Сталинградская битва / Сост. А. Корнеев. – М.: Современник, 1987. – С. 615–625.
9. Плиев И. А. Под гвардейским знаменем. – Орджоникидзе: ИР, 1976. – электронный ресурс
10. Цейтцлер К. Роковые решения. Перевод с английского. – М., 1958. – С. 153.
11. Валько А. К., Пруссаков Г. К // Военно-исторический очерк о боевом пути 16-й воздушной армии 1942–1945. – М., 1973. – Режим доступа: <http://www.allaces.ru/cgi-bin/s2.cgi/sssrg/struct/p/bap540.dat>
12. Интернет-проект «Герои страны» [Электронный ресурс]: база данных. – Режим доступа: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=5896
13. Перечень войск действующей армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [Электронный ресурс]: база данных. – Режим доступа: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=5896
14. Общедоступная энциклопедия [Электронный ресурс]: база данных. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

Егоренко Н. В. (г. Оренбург)

МОЯ СЕМЬЯ В ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

И все боролись, погибая,
Не жалея жизнь свою,
И все героями упали,
На землю русскую свою.

Человек, который не знает истории своего народа, не имеет будущего ни для себя, ни для своих детей, он обречен на внутреннюю пустоту и бессилие. Россия имеет богатейшую историю, важной страницей которой является Великая Отечественная война. С каждым годом наша страна все больше и больше теряет ветеранов той страшной войны. И с их уходом мы утрачиваем прямую связь с тем временем. Поэтому очень важно, пока живы еще очевидцы войны 1941–1945 годов, собирать их воспоминания.

Воспоминания о Великой Отечественной войне должны трепетно передаваться от поколения к поколению, от родителей к детям. Наша семья щепетильно хранит рассказы воевавших предков.

В своём сочинении я хочу рассказать об отце моего деда с материнской стороны, о своём прадедушке – Картошине Илье Ивановиче.

Про Илью Ивановича Картошина в селе Яковлевка каждый скажет: ничто его не берет, ни война, ни годы. У него самая роскошная борода, самые красивые лошади, которых он любит, все свободное время уделяет им.

Родился прадед 2 июля 1923 года в селе Подгорное, что в Башкирской АССР. В семье было шестеро детей. В 1937 году они остались без отца. Приехали, забрали – и с тех пор о нем никаких вестей. Только пришла бумажка, что он реабилитирован, но это было уже, когда дети выросли. А тогда Илье исполнилось 14 лет, был он третьим ребенком в семье. Старшие братья учились, а ему было не до учебы. Невзгоды легли на плечи детей. Младшие шли в лес заготавливать дрова, а Илья возил их домой. Но все-таки и он окончил 6 классов, потом было училище в Медногорске, выучился на штукатур-маляра.

Сплавливал лес по реке Белой. Там и застала его война. В 1942 году взяли на фронт. Но не сразу бросили в бой.

«Сначала отвезли на станцию Алкино, около Шишмы, – рассказывает ветеран, – там был военный лагерь, из которого молодых солдат отправляли на фронт. Здесь строили землянки, рубили лес, учились стрелять. Оттуда и отправили на 3-й Украинский фронт».

Прадед Илья вспоминает:

«Пришли в Черкассы. На станции, где мы дневку делали, слышу «Тыр-тыр!!!», пулеметы строчат. Вдруг на нас напали немцы, из-за горы, мы в Черкассах только расположились на отдых, еще и путем не улеглись, товарищ сразу кричит: «Немцы!!!». Ну, выскакиваем, нас начинают поливать из пулемета, а сверху авиация прижимает. Стали перебегать первую улицу, перебежали. Вторую стали перебегать: товарищ успел, а я не успел. Меня, значит, огнем прижали пулеметным. А мы были без оружия. Наших часть схватили впереди, а потом и меня. На бронетранспортере немецкий переводчик допрашивает. Мы говорим: «Никого мы не знаем, никого не видели». Идут два офицера раненых, и их схватили. Правда, немцы пленных солдат поврозь с офицерами держали. Нас сгруппировали, загнали в избушку. С меня все сняли, остался в одной шинели, все отняли. Тут продержали нас несколько дней, начали эвакуировать в сторону Краматорска. Пригнали нас ночью в холодное трехэтажное помещение и держали на последнем этаже, оттуда никакими судьбами не выбраться. Гоняли нас копать траншеи. Последний раз погнали вечером, отставшего товарища позади меня застрелили, а я говорю, что тоже сильно ослабел. Помогли мне товарищи дойти, кто смог. Пригнали нас в немецкую казарму, а потом оттуда перевели в лагерь. В том лагере в одной могиле 8 тысяч, в другой – 9 тысяч пленных лежало. Заключённые были тифозные. Я стриг товарищей всех, у меня были машинка и ножницы, стриг и тоже заболел тифом. Лечили нас пленные врачи. Лежал там, пока болел. Вылечился. Потом увезли нас. Мы не поняли, куда нас везут, потом на какой-то станции мы побыли немного. Потом опять куда-то перегнали, в какой-то дом. Был он окружен проволокой колючей. Оттуда опять гоняли, то держали в этом помещении, то в лагере. Гнали дальше и дальше. Гонит нас конвой на вагоны, на площадки, а на площадке были пушки, снаряды. И вот, значит, ходит стрелочник, который смазывает рельсы. Стоим мы 5 человек пленных, а он нам и говорит: «Вон товарняк идет». Мы туда успели запрыгнуть, и эшелон тронулся. Ночь мы ехали, потом начало светать. Договорились прыгать с поезда на ходу по два человека, попрыгали, собрались. Идти тоже договорились, разделившись по два человека, пошли. Я иду сза-

*Секция 3. МИРОВЫЕ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ МОЛОДЁЖИ.
СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, СУДЬБЫ*

ди. Смотрим, всюду немцы. Стали к ометам. Смотрим, по дороге идут пушки. Мы в деревню, там тоже немцы. Если бы они были строевые, они бы нас побили, а они были обозники, и мы ушли в поселок. Встретили женщину. День были у женщины, кормила нас. Мы ей принесли несколько мешков ячменя. Потом ушли в горы. Утром стало рассветать. Мы наблюдали в разные стороны. Смотрим, разведка идет русская с автоматами. Вышли, и нас взяли под обычный конвой. Привели в особый отдел, стали допрашивать. Допросили. Потом в учебную роту направили. Кончилась наша учеба, и по военным частям нас разобрали.

Я попал в минометную батарею 89-го полка 28-й дивизии генерала Чурмаева, командир полка – Куликов. Товарищей определили к миномету, но маленькому, а меня – к 120-миллиметровому, туда специально выбирали ребят покрепче. Пришел в батарею. Командир не успел со мной познакомиться, писал письмо, раз и взрыв, и руку ему оторвало. А у солдата, как сидел, ягодицу вырвало. Погибли они оба, отвоевались.

Раз повел я лошадей пасти, а там артиллеристы ругаются, говорят: «Вы нас демаскируете». Со мной был старичок лет 70-ти, лошади

пасутся. Все ближе подходят к немцам. Стало смеркаться. Я говорю: «Надо спасать лошадей, пошли», а он отвечает: «Нет, не пойду». Я пошел сам, вернул всех лошадей. На второй день погнал их старшина один. И две лошади пропали. Одну ранило в грудь, другую – в голову, четыре километра она шла. Кинулись мы с наводчиком. Такой же был, как и я, одногодки. Лошадей других запрягли и вдогонку за ней. Приехали, а там дальше наша пехота, ей горло уже перерезала. Мы быстро все обработали, привезли. Сварили два раза, все равно она у нас бы пропала. Когда стояли, иногда кино привозили, нам показывали.

20 августа 1944 г. началось наше наступление для освобождения Молдавии. Утром спокойно, бой еще не ведем. Потом расположились. Команду дали вперед бить. Мы 2 часа непрерывно артиллерийский огонь вели и 116 мин по врагу из моей установки выпустили. И тут одна из мин дала искры, воспламенение, меня обожгло, а осколок ниже лопатки попал, но не пробил. Прекратилось все, упокоилось, немцев приглушили. Всю следующую ночь наготове были. А утром пошли на Кишинев. Снаряды немецкие на нас ложатся. Три танка наши шли. Из трех экипажей один остался. Остальные головешки горелые на земле лежат. Самоходка была наша подбита. Когда к Кишиневу стали подходить, тут пехотинцы вразброс идут, по метру друг от друга. Пехота залегла. Бой начался, с немецкой пушки стали стрелять. А у нас миномет. Комбат у нас хорошо стрельбу корректировал по расстоянию. Мы до четырех километров можем бить из миномёта. Начали бить. Утром в Кишиневе забрали у немцев две лошади с повозкой и тяжеловозами. И мне одну повозку с лошадьми всучили. Мы на миномете двое: наводчик и я, больше нет никого. Тут Кишинев взяли. За Кишинев нам всем объявили благодарность, некогда было награды вручать.

Потом пошли мы в Измаил, на берег Дуная. Взяли город и стали переправляться через реку. А она судоходная широкая. Протянули понтоны, перебрались по ним в Румынию. Шли левой стороной, краем Черного моря. И вот, значит, дошли до границы болгарской и остановились там, а в 12 часов ночи вступили в Болгарию. Первый город, в который вошли, Варна – портовый город. Но нас оттуда вывели, чтобы что попало не делали. Были мы в городе Ямболе, на юго-востоке Болгарии, там железная дорога, аэродром. За неделю до конца войны болгары начали пускать салюты. Наши кинулись узнавать, но командование ответило, что не было официального объявления об окончании войны. Только 9 мая подтвердили. Наши собрались на площа-

**Секция 3. МИРОВЫЕ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ МОЛОДЁЖИ.
СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, СУДЬБЫ**

ди, а я остался в казарме часовым. Потом ночью нас, 28-ю дивизию, по тревоге подняли и погнали на турецкую границу, но вскоре вывели через Болгарию и Румынию на Родину».

В день Победы выдали по 100 граммов водки. Но домой солдат попал не скоро. Еще два года служил в Одессе. В 1947 году вернулся в родное село. Работал со старшими братьями в геологоразведочной экспедиции. В селе Яковлевка познакомился с Александрой Карякиной. Она всю войну работала зав. фермой, потом ветеринаром. Скоро молодые поженились. Вырастили троих детей. В 1959 году Илья Иванович вступил в колхоз, работал сначала плотником, затем 24 года – животноводом.

К фронтовым наградам добавились и поощрения за труд. Был он лучшим по профессии, победителем соцсоревнований.

В 1989 году овдовел, сейчас с ним живет его дочь Ольга Ильинична. Она тоже на пенсии. Проработала 37 лет учительницей в родном селе.

У старого солдата уже 7 внуков, 12 правнуков и 1 праправнучка. В его доме всегда шумно. Приезжают дети, внуки, правнуки и праправнучка. Скучать ветерану некогда. Но иногда старые раны напоминают о том страшном лихолетье, которое пришлось ему пережить.

Информация в этом сочинении лично записана мной со слов ветерана. Когда я слушала рассказ своего прадеда Ильи, у меня накатывались слезы. Слушать все это было очень интересно. У самого же прадеда горели глаза.

Каждый год я езжу к нему на 9 мая, поздравляю его. И, конечно же, 9 мая в его доме собираются все родные. И он всегда надевает свой пиджак со всеми наградами. Я горжусь своим прадедом и считаю его героем. У него очень много наград: орден Отечественной войны II-й степени, медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «60 лет Вооруженных Сил СССР», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», знаки «Фронтовик 1941–1945 гг.», «25 лет Победы в Великой Отечественной войне», «Победитель социалистического соревнования в 1973 г.», «Победитель социалистического соревнования в 1976 г.».

Я говорю прадеду с большой благодарностью: «Спасибо большое за то, что мы сейчас живем!!!»

Память... Человеческая память бережет, сохраняет то, чего уже нет, что давно прошло, и воспроизводит в сознании прежние воспоминания. Даже самые страшные ...

Мы, молодое поколение, должны знать и помнить о том, какая доля выпала нашему народу, и кто внёс решающий вклад в Победу.

Бочкарева Ю. И. (г. Оренбург)

МОИ ПРАБАБУШКА И ПРАДЕДУШКА

Я хочу рассказать о прадедушке и прабабушке по маминой линии. Моего прадедушку зовут Мазунин Борис Павлович, родился он 16 июня 1923 года в городе Оренбурге в семье рабочих. Его родители: мать – Мазунина Анастасия Демьяновна, отец – Мазунин Павел Терентьевич.

Прадедущка окончил четыре класса, в 12 лет пошел молотобойцем на завод, проработал 2 года, затем выучился на механика по швейным машинам и трудился на швейной фабрике.

18 марта 1942 года он был призван по мобилизации Дзержинским районным военным комиссаром города Чкалов (ныне Оренбург). С 3 сентября 1942 г. принимал участие в боевых действиях на должности старшего радиотелеграфиста 2-й батареи 1043-го артиллерийского полка 306-й стрелковой дивизии в звании сержанта.

Его подразделение обороняло рубежи северо-западнее города Демидов, а затем освобождало Калининскую (ныне Тверскую) и Смоленскую области. «В боях с немецкими захватчиками с 13 по 19 августа 1943 г. в районе деревни Матвеево» Духовщинского района Смоленской области, прадедущка, «следуя в боевых порядках пехоты, обеспечил непрерывную связь с командиром батареи через рацию, что дало возможность непрерывно управлять огнём батареи. Тов. Мазунин участвовал в отражении контратаки противника». За это приказом от 25 августа 1943 г. № 15 он был награждён медалью «За отвагу». Его также повысили до начальника радиации 1-го дивизиона 1043-го полка.

И тут же, следом, прадедущка снова отличился. «В наступательных боях с 13 по 19 сентября 1943 г. в районе Рибшево» ныне Духовщинского района Смоленской области он «показал образцы мужества и героизма. Находясь на наблюдательном пункте командира дивизиона, обеспечил бесперебойную радиосвязь с огневыми позициями, чем способствовал выполнению поставленной боевой задачи перед дивизионом. В момент, когда наша пехота овладела населённым пунктом Гоноусово, противник начал контратаку силой до роты. Товарищ Мазунин, будучи на передовом наблюдательном пункте, быстро доложил об этом командиру дивизиона, а сам, помогая пехоте, с автоматом начал отражать контратаку. Огнём личного оружия и артиллерии контратака была отбита с большими потерями в живой силе и технике противника». За обеспечение бесперебойной радиосвязью, смелость, находчивость и инициативу в бою приказом от 13 октября 1943 г. № 58 сержант Б. П. Мазунин был удостоен ордена Красной Звезды. Он также стал начальником радиостанции управления 1-го дивизиона 1043-го артиллерийского полка 306-й Рибшевской стрелковой дивизии.

Развивая наступление, его часть приступила к освобождению от фашистских оккупантов территории Восточной Белоруссии. «За время наступательных боёв под Шумилино» Шумилинского района Витебской области, «при форсировании реки Западная Двина и под г. Лепель» Лепельского района Витебской области прадедуска «проявил себя мужественным, находчивым и бесстрашным воином. Непрерывно находясь в боевых порядках пехоты вместе с командиром дивизиона, обеспечил ему своевременную и бесперебойную радиосвязь, что дало возможность обеспечить артиллерийским огнём успешное действие наступающей пехоты и прорвать оборону немцев в районе деревень Медведи и Дворище. Умело обеспечивал дивизион радиосвязью на марше, что дало возможность надёжного управления огнём батареи при преследовании противника. Первым с радиостанцией форсировал реку Западная Двина и быстро развернул радиостанцию, передавал команды для открытия огня, чем обеспечил подавление огневых точек и живой силы противника и содействовал общему успеху форсирования реки Западная Двина». Образцовое выполнение заданий командований принесло Борису Павловичу орден Отечественной войны II-й степени по приказу от 26 июля 1944 г. № 121.

В боях за Советскую Родину 18 сентября 1944 г. прадедуска получил тяжёлое сквозное осколочное ранение правого голеностопного сустава, после чего был уволен в запас. Длительное время находился на лечении в госпитале, стал инвалидом 2-м группы, вернулся домой только 3 мая 1945 года.

30 июня 1945 года женился на Пановой Надежде Александровне. После войны работал 20 лет на шелкокомбинате слесарем. В феврале 1951 года там же на предприятии окончил трехмесячные курсы по специальности «газоэлектросварщик». В 1955 году прадедуске ампутировали ногу. В 1966 году Борис Павлович устроился в СМУ газоэлектросварщиком, работал до ухода на пенсию.

Помимо боевых, прадедуска получил также многочисленные памятные и юбилейные награды: медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» (10 октября 1966 года), «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 года» (7 мая 1965 года), «Пятьдесят лет Вооруженных сил СССР» (26 декабря 1967 года), «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 года» (25 апреля 1975 года), «Шестьдесят лет Вооруженных сил СССР» (28 января 1978 года), орден Отечественной Войны I-й степени к 40-летию Победы (11 марта 1985 года), меда-

**Секция 3. МИРОВЫЕ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ МОЛОДЁЖИ.
СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, СУДЬБЫ**

ли медалью «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 года» (12 апреля 1985 года), «Семьдесят лет Вооруженных сил СССР» (28 января 1988 года), «Пятьдесят лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 года» (22 марта 1995 года).

Кроме того, за долголетний добросовестный труд решением исполкома Дзержинского районного Совета народных депутатов 29 августа 1983 года прадедушка от имени Президиума Верховного Совета СССР был награжден медалью «Ветеран труда», имел удостоверение инвалида Отечественной войны, выданное 05.06.1990 года.

Он умер 9 августа 1996 года.

Мою прабабушку зовут Мазунина Надежда Александровна, девичья фамилия Панова. Она родилась 22 сентября 1924 года в городе Оренбурге. Ее родители: отец – Панов Александр Николаевич – писмовод, мать – Керенцева Клавдия Арсентьевна – домохозяйка.

Бабушка окончила всего 5 классов, она была самой старшей в семье, нянчила младших братьев, помогала матери, пошла работать на швейную фабрику мотористкой.

С 1 марта 1941 года по 18 мая 1946 года на фабрике шили гимнастёрки, брюки для фронта, шинели, чехлы для фляжек, кисеты для махорки, работали по 12 часов, иногда по 20 часов. Летом давали дополнительную работу на дом: стирали окровавленные гимнастерки, ватные брюки и телогрейки, ставили заплатки, пришивали пуговицы.

Со своим будущим мужем прабабушка познакомилась до войны, она провожала его на фронт. В марте 1946 года у них родилась первая дочь, в июле 1951 года – сын и в январе 1953 года – вторая дочь.

Трудовой путь прабабушки многообразен: с 16.01.1948 по 08.07.1958 года работала на шелкокомбинате браковщицей; с 13.10.1961 принята весовщицей на шелкокомбинат, проработала до 17.08.1972 года; с 04.12.1975 принята в магазин № 6 расфасовщицей. Уволена 06.02.1980 года в связи с выходом на пенсию.

Прабабушка является труженицей тыла (удостоверение выдано 18.10.1991 года), Ветераном труда (удостоверение выдано 19.11.1997 года), Ветераном Великой Отечественной войны (удостоверение выдано 09.04.2003 года), инвалидом 2-й группы (инвалидность установлена 28.10.1994 года).

22.02.1995 награждена юбилейной медалью «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 года», 28.02.2004 года – юбилейной медалью «60 лет Победы в Великой Отечественной войне», 04.03.2009 года – юбилейной медалью «65 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 года».

В сентябре 2014 года прабабушке исполнится 90 лет, я ее очень люблю, каждое воскресенье навещаю ее, она очень веселый и добрый человек.

Шевченко А. П. (г. Орск)

ТЫ ПОГИБ, ЧТОБЫ ЖИЛИ МЫ...

На старом погосте, что возле села,
Мрамора нет и в помине.
Только кресты, покосившись, стоят
С военных времен и поныне.

Скромно ромашки цветут, васильки,
Плачут «кукушкины слёзки».
Нежно укроют могилы от гроз
Ветви кудрявой берёзки.

Вдовьи тропинки сюда приведут
Тех, кто всё помнит солдата.
Губы сухие прошепчут в тиши:
«Спите спокойно, ребята».

*Секция 3. МИРОВЫЕ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ МОЛОДЁЖИ.
СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, СУДЬБЫ*

От слов, к сожалению, неизвестного мне автора к горлу подступает комок, а на глаза наворачиваются слёзы.

Именно с этого стихотворения я хочу начать сочинение о своем прадедушке, который воевал в Великой Отечественной войне и отдал свою жизнь за победу.

Мой прадедушка, Ивашов Василий Степанович, родился в 1909 году в поселке Прииск-Кумак ныне Адамовского района Оренбургской области. С детства работал в поле, помогал отцу. Закончил 3 класса местной школы. Потом трудился на прииске шахтером. В 1935 году прадед женился на односельчанке, Белич Марии Макаровне.

У них родилось четверо детей. Третьей по старшинству была моя бабушка, Валентина Васильевна (1938 г. р.). Именно благодаря ей, я и мои братья знаем о нашем прадедушке, который воевал на полях Советско-финской войны 1939–1940 гг. (её ещё называли Зимняя война). После её окончания, в марте 1940 года, прадед Вася вернулся в родное село.

В июне 1941 года, когда началась Великая Отечественная война, прадедушка Вася работал на прииске шахтером, а прабабушка Маруся – поваром в столовой. В августе 1941 года Василия Степановича мобилизовали на фронт. Прабабушка осталась одна с детьми. Она работала на прииске вместо своего мужа, а дети оставались ответственными за дом и небольшое хозяйство – огород и кроликов.

В сентябре 1941 года прадедушка в звании ефрейтора прибыл на Западный фронт для обороны Смоленска. Не жалея сил, он со своими однополчанами защищал Москву. В январе 1942 года прадедушка в составе 20-й армии Западного фронта участвовал в советском наступлении на фашистских захватчиков. В течение всего 1942 года и зимы 1943 года сражался во всех тяжёлых боях на Западном фронте.

Летом 1943 года в составе своей армии прадед воевал на Курской дуге. После каждого успешного боя прадедуска писал семье, что фашистов «выбивают» из русских городов, и что скоро будет победа.

Писем с фронта ждали как праздника, приходили они с опозданием и в потрепанном состоянии, и каждый раз моя бабушка Валя с сестрой и братьями бежали со всех ног, чтобы принести маме заветный конвертик. Читала прабабушка Маруся весточки с фронта всегда одна, сидя в уголке комнаты под иконой. Прочитанное письмецо, складывала в узелок к остальным и прятала за икону. А детям начинала пересказывать всё, о чем прочитала. Бабушка Валя говорила, что все рассказы были очень интересные: о решимости и смелости русских бойцов, о том, как боятся фашисты наших солдат, как их отец, мой прадедуска, не боясь никого и ничего, сражается во имя Великой Победы. Мне кажется, что в письмах не всегда было всё так здорово, просто прабабушка хотела «вырастить» в своих детях добрую память об их отце, и чтобы они как можно меньше знали об ужасе и лишениях страшной войны. В каждой весточке прабабушка искала слова: «Войне – конец, я скоро буду дома!», но шли дни, месяцы, годы, писем становилось всё больше, а война никак не заканчивалась.

В октябре 1944 года мой прадедуска воевал в составе 39-й армии 3-го Белорусского фронта. Его войска начали продвижение в Восточную Пруссию.

28 апреля 1945 года в дом Ивашовых принесли конверт. Он не был похож на «письмо с фронта». Бабушка Валя вспоминает, как мама их срочно отправила в огород и закрыла дверь, как долго не выходила к ним, а на следующий день сказала: «Папка ваш погиб как герой, помните это!». Моей бабушке тогда было 7 лет, и эти слова она запомнила на всю жизнь!

В извещении командир 360-го отдельного медико-санитарного батальона, гвардии майор Груздев просил Адамовский райвоенкомат сообщить гражданке Ивановой Марии Макаровне, «что её муж, ефрейтор Ивашов Василий Степанович в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был ранен и умер от ран 1 апреля 1945 г. Похоронен с отданием воинских почестей в 300 м северо-западнее деревни Рефельд, Восточная Пруссия».

Прадедуска Вася погиб на фронте, не дожив до победы 39 дней. Об его смерти родные узнали из «похоронки», но место захоронения было не совсем понятно. Лишь через 43 года спустя после Великой Отечественной войны, в 1988 г. моя бабушка Валя сделала запрос и получила

*Секция 3. МИРОВЫЕ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ МОЛОДЁЖИ.
СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, СУДЬБЫ*

ответ, что её отец, «ефрейтор Ивашов Василий Степанович внесён в список советских воинов, погибших и захороненных в братской могиле пос. Свобода Черняховского района Калининградской области» РСФСР.

Война закончилась. Жить было тяжело и голодно. Дом Ивашовых был маленький, стоял прямо возле речки и во время весеннего паводка 1945 года его затопило. Были утрачены все документы, вещи и, конечно же, письма – самое дорогое, что оставалось в память о прадедушке Васе. Сохранилась только похоронка, её прабабушка Маруся всегда носила в кармане платя.

Моя прабабушка, Ивашова Мария Макаровна, после войны работала в поселке Прииск-Кумак в детском саду поваром, откуда и ушла на пенсию. Потом жила в Орске в семье своей дочери, моей бабушки Вали. Умерла прабабушка Маруся 29 февраля 1983 года.

Война закончилась 69 лет назад, но память о ней живет в ветеранах, тружениках тыла, детях войны, таких, как моя бабушка Балтенко (Ивашова) Валентина Васильевна. Она собрала и сохранила эти малые крупинцы памяти о своём отце, моём прадедушке Ивашове Василии Степановиче. Благодаря её рассказам, я могу не только по книгам узнавать о событиях Великой Отечественной войны. Мы с бабушкой часто рассуждаем о том, как тяжело пришлось русским солдатам, их матерям и жёнам, их детям. Я считаю, что мы, молодое поколение, не должны забывать о том подвиге, который совершили наши деды.

Я всегда буду помнить, что мой прадед погиб героем!

Есимбетов И. Р. (с. Татарская Каргала)

МОЯ СЕМЬЯ В ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Отечество, работа и любовь –
Вот для чего и надобно родиться,
Вот три сосны, в которых – заблудиться
И, отыскавшись – заблудиться вновь.
Р. Казакова.

Для нашей страны годы Великой Отечественной войны, наверное, всегда будут годами воспоминаний, страданий, гордости. Отношение к войнам и подвигам в России всегда было особенным – трепетным и возвышенным. Победа в этой войне – это дело не только одного человека, это заслуга всего народа. Среди людей, которые защищали Родину в лихую годину войны, был и мой прадедушка. Звали его Низамудинов Фарит Гарифович. Я никогда не видел его, но память о нем свято чтится в нашей семье. Вот что рассказывал он о себе своим детям, а мне о нем поведала моя бабушка.

«Родился я в 1924 году. В 1941 году закончил 7 классов... Мне было неполных 17 лет... планы, мечты, как у всех молодых людей. Но, увы... Мы с друзьями были на речке Сакмаре, благо жили почти на берегу. Тут вдруг услышал встревоженный голос матери: «Фарит!» Быстро побежал, а мама упала мне на плечо и горько заплакала. Война. Видно, чуяла мать заранее, что дошла она, чёрная и могучая, грозная и страшная, до нашей деревни. Начали призывать на фронт. Нужна замена отцам и братьям. Я пошёл на работу в колхоз, на разные работы. Мы не знали ни дня, ни ночи. Всё для фронта, всё для Победы...

Шли годы, но война и не думала заканчиваться. Отца забрали на войну. Мама осталась одна с детьми. Единственным помощником был я. Но недолго пришлось мне быть в семье. В 1943 году, едва мне исполнилось 19 лет, пришла повестка. В Павловском учебном центре меня долго не задержали, отправили в маршевую роту в Московском направлении. Зима была холодная, снежная, поезда шли с трудом. Самим пришлось расчищать дорогу. Таким образом, добрались до Москвы.

Всё ново, всё незнакомо. Правда одели хорошо, кормили неплохо, купали вовремя. Отправили в Калининском направлении. Всяко было

**Секция 3. МИРОВЫЕ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ МОЛОДЁЖИ.
СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, СУДЬБЫ**

во время пути. Особенно запомнилось, как оцепили вагон. Произошло ЧП – в вагоне заболели тифом. 16 дней ежедневно купали и мыли, на 17-й день снова отправились в путь. Доехали до станции расформирования. Дальше пошли пешком: ёлочная хвоя – постель, каска воды в шалаше – баня, еда на костре. С 6 марта по 27 апреля был на передовой линии фронта. За это время было 3 крупных боя, один из которых – рукопашный.

27 апреля стал для меня роковым – пуля попала в ногу. Ступня болталась, было ясно, что спасти ногу невозможно. Госпиталь за госпиталем. Боль физическая, боль душевная. Я все надеялся, что, может, ногу сохранят, да и ребята поддерживали во мне эту веру. Но, очнувшись от наркоза, я понял, что стал короче – короче на целую жизнь. Отрезали ногу. Что делать? Как жить? Проснувшись, я ощущал каждый палец отрезанной ноги, и от этого было еще больнее. Больнее не физически, нет... Каково будет узнать об этом матери? Но рядом есть инвалиды и хуже меня...

Рана на культе не заживала. Сделали вторичную операцию, оказывается, плохо обработали отпиленные кости. Прошло три месяца. Теперь одна проблема – как сообщить домой, что нет ноги. А в это время мама, оказывается, получила на меня похоронку. Столько слёз и горя, но к счастью горе продолжалось не долго, мама получила известие, что я только ранен. В августе 1943 года меня комиссовали. Сошёл с поезда на станции Сакмарской. В то время было трудно добираться из города, а тут может телега, какая встретится, ведь было время уборки урожая. На самом деле так и случилось, встретился односельчанин на лошади, да только так растерялся, что оставил «солдата на палке» в поле, а сам умчался сообщить радостную весть.

Радости не было предела. Две старшие сестры побежали навстречу, да разминулись. Вот и дом родной... Объятия, слёзы радости. И отец уже дома. Спрашивают, ну что ты, как ты. А я взял да постучал клюшкой по протезу. Тут же отец, сердечник, упал в обморок.

Так я и прожил без ноги всю жизнь. Женился, вырастил троих детей, дал им образование. Всю жизнь работал. А иначе как? Мужчина – это опора в семье, это честь, мудрость, терпеливость...».

Мой прадед недолго был на полях сражений, но и эти несколько месяцев сыграли большую роль в его дальнейшей судьбе.

Хочу также рассказать о послевоенной биографии прадедушки, не только участника Великой Отечественной войны, но и настоящего труженика.

Труженик... Кто это? Если обратиться к словарю, то это слово, относящееся к высокому стилю – тот, кто трудится, трудолюбивый человек. Наверное, это слово применимо ко многим людям. Несомненно, оно относится и к прадедушке.

Всю свою жизнь он провел на земле. Травы, цветы, садовые деревья и кустарники, зерновые культуры – о них он мог говорить часами, знал досконально. Работа агронома кропотливая, требующая спокойного характера и безудержного терпения. Но, кроме навыков обязательных, познал он главную глубинную тонкость своей профессии, которая открывается не всякому сердцу. Не всякий может угадать в незрелой ягоде сложную гамму цвета, запаха, вкуса, которые потом превратятся в полезное лекарственное средство.

Трудные послевоенные годы. Не хватает мужских рук. Но много, очень много работы предстояло сделать.

Холмистая земля колхозной территории. Зеленым-зелено стелются поля. Приступил к работе простым рабочим. Но председатель, видя усердие и желание молодого человека, сказал:

- Тебе, Фарит, надо учиться. Ты осилишь. Сможешь принести много пользы колхозу. Да и семья у тебя растет, лишняя копейка не помещает. Как только из района пришла путевка, дед сел за учебную парту в Оренбурге и возвратился в колхоз с окрепшей мечтой, той самой, рожденной ещё в пору юности – видеть, как растет самая малая травинка, как ты своими руками собираешь урожай пшеницы, сорт которой выведен в наших суровых условиях.

Агроном-семеновод – звучало гордо и не совсем для всех понятно. А он делал работу, которая ему нравилась, и приносил пользу Родине.

Правление колхоза, знавшее, что молодой агроном – инвалид, выделило ему лошадь для того, чтобы объезжать поля. Прадед после войны получил III-ю рабочую группу инвалидности. Но всегда старался скрыть свое увечье. Порой заправски, с лихостью вскакивал на коня и мчался во всю мощь, а потом «оседлал» велосипед.

Трудностей было немало. Казалось, что по теории все семена должны прорасти, не поддаваться никаким катаклизмам и дать хороший урожай. Но жизнь диктовала свое: то вдруг пойдет град и побьет молодые всходы, то внезапно ударит мороз.

Прадед лелеял каждое растение на своем участке, знал в «лицо» каждый склон. И это ощущение нервной связи, боль, почти физическая, за судьбу не окрепших ростков жили в его сердце постоянно.

Жатва требует вниманья,
Жатва требует страданья,
Душу ей сполна отдай,
Жатва – время боевое,
Коль пришла – не знай покоя,
Даже отдыха не знай.

Во время жатвы забывали обо всем – только битва за урожай. А сколько проблем: поломки сельскохозяйственных машин, запасные части, отвоз зерна и т. д. Были щиты, на которых пламенели слова: «Есть 60 млн. пудов Оренбургского хлеба», а рядом дата. Цифры менялись каждое утро. На втором щите – красочная схема области с названиями райцентров, с цифровыми указателями, говорящими о том, сколько хлеба сдано районом.

Если не было рабочих, приходилось заменять друг друга. Палящее солнце, жара, ничто не останавливало – только труд, жатва.

После укрепления мелких колхозов стал бригадиром 3 бригады. Тяжелая трудная работа – на плечах бригадира и контроль над осуществлением посева, и уборка урожая, и заготовка сена и многое др., да и ещё общение с людьми: у каждого свой характер, свои проблемы.

Но всегда находил время для отдыха – брал свою семью и вывозил в лес, где знал каждую травинку и веточку. И детям сумел привить эту любовь.

Годы идут. А оглянуться – кажется, что и не жил. Но уже не за холмами пятьдесят пятая его осень. И поля, и холмы уже не такие далекие, как казалось в детстве и юности. Утренней прохладой дышит поле.

Здоровье, покалеченное на войне, тяжелая на износ работа с раннего утра до позднего вечера сделали свое дело. Трудно стало работать. В 55 лет вышел он на заслуженный отдых. Но не смог долго усидеть на месте. Тянуло к людям, к лесу, полям. И вот идет он с просьбой дать какую-нибудь работу. Недолго думая, председатель, зная опыт, усердие, предложил удаленный объект – бывший сад богача Гали-бая. Когда-то чудесный, благоухающий сад был любимым местом отдыха богачей – райский уголок. Сейчас он пришел в запустение, многие деревья стали высыхать. В общем, требовалось много сил для восстановления былого богатства.

Сбылась давняя мечта Фарита Гарифовича разводить сад для души. Чего только не было здесь. В помощники ему дали школьную бригаду. Девочки и мальчики проявили настойчивость и интерес.

Под руководством Низамутдинова Фарита Гарифовича сад был практически полностью восстановлен: были посажены новые сорта фруктовых деревьев, старые обрезаны, были засеяны участки лесными травами.

Приятный запах этих трав далеко разносил ветер. И сейчас многие уже зрелые мужчины и женщины, вспоминая работу в саду Галибая, рассказывают о Фарите Гарифовиче. Во многом это его заслуга. Много чему научил он подрастающее поколение.

Достается недешево
Счастье трудных дорог
Что ты сделал хорошего?
Чем ты людям помог?
Делать людям хорошее –
Хорошеть самому.

Трудную, но счастливую жизнь прожил Фарит Гарифович. И эту жизнь он сделал своими руками.

Человек с большой буквы, труженик. Я горжусь тем, что в моем роду был такой человек, что и мои предки тоже внесли свой посильный вклад в Победу.

Камнева В. А. (г. Оренбург)

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОРТРЕТА

У нас в доме висит большой портрет, на котором изображена молодая очень красивая девушка в белой кофточке в горошек. Когда я была совсем маленькая, то не верила, что это моя старенькая прабабушка Таня, такая седая, морщинистая. Когда я начала учиться, то начала приставать к прабабушке: «Расскажи да расскажи про себя, пожалуйста». Она мне и рассказала, что фотографию сделали в Румынии в 1945 году. У фотографа была белая кофточка в черный горошек, и все девчонки-однополчанки в ней фотографировались. А как же бабуля попала в Румынию?

Оказывается, моя прабабушка, Арансон Татьяна Филипповна, была участницей Великой Отечественной войны. Мои прадедушки тоже воевали, но они ушли из жизни еще до моего рождения. А бабу Таню я хорошо помню – она умерла, когда мне было 8 лет, а бабуле – 90. В первом классе, я писала о ней с помощью взрослых, конечно, в нашу школьную газету. Теперь я заканчиваю пятый класс гимназии № 5 и много читаю о Великой Отечественной войне.

Женщина и война... Оба эти слова женского рода, но как же они несовместимы. Женщина и война... Мне нравится стихотворение Л. Петраковой:

В мир приходит женщина,
Чтоб свечу зажечь.
В мир приходит женщина,
Чтоб очаг беречь.
В мир приходит женщина,
Чтоб любимой быть.
В мир приходит женщина,
Чтоб дитя родить.
В мир приходит женщина,
Чтоб цветам цвести.
В мир приходит женщина,
Чтобы мир спасти.

Моя прабабушка, Арансон Татьяна Филипповна (в девичестве Стрепкова), родилась в селе Богдановка Свердловского района (теперь это Тоцкий район) Оренбургской области последним ребенком в многодетной семье 6 июня 1920 года. Но ее брат, Ефим Филиппович, утверждал, что она родилась в 1919 году, потому что в 1921–1922 году был голод, и бабушка Таня вспоминала, как ее мама отдавала ей свою лепешку, а старшие сестры упрекали ее за это: пусть, дескать, умрет девчонка, а не мать. На это прапрабабушка Пелагея отвечала, что они, дочери, поймут ее, когда сами станут мамами. Прабабушка Таня вспоминала, как приехали они с матерью к тете Васене, когда она родила дочь, и прапрабабушка спросила ее, жалко ли ей маленькую. «Вот так и мне было жалко маленькую Таню, когда она просила лепешечку да еще приговаривала при этом: «Дай хлебца, мама, я же дите», – сказала она. Пережила моя прабабушка и голод 1932–33 гг.

Еще мне хочется сказать в своем сочинении, что мои прапрадедушки были русскими – переселенцами из Курской губернии, а мои прапрабабушки были украинками – переселенками из Полтавы. И в

селе Богдановка, основанном в 19 веке, жили дружно и русские, и украинцы. В шутку уроженцы села называли себя «русскими из-под Полтавы», был у них характерный говор с украинизмами, поэтому я понимаю боль моей мамы, когда она со слезами наблюдает за тем, что творится сейчас на Украине. Как можно ненавидеть русских, если русские, украинцы и белорусы – один народ.

Прабабушка закончила всего 7 классов. Когда ей было 14 лет, умерла ее мама от крупозного воспаления легких. До войны работала в сберкассе. Когда началась Великая Отечественная война, из Оренбургской (тогда Чкаловской) области на фронт ушли 15 тысяч девушек. Часть из них была мобилизована. Другие с первых дней войны сами просились на фронт. Девушки стали связистками, медсестрами, сандружинницами, прожектористками, зенитчицами. Сражались девушки на фронте не менее героически, чем мужчины.

В 1942 году прабабушка была призвана Сорочинским военкоматом Оренбургской области. Составной частью войск противовоздушной обороны являлись войска воздушного оповещения и связи (ВНОС), предназначенные для своевременного обнаружения воздушного противника, оповещения о нем войск, а также для наведения своей авиации на его воздушные и наземные цели. Бабуля служила в 70-ом особом батальоне ВНОС разведчиком зенитной артиллерии, старшим наблюдателем.

Рота наблюдения и связи считалась глазами и ушами всей армии – врагов наблюдатели видели первыми. В задачу девушек входило опознавание типа вражеского самолета – разведчик или бомбардировщик, направления движения и высоты полета и других важных параметров, необходимых для наших зенитчиков. Очень важно было передать вовремя эти сведения.

Первое боевое крещение оренбурженки получили под Камышином, даже не успев доехать до пункта назначения – Сталинграда. Поезд начали бомбить, а девушки сидели между колесами уцелевших вагонов и ревели в голос. В учебке в Камышине они дали присягу на верность Родине. В настоящем бою оренбурженки участвовали уже через пару недель, когда охраняли небо над железнодорожной магистралью Поворино – Сталинград. По ней шли на фронт техника, боеприпасы, продовольствие.

Вот так началась фронтовая служба прабабушки. С постов наблюдения сняли мужчин и отправили на передовую, а девушки заняли их места. В рукопашную не ходили, но бомбили их посты немцы часто. К

**Секция 3. МИРОВЫЕ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ МОЛОДЁЖИ.
СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, СУДЬБЫ**

счастью, бабуля не была ни разу ранена, но получила контузию: ее так сильно ударило бревном от блиндажа по голове во время бомбежки, что последствия потом она ощущала всю жизнь – мучили сильные головные боли, микроинсульты.

Конечно, было очень страшно. Несколько постов вырезали немецкие разведчики. После Сталинградской битвы был Кировоград, а победу Татьяна Филипповна встретила в Румынии. Бабуля рассказывала, что в расположение их части приходили местные жители и просили разрешения пощупать голову у коммунистов. Оказывается, им говорили, что у коммунистов на голове растут рога. Вот в Румынии и были сделаны представленные фотографии.

Прабабушка была награждена медалями «За оборону Сталинграда» и «За победу над Германией», множеством юбилейных медалей.

Домой, в село Богдановка Тоцкого района, бабуля вернулась в 1945 году, в 1946 вышла замуж за односельчанина Арансона Николая Семеновича, который только что вернулся из Германии. Не могу немного не рассказать о нем. Прадедущка служил пограничником на Сокальской заставе в Западной Украине с 1939 года и там встретил первый день войны. Но провоевал всего пять дней, попал в плен. Наверное, его спасло то, что концлагеря, в которых он содержался, находились на территории Австрии. Австрияки не так люто относились к пленным, как немцы: иногда давали то сырую картошку, то брюкву. Когда пришли советские войска и пленных освободили, прадедущка весил всего 36 килограммов при росте 175 см. Конечно, он прошел проверку, а потом служил писарем при комендатуре, ему предлагали остаться на сверхсрочную, но он так хотел домой: ведь он не видел родных с 1939 года. Мои прадедущка и прабабушка прожили вместе до 1982 года, пока прадедущка не умер. Они прожили долгую и достойную жизнь. Прабабушка работала бухгалтером в столовой, потом в школе, затем в сберкассе до

ухода на пенсию. А прадедущка отработал 25 лет в школе учителем немецкого языка, а затем председателем сельского совета. В селе их очень уважали и помнят до сих пор. Они похоронены в их родном селе, мы часто навещаем их могилу. В 1947 году родился сын Владимир (погиб в 1982 году), дочь Любовь в 1950 году (это моя бабуля), в 1955 году – сын Сергей. У них семеро внуков и семеро правнуков. После смерти дедушки прабабушка переехала к своей дочери в Оренбург. Но и здесь она не сидела без дела: помогала нянчить внуков и правнуков, работала какое-то время на станции защиты растений уборщицей.

В августе 1973 года женщины-ветераны встречались в Волгограде, а в августе 1975 года – в Кировограде. Некоторые однополчанки бабули жили в Оренбурге, иногда они встречались, когда были помолже и не так больны.

Прабабушка очень переживала, когда развалился Советский Союз, она считала это предательством по отношению к простому народу и переживала за родственников на Украине и в Крыму, которые оказались в другой стране, а ведь в Севастополе у прабабушки осталась могила сына Владимира, в Севастополе живут его жена, дети, внуки.

Прабабушке Тане 6 июня 2010 года исполнилось 90 лет, а 21 июня она умерла после долгой продолжительной болезни. Иногда она говорила, что устала жить, но часто, обнимая меня и мою маленькую сестренку Анечку, говорила, что ей так хочется посмотреть, какими мы вырастем.

Вот так, захотев узнать историю портрета, я прикоснулась к живой истории нашей Родины, испытала чувство гордости за своих прабабушку и прадедушек. Они защитили Родину и нас, их потомков. Вечная им память!

Четвериков С. А. (г. Оренбург)

ССЫЛЬНЫЕ УЧАСТНИКИ ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1863 ГОДА В ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

Политическая ссылка, как принудительное удаление лиц по суду или в административном порядке в отдаленные регионы страны на определенный срок или бессрочно, которые обвинялись в преступле-

ниях, затрагивавших интересы власти, государственный строй и общественное устройство, впервые появилась в российском законодательстве как норма наказания в Соборном уложении 1649 года, в специальной главе «О государьской чести, и как его государское здоровье оберегать». Согласно статьям 1–6 лица, совершившие государственные преступления (покушение на здоровье и жизнь государя, попытка поднять мятеж с целью «государем быть», сдача города противнику, умышленный поджог города, недоносительство о заговоре), подлежали вместе с семьями смертной казни. Согласно статье 7, если жена или дети не знали про измену, то они высылались из вотчин их и поместий на место, «что государь пожалует»¹.

При этом данные виды преступлений расследовались как дела «Слова и дела», которые предполагали наличие сведений, касающихся государя, не предназначенных для широкого круга лиц. Расследование сопровождалось арестом подозреваемых лиц, нахождением свидетелей и пытками, с целью добиться показаний.

По данному виду дел в Оренбургскую губернию были сосланы в октябре 1745 года бывший иеромонах Ярославского Толгского монастыря Савватий, за то, что в пьяном виде сказал: «Бабы города не стоят николи! А ведь ныне государство баба держит! Баба не как человек!»². 25 июня 1763 года – бывший лейб-гвардии гренадер Егор Рогожин за намерение в пьяном виде «застрелить государыню, когда она поедет в Петербург»³.

В XVII веке расследованием политических дел занимались городские воеводы и временные следственные комиссии, которые проводили следствие, выносили приговор и осуществляли его исполнение. 25 сентября 1702 года исключительное право по расследованию доносов о «Слове и деле» было поручено Петром I Преображенскому приказу. Для расследования дела цесаревича Алексея в 1718 году была образована Канцелярия тайных розыскных дел (Тайная канцелярия) под руководством Петра Андреевича Толстого в качестве временной розыскной комиссии. В 1724 году ее функции были переданы Правительствующему Сенату. 24 марта 1731 года была образована Вторая Тайная канцелярия (канцелярия Тайных розыскных дел) под управлением Андрея Ивановича Ушакова, в которую передавались «все важные дела» из Правительствующего Сената, Верховного Тайного Совета и Преображенского приказа⁴.

21 февраля 1762 года был издан манифест Петра III «Об уничтожении Тайной розыскной Канцелярии»⁵, дела которой передавались

Тайной Экспедиции при Первом Департаменте Сената. 25 июня 1811 года был обнаружен манифест об Учреждении министерства полиции с выделением в ней особой канцелярии, занимавшейся делами, «кои министр полиции сочтет нужным предоставить собственному его сведению и разрешению»⁶. События на Сенатской площади 14 декабря 1825 года привели к усилению полицейского контроля за политическими настроениями населения.

3 июля 1826 года был подписан указ «О присоединении Особенной канцелярии Министерства внутренних дел к Собственной Его величества Канцелярии». Новый орган политического контроля получил название III Отделение под руководством А. Х. Бенкендорфа, объединявшее Особенную канцелярию Министерства внутренних дел и жандармерию. 28 апреля 1827 года появился указ Николая I о создании корпуса жандармов. Появляются политические ссыльные – все лица, «которые состоят под надзором, лишены права служить, выезда из места жительства, въезда в столицы или подвержены другим каким ограничениям по делам политическим и вообще подлежащие ведению III-его отделения Его Императорского Величества Канцелярии»⁷.

Наибольшую активность Третье Отделение проявило в период подавления польского восстания 1863–1864 годов, когда в Оренбургскую губернию было выслано под надзор полиции 483 человека⁸.

28 мая 1863 года Оренбургскому и Самарскому генерал-губернатору А. П. Безаку был доставлен циркуляр Министерства Внутренних Дел № 80, в котором указывалось, что вследствие большого количества «признанных вредными по политическим стремлениям лиц», Оренбургская губерния становится местом ссылки уроженцев Западных губерний⁹.

При этом согласно циркуляру Министерства Внутренних Дел от 5 ноября 1863 № 191 «лица, высылаемые из Царства Польского и Западных губерний, сосредотачивались на основании Высочайшего повеления от 1 августа 1863 года: а) уроженцы Царства Польского – в Пскове; б) лица, высылаемые из Виленского Военного округа, кроме Могилевской и Восточной части Витебской губерний, – в Пскове, из Могилевской и Восточной части Витебской губерний – в Смоленске, высылаемые из губерний Киевского Военного округа – в Харькове»¹⁰. Далее ссыльные распределялись в арестантские роты внутренних губерний, сообразно числу имеющих в них свободных мест. Командиры арестантских рот, каждые десять дней должны были представлять

отчет о числе свободных мест, «определяя это число не по штатному составу рот, а по тому количеству людей, на какое выстроено здание роты, и какое действительно в нем может поместиться».

Высылаемые из Царства Польского и Западных губерний в арестантские роты лица содержались отдельно от прочих арестантов и использовались на городских работах отдельно от других арестантов и под надзором конвоя. Вся заработная плата высылаемых из Царства Польского и Западных губерний употреблялась на покрытие расходов по содержанию их. Высылаемые подлежали наказанию и военному суду на основании правил общего положения об арестантских ротах, а в случаях нарушения ими воинской дисциплины и явного неповиновения, соединенного с насилием или с наущением к тому другим, они передавались военному суду по полевым военным законам¹¹.

При высылке Начальнику губернии сообщалось о том, к какому званию принадлежит высылаемый, один ли он отправлен или с семейством и в сем случае, кто оное составляет и имеет ли он собственные средства к существованию или должен пользоваться пособием от казны. При высылке признавалось необходимым защищать личное и недвижимое имущество ссыльных, «предоставляя владельцу по прибытии на место, назначенное для его пребывания, право распоряжаться им посредством поверенного или другим способом, по своему усмотрению, с тем, чтобы присмотр за имуществом был снят по первому его требованию»¹².

Ссыльные из Западных губерний поручались непосредственному надзору Начальника губернии. Для надзора за ними назначались нижние полицейские чины, обязанности которых заключались в наблюдении за безотлучным пребыванием присланных лиц.

Начальники губерний были обязаны составить классификацию мест, предназначенных для ссылки, разделив их на два разряда, «сообразно населенности, климатическим условиям, топографическому положению и материальным удобствам жизни»¹³. Критерием назначения пребывания ссыльного в определенном разряде становились поведение и нравственность высылаемых. В случае получения донесений о неблагонадежности состоящего под надзором или о подготовке его к побегу Начальник губернии имел право взять высланного под домашний арест до окончания расследования. Также Начальник губернии имел право ходатайствовать об освобождении от надзора полиции или о возвращении на родину высланных лиц.

Начальник полиции должен был «стараться постоянно облегчать по возможности те затруднения, которые встречаются для лица, поселяющегося в чужой и незнакомой ему местности, тем самым стараясь внушить к себе не только его уважение, но и самое доверие»¹⁴. Ему поручалось наблюдение за образом жизни, поведением и занятиями ссыльного, изучение связей ссыльных с местными жителями и их влияние на местное общество.

В циркуляре Министерства Внутренних Дел № 137 от 17 августа 1863 года, предлагалось обращать главное внимание на то, «чтобы высланные были постоянно в виду полицейских чиновников», для чего выслаемым необходимо было либо являться ежедневно к полицейскому начальству, либо полицейские чины должны были часто посещать означенных лиц на квартирах¹⁵.

По циркуляру от 6 января 1864 года № 61 подтверждалась тайна переписки. Выслаемые должны были предоставлять свои письма и телеграммы на предварительный просмотр Начальнику губернии или Уездному исправнику, с разрешения которых они могли быть отправлены¹⁶. Однако 5 февраля 1864 года в предписании № 346 признавалось необходимым подчинить контролю всю корреспонденцию высланных под надзор полиции политических преступников из польских уроженцев без их ведома¹⁷. Эта ситуация привела к тому, что в 1868 году Оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский возмущался тем, что письма лиц, состоявших под надзором полиции, распечатывались уездными исправниками до передачи их губернатору¹⁸.

По Оренбургской губернии штат полицейских служителей, предназначенных для надзора за выслаемыми за вредные политические стремления, был определен в 30 человек: 2 – в Белебее, 3 – в Бирске и Мензелинске, 4 – в Стерлитамаке, 8 – в Челябинске, 10 – в Уфе¹⁹.

По первоначальным планам в Оренбургскую губернию на поселение под надзор полиции могли быть высланы из Западного Края 168 человек, из них 30 нижних чинов: в Белебей – 10 человек (2 нижних чина), в Бирск – 13 (3), в Мензелинск – 15 (3), в Стерлитамак – 26 (4), в Челябинск – 39 (8), в Уфу – 65 (10)²⁰.

Однако данное расположение мест высылки не соответствовало местным условиям. 29 июля 1863 года А. П. Безак уведомлял Министра Внутренних Дел П. А. Валуева о назначении Мензелинска «весьма неудобным, потому что в этом городе, расположенном в соседстве двух губерний Казанской и Вятской и вблизи реки Камы, на которой

происходят ежедневные пароходные сообщения, полицейский надзор оказывается затруднительным и для высылаемых туда на жительство лиц предоставляется много способов к побегу»²¹. Также он предложил к первому разряду отнести Уфу, Оренбург, Стерлитамак и Бирск. При этом Бирск должен был стать местом ссылки ксендзов «в видах предупреждения того влияния, которое они могли бы иметь при размещении по разным городам губернии». Ко второму разряду отнести Верхнеуральск, Челябину, Троицк и Белебей.

Гражданский губернатор Г. С. Аксаков 20 сентября 1863 года предложил убавить для города Челябины крайний размер высылаемых до 20 человек, а оставшихся 19 назначить для города Троицка и уменьшить количество высылаемых в Уфу с 65 до 40 человек, а оставшихся отправить в Оренбург²². 10 октября 1863 года данные предложения были одобрены Министерством Внутренних Дел.

К 9 декабря 1863 года в Оренбургскую губернию было прислано за политические преступления 140 человек: в Уфу – 46, в Оренбург – 12, в Троицк – 12, в Бирск – 13, в Стерлитамак – 23, в Верхнеуральск – 11, в Белебей – 10, в Челябину – 13. Кроме того, ожидалось прибытие еще 50 человек²³.

8 февраля 1864 года был доставлен циркуляр Министерства Внутренних Дел № 833, в котором указывалось, что по соглашению с Главным Начальником Третьего Отделения Его Императорского Величества Канцелярии признавалось необходимым «удвоить размер» назначенных к высылке лиц по политическим причинам в Оренбургскую губернию. При этом дополнительных средств для надзора не выделялось, так как указывалось, что «расходы должны быть производимы только в случаях особенной важности и экстренности, так и во избежание излишних издержек казны»²⁴.

13 июня 1864 года в городах Оренбургской губернии лиц, высланных из Царства Польского и Северо-Западного Края за политические преступления, было 278 человек, ожидалось прибытие еще 100²⁵.

5 сентября 1864 года Министр Внутренних Дел уведомлял Оренбургского и Самарского генерал-губернатора А. П. Безака что, несмотря на его просьбу прекратить доставку ссыльных, высылка лиц из Царства Польского и Северо-Западного Края, причастных к мятежу 1863 года будет продолжаться в значительном размере²⁶.

К концу 1864 года число политических ссыльных в Оренбургской губернии достигло 430 человек: в Уфе – 122, в Стерлитамаке – 63, в Оренбурге – 63, в Бирске – 34, в Белебее – 31, в Троицке – 40, в Челя-

бе – 43, в Верхнеуральске – 34. Ожидалось прибытие еще 29 человек²⁷.

По состоянию на 30 июня 1865 года только в Оренбурге под надзором полиции находилось 55 политических преступников, за которыми для надзора назначены 7 нижних чинов²⁸.

Наиболее распространенным обвинением для жителей Западных губерний была неблагонадежность в политическом отношении. Под ней понимали: доставление польским мятежникам продовольствия, распространение ложных слухов против правительства, распространение пасквилей и возмутительных воззваний, недонесение начальству о проходивших через управляемое имение мятежниках, участие в антиправительственных манифестациях и пение возмутительных гимнов.

Кроме российских подданных, за участие в мятеже в Оренбургскую губернию были сосланы бельгийский подданный Юлиан Дюшин, за нахождение в бандах, откуда был взят в плен²⁹; прусский подданный Эммануил Ясек, за бытность в мятежнической шайке³⁰ и французский подданный Леонард Мармо за то, что его паспорт не был засвидетельствован при переезде границы³¹. Из общего числа ссыльных из Северо-Западных губерний 5 % ссыльных (24 человека) составляли женщины.

По распоряжению Киевского военного, Подольского и Волынского генерал-губернатора в Оренбургскую губернию было сослано 20 человек (4,1 %), по конфирмации Командующего войсками Виленского военного округа, по распоряжению Виленского генерал-губернатора, Московского военного-губернатора – 2 человека, дежурного генерала Главного Штаба Его Императорского Величества, генерал-майора запасных войск Доломинова – 4, Могилевского, Ковенского и Киевского губернаторов – по 1 человеку, Наместника Царства Польского – 44 человека (9,1 %), по распоряжению Министра Внутренних Дел – 136 человек (28 %) и по конфирмации Виленского военного, Ковенского, Гродненского и Минского генерал-губернатора было сослано 234 человека (48,5 %).

Кроме того, за период с 1868 по 1871 год в Оренбургскую губернию из Сибири были переведены на жительство под строгий гласный надзор 21 участник восстания 1863 года.

Оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский 10 февраля 1873 года сообщал в Министерство Внутренних Дел, что к 1 ноября 1872 года в губернии на жительстве за полити-

ческие преступления под надзором полиции находилось 83 человека³².

Таким образом, Оренбургская губерния в 60-х годах XIX века занимала ключевое положение в системе административной ссылки, став местом пребывания для большого количества поляков, выступавших за возрождение национальной государственности.

Примечания:

1. Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. – М., 1961. – С. 72.
2. Арсеньев А. В. Непристойные речи. Монах, недовольный женским правлением // Исторический вестник. – 1897. – Том 69. – С. 69.
3. Каратыгин П. П. Язык мой – враг мой. Русский преторианец // Исторический вестник. – 1897. – Том 69. – С. 782.
4. Жандармы России / Сост. В. С. Измокин. – СПб.: Издательский Дом «Нева»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. – С. 113
5. Полное собрание законов Российской империи. – Т. 15. – № 11445. – С. 915–918.
6. Жандармы России / Сост. В. С. Измокин. – СПб.: Издательский Дом «Нева»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. – С. 228
7. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 18. Д. 202. Л. 1.
8. ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 533. Л. 154.
9. ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 461. Л. 1.
10. ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 212. Л. 73.
11. Там же. Л. 73 об.
12. Там же. Л. 65.
13. ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 461. Л. 7.
14. Там же. Л. 8.
15. Там же. Л. 10 об.
16. Там же. Л. 12.
17. Там же. Л. 32.
18. Там же. Л. 36.
19. Там же. Л. 3 об.
20. Там же. Л. 5 об.
21. ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 474. Л. 8 об.
22. Там же. Л. 17.
23. Там же. Л. 31.
24. Там же. Л. 37.
25. Там же. Л. 60.
26. Там же. Л. 61 об.
27. Там же. Л. 70.
28. Там же. Л. 72.
29. ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 533. Л. 120 об.
30. Там же. Л. 140 об.
31. ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 478. Л. 44.
32. ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 736а. Л. 13.

Кокшаров А. Д. (г. Оренбург)

ВСЕНАРОДНАЯ ПОМОЩЬ ЗАЩИТНИКАМ РОДИНЫ КАК ВАЖНОЕ УСЛОВИЕ СТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА

Оренбургские епархиальные ведомости в годы Первой мировой войны открывают впечатляющие картины добровольной помощи воинам, их семьям и вообще пострадавшим. Естественно, что епархиальные ведомости в большей степени освещают человеколюбивую деятельность православных. Регулярно собираются значительные суммы и открываются лазареты для раненых, собирают и отправляют на фронт продовольствие, теплые вещи, праздничные посылки, предметы первой необходимости, организуют школу пчеловодов для увечных воинов, приюты для сирот – всего не перечислишь. Заметим (что важно при большом распространении культа потребительства ныне) – люди, жертвуя деньгами, своими трудами, продуктами питания, теплой одеждой, ущемляют себя и делают это именно добровольно и с сознанием необходимости такого рода поведения. Может возникнуть вопрос: чем руководствовался каждый жертвователь в размерах своего благодеяния? Многие, видимо, глубиной страдания нуждающихся. Святитель Филарет, митрополит Московский, сказал, что недопустимо, чтобы твоя любовь к ближнему была короче его несчастья. Детально и тщательно рассмотрены виды и реальные масштабы добровольных пожертвований в Оренбуржье Денисом Николаевичем Денисовым.

Упомянутое выше – не удивительные подвиги, а скорее характерная черта народной жизни. Помочь, поделиться – для лучшей части людей естественно, более того – необходимо. Устами капитана Алехина (роман «Момент истины» В. О. Богомолова) автор обозначает невозможность эгоистического поведения:

«– Товарищ капитан, – сказал ему Алехин, – неловко все-таки... неудобно получается. Не по-русски! Одни едят, а другие глядят»¹.

Розыскник-смершевец настойчиво приглашает своего нравного спутника к столу, действительно испытывая физическое неудобство от трапезы в присутствии голодного человека.

Стереотипы поведения, имеющие в своей основе взаимную помощь, а не конкуренцию, не только симпатичны с нравственной стороны, но и весьма широко распространены в России во все времена. Внутренних причин помогать ближнему в бедствиях у каждого чело-

**Секция 3. МИРОВЫЕ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ МОЛОДЁЖИ.
СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, СУДЬБЫ**

века несколько. Первой приходит на ум эмпатия – способность сочувствовать, воспринимать чужую боль, чужую беду, чужую нужду как свою собственную. Сторонники плюрализма, отсутствия абсолютных ценностей на сей раз могут не беспокоиться: способность сочувствовать настолько необходима живому существу, что заложена даже в животных. Этологи (специалисты по поведению животных) поставили жесткий опыт: в трех клетках посадили собачек. В двух клетках испытуемые просто сидели, а в третьей животное стали мучить, одновременно подавая находящимся в других клетках миски с едой. К чести собак 75 % свидетелей чужих мучений (опыт повторяли) не могли есть.

Можно предположить, что сочувствие – свойство необходимое и всеобщее. Откуда оно взялось? Люди верующие знают – оно вложено Создателем. Неверующие будут барахтаться в рассуждениях об эволюции и пр. Даже если бы эволюционисты были правы, то согласно их рассуждениям в ходе эволюции закрепляются свойства, необходимые прежде всего для выживания. Православным легче – заложенное в человеке Создателем на уровне внутренней потребности в словесной форме подкрепляется необходимостью относиться к ближнему как к самому себе. Святитель Иоанн Златоуст говорил, что каковы мы к ближнему, таким и Бог будет в отношении нас. Веками славные предки стремились воплотить эти идеалы в собственной жизни в зависимости от сил и желания каждого. Современный потребительский подход, напротив, разжигает в человеке эгоизм, зависть, жадность, облекая их в привлекательные, солидные, блестящие, порой величественные формы.

Другим мотивом помощи защитникам Родины, а если шире, то всем бедствующим от войны, является понимание христианами всех испытаний (войн, голода, эпидемий и пр.) как наказания за грехи – Господь Бог попустил за грехи наши. По этому поводу святитель Тихон Задонский сказал, что Бог нас по любви, а не по гневу наказывает. Потому и нам должно терпеть Его отеческое наказание не с гневом и роптанием, но с любовью и благодарностью. Поскольку и беды попускаются для пользы людей как горькое лекарство от ослабления веры и несоблюдения заповедей, то их (бедствия) в России было принято переносить терпеливо и с достоинством, делая все возможное для помощи нуждающимся. Пример из Великой Отечественной войны: «Во время войны, во время блокады мы, девчонки, бегали по всем лестницам. Двери же открыты, носили крохи хлеба и, главное, – воду

людям, которые уже не вставали. Вот так относились друг к другу блокадники»². У детей – внутренняя потребность помочь плюс правильные стереотипы поведения, усвоенные от старших.

На протяжении всей своей истории Россия жила в относительно спокойные периоды, выживала и восстанавливалась в период бедствий, опираясь на понимание лучшей частью общества необходимости всем участвовать в защите Отечества и помогать нуждающимся.

С детства каждому известен пример Козьмы Минина, отдавшего третью часть имущества для спасения Родины. Известно об очень богатой бездетной новгородской вдове, имевшей состояние в 12 тыс. рублей, оставившей себе 2 тысячи, а 10 тыс. пожертвовавшей на дело спасения Отечества. Сбор средств для ополчения взял на себя Минин. Он был облечен властью собирать деньги в зависимости от доходов каждого добровольно, а кто откажется – взимать должное вплоть до применения военной силы³. Таким образом, и в период Смутного времени встречались люди глупые и жадные, не понимавшие простых вещей – не удастся отстоять родную страну, и богатства, каких они жалеют на оборону, достанутся захватчикам. Учить подобных было недосуг (да и поймут ли?) Эгоисты-потребители встречались. Им противостояло общественное мнение, подкрепленное, если надо, механизмами принуждения. Для желавших и способных понять истинные закономерности жизни, у Православной Церкви всегда есть поразительные по глубине высказывания. Святитель Иоанн Златоуст сказал, что польза каждого заключается в пользе ближнего, и польза ближнего – в его пользе.

Бессмертным примером всенародной борьбы с агрессором является война 1812 г. Массы добровольцев-ополченцев, храбрость повстанцев-партизан и партизан в собственном смысле этого слова (подразделения регулярной армии в тылу врага), жертвования на лазареты для раненых и на снаряжение целых пехотных и кавалерийских полков (один из таких жертвователей – адмирал Ф. Ф. Ушаков, причисленный ныне к лику святых) – всего не перечислить. Интересно отношение крестьян к собратьям, желавшим торговать с врагом: «... само общество крестьян стало очень строго относиться к тем из них, кто пробовал завязывать эти сношения – их стали наказывать смертью как изменников Родине и царю»⁴. Для крестьян в 1812 г. освобождение Родины от грабителей, насильников, осквернителей святынь было важнее «интересов бизнеса». В данном случае уместно вспомнить суждение святителя Филарета, митрополита Московского, сказавшего:

«Худой гражданин царства земного и для Небесного Царства не годен».

Период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. изучен детально и всесторонне. Порой настолько детально, что за многочисленными подробностями трудно увидеть картину в целом, выделить обстоятельства (единичные или типичные), действительно приведшие к победе, а не просто имевшие место быть. Времена меняются (техническая оснащенность, одежда и пр.), а отношение людей к Родине неизменно. Лучшие люди (как Минин и Пожарский) не жалеют ни жизни, ни крови, ни сил, ни имущества. Они, имея «бронь», идут добровольцами, покупают на свои деньги танки и после кратких курсов доблестно воюют на них, в тылу – работают на заводах, почти не отлучаясь для отдыха домой и т. д. Не забудем – ситуация во время войны чрезвычайная: фашистам-победителям нужны лишь рабы, и то не слишком многочисленные. Отметим, что непосредственная причина всего чрезвычайного в войне – действия агрессора. Меры по отношению к своим тоже чрезвычайные (и на фронте, и в тылу) – патриоты поймут и сделают все, а менее воспитанные (в том числе эгоисты) будут делать необходимое Отечеству в силу суровой дисциплины. Все как всегда в нашей истории. Вопрос – под угрозой гибели страны и народа уместно ли разводить рассуждения о приоритете прав личности? Такие рассуждения были бы самоубийственны и для народа в целом, и для любителя прав личности в том числе.

Таким образом, Россия всегда выбиралась из бед совместными усилиями всего народа. Помощь сражающимся обязательна для всех совестливых людей. Обязательна помощь нуждающимся, слабым, обездоленным. Для России это нравственный закон и одновременно веками проверенный стереотип поведения, приводящий к победе над агрессором и налаживанию жизни всего народа после победы.

Будем смотреть правде в глаза – мировая история говорит: соблюдают договоры и мирные соглашения только в отношении сильных государств. Следовательно, любителям чужих территорий и ресурсов желательно ослабить народы, этими богатствами обладающие. Если Родину любили и защищали общими усилиями, значит, любовь к Отечеству надо ослабить (а в идеале – превратить в ненависть и презрение!). Недоброжелатели в истории России найдут только темные стороны и старательно не заметят великое, светлое, достойное восхищения и подражания. Если плохого в истории покажется недостаточно – наврут «эксперты утверждают...». Если прочность Родины осно-

вывалась на сотрудничестве всех (как клетки в едином организме) и сострадании нуждающимся, то разрушители постараются расхвалить поведение потребителя, жадины, эгоиста. Эгоист подобен раковой клетке: он работает не на организм в целом, а лишь на себя. Конечный результат – гибель организма (в данном случае народа), а захватчикам – «бонус» в виде беззащитной территории и ее ресурсов. Чувство жадности, наверное, испытывали почти все, но раньше знали, что поведение жадины постыдно, и каждый человек боролся с собой (кто более успешно, кто менее – но все). Успехи потенциальных захватчиков в пропаганде себялюбия и жадности налицо.

Весной 2014 года Президент отвечал на вопросы сограждан в прямом эфире. Один из вопросов звучал примерно так: «Нам обещали прибавку к пенсии в 6 %, а повысили лишь на 1,7 % – не из-за присоединения ли Крыма?» Президент ответил разумно, что ведь повысили же пенсию, а не понизили, и заверил, что меньшее, чем ожидалось, повышение с возвращением Крыма в Россию не связано. Интересно, а если бы ответ пенсионеру оказался возмутительным: «Да, из-за Крыма»?

Попробуем осмыслить ситуацию. От чего спасло жителей Крыма присоединение к России? От преследования и унижения за использование русского языка, от экономического хаоса и геноцида, обещанного главарями украинских фашистов. Спасение братьев не стоит ли некоторого ущемления своих потребностей? Мои «недополученные» 4,3 % прибавки дороже жизни и свободы части нашего народа? А как же примеры Смутного времени, 1812 г., пример Оренбургской епархии во время I мировой войны, в 1941–1945 гг.? Имеем ли мы в таком случае право праздновать День Победы? Может, эгоистам лучше отмечать день рождения какого-нибудь мультимиллиардера? Незаметно для себя мы рискуем уподобиться худшей четверти собачек, которые, урча и чавкая, жрут корм, когда рядом мучают сородича.

Потенциальные захватчики, конечно, весьма хотели бы узнать, сколько жителей России интересуются лишь своим кошельком и своим брюхом, и сколько из нас станут умирать за Родину и помогать нуждающимся. От этих данных зависит, устраивать России евромайдан или погодить. Если не пора – надо продолжить разлагать морально, порочить историю России, пропагандировать разврат и наркотики, разжигать рекламой зависть и жадность. Перехитрим партнеров по переговорному процессу – не станем для них пересчитывать щедрых и храбрых, а также потребителей-эгоистов. Лучше постараемся

по примеру славных предков подтянуться – бороться с жадностью и себялюбием. Родина устоит, и мы сохранимся как народ.

С другой стороны, произнести призыв: «Давайте станем хорошими» легко. Окружающая действительность, если вдуматься, печальна и страшна. Вспомним места на планете, где льется кровь. Наши славные предки находили решения, эффективные и надежные. На что можно и необходимо опереться? Святитель Макарий, митрополит Московский, сказал, что общество людей без веры в Бога и бессмертие души – это почти стадо диких зверей, хотя и одаренных разумом, которые всегда готовы терзать и истреблять друг друга. Звучит очень современно. Задумаемся: что основательнее – опыт предков, опиравшихся на помощь Божью и создавших, благоустроивших и успешно защищавших при необходимости страну в 1/6 часть суши, или наши рассуждения об углублении демократии и честных выборах? Самая демократическая страна потратила двадцать лет и кучу денег на развитие демократии на Украине. Исторический опыт поставлен убедительно. Только результаты достигнуты слишком дорогой ценой.

Примечания:

1. Богомолов В. О. Момент истины (В августе сорок четвертого). – Новосибирск: Детская литература, Сибирское отделение, 1990. – С. 329.
2. Дневник детской памяти. Это и моя война / Сост. Л. Н. Машин. – М.: АСТ, 2014. – С. 33.
3. Нечволодов А. Д. Сказания о Русской земле. – М.: Эксмо, 2007. – С. 1033–1034.
4. Верещагин В. В. 1812. Наполеон в России. – М.: Эксмо; Алгоритм, 2011. – С. 36.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агишева Диана Иршатовна – студентка 1 курса направления бакалавриата «История» профиля «Историческое краеведение и музееведение» факультета гуманитарных и социальных наук Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Алексенко Майя Александровна – студентка 4 курса специальности «История» факультета гуманитарных и социальных наук Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Буйнин Даниил Витальевич – ученик 6 класса МОАУ «Лицей № 2» (г. Оренбург).

Базарова Камилла – ученица 10 класса МБОУ «Акбулакская средняя общеобразовательная школа № 1» (п. Акбулак Акбулакского района Оренбургской области).

Балтенкова Ольга Константиновна – ученица 7 класса МБОУ «Акбулакская средняя общеобразовательная школа № 1» (п. Акбулак Акбулакского района Оренбургской области).

Бахарева Ольга Яковлевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург).

Бисимбенова Диана Бекдаuletовна – студентка 5 курса фармацевтического факультета Оренбургской государственной медицинской академии (г. Оренбург).

Богданова Елена Григорьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея (г. Оренбург).

Бочкарёва Юлия Игоревна – ученица 5 класса МОБУ «Гимназия № 5» (г. Оренбург).

Васильева Светлана Юрьевна – кандидат исторических наук, ассистент кафедры документоведения, рекламы и правоведения Филиала Российского государственного социального университета в г. Тольятти (г. Тольятти).

Гафарова Венера Мидхадовна – студентка 1 курса направления бакалавриата «Биология» химико-биологического факультета Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Гришакова Лариса Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург).

Губскова Галина Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Денисов Денис Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Дзюба Никита Алексеевич – кадет 9 класса Оренбургского президентского кадетского училища (г. Оренбург).

Дубовицкий Виктор Васильевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом истории науки и техники Института истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша Академии наук Республики Таджикистан (г. Душанбе, Таджикистан).

Егоренко Наталья Владимировна – ученица 9 класса МОАУ «Средняя образовательная школы № 39» (г. Оренбург).

Есимбетов Ильдар Рустамович – ученик 4 класса МБОУ «Тат. Каргалинская средняя общеобразовательная школа» (с. Татарская Каргала Сакмарского района Оренбургской области).

Злобин Юрий Петрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Иванова Екатерина Петровна – студентка 1 курса направления бакалавриата «История» профиля «Историческое краеведение и музееведение» факультета гуманитарных и социальных наук Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Ивлев Никита Николаевич – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры социально-гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин Южно-Уральского государственного института искусств (г. Челябинск).

Игишев Радик Фаритович – кадет 8 класса Оренбургского президентского кадетского училища (г. Оренбург).

Камнева Валерия Александровна – ученица 5 класса МОБУ «Гимназия № 5» (г. Оренбург).

Ким Галина Петровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Кобзов Владимир Серафимович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Челябинского филиала Военно-воздушной Академии имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина (г. Челябинск).

Ковалевский Владимир Петрович – доктор экономических наук, профессор, ректор Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Ковтун Любовь Александровна – интерн фармацевтического факультета Оренбургской государственной медицинской академии (г. Оренбург).

Кокшаров Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Коломников Станислав Олегович – студент 1 курса направления бакалавриата «Эксплуатация транспортно-технологических машин и комплексов» транспортного факультета Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Конев Андрей Владимирович – аспирант Челябинской государственной агроинженерной академии, Курганский пограничный институт, военнослужащий (г. Курган).

Кортунов Алексей Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (г. Уфа).

Косцова Екатерина Николаевна – ведущий научный сотрудник отдела информации и публикации документов Государственного архива Оренбургской области (г. Оренбург).

Кох Екатерина Владимировна – студентка 1 курса направления бакалавриата «Продукты питания животного происхождения» профиля «Технология мяса и мясных продуктов» факультета прикладной биотехнологии и инженерии Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Кузнецов Владимир Александрович – доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры философии Челябинского государственного университета (г. Челябинск).

Кусков Сергей Александрович – кандидат исторических наук, ведущий археограф Объединённого государственного архива Челябинской области (г. Челябинск).

Кусмухамбетова Айнура Галимовна – студентка 3 курса направления бакалавриата «История» профиля «Историческое краеведение и музееведение» факультета гуманитарных и социальных наук Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Левшин Павел Львович – соискатель кафедры социальных дисциплин и управления факультета подготовки сотрудников правоох-

ранительных органов Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск).

Лутцев Михаил Вячеславович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Оренбургского государственного аграрного университета (г. Оренбург).

Любарская Полина Михайловна – ученица 5 класса МОАУ «Гимназия № 1» (г. Оренбург).

Любичанковский Сергей Валентинович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург).

Люкшина Ирина Викторовна – кандидат исторических наук, начальник отдела использования и публикации документов Центра документации новейшей истории Оренбургской области (г. Оренбург).

Ляшенко Ирина Эдуардовна – кандидат медицинских наук.

Михарёва Дарья Витальевна – ученица 11 класса МБОУ «Акбулакская средняя общеобразовательная школа № 1» (п. Акбулак Акбулакского района Оренбургской области).

Мишучков Андрей Александрович – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Управления научных исследований Оренбургского государственного университета, докторант РУДН по кафедре истории философии (г. Оренбург).

Могутнов Андрей Валерьевич – кандидат исторических наук (г. Курган).

Могутнов Валерий Петрович – доктор исторических наук, профессор (г. Курган).

Моргунов Константин Алексеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Мосолова Екатерина Вячеславовна – студентка 4 курса специальности «История» факультета гуманитарных и социальных наук Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Мурзакаева Джамия Илгизовна – студентка 4 курса специальности «История» факультета гуманитарных и социальных наук Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Надршин Фарит Мадарикович – старший преподаватель кафедры истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета (г. Оренбург).

Палкин Алексей Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Оренбургского

государственного аграрного университета, научный сотрудник лаборатории исторического степеведения Института степи Уральского отделения РАН (г. Оренбург).

Паршуков Владимир Александрович – независимый исследователь (г. Ульяновск).

Пашов Даниил Александрович – ученик 7 класса МБОУ «Акбулакская средняя общеобразовательная школа № 1» (п. Акбулак Акбулакского района Оренбургской области).

Персиянова Эвелина Валерьевна – главный специалист управления внутренней политики аппарата Губернатора и Правительства Оренбургской области (г. Оренбург).

Потапова Алёна Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета (г. Оренбург).

Потехенченко Надежда Вячеславовна – студентка 1 курса направления бакалавриата «Строительство» архитектурно-строительного факультета Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Проходцев Кирилл Александрович – аспирант НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Рудомётова Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории России Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск).

Савинова Татьяна Николаевна – кандидат исторических наук, библиограф Института степи Уральского отделения РАН (г. Оренбург).

Савицкий Георгий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Отечества Оренбургской государственной медицинской академии (г. Оренбург).

Санюк Сергей Михайлович – ученик 2 класса МОБУ «Основная общеобразовательная школа № 5» (г. Бузулук).

Сафонов Дмитрий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург).

Семёнов Владимир Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой истории Отечества и социально-политических теорий Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург).

Семёнов Олег Владимирович – студент 1 курса направления бакалавриата «Социология» факультета социальной педагогики Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург).

Семёнов Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Семёнова Татьяна Сергеевна – кандидат исторических наук, первый заместитель директора Центра документации новейшей истории Оренбургской области (г. Оренбург).

Сидорова Валентина Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры история Отечества и социально-политических теорий Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург).

Сыровегин Игорь Эдуардович – старший преподаватель кафедры истории и социологии Магнитогорского государственного технического университета (г. Магнитогорск).

Танаев Владимир Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры организации работы с молодёжью Института управления Оренбургского государственного аграрного университета (г. Оренбург).

Тарануха Светлана Анатольевна – студентка 1 курса направления бакалавриата «Менеджмент» факультета экономики и управления Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Тимофеев Александр Олегович – студент 1 курса направления бакалавриата «Машиностроение» профиля «Оборудование и технология повышения износостойкости и восстановление деталей машин и аппаратов» Аэрокосмического института Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Ткаченко Екатерина Игоревна – студентка 1 курса направления бакалавриата «Химическая технология» общего профиля факультета прикладной биотехнологии и инженерии Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Тугай Татьяна Ивановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Устинова Ольга Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета (г. Оренбург).

Уткин Александр Дмитриевич – студент 1 курса направления бакалавриата «Эксплуатация транспортно-технологических машин и комплексов» транспортного факультета Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Халыков Святослав Валерьевич – студент 1 курса направления бакалавриата «Ракетные комплексы и космонавтика» профиля «Ракетостроение» Аэрокосмического института Оренбургского государственного института (г. Оренбург).

Черчаев Андрей Алексеевич – студент 1 курса направления бакалавриата «Строительство» архитектурно-строительного факультета Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Четвериков Сергей Алексеевич – аспирант НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург, *Россия*).

Шведов Игорь Валерьевич – начальник Челябинского филиала Военно-воздушной академии имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина (г. Челябинск).

Шевченко Алёна Павловна – ученица МОАУ «Гимназия № 1» (г. Орск).

Шешукова Галина Викторовна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры связей с общественностью Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Шилкова Олеся – ученица 5 класса МОБУ «Гимназия № 5» (г. Оренбург).

Шурбаев Кайрат Кимерканович – аспирант НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Шутов Сергей Владимирович – аспирант кафедры истории и философии Челябинской государственной агроинженерной академии (г. Челябинск).

Юнусова Айслу Билаловна – доктор исторических наук, профессор, директор Института этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН (г. Уфа).

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>В. П. Ковалевский (г. Оренбург)</i> Приветственное слово	3
<i>Д. А. Сафонов (г. Оренбург)</i> Оренбургское общество и Мировая война	5
<i>В. С. Кобзов (г. Челябинск)</i> С Урала во Францию	15
<i>И. В. Шведов (г. Челябинск)</i> Лётчики Урала на полях сражений Первой Мировой и Гражданской войн	24
<i>Г. В. Шешукова (г. Оренбург)</i> Проблемы войны и мира в теории международных отношений	30
<i>А. Б. Юнусова (г. Уфа)</i> Любовь к Родине – это часть твоей веры. Мусульмане России на страже Отечества	43

Секция 1.

НАРОДЫ ЮЖНОГО УРАЛА В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

<i>Ю. П. Злобин (г. Оренбург)</i> Оренбуржцы в составе Русских экспедиционных сил во Франции в 1916–1918 годах	55
<i>В. Г. Семёнов (г. Оренбург)</i> Командный состав Казанского военного округа в годы Русско-японской войны (1904–1905 гг.)	96
<i>Е. Н. Косцова (г. Оренбург)</i> Организация помощи раненым в госпиталях и лазаретах Оренбургской губернии в годы Первой мировой войны (по документам Государственного архива Оренбургской области)	103

<i>Д. Н. Денисов (г. Оренбург)</i> Помощь Оренбургской епархии РПЦ фронту и тылу в годы Первой мировой войны	110
<i>И. В. Люкшина (г. Оренбург)</i> О некоторых аспектах Первой мировой войны, отражённых в документах ГБУ «ЦДННОО»	142
<i>Г. Г. Губскова (г. Оренбург)</i> Начальная школа в годы Первой мировой войны (на материалах Оренбургской губернии)	148
<i>А. А. Мишучков (г. Оренбург)</i> История священства домовых церквей учебных заведений г. Оренбурга 1914–1916 гг.	154
<i>О. Я. Бахарева, Л. В. Гришакова (г. Оренбург)</i> Первая мировая война в творчестве русских художников	168
<i>Д. Н. Денисов (г. Оренбург)</i> Вклад Оренбургской епархии РПЦ в победу в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.	183
<i>А. Г. Палкин (г. Оренбург)</i> Первый генерал-губернатор Западной Сибири Капцевич П. М.	191
<i>Т. И. Тугай (г. Оренбург)</i> Военная тематика в трудах и переписке членов Оренбургской учёной архивной комиссии	198
<i>А. Н. Потапова (г. Оренбург)</i> Редут Жёлтый Сакмарской пограничной линии	208
<i>Т. С. Семёнова (г. Оренбург)</i> Деятельность комиссии по изучению казачьего вопроса в Оренбургской губернии в 1925 г. (анализ документов ГБУ «ЦДННОО»)	217

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Т. Н. Савинова (г. Оренбург)</i> Члены Военно-научного общества Оренбурга (1920-е гг.)	222
<i>В. Н. Ковин (г. Челябинск)</i> Взгляды М. Н. Фрунзе на роль морального фактора в боевых действиях	226
<i>Ф. М. Надршин (г. Оренбург)</i> Жизнь и судьба мятежного комбрига	230
<i>М. В. Лутцев (г. Оренбург)</i> Две войны (философско-политический анализ ретроспективы российской истории)	235
<i>К. А. Моргунов (г. Оренбург)</i> Евреи Чкаловской области в годы Великой Отечественной войны	250
<i>Е. Г. Богданова (г. Оренбург)</i> Демографические последствия Великой Отечественной войны на Южном Урале	262
<i>С. В. Семёнов (г. Оренбург)</i> Оренбуржцы – Герои Советского Союза в боях за Крым в 1944 году	269
<i>Г. П. Ким (г. Оренбург)</i> Корейцы России – участники I Мировой войны	277
<i>О. Ю. Устинова (г. Оренбург)</i> Деятельность местных органов власти по подъёму аграрного потенциала Чкаловской области в 1946–1953 гг.	282
<i>Э. В. Персиянова (г. Оренбург)</i> Клуб фронтовиков Еврейской национально-культурной автономии Оренбурга	290
<i>К. А. Проходцев (г. Оренбург)</i> К вопросу о проектах реформирования Области Киргизов Оренбургского ведомства в первой половине 60-х годов XIX века	295

К. К. Шурбаев (г. Оренбург)

**Регулярные части Оренбургского края в первые месяцы
Русско-японской войны 1904–1905 гг. 307**

Секция 2.

**ВКЛАД УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА
В ОБОРОНУ СТРАНЫ И ЗАЩИТУ ЕЁ ИНТЕРЕСОВ
ЗА РУБЕЖОМ**

В. А. Кузнецов (г. Челябинск)

**Происхождение и устройство общины Яицкого (Уральского)
казацкого войска 311**

П. Л. Левшин (г. Челябинск)

**Оренбургский пограничный суд – инструмент пограничной
политики в отношениях России с Казахстаном
в конце XVIII века 324**

С. В. Любичанковский (г. Оренбург)

Мобилизация оренбургских войск на Крымскую войну 330

В. В. Дубовицкий (г. Душанбе, Таджикистан)

**Роль оренбургского казачества в присоединении
Средней Азии к России 335**

И. Э. Сыровегин (г. Магнитогорск)

**Военная экспедиция И. Ф. Бларамберга в 1852 году
и её последствия 343**

А. И. Картунов (г. Уфа)

**Вопрос о присоединении мещеряжской деревни Ахуновой
к Оренбургскому казачьему войску 347**

В. Г. Семёнов, О. В. Семёнов (г. Оренбург)

Лобачевские в Оренбургском крае 355

Д. Н. Денисов (г. Оренбург)

**Патриотическое служение Оренбургской епархии РПЦ
во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. 359**

СОДЕРЖАНИЕ

<i>О. Я. Бахарева (г. Оренбург)</i> Первая мировая война в жизни российских и оренбургских немцев	367
<i>И. Э. Ляшенко (г. Оренбург)</i> Сыпной тиф в Оренбуржье периода Первой мировой войны. Историко-медицинские параллели	377
<i>Д. И. Мурзакаева (Оренбург)</i> История Первой мировой войны в изобразительном искусстве	381
<i>В. П. Могутнов, А. В. Могутнов (г. Курган)</i> Южное Зауралье в панораме военных событий	386
<i>С. А. Кусков (г. Челябинск)</i> Военно-мобилизационная работа в г. Челябинске в преддверии двух мировых войн	392
<i>В. А. Паршуков (г. Ульяновск)</i> К истории взаимоотношений оренбургских и енисейских казаков	398
<i>В. А. Сидорова (г. Оренбург)</i> Техническое творчество трудящихся-чкаловцев в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)	406
<i>С. Ю. Васильева (г. Тольятти)</i> Трудовые коллективы лёгкой и пищевой промышленности Южного Урала в преддверии Великой Отечественной войны	413
<i>С. В. Шутов (г. Челябинск)</i> Южно-Уральская железнодорожная магистраль в начале Великой Отечественной войны	419
<i>Н. Н. Ивлев (г. Челябинск)</i> Вклад населения Челябинской области в финансирование фронта в годы Великой Отечественной войны	423

И. В. Рудомётова (г. Челябинск)
**Общественная активность трудовых коллективов
на предприятиях лёгкой и пищевой промышленности
Челябинской области в годы Великой Отечественной войны ...** 433

А. В. Конев (г. Курган)
**Деятельность военных комиссариатов по подготовке призывной
молодёжи в предвоенные годы (на материалах Челябинской
области)** 438

В. М. Танаев (г. Оренбург)
**Ограниченный контингент советских войск в Республике
Афганистан (1979–1989). Миссия пребывания** 442

**Секция 3.
МИРОВЫЕ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ МОЛОДЁЖИ.
СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, СУДЬБЫ**

Л. А. Ковтун, Д. Б. Бисимбенова, Г. В. Савицкий (г. Оренбург)
**Аптечное дело в России накануне и в годы Первой мировой
войны** 449

Н. А. Дзюба, Р. Ф. Игишев (г. Оренбург)
Оренбургское казачество в Первой мировой войне 455

Д. И. Мурзакаева (г. Оренбург)
История Первой мировой войны в изобразительном искусстве ... 460

А. О. Тимофеев (г. Оренбург)
Поле воинской доблести 465

Е. П. Иванова (г. Оренбург)
Поколение победителей 476

Е. В. Кох (г. Оренбург)
Восстановленный боевой путь 489

А. Д. Уткин (г. Оренбург)
«Открыл сапёр ворота – пройдут танки и пехота» 493

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Г. Кусмухамбетова (г. Оренбург)</i> Несущий огонь	499
<i>Н. В. Потехенченко (г. Оренбург)</i> Подвиг	502
<i>С. В. Халыков (г. Оренбург)</i> Мой прадед – артиллерист К. А. Бережинский	505
<i>А. А. Черчаев (г. Оренбург)</i> От тверских болот до снегов Заполярья	508
<i>В. М. Гафарова (г. Оренбург)</i> «Подвиг, который выше сил человеческих...»	511
<i>С. О. Коломников (г. Оренбург)</i> Память о прошлом	513
<i>М. А. Алексенко (г. Оренбург)</i> Великая Отечественная война в истории моей семьи	515
<i>Е. В. Мосолова (г. Оренбург)</i> Свеча памяти	518
<i>Д. И. Агишева (г. Оренбург)</i> Жизни достойный пример	523
<i>С. А. Тарануха (г. Оренбург)</i> Мой односельчанин Елисеев Яков Антонович	524
<i>Е. И. Ткаченко (г. Оренбург)</i> Спасибо, деда, за Победу...	528
<i>Д. А. Пашов (п. Акбулак)</i> Мой прадед – защитник Севастополя!	531
<i>Д. В. Буйнин (г. Оренбург)</i> Страницы фронтового дневника	533

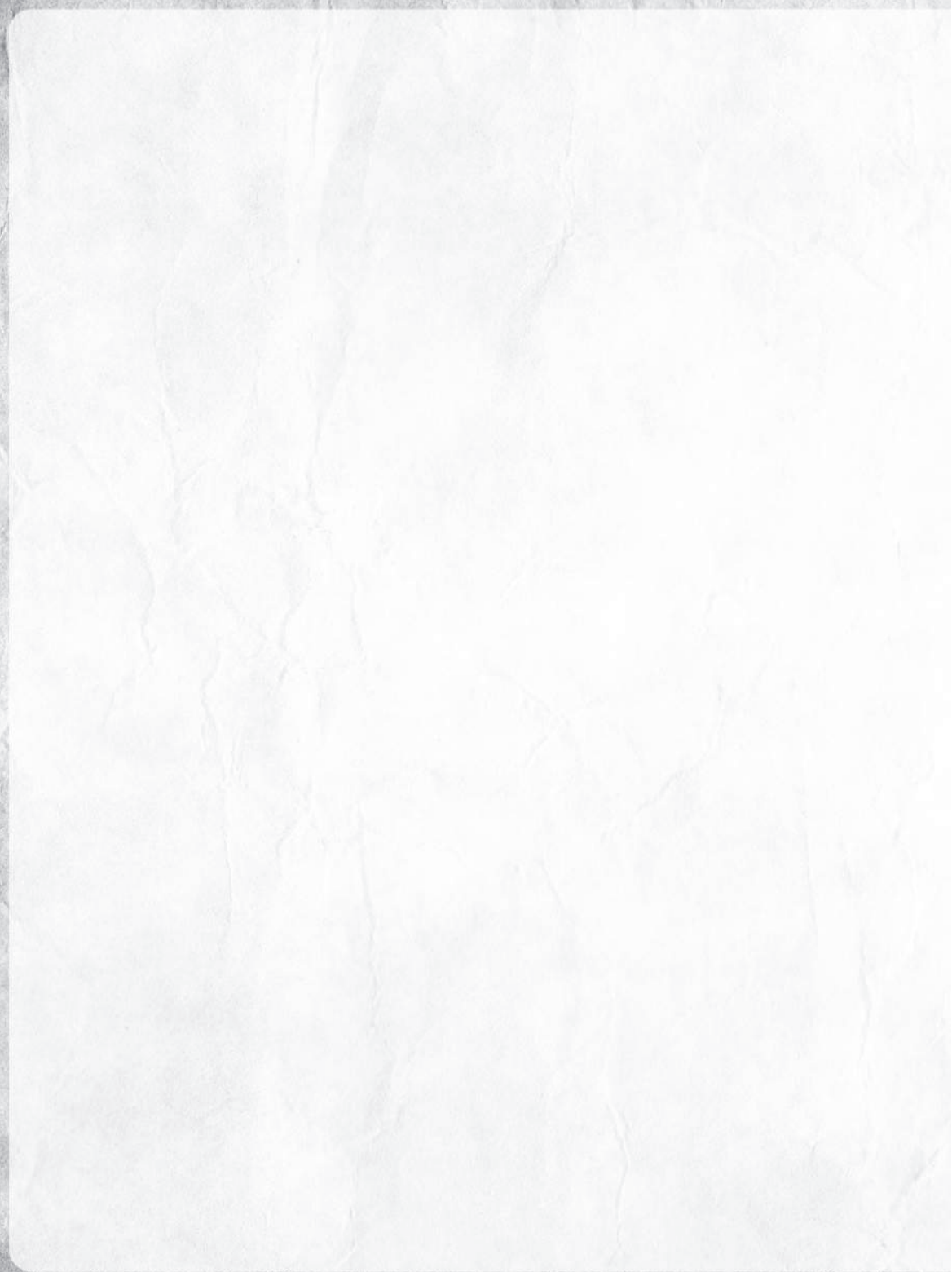
<i>Д. В. Михарёва (п. Акбулак)</i> Последний бой моего прадеда – гвардии сержанта Михаила Фроловича Кудинова	542
<i>С. М. Санюк (г. Бузулук)</i> История моей семьи в истории страны	546
<i>О. К. Балтенкова (п. Акбулак)</i> Непридуманные истории войны	552
<i>П. М. Любарская (г. Оренбург)</i> Человек жив, пока жива о нём память	557
<i>О. Р. Шилкова (г. Оренбург)</i> Горжусь и помню	562
<i>К. Базарова (п. Акбулак)</i> Боевой путь акбулакчан братьев Федосцевых в Великой Отечественной войне	566
<i>Н. В. Егоренко (г. Оренбург)</i> Моя семья в истории Великой Отечественной войны	571
<i>Ю. И. Бочкарева (г. Оренбург)</i> Мои прабабушка и прадедушка	576
<i>А. П. Шевченко (г. Орск)</i> Ты погиб, чтобы жили мы... ..	580
<i>И. Р. Есимбетов (с. Татарская Каргала)</i> Моя семья в истории Великой Отечественной войны	584
<i>В. А. Камнева (г. Оренбург)</i> История одного портрета	588
<i>С. А. Четвериков (г. Оренбург)</i> Ссылные участники польского восстания 1863 года в Оренбургской губернии	592

СОДЕРЖАНИЕ

А. Д. Кокшаров (г. Оренбург)

**Всенародная помощь защитникам Родины
как важное условие стабильности общества 600**

Сведения об авторах 606

Научное издание

НАРОДЫ ЮЖНОГО УРАЛА НА СТРАЖЕ РОДИНЫ

*Материалы Всероссийской научно-практической
конференции, посвященной 100-летию
начала Первой мировой войны
и 440-летию Оренбургского казачьего войска*

ISBN 978-5-4417-0377-2

Формат 100x70¹/₁₆. Бумага писчая.

Усл. печ. листов 39,0. Тираж 500 (1-й завод 120). Заказ 51.

Подписано в печать 05.05.2014 г.

Цена свободная.

ООО ИПК «Университет»
460007, г. Оренбург, ул. М. Джалиля, 6.
E-mail: ipk_universitet@mail.ru
Тел./факс: (3532) 90-00-26